Свт. Димитрий Ростовский

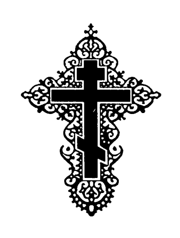
ЖИТИЯ СВЯТЫХ

II

ОКТЯБРЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.



ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ВТОРАЯ

ОКТЯБРЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга вторая. Октябрь. — М.: «Ковчег», 2010. — 624 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-163-1

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ВТОРАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо честı́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

Д е н ь   п е р в ы й

СЛОВО на ПОКРОВ **ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**

В последние тяжкие времена, когда, с умножением грехов наших, увеличились наши бедствия — во исполнение слов святого апостола Павла: *в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями* (2 Кор. 11, 26); когда во исполнение слов Самого Господа восстает *народ на народ, и царство на царство, и наступают глады, моры и землетрясения по местам* (Мф. 24, 7), когда теснят нас нашествия иноплеменников, междоусобные войны и смертоносные раны, — Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Матерь Господня, подает нам в защиту Свой покров, чтобы освободить нас от всяких бедствий, чтобы защитить нас от глада, мора и землетрясения, спасти от войн и ран и сохранить нас невредимыми под Своим покровом. Знамение этого явилось в царственном городе Константинополе, в правление благочестивого царя Льва Мудрого[1], в преславной церкви Пресвятой Богородицы, что во Влахернах[2]. Там во время совершения всенощного бдения, в день воскресный, 1 октября[3], в четвертом часу ночи, в присутствии многочисленного народа,

---

[1] *Лев VI Мудрый* — Византийский император с 886 по 912 год.

[2] *Влахерны* — местность в Константинополе на западном углу города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями.

[3] Знамение это было в первой половине X века, в конце жизни святого Андрея Юродивого († около 936 г.). Самый праздник Покрову Богоматери установлен в Церкви Русской не позднее половины XII века. Замечательно, что видение было

святой Андрей, Христа ради юродивый[1], возвел очи свои вверх и увидел Царицу небесную, покровительницу всего мира, Пресвятую Деву Богородицу, стоящую на воздухе и молящуюся, сияющую солнечным светом и покрывающую людей Своим честным омофором. Видя то, святой Андрей сказал ученику своему, блаженному Епифанию[2]:

— Видишь ли, брат, Царицу и Госпожу всех, молящуюся о всем мире?

Епифаний ответил:

— Вижу, святой отче, и ужасаюсь[3].

Как некогда святой Иоанн Богослов видел на небе великое знамение, жену, облеченную в солнце, так и святой Андрей, во Влахернской церкви, подобной небу, увидел Невесту неневестную, одетую в солнечную порфиру. Знамение, виденное Иоанном Богословом, прообразовало премилосердную Покровительницу нашу, так как таковое же знамение явилось в то время, когда была открыта тайновидцу угрожавшая всей твари гибель: *и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град. И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце*[4] (Откр. 11, 19; 12, 1). Почему же

святому Андрею — славянину родом и праздник установлен и совершается в славянских землях. В самом же Константинополе хотя не было этого праздника, но помнили видение святого Андрея. Во Влахернской церкви была икона Божией Матери в том виде, как Она явилась святому Андрею.

[1] Память его совершается Церковью 2 октября.

[2] *Епифаний* — знатный юноша, ученик святого Андрея, по мнению некоторых, — впоследствии принявший иночество с именем Полиевкта и бывший Константинопольским патриархом († 956 г.). Память его — 5 февраля.

[3] Сказание о Покрове Пресвятой Богородицы заканчивается следующими подробностями. Когда святой Андрей с Епифанием созерцали это дивное видение, Богоматерь молилась на долгий час, обливая слезами Свое Боговидное и пречистое лицо. Окончив здесь молитву, подошла к престолу, молилась и здесь за предстоящий народ. По окончании молитвы сняла с Себя блиставшее наподобие молнии великое и страшное покрывало, которое носила на пречистой главе Своей и, держа его с великой торжественностью Своими пречистыми руками, распростерла над всем стоящим народом. Чудные эти мужи довольное время смотрели на это распростертое над народом покрывало и блиставшую наподобие молнии славу Господню; и доколе была там Пресвятая Богородица, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее сделалось и оно невидимо. Но взяв его с Собой, Она оставила благодать бывшим там.

[4] Под образом апокалипсической жены, облеченной в солнце, большинство разумеет Церковь, а под солнцем — Иисуса Христа. В то же время эта жена мог-

Покров Пресвятой Богородицы

это знамение, прообразовавшее Пречистую Деву, не являлось раньше молний, громов, голосов, землетрясения и града, когда еще все стихии были спокойны, но во время самого страшного смятения на небе и на земле? Для того, чтобы показать, что Преблагая Защитница наша поспешает к нам на помощь в самое тяжкое время, при наступлении для нас гибели, и защищает нас от блеска обольстительной, недолго сияющей, мирской суеты, от голосов житейской гордости и тщеславия, от громов внезапного нападения врагов, от бури страстей и от града свыше угрожающей нам казни за грехи. Ибо, когда все эти бедствия теснят нас, тотчас, подобно великому знамению, является скорая роду христианскому Помощница, охраняя и покрывая нас невидимым предстательством. Таковое *знамение дал* Господь *боящимся* Его *еже убежати от лица лу́ка* (слав. Пс. 59, 6); ибо в этом мире мы поставлены как бы целью для стреляния. Стрелы летят на нас со всех сторон: одни — от оружия врагов видимых, поспешно напрягающих лук свой и похваляющихся пред нами в своей гордости; другие — из лука врагов невидимых, чтобы мы со скорбью сознались, что не можем выносить бесовских стрел; иные — от нашей плоти, противоборствующей духу; иные — от лука праведного гнева Божия и грозы наказания, как об этом святой Давид говорит: *если [кто] не обращается. Он изощряет Свой меч, напрягает лук Свой и направляет его, приготовляет для него сосуды смерти, стрелы Свои делает палящими* (Пс. 7, 13–14). Чтобы мы не были смертельно уязвлены всеми этими стрелами и могли избежать опасности, дано нам знамение — покров Пречистой Преблагословенной Девы. Покрываемые как щитом Ее покровом, мы остаемся невредимыми от стрел. Ибо наша Защитница имеет тысячу щитов для нашей охраны, как об этом говорит ей Дух Святой: *шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных*[1] (Песн. 4, 4).

ла изображать собой облеченную в Божественную, небесную славу Пресвятую Богородицу.

[1] Столп Давидов, увешанный победоносными военными орудиями и щитами, прообразовал собою Пресвятую Богородицу, о чем речь далее. Об этом знаменитом столпе Давидовом ничего более неизвестно из Священного Писания, кроме того, что он был воздвигнут на какой-то горе и что он создан в Фалпиофе, каковое наименование обозначает собой также укрепления.

Некогда Давид создал свой, прекрасный и высочайший, столп между Сионом, стоящим на высокой горе и расположенным ниже Иерусалимом, называвшимся дщерью Сиона[1]. И был тот столп между ними, как бы шея между телом и головой, ибо он своей высотой превосходил Иерусалим и достигал до Сиона. На том столпе были повешены щиты и все оружия, необходимые для войны и защиты Иерусалима. Дух Святой уподобляет Пречистую Деву этому столпу Давидову: ибо Она, будучи дщерью Давидовой, является посредницей между Христом, Главой Церкви, и верующими, кто составляют тело Церкви; Она превосходит Церковь, потому что поистине выше всех ее членов, но Она досягает и до Христа, как давшая Ему плоть. Она является посредницей и ныне, когда стала на воздухе между небом и землей, между Богом и людьми, между Подвигоположником — Христом и воинствующей церковью, подобно Давидову столпу между Сионом и Иерусалимом, увешанному крепкими щитами. Щиты эти означают всесильные Ее молитвы за нас к Богу, слышанные достойными во время видения Ее честнóго Покрова. Она молилась с умилением, как Матерь к Своему Сыну и Творцу, произнося во время молитвы следующие, исполненные Божественного милосердия и любви, слова:

— Царю небесный! Приими всякого человека, прославляющего Тебя и призывающего пресвятое имя Твое на всяком месте, — и где есть память о имени Моем, то место освяти; прославь прославляющих Тебя и с любовью почитающих Меня, Твою Матерь, принимая от них всякую молитву и благочестивые обеты и избавляя их от всяких зол и бедствий.

Таковые Ее молитвы не суть ли щиты, защищающие воинствующую Церковь? Воистину они — несокрушимые щиты, при помощи которых мы можем угасить все огненные стрелы[2].

---

[1] *Сион* — юго-западная, самая обширная и высокая из четырех возвышенностей, на которых построен Иерусалим, почиталась у евреев священной и первоначально служила религиозным центром и твердыней Иерусалима. Поэтому Писание часто именует Иерусалим дщерью Сионовой, например, см.: Пс. 9, 15; Ис. 1, 8; 67, 11; Плач. 6, 23; Мф. 21, 5.

[2] То есть различные земные обстояния и искушения, в особенности же огненные стрелы лукавого, нападения со стороны диавола, — этого исконного, страшного врага рода человеческого, попаляющие нас как бы смертоносным огнем.

Святой Амвросий о столпе Давидовом говорит[1], что он был создан с двоякой целью: для защиты города и для украшения его. «Давид, — говорит Амвросий, — создал столп, для защиты и украшения города: защитой он был, потому что со столпа можно издали видеть врага и прогнать его от города, украшением — потому что он превосходил своей высотой все высокие здания Иерусалима». Не напрасно, поэтому, уподоблена столпу наша Покровительница, Которая для нас есть твердый столп пред лицом врагов: поистине Она защищает нас и украшает. Защищает, когда далеко прогоняет от нас видимых и невидимых врагов, когда освобождает пленных от уз, когда избавляет мучимых нечистыми духами, когда утешает скорбящих, является заступницей обижаемых и тихой пристанью для гонимых бурей, когда питает алчущих и посещает больных. Она украшает нас, покрывая пред Богом постыдную наготу нашей жизни Своими высочайшими заслугами, как драгоценнейшими одеждами, и премногой благодатью, как неистощимым сокровищем, восполняя нашу скудость, делает нас благоугодными пред очами Господними. Она украшает, когда покрывает нас, не имеющих брачного одеяния, Своей ризой и делает как бы невидимой для Всевидящего Ока постыдную наготу нашу душевную, которая искони была прообразуема землей невидимой и неустроенной, покрытой водами (см.: Быт. 1, 1–2). Земля неустроенная и пустынная была прообразом грешной души, утратившей свою духовную красоту, лишенной добрых дел и чуждой благодати Божией. Воды же, покрывавшие неустроенную землю, прообразовали милосердие Богородицы, неисчерпаемое как море и, подобно многоводным рекам, на всех изливающееся и всех покрывающее. Когда Дух Божий носился над водами, то носился и над землей, скрытой под водами и не украшенной, как бы не видя ее неблагообразия. Это таинственно прообразовало, что и душа, покрываемая премилостивым покровом Девы Богородицы, если и не будет украшена добродетелями, не лишится благодати Святого Духа, ибо покров Пресвятой Богородицы покроет ее неблагообразие, как вода покрывала неустроенную землю, а равно украсит ее благолепием своей благодати и привлечет к ней Святого

---

[1] В беседе на Пс. 119. *Амвросий Медиоланский* (Миланский, в Италии), — знаменитейший отец Западной Церкви и христианский писатель IV века († 397 г.). Память его совершается 7 декабря.

Духа. Пречистая Дева украшает нас, когда грешных делает праведными, а нечистых — чистыми, как об этом говорит блаженный Анастасий Синаит[1]: «Волхвов Она делает апостолами и мытарей евангелистами, а блудных — достойными большего почета, нежели дев». Так, Марию Египетскую[2], бывшую некогда блудницей, Она сделала ныне почетнейшей многих дев; та, которая прежде была омраченной и нечистой, ныне сияет, как солнце, в Царстве Христовом — по заступничеству Пречистой Девы Марии, пребывающей покровом и украшением для всех прибегающих к Ней. Украшает Она и весь духовный Иерусалим, или Христову Церковь, которая так воспевает в нынешний день: «О чудное украшение всем верным еси, пророческое сбытие, апостолом слава и мучеником удобрение, девству похвала и всему миру предивный покров»[3].

На столпе Давидовом вместе со щитами были стрелы защитников страны: и Пречистая Дева, одушевленный столп, также имеет при Себе стрелы сильных, то есть молитвы святых, молящихся с Ней. Ибо не одна Она явилась во храме стоящею на воздухе, но с ангельскими воинствами и со множеством святых, благоговейно окружавших Ее в белых одеждах. Молитвы за нас всех этих святых суть как бы стрелы сильных, могущие прогнать все полчища врага нашего — диавола. Пречистая Госпожа Богородица знает, что наша жизнь на земле есть война: воюет против нас враг со всеми своими силами; он воздвигнул против нас свои полчища и окружил нас своими легионами по слову псалмопевца: *Ибо псы окружили* нас, *скопище злых обступило* нас, *раскрыли на* нас *пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий* (Пс. 21, 17; 21, 14). Потому-то небесная Царица, восхотев помочь нам, воздвигла на врага нашего все силы небесные, призвала пророков и апостолов, собрала мучеников и девственников, соединила преподобных и праведных и явилась с ними оказать нам помощь, окружить нас сильным воинством и подать нам победу на врагов: «Тою бо воздвижутся победы, Тою низпáдают врази»[4]. Она пришла с ангельскими воинствами, ибо Она была предувиденной

---

[1] *Преподобный Анастасий*, игумен Синайской горы († около 685 г.; память его — 20 апреля), в своих «Анагогических созерцаниях» шестоднева, кн. 8.

[2] Память ее совершается 1 апреля.

[3] Служба Покрову Богородицы, 3-я стихира на «Господи, воззвах».

[4] Акафист, икос 2.

Иаковом лествицей[1] (см.: Быт. 28, 12–15), которую окружает множество Ангелов. Вспоминая здесь лествицу Иакова, кто-нибудь мог бы удивиться: почему Ангелы не оставались на ней неподвижно, но непрерывно восходили и нисходили? Уразумев же, что та лествица была прообразом Девы Марии, по слову церковной песни: «радуйся мосте, к небесем преводяй, и лествице высокая, юже Иаков виде»[2], — он поймет, почему Ангелы не оставались на лестнице неподвижными. Ибо «в молитвах неусыпающая Богородица»[3] повелевает Ангелам вместе с Ней непрестанно помогать людям: восходя к Богу, возносить молитвы людей, а нисходя — приносить им от Бога помощь и благодеяния. Та же лествица и ныне низвела с Собой множество Ангелов с небес, принося нам свыше покровительство и защиту. Она пришла с Ангелами, чтобы заповедать им — сохранить нас на всех путях наших; Она привела с собой сонмы всех святых, чтобы, совершив за нас совместное моление, совместно принести и наши грешные молитвы к Сыну Своему и Богу нашему. Между всеми святыми, явившимися во храме с Пречистой Девой, были два избраннейшие: святой Иоанн Предтеча, коего *из рожденных женами не восставал больший* (Мф. 11, 11), и святой Иоанн Богослов, *которого любил Иисус и который на вечери* приклонился *к груди Его* (Ин. 21, 20). Их обоих, как имеющих великое дерзновение пред Богом, наша Молитвенница воздвигла с Собой, чтобы вместе с ними скорее преклонить Бога на милость, ибо *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5, 16). И стала Пречистая Дева между двумя девственниками, как бы *кивотом* между двумя Херувимами[4], как пре-

---

[1] «Господь, — говорит по поводу этого прообраза святой Иоанн Дамаскин, — соорудил Себе одушевленную лествицу (лестницу — *ред.*), которой основание утверждено на земле, а верх касается самого неба, и на которой утверждается Бог. Лествица духовная, то есть Дева, утверждена на земле: потому что Она родилась на земле; глава Ее касалась неба: потому что глава Ее был Бог и Отец».

[2] Служба Благовещению, стихира 1 на «Господи, воззвах».

[3] Выражение кондака Успению Пресвятой Богородицы.

[4] Богоматерь справедливо уподобляется кивоту. В Ветхом Завете в Скинии, а после в храме Иерусалимском находилось внутреннее святилище, «Святое Святых», доступное одному лишь первосвященнику, и то лишь один раз в год. В этом святилище хранился *кивот завета* — ящик, покрытый золотом внутри и снаружи, вмещавший в себе самые священные для богоизбранного народа предметы. По бокам его осеняли «Херувимы славы», золотые изображения этих высших и бли-

стол Господа Саваофа между Серафимами, как Моисей с простертыми дланями между Аароном и Ором; тогда пал адский Амалик со всем темным царством и с силой своей[1] (см.: Исх. 17, 11–14).

Итак, мы празднуем Покров Пресвятой Богородицы Девы, воспоминая Ее преславное явление во Влахернском храме, виденное святым Андреем и Епифанием. Мы празднуем, вознося благодарение Покровительнице нашей за столь великое милосердие Ее, явленное роду христианскому, и прилежно молим Ее, дабы Она и ныне и всегда милостиво покровительствовала нам, ищущим Ее покрова. Молим потому, что без Ее покрова нам, постоянно прогневляющим Бога, невозможно было бы жить. Многократно согрешая, мы подпадаем и многим наказаниям по слову псалмопевца: *Много скорбей нечестивому* (Пс. 31, 10). Мы погибли бы уже за свои беззакония, если бы за нас не предстательствовала премилостивая Владычица: «Аще бо не бы предстояла молящи» эта Предстательница: «кто бы нас избавил от толиких бед, кто же бы сохранил доныне свободны?»[2]. Пророк Исаия советует иудеям: *укройся на мгновение, доколе не пройдет гнев* (Ис. 26, 20). Но где можно укрыться от гнева Господня? Во время страданий мы нигде не нашли покрова для защиты, кроме единой Владычицы мира, Которая говорит о Себе устами Духа Святого, что

жайших к Богу небесных Сил. Этот кивот и прообразовал Божию Матерь, вместившую в Себе Самого Бога, почему и воспевается Церковью «одушевленным Божиим кивотом» (канон Благовещению, песнь 9). Как неотступная молитвенница за род человеческий пред престолом славы, Она является для нас кивотом, окруженным сонмом херувимских сил, охраняющих нас своими молитвами от всяких бед и обстояний.

[1] Во время странствования своего по пустыне Аравийской израильтянам пришлось вступить при Рефидиме в сражение с хищническим кочевым народом — амаликитянами. Моисей, Аарон и Ор взошли на вершину холма. И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал их, одолевал Амалик. Когда же руки Моисеевы отяжелели, тогда посадили его на камень, а Аарон и Ор поддерживали руки его, которые и были подняты до захождения солнца. Тогда израильтяне, во главе с Иисусом Навином, низложили Амалика и народ его погубили острием меча. — Поднятие при этом рук Моисея изображало образно для Израиля силу молитвы. Смысл сравнения понятен: в молитвах неусыпающая Богородица, силой их, как бы поддерживаемая святыми Иоанном Предтечей и Иоанном Богословом, низлагает, подобно Моисею, невидимого врага христиан — диавола со всеми его силами, нападающего на нас в этом мире, уподобляющемся пустыне.

[2] Из тропаря на малом освящении воды.

Она, *яко мгла,* покрыла *землю*[1] (слав. Сир. 24, 3). Подлинно, мы укрываемся под покровом Той, Которая, как мгла, покрыла землю. Но почему же, о пречестнейшая Дева Богородице, Ты уподобляешь Себя столь недостойной вещи, мгле? Разве у Тебя нет для уподобления солнца, луны и звезд, тем более что о Тебе сказал Премудрый с удивлением: *Кто эта, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце?*[2] (Песн. 6, 10). Какую же красоту имеет мгла, что Ты не гнушаешься уподобляться ему? Тайна эта ясна: когда облако сгущается над землей и покрывает ее, тогда все звери невредимы от ловцов, ибо никто не может поймать их. Потому-то и Пречистая Дева называет Себя мглою: Она скрывает нас от ловцов. Мы же, грешные, согласно рассуждению Златоуста[3], по своему бесчеловечию — скоты и звери: мы угождаем чреву как медведи, утучняем плоть как лошаки, злопамятны как верблюды, похищаем как волки, гневаемся как змии, жалим как скорпионы, коварны как лисица, носим в себе яд злобы как ехидна. Таких зверей, как мы, преследуют различные ловцы: постигает нас праведный гнев Божий, наказывая за дурные начинания, по слову: *Бог отмщений, Господь, Бог отмщений, не обину́лся есть* (слав. Пс. 93, 1). Постигают нас и беззакония наши, так что каждый из нас может сказать: *постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу* (Пс. 39, 13). Преследует нас и невидимый враг: *Он стал для меня как бы медведь в засаде, [как бы] лев в скрытном месте* (Плач. 3, 10). Угрожает нам и видимый враг. Он говорит: *погонюсь, настигну, разделю добычу; насытится ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя* (Исх. 15, 9). Но мы имеем дерзновение, мы имеем мысленную мглу, покрывающую нас, —

---

[1] Богородица вообще и в Писании, и в церковных песнопениях именуется *облаком* (мглою): из Нее «возсия нам солнце праведное»; во-вторых, потому что она «источает жаждущим воду живу оставления» (грехов) и одождила нам «тучу нетления Христа», в-третьих, потому что Она Своим Божественным покровом и теплым предстательством покрывает и ограждает нас от всяких зол и напастей.

[2] Этот пророческий прообраз не ограничивается лишь этим смыслом. Как утренняя заря, рассеивающая ночной мрак, предшествует лучезарному солнцу, заимствуя от него свой свет; так и Пресвятая Дева непосредственно предварила «Солнце правды» — Христа и от Него получила Свою славу Богоматери. С рождением же Христа исчезла тьма идолопоклонства и многобожия и настал невечерний день Боговедения и благочестия.

[3] Беседа 3 к антиохийскому народу.

Пречистую Деву Марию. На Нее мы уповаем, к Ней прибегаем; под Ее покровом и влас главы нашей не погибнет, лишь только мы с умилением воззовем: покрой нас покровом Твоим, Покровительница наша, Пречистая Дева: «в день зол наших покрой нас!» (ср.: Пс. 26, 5). Но все дни нашей жизни бедственны, как некогда сказал патриарх Иаков: *малы и несчастны дни жизни моей* (Быт. 47, 9). Особенно бедственны те наши дни, в которые мы видим зло и сами творим много зла, *собирая себе гнев в день гнева*[1] (Рим. 2, 5). Все эти бедственные наши дни требуют Твоего милостивого покрова, о Пресвятая Дево! Покрывай же нас во все дни жизни нашей, и особенно в день лютый, когда душа будет разлучаться с телом. Предстани нам с помощью Твоей и сокрой нас от воздушных духов злобы поднебесной, а в день страшного суда сокрой нас в тайниках Твоего покрова! Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА **АНАНИИ**

Святой апостол Анания, один из семидесяти, был епископом в городе Дамаске[2]. Он известен тем, что совершил крещение над апостолом Павлом. Однажды ему явился в видении Господь и сказал ему:

— Встань и пойди на улицу, так называемую прямую, и спроси в Иудином доме тарсянина[3], по имени Савла; он теперь молится.

Анания отказывался от этого, зная, сколько зла причинил Савл иерусалимским христианам и что он пришел в Дамаск с намере-

---

[1] В день гнева, то есть второго пришествия Христова и последнего страшного суда.

[2] *Дамаск* — главный, богатейший торговый город Сирии, один из древнейших во всем мире; лежит к северо-востоку от Палестины, при реке Бараде, протекающей чрез него, в прекрасной и плодоносной равнине, при восточной подошве Антиливана.

[3] *Тарс* — большой населенный город Киликии (юго-восточная провинция Малой Азии), в южной части ее, в плодоносной равнине при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море. И ныне это — еще довольно значительный торговый город.

нием заключить в узы всех, исповедующих имя Господа Иисуса Христа. Господь же увещевал Ананию, говоря:

— Иди, ибо Савл избран Мной, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми, и Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое.

Следуя Божественному повелению, Анания пошел к Савлу и, возложив на него руки, сказал:

— Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа!

Савл тотчас прозрел, и Анания крестил его. Спустя некоторое время, когда иудеи согласились между собой умертвить Павла за то, что он из гонителя стал проповедником имени Христова, Анания, вместе с прочими учениками Христовыми, спустил его по городской стене[1] (см.: Деян. 9, 10–25) в корзине. Сам же Анания, входя в иудейские сонмища[2], смело проповедовал имя Господне. И не только иудеям, но даже и язычникам благовествовал он веру Христову. Из Дамаска он пошел в Елевферополь[3] и там, указывая народу путь ко спасению и исцеляя больных, обратил многих к вере во Христа.

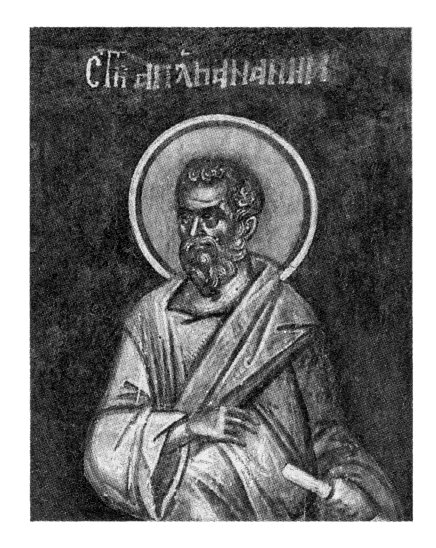
В те дни в Елевферополе был правителем Лукиан, поклонявшийся твари, а не Творцу. Диавол возбудил его против христиан и внушил ему разослать по всей своей области такой указ:

— Если кто-нибудь окажется почитающим Христа и поклоняющимся Распятому, того повелеваем предать смертным мучениям;

[1] Среди других памятников древности, Дамаск доселе сохраняет в себе место обращения святого апостола Павла к вере Христовой, так называемую прямую улицу, дом Иудин, где ему возвращено было зрение и преподано крещение, и дом апостола Анании, а также — место, откуда он спущен был по стене и таким образом, избежал своих гонителей.

[2] *Сонмища*, или *синагоги* (с греческого — *собрания*), — места религиозных собраний иудеев, представлявшие собою открытые здания для совершения общественного богослужения и поучений, для решения спорных церковных вопросов, ведения судебных дел; эти здания служили также местами собраний для прений, школами для детей и библиотеками. Учреждение синагог восходит ко временам вавилонского плена.

[3] *Елевферополь* — город в Южной Палестине, на дороге между Иерусалимом и Газою. В настоящее время здесь расположено селение, лежащее при выходе из равнины Сефельской в нагорную землю Иудину. Недалеко от него лежат развалины древнего Елевферополя.



кто же, отрекшись от Христа, принесет жертву бессмертным богам, тот будет удостоен нами даров и почестей.

Когда было издано такое злое и коварное повеление, святой Анания просвещал в той области людей проповедью Евангелия и врачевал в людях всякие болезни; с ним пребывал Господь, творя чрез него многие чудеса. Идолопоклонники схватили Ананию и привели к правителю Лукиану, который различными средствами стал принуждать его к принесению жертвы идолам. Но Анания не послушал его и отвечал:

— Не поклонюсь лживым богам, я поклоняюсь Единому истинному Господу Богу моему, Иисусу Христу: я видел Его очами своими и с Ним из уст в уста беседовал — не только тогда, когда Он жил на земле, как человек, но по вознесении Его на небеса. Ибо, когда я находился в Дамаске, Он Сам явился мне и послал меня исцелить Савла, которого дивной Своей премудростью и силой обратил к познанию истины. Он нас всех избавил от власти диавола и привел к Отцу Своему. Итак, я поклоняюсь Ему, а не бесам, желающим погубить весь род человеческий.

Тогда правитель стал угрожать Анании муками, если он не исполнит приказанного ему; но тот, как непоколебимый столп, был тверд в исповедании Христа. Воздев к небу руки свои, он сказал:

— Господи Иисусе Христе, Сын благословенного Отца! Внемли молитве моей и удостой меня участи блаженных апостолов в будущей жизни. Как спас Ты Савла Своим светом, так спаси и меня от руки этого нечестивца, сопротивляющегося истине: да не исполнится на мне его воля, да не уловит он меня сетями коварства своего; не лиши меня и Царства небесного, уготованного всем любящим путь истины Твоей, указанный Тобой, и сохраняющим заповеди Твои!

Не вынося более речей Анании, правитель повелел положить его на землю и бить. В то время, как служители нещадно били святого, глашатай кричал:

— Послушай правителя, не противься его повелению, принеси жертву богам, которым поклоняется весь мир.

Когда же святого перестали бить, правитель сказал ему:

— По крайней мере теперь пожалей себя и, послушавшись меня, отрекись от Распятого, чтобы не подвергнуться от меня еще более тяжким мучениям.

На это святой Анания отвечал:

— Что я сказал тебе сначала, то не перестаю повторять и теперь: и отрекусь от Бога моего и не преклонюсь пред бездушным камнем и деревом, коих вы почитаете за богов.

Видя, что святой непреклонен, правитель велел терзать его тело железными когтями и жечь свечами его раны. Но святой, претерпевая мучения, возводил на небо очи свои и усердно молился. После этой пытки мучитель сказал:

— Доколе ты будешь упорствовать? Ужели не пожалеешь себя и не поклонишься великим богам? Ужели тебе приятнее претерпевать бесполезно эти страдания за какого-то Христа, распятого иудеями, чем быть невредимым и здоровым? Клянусь, что не выпущу тебя живым из своих рук, если еще будешь так упорствовать!

Святой отвечал:

— Делай, что хочешь, враг Божий и друг диавола, — ведь ты уже много раз слышал от меня, что я не поклонюсь богам твоим, но буду поклоняться только Единому Богу — Отцу, Сыну и Святому Духу, Творцу неба и земли и всего, что в них находится. В Него я уверовал, и Он дал мне силу целый день твердо стоять пред тобой и мужественно претерпеть эти муки. Зачем тебе еще более причинять себе хлопот? Ведь ты слышал, что я не хочу повиноваться твоей воле; делай же скорее то, что ты замыслил!

Возгоревшись яростью, мучитель повелел народу взять святого Ананию, вывести его из города и побить камнями. Беззаконные слуги мучителя, взяв его, повели на место казни и побили камнями, как нового Стефана[1]. Он же громко воскликнул:

— Господи Иисусе Христе! Предаю в руки Твои дух мой.

---

[1] То есть подобно тому, как незадолго пред этим евреи за исповедание Христа побили камнями первомученика христианского, святого архидиакона Стефана (см.: Деян. 7, 59).

Так он скончался, после всех мучений, и перешел в небесные обители. Народ, увидев, что он уже умер, оставил его не погребенным и разошелся. В то время случайно проходили там некоторые христиане из Дамаска; они взяли святое тело апостола Христова, с честью перенесли его в Дамаск и похоронили в отечественном его городе[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
РОМАНА СЛАДКОПЕВЦА

Святой Роман был родом из Сирии, воспитание получил в городе Эмесе[2] и с юных лет начал угождать Богу, ведя жизнь девственную и целомудренную. Сначала он был пономарем[3] в одной из церквей города Берита[4], а потом, в царствование императора Анастасия[5], удалился в Константинополь и служил при Кировой[6] церкви

---

[1] Впоследствии мощи святого апостола Анании были перенесены в Константинополь, где покоились еще в начале XIII века; около 1200 года их видел русский паломник инок Антоний.

[2] *Эмеса* — город в Сирии на восток от реки Оронта, впадающей на северозападе Сирии в Средиземное море.

[3] *Пономарь*, или правильнее: *парамонарь*, — приставник для охранения храма и священных мест и наблюдения за их чистотой; на его же должности, по уставу церковному, полагалось: звонить к богослужению, зажигать и гасить богослужебные светильники, приготовлять и подавать кадильницу.

[4] *Берит* — нынешний *Бейрут* — древний город Финикии на берегу Средиземного моря, в V веке процветал и славился своей высшей школой риторики, поэтики и права; ныне — главный административный город Азиатско-Турецкой Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья, с населением до восьмидесяти тысяч жителей.

[5] *Анастасий I* — Византийский император с 491 по 518 год.

[6] Кир — знаменитый поэт и префект столицы при императоре Феодосии Младшем, потом епископ Смирнский и песнопевец Православной Восточной Церкви († 470 г.) — подарил столице памятник вкуса и благочестия своего — великолепный храм Богоматери, который от него и получил свое наименование и после него назывался Кировым. Впоследствии при храме этом возникла обитель. Был ли монастырь при Кировом храме во время Романа — неизвестно; но греческий подлинник жития его дает понять, что Роман не только служил при Кировом храме, но и жил в зданиях, принадлежавших этому храму.

в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Здесь он проводил жизнь в посте и молитвах, утруждая тело свое многочисленными подвигами и всенощным бодрствованием. С вечера он уходил во Влахерны и там всю ночь стоял на молитве, а потом возвращался обратно. Затем он был поставлен пономарем к храму святой Софии[1]. Святой Роман не знал грамоты, но был благоискусен в добрых делах, которыми превосходил премудрых книжников; разумом своим он стремился к Богу, гораздо больше тех, кто ищет премудрости века этого. Ибо он был одним из тех, о которых сказал апостол: ***бу́яя мира избра́ Бог, да премудрыя посрамит*** (слав. 1 Кор. 1, 27)[2]. За добродетельную жизнь полюбил его патриарх Евфимий[3] и, видя, как он трудится в храме и с каким усердием проходит свое послушание, давал ему равную часть с клириками[4]. Клирики же роптали на патриарха, говоря:

— Невежду ты поставил наравне с нами!

Они возненавидели Романа и стали строить ему козни. Однажды, в навечерие праздника Рождества Христова, когда в церковь пришел царь, Роман же ставил светильники в церкви, клирики, схватив его,

---

[1] Главный великолепный собор Константинополя во имя Софии — Премудрости Божией, первоначально создан Константином Великим. Впоследствии этот собор был великолепно возобновлен и расширен императором Юстинианом Великим в 537 году; в 1453 году, по взятии Константинополя турками, обращен в мечеть. Юстиниановский храм святой Софии представляет и поныне замечательнейший, величественнейший памятник христианской архитектуры византийского стиля, самой цветущей эпохи его развития.

[2] Это потому, что премудрость человеческая, предоставленная только себе, не привыкнув прислушиваться к голосу откровения и разума Божия, впадает в заблуждения, отвергает высокие, спасительные истины, о всем судит кичливо и разрушительно. Напротив, *буйство о Христе* ничего не испытывает, а все смиренно принимает верой, оно кажется безумием в глазах мира этого, но оно-то и есть истинная премудрость, которая, по апостолу, *во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна* (Иак. 3, 17). Эта премудрость некнижных делает премудрее ученых мира сего.

[3] *Святой Евфимий* — патриарх Константинопольский с 490 по 496 год.

[4] Под клириками здесь разумеются церковнослужители, посвященные на то через особое архиерейское благословение, через так называемый церковный обряд «хиротесии» — чтецы и певцы. Очевидно, что святой Роман до того времени не принадлежал к их числу.

потащили на амвон[1], говоря: «Ты получаешь равную с нами часть — пой же, как и мы, на амвоне хвалебную песнь Богу».

Так поступили они по зависти, желая посрамить его, ибо знали, что он не разумеет Писания и не может этого исполнить. Претерпев такое унижение от клириков при царе и при всем народе, бывшем в церкви, Роман почувствовал стыд и плакал. По окончании службы, когда все вышли из церкви, он пал ниц перед иконой Пресвятой Богородицы, горько плача и молясь. Проведя долгое время в плаче и молитве, святой Роман встал и пошел в дом свой и, не вкусив от печали пищи, забылся сном. И вот во сне явилась ему Пресвятая Владычица наша Богородица, утешение всех скорбящих, держа в руке небольшой книжный свиток[2], и сказала Роману тихим голосом:

---

[1] *Амвон* (с греческого — *возвышение*) начинается от средины другого предалтарного возвышения — солеи и выступом выдвигается вперед в храм. В древних церквах амвоны значительно выдвигались над солеей, и на них вели даже иногда лестницы. Амвоны предназначались прежде не только для проповеди и молитв священнослужителей, но и для певцов и чтецов, принявших священное пострижение, чтобы они удобнее были видимы и слышимы молящимися, впоследствии для этого устроены клиросы. Но низшие непосвященные церковнослужители не имели даже права входить на амвон.

[2] По-гречески — κοντάκιον, то есть тонкий сверток исписанного с обеих сторон пергамента; этим именем назывались, в частности, свертки с церковными песнями или службами.

— Открой уста!

Когда Роман открыл уста свои, Владычица вложила в них свиток и повелела съесть его.

Роман проглотил хартию и тотчас проснулся, но никого не увидел перед собой, ибо Явившаяся стала невидима. Сердце его исполнилось неизреченной сладости и радости духовной, и стал он размышлять о том, что увидел. В уме же своем он вдруг ощутил разумение книжное, ибо Дева Богородица, как некогда Сын Ее — Своим апостолам, отверзла ему ум к разумению писаний (см.: Лк. 24, 27). Он исполнился великой премудрости и стал со слезами благодарить Наставницу свою за то, что в одно мгновение Она даровала ему такие познания, каких он не мог бы достигнуть в течение многих лет.

Наступил час всенощного бдения, и святой Роман, радуясь благодати, дарованной ему Богоблагодатной Девой, пошел в церковь.

Когда нужно было воспеть песнопение в честь праздника, святой Роман взошел на амвон и воспел сладким гласом свой кондак, который сложил он в уме своем:

— Дева днесь Пресу́щественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит. Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися Отроча́ мла́до, Превечный Бог[1].

Все, видевшие и слышавшие это, удивлялись и услаждались пением Романа, вникая в смысл песнопения. Когда же он окончил свою песнь, патриарх спросил, откуда у него такая премудрость. Роман не скрыл чуда Богородицы, но исповедал Ее благодать и прославлял вразумившую его небесную Наставницу. Клирики, оскорбившие его, устыдились и, покаявшись, пали к ногам Романа, прося у него прощения. Патриарх же тотчас поставил святого Романа диаконом, и из уст его премудрость потекла как река, а тем, кто сначала упрекал его за простоту и невежество, пришлось потом самим же у него учиться. Он составил множество кондаков[2] на праздники Гос-

---

[1] Кондак на праздник Рождества Христова.

[2] Таким образом Роман Сладкопевец первый начал писать кондаки и справедливо признается отцами Церкви творцом кондаков. Самое название кондаков носит на себе воспоминание о творце их и получило свое начало от греческого наименования того пергаментного свитка, который Богородица повелела Роману в сновидении проглотить. Под этим именем с тех пор стали разуметься в церкви краткие церковно-богослужебные песнопения в честь Господних и Богородичных

подские и Богородичные и на память многих святых, так что его кондаков насчитывалось более тысячи[1]. И был он всеми весьма любим и почитаем. Проведя жизнь свою Богоугодно и праведно, он переселился в вечные обители и ныне с ангельскими ликами вечно воспевает Богу Трисвятую песнь[2]. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
САВВЫ ВИШЕРСКОГО

Преподобный Савва был родом из Тверского княжества, из города Кашина[3] и происходил из благородной, всеми уважаемой фамилии[4]; там он вырос и получил воспитание. Еще в самых юных

праздников, а также в честь святых и в память усопших, излагающие сущность праздников и составляющие как бы тему для всего богослужебного их чинопоследования.

[1] Святой Роман остался в истории христианского песнотворчества с именем «Сладкопевца» и песнописцем, как по богатству мыслей, содержащихся в его песнопениях, так по их поэтической вдохновенности, одушевлению, глубине чувства и возвышенности языка. Церковь в своих песнопениях воспевает его гуслей сладковещанной, сладкогласной цитрой Божественного Духа, свирелью церковной, соловьем божественных песней, струной преславных слов Духа и так далее (стихиры). Кроме кондаков, святой Роман Сладкопевец считается творцом и икосов, которые, по свидетельству «Марка Ефесского, вместе с кондаками петы были в одних прекрасных тех покоях (по-гречески οἶκος — дом, покой), где священный муж имел обыкновение проводить ночи в бдении; отсюда-то они и получили такое название». «Икосами» называются в Церкви пространнейшие песнопения в честь и память праздника или в память усопших. По своему содержанию они сходны с кондаками, пишутся одним размером и поются на один глас. Икос всегда следует за кондаком, так как представляет развитие последнего.

[2] Жизнь и деятельность святого Романа Сладкопевца относятся ко второй половине V века. Кончина его последовала в конце века.

[3] *Кашин* — ныне уездный город Тверской губернии, в ста восьмидесяти восьми верстах от Твери, на реке Волге — входил в состав Тверского княжества, некоторое время был самостоятельным, самым сильным уделом в нем и очень значительным городом, но потом потерял свое прежнее значение.

[4] Преподобный Савва был второй из восьми сыновей кашинского боярина Ивана Васильевича Бороздьі, из рода славного, отличавшегося в боях воинскими доблестями (откуда произошло и фамильное имя этого рода: *борозда* — древневоенное название окопа, траншеи).

летах он отличался добродетельной жизнью; нося мирскую одежду, он подражал иноческим подвигам, молился и постился как совершенный инок, и усердно ходил в храм Божий. Движимый любовью к Богу, Савва решился принять иноческий образ и стал проводить суровую монашескую жизнь в некоторых из Тверских монастырей, безропотно исполняя различные монастырские послушания: на поварне, в хлебопекарне и в других службах. При этом он отличался необыкновенным смирением. Братия Саввинской Тверской пустыни[1], где он вскоре поселился, настолько полюбили Савву и стали уважать его за подвижническую жизнь, что имели его посреди себя как бы Ангела Божия и избрали его себе во игумена. Бояре и все жители той страны стали почитать его как святого, и молва о его смирении, воздержании и других великих добродетелях далеко разнеслась кругом. Но преподобного тяготила слава человеческая, и он, избегая ее, удалился с родины и долгое время жил в совершенной безвестности, в чужой стране. Ревнуя о высших подвигах иноческих, Савва отправился на далекий Афон, прославленный святой жизнью своих подвижников, и там совершенствовался в духовной жизни[2].

---

[1] Тверская Саввина (Сретенская) пустынь была основана преподобными Саввою и Варсонофием Тверскими, современниками Саввы Вишерского (память их празднуется 2 марта), в 1397 году и находилась в двадцати верстах от Твери, там, где ныне — село Саввино.

[2] О жизни преподобного Саввы на Афоне ничего не известно, равно как нельзя с точностью определить, долго ли он там пребывал, но, по некоторым историческим указаниям из раннейших и позднейших событий жизни преподобного, можно думать, что он ушел на Афон около 1411 года и что пребывание его там продолжалось не более трех лет. Из дальнейшей жизни преподобного видно, что впечатления Афона надолго остались в его душе. Известно также, что он принес с собой с Афона в Россию список Кормчей книги, которым пользовался потом Вассиан, архиепископ Ростовский.

По возвращении с Афона преподобный пришел в Великий Новгород, но не открыл никому, кто он, странствуя под видом бедного, неизвестного странника. Руководимый Богом, он пришел на реку Вишеру[1], водрузил здесь крест[2] и, устроив небольшой шалаш, стал проводить отшельническую жизнь. Он имел с собой образ Пречистой Богоматери, перед которым непрестанно молился. Случилось одному из новгородцев проходить мимо того места. В то время был пост святых апостолов Петра и Павла, и стояла знойная летняя погода. Святой погрузился в глубокую молитву, как бы не чувствуя того, что лицо его все было покрыто комарами, так что его совсем не было видно. Изумленный новгородец поведал другим о том, что он видел, и отсюда все поняли, что это — истинный Божий человек. Заметив, что его узнали, преподобный Савва удалился отсюда и поселился в еще более уединенном месте близ реки Сосницы[3]. Здесь он продолжал упражняться в посте и молитве, проводя жизнь, исполненную еще больших лишений.

Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Молва о святой жизни преподобного Саввы распространилась по окрестностям, и соседние жители стали приходить к нему и доставлять ему свои посильные приношения, необходимые для поддержания жизни. Мало-помалу слух о святом угоднике Божием распространился по всей Новгородской области и достиг даже до самого архиепископа Иоанна, бывшего тогда на Новгородской кафедре[4]. Вследствие этого Иоанн послал разузнать о преподобном Савве, кто и каков он, и какова его жизнь. Посланному для этого доверенному лицу архиепископ велел расспросить Савву и упрекнуть его за то, что он не почтил его архиерейской власти и поселился в Новгородской земле без его благословения.

---

[1] *Вишера* — река Новгородской губернии, левый приток Волхова. — Как видно из настоящего местоположения Савво-Вишерского монастыря, преподобный Савва поселился на левом берегу Вишеры, в десяти верстах к северо-востоку от Новгорода. Поселение Саввы на Вишере было не позже 1414-го или 1415 года.

[2] Крест этот и теперь стоит в часовне при монастыре. В настоящее время крест лишь обложен досками и с лицевой стороны литыми из алебастра изображениями святых.

[3] Небольшая речка, рядом с Вишерой, протекавшая среди соснового бора, от которого получила свое название.

[4] *Архиепископ Иоанн* управлял Новгородской святительской кафедрой с 1387-го по 1415 год.

Архиерейский посланец, явившись к преподобному как бы с запрещением от архиепископа, сказал:

— Как смел ты поселиться в этой местности без позволения архиепископа?

Савва смиренно отвечал на это следующей притчей.

— Одна девица, — сказал он, — сидела у окна близ площади и бесстыдно смотрела на всех проходивших; другая же, сидя у другого окна, с благоговением хранила девственную чистоту своей души. Мимопроходящие о первой девице, обращая внимание на ее бесстыдство, говорили: «Не сохранит она чистоты своей при своей суетности и рассеянности»; о второй же говорили, что девица та, при таковой ее скромности, сохранит беспорочной свою душевную чистоту. Тем более нам подобает особенно внимать себе и охранять себя на том пути, по коему мы пошли: мы живем здесь в пустыне, не тебя, архипастыря, избегая, а удаляясь от мира; молитв же твоих и благословения мы всегда желаем, чтобы они пребывали с нами.

Посланный, возвратившись, рассказал архиепископу все о блаженном Савве, о его жизни, постничестве и нищете. Услышав об этом, архиепископ понял, что это — старец духовной жизни, и поэтому, побуждаемый сильным желанием самому видеть его, отправился к нему в пустыню.

Блаженный Савва, покрытый своим обычным рубищем, встретил его еще на пути. Увидев архиепископа, Савва с глубоким смирением пал перед ним и поклонился ему с подобающей святительскому сану почтительностью. Архиепископ благословил преподобного, не зная, что это — Савва, но считая его за обыкновенного странника. Он повелел ему сесть вместе с собой и ехать до жилища Саввы, и едва мог уговорить его, потому что смиренный подвижник не смел позволить себе сесть вместе со святителем. Во время пути беседа с преподобным показала архиепископу, что это — не простой человек, а муж, опытный в духовной жизни, и владыка тем более полюбил Савву прежде, нежели узнал его. Уже только перед самым жилищем своим Савва, смиренно поклонившись архиепископу, поведал о себе, что он грешный Савва. Тогда святитель подивился его смирению и с любовью благословил его. Потом оба они вошли в келию Саввы и там долго беседовали.

В продолжение нескольких часов архипастырь наставлял преподобного пребывать непреткновенно в терпении и подвигах и разделил с ним пустынную трапезу. Возвратившись в Новгород, архиепископ восхвалял великое богоугодное житие преподобного старца и с того времени стал питать к блаженному Савве глубокое уважение, считая его великим, и после того всегда присылал ему все потребное для его пустынной жизни.

Между тем преподобный Савва задумал основать в своей пустыне обитель и начал строить своими руками келии для приходившей к нему иночествующей братии. Не стерпел этого лукавый враг рода человеческого и, побуждаемый завистью к нему, внушил разбойникам причинить преподобному зло. Думая, что у него есть какое-нибудь имущество, они пришли к нему со злым намерением. Савва строил в это время келию. С ложным смирением разбойники стали просить у старца благословения. Но он прозрел их коварный замысел и то, что они — разбойники. И вот он обратился к ним со следующей просьбой:

— Детки! Окажите любовь, помогите мне поднять дерево на стену.

При этом старец велел им взяться за тонкий конец бревна, а сам взялся за толстый. Разбойники никак не могли все вместе поднять своего конца, а старец, с Божией помощью, легко один поднял дерево на стену. Пораженные этим, разбойники переглянулись между собой со стыдом и страхом, поспешили уйти от преподобного, боясь, чтобы из-за него им самим не потерпеть какого-либо вреда[1].

По прошествии некоторого времени некоторые иноки монастыря, находившегося на так называемой Лисичьей горе, стали выражать недовольство, что старец продолжал жить в той местности, ибо она находилась немного выше упомянутого монастыря. Тогда преподобный Савва, прослышав о поднятом за землю споре, послал в Новгород одного из учеников своих, по имени Ефрем[2], к началь-

---

[1] Об этом чуде воспоминается и в службе преподобному. Канон, песнь 6, тропарь 3.

[2] *Ефрем* — любимый ученик преподобного Саввы; по кончине его удалился на берега озера Ильмень, где основал Перекомский монастырь († 1492 г.). Память преподобного Ефрема совершается 16 мая и 26 сентября.

никам Славянского конца[1], с просьбой отвести ему место на реке Вишере для пустынной обители. Те охотно дали ему на это позволение. После того преподобный Савва окончательно поселился там и всячески, сколько был в силах, трудился над построением обители. Построив келии для братии, он вознамерился воздвигнуть и церковь в честь преславного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа[2]. При помощи Божией, церковь вскоре была сооружена и освящена. С этого времени к преподобному Савве стало стекаться много народа: одни — ради пользы духовной и наставления, другие — для иноческой жизни в его обители. Он же с радостью принимал всех.

В то же время преподобный продолжал более всех трудиться над благоустройством новой обители, всем подавая пример своим неутомимым трудолюбием. В обители преподобного, между прочим, работал тогда один мирянин, весьма ленивый в исполнении монастырских послушаний. Он нередко вступал со старцем в пререкания по поводу того, что он предпринимает слишком много дел. Савва же, утешая его, говорил:

— Не скорби, чадо, потерпи лишь эти дни, назначенные для исполнения тобой монастырских работ, и тогда мы после вознаградим тебя гораздо более, чем обещались.

Мирянин, тронутый кроткими словами старца, понял, что то было с ним вражеское искушение, и после того стал работать и трудиться гораздо более других.

В то время в обитель пришел один инок, для того чтобы увидеть блаженного Савву; ибо он от многих слышал о его великой подвижнической жизни. Старец сам встретил его. У него было обыкнове-

---

[1] Новгород Великий делился на две стороны: Торговую и Софийскую, которые в свою очередь делились на так называемые концы. Славянский конец находился на юге Торговой стороны. Стороны и концы имели свое управление и заведовали ближайшими к Новгороду округами Новгородской области. Округа, где протекала в том месте Вишера и расположен был Лисичий монастырь, находилась в ведении Славянского конца. Известна печать с крестом в средине и с надписью вокруг: «Печать Славянского конца», а на обороте с изображением святого в венце и с надписью: «Павел исповедник», откуда видно, что в Славянском конце было свое управление.

[2] Церковь с келиями была построена в обители преподобного Саввы в 1418 году по благословению святого архиепископа Новгородского Симеона († 1421 г.). Память его совершается 10 февраля и 15 июня.

ние, когда кто приходил к нему из других монастырей, выходить к нему, встречая его еще далеко от своей обители, там, где водружен был крест; сотворив там краткую молитву, он затем шел с гостем в церковь, здесь снова совершал молитву и потом уже вел его в свою келию и вступал с ним в беседу.

Когда упомянутый инок был встречен таким образом преподобным Саввою, то старец, после долгой беседы с иноком, при наступлении позднего вечера, оставил пришедшего брата отдохнуть: сам же, взявшись за жернов, молол рожь. И вот вновь пришедший брат слышит, что старец недалеко от келии всю ночь до самой утрени мелет рожь, а устами своими читает псалмы. Инок был изумлен и начал говорить себе, что он гораздо более увидел, чем слышал прежде о старце от других. Рано утром, приняв от старца благословение, он отправился обратно в свой монастырь, повествуя всем о величайшем подвижническом житии святого и укоряя себя в лености и нерадении.

По устроении обители преподобный Савва поставил себе столп и, входя на него, всю седмицу до субботы проводил на нем в посте и молитве; в субботу же сходил со столпа к братии, причащался с ними святых Тайн, слушал службу воскресного дня, разделял вместе с прочими трапезу и, после душеполезного поучения братии, снова входил на столп и таким же образом снова подвизался на нем до следующей субботы[1].

Во время этого великого столпнического подвига в обитель к преподобному Савве пришел из Твери повидаться с ним родной брат его по плоти, давно не видевший его. Но старец совсем не хотел видеть его и беседовать с ним. И когда брат долгое время оставался при столпе, умоляя старца хотя бы только повидаться с ним, то старец, наконец, сошел со столпа и благословил брата, но, ничего не сказав ему, тотчас же снова взошел на столп. Брат же преподобного, увидев его, с радостью возвратился в Тверь, прославляя Бога за дивные знамения Его благодати, которых очевидцем он удостоился быть.

Живя на столпе, по-видимому, удаленный от обители и забот о ней, преподобный Савва продолжал, однако, хранить ее своими молитвами. Однажды разбойники подошли к монастырю, чтобы раз-

---

[1] Воспевая столпнические подвиги преподобного Саввы, церковь уподобляет его «Симеону Великому», то есть святому Симеону Столпнику. Канон, песнь 4, тропарь 2. Столп как бы заменил преподобному пустынный великий Афон.

грабить его. Преподобный, стоя на столпе на молитве, еще издали увидал их и, поняв злое намерение, с которым они пришли, стал стучать жезлом по стене. Разбойники, услышав стук, объятые страхом, убежали: ибо их отгоняла от обители молитва преподобного[1]. С того времени разбойники перестали подходить к монастырю.

Между тем к преподобному Савве продолжали отовсюду стекаться и иноки, и миряне, ради пользы духовной, которую от него получали; ибо он, по апостолу, для всех был всем (см.: 1 Кор. 9, 22), всех наставляя, обо всех соболезнуя и заботясь как бы о своих собственных членах, к старцам относясь как к своим братиям и сверстникам, к более юным как к своим детям. И не было никого в обители преподобного Саввы ни оскорбляемого, ни оскорбляющего, ибо все были утешаемы и примиряемы святым Саввою.

Пребывая в этих подвигах и перенося столь суровые лишения и всякого рода скорби, преподобный Савва на семидесятом году от рождения впал в телесный недуг. Готовясь разрешиться от тела и отдать последний долг природе, преподобный призвал к себе всю братию и обратился к ней с предсмертными душеполезными наставлениями, в особенности о том, чтобы они твердо и неизменно пребывали в Православии и в соблюдении иноческих обетов, более же всего преуспевали в смирении.

В заключение старец сказал им:

— В чем вы видели меня подвизающимся, то и сами творите.

После этого, поручив монастырь и братию заботам и попечениям архиепископа Новгородского, а ближайшее заведование обителью и руководство иноками — старейшим из братии, своим ближайшим ученикам Ефрему и Андрею[2], наиболее показавшим свои труды и подвиги в том монастыре, преподобный Савва, все более укрепляясь духом, стал изнемогать телом. Причастившись святых Христовых Тайн, он мирно предал душу свою Господу 1 октября 1460 года. Пе-

[1] Об этом чуде Церковь воспевает в службе преподобному. Стихира 3-я на «Господи, воззвах».

[2] *Ефрем* — любимый ученик преподобного Саввы; по кончине его удалился на берега озера Ильмень, где основал Перекомский монастырь († 1492 г.). Память преподобного Ефрема совершается 16 мая и 26 сентября. О другом ученике преподобного Саввы, *Андрее*, известно, что он до того изнурил тело свое постом и бдением, что у него остались только кожа и кости. Вскоре, однако, по смерти преподобного Саввы настоятелем Саввиной обители был уже игумен Геласий.

ред самой кончиной своей преподобный заповедал своим ученикам: «Когда душа моя разлучится с телом, не совершайте над ним никаких торжественных погребальных обрядов, но просто, без всяких приготовлений, отнесите тело до могилы и предайте земле».

Ученики преподобного, увидев своего отца и наставника умершим, много скорбели о разлучении с ним. Потом, почтив его память, как своего отца и наставника ко спасению, псалмопением и надгробными песнопениями, они погребли в земле его трудолюбное и многострадальное тело между церковью и столпом, на котором он подвизался в последнее время своей жизни.

По отшествии своего наставника к Богу ученики преподобного Саввы стали еще более заботиться об устройстве монастыря, о том, чтобы ничего не забывалось из монастырских правил и заветов их отца духовного — преподобного Саввы. Особенно же они заботились о внутренней духовной жизни своей, подражая в ней тому, что они видели в своем наставнике и учителе, и стараясь тщательно исправлять свои недостатки. И они показали в этом отношении такие подвиги, что стали добрым образцом для многих.

По прошествии довольно продолжительного времени, когда, с помощью Божиею и по молитвам преподобного Саввы, обитель его с успехом процветала, в ней произошел большой пожар, так что сгорел весь монастырь. При этом сгорели вместе с келиями и церковь, и столп, на котором подвизался преподобный во время своей жизни; но гроб преподобного Саввы, находившийся между церковью и столпом, и часовня над гробом не потерпели от огня никакого вреда, так что пламень не мог даже прикоснуться к ним, хотя окружал их со всех сторон. Это было первое чудо по преставлении святого. С того времени при гробе преподобного Саввы стали совершаться многоразличные чудотворения, которыми Господь явил в нем верующим истинного Своего угодника и благодатного чудотворца. Следующее чудо особенно уверило всех в этом. Некто Захария, готовившийся принять иноческий постриг в обители преподобного, много слышал от тамошних иноков о святом житии и посмертных чудесах преподобного. Благоговейно изумляясь слышанному, Захария в продолжение многих дней размышлял о том и молил Бога, чтобы и ему сподобиться самому быть свидетелем какого-либо из таковых чудес. И вот, когда он однажды стоял на молитве и, присев

для отдыха, задремал и уснул, вдруг увидел перед собою какого-то незнакомого старца, который сказал ему: «Если хочешь видеть Савву, иди за мной, — и тогда увидишь его». Захария, как казалось ему, пошел за тем старцем, дошел до гроба святого Саввы, увидел там нескольких святителей и среди них преподобного Савву, стоявшего на возвышенном месте. Он поклонился преподобному, и тот сказал ему несколько слов в назидание и утвердил его в его вере.

Между тем болящие и все с верой притекающие ко гробу преподобного продолжали получать духовные утешения в своих скорбях и чудодейственные исцеления от своих тяжких недугов. Слух об этих чудотворениях распространился по всей Новгородской области, особенно с того времени, когда настоятель Саввинской обители игумен Геласий, по молитвам к угоднику Божию, исцелел от приключившейся с ним отравы, причем при исцелении увидел во сне преподобного Савву, стоявшего на молитве в светлых ризах со взором, обращенным к храму. Проснувшись и почувствовав себя исцеленным, Геласий прославил Бога, творящего через святых Своих угодников дивные чудеса, и поспешил отправиться к Новгородскому архиепископу, которому и поведал о бывшем ему видении и о своем чудесном исцелении. Тогда Новгородский святитель Иона прибыл в Саввин Вишерский монастырь[1] и, поспешив ко гробу преподобного, совершил перед ним молебное пение. Потом он приказал написать икону преподобного Саввы[2], составить в честь его службу и описать его житие[3] во славу Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, дивно прославляющему святых Своих и по их преставлении.

---

[1] *Святой архиепископ Новгородский Иона* управлял Новгородской церковью с 1458 года до самой кончины своей, последовавшей в 1470 году. Память его совершается 5 ноября. Приезд святителя в Саввино-Вишерскую обитель должно относить к 1461 году.

[2] Эта древняя икона преподобного Саввы хранится в обители его доселе. Ранее она лежала на раке святых его мощей; ныне же находится в монастырском Вознесенском соборе, в приделе во имя преподобного Саввы.

[3] Составление жития преподобного Саввы приписывают известному агиографу 2-й половины XV века Пахомию Логофету, современнику святителя Ионы. Но некоторые списки жития, называющие автором его Пахомия, оканчиваются припиской, по которой «списано бысть и изобретено блаженного Саввы житие священноиноком Геласием, бывшим тогда игуменом тоя обители, в лето 6972-е», — из чего можно заключать, что житие первоначально написано в 1464 году игуменом Геласием и после уже исправлено Пахомием Логофетом.

Впоследствии мощи преподобного Саввы были перенесены во вновь построенную церковь Покрова Пресвятой Богородицы[1], и в Православной Русской Церкви установлен в честь его праздник[2]. И ныне у честного гроба его подаются неоскудные исцеления всем, с верой притекающим к предстательству преподобного, не престающего молиться перед престолом Всевышнего о всех, верой почитающих пречестную память его.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ДОМНИНА

Святой Домнин был родом из Солуня. Когда царь Максимиан[3] строил себе дворец в Солуни[4], святой Домнин схвачен был как христианин и приведен к царю на суд. Царь с гневом сказал ему:

— Зачем во время пребывания моего в городе ты открыто исповедуешь иного Бога? Принеси жертву богам, если хочешь быть жив.

Так как святой не повиновался, то царь приказал терзать тело его; а потом, видя в терпении святого порицание и укор себе, велел вывести его за город и отсечь ему ноги по колена. С отсеченными ногами святой мученик прожил в страданиях семь дней, не вкушая пищи, а потом, вознося благодарение Богу, Коего он так возлюбил, предал Ему свою блаженную душу.

---

[1] Это было в 1523 году.

[2] Праздник в честь преподобного Саввы установлен в Русской Церкви соборным определением 1549 года. С того времени преподобный Савва стал известен с именем Новгородского чудотворца. В 1570 году, в царствование Иоанна Грозного, во время Новгородского погрома, «государевы ратные люди разрушили гроб чудотворца»; на следующий год мощи преподобного Саввы были положены в новую раку и помещены в новом каменном Покровском храме обители. В настоящее время мощи преподобного почивают под спудом в Покровском приделе Вознесенского собора монастыря. Во имя его в обители — два храма.

[3] *Максимиан Галерий*, Римский император с 305 по 311 год.

[4] *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот известен под именем Салоники в Греции.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО МИХАИЛА ЗОВИЙСКОГО и пострадавших с ним

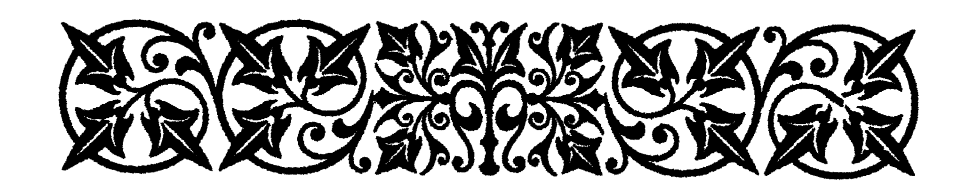
Преподобный Михаил вместе с другими иноками подвизался в царствование Константина и Ирины[1] в монастыре, называемом Зовия, близ Севастии[2]. Агарянский эмир Алим[3] напал на ту страну и захватил их. Укрепляемые силой Христовой, преподобные отцы не склонились на увещания неверных отречься от Христа. Став посреди иноков, преподобный игумен Михаил возвысил голос, убеждая их умереть за Христа. Сначала они, преклонив главы, были усечены мечом, а затем и преподобный Михаил.

---

[1] *Константин VI Порфирородный* — Римский император с 780 по 797 год. Царица Ирина, мать его и супруга императора Льва VI, ревностная защитница иконопочитания, в продолжение десяти лет управляла государством вместо сына и после него царствовала по 802 год.

[2] Здесь разумеется Севастия Армянская, на северо-востоке Малой Азии.

[3] *Ага́ряне*, или, иначе, *сарацины*, — аравийские бедуины. Наименование агарян, означавшее первоначально это кочующее разбойничье племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще мусульман. Агарянами аравийские бедуины назывались от того, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой. Эмирами (с арабского значит «князь») назывались все независимые, мнимые наследники Магомета по происхождению от его дочери, предводительствовавшие отдельными племенами и отдельными разбойничьими шайками арабов.



День второй

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **КИПРИАНА** И СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ИУСТИНЫ**

В царствование Декия[1] жил в Антиохии[2] некий философ[3] и знаменитый волхвователь[4], по имени Киприан, родом из Карфагена[5]. Происходя от нечестивых родителей, он еще в детстве посвя-

---

[1] *Декий* — Римский император с 249 по 271 год.

[2] *Антиохия* — часто употребляемое имя городов. Здесь, вероятнее всего, разумеется Антиохия Финикийская, между Сирией и Палестиной, или же Антиохия Писидийская, на границе с Фригией, в западной части Малой Азии.

[3] То есть языческий мудрец, в смысле — ложного мудреца.

[4] Под именем «волхвов», или «магов», в древности разумелись люди мудрые, обладавшие высокими и обширными знаниями, особенно знанием тайных сил природы, недоступными обыкновенным людям. Вместе с тем, с этим именем соединялись понятия волшебства, колдовства, ворожбы, заклинаний и разных обманов и суеверий. Волшебство у язычников с древнейших времен было сильно развито; против него говорится во многих местах Священного Писания. По мнению многих учителей Церкви, языческие волхвы совершали свои, иногда замечательные, чародейства под влиянием и при помощи духов тьмы.

[5] *Карфаген* — древнейшая, знаменитая колония финикийцев, на севере Африки, достигшая в древней истории высшей степени могущества и разрушенная в 146 году до Рождества Христова; на развалинах древнего Карфагена при первых римских императорах возник новый Карфаген, который существовал с большим блеском в продолжение весьма долгого времени. В Карфагене весьма сильно был развит языческий греко-римский культ, со всеми его суевериями, чародействами и «магическим искусством».

Святые Киприан и Устина

щен был ими на служение языческому богу Аполлону[1]. Семи лет он был отдан чародеям для научения волхвованию и бесовской мудрости. По достижении десятилетнего возраста, он был послан родителями для приготовления к жреческому служению, на гору Олимп[2], которую язычники называли жилищем богов; там было бесчисленное множество идолов, в которых обитали бесы. На этой горе Киприан научился всем диавольским хитростям: он постиг различные бесовские превращения, научился изменять свойства воздуха, наводить ветры, производить гром и дождь, возмущать морские волны, причинять вред садам, виноградникам и полям, насылать болезни и язвы на людей, и вообще научился пагубной мудрости и исполненной зла диавольской деятельности. Он видел там бесчисленные полчища бесов с князем тьмы во главе, которому одни предстояли, другие служили, иные восклицали, восхваляя своего князя, а иные были посылаемы в мир для совращения людей. Там видел он также в мнимых образах языческих богов и богинь, а равно различные призраки и привидения, вызыванию которых он учился в строгом сорокадневном посте; ел же он по захождении солнца, и то не хлеб и не какую-либо иную пищу, а дубовые желуди.

Когда ему минуло пятнадцать лет, он стал слушать уроки семи великих жрецов, от которых уведал многие бесовские тайны. Затем он пошел в город Аргос[3], где, послужив некоторое время богине Гере[4], научился многим обольщениям у жреца ее. Пожил он и в Тав-

[1] *Аполлон* — один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Почитался богом солнца и умственного просвещения, а также благополучия общественного порядка, охранителем закона, божеством предсказания будущего. Одним из главных мест его культа была, между прочим, долина Темпейская, в Северной Греции, расстилавшаяся у подошвы знаменитой в древности горы Олимпа.

[2] *Олимп* представляет собой собственно целую (юго-восточную) ветвь цепи гор, составляющей границу между Македонией и Фессалией, в Северной Греции. Олимп у древних греков почитался местопребыванием их языческих богов.

[3] *Аргос* — древняя греческая столица восточной области Пелопоннеса (Южной Греции) — Арголиды; недалеко от него находился знаменитый храм языческой богини Геры.

[4] *Гера (Юнона)* почиталась древними греками и римлянами сестрой и женой главного их бога Зевса, наиболее возвышенной и почитаемой между богинями; считалась богиней земли и плодородия и покровительницей супружеств.

рополе[1], служа Артемиде, а оттуда пошел в Лакедемон[2], где и научился разными волхвованиями и наваждением вызывать мертвецов из могил и заставлял их говорить. Двадцати лет от роду Киприан пришел в Египет и в городе Мемфисе[3] обучался еще большим чародействам и волшебствам. На тридцатом году он пошел к халдеям[4] и, научившись там звездочетству, закончил свое учение, после чего возвратился в Антиохию, будучи совершенным во всяком злодеянии. Так он стал волхвователем, чародеем и душегубцем, великим другом и верным рабом адского князя[5], с коим беседовал лицом к лицу, удостоившись от него великой чести, как о том он сам открыто засвидетельствовал.

— Поверьте мне, — говорил он, — что я видел самого князя тьмы, ибо я умилостивил его жертвами; я приветствовал его и говорил с ним и с его старейшинами; он полюбил меня, хвалил мой разум и пред всеми сказал: «Вот новый Замврий[6], всегда готовый к послуша-

---

[1] *Таврополь* — собственно храм в честь богини Артемиды (Дианы — богини луны, почитавшейся также покровительницей свежей, цветущей жизни природы) на острове Икаре, в юго-восточной части Эгейского моря (Архипелага). Наименование этого места происходит от того, что греки, приравнивая к Артемиде богиню древних обитателей Таврического полуострова, тавров, Орсилоху, называли ту и другую безразлично Тавропол0й.

[2] *Лакедемон*, или *Лакония*, — юго-восточная область Пелопоннеса (Южной Греции). Частное это наименование обозначало главный город Лаконии, иначе Спарту, от которой сохранились теперь лишь небольшие развалины.

[3] *Мемфис* — древняя могущественная столица всего Египта — находился в Среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города. От блестящей столицы древнего Египта ныне сохраняются лишь самые ничтожные, скудные остатки при деревнях Метрасани и Моганнан.

[4] *Халдеями* назывались вавилонские мудрецы и ученые, занимавшиеся науками, особенно астрономией и наблюдением светил небесных; они же были жрецами и магами, занимавшимися тайным учением, гаданием, толкованием снов и так далее. Впоследствии этим именем назывались, особенно на Востоке, вообще всякого рода волхвы, волшебники и гадатели, хотя бы они были и не из халдеев, то есть происходили не из Вавилона.

[5] По учению Священного Писания, в темном царстве злых отпадших духов есть свой главный начальник, которого Писание часто называет «князем бесовским», а также веельзевулом, велиаром, сатаной и так далее, явно отличая его от других бесов, которые изображаются как бы подвластными по отношению к нему. Вообще Писание различает злых духов по их степеням и силе их власти.

[6] В смысле — нового злочестивого волхва, чародея и послушного служителя диавола. Под именем Замврия здесь, очевидно, разумеется знаменитый древний

нию и достойный общения с нами! И обещал он мне поставить меня князем, по исхождении моем из тела, а в течение земной жизни — во всем помогать мне; при этом он дал мне полк бесов в услужение. Когда же я уходил от него, он обратился ко мне со словами: «Мужайся, усердный Киприан, встань и сопровождай меня: пусть все старейшины бесовские удивляются тебе». Вследствие этого, и все его князья были внимательны ко мне, видя оказанную мне честь. Внешний вид его был подобен цветку; голова его была увенчана венцом, сделанным (не в действительности, а призрачно) из золота и блестящих камней, вследствие чего и все пространство то освещалось, — а одежда его была изумительна. Когда же он обращался в ту или другую сторону, все место то содрогалось; множество злых духов различных степеней покорно стояли у престола его. Ему и я всего себя отдал тогда в услужение, повинуясь всякому его велению.

Так рассказывал о себе сам Киприан после своего обращения.

Отсюда ясно, каким человеком был Киприан: как друг бесов, совершал он все их дела, причиняя вред людям и обольщая их. Живя в Антиохии, он много людей совратил ко всяким беззакониям, многих погубил отравами и чародейством, а юношей и девиц закалал в жертву бесам. Многих он научил своему гибельному волхвованию: одних — летать по воздуху, других — плавать в ладьях по облакам, а иных — ходить по водам. Всеми язычниками он был почитаем и прославляем, как главнейший жрец и мудрейший слуга их мерзких богов. Многие обращались к нему в своих нуждах, и он помогал им бесовской силой, которой был исполнен: одним содействовал он в любодеянии, другим во гневе, вражде, мщении, зависти. Уже весь он находился в глубинах ада и в пасти диавольской, был сыном геенны, участником бесовского наследия и их вечной гибели. Господь же, не хотящий смерти грешника, по Своей неизреченной благости и не побеждаемому людскими грехами милосердию, соизволил взыскать этого погибшего человека, извлечь из пропасти погрязшего в адской глубине и спасти его, чтобы показать всем людям Свое милосердие, ибо нет греха, могущего победить Его человеколюбие. Спас же Он Киприана от гибели следующим образом.

египетский маг, о котором известно от древних классических писателей, прославившийся своими необычайными чарованиями и находившийся, по мнению отцов Церкви, в общении с темными бесовскими силами.

Жила в то время там же, в Антиохии, некая девица, по имени Иустина. Она происходила от языческих родителей: отцом ее был идольский жрец, по имени Едесий, а мать ее звали Клеодонией. Однажды, сидя у окна в своем доме, девица эта, тогда уже пришедшая в совершенный возраст, случайно услышала слова спасения из уст проходившего мимо диакона, по имени Праилия. Он говорил о вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа — о том, что Он родился от Пречистой Девы и, сотворив многие чудеса, благоизволил пострадать ради нашего спасения, воскрес из мертвых со славой, вознесся на небеса, воссел одесную Отца и царствует вечно. Эта проповедь диакона пала на добрую почву, в сердце Иустины, и начала скоро приносить плоды, искореняя в ней терния неверия. Иустина захотела лучше и совершеннее научиться вере у диакона, но не осмелилась искать его, удерживаемая девической скромностью. Однако она тайно ходила в церковь Христову и, часто слушая слово Божие, при воздействии на ее сердце Святого Духа, уверовала во Христа. В скором времени она убедила в этом и свою мать, а затем привела к вере и своего престарелого отца. Видя разум своей дочери и слыша ее мудрые слова, Едесий рассуждал сам с собою: «Идолы сделаны руками человеческими и не имеют ни души, ни дыхания, а потому — каким образом они могут быть богами?». Размышляя об этом, однажды ночью он увидел во сне, по Божественному соизволению, чудесное видение: видел он великий сонм светоносных Ангелов, а среди них был Спаситель мира Христос, Который сказал ему:

— Приидите ко Мне, и Я дам вам Царствие небесное.

Встав утром, Едесий пошел с женою и дочерью к христианскому епископу, по имени Оптату, прося его научить их Христовой вере и совершить над ними святое крещение. При этом он поведал слова дочери своей и виденное им самим ангельское видение. Услышав это, епископ возрадовался обращению их и, наставив их в вере Христовой, крестил Едесия, жену его Клеодонию и дочь Иустину, а затем, причастив их святых Тайн, отпустил с миром. Когда же Едесий укрепился в Христовой вере, то епископ, видя его благочестие, поставил его пресвитером. После этого, пожив добродетельно и в страхе Божием год и шесть месяцев, Едесий во святой вере окончил свою жизнь. Иустина же доблестно подвизалась в соблюдении заповедей Господних и, возлюбив Жениха своего Христа, служила Ему

прилежными молитвами, девством и целомудрием, постом и воздержанием великим. Но враг, ненавистник человеческого рода, видя такую ее жизнь, позавидовал ее добродетелям и начал вредить ей, причиняя различные бедствия и скорби.

В то время жил в Антиохии некий юноша, по имени Аглаид, сын богатых и знатных родителей. Он жил роскошно, весь отдаваясь суете мира этого. Однажды он увидел Иустину, когда она шла в церковь, и поразился ее красотой. Диавол же внушил дурные намерения в его сердце. Распалившись вожделением, Аглаид всеми мерами стал стараться снискать расположение и любовь Иустины и, посредством обольщения, привести чистую агницу Христову к задуманной им скверне. Он наблюдал за всеми путями, по которым девица должна была идти, и, встречаясь с ней, говорил ей льстивые речи, восхваляя ее красоту и прославляя ее, показывая свою любовь к ней. Он старался увлечь ее к любодеянию хитросплетенной сетью обольщений. Девица же отворачивалась и избегала его, гнушаясь им и не желая даже слушать его льстивых и лукавых речей. Не охладевая в своем вожделении к ее красоте, юноша послал к ней с просьбой, чтобы она согласилась стать его женой.

Она же отвечала ему:

— Жених мой — Христос; Ему я служу и ради Него храню мою чистоту. Он и душу и тело мое охраняет от всякой скверны.

Слыша такой ответ целомудренной девицы, Аглаид, подстрекаемый диаволом, еще более распалился страстью. Не будучи в состоянии обольстить ее, он замыслил похитить ее насильно. Собрав на помощь подобных себе безрассудных юношей, он подстерег девицу на пути, по которому она обычно ходила в церковь на молитву; там он встретил ее и, схватив, насильно потащил в дом свой. Она же начала сильно кричать, била его по лицу и плевала на него. Услышав ее вопли, соседи выбежали из домов и отняли непорочную агницу, святую Иустину, из рук нечестивого юноши, как из волчьей пасти. Бесчинники разбежались, а Аглаид возвратился со стыдом в дом свой. Не зная, что делать далее, он, с усилением в нем нечистой похоти, решился на новое злое дело: он пошел к великому волхву и чародею — Киприану, жрецу идольскому, и, поведав ему свою скорбь, просил у него помощи, обещая дать ему много золота и серебра. Выслушав Аглаида, Киприан утешал его, обещая исполнить его желание.

— Я, — сказал он, — сделаю так, что сама девица будет искать твоей любви и почувствует к тебе страсть даже более сильную, чем ты к ней.

Так утешив юношу, Киприан отпустил его обнадеженным. Взяв затем книги по своему тайному искусству, он призвал одного из нечистых духов, в котором был уверен, что он скоро может распалить страстью к этому юноше сердце Иустины. Бес охотно обещал ему исполнить это и горделиво говорил:

— Нетрудное это для меня дело, ибо я много раз потрясал города, разорял стены, разрушал дома, производил кровопролития и отцеубийства, поселял вражду и великий гнев между братьями и супругами и многих, давших обет девства, доводил до греха; инокам, поселявшимся в горах и привычным к строгому посту, даже никогда и не помышлявшим о плоти, я внушал блудное похотение и научал их служить плотским страстям; людей, раскаявшихся и отвратившихся от греха, я снова обратил к делам злым; многих целомудренных я ввергнул в любодеяние. Неужели же не сумею я девицу эту склонить к любви Аглаида? Да что я говорю? Я самым делом скоро покажу свою силу. Вот возьми это снадобье (он подал наполненный чем-то сосуд) и отдай тому юноше: пусть он окропит им дом Иустины, и увидишь, что сказанное мной сбудется.

Сказав это, бес исчез. Киприан призвал Аглаида и послал его окропить тайно из диавольского сосуда дом Иустины. Когда это было сделано, блудный бес вошел туда с разожженными стрелами плотской похоти, чтобы уязвить сердце девицы любодеянием, а плоть ее разжечь нечистой похотью.

Иустина имела обычай каждую ночь возносить молитвы ко Господу. И вот, когда она, по обычаю, встав в третьем часу ночи, молилась Богу, то ощутила внезапно в своем теле волнение, бурю телесной похоти и пламя гееннского огня. В таком волнении и внутренней борьбе она оставалась довольно продолжительное время: ей пришел на память юноша Аглаид, и у нее родились дурные мысли. Девица удивлялась и сама себя стыдилась, ощущая, что кровь ее кипит как в котле; она теперь помышляла о том, чего всегда гнушалась как скверны. Но, по благоразумию своему, Иустина поняла, что эта борьба возникла в ней от диавола; тотчас она обратилась к оружию

крестного знамения, прибегла к Богу с теплой молитвой и из глубины сердца взывала ко Христу, Жениху своему:

— Господи Боже мой, Иисусе Христе! Вот враги мои восстали на меня, приготовили сеть для уловления меня и унизили мою душу. Но я вспомнила в ночи имя Твое и возвеселилась, и теперь, когда они теснят меня, я прибегаю к Тебе и надеюсь, что враг мой не восторжествует надо мной. Ибо Ты знаешь, Господи Боже мой, что я, Твоя раба, сохранила для Тебя чистоту тела моего и душу мою вручила Тебе. Сохрани же овцу Твою, добрый Пастырь, не предай на съедение зверю, ищущему поглотить меня; даруй мне победу на злое вожделение моей плоти.

Долго и усердно помолившись, святая дева посрамила врага. Побежденный ее молитвой, он бежал от нее со стыдом, и снова настало спокойствие в теле и сердце Иустины; пламя вожделения погасло, борьба прекратилась, кипящая кровь успокоилась. Иустина прославила Бога и воспела победную песнь. Бес же возвратился к Киприану с печальной вестью, что он ничего не достиг.

Киприан спросил его, почему он не мог победить девицу.

Бес, хотя и неохотно, открыл правду:

— Я потому не мог одолеть ее, что видел на ней некое знамение, которого устрашился.

Тогда Киприан призвал более злобного беса и послал его соблазнить Иустину. Тот пошел и сделал гораздо больше первого, напав на девицу с большей яростью. Но она вооружилась теплой молитвой и возложила на себя еще сильнейший подвиг: она облеклась во власяницу и умерщвляла свою плоть воздержанием и постом, вкушая только хлеб с водой. Укротив таким образом страсти своей плоти, Иустина победила диавола и прогнала его с позором. Он же, подобно первому, ничего не достигнув, возвратился к Киприану. Тогда Киприан призвал одного из князей бесовских, поведал ему о слабости посланных бесов, которые не могли победить одной девицы, и просил у него помощи. Тот строго укорял прежних бесов за неискусность их в этом деле и за неумение воспламенить страсть в сердце девицы. Обнадежив Киприана и обещав иными способами соблазнить девицу, князь бесовский принял вид женщины и вошел к Иустине. И начал он благочестиво беседовать с ней, как будто желая

последовать примеру ее добродетельной жизни и целомудрия. Так беседуя, он спросил девицу, какая может быть награда за столь строгую жизнь и за соблюдение чистоты.

Иустина ответила, что награда для живущих целомудренно велика и неизреченна, и весьма удивительно, что люди нимало не заботятся о столь великом сокровище, как ангельская чистота. Тогда диавол, обнаруживая свое бесстыдство, начал хитрыми речами соблазнять ее:

— Каким же образом мог бы существовать мир? Как рождались бы люди? Ведь, если бы Ева сохранила чистоту, то как происходило бы умножение человеческого рода? Поистине доброе дело — супружество, которое установил Сам Бог; его и Священное Писание похваляет, говоря: *Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4). Да и многие святые Божии разве не состояли в браке, который Господь дал людям в утешение, чтобы они радовались на детей своих и восхваляли Бога?

Слушая эти слова, Иустина узнала хитрого обольстителя — диавола и искуснее, нежели Ева, победила его. Не продолжая беседы, она тотчас прибегла к защите Креста Господня и положила честное его знамение на своем лице, а сердце свое обратила ко Христу, Жениху своему. И диавол тотчас исчез с еще большим позором, чем первые два беса.

В большом смущении возвратился к Киприану гордый князь бесовский. Киприан же, узнав, что и он ничего не успел, сказал диаволу:

— Ужели и ты, князь сильный и более других искусный в таком деле, не мог победить девицы? Кто же из вас может что-либо сделать с этим непобедимым девическим сердцем? Скажи мне, каким оружием она борется с вами и как она делает немощной вашу крепкую силу.

Побежденный силой Божией, диавол неохотно сознался:

— Мы не можем смотреть на крестное знамение, но бежим от него, потому что оно как огонь опаляет нас и прогоняет далеко.

Киприан вознегодовал на диавола за то, что он посрамил его, и, понося беса, сказал:

— Такова-то ваша сила, что и слабая дева побеждает вас!

Тогда диавол, желая утешить Киприана, предпринял еще одну попытку: он принял образ Иустины и пошел к Аглаиду в той надежде, что, приняв его за настоящую Иустину, юноша удовлетворит свое желание, и, таким образом, ни его бесовская слабость не обнаружится, ни Киприан не будет посрамлен. И вот, когда бес вошел к Аглаиду в образе Иустины, тот в несказанной радости вскочил, подбежал к мнимой деве, обнял ее и стал лобызать, говоря:

— Хорошо, что пришла ты ко мне, прекрасная Иустина!

Но лишь только юноша произнес слово «Иустина», как бес тотчас исчез, не будучи в состоянии вынести даже имени Иустины. Юноша сильно испугался и, прибежав к Киприану, рассказал ему о случившемся. Тогда Киприан волхвованием своим придал ему образ птицы и, сделав его способным летать по воздуху, послал к дому Иустины, посоветовав ему влететь к ней в комнату чрез окно. Носимый бесом по воздуху, Аглаид прилетел в образе птицы к дому Иустины и хотел сесть на крыше. В это время случилось Иустине посмотреть в окно своей комнаты. Увидев ее, бес оставил Аглаида и бежал. Вместе с тем исчез и призрачный облик Аглаида, в котором он казался птицей, и юноша едва не расшибся, летя вниз. Он ухватился руками за край крыши и держась за нее, повис, и если бы не был спущен оттуда на землю молитвой святой Иустины, то упал бы, нечестивый, и разбился. Так, ничего не достигнув, возвратился юноша к Киприану и рассказал ему про свое горе. Видя себя посрамленным, Киприан сильно опечалился и сам задумал пойти к Иустине, надеясь на силу своего волшебства. Он превращался и в женщину, и в птицу, но еще не успевал дойти до дверей дома Иустины, как уже призрачное подобие красивой женщины, а равно и птицы, исчезало, и он возвращался со скорбью.

После этого Киприан начал мстить за свой позор и наводил своим волхвованием разные бедствия на дом Иустины и на дома всех сродников ее, соседей и знакомых, как некогда диавол на праведного Иова (см.: Иов. 1, 15–19; 2, 7). Он убивал скот их, поражал рабов их язвами и таким образом ввергал их в чрезмерную печаль. Он поразил болезнью и саму Иустину, так что она лежала в постели, а мать ее плакала о ней. Иустина же утешала мать свою словами пророка Давида: *Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни* (Пс. 117, 17).

Не только на Иустину и ее сродников, но и на весь город, по Божию попущению, навел Киприан бедствия, вследствие своей неукротимой ярости и большого посрамления. Появились язвы на животных и различные болезни среди людей; и прошел, по бесовскому действию, слух, что великий жрец Киприан казнит город за сопротивление ему Иустины. Тогда почетнейшие граждане пришли к Иустине и с гневом побуждали ее, чтобы она не печалила более Киприана и выходила замуж за Аглаида, во избежание еще больших бедствий из-за нее для всего города. Она же всех успокаивала, говоря, что скоро все бедствия, причиняемые при помощи бесов Киприаном, прекратятся. Так и случилось. Когда святая Иустина помолилась усердно Богу, тотчас все бесовское наваждение прекратилось; все исцелились от язв и выздоровели от болезней. Когда совершилась такая перемена, люди прославляли Христа, а над Киприаном и его волшебной хитростью издевались, так что он от стыда не мог уже показаться среди людей и избегал встречаться даже с знакомыми. Убедившись, что силы крестного знамения и Христова имени ничто не может победить, Киприан пришел в себя и сказал диаволу:

— О губитель и обольститель всех, источник всякой нечистоты и скверны! Ныне я узнал твою немощь. Ибо если ты боишься даже тени креста и трепещешь Имени Христова, то что ты будешь делать, когда Сам Христос придет на тебя? Если ты не можешь победить осеняющих себя крестом, то кого ты исторгнешь из рук Христовых? Ныне я уразумел, какое ты ничтожество; ты не в силах даже отомстить! Послушавшись тебя, я, несчастный, прельстился и поверил твоей хитрости. Отступи от меня, проклятый, отступи, ибо мне следует умолять христиан, чтобы они помиловали меня. Следует мне обратиться к благочестивым людям, чтобы они избавили меня от гибели и позаботились о моем спасении. Отойди, отойди от меня, беззаконник, враг истины, противник и ненавистник всякого добра.

Услышав это, диавол бросился на Киприана, чтобы убить его, и, напав, начал бить и давить его. Не находя нигде защиты и не зная, как помочь себе и избавиться от лютых бесовских рук, Киприан, уже едва живой, вспомнил знамение святого креста, силой которого противилась Иустина всей бесовской силе, и воскликнул:

— Боже Иустины, помоги мне!

Затем, подняв руку, перекрестился, и диавол тотчас отскочил от него как стрела, пущенная из лука. Собравшись с духом, Киприан стал смелее и, призывая имя Христово, осенял себя крестным знамением и упорно противился бесу, проклиная его и укоряя. Диавол же, стоя вдали от него и не смея приблизиться, из боязни крестного знамения и Христова имени, всячески угрожал Киприану, говоря:

— Не избавит тебя Христос от рук моих!

Затем, после долгих и яростных нападений на Киприана бес зарычал, как лев, и удалился.

Тогда Киприан взял все свои чародейские книги и пошел к христианскому епископу Анфиму. Упав к ногам епископа, он умолял оказать ему милость и совершить над ним святое крещение. Зная, что Киприан — великий и для всех страшный волхвователь, епископ подумал, что он пришел к нему с какой-либо хитростью, и потому отказывал ему, говоря:

— Много зла творишь ты между язычниками; оставь же в покое христиан, чтобы тебе не погибнуть в скором времени.

Тогда Киприан со слезами исповедал все епископу и отдал ему свои книги на сожжение. Видя его смирение, епископ научил его и наставил святой вере, а затем повелел ему готовиться к крещению; книги же его сжег пред всеми верующими гражданами.

Удалившись от епископа с сокрушенным сердцем, Киприан плакал о грехах своих, посыпал пеплом голову и искренно каялся, взывая к истинному Богу об очищении своих беззаконий. Придя на другой день в церковь, он слушал слово Божие с радостным умилением, стоя среди верующих. Когда же диакон повелел оглашенным выйти вон, возглашая: «елицы оглашеннии изыдите»[1], — некоторые уже выходили, Киприан не хотел выйти, говоря диакону:

— Я — раб Христов; не изгоняй меня отсюда.

Диакон же сказал ему:

---

[1] Под именем «оглашенных» в древней Церкви разумелись взрослые, желавшие принять крещение и приготовлявшиеся к нему через ознакомление с учением Церкви. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать в начале литургии «на литургии оглашенных», они пред наступлением самой важной и существенной части литургии — «литургии верных» — должны были немедленно выходить из храма, о чем они громко и оповещались диаконом чрез возглас, и доселе сохраняющийся в Церкви при совершении литургии.

— Так как над тобой еще не совершено святое крещение, то ты должен выйти из храма.

На это Киприан ответил:

— Жив Христос, Бог мой, избавивший меня от диавола, сохранивший девицу Иустину чистой и помиловавший меня; не изгонишь меня из церкви, пока я стану совершенным христианином.

Диакон сказал об этом епископу, а епископ, видя усердие Киприана и преданность к Христовой вере, призвал его к себе и немедленно крестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Узнав об этом, святая Иустина возблагодарила Бога, раздала много милостыни нищим и сделала в церковь приношение. Киприана же на восьмой день епископ поставил в чтеца, на двадцатый — в иподиакона, на тридцатый — в диакона, а чрез год рукоположил в иереи. Киприан вполне изменил свою жизнь, с каждым днем увеличивал он свои подвиги и, постоянно оплакивая прежние злые деяния, совершенствовался и восходил от добродетели к добродетели. Скоро он был поставлен епископом и в этом сане проводил такую святую жизнь, что сравнялся со многими великими святыми; при этом он ревностно заботился о вверенном ему Христовом стаде. Святую Иустину девицу он поставил диаконисой, а затем поручил ей девичий монастырь, сделав ее игуменией над другими девицами христианскими. Своим поведением и наставлением он обратил многих язычников и приобрел их для Церкви Христовой. Таким образом, идолослужение стало прекращаться в той стране, и слава Христова увеличивалась.

Видя строгую жизнь святого Киприана, заботы его о вере Христовой и о спасении душ человеческих, диавол скрежетал на него зубами и побудил язычников донести на него правителю восточной страны — о том, что он богов посрамил, многих людей отвратил от них, а Христа, враждебного богам их, прославляет. И вот многие нечестивцы пришли к правителю Евтолмию, владевшему теми странами, и клеветали на Киприана и Иустину, обвиняя их в том, что они враждебны и богам, и царю, и всяким властям, — что они смущают народ, обольщают его и ведут вслед за собой, располагая к поклонению распятому Христу. При этом они просили правителя, чтобы он за это предал Киприана и Иустину смертной казни. Выслушав просьбу, Евтолмий велел схватить Киприана и Иустину и

посадить их в темницу. Затем, отправляясь в Дамаск, он и их взял с собой, для суда над ними. Когда же привели ему на суд узников Христовых, Киприана и Иустину, то он спросил Киприана:

— Зачем ты изменил своей прежней славной деятельности, когда ты был знаменитым слугой богов и многих людей приводил к ним?

Святой Киприан рассказал правителю, как узнал немощь и обольщение бесов и уразумел силу Христову, которой бесы боятся и трепещут, исчезая от знамения честного Креста, а равно изъяснил причину своего обращения ко Христу, за Которого обнаруживал готовность умереть. Мучитель не воспринял слов Киприана в свое сердце, но, не будучи в состоянии отвечать на них, велел повесить святого и строгать его тело, а святую Иустину бить по устам и очам. Во все время долгих мучений они непрестанно исповедовали Христа и с благодарением претерпевали все. Затем мучитель заключил их в темницу и пробовал ласковым увещанием вернуть их к идолопоклонству. Когда же он оказался не в силах убедить их, то повелел бросить их в котел; но кипящий котел не причинял им никакого вреда, и они, как бы в прохладном месте, прославляли Бога. Видя это, один идольский жрец, по имени Афанасий, сказал:

— Во имя бога Асклипия[1] я тоже брошусь в этот огонь и посрамлю тех волшебников.

Но едва только огонь коснулся его, он тотчас умер. Видя это, мучитель испугался и, не желая более судить их, послал мучеников к правителю Клавдию в Никомидию[2], описав все, случившееся с ними. Этот правитель осудил их на усечение мечом. Когда они были приведены на место казни, то Киприан попросил себе некоторое время для молитвы, ради того, чтобы прежде была казнена Иустина: он опасался, чтобы Иустина не испугалась, при виде его смерти. Она же радостно склонила свою голову под меч и преставилась к Жениху своему, Христу. Видя неповинную смерть этих мучеников, некто Феоктист, присутствовавший там, очень сожалел о них и, воспылав сердцем к Богу, припал к святому Киприану и, лобызая его, объявил себя христианином. Вместе с Киприаном и он тотчас был осужден на усечение. Так они предали свои души в руки Божии; тела же их

[1] *Асклипий*, или *Эскулап*, — греко-римский бог врачебного искусства.

[2] *Никомидия* — город в Малой Азии. — От древней цветущей Никомидии доселе сохраняется много развалин, свидетельствующих о ее славном прошлом.

лежали шесть дней не погребенными. Некоторые из бывших там странников тайно взяли их и отвезли в Рим, где и отдали одной добродетельной и святой женщине, по имени Руфине, родственнице Клавдия кесаря[1]. Она похоронила с честью тела святых Христовых мучеников: Киприана, Иустины и Феоктиста. При гробах же их происходили многие исцеления притекавшим к ним с верой. Молитвами их да исцелит Господь и наши болезни телесные и душевные!

ЖИТИЕ СВЯТОГО
АНДРЕЯ,
Христа ради юродивого

В царствование Греческого императора Льва Великого — Мудрого[2], сына императора Василия Македонянина[3], жил в Константинополе некий муж, по имени Феогност. Он купил множество рабов, в числе которых находился один отрок, славянин родом, по имени Андрей[4]. Этот отрок был прекрасен собою и отличался добрым нравом. Феогност полюбил его больше других рабов, назначил его своим довереннейшим слугой и отдал его для обучения священным книгам. Изучив Священное Писание, Андрей часто ходил по церквам, молился Богу и читал священные книги. Однажды ночью, когда он стоял на молитве, злокозненный диавол, видя это, позавидовал этому доброму делу и стал сильно ударять в двери той комнаты, где находился юноша. Андрей пришел в ужас, перестал молиться, поспешно лег на постель и укрылся козлиной шкурой. Увидев это, сатана обрадовался и сказал другому диаволу:

---

[1] Римский император *Клавдий II* царствовал с 268 по 270 год. — Кончина святых Киприана, Иустины и Феоктиста последовала около 268 года.

[2] Византийский император *Лев VI Мудрый* царствовал с 886 по 912 год.

[3] *Василий Македонянин*, его отец, царствовал с 867 по 886 год и начал собой так называемую Македонскую династию.

[4] Во всех славянских житийных списках святой Андрей Юродивый называется славянином, по греческому подлиннику — скиф; но так в продолжение долгого времени греки ошибочно называли и восточных славян, смешивая их с обитавшим прежде в Восточной Европе диким кочевым народом — скифами.

— Видишь ли ты этого юношу: недавно еще он творил скверные дела, а теперь вот он уже вооружается на нас!

Проговорив это, сатана исчез. Блаженный же от страха крепко уснул и во сне имел следующее видение. Ему казалось, будто он был на большой площади, по одну сторону которой стояло множество эфиопов, а по другую — множество святых мужей в белых одеждах. Между обеими сторонами происходило как бы состязание и борьба. Эфиопы, имея на своей стороне одного черного исполина, с гордостью предлагали облеченным в белые одежды, чтобы те представили из своей среды такого борца, который был бы в силах бороться с их черным эфиопом, тысяченачальником их бесчисленного легиона. Черновидные эфиопы хвастались своей силой, но белоризцы ничего

им не отвечали. Блаженный Андрей стоял там же и смотрел, желая узнать, кто решится вступить в борьбу с этим страшным противником. И вот он увидел спустившегося с высоты прекрасного юношу, который держал в руках три венца: один из них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, другой — крупным, блестящим жемчугом, а третий — наибольший из венков — сплетен был из неувядаемых белых и красных цветов и ветвей Божия рая. Эти венцы были столь чудной красоты, что ее и ум человеческий не может постигнуть, и нельзя описать ее на языке человеческом.

Увидев это, Андрей помыслил, как бы ему получить хотя бы один из тех трех венцов. Подойдя к явившемуся юноше, он сказал:

— Ради Христа, скажи мне, продаешь ли ты эти венцы? Хотя сам я и не могу купить их, но подожди меня немного, я пойду и скажу моему господину, — он заплатит тебе за эти венцы, сколько ты пожелаешь.

Юноша же, просияв лицом, сказал ему:

— Поверь мне, возлюбленный, что если бы ты принес мне золото всего мира, я не продал бы ни тебе, никому другому ни одного цветка из этих венцов, потому что эти венцы составлены из небесных Христовых сокровищ, а не из украшений суетного мира. Ими увенчиваются те, кто поборает тех черных эфиопов. Если ты хочешь получить — и даже не один, а все три венца, — то вступи в единоборство с тем черным эфиопом и, когда победишь его, возьмешь от меня все венки, которые ты видишь.

Услышав это, Андрей исполнился решимости и сказал юноше:

— Поверь мне, что я сделаю сказанное тобой, только научи меня хитростям его.

Юноша сказал:

— А разве ты не знаешь, в чем заключается его ловкость? Не эфиопы ли страшны и грозны по виду? А между тем они слабы силами. Не бойся же его громадного роста и страшного взгляда: он слаб и гнил как подгнившая трава!

Укрепляя этими речами Андрея, прекрасный юноша стал учить его, как бороться с эфиопом.

Он говорил:

— Когда эфиоп тебя схватит и начнет бороться с тобой, ты не бойся, но схватись с ним крестообразно, и — узришь помощь Божию.

После этого блаженный выступил вперед и сильным голосом крикнул эфиопу:

— Выходи на борьбу!

Устрашая и грозя, эфиоп подошел, схватил Андрея и в продолжение весьма долгого времени переворачивал Андрея то в ту, то в другую сторону. Эфиопы стали рукоплескать, а одетые в белые ризы как будто побледнели, потому что они боялись, как бы этот эфиоп не ударил Андрея о землю. Андрей был уже одолеваем эфиопом, но, оправившись, крестообразно устремился на него. Бес рухнул, как громадное подрубленное дерево, и при падении ударился лбом о камень и закричал: «Горе, горе!» Одетые же в светлые одежды пришли в великую радость. Они подняли Андрея на своих руках кверху, стали лобызать его и торжествовали его победу над эфиопом.

Тогда черные воины с большим посрамлением обратились в бегство, а прекрасный юноша отдал Андрею венцы и, облобызав его, сказал:

— Ступай с миром! С этого времени ты будешь нашим другом и братом. Иди же на подвиг добродетели: будь нагим и юродивым ради Меня[1], и ты явишься в день Моего царствия причастником многих благ.

---

[1] *Юродство* — значит собственно безумие. Юродство о Христе представляет собою особый, высший вид христианского подвижничества. Одушевляемые горячею ревностью и пламенною любовью к Богу, юродивые Христа ради, не довольствуясь всеми другими лишениями и самоотречениями, отрекались от самого главного отличия человека в ряду земных существ — от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего себе иногда, по-видимому, соблазнительные действия. При полном самосознании, представляясь умалишенными, юродивые Христа ради подвергались непрестанным оскорблениям, были почти всеми оставлены и отвержены; живя в обществе, они были не менее одиноки, как и живущие в диких пустынях. Отказавшись совершенно от всякой собственности, от всех удобств, и благ жизни, свободные от всяких привязанностей к земному, не имея определенного пристанища в подвергаясь всем случайностям бесприютной жизни, эти избранники Божии были как бы пришельцами из другого мира. Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. При всем том, юродивые сохраняли всегда возвышенный дух, непрестанно возводили очи ума и сердца своего к Богу, постоянно горя духом перед Ним. Перенося безвинно столько оскорблений и лишений, они были чужды и духовной гордости, считая себя великими грешниками. Юродство

Выслушав это от того прекрасного юноши, блаженный Андрей пробудился от сна и удивлялся необычайному сновидению. С того времени он сделался Христа ради юродивым.

На другой день, восстав от сна, он помолился, взял нож и пошел к колодцу; тут снял он с себя одежду и, представляясь лишенным разума, изрезал ее на части. Ранним утром пришел за водой к колодцу повар и, увидев Андрея как бы пришедшего в исступление, пошел и рассказал об этом их господину. Скорбя об Андрее, господин их пошел к нему и нашел его как бы несмыслящим и говорящим неразумно. Подумав, что Андрей одержим бесом, он наложил на него железные вериги (цепи — *Ред.*) и приказал вести к церкви святой Анастасии. Андрей в течение дня представлялся лишенным разума, а ночью молился Богу и святой Анастасии. В глубине же своего сердца он размышлял о том, приятно ли Богу предпринятое им дело или нет, и хотел получить об этом извещение.

Когда он так размышлял, в видении ему представилось, что пять женщин и один светлообразный старец ходят, врачуя и посещая больных; пришли они также к Андрею, и старец сказал старейшей женщине:

— Госпожа Анастасия! Почему же ты не уврачуешь его?

— Учитель! — отвечала женщина, — его врачевал Тот, Кто сказал ему: «Сделайся ради меня юродивым, и в день Моего царствия будешь причастником многих благ». Ему не нужно врачевания.

Христа ради — это произвольное, постоянное мученичество, постоянная борьба против себя, против мира и диавола, и притом борьба — самая трудная и жестокая. Лишенные, по-видимому, простого здравого смысла человеческого, юродивые совершали однако такие гражданские подвиги любви к ближним, какие недоступны другим людям. Не стесняясь говорить правду в глаза никому, они своими словами или необыкновенными поступками то грозно обличали и поражали людей несправедливых в грешных, часто могучих и сильных мира, то радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, с целью исправить их и спасти, и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. Имея дар предсказывать будущее, они молитвами своими нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий и отвращали от них гнев Божий. При всей трудности, подвиг юродства требовал от святых подвижников и высокой мудрости, чтобы бесславие свое обращать во славу Божию и в назидание ближним, не допуская в смешном ничего греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других. Первые подвижники юродства о Христе явились весьма рано, в колыбели первоначального иночества — Египте, во второй половине IV века.

Сказав это, они пошли в церковь, откуда уже не возвращались, хотя Андрей смотрел вслед им до тех пор, пока стали ударять к утрени. Тогда блаженный, уразумев, что его подвиг угоден Богу, возрадовался духом и еще усерднее стал подвизаться: ночью — в молитве, а днем — в подвигах юродства.

Однажды блаженный Андрей ночью возносил, по своему обычаю, в глубине своего сердца молитвы Богу и святой Анастасии мученице. И вот пришел к нему, в явно видимом образе, диавол со множеством бесов, держа секиру; остальные же бесы несли ножи, деревья, колья и копья, как бы намереваясь убить блаженного. Явился и прежний эфиоп, в том виде, как он боролся с Андреем, и еще издали зарычал на него. Ринувшись на святого, он хотел рассечь его топором, который держал в руках. За ним кинулись и все остальные демоны. Святой же, воздев со слезами руки, возопил ко Господу:

— Не предай зверям душу, воздающую Тебе славу и честь!

Потом снова возопил:

— Святой апостоле Иоанне Богослове, помоги мне!

И вот прогремел гром, явилось множество людей и предстал благообразный старец, имевший лицо светлее солнца, и с ним великое множество слуг. Грозно и строго сказал он находящимся с ним:

— Затворите ворота, чтобы ни один из этих не убежал!

Тотчас ворота затворили, и все эфиопы были схвачены. И услышал Андрей, как один бес тайно говорил своему товарищу:

— Проклят тот час, в который мы соблазнились: ибо немилостив Иоанн и будет жестоко мучить нас!

Святой же Иоанн повелел пришедшим с ним людям, одетым в белые одежды, снять с шеи Андрея железные вериги (цепи). Затем стал за воротами и сказал:

— Приведите эфиопов ко мне одного за другим.

Привели первого беса и распростерли его на земле. Взяв веригу, апостол согнул ее втрое и дал бесу сто ударов. Бес же как человек кричал:

— Помилуй меня!

После этого распростерли другого демона, и он также был подвергнут ударам; затем третьего — и тот получил столько же ударов. Удары же, которым Господь подверг бесов, были не призрачными, а действительными наказаниями, которые причиняют страдание бе-

совскому роду. Когда, таким образом, все эфиопы были наказаны, Иоанн сказал им:

— Ступайте и покажите своему отцу, сатане, нанесенные вам раны — будет ли это ему приятно?

После того как одетые в белые одежды ушли и демоны исчезли, тот благолепный старец подошел к рабу Божию Андрею и, возложив на его шею вериги, сказал ему:

— Ты видишь, как поспешил я к тебе на помощь: ибо я очень о тебе забочусь, потому что Бог поручил мне попечение о тебе. Итак, терпи: скоро ты будешь отпущен и будешь ходить по своей воле, как тебе будет угодно.

— Господин мой, — сказал Андрей, — кто ты?

Старец ответил:

— Я тот, кто возлежал на персях Господних (см.: Ин. 13, 22; 21, 20).

Сказав это, он просиял как молния и скрылся от глаз юноши. Блаженный же Андрей прославил Бога за то, что Он послал ему на помощь возлюбленного ученика Своего.

После явления святого Иоанна Богослова, разговора с ним и мучений, причиненных бесам, блаженный Андрей, будучи по-прежнему скован, лег, желая уснуть, — и в то же время пришел в восторженное состояние. Он увидал себя в царских палатах. На престоле в великой славе сидел Царь, Который подозвал Андрея к себе и спросил:

— Желаешь ли всей душой трудиться для Меня?

Андрей отвечал:

— Желаю, Господи!

Царь дал ему вкусить нечто весьма горькое и при этом сказал ему:

— Таков скорбный путь работающих Мне в этом мире.

После этого Он дал вкусить Андрею нечто белее снега и слаще манны. Вкусив, Андрей возвеселился и позабыл горечь первой снеди. И сказал ему царь:

— Такова у Меня пища для служащих Мне и мужественно до конца претерпевающих. И ты мужественно соверши свой подвиг, как начал: ибо, перенеся в этой жизни немного страданий, ты будешь вечно пребывать в жизни нескончаемой.

Пробудившись от сна, Андрей пришел к мысли, что виденная им первая пища — горька прообразует терпение в здешнем мире, а последняя — сладкая — жизнь вечную.

После этого господин Андрея в продолжение четырех месяцев держал его при себе, а затем отпустил на свободу. Притворяясь лишенным разума, Андрей стал бегать по улицам. Он ходил по городу, *терпя недостатки, скорби, озлобления*; тот, которого *весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37–38). Одни надругались над ним, как над безумным, другие прогоняли его от себя, гнушаясь им, как псом смердящим, иные же считали его за одержимого бесом, а малолетние отроки глумились и били блаженного. Он же все претерпевал и молился об оскорблявших его.

Если кто из милостивых нищелюбцев подавал Андрею милостыню, он принимал ее, но отдавал другим нищим. Впрочем, он раздавал так, чтобы никто не знал, что он подает милостыню; сердясь на нищих и как бы желая их побить, он как юродивый бросал им в лицо деньгами, которые держал в руках, а нищие их подбирали. Иногда по трое суток не вкушал он хлеба, иногда же голодал и целую неделю, а если не находилось никого, кто бы подал ему ломоть хлеба, то он проводил без пищи и вторую неделю. Одеждой Андрею служило никуда не годное рубище, едва прикрывавшее телесную его наготу. Уподобляясь во всем святому Симеону, Христа ради юродивому[1], он днем бегал по улицам, а ночью пребывал на молитве. Живя в столь обширном городе, среди многочисленного населения, он не имел «где главы приклонить». Нищие прогоняли его от своих шалашей, а богачи не пускали на дворы жилищ своих. Когда же ему необходимо было уснуть и несколько успокоить свое измученное тело, он искал мусора, где лежат собаки, и располагался между ними. Но и псы не подпускали к себе раба Божия. Одни, кусая, отгоняли его от себя, другие же убегали от него сами. Никогда не засыпал он под кровлей, но всегда на холоде и зное, валяясь как Лазарь на гноище и грязи, попираемый людьми и животными. Так страдал добровольный мученик и так смеялся над всем миром юродивый: *зане́ бу́ее Божие премудрее человек есть*[2] (слав. 1 Кор. 1, 25). И вселилась в него

[1] *Святой Симеон*, Христа ради юродивый, подвизался в Сирии, в Едессе, около 590 года. Память его совершается 21 июля.

[2] Буйство о Христе, то, что мир считает безумием, и есть высшая, истинная премудрость, в противоположность премудрости века сего, которая есть безумие перед Богом. Вышеприведенные слова апостола, вместе с последующими, приложимые к святым апостолам и ко многим святым Божиим, особенно приложимы к юродивым Христа ради: «Буее Божие, премудрее человек есть: и немощное Бо-

благодать Святого Духа, и он получил дар прозорливости, ибо он стал прозревать помыслы людей.

Однажды в Константинополе у некоего знатного мужа умерла дочь, которая прожила жизнь свою в девственной чистоте. Умирая, она завещала похоронить ее за городом, на кладбище для бедных, находившемся в саду ее отца. Когда она скончалась, ее понесли на то место, где и похоронили ее по христианскому обычаю. В то время был в Константинополе гробокопатель, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. Стоя на дороге, он наблюдал, где будет похоронена девица. Заметив место ее усыпальницы, он решился, с наступлением ночи, разрыть могилу и снять одеяние с мертвой.

Случилось, что и святой Андрей, творя обычные подвиги юродства Христа ради, пошел на то место. Как только заметил он того гробокопателя, он провидел духом злое его намерение. Желая отклонить вора от задуманного дела и зная, какое воспоследует ему наказание, святой Андрей взглянул на него с суровым видом и, как бы в сильном гневе, сказал:

— Так говорит Дух, судящий похищающих одежды лежащих во гробах: не будешь ты более видеть солнца, не будешь видеть дня, ни лица человеческого; затворятся для тебя врата дома твоего и никогда более не откроются. Померкнет для тебя день и уже никогда не просветлеет.

Услышав это, гробокопатель не понял того, о чем говорил святой, и отошел, не обращая на слова его никакого внимания. Святой же, вторично посмотрев на него, сказал:

— Ты уходишь? Не укради! Если же ты сделаешь это, то — свидетельствую Именем Иисуса — не увидишь никогда солнца.

Поняв, что святой говорит ему, гробокопатель удивился, каким образом он знает его намерение, и, возвратившись к святому, сказал:

— Ты точно одержим беснованием и по демонскому наущению говоришь о таинственном и неизвестном! Я же нарочно пойду туда, чтобы видеть, сбудутся ли твои слова!

жие крепчае человек есть... буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит: и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая: и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая (ничего не значащее), да сущая (значащее) упразднит». Эти слова апостола Павла могут служить прекрасным пояснением и как бы характеристикой великого подвига юродства о Христе.

После этого святой удалился, продолжая юродствовать. С наступлением вечера, выбрав удобное время, вор отвалил камень от гроба, вошел в гроб и прежде всего взял верхнюю одежду покойной и все украшения, ибо они были многоценны. Взяв это, он намеревался удалиться, но какой-то внутренний голос подсказал ему: «Сними и рубашку: ведь она хороша». Сняв рубашку с девицы, гробокопатель хотел выйти из могилы. Мертвая же девица, по повелению Божию, подняла свою правую руку и ударила гробокопателя по лицу, и он тотчас ослеп. Ужаснулся тогда несчастный и затрепетал, так что от страха стали сокрушаться челюсти его, зубы, колени и все кости.

Умершая же девица отверзла уста свои и сказала:

— Несчастный и отверженный человек! Ты не побоялся Бога, не подумал того, что и ты человек! Тебе бы следовало постыдиться девической наготы; с тебя довольно уже взятого тобой, — хотя бы рубашку ты оставил моему обнаженному телу. Но ты меня не помиловал и жестоко поступил со мной, задумав сделать меня посмешищем пред всеми святыми девами в день второго пришествия Господня. Но теперь я поступлю с тобою так, что ты никогда не будешь больше воровать, дабы тебе было известно, что жив Бог Иисус Христос и что по смерти есть суд, воздаяние и наказание.

Проговорив эти слова, девица встала, взяла свою рубашку, облеклась в нее, и, возложив на себя все одежды и украшения, легла и сказала: *Ты, Господи, едину на уповании вселил мя еси* (слав. Пс. 4, 9).

С этими словами она снова почила в мире. А тот отверженный едва имел силы выйти из гроба и найти ограду сада. Хватаясь руками то за одну, то за другую стену ограды, он вышел на ближайшую дорогу и побрел к городским воротам. Расспрашивавшим по причине его слепоты он рассказывал совсем не то, что было в действительности. Но впоследствии рассказал все, что случилось с ним, одному своему другу. С тех пор он стал просить себе милостыню и таким образом снискивал себе пропитание. И часто он говорил себе:

— Будь проклята, гортань моя, ибо из-за тебя постигла меня слепота!

Вспоминал он также и святого Андрея и удивлялся, как все исполнилось, согласно провиденному и предреченному святым.

Однажды, ходя по городу, святой Андрей увидел, что навстречу ему несут покойника. Умерший был очень богатый человек, и за его

гробом шло великое множество народа со свечами и кадильницами. Церковнослужители пели обычные погребальные песнопения, а родные и близкие покойника плакали и рыдали. Видя своими прозорливыми очами, что делалось с тем мертвецом, святой остановился и стал смотреть. И вот, впав на долгое время в совершенное бесчувствие (в забытье), он увидел духовными очами множество эфиопов, шедших за гробом и громко кричавших:

— Горе ему, горе ему!

Одни из них держали в руках мешки, из которых рассыпали пепел на людей, окружавших мертвеца. Другие же бесы плясали и бесстыдно смеялись как бесстыдные блудницы, третьи лаяли как собаки, а иные еще хрюкали как свиньи. Мертвец был для них предметом радости и веселья. Некоторые из бесов, окружая мертвеца, кропили его смрадной водой, иные летали по воздуху около одра, на котором лежал мертвец. От трупа же умершего грешника исходил удушливый смрад. Идя следом за мертвым, бесы рукоплескали и производили ужасный топот ногами, издеваясь над поющими и говоря:

— Пусть Бог не даст никому из вас видеть свет, жалкие христиане, ибо вы воспеваете над псом: «Со святыми упокой душу его», и при этом вы называете его, причастного всяческому злу, рабом Божиим.

Взглянув вторично, Андрей увидел, что один из бесовских князей, с пламенным взором, шел ко гробу того отверженного со смолой и серой, чтобы сжечь его тело. Когда же совершился обряд погребения, святой Андрей увидел Ангела, шедшего во образе прекрасного юноши и плакавшего горькими слезами. Проходя мимо, Ангел приблизился к святому Андрею. Последний, подумав, что этот юноша — один из близких умершего и потому так плачет, подошел к нему и сказал:

— Прошу тебя именем Бога небеси и земли: скажи, что за причина твоего плача? Ибо никогда и никого не видел я столь горько плачущим об умершем, как ты.

Ангел отвечал:

— Вот почему я проливаю слезы: я был приставлен для охранения к покойному, которого ты видел, когда его несли в могилу. Но его взял к себе диавол. — Это и есть причина моего плача и печали.

На это святой сказал ему:

— Я теперь понял, кто ты; молю тебя, святой Ангел, расскажи мне, что за грехи были у покойного, из-за которых захватил его в свои руки диавол?

— Андрей, избранник Божий! — отвечал Ангел. — Так как ты желаешь узнать об этом, то я расскажу тебе, ничего не скрывая. Я вижу красоту святой души твоей, светящуюся наподобие чистого золота; увидев тебя, я несколько утешился в моей скорби. Этот человек был в великом почете у царя. Но он был страшный грешник и вел преступную жизнь. Он был и блудником, и прелюбодеем, зараженным содомским грехом, льстецом, немилосердным, сребролюбцем, лжецом и человеконенавистником, злопамятным, мздоимцем и клятвопреступником. Свою бедную челядь он морил голодом, побоями и наготой, оставляя ее в зимнее время без обуви и одежды. Многих рабов он даже убил и закопал их под полом конюшен. Одержимый ненавистной Богу похотью, он осквернил до трех сотен душ мерзкими и отвратительными грехами блудодеяния. Но и для него пришло время жатвы и застала его смерть не покаявшимся и имеющим несказанные грехи. Душу его взяли бесы, а отвратительное тело его — ты и сам видел — злые духи провожали с поруганием. Вот почему, святая душа, тужу я; одержимый глубокой скорбью, я плачу, потому что охраняемый мной ныне стал посмешищем демонов.

На эти слова Ангела Божия святой сказал:

— Умоляю тебя, друг, — прекрати этот плач: умерший поступал дурно, поэтому скончался без покаяния; пусть же он насыщается плодами дел своих. Ты же, пламеннообразный, исполненный всяческих добродетелей, слуга Вседержителя Господа Саваофа, отныне вовеки будешь наслаждаться благ Бога Твоего.

После этих слов Ангел невидимо удалился от Андрея. Мимопроходящие по своему недостоинству не могли видеть Ангела и, думая, что святой разговаривает сам с собой, говорили друг другу:

— Посмотрите на этого юродивого, как он потешается и бессмысленно разговаривает со стеной.

При этом они толкали его и отгоняли, говоря:

— Что тебе нужно, юродивый? Недостойный беседовать с людьми, ты разговариваешь со стеной?!

Святой молча отошел и, уединившись в тайном месте, горько плакал о погибели несчастного, которого он видел несомым к могиле.

Однажды святой Андрей ходил в толпе людей на базаре около колонны, которую поставил царь Константин[1]. Некая женщина, по имени Варвара, будучи просвещена Святым Духом, с ужасом увидела в толпе блаженного Андрея блистающим наподобие пламенного столпа. При этом некоторые неразумные толкали его, а другие били, многие же, глядя на него, говорили:

— Этот человек — безумен: погубил свой рассудок. Да не случится это и с недругами нашими!

Бесы же, ходя за святым Андреем в образе черных эфиопов, говорили:

— О, если бы Бог не посылал на землю другого, подобного этому; ибо никто не иссушал сердец наших так, как этот человек, который, не желая работать для своего господина, притворился юродивым и насмехается над всем миром.

И видела та женщина, что эфиопы отмечали бьющих святого и говорили между собой:

— Нам приятно, что они безрассудно его бьют, ибо за истязание невинного угодника Божия они будут осуждены в смертный час свой, и нет для них спасения.

Услышав это, блаженный, по внушению Духа Божия, устремился на них как пламень, уничтожил дивной силой знамения бесов и, гневаясь на них, сказал:

— Вы не должны отмечать бьющих меня, ибо я молюсь Владыке моему, да не вменит им во грех нанесение мне побоев. Они делают это по неведению и, ради неведения своего, получат прощение.

Когда святой говорил это, внезапно отверзлось, подобно вратам, небо и оттуда опустилось над святым множество прекраснейших ласточек, а посередине их — большой белоснежный голубь, державший в своем клюве золотой масличный лист. И сказал голубь святому человеческим языком:

— Возьми лист этот, его прислал тебе из рая Господь Вседержитель, в знамение Своего к тебе благоволения, ибо ты милуешь и прощаешь наносящих тебе побои и молишься за них, чтобы это не вменилось им во грех.

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется знаменитая пурпуровая римская колонна, воздвигнутая Константином Великим в благодарную память о победе, одержанной им над Максенцием силой Креста Христова и им же перевезенная впоследствии в Константинополь.

С этими словами голубь опустился на голову святого. Видя все это, благочестивая женщина удивлялась и, придя в себя после видения, говорила:

— Сколько светильников имеет Бог на земле, и никто их не знает!

Много раз намеревалась она рассказать о своем видении другим, но сила Божия удерживала ее. Впоследствии святой Андрей встретил ее в одном месте и сказал ей:

— Сохраняй мою тайну, Варвара, и того, что ты видела, не рассказывай никому, пока я не дойду *в место селения дивна, даже до дому Божия* (слав. Пс. 41, 5).

— Честный светильник и святой Божий, — отвечала Варвара, — если бы я и захотела кому рассказать свое видение — то не могу, ибо невидимая Божия сила меня удерживает.

Ходя по городу, святой Андрей встретил однажды некоего вельможу и, провидя его жизнь, плюнул на него, говоря:

— Лукавый блудник, хулитель Церкви, ты притворяешься, что идешь в храм; ты говоришь: «К заутрени иду», — а сам идешь к сатане для скверных дел. О беззаконник, встающий в полночь и прогневляющий Бога! Уже наступило время восприять тебе по делам твоим! Или ты думаешь, что скроешься от страшного, всевидящего и всеиспытующего ока Божия?

Услышав это, вельможа ударил коня и уехал, чтобы не быть посрамленным еще более. По прошествии нескольких дней он тяжко заболел и стал сохнуть. Приближенные переносили его из одной церкви в другую и от одного врача к другому; но это не приносило ему никакой пользы. Вскоре этот отверженный человек отошел на вечное мучение. В одну ночь святой увидел около дома того вельможи пришедшего с запада Ангела Господня. Ангел имел вид огненного пламени и держал большую пламенную палицу. Когда Ангел подошел к больному, то услышал голос свыше:

— Бей этого хулителя, отвратительного содомлянина, и, нанося ему удары, говори: «Желаешь ли ты еще творить грехи и осквернять различных людей? Будешь ли ты ходить для диавольского беззакония, притворяясь, что идешь к заутрени?»

Ангел стал исполнять повеленное ему. При этом голос Ангела и удары его были слышны, сам же Ангел не был виден. В таких мучениях человек тот испустил дух.

Придя однажды на рынок, святой Андрей встретил одного инока, которого все восхваляли за добродетельную жизнь. Правда, он подвизался, как подобает инокам, но без меры был склонен к сребролюбию. Многие из жителей города, исповедуя ему свои грехи, давали ему много золота, для раздачи нищим. Он же, будучи одержим ненасытной страстью сребролюбия, никому не давал, а все клал в сумку, и радовался, видя увеличение денег. Проходя одной с тем жалким иноком дорогой, блаженный Андрей увидел прозорливыми очами, что этого сребролюбца обвивает страшный змей. Близко подойдя к иноку, святой стал рассматривать того змея. Инок же, принимая Андрея за одного из нищих, просящих милостыню, сказал ему:

— Бог тебя помилует, брат; у меня нет ничего подать тебе.

Отойдя от него на небольшое расстояние, блаженный заметил, что вокруг него в воздухе над змием написано темными письменами:

— Корень всякому беззаконию — змей сребролюбия.

Оглянувшись же назад, святой заметил двух спорящих между собой юношей — один из них был черен и имел темные очи, это был бес, другой же — Божий Ангел, был белый как свет небесный. Черный говорил:

— Инок — мой, так как он исполняет мою волю. Он немилосерден и сребролюбив — он не имеет части с Богом и работает на меня, как идолослужитель.

— Нет, он мой, — возражал Ангел, — ибо постится и молится, и притом он кроток и смиренен.

Так они препирались, и не было между ними согласия. И был с неба голос к светоносному Ангелу:

— Нет тебе части в том чернеце, оставь его, потому что он не Богу, а маммоне работает.

После этого отступил от него Ангел Господень и дух тьмы получил над ним старейшинство. Увидев это, блаженный Андрей удивлялся, что враждебный демон одолел в споре светлого Ангела. Встретив однажды на улице инока того, святой взял его за правую руку и сказал:

— Раб Божий, без раздражения выслушай меня, раба твоего, и милостиво прими убогие слова мои, ибо из-за тебя постигла меня

большая скорбь, и я более не могу переносить, чтобы ты, будучи сперва другом Божиим, стал теперь слугой и другом диавола. Ты имел крылья, как Серафим: зачем же ты предался сатане, чтобы тот отрезал их до основания? Лик у тебя был блестящий, как молния: почему же ты потемнел? Увы мне! Ты имел зрение как бы многих очей, а ныне змий тебя совсем ослепил. Ты был солнцем, но зашел в темную и бедственную ночь. Зачем ты, брат, погубил свою душу, зачем ты подружился с бесом сребролюбия, попустил ему пребывать с тобой? Зачем собираешь золото? Разве ты будешь похоронен с ним? Ведь, после твоей смерти оно другим достанется! Неужели хочешь ты, чтобы тебя погубила скупость? В то время как другие умирают от голода, холода и жажды, ты веселишься, взирая на обилие золота. Таковы ли пути к покаянию? Таков ли устав для иноков, повелевающий пренебрегать суетною жизнию? Так ли ты отрешился от мира и того, что в мире? Так ли ты распялся миру и всей его суете? Разве ты не слыхал Господа, говорящего: *Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд* (Мф. 10, 9–10)? Почему же ты забыл эти заповеди? Вот ныне или завтра окончится жизнь наша, *кому же достанется то, что ты заготовил* (Лк. 12, 20)? Разве ты не знаешь, что охраняющий тебя Ангел с плачем удалился далеко от тебя, а диавол стоит подле тебя, и вокруг шеи твоей обвился змей сребролюбия, ты же его не замечаешь. Правду тебе говорю я, что, проходя мимо, я слышал отрицающегося от тебя Господа. Умоляю тебя: раздай имение нищим, сиротам, вдовам, убогим и странникам, не имеющим места, где преклонить голову. Постарайся же, чтобы тебе вновь быть другом Божиим. Если же ты не послушаешь меня — погибнешь лютой смертью. Именем Иисуса Христа свидетельствую, что ты тотчас увидишь диавола.

После этого он прибавил:

— Видишь ли ты его?

И открылись у инока духовные очи, и увидел он диавола черного как эфиопа, зверообразного, со страшной пастью; но он стоял вдали и, при виде Андрея, не осмеливался приблизиться. Тогда инок сказал святому:

— Раб Божий, я вижу его, и ужасный страх объял меня; скажи мне: что нужно для спасения души моей?

Андрей снова сказал ему:

— Поверь мне: если ты не послушаешь меня, я нашлю его на тебя, чтобы он тебя замучил и чтобы о твоем посрамлении услышали не только одни эти граждане, но и все четыре страны вселенной; берегись же и исполни то, что я тебе говорю.

Услышав это, инок убоялся и обещал исполнить все, что приказывал святой. И тотчас Андрей увидел, что с Востока пришел могучий дух в образе молнии и коснулся того змия, уничтожая силу последнего; змий же, не будучи в силах вынести это, превратился в ворона и исчез. Также погиб и черный эфиоп, и снова над тем иноком принял власть Ангел Божий. Расставаясь с иноком, блаженный заповедал ему:

— Смотри, ничего не рассказывай обо мне, а я стану поминать тебя в моих молитвах день и ночь, дабы Господь Иисус Христос направил тебя на добрый путь.

После того инок пошел и раздал нищим все свое золото, и еще более был впоследствии прославлен Богом и людьми; многие приносили к нему золото, чтобы он раздавал его бедным. Но он приказывал жертвователям раздавать его своими руками, говоря:

— Какая для меня польза заботиться о чужом соре?

В то время, когда он жил так, как подобает иноку, с радостным лицом в видении явился ему святой Андрей, показал ему на поле светлое дерево, имеющее цвет сладкого плода, и сказал:

— Возблагодари Бога, отче, за то, что Он исторг тебя из пасти змия и соделал твою душу подобной цветоносному дереву. Постарайся же этот цвет обратить в плод сладкий. Это прекрасное дерево, которое ты видишь, есть изображение твоей души.

Придя в себя, инок еще более окреп в духовном делании и всегда приносил благодарение Богу и угоднику Его Андрею, наставившему его на путь спасения.

Святой Андрей так благоугодил Богу и столь возлюбил его Господь, что однажды он был, подобно апостолу Павлу, восхищен до третьего неба (см.: 2 Кор. 12, 2) и слышал там неизреченные глаголы и созерцал незримые для смертного красоты рая. Об этом поведал он сам перед своей кончиной верному своему другу Никифору.

Раз как-то случилась суровая зима, и в Константинополе в продолжение целых двух недель стоял сильный мороз; все жилища были занесены снегом; от бури ломались деревья и птицы падали мерт-

выми на землю, не находя себе пищи. Тогда все бедняки и нищие были в сильной скорби и утеснении; стеная, плача и дрожа от стужи, они умирали вследствие лишений, голода и холода. Тогда и блаженный Андрей, не имея ни пристанища, ни одежды, испытывал немалую скорбь вследствие стужи. Когда он, желая хотя на некоторое время укрыться под кровлей, приходил к другим нищим, они гнали его от себя палками как собаку, крича на него:

— Пошел прочь отсюда, пес!

Не имея убежища от прилучившегося бедствия и отчаиваясь за самую свою жизнь, он сказал себе:

— Благословен Господь Бог! Если я умру от этой стужи, то пусть умру по любви моей к Нему, но Бог силен подать мне и терпение перенести стужу эту.

Зайдя в один закоулок, святой увидел лежащую там собаку и, желая согреться от нее, лег с ней. Но, увидев его, собака встала и ушла. И сказал Андрей сам себе:

— О сколь ты грешен, окаянный! Не только люди, но и псы пренебрегают тобой!

Когда он, таким образом, лежал, дрожа от лютого холода и ветра, тело же его измерзло и посинело, он подумал, что пришло время последнего его издыхания, и стал молиться, чтобы Господь принял с миром его душу. И вот внезапно он ощутил в себе внутреннюю теплоту и, открыв глаза свои, увидел некоего прекрасного юношу, лицо которого светилось как солнце. Он держал в своей руке ветвь, покрытую различными цветами. Взглянув на Андрея, юноша сказал:

— Андрей, где ты?

Андрей отвечал:

— Ныне я нахожусь *в темных и сени смертней* (слав. Пс. 87, 7).

Тогда явившийся юноша слегка прикоснулся к лицу Андрея цветущей ветвью, которую держал в руке, и сказал:

— Прими оживление твоему телу.

Святой Андрей вдохнул в себя благоухание тех цветов, оно проникло в сердце его, согрело и оживотворило все тело его. Вслед за этим он услышал голос, говорящий:

— Ведите его, чтобы он на время успокоился здесь, а потом он снова возвратится.

С этими словами на него нашел сладкий сон, и он увидел неизреченные Божии откровения, о которых он подробно сообщил сам вышеупомянутому Никифору, в таких словах:

— Что со мной было, я не знаю. По Божественному изволению, я пребывал в течение двух недель в сладостном видении, подобно человеку, который, сладко проспав всю ночь, просыпается утром. Я видел себя в прекрасном и дивном рае и, удивляясь этому в душе, размышлял: «Что это значит? Я знаю, что живу в Константинополе, а как сюда попал — не знаю». И не понимал я, *в теле ли* был*, вне ли тела — не знаю: Бог знает* (2 Кор. 12, 2). Но я видел себя облеченным в светлое, как бы из молний сотканное, одеяние, на голове моей лежал венок, сплетенный из многих цветов; я был опоясан царским поясом и сильно радовался при виде той красоты; умом и сердцем удивлялся я несказанной прелести рая Божия и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из тех деревьев непрестанно цвели, другие были украшены златовидной листвой, иные же имели плод несказанной красоты; этих деревьев нельзя уподобить по красоте ни одному земному дереву, ибо их насадила не человеческая рука, а Божия. В тех садах были бесчисленные птицы с золотыми, белоснежными и разноцветными крыльями. Они сидели на ветвях райских деревьев и так прекрасно пели, что от сладкозвучного их пения я не помнил себя: так услаждалось мое сердце, и я думал, что их пение слышно даже на самой высоте небесной. Те прекрасные сады стояли по рядам, наподобие того, как стоит один полк против другого. Когда я с сердечной радостью ходил между ними, то увидел большую, протекающую по средине рая реку, которая орошала прекрасные те сады. По обоим берегам реки рос виноград, распростирая лозы, украшенные листьями и златовидными гроздьями. Там со всех четырех сторон веяли тихие и благоухающие ветры, от дуновения которых сады колыхались, производя своими листьями чудный шелест. После этого на меня напал какой-то ужас, и мне показалось, что я стою на верху небесной тверди, предо мной же ходит какой-то юноша, с светлым, как солнце, лицом, одетый в багряницу. Я подумал, что это — тот, который ударил меня цветущей ветвью по лицу. Когда я ходил по его

стопам, то увидел Крест большой и прекрасный, по виду подобный радуге, а кругом его стояли огневидные, как пламень, певцы и воспевали сладостное песнопение, славословя Господа, некогда распятого на Кресте. Шедший предо мной юноша, подойдя ко Кресту, облобызал его и дал знак и мне, чтобы и я облобызал Крест. Припав ко святому Кресту со страхом и великой радостью, я усердно лобызал его. Лобызая его, я исполнился несказанной духовной сладости и обонял благоухание сильнее райского. Пройдя мимо Креста, я посмотрел вниз и увидел под собою как бы морскую бездну. Мне показалось, что я хожу по воздуху; испугавшись, я закричал моему путеводителю:

— Господин, я боюсь, как бы мне не упасть в глубину.

Он же, обратившись ко мне, сказал:

— Не бойся, ибо нам необходимо подняться еще выше.

И он подал мне руку. Когда я ухватился за нее, мы уже находились выше второй тверди. Там я увидал дивных мужей, их упокоение и непередаваемую на языке человеческом радость их праздника. После этого мы вошли в какой-то дивный пламень, который не опалял нас, но только осиявал. Я стал ужасаться, и снова мой путеводитель, обернувшись, подал мне руку и сказал:

— Нам следует подняться еще выше.

И вот после этих слов мы поднялись выше третьего неба, где я видел и слышал множество сил небесных, воспевающих и славословящих Бога. Мы подошли к какой-то, блистающей, как молния, завесе, пред которой стояли великие и странные юноши, видом подобные как бы огненному пламени; лица их сияли ярче солнца, а в руках у них было огненное оружие. Предстоя со страхом, увидел я бесчисленное множество небесного воинства. И сказал мне водивший меня юноша:

— Когда отверзется завеса, ты увидишь Владыку Христа. Поклонись же престолу славы Его.

Услышав это, я радовался и трепетал, ибо меня объял ужас и неизреченная радость. Я стоял и смотрел, ожидая, когда отверзется завеса. И вот какая-то пламенная рука отверзла завесу, и я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, *сидящего на престоле высоком... Вокруг Него стояли Серафимы* (Ис. 6, 1–2). Он был облечен в багряную одежду; лицо Его было пресветло, а очи Его с любовью взирали на

меня. Увидев это, я пал перед Ним ниц, поклоняясь пресветлому и страшному престолу славы Его. Какая радость объяла меня при созерцании лица Его, того нельзя словами и выразить, даже и теперь, при воспоминании о том видении, я преисполняюсь неизреченною радостью. В трепете лежал я пред моим Владыкою, изумляясь такому Его милосердию, что Он попустил мне, нечестивцу и грешнику, предстать пред Собою и созерцать Божественную Его красоту. Размышляя о своем недостоинстве и созерцая величие моего Владыки, я умилялся и повторял про себя слова пророка Исаии: *горе мне! ибо я человек с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа* (Ис. 6, 5). И услышал я премилосердного Творца моего, изрекшего мне пресладкими и пречистыми Своими устами три Божественных слова, которые так усладили сердце мое и разожгли его любовью, что я от теплоты духовной весь истаявал, как воск, и исполнилось на мне слово Давидово: *сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей* (Пс. 21, 15). После этого все небесное воинство воспело предивную и неизреченную песнь, а затем — не понимаю и сам, как, — снова очутился я ходящим по раю. И размышлял я о том, что не видел Пречистой Госпожи Богородицы. И вот я увидел мужа, светлого как облако, носящего Крест и говорящего:

— Пресветлейшую небесных сил Царицу хотел ты увидеть здесь? Но Ее нет здесь. Она удалилась в многобедственный мир — помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место, но теперь нет времени, ибо тебе надлежит опять возвратиться туда, откуда ты пришел: так повелевает тебе Владыка.

Когда он говорил это, мне казалось, будто я сладко уснул; затем, проснувшись, очутился я на том самом месте, где находился ранее, лежащим в углу. И удивлялся я тому, где я был во время видения, и тому, что сподобился видеть. Мое сердце исполнилось неизреченной радости, и я возблагодарил моего Владыку, изволившего явить мне такую благодать.

Это видение святой Андрей поведал пред своей кончиной своему другу Никифору и взял с него клятву не рассказывать о том никому, пока он не отрешится от уз тела. Никифор же усердно умолял святого, чтобы он сообщил ему хотя бы одно из тех трех слов, которые изрек ему Господь; но святой не пожелал этого открыть. Так святой

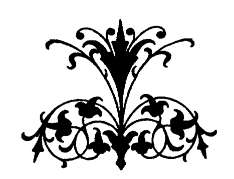
Андрей, вознесенный, подобно апостолу Павлу, увидал то, чего не видело бренное око, слышал то, чего не слышало смертное ухо, и насладился в откровении такими небесными красотами, которых и не представляло себе человеческое сердце (см.: 1 Кор. 2, 9). А так как, при откровении небесных тайн, он не видел Пречистой Госпожи Богородицы, то Ее он сподобился увидеть на земле в видении во Влахернской церкви, когда Она, придя помогать людям, явилась на воздухе, с пророками, апостолами и чинами ангельскими, молясь о людях и покрывая их честны́м Своим омофором. Увидев Ее, блаженный сказал ученику своему Епифанию:

— Видишь ли ты молящуюся Царицу и Госпожу всех?

Епифаний отвечал:

— Вижу, отче святой, и ужасаюсь.

Проводя дивное житие, святой Андрей много чудодействовал и претерпел много поруганий и побоев, как о том сообщается в отдельной книге его жития, написанной Никифором[1]. Он предрекал будущее и обратил к покаянию многих грешников. Затем он переселился в вечные обители[2], до которых раньше был временно вознесен; ныне же, водворившись в них навеки, ликует с Ангелами и в блаженстве предстоит Богу, Единому в Трех Лицах: Отцу и Сыну и Святому Духу, Ему же слава вовеки. Аминь.



---

[1] В греческом подлиннике жития святого Андрея юродивого, в заключении, писатель говорит: «Я, Никифор, милостью Вседержителя Бога, причисленный к иереям Великой церкви царствующего града, именуемой Премудрости (Софии) Божией (то есть Софийского собора), написал чудную и достославную жизнь честного во святых отца Андрея, как видел своими собственными очами и узнал от славного Епифания, бывшего после архиерея».

[2] Святой Андрей юродивый скончался шестидесяти шести лет от роду. Кончина его последовала около 936 года.

День третий

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

Священномученик Дионисий Ареопагит[1] происходил от благородных родителей — язычников и получил воспитание в знаменитом городе Афинах[2]. В молодости он был отдан для обучения эллинской премудрости[3], в которой оказал такие успехи, что, будучи двадцати пяти лет от роду, превзошел в философских познаниях всех своих сверстников. Желая еще более усовершенствоваться в философских науках, он удалился в египетский город Илиополь[4], где издавна проживали знаменитые учители. У них, вместе с другом своим Аполофаном, Дионисий обучался астрономии[5]. В тот самый день, когда был распят на кресте, ради нашего спасения, Христос Господь и, когда в полдень солнце померкло и в продолжение трех часов была тьма, Дионисий в изумлении воскликнул:

---

[1] *Ареопагит* — член Верховного Афинского государственного совета и судилища — Ареопага.

[2] *Афины* — столица древнегреческого государства; славилась своими постройками, статуями, развитием торговли и промышленности, и особенно школами. Здесь до позднейших времен (VI век до Рождества Христова) находились знаменитые философские училища, в которых получали образование жители древних стран.

[3] *Эллинский* — греческий; иногда это слово значит языческий; ко времени Рождества Христова греки были самым образованным народом древности.

[4] *Илиополь* — город в Африке; находится на правом берегу реки Нила, на одном из его восточных рукавов — на юге Нижнего Египта.

[5] *Астрономия* — наука, изучающая законы движения светил небесных. Египетские ученые, именно жрецы, в особенности славились изучением этой науки.

— Или Бог, Создатель всего мира, страждет, или этот видимый мир кончается!

Он сказал это о Христовом страдании по наитию Духа Божия, а не по учению премудрости века этого. Вернувшись из Египта в Афины, Дионисий вступил в брак и, будучи первым среди сограждан по благородству, разуму и честности, сделался членом Ареопага. Когда святой апостол Павел, придя в Афины, проповедовал там в Ареопаге пред старейшинами Распятого и Воскресшего Христа[1], тогда Дионисий, внимательно выслушивая слова святого апостола, запечатлевал их в своем сердце. Другие старейшины города недоверчиво отнеслись к проповеди апостола и сказали ему, что они в другое время выслушают от него проповедь о Христе. Но Дионисий, будучи разумнее других, стал наедине рассуждать с Павлом[2].

Апостол Павел спросил его:

— Кого вы почитаете за Бога?

Дионисий показал ему в городе Кроноса, Афродиту, Зевса, Гефеста, Гермеса, Диониса, Артемиду и многих других[3]. Рассматривая вместе с Дионисием этих богов, апостол Павел увидел одно капище, на котором была надпись: «Неведомому Богу».

Он спросил Дионисия:

— Кто этот «Неведомый Бог»?

— Тот, — отвечал Дионисий, — Который еще не явился среди богов, но Который придет в свое время. Это Тот Бог, Который будет царствовать над небом и землей, и Царству Его не будет конца.

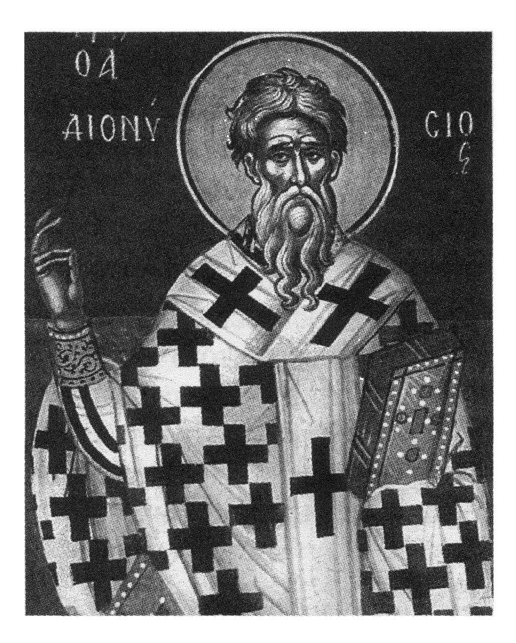
Услышав это, апостол начал плодотворно сеять на благую почву семя слова Божия; на основании тех же самых слов Дионисия апо-

---

[1] Во время второго великого путешествия апостола Павла с проповедью Евангелия — около 54 года по Рождестве Христовом.

[2] Подробно об этом повествуется в книге Деяний апостольских: 17, 15–34.

[3] *Кронос*, или *Хронос*, — бог времени, сын *Урана* (Небо). Греки думали, что он произвел на земле золотой век, существовавший в первый период жизни рода человеческого. — *Афродита*, или *Венера*, — богиня женской красоты и любви. — *Зевс* (или *Юпитер* — у римлян) почитался у греков главным божеством, отцом богов и людей, повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей. — *Гефест* — бог огнедышащих гор и покровитель кузнечного искусства. — *Гермес* — бог, покровитель торговли и всякого рода сношений между людьми и богами, — вестник воли богов. — *Дионисий*, или *Вакх*, — бог вина и веселья. — *Артемида*, или *Диана*, известная языческая богиня у греков, олицетворяла собой луну и считалась покровительницей лесов и охоты.



стол сообщил ему, что Этот Бог уже пришел, что Он родился от Пресвятой Приснодевы Марии и, пригвожденный ко Кресту, пострадал для спасения людей. Будучи не в силах видеть Его страдание, солнце изменилось в мрак и в течение трех часов не испускало света своего для вселенной. Этот-то Бог воскрес из мертвых и вознесся на небо. «Итак, Дионисий, — заключил свои слова святой апостол Павел, — веруй в Него, познай Его и послужи праведно истинному Богу, Иисусу Христу».

Дионисий вспомнил о бывшей по всей земле темноте, о которой упомянул и святой Павел, и тотчас уверовал, что в то время в человеческом теле страдал Бог. После этого он открыл сердце свое к познанию Неведомого дотоле Бога, Господа Иисуса Христа. Просвещенный светом Божественной благодати, Дионисий начал упрашивать апостола помолиться о нем Богу, чтобы Он был к нему милосерд и сопричислил бы его к рабам Своим.

Когда апостол Павел уходил из города Афин один слепец, о котором все знали, что он не видит с самого своего рождения, умолял апостола даровать ему прозрение. Святой апостол, осенив крестным знамением глаза слепого, сказал:

— Господь мой Иисус Христос, Который *плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому* (Ин. 9, 6), и даровал ему зрение, Тот да просветит и тебя Своей славой!

И тотчас после этого слепой прозрел. Апостол Павел повелел ему идти к Дионисию и сказать:

— Меня послал к тебе Павел, раб Иисуса Христа, дабы ты, согласно своему обещанию, пришел к нему и, крестившись, получил оставление грехов.

Слепец отправился и сказал то, что повелел апостол Павел; вместе с тем, он проповедовал о Божием благодеянии, оказанном ему

чрез апостола. Увидев известного ему слепца прозревшим, Дионисий еще более утвердился в своей вере во Христа. Вместе с своей женой Дамарою[1], с сыновьями и со всем своим домом он немедленно пришел к апостолу Павлу и крестился от него. После этого Дионисий оставил дом, жену и детей, присоединился к апостолу Павлу и в течение трех лет следовал за ним по тем местам, где пребывал апостол. Чему Дионисий научился от апостола Павла, о том свидетельствуют его сочинения: «О Божественных Таинствах»[2]. Впоследствии Дионисий был поставлен апостолом Павлом во епископа, и из Солуня[3] отправлен был в Афины, чтобы там послужить спасению людей. Этот Дионисий слышал проповедь не одного только апостола Павла, но и всех апостолов. Он находился в их сонме в то время, когда они все были собраны к погребению Пречистой Владычицы Богородицы. Он сам о себе пишет в своих книгах, что он был в Иерусалиме у Гроба Господня, где видел и слышал Иакова, брата Божия[4], и первоверховного Петра. Там же Дионисий видел и Иоанна Богослова с учениками апостола Павла — святыми Тимофеем и Иерофеем[5] и с иными многочисленными братьями, когда он проповедовал там о Таинствах веры.

После своего обращения ко Христу святой Дионисий прожил в Афинах довольно продолжительное время и значительно распространил основанную там святым апостолом Павлом Церковь Божию. Затем Дионисий, подобно святым апостолам, пожелал и в других

---

[1] О Дамаре упоминает и книга Деяний апостольских: 17, 34.

[2] «Таинственное богословие» — как иначе называется это сочинение — рассуждает о том, что все человеческие представления и определения Бога не выражают Его сущности и что Боговедение должно состоять в таинственном созерцании непостижимого Божественного Существа.

[3] *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный древний город Македонии, лежал в глубине большого Солунского, или Фермейского, залива при Эгейском море (Архипелаге). В настоящее время город этот известен под именем Салоники в Греции.

[4] Святой апостол *Иаков* (*Младший*) был сын Алфея (Клеопы) и Марии, сестры Богоматери (Ин. 19, 25; Мк. 15, 40, 47; 16, 1; Лк. 24, 10; Мф. 13, 55; Мк. 6, 3). Он особенно заботился об устройстве Церкви в Иерусалиме и претерпел мученическую кончину в 62 году по Рождестве Христовом. После него остался составленный им древнейший чин литургии.

[5] Память апостола Тимофея 22 января. — О святом Иерофее Афинском см. 4 октября.

странах проповедовать Евангелие и пострадать за имя Христово, как и учитель его — блаженный Павел, пострадавший за Христа от Нерона[1] в Риме. Поставив афинянам вместо себя епископа, Дионисий удалился в Рим, где его с радостью принял святой Климент, епископ Римский[2]. Прожив с ним недолгое время, святой Дионисий был послан Климентом — вместе с епископом Лукианом, священником Рустиком, диаконом Елевферием и прочией братией — в Галлию[3] для проповеди здесь слова Божия язычникам. Придя с ними в Галлию, святой Дионисий стал проповедовать слово Божие обитателям той страны, и в городе Париже[4] многих обратил от идолослужения к вере в Господа. Там он построил церковь[5] на собранные новообращенными христианами средства. В этой церкви Дионисий приносил бескровные жертвы, моля Бога, чтобы Он даровал ему силу привлечь к Церкви многих словесных овец. Когда таким образом распространялось здесь слово Божие, началось вторичное после Нерона гонение, воздвигнутое Домицианом[6]. Этот император послал в Галлию военачальника Сисиния, чтобы предать мучениям тамошних христиан. Придя в город Парих, Сисиний приказал прежде всего схватить для мучения Дионисия, прославившегося чудесами и мудростью Божией; вместе с ним были взяты Рустик и Елевферий, прочие же из братии удалились на проповедь в другие страны. Святой Дионисий в это время был уже очень стар и утомлен трудами Евангельской проповеди. Когда он, крепко связанный, вместе с Рустиком и Елевферием, приведен был к полководцу Сисинию, последний, взглянув на него, с гневом произнес:

---

[1] *Нерон* — Римский император (54–68 гг. по Рождеству Христову) был первым жестоким гонителем на христиан. В 66 или 67 году, во время этого гонения, претерпел мученическую кончину святой апостол Павел, осужденный на смерть чрез усечение мечом.

[2] *Святой Климент*, третий епископ города Рима (с 92 по 101 год). Претерпел мученическую кончину при императоре Траяне (в 101 г.). Памятником его деятельности на пользу Церкви осталось его послание к Коринфянам.

[3] *Галлия* — нынешняя Франция.

[4] *Париж* — ныне столица Франции, на реке Сене; в древности называлась *Лютеция*.

[5] Впоследствии здесь был знаменитый монастырь Сен-Дени, усыпальница древних французских королей.

[6] *Домициан* царствовал с 81 по 96 год.

— Ты ли тот злочестивый старец Дионисий, который, хуля наших[1] богов, ниспровергает все служение им и противится царским повелениям?

Святой отвечал:

— Хотя я, как ты и сам видишь, уже состарился телом, но вера моя цветет юностью и исповедание мое всегда рождает новых чад для Христа.

На вопрос Сисиния: «Кого он почитает за Бога» — святой Дионисий возвестил ему слово истины и исповедал великое имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа.

Но воевода, уподобившись глухому аспиду[2] и не желая слушать спасительной проповеди, спрашивал всех троих — Дионисия, Рустика и Елевферия, желают ли они повиноваться царю и принести языческим богам жертвы. Они же, как бы едиными устами, отвечали:

— Мы — христиане, почитаем Единого Бога, Который на небе, и Ему мы поклоняемся; приказанию же царскому повиноваться не будем.

Тогда Сисиний приказал обнажить Дионисия и без милосердия бить веревками. Святой все это терпел, благодаря Бога за то, что Он сподобил его носить раны Его на теле своем. Так же точно мучили Рустика и Елевферия, но и они, укрепляемые примером Дионисия и наипаче Самим Богом, в терпении прославляли Христа. Сисиний, сознавая, что скорее ослабнут руки палачей, чем изнеможет терпение святых, в тот же день велел бросить мучеников в темницу. Наутро слуги вывели святого Дионисия из темницы и, по приказанию мучителя, положили его на раскаленном железе. Между тем святой воспевал псалом: *разжже́но слово Твое, и раб Твой возлюби е*[3] (слав. Пс. 118, 140). После этого, сняв святого с железа, бросили его на съедение зверям. Но святой оставался невредимым и от зверей, потому что Бог заграждал уста их. Затем святого бросили в сильный огонь, но и там он остался невредимым, ибо огонь не касался святого и не причинил ему никакого вреда; после этого он

---

[1] У римлян были те же боги, что и у греков, только с другими именами.

[2] *Аспид* — род ядовитого змея (см.: Пс. 57, 4).

[3] Псалмопевец говорит в данном стихе псалма о слове Божием, заповедях Божиих, которые он возлюбил более всего. Претерпевая огненные мучения, святой Дионисий как бы забывает о них, а имеет на устах лишь слово Божие.

снова был брошен в темницу к Рустику и Елевферию. В темницу к Дионисию приходили многие из верующих, и святой совершал там для них Божественную литургию и причащал их святых Тайн Тела и Крови Христовых. Когда он совершал Божественную литургию, верующие видели над блаженным Дионисием несказанный свет: с воинством Ангелов являлся Царь Славы, и поскольку возможно было это для телесных очей верующих, они взирали на Него. По прошествии некоторого времени Дионисий, Рустик и Елевферий были выведены из темницы и представлены к военачальнику, который снова увещевал их принести жертвы идолам. Святые не повиновались, но исповедали Христа Бога истинного. Тогда мучитель в гневе приказал беспощадно бить святых, а потом осудить их на усечение мечом.

Когда святых вели из города к горе, прозывавшейся Ареевой[1], то Дионисий молился, взывая:

— Боже, Боже мой, создавший меня и научивший вечной Твоей премудрости, открывший мне Твои таинства и всюду, где бы я ни находился, сопребывавший со мной. Благодарю Тебя за все, что Ты устроил чрез меня для славы пресвятого Твоего имени, и за то, что Ты посетил мою удрученную трудами и стремящуюся созерцать Тебя старость, призывая меня к Себе с друзьями моими. Итак, молюсь Тебе: приими меня и друзей моих, будь милостив к тем, которых Ты стяжал Своей Кровью и сопричислил нас к числу Своих слуг за наше служение Тебе, ибо Твоя есть сила и держава со Отцом и Святым Духом во веки веков.

Затем, произнеся слово «аминь», святой преклонил честну́ю главу свою за пресвятое имя Иисуса Христа, и был усечен тупой секирой. Вместе с ним сложили за Христа свои главы и святые Елевферий и Рустик.

По смерти Своего угодника Дионисия Бог показал преславное чудо. Тело святого, будучи обезглавлено, по действию силы Божией, встало на ноги и, взяв в руки свою главу, прошло с ней два поприща[2] до того места, где христианами устроена была церковь. Отдав затем свою главу одной благочестивой женщине, по имени Катулле, оно

---

[1] Ареева, то есть Марсова. *Арей*, или *Марс*, — языческий бог войны.

[2] Поприще — мера расстояний; оно равнялось нашим 690 саженям. Два поприща, таким образом, составляют 1380 саженей, или 2,75 версты.

пало на землю. Многие неверующие, видя это чудо, уверовали во Христа. Приняв главу святого, Катулла пожелала взять и тело, но язычники не дозволили ей этого. Тогда Катулла, пригласив в свой дом сторожей, радушно угостила их и оделила подарками, приказав в то же время христианам взять святое тело Дионисия. Христиане, взяв тело Дионисия, похоронили его на том самом месте, где была отдана Катулле голова.

Святой Дионисий пострадал на девяностом году своей жизни, в 96 году по Рождестве Христовом. При гробнице его творились многие чудеса во славу Христа и Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[1].

ПОВЕСТЬ СВЯТОГО ДИОНИСИЯ О СВЯТОМ **КАРПЕ** и о двух грешниках

Святой Дионисий Ареопагит в своем послании[2] к монаху Демофилу, написанном с целью наставления в кротости и незлобии, вспоминает такое событие.

— Пришлось мне, — говорит он, — при посещении острова Крита[3] остановиться в доме блаженного Карпа, ученика святого апо-

[1] Дионисию Ареопагиту, кроме вышеозначенного, принадлежат еще следующие сочинения: а) «О небесной иерархии», в котором излагается учение о девяти чинах ангельских, с объяснением свойств и обязанностей каждого; б) «О церковной иерархии», где излагается учение о степенях церковной иерархии с таким же объяснением; в) «Об именах Божиих»; здесь Дионисий разъясняет значение имен Божиих, употребляемых в Священном Писании, и г) «Десять писем к разным лицам».

[2] Послание это, как видно из «Великих Четий-Миней», написано к Демофилу по поводу изгнания им из храма некоего священника, который принял в общение церковное одного брата, находившегося в то время в отлучении от Церкви.

[3] *Остров Крит* (называемый иначе *Кандия* — от главного города того же имени) находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Эгейского моря. По своей обширности и плодородию назывался прежде «царицей островов» Средиземного моря. Христианство здесь началось еще во времена апостольские; первые начала его положены были очевидцами события Сошествия Святого Духа на

стола Павла[1]. Муж этот был велик по своим добродетелям и отличался такою возвышенною чистотою ума, что обладал большой способностью к Боговидениям: он даже никогда не приступал к совершению Пречистых и Животворящих Таин, прежде чем не сподобится явления ему с неба Божественного видения. Этого святого мужа, — как он сам поведал святому Дионисию, — опечалил один из неверующих. Причина печали была та, что неверующий совратил от церкви к своему злочестию одного из верующих. Этим обстоятельством блаженный Карп был сильно огорчен. Ему надлежало бы, конечно, сохранять терпение и отпадшего от веры непрестанно увещевать полезными словами, а неверного покорять своей добротой; надлежало бы усердно молить Господа, чтобы Он и совратившегося к нечестию опять обратил ко святой Своей Церкви и пребывающего во мраке неверия просветил светом веры. Но, никогда ни в чем не обнаруживавший прежде нетерпения, Карп на этот раз был весьма сильно огорчен в душе своей. Поздно вечером, когда приближалась уже полночь, он встал на молитву. (Он всегда имел обыкновение в полночный час вставать и молиться.) Стоя на молитве, он не мог преодолеть в себе чувства сильной скорби, какую причинили ему упомянутые два человека. Ему стало представляться, что эти беззаконные люди, развращающие правые пути Господни, несправедливо остаются жить на земле; и стал он молить Бога, да ниспадет с неба огонь на них и пожжет их обоих. Когда он молился об этом, вдруг горница, в которой он стоял, потряслась и расступилась сверху надвое, так что казалось ему, что он стоит на дворе, и светлый огненный пламень сошел к нему с неба. Подняв взоры вверх, он увидел отверстое небо и в нем сидящего Иисуса

апостолов, ибо при этом были и критяне (см.: Деян. 2, 11). Затем оно было здесь утверждено и распространено апостолом Павлом, как это можно видеть из послания его к Титу, которого апостол поставил в Крите епископом для довершения того, чего не мог окончить сам, и для рукоположения пресвитеров (см.: Тит. 1, 5). В XVII веке остров Крит перешел во владение турок, сейчас — Греции.

[1] *Святой Карп* (апостол от 70-ти) был учеником и сотрудником святого апостола Павла, что видно из воспоминания о нем первоверховного апостола в послании к Тимофею (см.: 2 Тим. 4, 13). Карп переносил послания апостола Павла по его назначению; был епископом в македонском городе Берии и ревностно заботился о распространении веры Христовой. Память святого апостола Карпа празднуется 26 мая.

Христа, окруженного бесчисленным множеством Ангелов в человеческом образе. Потом, опустив взоры в них, он увидел рассевшуюся землю, и в ней глубокую темную пропасть; на краю же пропасти стояли те два человека, которым Карп, в гневе, испрашивал погибели от Бога. Они стояли с жалобным видом и с великим страхом и трепетом, ибо были близки к падению в пропасть; а в пропасти той пресмыкался змий, скрежеща зубами. Были здесь и другие какие-то люди, которые тех двух грешников били, толкали и влекли к страшному змию. Карп, видя, что опечалившие его готовы уже упасть в пропасть и быть съеденными змием, исполнился великой радости, и не столько Карп смотрел в отверстое небо и на сидящего в нем Иисуса Христа, сколько на близкую погибель этих двух грешников. Но так как они не упали в пропасть, то Карп снова стал досадовать и скорбеть и опять стал молить Бога, чтобы они упали и погибли. Когда же он возвел очи на небо, как и прежде, то увидел, что Иисус Христос, встав с небесного престола, приблизился к этим людям, стоявшим на краю пропасти, и подал им руку помощи; Ангелы же поддержали тех людей и, укрепляя их, отвели от пропасти. Карпу же Христос сказал:

— Бей Меня еще, ибо Я готов за спасение людей снова пострадать, только бы люди обратились от своих лукавых путей и возненавидели свои грехи. Но смотри, угоднее ли со змием в пропасти жить, нежели со Христом и благими и человеколюбивыми Ангелами?

Приводя эту повесть в своем послании к упомянутому монаху Демофилу, святой Дионисий поучает ею, чтобы мы не были жестоки к согрешающим и желали бы для них не наказания, а покаяния и обращения их, — чтобы мы усердно молились о таковых Богу, не желающему смерти грешников, чтобы Он Сам Своей благодатью обратил и помиловал их, ибо Он любит праведных, но и грешных милует. Слава Господу вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ИОАННА ХОЗЕВИТА,
епископа Кесарийского

Преподобный отец наш Иоанн Хозевит[1] был родом из города Фив, что в Египте. В монашество он был пострижен своим дедом и, по совету этого старца, ходил ко святым местам в Иерусалим. По возвращении оттуда он провел со старцем несколько дней, а затем удалился от него в одно тесное ущелье, где нашел небольшую пещеру и жил там, питаясь одними кореньями и травами. Когда же Бог восхотел прославить Своего угодника, то явил это следующим образом. В тех местах жил великий постник, по имени Анания. Однажды к нему приведен был сын одного человека, мучимый нечистым духом. Анания не принял его, но с великим смирением сказал, чтобы пошли внутрь страны и поискали бы там Иоанна Египтянина, который может исцелить отрока. Когда посланные нашли Иоанна, они объявили ему, зачем пришли. Сначала Иоанн отказывался, но, после долгой мольбы, согласился и помолился Богу. Обратившись затем к бесу, он сказал:

— Именем Иисуса Христа, — не я, но Анания повелевает тебе, нечистый дух, выйти из отрока этого.

По слову святого нечистый дух вышел из отрока, и этот последний стал здоров и всем объявил о совершенном над ним славном чуде. Затем святой Иоанн должен был, против воли, принять епископство в Кесарии, но, будучи не в силах принимать почести и желая проводить иноческую жизнь, оставил Кесарию и вновь удалился в пустыню, где и пробыл до конца своей жизни.

---

[1] Преподобный Иоанн получил прозвище *Хозевита* от лавры Хузивской, в которой он провел бóльшую часть своего иноческого жития. Эта лавра находилась в пустыне *Хузив*, или *Хозева*, между Иерусалимом и Иерихоном, вправо от большой дороги и недалеко от спуска в низменную долину Иорданскую. Лавра эта была расположена в дикой местности. Церкви и келии монахов находились в глубине оврага и, вися на высоте 50 сажен, были как бы прилеплены к каменистым утесам. Хузивская лавра возникла в V веке. Имя первого ее основателя неизвестно. Время особенного процветания лавры Хузивской: VI, VII и VIII века, когда она особенно славилась строгостью жизни своих подвижников. Лавра эта существовала еще в XII веке. О дальнейшей судьбе ее ничего не известно.

Бог прославил святого подвижника Своего славными чудесами. У одного человека малолетний сын был мучим духом нечистым. Отец посадил его в корзину и, покрыв сверху травой, принес к Иоанну и поставил ее у пещеры святого. Когда ребенок заплакал, святой встал и тотчас узнал, что в ребенке гнездится дух нечистый; прогнав беса, Иоанн исцелил дитя. Но изгнанный бес не успокоился и стал мстить подвижнику, приняв на себя человеческий образ. Встретив святого в прибрежном ущелье, бес припал к ногам его, как бы ища благословения. Раб Божий, внезапно увидев его, удивился, а бес, схватив святого за ноги, низвергнул его вниз к берегу; святой упал стремглав, но, по благодати Божией, остался невредим, так что человекоубийца не достиг ничего. Затем злой дух наслал на раба Божия одного разбойника, который бил святого, срывал с него одежду и сжег даже его хижину. Святой терпеливо переносил все это и только говорил про себя:

— О Всевышний Господи! Благодарю Тебя, если это угодно Тебе.

Тогда, по воле Всевышнего, разбойник был схвачен и умер позорной смертью, и раб Божий нашел себе на некоторое время покой. Но лукавый не прекратил, однако, борьбы с блаженным. Когда святой отправился однажды посетить братию, одна женщина встретила его на пути и пала к его ногам, умоляя войти к ней в дом и

освятить его своей молитвой и благословением. Святого тронули ее мольбы, и он вошел. Тогда скверная обольстительница заперла двери и, вся обнажившись, делала всякие мерзости, чтобы только осквернить нескверного. Но твердый муж непоколебимо устоял против бесовского ухищрения и, оттолкнув ее, вышел невредимым.

Блаженный Иоанн, услышав о некоем постнике Маркиане, молва о котором распространялась повсюду, пожелал его видеть; между тем, еще ранее, святой Иоанн, чтобы избежать всякого соблазна, решился не покидать своей келии ни в каком случае, и с этой целью сам связал себя и почитал эти узы свои неразрешимыми. И вот Ангел Господень восхитил Маркиана из его келии и внезапно поставил его пред блаженным Иоанном. Они приветствовали друг друга и насладились духовной беседой. Затем Маркиан опять был взят Ангелом и стал невидим.

Святой Иоанн изгонял из многих людей бесов, исцелял от лютых болезней, изводил молитвой водные источники, сводил с неба дождь и много других чудес совершил силой Божией и в глубокой старости с миром предал Богу святую душу свою.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННОГО
ИСИХИЯ ХОРИВИТА

Святой Исихий сначала совершенно пренебрегал спасением души. Но вот он заболел и во время болезни раскаялся. Тогда он упросил всех окружающих оставить его и пробыл в затворе двенадцать лет, в полном безмолвии[1], питаясь только хлебом и водой и все время проводя в молитве и слезах.

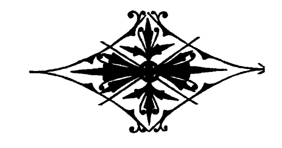
Когда настало время его кончины, то братия обители вошли, сломав двери, и как ни заговаривали с Исихием, слышали от него одно:

---

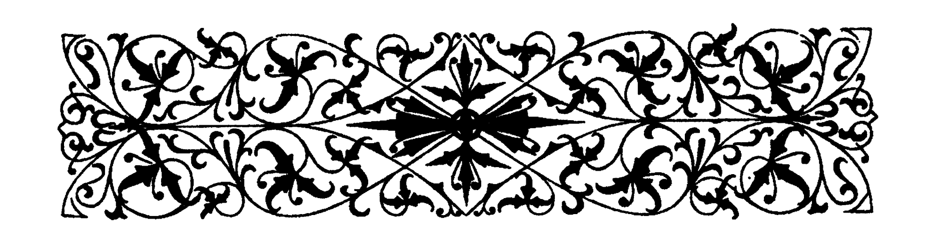
[1] Молчание составляет важный христианский подвиг для духовного совершенствования. Святые подвижники сознавали всю важность этого подвига и любили молчание. Святой Амвросий Медиоланский пишет: «Уметь молчать труднее, нежели говорить. Я знаю, что многие говорят потому, что не умеют молчать. Поэтому тот мудр, кто умеет молчать. Итак, хорошо сказано в Писании: *Мудрый человек будет молчать до времени* (Сир. 20, 7)».

— Простите! Кто хранит в душе память о смерти, тот не станет грешить.

Братия дивились происшедшей с ним, по благодати Божией, перемене и, по смерти его, с честью погребли тело его. По прошествии некоторого времени они стали искать святых его мощей и не нашли. Чрез это Господь показал всем силу истинного покаяния для желающих исправиться, хотя бы и после долгого небрежения о спасении[1].



[1] Повесть о святом Исихие находится у святого Иоанна Лествичника, игумена Синайской обители (Слово 6-е), который был современником святого Исихия. Блаженный Исихий жил в VI веке и подвизался на горе Хорив, откуда и получил название *Хоривита*.



День четвертый

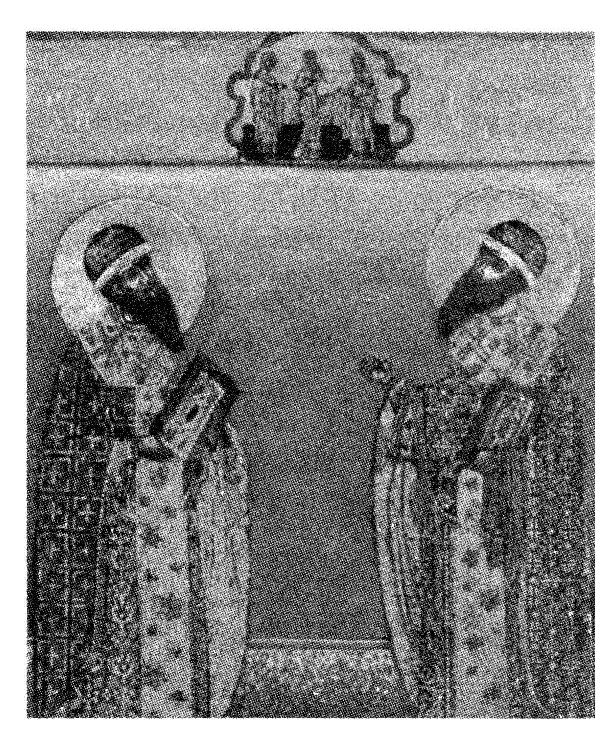
ЖИТИЕ СВЯТЫХ **ГУРИЯ**, архиепископа Казанского, и **ВАРСОНОФИЯ**, епископа Тверского

Преподобный Гурий, в миру Григорий, родился в городе Радонеже[1] от бедных и малоизвестных бояр Руготиных. В юношеском возрасте Григорий отдан был на служение в дом князя Ивана Пенькова. Григорий был нрава кроткого и уступчивого; он любил часто ходить в храм Божий на молитву, молился и дома; внимательно охранял свое целомудрие, держал строгий пост; любил также подавать нищим милостыню и отличался прочими христианскими добродетелями. Своим благонравием и честностью Григорий приобрел любовь своего господина, и он поручил ему все управление своим домом. Но это возбудило зависть в сослуживцах Григория, и они оклеветали его перед князем в прелюбодеянии с его женой.

Князь, поверив клеветникам, приказал убить Григория. Но сын князя, более осторожный и благоразумный, нежели отец его, упросил отца пощадить Григория и своим приговором не позорить своей семьи; узнав же, что все это клевета, он избавил Григория от смерти. Однако князь, побеждаемый злобой, посадил невинного Григория в

---

[1] *Радонеж* — находился в пятидесяти четырех верстах от Москвы по направлению к Ростову и в десяти верстах от нынешней Троицкой лавры, по направлению к Москве.



глубокий ров. Два года провел в нем блаженный, томимый голодом, так как пища подавалась ему непригодная для человека: на три дня ему бросали по одному снопу овса и немного воды. Тяжело было положение невинного страдальца, но он укреплял себя примером древних мучеников и ободрял той мыслью, что темница избавила его от соблазнов и тревог мирских, что уединение доставило ему полную свободу готовиться к вечности.

Уже второй год заключения в темнице был на исходе, как один из прежних друзей Григория упросил темничного сторожа дозволить подойти к окну темницы и поговорить с Григорием; сторож согласился. Друг подошел ночью к Григорию и предложил доставлять ему приличную пищу. Но Григорий отказался от принятия всякой иной пищи, кроме той, какая ему доставляется, сказав, что «его питает многая и преизобильная благодать Божия». Затем Григорий просил своего друга, чтобы он вместо пищи приносил ему бумаги, чернил и перьев для писания азбук, по которым обучают детей грамоте. Эти азбуки Григорий поручал своему другу продавать, а деньги просил раздавать нищим.

Через два года милосердый Господь, видя доброе терпение раба Своего, невинно страдающего, благоизволил освободить его от уз, как бы от ада, и невидимой рукой силы Своей отверз ему темничный затвор. Неожиданно Григорий увидел в дверях темницы свет; он пришел в ужас, думая, что это бесовское наваждение — так как два года те двери не были отворяемы, — и, встав, стал он молиться. И снова свет появился в дверях, даже сильнее первого. Тогда Григо-

рий, подойдя, коснулся до двери рукой, и дверь тотчас отворилась. Уразумев, что Сам Бог посылает ему освобождение из этой темницы, Григорий возблагодарил Господа и, взяв икону Пресвятой Богородицы, которую он имел с собой в темнице, вышел никем не видимый, хотя был уже день. И ушел он из дома того и из города и пришел в Успенский Иосифовский[1] монастырь. Здесь Григорий принял пострижение в монахи с именем Гурия и стал добрым иноком и постником; за свою примерную иноческую жизнь он был избран впоследствии игуменом Иосифовой обители. Пробыв настоятелем этой обители около девяти лет, он по болезни оставил монастырь и два года жил на покое, проводя время в посте и Богомыслии. Затем Гурий послан был на игуменство в Селижаров монастырь[2], но здесь пробыл не более года.

Когда же Бог покорил царю Иоанну Васильевичу город Казань[3], тогда, по совету митрополита Макария[4], собором святителей Российской митрополии Гурий поставлен был по жребию первым архиепископом города Казани[5]. Царь отправил его в Казань с великой честью, дал ему множество икон, драгоценную церковную утварь и много книг, а кроме этого, многими драгоценными вещами одарил он и самого Гурия. Святители и разные монастыри с своей стороны принесли в дар на нужды новопросвещаемого края также множество драгоценных вещей[6]. В неделю святых отцов после Пасхи, 26 мая 1555 года, при звоне всех колоколов кремлевских, митрополит Ма-

---

[1] *Иосифовский монастырь* находится в 18 верстах от Волоколамска. Основан преподобным Иосифом Волоколамским в 1479 году; от него монастырь и получил свое название *Иосифовский*.

[2] Троицкий *Селижаров* монастырь — на реке Селижаровке, в 44 верстах от города Осташкова Тверской епархии; основан в XV веке.

[3] Казань покорена русскими в 1552 году.

[4] *Макарий* — митрополит Всероссийский (1542–1564 гг.) — занимает видное место в истории Русской Церкви и литературы. При нем был знаменитый Стоглавый собор (1551 год); при нем открыта была первая типография для печатания священных книг; по его желанию и при его непосредственном участии составлены так называемые «Великие Минеи-Четии».

[5] Рукоположение святого Гурия происходило 7 февраля 1555 года.

[6] В помощь святителю Гурию назначены были, по его указанию, два достойных священноинока: Герман, бывший архимандрит Старицкого монастыря (Тверская епархия), живший на покое в Иосифовском монастыре, и Варсонофий, игумен Песношский.

карий с епископом Крутицким Нифонтом и всеми архимандритами Московскими и игуменами, а также и святитель Гурий с своими архимандритами и освященным клиром, в присутствии царя и всего синклита, торжественно отслужили в Успенском соборе напутственный молебен. По окончании молебна святитель Гурий с крестным ходом подошел к Москве-реке, здесь сел в приготовленные ладьи и с молитвами отправился в путь при звоне колоколов. На пути, в каждом городе, святитель Гурий встречаем был духовенством с крестным ходом и совершал торжественные молебствия, так что все путешествие святого Гурия, до самой Казани, было почти непрерывным молением.

Через два месяца прибыл святой Гурий в город Казань и занял святительский престол. В сане святителя он проводил такую же Богоугодную жизнь: питал нищих, неимущим подавал все нужное, заступался за бедных, вдов и сирот и избавлял их от различных бед. Труды к трудам прилагая, святой Гурий проводил ночь в молитве, днем же учил неверных Богопознанию и вере в Пресвятую Троицу и учением своим многих привел ко Христу[1]. Великие труды святителя при слабости его телесных сил, надломленных в молодости тяжелым темничным заключением, вконец расстроили здоровье святого Гурия, и он впал в болезнь. Телесная болезнь ничуть не умалила его душевного благочестия: не имея возможности сам совершать богослужение, он все-таки присутствовал при священнодействиях, совершаемых другими, для чего приказывал носить себя к Божествен-

[1] На самых первых порах управления Казанской епархией святой Гурий озаботился устройством монастырей в Казанском крае с миссионерскими целями. Он хотел, чтобы будущие иноки казанских монастырей все время употребляли на проповедь слова Божия среди неверных и занимались обучением малолетних детей. В этих видах святому Гурию казалось необходимым обеспечить монастыри имениями («вотчинами); свои намерения он выразил в письме к царю — письме, содержание которого известно из ответа на него Иоанна Грозного. «Писал ты ко мне, — пишет царь святителю, — что в городе Казани устрояешь монастырь («Зилантов») и другие намереваешься строить. Доброе дело ты предпринимаешь: помоги тебе Бог за то... Блага речь ваша, чтобы старцам детей обучать и неверных в веру обращать. Учить же младенцев не только читать и писать, но читаемое право разумевать и да могут и иных научать и басурман. О Боже! Сколь счастлива была бы Русская земля, если бы все владыки старцы были, как преосвященный Макарий и ты». Труды святого Гурия не были бесплодными — инородцы (главным образом татары) в значительном числе обращались в христианство.

ной литургии в храм Благовещения Богоматери, построенный им; здесь он сидел или даже лежал, слушая Богослужение. Однако и во время болезни святой Гурий не оставлял своих обычных и удобоисполнимых для него дел[1], не переставая в то же время смирять свою плоть постом и воздержанием. Так подвизался святитель три года. Чувствуя приближение своего отшествия к Богу, святой Гурий призвал к себе архимандрита Варсонофия, к которому питал «любовь велию духовную» и пожелал принять от него великий ангельский образ, то есть схиму[2]. Блаженная кончина святителя последовала 4 декабря 1564 года. Честнóе тело его было погребено в обители Спасо-Преображенской[3], за алтарем, у большой церкви.

Преподобный Варсонофий, в миру Иоанн, был родом из Серпухова[4]. Он был сыном священника Василия, и в раннем возрасте обучен был грамоте и Божественному Писанию. Еще не достигнув совершеннолетия, Иоанн попал в плен к крымским татарам[5]. Покоряясь воле Господа, он усердно исполнял возлагаемые на него работы и труды. В плену он находил утешение в частой и пламенной молитве к Богу, наизусть воспевая те псалмы, которые он помнил. Неверные, видя благонравие Иоанна, усердие в трудах, смирение и беспрекословное повиновение им в работе, облегчили тяжесть трудов его и позволили жить ему свободнее. В плену Иоанн выучился татарскому языку, так что мог свободно не только говорить, но и писать на этом языке. Через три года отец выкупил Иоанна у татар. Тогда он пришел в царствующий град Москву и постригся в мона-

---

[1] «Все настоящее время, — говорил святой Гурий, — есть время трудов. Вознаграждение получается в жизни будущей. Небесные радости дарованы будут только тому, кто на земле подвизается и для получения благ нетленных оставляет тленные. Должно подвизаться, несмотря ни на какие трудности и неудовольствия, *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 9, 18)».

[2] *Схима* — принятие великого ангельского образа, великой схимы, схимничества — есть совершеннейшее отчуждение от мира, вящее желание разрешиться от мира и со Христом быть (Флп. 1, 23). (Схима — слово греческое, означает образ, вид, сан.)

[3] Основана преподобным Варсонофием в 1556 году, который и был первым архимандритом этой обители.

[4] *Серпухов* — уездный город Московской губернии.

[5] *Крым* — полуостров в южной части Европейской России. Завоеван татарами в 1237 году, в 1783 году покорен русскими.

стыре, называемом Андроников[1], причем был назван Варсонофием. Здесь Варсонофий стал проводить жизнь свою в строгих подвигах благочестия и добродетели; за свою строгую подвижническую жизнь Варсонофий поставлен был митрополитом Макарием в игумена Песношского[2] монастыря. Потом он был архимандритом в городе Казани[3]; там он основал монастырь в честь преславного Преображения Господня и поставил в нем церкви и келии. В сане архимандрита Варсонофий проводил такую же Богоугодную жизнь: умерщвлял тело свое великим воздержанием и бдением, а на теле своем носил вериги, хотя этого никто не знал. Так был он во всем образцом добродетели для братии. В Казани Варсонофий ревностно помогал святителю Гурию в деле распространения христианства между магометанами и язычниками. Знание языка и знакомство с бытом татарским принесли ему в этом случае большую пользу: многих неверующих обратил он Богу и крестил их. К святителю же Гурию Варсонофий питал искреннюю любовь и во всем ему повиновался.

Из Казани святой Варсонофий был вызван на святительскую кафедру в Тверь[4]. Здесь, будучи добрым пастырем словесного стада Христовых овец, он особенно предался подвижничеству и всегда пребывал в посте, молитвах, слезах и всенощных бдениях. Многих больных он исцелил, ибо был сведущ и во врачебной науке; но платы за это он отнюдь ни от кого не брал, а лечил даром; особенно же прославился он врачеванием душевных страстей, которые он исцелял благодатью Духа Святого. Не оставлял он и ручного труда, и обычным занятием его было шитье клобуков, которые он раздавал братии своей, прося их молиться о нем Богу.

---

[1] *Андроников*, или, иначе, *Спасо-Андрониев*, монастырь находится на берегу реки Яузы в Москве. Основан около 1360 года иждивением святого митрополита Алексия и трудами преподобного Андроника, ученика преподобного Сергия.

[2] *Песношский* (или *Пешношский*) Николаевский-Мефодиев монастырь находится в 25 верстах от города Дмитрова Московской губернии — при впадении речки Пешноши в реку Яхрому. Основан в 1361 году учеником святого Сергия Радонежского преподобным Мефодием, который и был здесь первым игуменом. [Игуменом Пешношской обители преподобный Варсонофий назначен в 1544 году.]

[3] Архимандритом в Казань Варсонофий был назначен в 1555 году, куда и отправился вместе со святителем Гурием.

[4] Тверским епископом святой Варсонофий был назначен в 1567 году; рукоположен митрополитом Московским Филиппом.

Когда же святой достиг глубокой старости, то оставил свою паству и снова переселился в основанный им монастырь, что в городе Казани. Здесь он принял на себя великую схиму. Несмотря на свои старческие годы и великую слабость, он не изменил правилам подвижнической жизни, и когда от дряхлости не мог сам совершать Богослужение, то просил своих учеников привозить его в церковь. Когда же он окончательно изнемог и почувствовал свое отшествие из этого мира, то причастился святых Христовых Таин и почил о Господе 11 апреля 1576 года, и погребен был там же в монастыре, близ святителя Гурия.

Спустя тридцать два года после кончины святого Гурия и через двадцать лет со времени преставления святого Варсонофия, по повелению царя Феодора Иоанновича, начали строить на месте деревянной каменную церковь в честь Преображения Господня. Когда начали копать рвы и выкопали гробницы святых Гурия и Варсонофия — 1596 года, 4 октября, — то возвестили об этом митрополиту Гермогену[1], бывшему тогда архипастырем Казани. Митрополит, совершив Литургию и панихиду, пришел в монастырь со всем Освященным собором. Открыв гроб святого Гурия, они нашли его наполненным благовонным миром; тление коснулось лишь немного верхней части губ, даже ризы святителя были целы и казались крепче новых. Подобным образом открыли гроб святого Варсонофия и также обрели мощи его целыми и нетленными, как и мощи святителя Гурия; тление коснулось лишь только ног преподобного, но не разрушило костей, совершенно крепких. Честны́е мощи святителей переложили из тех гробов в новые ковчеги и, при пении надгробных песнопений, поставили поверх земли, чтобы все приходящие могли видеть и с верою лобызать их. Возвещено было об этом письмом царю Феодору Иоанновичу и патриарху Иову[2]. Благочестивый царь

---

[1] В сан митрополита Казанского Гермоген был поставлен в 1589 году. В Казани он проявил большое усердие в деле обращения в Православие местных инородцев. В 1606 году, при царе Василии Шуйском, Гермоген сделан Всероссийским патриархом. За свое противодействие полякам и мятежным боярам был подвергнут тяжелому заключению в Чудовом монастыре и там умер голодной смертью 17 февраля 1612 года. — В бытность свою митрополитом Казанским Гермоген составил подробное житие святых Гурия и Варсонофия.

[2] *Иов* — первый патриарх Всероссийский с 1589 года. По распоряжению Лжедимитрия, в 1605 году Иов был лишен патриаршества; умер в 1607 году.

и святейший патриарх, весь царский синклит и множество народа, узнав об этом, прославили Бога, прославляющего святых Своих. Благочестивый царь повелел хранить святые и многоцелебные мощи святителей в особом приделе, с южной стороны алтаря большой церкви, которая, ради этой святыни, вскоре была благолепно украшена. В этом приделе, когда он был устроен, мощи святителей и почоились в упомянутых новых ковчегах[1], источая верующим исцеления во славу Бога, в Троице славимого, ныне и вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ИЕРОФЕЯ**, епископа Афинского

Святой Иерофей был одним из членов или советников Ареопага. Святым апостолом Павлом он был обращен в христианство и им же поставлен в епископа города Афин. Присутствуя вместе с апостолами при погребении Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, святой Иерофей воспевал Божественные песнопения, когда провожал ко гробу пречистое тело Божией Матери, и все слышавшие и видевшие его, поняли, что это праведный и святой муж. Благочестно пожив, как подобает святому, и угодив Богу своим житием и благим управлением паствой, святой Иерофей скончался мученически в I веке по Рождестве Христовом.

[1] Долго почивали святые мощи Гурия и Варсонофия в приделе новой церкви, устроенном в честь этих святителей, пока митрополит Матфей не перенес их в 1630 году из обители Преображенской в кафедральный собор Благовещения. Перенесение было торжественно совершено 20 июня. Впоследствии святые мощи были переложены из деревянной раки в серебряную. Святым Гурию и Варсонофию есть служба: написана она (см. Минею Служебную под 4 октября) святым Димитрием Ростовским.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АММОНА

Преподобный отец наш Аммон был родом египтянин. Хотя еще в раннем возрасте он лишился своих родителей, но воспитывался в страхе Божием и с юных лет приобрел любовь к чтению Божественных книг. Когда Аммон достиг совершеннолетия, дядя стал понуждать его к женитьбе. Предпочитая девство супружеству, но вместе с тем желая исполнить волю дяди, Аммон стал размышлять, как бы ему совместить девственную жизнь с брачной. И вот в день брака, когда ввели его вместе с невестой в брачную опочивальню и все ушли, он, затворив двери, сказал девице:

— Послушай меня, сестра, и согласись на то, что я скажу тебе: супружество, в которое мы вступили, нисколько не лучше девства; поэтому мы хорошо сделаем, если будем почивать отдельно друг от друга, чтобы, сохранив наше девство, угодить этим Богу.

Сказав это, он достал хранившуюся у него на груди под одеждой книгу и стал читать девице, не ведавшей Писания, как бы от лица Христа и апостолов, спасительные слова Божественного учения. К прочтенному он присоединял, по данной ему от Бога благодати, и свои наставления и советовал ей проводить чистую, ангельскую жизнь. Она же, умилившись, сказала:

— Господин мой! Я соглашаюсь на все, что ты говоришь, и так как ты предпочитаешь жизнь девственную, то и я желаю того же и согласна делать все, что ты мне повелишь.

Тогда Аммон сказал:

— Хочу, чтобы мы жили порознь: ты — в одном доме, а я — в другом.

Но девица, не желая такого разделения, сказала:

— Нет, господин мой, мы будем жить в одном доме, но почивать отдельно.

Так они начали проводить девственную жизнь. Их супружество было как бы садом, который цвел лилиями девства, ограждался целомудрием и прохлаждался росой Духа Святого. В таком супружестве прожили они много лет, проводя время в великих подвигах — посте, воздержании, в бдении и молитвах и телесных трудах. Девица

трудилась и занималась домашним хозяйством, Аммон же изнурял ежедневно плоть свою, трудясь целый день в своем саду. Приходя домой вечером, он немного вкушал со своей супругой, или лучше сказать — сестрой, хлеба; в полночь же они оба вставали на молитву, а рано утром Аммон опять выходил на дело свое и трудился до вечера. Так эта двоица, в молодых своих годах, живя среди как бы огня, не сгорела: ибо они преодолели всякие плотские вожделения в себе.

Такую совместную жизнь они проводили восемнадцать лет и достигли совершенной чистоты и святости. И вот однажды девица сказала Аммону:

— Господин мой! Я хочу тебе нечто сказать, и если ты меня послушаешь, то я пойму из этого, что ты любишь меня действительно о Боге.

Он же ответил:

— Говори, сестра, и если будет полезно, я послушаю тебя.

Тогда девица сказала:

— Приличнее нам, господин мой, жить отдельно, так как ты человек святой, праведный и целомудренный, и я, сколько могу, последую твоей жизни; пусть же будет и другим от нас польза; станем жить отдельно: нехорошо, чтобы столь великая твоя добродетель, из-за совместной жизни со мной, сокрыта была от могущих пользоваться ей и подражать твоему целомудрию.

Слыша это, Аммон прославил Бога, склонившего сердце девицы к отдельной жизни, которой он издавна желал. И сказал он девице:

— Сестра моя! Если угодно тебе это, то оставим совместное пребывание: оставайся ты в этом доме, а я пойду на другое место.

Помолившись Богу, они расстались друг с другом: Аммон пошел в гору Нитрийскую[1] и стал иноком, а мнимая жена его, оставшись в доме своем, в скором времени собрала множество девиц и уневестила их Христу, а сама стала игуменьей над ними.

Поселившись в горе Нитрийской, Аммон стал проводить отшельническую жизнь, трудясь и подвизаясь для Бога, Которому он день и ночь служил со всей теплотой духа своего. В пустыне он провел двадцать два года и достиг совершенства в иноческой жизни. Бог же прославил угодника Своего, дав ему дар исцеления, и святой исце-

---

[1] *Нитрийская гора* находится в Нижнем Египте, в семидесяти милях от города Александрии.

лял различные болезни приходивших к нему людей.

Однажды к нему приведен был отрок, укушенный бешеной собакой. В припадках беснования он кусал свое собственное тело. Родители отрока, припадая к ногам святого Аммона, просили его исцелить их сына. Но святой сказал им:

— Что вы утруждаете меня, прося у меня того, что превосходит мои силы? В ваших руках — и болезнь, и исцеление отрока, так как, украв у вдовы (святой назвал ее по имени) вола, вы тайно убили его и съели; поэтому возвратите ей живого вола, и сын ваш исцелеет.

Родители беснующегося отрока, услышав это, ужаснулись, что святой знает их тайны, и, сознавшись в своем преступлении, клятвенно обещали возвратить украденное. Тогда святой, помолившись, исцелил отрока и отпустил их с миром. Они же, с радостью вернувшись в дом, тотчас же дали вдовице другого вола, вместо убитого ими.

В другое время пришли к преподобному два человека за благословением. Святой попросил их привезти ему воды на нужды приходящих к нему, ибо один из пришедших имел верблюда, а другой — осла. Взяв большой сосуд, они отправились с горы за водой. Когда они наполнили сосуд водой, то один из них, у которого был верблюд, сказал:

— Сосуд велик, а гора высока, а потому не хочу я такой тяжестью уморить своего верблюда.

И, оставив товарища, он пошел своей дорогой, не возвращаясь к святому. Оставшийся же взял воду на осла своего и с большим трудом едва ввез ее на гору к преподобному. Увидев его, святой сказал:

— Чадо! Да благословит тебя Бог за труд твой. Знай же, что товарищ твой, который отказался привезти воды на нужды наши, в на-

стоящее время находится в несчастье, ибо лишился своего верблюда.

Тогда отправился человек этот вслед за своим товарищем и нашел его плачущим, так как верблюд его съеден был волками.

Об этом преподобном Аммоне вспоминает святой Афанасий Александрийский в житии преподобного Антония[1], где он пишет о нем следующее.

Однажды преподобный Аммон шел с учеником Антония Феодором. Когда им пришлось переправляться через одну большую реку, называемую Ликос[2], для чего нужно было им раздеться, то Аммон стал просить Феодора немного отойти от него, чтобы не видеть им телесной наготы друг друга. Когда они разошлись, Аммон стал размышлять, как бы ему переправиться через реку, не снимая одежды, ибо он был настолько целомудрен и скромен, что стыдился даже своей собственной наготы, и во всю свою жизнь не обнажал своего тела. Когда он размышлял об этом, Ангел Господень восхитил его и, перенеся через реку, во мгновение ока поставил на другом берегу. Феодор же с большим трудом едва переплыл через реку. Увидев Аммона стоящим на другом берегу, он удивился, что тот скоро переправился через такую быструю реку; заметив же, что одежда на Аммоне совершенно суха, он поразился и, упав к ногам святого, просил сказать ему, как он переправился через речную быстрину. Вынужденный просьбой товарища, Аммон открыл ему, что он был перенесен Ангелом. При этом он запретил товарищу говорить об этом другим, пока он, Аммон, не покинет этого мира. Придя к святому Антонию, преподобный услышал от него такие слова:

— Бог открыл мне день твоей смерти. Поэтому я пригласил тебя, чтобы усладиться беседой, пока ты не отошел еще к Богу: помолимся же друг за друга.

Проведя время в продолжительной беседе друг с другом, они получили утешение от Святого Духа, и Аммон, приняв благословение, ушел от святого Антония.

---

[1] «Жизнь Великого Антония», описанная святым Афанасием Александрийским, — одно из самых назидательных сочинений его. Святой Иоанн Златоуст советует читать жизнь Антония каждому, какого бы кто состояния ни был.

[2] Довольно часто встречающееся название для быстрых рек.

И вот спустя немного дней Антоний Великий, сидя на холме, возвел очи свои к небу и увидел душу Аммона, с радостью возносимую Ангелами на небо. Узрев это, Антоний был весьма обрадован; тогда ученики спросили его:

— Отче, что за причина твоей радости?

Он отвечал:

— Сегодня преставился авва Аммон, и я вижу его святую душу, возносимую Ангелами на небо.

Ученики запомнили тот день, в который святой Антоний сказал им о преставлении Аммона. Через несколько дней пришли братия из Нитрии[1] и сообщили, что святой Аммон преставился ко Господу[2]. Сосчитав дни, ученики Антония убедились, что Аммон преставился в тот самый день, когда Антоний видел душу его, восходящую к небу с Ангелами, и прославили Бога.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАВЛА ПРЕПРОСТОГО

Этот Павел был земледельцем в одном селении. Человек он был неученый, душой же был весьма прост и незлобив. Он вступил в брак с женщиной, красивой лицом, но дурной по своей душе и поведению; долгое время она тайно от мужа вела прелюбодейную жизнь. Однажды, возвратившись с работы домой, Павел застал жену свою с другим. Тогда, немного усмехнувшись, сказал он прелюбодею:

— Хорошо, хорошо! Я совсем не обращаю на это внимания. Призываю во свидетельство Иисуса Христа, что я не желаю более жить с ней. Вот ты обладаешь ей, поэтому и детей корми, а я уйду и стану монахом.

И тотчас же, оставив все, Павел ушел из дома; никому он при этом ничего не сказал и порочную свою жену нисколько не укорил, но молча пошел в пустыню. Там он пришел к преподобному Анто-

[1] То есть из Нитрийской пустыни, где подвизался святой Аммон.

[2] Блаженная кончина преподобного Аммона последовала около 350 года. — Преподобный Аммон написал девятнадцать «увещательных глав», исполненных опытной духовной мудрости.

нию Великому[1] и постучал в двери его келии. Антоний спросил его:

— Чего ты хочешь?

Павел отвечал:

— Хочу быть иноком.

Антоний, увидев, что он уже стар, сказал ему:

— Тебе, старец, уже около шестидесяти лет, не можешь ты быть иноком; возвратись опять в село и исполняй свою работу, благодаря Бога; а пустыннический труд нести и искушений терпеть ты не сможешь.

Но Павел отвечал:

— Отец! Я готов исполнять все то, что ты повелишь.

Антоний же, не внимая ему, говорил:

— Я сказал тебе, что ты стар и уже не можешь быть монахом. Отойди отсюда. А если хочешь быть монахом, то иди в монастырь, где живет много братии, могущей переносить твои немощи; а я живу здесь один и по пяти дней ничего не вкушаю; поэтому не можешь ты жить со мной.

Сказав это, Антоний затворил двери и три дня не выходил из своей келии. Но старец все это время оставался около келии, никуда не уходя. На четвертый день Антоний отворил дверь и опять увидел Павла и, чтобы заставить удалиться его, сказал:

— Уйди отсюда, старец. Зачем ты досаждаешь мне? Я сказал тебе, что ты не можешь остаться здесь.

---

[1] *Святой Антоний Великий*, первый учредитель монашеского жития, родом египтянин, подвизался на восточном берегу реки Нила, около Фиваиды. Там, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, он, в постоянных трудах и молитве, прожил двадцать лет в неизвестности, поборая, благодатью Божией, духа соблазнителя, тревожившего его искушениями и страхом. Наконец, святость жизни и чудеса привлекли к Антонию в пустыню многих подвижников; они поселились близ него и приняли за образец жизни правила, данные Антонием, что и было началом монашеского жития. Преставился святой Антоний ста пяти лет, в 356 году. Память его празднуется 17 января.

— Умру тут, а не уйду, — ответил старец.

Антоний, видя, что у старца нет ни хлеба, ни воды, и что он уже четвертый день остается без пищи, подумал про себя: «Старец этот, не привыкший так долго поститься, может умереть от голода, и на моей душе будет за него грех». Поэтому он согласился оставить его у себя и сказал:

— Ты можешь спастись, если будешь послушен и сделаешь то, что я повелю тебе.

Павел ответил:

— Отче, я готов исполнять все то, что ты скажешь мне.

Антоний же, испытывая его, сказал:

— Стой и молись на этом месте до тех пор, пока я не приду и не принесу тебе того, над чем ты должен трудиться.

Оставив Павла, Антоний вошел в пещеру.

Целую неделю он не выходил к нему, но тайно через окно наблюдал за ним и видел его все то время неподвижно стоящим день и ночь на одном месте.

Тогда, выйдя из келии, Антоний принес старцу финиковые ветви и, омочив их в воде, сказал ему:

— Плети, старец, веревку так же, как я плету.

И плел Павел веревку до девятого часа и с большим трудом сплел пятнадцать лактей[1]. Антоний же, посмотрев работу, сказал:

— Нехорошо ты сплел, расплети и плети снова.

А был уже седьмой день, как он не давал ему ничего есть. Все же это делал Антоний для того, чтобы удалить Павла от себя, ибо он думал, что тот уйдет от него, не выдержав испытания. Но Павел продолжал с большим трудом расплетать веревку и снова сплетать ее; и как он ни был голоден, однако нисколько не огорчился и не возроптал. Тогда Антоний сжалился над ним, и вот, когда уже солнце заходило, он сказал Павлу:

— Старец, не хочешь ли немного вкусить хлеба?

— Как ты хочешь, отче, — отвечал Павел.

Антоний пришел в умиление от этих слов Павла, который, и страдая от голода, не спешил, однако, к утолению его хлебом, но отдавался на волю Антония.

[1] *Лакоть*, или *локоть*, — мера длины, равная десяти с половиной вершкам (полметра примерно).

Они вкусили немного хлеба с водой и, встав из-за стола, возблагодарили Господа.

Испытывал святой Антоний Павла и в молитвах, по целым ночам не ложась спать и поя псалмы со многими поклонами, но и в этом Павел оказался терпеливым и бодрым.

Раз, когда они вкушали пищу, Антоний велел Павлу вкусить более того, чем сколько вкушал сам, ибо он жалел его, как еще непривыкшего к строгому посту.

Но тот ответил:

— Если ты, отче, будешь есть еще, то и я буду.

— Мне довольно, — сказал Антоний, — потому что я монах.

А Павел ответил:

— И мне довольно, потому что и я хочу быть монахом.

И всегда Павел исполнял все, что ни повелевал ему Антоний.

Однажды Антоний велел сшить ему одежду; когда Павел сшил ее, Антоний сказал:

— Плохо ты сшил — распори ее и сшей снова.

И вновь сшитую он велел распороть и опять шить.

Все это делал Антоний для того, чтобы испытать терпение и послушание Павла. А тот нисколько не роптал на это, но с усердием и старательностью исполнял все повеления Антония.

Наконец Антоний убедился в способности Павла к пустынножительству и сказал ему:

— Вот ты уже и соделался иноком во имя Господа Иисуса.

И велел Антоний жить ему в одиночестве, сделав келию для него на расстоянии четырех метаний камнем[1] от своей. И пребывал блаженный Павел близ святого Антония в той отдельной келии, трудясь день и ночь в подвигах иноческих; за это получил он от Бога власть над духами нечистыми, чтобы изгонять их и исцелять недуги.

Раз к святому Антонию приведен был юноша, имевший в себе духа нечистого, весьма злого и сильного, одного из князей тьмы, который хулил Бога.

Но Антоний сказал:

— Не мое это дело, ибо не получил я от Бога власти над сильнейшими бесами, но Павел Препростой имеет этот дар.

[1] То есть на таком расстоянии от своей келии, на какое можно камнем перебросить четыре раза.

И пошел он с юношей к Павлу и сказал ему:

— Авва Павел! Изгони из этого юноши нечистого духа, чтобы юноша мог вернуться в дом свой здоровым, хваля Бога.

Но Павел сказал:

— А ты, отче, почему же не изгнал его?

Антоний отвечал:

— Имею я одно неотложное дело и потому привел его к тебе.

И, оставив бесноватого юношу и Павла, Антоний ушел. А Павел, помолившись Богу, сказал бесу:

— Диавол! Авва Антоний велит тебе выйти из человека этого.

Диавол же с бранью ответил:

— Не выйду, всезлобный и лживый старик.

Тогда Павел, взяв ту кожу, в которой ходил, начал бить его, говоря:

— Выходи, так повелел тебе святой Антоний.

Но диавол не желал выходить. Тогда Павел сказал:

— Или ты выйди, или я помолюсь Христу и будет тебе худо.

Но бес, хуля Христа, говорил:

— Не выйду.

Тогда Павел разгневался на беса и в полдень, когда в Египте солнце жжет как огненная пещь, взошел на камень и встал на нем, как неподвижный столп, взывая ко Христу:

— Господи Иисусе Христе, распятый при Понтии Пилате! Ты ведаешь, что не сойду я с этого камня, хотя бы пришлось мне и умереть на нем, и не вкушу ни хлеба, ни воды до тех пор, пока Ты не услышишь меня и не изгонишь беса из этого юноши.

Когда еще говорил он это, бес начал кричать:

— Выхожу, выхожу и не знаю, где буду находиться.

И выйдя из юноши, бес обратился в большого змия, длиной в семьдесят локтей, и поселился в Чермном море[1]. Так святой Павел победил диавола простотой и смирением своим; ибо слабейших бесов изгоняют люди силою веры, а начальствующих князей бесовских побеждают люди силой смирения, как этот святой Павел.

---

[1] *Чермное*, или так называемое *Красное*, море представляет собой длинный, узкий пролив Индийского океана, отделяющий Аравийский полуостров от Египта и Азию от Африки. Через это море евреи переходили при Моисее на пути из Египта в *Обетованную землю*, то есть Палестину (Исх. 14).

Блаженный Павел имел и дар прозрения. Раз, войдя в один монастырь, встал он у церкви, наблюдая, кто с какой мыслью входит в нее. Была вечерня, и все входили в церковь с радостным лицом и просветленной душой, и с каждым из них входил с радостью и Ангел хранитель. Один же брат шел в церковь с лицом черным, душою омраченной, будучи окружен бесами, из которых каждый влек его к себе; Ангел же хранитель его следовал в отдалении — в унынии и с плачем. Видя это, святой опечалился и весьма скорбел о погибшем брате; от великой печали не вошел святой Павел и в церковь, но с плачем сидел вне ее. Когда церковная служба окончилась, то все братия выходили такими же, какими и входили, и свет Божественный озарял их. Увидел Павел и того, который прежде был темным; и вот лицо его светилось как бы лицо Ангела, и благодать Духа Святого осеняла его, и Ангел хранитель радостно поддерживал за руку его; бес же издали рыдал и не дерзал хотя немного приблизиться к нему.

Увидев столь быструю перемену, происшедшую с братом, блаженный обрадовался и, остановив его, поведал окружающим о том, что видел, и затем спросил брата о причине его внезапного изменения.

Тот, видя себя обличенным Божиим откровением, в присутствии всего народа, рассказал о себе все.

— Я, — сказал он, — весьма грешен: много лет прожил я до нынешнего дня в беззаконии. Войдя сегодня в церковь, услышал я, что читают книгу пророка Исаии, или лучше, — Самого Бога, через пророка говорящего: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; научитесь делать добро: и если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 16–18)[1]. Услышав это, я умилился душой, отверзлись во мне духовные очи, и, познав свое окаянство и погибель, я с сокрушением сказал в душе своей Богу: «Ты, Господи, пришел в мир для спасения грешников, как то через пророка Своего Ты мне ныне поведал; исполни это со мной грешным на деле. Ибо я даю обет отныне, при помощи Твоей, не только никому не делать

---

[1] «Багряное», то есть темно-красное. «Я убелю, — говорит Господь устами пророка, — грехи ваши, как снег», то есть смою с вас те греховные пятна, совершенно очищу вас от них (ср.: Пс. 50, 9). Бог, по милосердию Своему к людям, прощает их грехи, но под условием только чистосердечного раскаяния и нравственного исправления.

никакого зла, но и оставить всякое беззаконие и послужить Тебе, Владыко, чистой совестью; только Ты Сам приими меня кающегося и не отвергни меня, припадающего к Тебе. С такими обещаниями, — продолжал он, — вышел я из церкви, решив в сердце своем не грешить более перед Богом.

Услышав это, все громким голосом прославили Бога, принимающего всякого, обращающегося к Нему с покаянием.

Так прозорлив был святой Павел, ибо за простоту свою и незлобие свое он преисполнен был благодати Божией. Да и кто же приятен Богу более незлобивого? *Незло́бивии и пра́вии*, — говорит Господь устами псалмопевца, — *прилепля́хуся Мне* (слав. Пс. 24, 21).

Преподобный прожил в святой простоте своей много лет и, сотворив много чудес, отошел ко Господу[1]. Тот, кто был на земле простым и неученым, теперь стал премудрейшим на небесах, более всех мудрецов мира сего, и с мудрыми Херувимами созерцает он Христа, Божию Силу и Божию Премудрость. Ибо истинная мудрость в том и состоит, чтобы бояться Бога и в чистоте души и незлобии сердца служить Ему и благоугождать.

Молитвами, Господи, угодника Твоего, Павла Препростого, умудри и нас в исполнении заповедей Твоих. Дай нам иметь началом премудрости — страх Твой, чтобы мы, страхом Твоим уклонившись от зла, могли творить перед Тобой благо (см.: слав. Пс. 33, 15) и получить милость Твою вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ГАИЯ, ФАВСТА, ЕВСЕВИЯ и ХЕРИМОНА

Эти святые были ученики святого Дионисия Александрийского[2]. Святые Гаий и Фавст были гонимы и приняли мученическую

[1] Преподобный Павел скончался в IV веке.

[2] Память святого Дионисия, епископа Александрийского, совершается 5 октября.

кончину вместе со своим учителем. Евсевий же и Херимон, после изгнания святого Дионисия, при помощи Божией, посещали заключенных в темницах, погребали тела мучеников и прожили до царствования императора Декия. За исповедание вере Христовой они потерпели жестокие мучения, но остались непоколебимыми. Множество язычников научили они вере Христовой и крестили их во имя Отца и Сына и Святого Духа — одних тайно, других же явно. Затем они были схвачены, усечены мечом и предали Господу свои блаженные души[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ДАВИКТА** и дочери его **КАЛЛИСФЕНИИ**

Давикт[2] был градоправителем ефесским[3] в царствование императора Максимиана; за сопротивление отдать в замужество дочь свою за нечестивого язычника — императора, Давикт лишен был чести и богатства, сослан в Мелитину[4] и там усечен мечом. Каллисфения же сперва укрывалась в Никомидии, потом удалилась во Фракию[5] и там поселилась у одной женщины, и молитвой своей исцелила больные глаза ее дочери. По смерти Максимиана, Каллисфения

---

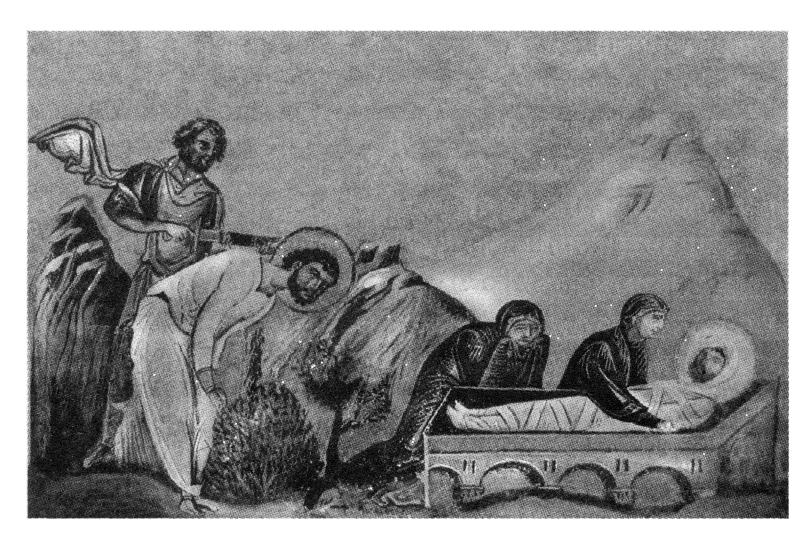
[1] ***Фавст, Евсевий и Херимон***, по свидетельству самого их учителя святого Дионисия, были диаконами. Евсевий (церк. историк) прибавляет, что Евсевий диакон после был епископом в Лаодикийской церкви в Сирии, а Фавст, маститый старец, скончался при его жизни мученически, быв обезглавлен. — Скончались во второй половине III века.

[2] По греческим памятникам Давикт называется *Адавктом.*

[3] *Ефес* — главный город малоазиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего города Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая *Айя Солюк.*

[4] *Мелитина* — область в северной части Малой Армении, недалеко от реки Евфрата. При императоре Траяне (98–117) здесь разрослось до размеров значительного города селение того же имени, что и область.

[5] ***Фракия*** — область в Византийской империи, в северо-восточной части Балканского полуострова.



Мчч. Давид и Каллисфения Ефесские, Мелитинские

возвратилась в отечество и отправилась к супруге царя Ликиния Констанции, которая была сестрой святого Константина Равноапостольного и исповедовала христианскую веру. Там она все рассказала царице о себе. Царица любезно приняла ее и помогла ей возвратить имение отца, отнятое Максимианом. Получив это имущество, Каллисфения все раздала его бедным. Тело отца своего она перенесла из места заточения в Асию и построила церковь в память его. Сама же, Богоугодно проведя остальное время жития своего, с миром почила о Господе.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
ПЕТРА,
пресвитера Капетолийского

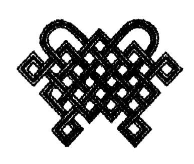
Святой Петр родился и вырос в городе Капетолии[1]; он был женат и имел троих детей, отличался мудростью и многих обратил на путь

[1] *Капетолия* — город на пути из Иерусалима в Дамаск между Гадарой и Адроей.

истинный. Впоследствии он принял иночество и, против воли, был поставлен епископом Бострийским[1] во пресвитера. Как учитель христианский, он был схвачен агарянами и отведен в Дамаск на мучение. Там ему отрезали язык, но чудесным образом он стал после этого говорить еще яснее. Затем ему отрезали правую руку и ногу, выкололи глаза, пригвоздили ко кресту и, наконец, отсекли главу, а тело сожгли[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ **ДОМНИНЫ,** и двух дочерей ее **ВИРИНЕИ и ПРОСКУДИИ**[3]

Домнина была знатная и богатая антиохиянка. Подвигшись божественной ревностью, она вместе с дочерьми оставила свое отечество и сродников и удалилась в город Едес. Здесь они были схвачены воинами и отправлены обратно в Антиохию. На половине дороги, когда воины, сопровождавшие их, сели обедать, святые жены, одевшись наряднее и помолившись, бросились в близлежащую реку и таким образом скончались, рассудив, что лучше, ради любви к Господу, погибнуть в воде, чем быть отданными живыми в руки беззаконников. Это было около 306 года[4].

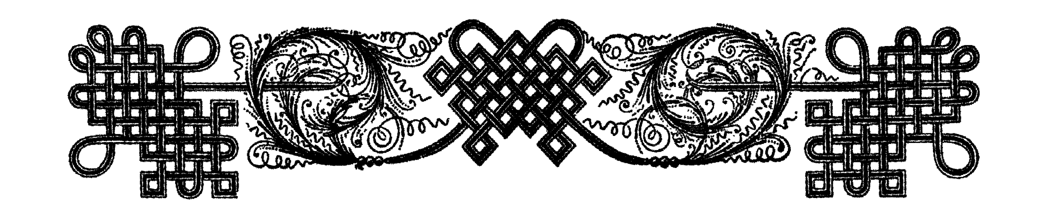


[1] *Бостра* — город в Аравии.

[2] Время кончины святого Петра полагают в III или начале IV века.

[3] Иначе они называются *Вероника* и *Просдока.*

[4] Святой Иоанн Златоуст говорил похвальное слово в Антиохии этим мученица. У него говорится о них и в другом слове, на четверодневного Лазаря.



День пятый

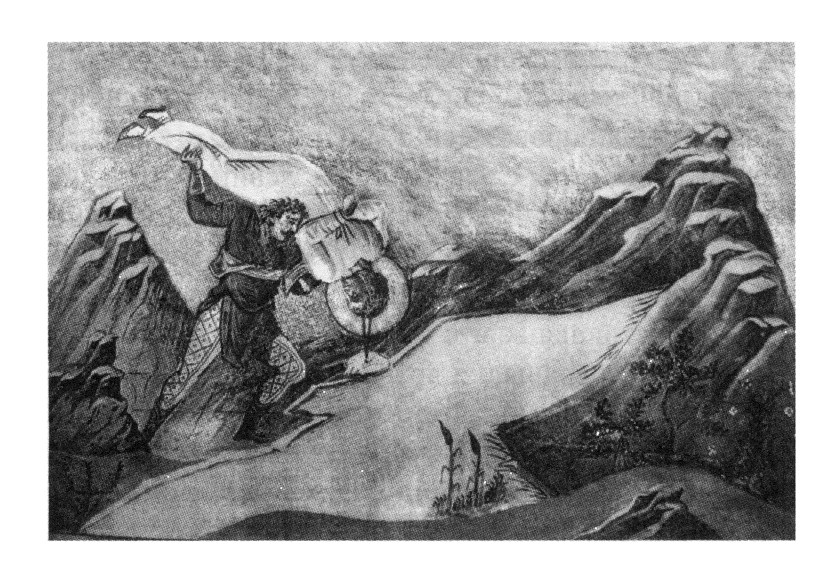
СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **ХАРИТИНЫ**

В царствование Диоклетиана в Понте проживал один благородный и богатый человек, по имени Клавдий; он был нравом добр и милостив к нищим. Однажды Клавдий увидел маленькую девочку, по имени Харитину, которая в детстве своем лишилась родителей. Клавдий сжалился над ней, взял ее к себе, воспитал и полюбил как свою родную дочь. И действительно, Харитина была вполне достойна любви. Когда она выросла, то сделалась явной не только красота ее лица, но и красота благих нравов: она отличалась: кротостью, смирением, послушанием, молчаливостью, целомудрием и разумом. Веруя в Христа, она воспламенилась к Нему горячей любовью и, уневестившись Ему, хранила девство и поселилась поэтому в отдельном уединенном жилище. Клавдий, ее воспитатель и господин, не только не воспротивился такому доброму ее намерению, но очень радовался целомудренной и святой ее жизни. Он построил для нее особый дом, где она и жила в уединении, день и ночь поучаясь в законе Господнем. Ее стали посещать верующие, и она наставляла их ко спасению, поучая их душеполезными поучениями, неверующих же она приводила к истинной вере, проповедуя им Христа. Таким образом Харитина была для всех учительницей веры и Богоугодной жизни.

В то время нечестивый царь Римский Диоклетиан[1] воздвиг на христиан сильное гонение. По его повелению, христиан повсюду

---

[1] Император Римский *Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год по Рождестве Христовом.



разыскивали и подвергали мучениям. В особенности же гонители преследовали тех, о коих распространялась молва, как об особенно добродетельных и разумных людях. Как таковая, была оклеветана пред градоначальником Домицианом и святая Харитина; ее обвиняли в том, что она сама христианка и многих других обратила и обращает к вере во Христа. Услышав об этом, градоначальник написал к Клавдию письмо, повелевая прислать к нему Харитину. Клавдий, прочитав послание градоначальника, сильно опечалился, оделся во вретище и оплакивал ее, хорошо понимая, что невозможно сопротивляться градоначальнику. Тем не менее, когда были присланы за ней воины, он, будучи не в силах расстаться с Харитиной, сопротивлялся им насколько мог, плача и удерживая ее своими руками, и не отдавая ее похитителям. Воины влекли ее к себе, а Клавдий препятствовал им, не выпуская ее из своих рук. Влекомая в разные стороны, святая Харитина сказала своему господину:

— Пусти меня, господин мой, и не скорби, но радуйся, ибо я буду приятною Богу жертвой за свои и за твои грехи.

Воины, сильно разгневавшись, силой вырвали Харитину из рук Клавдия, похищая ее как волки овцу из стада, и повели к градоначальнику. Провожая ее, Клавдий с плачем говорил:

— Помяни меня пред небесным Царем, когда предстанешь пред Ним среди сонма святых мучениц!

Святая Харитина была приведена к градоначальнику и стала пред ним, призывая всем своим сердцем Бога на помощь себе.

Градоначальник спросил ее:

— Верно ли то, что я слышал о тебе, девица, что ты сама христианка и многих других прельщаешь, обращая в ту же нечестивую веру?

Святая Харитина с дерзновением отвечала ему:

— Что я христианка — это правда, а что я совращаю других людей, это ложь; не совращаю я других, но обращаю от нечестия и заблуждения и наставляю на истинный путь, приводя их ко Христу, вера в Которого не нечестива, как ты несправедливо думаешь, но свята и праведна. Ваша же вера полна всякой нечистоты, потому что вы веруете в скверных и лукавых бесов и волю их творите.

Услышав такой ответ святой Харитины, градоначальник сильно разгневался и велел жестоко бить ее. Потом, наложив на ее шею железный обруч, отослал ее на суд к правителю области. Этот судья неправедный, показав Харитине все орудия пытки, сказал ей:

— Пожалей себя, чтобы не погибнуть тебе в жестоких муках. Послушай моего совета и принеси жертву бессмертным богам, и тогда получишь троякую для себя пользу: умилостивишь богов, приобретешь милость царя и сохранишь свою цветущую красоту нетронутой жестокими мучениями.

В ответ на это мученица возвела глаза свои к небу, прося себе оттуда защиты. Сотворив затем крестное знамение, она сказал судье:

— Лукав ты, судья, и несправедлив! Но не уловишь меня ни своей хитростью, ни страхом мучений, не привлечешь к своему нечестию и не изменишь пламенного моего желания пострадать за Христа. Подумай лучше о том, что для твоей души будет полезнее, и сам не поклоняйся бездушным идолам, дабы тебе не погибнуть вместе с демонами, коих ты почитаешь как богов.

Услышав такие слова, судья начал поносить святую мученицу и велел остричь волосы на ее голове. Святая, безгласная как овца пред стригущим ее, молчала, беседуя в душе с возлюбленным Женихом своим Христом и умоляя Его помочь ей совершить подвиг мученичества. Когда же она была острижена, тотчас, на виду у всех, на ее голове выросли другие волосы, длиннее и лучше прежних. Увидев это, судья пришел в сильную ярость и велел посыпать голову муче-

ницы горящими угольями, которыми сильно опалило ее. Потом, для большего мучения святой, опаленное тело ее облили уксусом, смешанным с желчью. Но святая терпеливо переносила все, молясь Господу и говоря:

— Господи, Иисусе Христе, крепкий помощник надеющимся на Тебя, сохранивший невредимо трех святых Твоих отроков среди горящего пламени, поспеши и ко мне на помощь и укрепи меня в мучениях, переносимых ради Тебя, чтобы враги мои не сказали: где Бог ее?

Помолясь, она почувствовала облегчение в муках и возблагодарила Бога. Мучитель же изобретал для нее все большие и большие мучения: разжигая железные прутья, он велел проколоть ее сосцы и горящими свечами опалять ее ребра. А святая Харитина, как бы не чувствуя вещественного огня, разжигалась духовным пламенем Божественной любви и не переставала сердцем и устами исповедовать Иисуса Христа. Видя такую твердость святой, мучитель повелел потопить ее в море. Слуги, взяв ее, повели к морю. Святая же, идя, взывала к Богу:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что ради Твоего святого имени, после огненного мучения пройду сквозь морскую воду; благоволи мне явиться чистой в день воскресения; но и теперь, как всегда, покажи на мне Твои чудеса, чтобы еще более прославлено было превеликое имя Твое.

Тем временем слуги привели Харитину к морю и, привязав ей на шею большой камень, бросили ее в глубину морскую. Но камень тотчас отвязался от ее шеи и исчез в море, а святая, невидимо укрепляемая силой Божией, стала на волнах и пошла по ним как по твердому камню. Выйдя на берег, она вернулась к судье и сказала ему:

— Узри силу Христа моего и уверуй в Него!

Судья, увидев, что Харитина не утонула, но жива, так сильно испугался, что почти потерял сознание и молчал. Едва придя в себя, он сказал, что она — волшебница и волхвованием спаслась от потопления в море, и повелел взять ее и привязать нагую к колесу, под которым были положены разные острые железные орудия, ножи и мечи, и множество горящих углей. Судья приказал слугам поворачивать колесо с привязанной к нему святой, чтобы острые орудия, положенные под колесом, раздирали ее тело, а горящие уголья опа-

ляли его и тем причиняли бы святой еще более мучения. Но слуги не могли исполнить приказания мучителя, так как, по повелению Божию, колесо не поворачивалось и руки их ослабели, а горящие уголья погасли. Святая осталась невредима, ибо Ангел Господень защищал и охранял Христову невесту. Видя это, судья снова пришел в ярость и приказал вырвать ей ногти на руках и на ногах и выбить зубы, — святая же и эти мучения претерпела мужественно. Тогда беззаконный судья решил растлить ее девство и для этого велел созвать множество распутных людей, чтобы отдать им святую на осквернение. Святая Харитина, услышав такое безбожное повеление неправедного судьи, сказала:

— Со мной мой Христос: Он разрушит весь ваш лукавый замысел и возьмет меня неоскверненной к Себе.

Сказав это, мученица подняла руки и устремила взор свой к небу, усердно молясь Богу, чтобы Он избавил ее от рук нечестивцев. Когда созванные распутники хотели уже осквернить ее, она внезапно предала свою чистую и непорочную душу в руки Господа своего[1], и девственное тело ее лежало мертвым среди мерзких и исполненных нечистого желания распутников. Увидев, что святая мертва, судья приказал вложить ее тело в мешок и, насыпав в него песок, бросить его с телом святой в море. Так была потоплена в море мертвой та, которая при жизни ходила невредимо по водам! Спустя три дня волны морские выбросили на берег тело святой, не потерпевшее в воде никакого вреда. Клавдий, который воспитал святую Харитину как свою родную дочь, взял честное и многострадальное тело ее и с плачем и радостью предал его подобающему погребению, прославляя родившегося от Пречистой Девы Христа Спасителя, Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

[1] Святая мученица Харитина пострадала около 304 года по Рождестве Христовом в городе Амисии, в Понте, на южном берегу Черного моря.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ДАМИАНА ПЕЧЕРСКОГО

Когда мы, одержимые болезнями душевными и телесными, будем, по слову Писания, призывать на помощь пресвитеров, чтобы совершили они над нами помазание елеем, то призовем с ними мысленно и угодившего Богу пресвитера и целителя, блаженного Дамиана, добрым подвигом подвизавшегося в святом Печерском монастыре во время игуменства преподобного Феодосия.

Этот достойный удивления инок весьма ревностно подражал ангельскому житию и всем добродетелям преподобного отца и наставника своего Феодосия. По свидетельству многих, он был смиренен сердцем, послушлив, покорен всем; особенно же обитавшие с ним в одной келии были очевидцами его кротости, ночного бодрствования, прилежного чтения священных книг и частого вставания на молитву. Те же очевидцы рассказывают и о многих других подвигах этого мужа, который был таким постником и отличался таким воздержанием, что, кроме хлеба и воды, ничего другого не употреблял в пищу до самой своей смерти. За свою благочестивую жизнь он удостоился получить от Господа дар чудотворения, особенно же благодать исцеления болящих, подобно святому бессребренику и чудотворцу Дамиану, имя которого носил. Приносил ли кто к преподобному больного ребенка или приводил к нему взрослого человека, страдавшего каким-либо недугом, Феодосий повелевал блаженному Дамиану творить молитву над болящим. Со смирением и безропотной покорностью, считая себя недостойным дара исцеления, творил тогда Дамиан над болящими молитвы и помазывал их святым елеем, и, Божией благодатью, все получали исцеление и уходили здоровыми.

Так блаженный Дамиан много лет богоугодно подвизался в иноческих трудах и, совершив много дел для душевного своего спасения, соделался достойным вечной жизни. Достигнув конца этой временной жизни, он впал в болезнь и, видя приближающуюся кончину, стал со слезами молиться Богу:

— Господи мой, Иисусе Христе! Сподоби меня быть соучастником славы святых твоих, и с ними удостоиться Твоего Царствия; мо-

Прп. Дамиан Печерский

люся Тебе, Владыко, не отлучай меня от отца и наставника моего преподобного Феодосия, но причти меня вместе с ним в Твоем свете, который Ты уготовал праведникам.

Когда он так молился, внезапно предстал у ложа его Ангел, в образе преподобного Феодосия; склонившись к Дамиану и с любовью целуя его, он говорил ему:

— Чадо! Господь, Которому ты молишься, послал ныне меня возвестить тебе, что прошение твое будет исполнено: ты будешь причтен к святым Его и с ними вселишься в Царствие небесного Владыки. Когда же Господь повелит тебе преставиться от этого мира и идти к Нему, тогда мы будем неразлучны и в том свете.

Сказав это, Ангел стал невидим. Блаженный Дамиан понял, что ему было явление от Бога, ибо он не видел, чтобы говоривший ему входил или выходил дверями, но на том же самом месте, где явился, там и стал невидим. Тотчас призвал он послушника и послал его к преподобному Феодосию, прося его прийти к себе. Когда святой немедленно пришел, блаженный Дамиан с радостным лицом спросил его:

— Так ли будет, отче святой, как ты обещал мне сегодня в видении?

Преподобный Феодосий, не зная ничего, отвечал:

— Не знаю, чадо, что такое я обещал тебе.

Тогда блаженный Дамиан рассказал ему, как он сам молился и как явился ему некто в образе преподобного Феодосия, давший такое обещание.

Услышав это, богодухновенный Феодосий восхвалил Бога и со слезами сказал преподобному:

— Поистине, чадо, будет так, как тебе обещано, ибо тебе в образе моем явился Ангел Божий; я же, сам будучи грешным, как могу обещать такую славу, которая уготована праведникам?

Блаженный Дамиан, услышав эти слова, исполнился радости и надежды. Между тем к нему в келью собрались иноки; всех он облобызал и в добром исповедании с миром предал душу свою в руки Господа, когда Ангелы пришли за ней, и просиял лицом, являя радостное разлучение души с телом[1]. Тогда преподобный Феодосий повелел ударить в било, чтобы собралась вся братия; с пением и великой честью погребли они в пещере честнóе тело Христова угодника, в честь славимого в Троице Бога.

Молитвами блаженного этого целителя Дамиана да сподобит Господь и нас быть в бесконечные веки участниками Царства Своего, где нет болезни. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ИЕРЕМИИ ПЕЧЕРСКОГО

И наша Русская земля была славна пророком Иеремией, не древним, но новым; о нем и будем мы здесь повествовать. Блаженный отец наш Иеремия Печерский достиг глубокой, преклонной старости; он помнил даже крещение земли Русской, бывшее во дни благоверного великого князя Владимира[2]; тогда и блаженный Иеремия был просвещен святым крещением. Спустя много лет после этого он пришел в святой монастырь Печерский к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию, принял великий ангельский образ — схиму и в нем Богоугодно подвизался, подражая житию святых отцов. За великую свою добродетель он получил от Бога дар предузнавать будущее и провидеть человеческие помышления; в ком видел преподобный лукавое помышление, того обличал наедине и убеждал беречься от диавольского внушения, в особенности если

---

[1] Преподобный Дамиан преставился в 1070 году. Его мощи почивают в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры.

[2] Крещение Русской земли было при князе Владимире святом в 988 году.

Прп. Иеремия Печерский

какой-либо брат задумывал выйти из монастыря; тогда Иеремия, провидевший это, приходил к брату, обличал его намерение, утешал, увещевая терпеть, стойко и непрестанно вести брань с ненавистником добра и врагом нашим и не поддаваться колебанию; и так сильно он укреплял брата своим наставлением, что тот навсегда оставлял свое намерение. А если кому блаженный прорекал что-либо, доброе или худое, то всегда сбывалось слово старца.

Прожив так много лет и многим оказав пользу своим прозрением, святой Иеремия скончался в глубокой старости[1] и, оставив покров своей души — тело в пещере, отошел к древним пророкам, для созерцания ***открытым лицом*** (см.: 2 Кор. 3, 18) таин Самого Ветхого деньми, Бога Отца, Ему же слава со Единородным Его Сыном и Единосущным Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
МАТФЕЯ ПЕЧЕРСКОГО

Не именем только был подобен блаженный отец наш Матфей Печерский первому из апостолов евангелисту, но как тому дано было видеть Эфиопскую землю и обличать неверие жителей ее, так и этот блаженный, иночествуя в Печерском монастыре во дни святых первоначальников[2] этой обители, за великие свои подвиги удостоился получить от Бога такое дарование, что ясно мог зреть лица подземных эфиопов — бесов, обличать их и открывать на пользу спасающимся тайные козни их.

[1] В 1074 году.

[2] Святых Антония и Феодосия Печерских.

Прп. Матфей Печерский

Блаженный старец Матфей стоял однажды в церкви на своем месте; подняв взор свой, он взглянул на братию, которая стояла на обоих клиросах и пела; и видел он беса в образе воина, который обходил братию; на воскрилиях одежды его были липкие цветы. Вынимая цветок, он бросал его на кого-либо из поющих; тот брат, к которому приставал цветок, постояв немного времени, позволял уму своему поддаться слабости и, измыслив себе какую-либо причину, выходил из церкви, отправлялся в келью и предавался сну, уже не возвращаясь в храм на пение. Если же цветок, брошенный диаволом, не приставал к одежде инока, то такой инок бодро выстаивал всю утреню до конца и тогда лишь шел в свою келью. Старец рассказал братии о видении своем, и тогда все стали остерегаться выходить из церкви.

Блаженный старец имел обыкновение по окончании утрени, когда братия расходилась по своим кельям, — последним выходить из церкви. Однажды, выйдя так из церкви, он сел под церковным билом, желая немного отдохнуть, ибо келья его была далеко от церкви. И вот видит он как бы большую толпу, направляющуюся от монастырских ворот; подняв свой взор, он увидел беса, с гордостью восседавшего на свинье, а около него множество бесов, сопровождавших его. Старец спросил их:

— Куда идете вы?

— За Михаилом Тоболковичем, — отвечал бес, сидевший на свинье.

Ознаменовав себя крестным знамением, старец отправился в свою келью. Когда же стало светать, святой, уразумев смысл бывшего ему видения, сказал своему ученику:

— Иди и спроси, в келии ли Михаил?

Тот отправился, и ему сказали, что Михаил сегодня после утрени вышел за ограду монастырскую. Тогда старец рассказал о видении

игумену и старшей братии. Игумен, призвав брата, стал расспрашивать его и, вразумив его назиданием, отпустил в келию.

Прозорливый отец Матфей и других братий поучал с любовью и советовал им сидеть в келиях, воспоминая постоянно о Боге и молясь о прощении грехов.

При преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий; после него игуменом был Стефан, а по Стефане — Никон. При этом игумене случилось блаженному Матфею увидеть такое видение. Однажды, стоя за утреней, он поднял глаза свои, желая увидеть игумена, блаженного Никона, но увидел, что на игуменском месте стоит осел; тогда Матфей понял, что Никон не пришел к утрене. Старец рассказал о видении своем; тогда игумен понял, что видение это было ему в назидание, и горько каялся. С тех пор, оставляя не только леность, но и всякое монастырское неотложное дело, он старался поставить себе за обычай прежде всех приходить в церковь. Таким образом, видение это заставило его еще более стремиться к блаженству. Также и много других видений было этому блаженному старцу, и он рассказывал их на пользу братии. Достигнув глубокой старости, он почил о Господе в добром исповедании[1]; честные мощи его лежат нетленно в пещере[2] со святыми отцами, а сам он молится за нас, предстоя пред престолом Владыки, да избавимся вражеских наветов и получим вечную жизнь во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

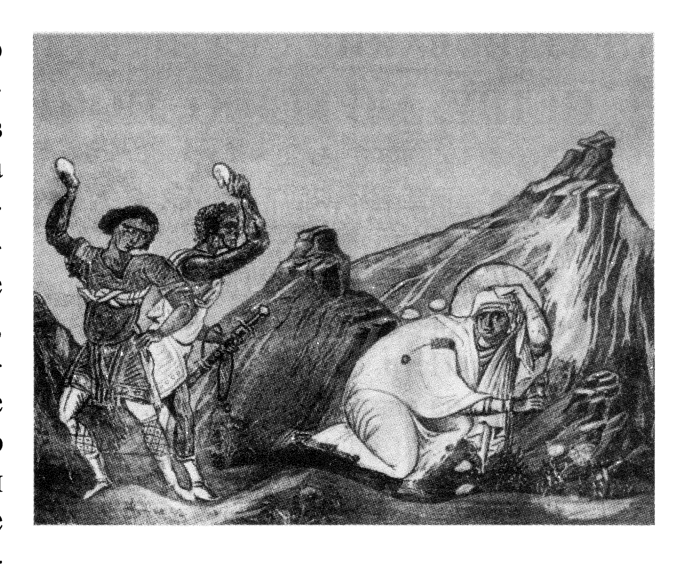
ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ **МАМЕЛХФЫ**

Святая мученица Мамелхфа, родом из Персии, была сначала жрицей одной языческой богини[3]. Однажды она увидела во сне

[1] В 1088 году.

[2] В Антониевой пещере.

[3] По некоторым спискам Пролога, Мамелхфа была первоначально жрицей греческой языческой богини Артемиды, почитание которой особенно было распространено на Востоке.



Ангела, поведавшего ей тайны веры Христовой. Проснувшись в страхе, она рассказала свой сон сестре, которая была христианкой. Сестра привела ее к епископу. Епископ, услышав о сне Мамелхфы, убедил ее принять христианство и совершил над ней крещение, причем ее сестра была восприемницей от святой купели. Разгневанные обращением Мамелхфы в веру Христову, язычники побили ее камнями, когда она еще была облечена в одежду крещения[1]. Тело ее было брошено в ров, а оттуда взято двумя некими христианами и предано честному погребению. Впоследствии епископ того города, где прияла мученическую смерть святая Мамелхфа, исходатайствовал у Персидского царя позволение разрушить храм языческой богини и на месте его создать церковь во имя святой Мамелхфы[2]. В этой церкви и положено было тело святой мученицы. При перенесении мощей святой мученицы Мамелхфы совершилось от них множество чудотворений и исцелений, и многие из язычников обратились ко Христу.

---

[1] В древности христиане носили белые одежды, в которых крестились, в течение восьми дней после крещения. Вероятно, эта белая одежда послужила в глазах язычников явным признаком принадлежности Мамелхфы к христианскому обществу и была причиной столь скорой мученической кончины Мамелхфы. По более подробному сказанию об этом, язычники, вскоре после крещения Мамелхфы, приступили к ней, требуя, чтобы она принесла жертву Артемиде; но она отказалась и мужественно объявила себя христианкой, за что предана была многим мучениям, во время которых и скончалась.

[2] Время мученической кончины святого Мамелхфы можно предположительно относить к V веку. Византийский император Феодосий II Младший, в 422 году, заключил с персами мир, который продолжался до 502 года; этим и объясняется, почему персидский царь позволил христианскому епископу разрушить вышеупомянутое языческое капище, очевидно из желания поддержать добрые, мирные отношения с могущественной Византийской империей.

ПРАЗДНОВАНИЕ СВЯТИТЕЛЯМ МОСКОВСКИМ ПЕТРУ, АЛЕКСИЮ, ИОНЕ и ФИЛИППУ

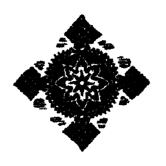
Как три великих столпа Православия: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст[1] — сохранили непотрясенным здание древней Восточной Церкви во время обрушившихся на нее гонений со стороны еретиков, так и три великих святителя Церкви Московской: Петр, Алексий и Иона — сохранили невредимым Православие на святой земле Русской в тяжкие годины ее внутренних нестроений и бед от многочисленных внешних врагов. И как Вселенская Церковь, помимо празднований, положенных каждому из трех Вселенских святителей в отдельности, установила особый праздник, посвященный всем трем святителям вместе, твердо памятуя, что одна была у них всех вера, одна — ревность по ней, одна — любовь к ближним, заставлявшая их одинаково подвергать ради этих ближних жизнь свою опасностям, так и на Руси святой еще со времени царя Феодора Иоанновича и патриарха Иова (с 1596 года) соединили в одном всеобщем праздновании 5 октября три священных имени Московских первосвятителей.

Но Русская земля среди Московских первосвятителей имела и еще одного охранителя Православия, карателя злых нравов и страдальца за веру и правду, имя которого, по неизвестным причинам, оставалось долгое время неприсоединенным к празднованию 5 октября. Это был святой митрополит Филипп.

Впервые на это обратил внимание высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский. В 1875 году Святейший Синод, по его ходатайству, определил вместе с священной памятью Московских митрополитов: Петра, Алексия и Ионы — совершать 5 октября воспоминание о святом Московском митрополите Филиппе. В этом же году был утвержден Святейшим Синодом и чин празднования всем четырем святителям вместе, составленный митрополитом Иннокентием. Совершается празднование это в Москве и до настоящего времени. Накануне праздника, то есть 4 октября, в Большом Успенском соборе отправляется малая вечерня с торже-

[1] Общее празднование этим святителям совершается 30 января.

ственным молебным пением святителям, как это обыкновенно принято совершать во всех Московских церквах и монастырях на храмовые праздники. Затем в свое время по всем церквам столицы совершается с вечера всенощное бдение с красным звоном. Во время благовеста к вечерне, из Чудова монастыря с крестным ходом переносится местная икона святителя Алексия в Успенский собор, где и остается до вечерни следующего дня.



ЖИТИЕ СВЯТОГО **ДИОНИСИЯ**, епископа Александрийского

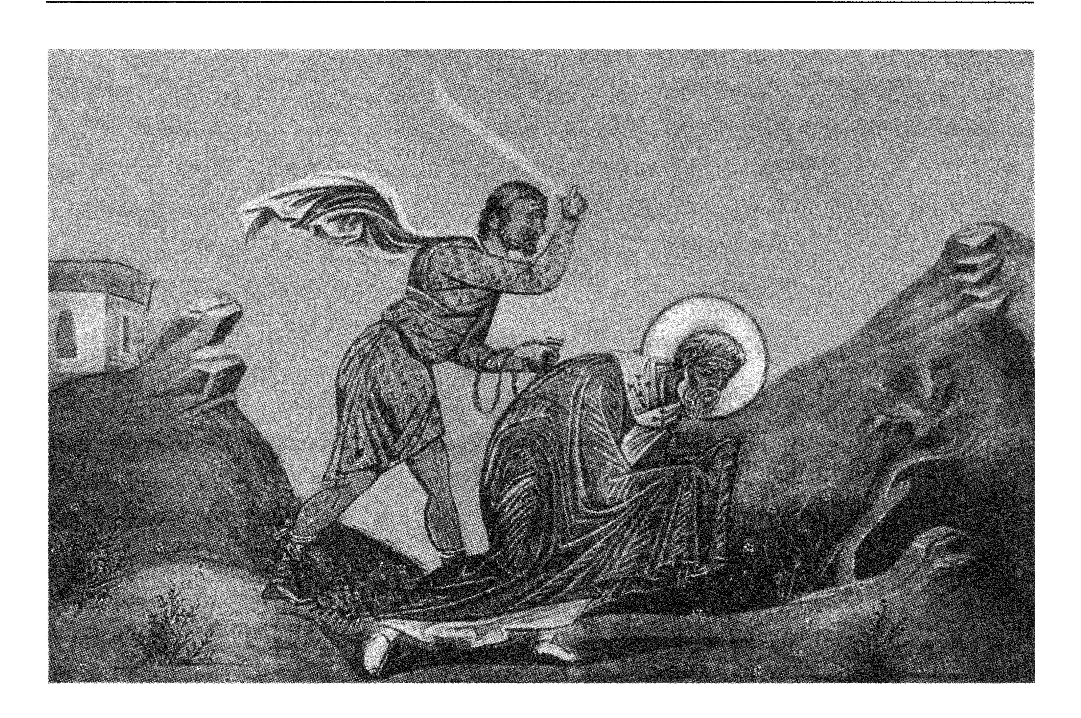
Святой Дионисий происходил из Александрии[1] от богатых и знатных родителей — язычников[2]. В юности своей он получил хорошее языческое образование и был привержен к язычеству. По окончании своего образования Дионисий сначала проходил обязанности ритора[3] и обучал юношей красноречию, в духе изученной им языческой науки. Но его ясный и светлый ум не мог не видеть грубых заблуждений и суеверий языческой веры, в которой он родился и вырос, и недостатков языческой философии, в началах которой был воспитан. Его пытливый дух, алчущий и жаждущий правды, не мог найти удовлетворения в языческих знаниях и верованиях; его сердце чувствовало тщету и лживость язычества и, еще не познав

---

[1] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским в 331 году до Рождества Христова на берегу Средиземного моря, в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. Александрия после Рима была первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства рассадником христианского просвещения. Христианство принесено было сюда, по преданию, евангелистом Марком около 59–60 года. В настоящее время Александрия (по-турецки и арабски — Искандеры) принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением более двухсот тридцати тысяч жителей.

[2] Святой Дионисий Александрийский родился около 195 года.

[3] То есть преподавал науку об ораторском искусстве, которое в то время достигло высшей степени процветания и дорого ценилось не только в языческом, но и христианском мире и имело большое религиозное, политическое и воспитательное значение.



истинного Бога, уже стремилось к Нему. И вот Дионисий, желая познать истину, знакомится с различными человеческими учениями и верованиями и сравнивает их между собой. Этот верный путь беспристрастного исследования учений человеческих привел Дионисия, при его пламенном стремлении обрести истинную веру, к познанию Единого истинного Бога и к сознательному принятию веры Христовой. Святой Дионисий впоследствии сам о себе говорил, что он «обратился ко Христу путем свободного исследования, беспристрастно испытывая учения человеческие».

В то время в Александрии, славившейся языческими школами и учеными, наряду с многосторонним развитием учености тогдашнего языческого мира, достигло значительной степени процветания и христианское просвещение. Знаменитые начальники возникшего там христианского, так называемого «огласительного»[1], училища,

---

[1] В Александрии, центре языческой образованности, где издавна был знаменитый музей наук словесных, математических и философских, в противовес язычеству, еще со времен апостольских, возникло и христианское, так называемое «Огласительное», или «Катехизическое», училище, влияние которого на будущ-

силой своих дарований, соединяли в наставлениях своих ученость богословскую и философскую и были хорошо знакомы с языческой ученостью и ее представителями. Под влиянием этих христианских учителей лучшие из язычников приходили нередко к познанию истинной веры Христовой и оставляли свое языческое нечестие. Дионисий, уже познакомившийся со многими христианскими сочинениями, вступил в близкое общение с александрийскими христианскими учителями, во главе которых были Иеракл[1] и особенно знаменитый Ориген[2]. К Оригену, как к замечательному ученому, не-

ность христианства было многосторонне и неизмеримо. Предание с благоговением приписывало основание этого училища самому апостолу и евангелисту Марку. В начале в нем преподавались только первоначальные наставления для желавших получить крещение, на что указывает уже самое наименование Александрийского училища «Огласительным», а вместе с тем приготовлялись и сами огласители. Но потом Огласительное Александрийское училище, по своему положению в центре всемирной образованности и учености, приняло характер богословско-ученого образовательного заведения. Этому особенно способствовал один из его катехетов (учителей), знаменитый Пантен (180–191 гг.), и не менее замечательный ученик и преемник его, Климент Александрийский, одобрявший слушателям своим философию как руководство к вере. Еще более цветущего состояния Александрийское Огласительное училище достигло при Оригене.

[1] *Иеракл* — известный христианский учитель — сначала был помощником Оригена по преподаванию в Александрийском Огласительном училище. В 231 году Иеракл наследовал Оригену в заведовании огласительным училищем; в 233 году был возведен на епископию Александрии († 246 г.).

[2] *Ориген* — ученик Климента Александрийского, знаменитейший христианский учитель III века, первоначально был выдающимся из преподавателей Александрийского Огласительного училища, но впоследствии подвергся нападкам со стороны Александрийского епископа и других представителей Александрийской Церкви и, по обвинению в некоторых развиваемых им еретических воззрениях и добровольном скопчестве, лишен пресвитерского сана и выслан из Александрии, с запрещением ему церковного учительства, после чего основал свое пребывание в Кесарии Палестинской, где им было устроено новое училище, в которое со всех сторон стекались слушать знаменитого учителя; после того некоторое время был в заточении в темнице, потом ревностно и успешно боролся против еретиков своего времени, затем во время гонения Максимина скрывался от гонителей, в гонение Декия удостоился славы мужественного исповедника Христова и скончался в Тире в 254 году, на семидесятом году своей жизни. В своих многочисленных сочинениях Ориген проводил некоторые мнения неправославного и еретического характера, за что они и осуждены были как еретические, хотя Ориген не высказывал своих неправославных мнений, как непреложные истины, и не был еретиком в собственном смысле. Даже замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением от-

мало стекалось и язычников для слушания философии и математики, и Ориген пользовался этим и с успехом трудился для славы имени Христова, употребляя труды свои и сведения для того, чтобы обратить этих слушателей к общению со Христом.

Дионисий скоро стал ревностным учеником Оригена и со всем жаром ищущего истину духа стал изучать христианское учение, превосходство которого пред языческим он сразу же оценил. С большим усердием и любовью читал он послания апостольские, особенно послания святого апостола Павла, которые произвели на него глубокое впечатление и решительный переворот во всех его верованиях и воззрениях, следствием чего было вполне сознательное обращение его к христианству. Убедившись окончательно в истине христианства, он не замедлил принять, под влиянием отчасти Оригена, святое крещение[1], и вступил в Огласительное училище, сделавшись истинным украшением его. С того времени святой Дионисий стал еще ревностнее вникать в глубокие истины христианского учения, охраняя чистоту его от привходивших в него еретических лжеучителей и неправомыслия. К учителю своему Оригену он был особенно близок, питая к нему благоговейную благодарность и сердечное расположение, и союза с ним не прекращал и тогда, когда Ориген впоследствии принужден был оставить Александрию и даже когда находился в темничном заключении[2]. Замечательные успехи святого Дионисия в познании истин христианства и его благочестивая жизнь обратили на него внимание учителя Александрийской школы Иеракла. По прошествии непродолжительного времени свя-

---

носились к богословским трудам и заслугам Оригена. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из которых некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны также труды его по изучению Священного Писания, по истолкованию его и особенно по восстановлению и очищению его истинного текста, а также сочинения, направленные к защите христианства против еретиков и врагов христианства. Вообще он весьма много сделал не только для своего, но и для последующих времен, и все великие учители Церкви IV века значительно пользовались трудами Оригена.

[1] Святой Дионисий обращен в христианство сравнительно уже в зрелых годах. Крещен он был самим Александрийским епископом Димитрием (189–231 гг.).

[2] Так Дионисий писал письмо к Оригену, когда тот был заключен в темницу при Декие. Сохранилось известие, что Дионисий по смерти Оригена писал письмо к Феотекну, епископу Кесарийскому, в похвалу его.

той Дионисий возведен был в сан пресвитера. По удалении Оригена из Александрии Иеракл заместил его в Александрийском Огласительном училище в качестве начальника. Когда же Иеракл возведен был в сан епископа Александрийского, Дионисий стал начальником в Огласительном училище; по смерти же Иеракла, он был его преемником по Александрийской кафедре[1].

С того времени, как Дионисий вступил на Александрийскую кафедру, вся жизнь его стала непрерывным рядом самоотверженных подвигов против разнообразных врагов Церкви, внешних и в особенности внутренних. В то время Церковь Христова много страдала от внешних гонений языческой власти и еще более раздираема была различными раздорами, еретическими лжеучениями и расколами, грозившими нарушить церковное единение и внутренний мир Церкви. В такое тяжелое время святой Дионисий Самим Богом предназначен был к тому, чтобы служить для верующих твердой опорой. Благодаря ему, действительно, мир в Церкви при всех опасностях и смятениях остался непоколебленным. А святая строго-благочестивая жизнь архипастыря, его самоотверженная любовь к пастве, кротость, искренность и смирение внушали к нему всеобщее уважение, даже среди его врагов и еретиков. Вся жизнь его была посвящена ревностному и неустанному служению Церкви Божией. С особенно горячей ревностью он заботился об обращении неверующих, с сердечной, отеческой кротостью относился он к заблуждающимся и имел попечение о примирении разделенных. В скорбях он обнаруживал возвышенное мужество, в вере — непоколебимое постоянство, во всей своей жизни — поразительное, глубокое смирение, в то время как весь христианский мир удивлялся его учености и добродетелям.

Унаследовав от Оригена любовь ко всякого рода знанию, святой Дионисий находил возможным согласовать его с христианским вероучением и по-прежнему внимательно читал и исследовал сочинения лучших язычников и различных еретиков, волновавших в его время своими лжеучениями Церковь Божию. Охраняя чистоту христианского церковного учения от еретических лжеучений и разномыслий, святой Дионисий отвергал их, однако, не прежде как по

[1] Главой знаменитой Александрийской школы святой Дионисий сделался в 233 году и занимал это положение в течение четырнадцати лет.

личному убеждению дознавал их несостоятельность, и тогда уже с силой и мужеством вооружался против нечестивых еретиков.

При всем уме своем и учености кроткий и смиренный, святой Дионисий и на кафедре пастырской отличался духом кротости и умеренности. В то тяжелое для христиан время, в жестокое гонение нечестивого царя Римского Декия[1], некоторые епископы — не из страха гонений и мучений, но для того, чтобы не оставить без руководства, назидания и утешения вверенных попечению их словесных овец стада Христова, — удалялись из своих городов в места более безопасные и оттуда управляли своими паствами[2]. Так поступил в это тяжкое время по Божественному внушению и святой Дионисий, не из страха смерти за имя Христово, а по необходимости и для блага церкви Александрийской, чтобы не оставить паствы без пастыря. Префект Сабин послал шпиона на поиски за святым Дионисием. Святой в продолжение четырех дней оставался дома, но шпион, будучи уверен, что он бежал, искал его на полях, дорогах и реках, и ему в голову не пришло войти в дом архипастыря. После этого, повинуясь внутреннему внушению, святой Дионисий бежал с некоторыми собратиями, но был схвачен и отправлен в Тапосирис для мучений. Однако Бог хранил верного Своего угодника. Совершенно неожиданно он был чудесно избавлен из рук воинов толпой христианских поселян. Это случилось следующим образом.

---

[1] Император Римский *Декий* царствовал с 249 по 251 год. Он был жестоким гонителем христиан; при нем было первое общее гонение на христиан.

[2] Так поступил, между прочим, и святой Киприан Карфагенский, знаменитый отец Церкви, впоследствии мужественно приявший за Христа мученическую кончину († 258 г.). Так же, ранее Дионисия и Киприана, поступал одно время святой Поликарп Смирнский (мученически скончался в 167 г.) и после них святой Афанасий Александрийский († 373 г.). В своих письмах к Домицию и Дидиму (251 г.), а также к Фабию, епископу Антиохийскому, святой Дионисий передает весьма трогательный рассказ об Александрийских мучениках, которые скончались во время первого Декиева гонения от побоев, огня или меча, причем себя самого он относит к числу тех, для которых весьма продолжительная жизнь не оказалась достаточной для того, чтобы благоугодить Господу, хотя он и веровал, что Христос сохранил его для другого удобного времени. Некий епископ, по имени Герман, по-видимому, упрекал его, как упрекаем был и святой Киприан Карфагенский, в трусости и оставлении своей паствы. В ответ на это (258–259 гг.) Дионисий призывает Бога во свидетели, что он бежал не по собственному желанию и (подобно Киприану) ссылается в оправдание этого на Божественное внушение.

Один христианин, по имени Тимофей, не был захвачен вместе с святым Дионисием и другими верующими. Найдя дом под стражей, он бежал в крайнем смущении и сообщил о взятии архипастыря под стражу поселянину, который направлялся на одно праздничное торжество. Весть об этом расстроила все торжество, и все гости бросились к месту пленения святителя с такой стремительностью, что стражи бежали. Дионисий и его друзья полураздетыми положены были на голые кровати и, приняв поселян за разбойников, умоляли не предавать их смерти. Но святитель был схвачен за руки и ноги некоторыми неизвестными друзьями и, несмотря на свое сопротивление, унесен отсюда и посажен на неоседланного осла. Затем, против своей воли, он был увезен в одно безопасное место. Кто были эти друзья, спасшие святителя, так и осталось совершенно неизвестным: очевидно, Господь чудесным образом хранил святого Дионисия для блага Церкви, в то время гонимой, унижаемой и обуреваемой внутренними волнениями и смутами.

Пребывая в скрытом месте, святой Дионисий продолжал управлять Александрийской паствой, посылая к ней письма чрез доверенных пресвитеров. В то мучительное время Церковь переносила страшные страдания и скорби от свирепых язычников. Не вынося пыток и мучений, многие из верующих отрекались от Христа. После они с глубоким раскаянием и сердечной скорбью опять обращались к епископу, смиренно умоляя снова принять их в лоно Церкви Христовой. Кроткий и смиренный Дионисий снисходительно принимал их в число чад Церкви христианской, налагая на них те или иные запрещения и епитимии, и тем спасал их от совершенного отчаяния[1].

К довершению зол, угрожавших Церкви Христовой, в это тяжкое время появился раскол новациан, еще больше раздиравший ее внутренними смутами. Новациан и его последователи открыто и

---

[1] Единодушно и вполне согласно со святым Дионисием действовал по отношению к таковым падшим и знаменитый современник его, святой Киприан, епископ Карфагенский. Прежде чем допустить падших к общению, они требовали от них доказательства покаяния и не колебались прощать их, вопреки крайним мнениям многих своих современников, слишком энергично восстававших против падших, как совершивших смертный грех. Ходатайство мучеников и исповедников Христовых за падших в практике Церкви того времени имело также большое значение.

решительно выступили против принятия отпавших в лоно Церкви и тем усугубили ее бедствия и многих стали приводить в отчаяние[1]. Тогда святой Дионисий, с любовью принимавший падших, особенно по ходатайству исповедников Христовых, восстал против новациан и убеждал Новациана оставить этот пагубный для Церкви Божией раскол.

— Ты должен был бы претерпеть все возможное, но только не рассекать Церкви Божией, — писал ревностный архипастырь этому лжеучителю. — Не менее славно умереть для того, чтобы только не раздирать Церкви, как и для того, чтобы не принести жертвы идолам. По моему суждению, первое даже выше, потому что в последнем случае умирают для спасения своей души, а там для блага всей Церкви.

И снисходительный пастырь употребил все свои силы, чтобы впоследствии на соборе восстановить вожделенный мир в Церкви, нарушенный этим пагубным расколом, чего и достиг своими самоотверженными трудами в духе кротости и умеренности христианской[2].

---

[1] *Новациан* был выдающимся красноречивым римским пресвитером во время гонения Декия, хотя по соборным правилам не мог быть рукоположен, ибо получил только клиническое крещение (то есть крещение на смертном одре), без последующего миропомазания; впоследствии сильно добивался епископского престола в Риме, но, обманувшись в расчете, отделился от Церкви, сделавшись епископом новациан, и тем положил начало гибельному расколу в Церкви, получившему его имя и угрожавшему Церкви великими смутами и бедствиями. Новациан особенно восставал против вторичного благосклонного принятия в Церковь — отпадших от нее. По мнению новациан, Церковь есть общество святых; поэтому все падшие и соделавшие смертные грехи после крещения должны быть извергаемы из нее и ни в каком случае не могут быть принимаемы обратно; Церковь, будто бы, не имеет права прощать тяжких грешников; если же она их прощает, то сама делается нечистой и перестает быть святой. Свое общество, в которое не принимались тяжкие грешники, а отщепенцы от Православной Церкви принимались не иначе как через перекрещивание, новациан называли поэтому «кафарами», то есть обществом чистых. Новацианские общества широко распространились в Карфагене, Александрии, Сирии, Малой Азии, Галлии и Испании.

[2] Так, Дионисий написал Новациану кроткое, миролюбивое послание, из которого заимствованы вышеприведенные слова Александрийского святителя о том, что мученичество, понесенное с целью воспрепятствовать расколу, столь же славно, как и мученичество за отказ поклониться идолам. Вместе с тем он

По смерти нечестивого Декия, в кратковременное царствование императора Галла[1], гонение на христиан прекратилось, и в Церкви Христовой водворился мир. Этот покой Церкви был тем вожделеннее, что он позволил святому Дионисию обратиться с пастырскою заботливостью к успокоению волнения, произведенного Арсинойским епископом Непотом, который проповедовал ересь, названную хилиазмом[2]. Святой отец не только написал в духе любви сочинение против Непота[3], но в том же духе вел соборные совещания с защитниками этой ереси и достиг того, что все они обратились к едине-

---

отечески увещевал Новациана, что если он не может склонить своих последователей отказаться от сделанного ими ложного шага, то, по крайней мере, он мог бы спасти свою собственную душу; если же, как говорит в свою защиту Новациан, он посвящен во епископа против своей воли, то должен доказать искренность своего заявления добровольным отказом от сана, «чтобы избежать раздрания Церкви Божией». Несмотря на это миролюбивое послание, Дионисий, по его собственным словам, враждебно был настроен к Новациану за то, что «он разрубил Церковь на куски и увлек некоторых из братьев к нечестию и богохульству, ввел самое нежеланное учение о Боге и ложно представлял милосердого Господа безжалостным» и так далее. Против новациан святитель написал несколько посланий и энергично боролся против них. Но хотя, трудами его и некоторых других представителей Церкви, мир в ней был восстановлен, новациане имели многих последователей, и общества их существовали даже до VII века.

[1] *Галл* царствовал с 251 по 253 год, отличался миролюбивым характером и снисходительностью к христианам.

[2] *Непот* был епископом города Арсиноэ, или Арсинои, в Среднем Египте. — Хилиазм появился очень рано и в конце II века имел уже много последователей. В половине III века энергичным представителем его является Непот, имевший много приверженцев, тем более что его учение являлось как бы ближайшим утешением христиан в гонениях и пытках. Непот учил, что, согласно словам Апокалипсиса (20, 2–6), скоро должно наступить тысячелетнее царствование Иисуса Христа на земле, где живущими явятся верующие и благочестивые; царствование это хилиасты представляли в чувственном, вещественном смысле земного царства с земными удовольствиями. Еретическое учение Непота стало известным уже после его смерти.

[3] Обширное сочинение «Об обетованиях», из которого сохранилась в целом виде лишь вторая часть и небольшие отрывки из первой. В своем сочинении святой Дионисий объяснял, что обетования о Царствии Христовом надобно понимать не в чувственном виде, а в духовном, и доказал это превосходно как из Откровения, так и рассмотрением природы человеческой; там же он рассуждал и по поводу Апокалипсиса вообще.

нию церковному[1]. Живое участие принимал святой Дионисий и в споре, поднятом тогда в Церкви о крещении еретиков[2], всего более заботясь о том, чтобы успокоить волнения, произведенные в Церкви этим спором, чего своими увещаниями и успел достигнуть. В то же время он ревностно боролся с возникшей в Александрийской Церкви злочестивой и опасной ересью Савеллия. Стараясь противодействовать его пагубному еретическому лжеучению, произведшему немалый соблазн в Церкви Христовой и увлекшему в свои сети даже некоторых епископов, святой Дионисий собирал соборы, писал окружные послания против Савеллия, стараясь рассеять своеволие гордого

---

[1] Для этого Дионисий поспешил в Арсиною, где потребовал совещания с последователями Непота, и провел три дня в разборе его книги, причем старался говорить о нем с любовью и почтением, называя его своим отцом и собратом и похваляя его за веру, трудолюбие, прилежное изучение Священного Писания, равно как и за его великие успехи в псалмопении, которым услаждались многие из собратий. «Я глубоко люблю этого человека, — говорил святой Дионисий, — еще и за то, что он отошел к своему покою прежде нас. Тем не менее истина должна быть ценима и почитаема выше всего». Результатом совещания было то, что святитель успел убедить хилиастов и получил сердечную благодарность за вразумления от их начальника, пресвитера Коракиона. Последний настолько был убежден, что отказался от своего мнения и просил не обращать далее на него внимания, не рассуждать, не упоминать и не учить о нем. Остальные из присутствовавших собратий также были весьма довольны этим собеседованием, а также и тем примирительным духом и общим согласием, которые обнаруживаемы были всеми. С этого времени хилиазм почти совсем заглох в Восточной Церкви.

[2] Климент, Тертуллиан, святой Киприан Карфагенский и некоторые другие учители Церкви, а также некоторые Поместные соборы, при обращении еретиков, требовали их перекрещивания; только в Риме их принимали чрез одно покаяние. Дионисий по своим воззрениям примыкал к последнему мнению и в сохранившихся отрывках некоторых посланий решительно отрицает перекрещивание тех еретиков, которые крещены во имя Святой Троицы, каковое мнение впоследствии и принято на I Вселенском соборе (325 года). Но прежде всего при этом ожесточенно обсуждавшемся вопросе он опять выступил в прекрасной роли посредника. Он писал по этому предмету несколько писем папе Римскому Стефану. В одном из сохранившихся писем он говорил ему об общем мире Церквей; но когда Стефан отказался иметь общение с епископом Каппадокийским Фирмилианом, защищавшим противоположный взгляд, он увещевал его принять во внимание серьезные последствия своего образа действий. По смерти Стефана, Дионисий писал о том же предмете его преемникам Сиксту II и Дионисию Римскому и подробнее рассматривал этот предмет в книге «О покаянии».

ума, не признававшего в Боге троичность Лиц: Бога Отца, Сына Божия и Святого Духа[1].

Но заботы святого Дионисия о внутреннем мире и благе Церкви внезапно были остановлены гонением нового римского императора Валериана[2]. В самом начале этого жестокого гонения великий пастырь Александрийский был схвачен, несмотря на свою тяжкую болезнь, и вместе с пресвитером Максимом[3] и диаконом Фавстом, Евсевием и Херимоном представлен к префекту Емилиану[4]. Гонение тогда обрушилось всей тяжестью особенно на епископов и пресвитеров, как представителей Церкви. Поэтому мучители всячески побуждали Дионисия отречься от Христа и принести жертву идолам, ибо за ним последовали бы и другие. Но Дионисий безбоязненно отвечал на это:

— Мы должны повиноваться более Богу, нежели человеку.

Тогда Емилиан, запретив святому всякое общение с христианами, тем более всякое обращение к ним с словом назидания и проповедования Евангельского учения, сослал его в захолустную деревню Цефро, лежавшую среди дикой пустыни Ливийской[5]. Но и там, во-

---

[1] Савеллий, выходя из христианского понятия о единстве Божием, впал в крайность, которая и привела его к еретическому учению, противному самым главным основам и догматам христианского вероучения. Он учил, что если Бог един по существу, то и не может быть совместной Троицы Божественного Существа, и Троицу нужно понимать лишь в смысле последовательного откровения одного и того же Лица по отношению Его к миру и человеку; по учению Савеллия нет трех лиц Божества: Отец, Сын и Дух Святой — это только известные формы, в каких Бог является людям: в Ветхом Завете, как дающий законы им, является Отцом, в Новом, как спасающий людей, явился Сыном и продолжает являться, как освящающий их Дух. — Савеллианизм, возникнув в половине III века, к концу его уже ослабел, хотя имел еще приверженцев и в IV веке.

[2] Римский император *Валериан* царствовал с 253 по 259 год. Воздвигнутое им гонение на христиан отличалось особенной, чрезмерной жестокостью.

[3] *Максим* тайно был посылаем в Александрию для утешения гонимых христиан. Впоследствии он был преемником Дионисия по кафедре († 282 г.).

[4] *Емилиан* был префектом Александрии, то есть правителем ее, представителем и наместником Римского императора. Но в действительности он управлял независимо и был одним из так называемых «тридцати тиранов», которые в то время захватили императорскую власть в Египте.

[5] *Ливийская пустыня* — восточная часть громадной Африканской пустыни Сахары — представляет собой страну довольно низменную и изобилует оазисами с городами и селениями. Местность, куда сослан был святой Дионисий, нельзя по-

преки запрещению, святой продолжал поучать слову Божию и, как доблестный мученик Христов, отказывался исполнять повеление мучителей. Язычники били его за это неоднократно камнями. Несмотря на все это, Дионисий имел утешение и в пустыне обратить к святой вере Христовой многих язычников. Успех проповеди Дионисия еще более раздражил Емилиана, и он отослал святого епископа в местечко Коллуфо, находившееся в еще более отдаленной и дикой части пустыни Ливийской[1]. Но и отсюда он имел утешение сноситься с друзьями Христовыми и со своей паствой, и не только со своей, но и с другими Церквами. Святой Дионисий и ранее всегда так поступал, ясно сознавая, что он, как предстоятель одной из главных Церквей, своим голосом влияющей и на другие Церкви и христианские общины, должен заботиться не только о своей пастве, но и о всей Церкви Христовой, особенно для того, чтобы противостоять каждой попытке нарушить всеобщий мир в Церкви.

Три года пробыл святой Дионисий в этом жестоком и лютом заточении, и какие скорби и злострадания он там претерпел — одному Богу известно. По воцарении Галлиена[2] он был возвращен из заточения, к великому утешению своей паствы и всей Церкви Христовой.

Однако и в Александрии этого доблестного страдальца Христова ожидали не покой и благоденствие, но кровавое смятение и злострадания. После скорбей междоусобной войны последовал лютый голод, а за голодом — моровая язва, свирепствовавшая с ужасной жестокостью. С истинной отеческой любовью заботился Дионисий о несчастных, кто бы они ни были — язычники или верующие. Описывая бедствия, претерпенные жителями Александрийской области во время этой губительной язвы, святитель писал между прочим следующее: «Многие из братьев наших, по сильной любви, оставив заботу о своей жизни, но заботясь друг о друге, смело посещают больных, служат им постоянно, врачуют о Христе; добровольно они умерли вместе с ними, принимая на себя страдания их,

---

нимать в собственном смысле пустыни, а лишь в смысле пустынности, отдаленности и дикости этого места.

[1] Но при этом по соседству с дорогой, так что святого Дионисия и сосланных с ним собратий легко можно было схватить во всякий момент.

[2] *Галлиен* — Римский император с 260 по 268 год. Он остановил начатое Валерианом гонение на христиан и издал повеления, которыми ссыльные были возвращены и объявлена свобода вероисповеданий.

как бы привлекая к себе болезнь и охотно стирая с них язвы. Многие из тех, которые так пеклись о больных и возвратили им здоровье, сами умерли... И этот род смерти по благочестию и твердости веры никак не ниже мученичества. Они брали руками своими и на свои колена тела святых, закрывали им глаза и уста, носили их на плечах своих, укладывали, сплетаясь с ними, обмывали их и одевали в одеяния»[1].

Так трогательно описывает святой Дионисий подвиги любви христианской в это тяжелое для Александрии время, особенно со стороны церковного клира; но он сам был для верующих лучшим образцом такого самоотвержения, превышавшего подвиг мученический: ибо *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). И святой Дионисий, полагая все силы свои на утешение и помощь недугующим, не жалел для них самой жизни своей, памятуя слова Спасителя: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

К этим скорбям и своим собственным тяжким телесным недугам присоединилась для святого Дионисия новая скорбь: этого непоколебимого столпа Православия и ратоборца против неверия и ересей заподозрили в неправомыслии, и он принужден был, не столько для своей защиты, сколько для умиротворения Церкви, писать послание, в котором изложил свое православное учение о Трех Лицах Святой Троицы[2]. Истина восторжествовала, и высокое уважение всей Церкви к нему и ко всем его строго-православным воззрениям, охранявшим чистоту веры в это смутное для Церкви время, осталось непоколебленным.

---

[1] Письмо святого Дионисия к Александрийской Церкви с утешением в бедствиях голода; оно приведено в церковной истории Евсевия.

[2] Православие святого Дионисия заподозрено по тем самым письмам, которые он писал к разным лицам в защиту православного учения против Савеллия. Святого отца стали укорять в неправомыслии, будто он неправильно учит о Сыне Божием, ибо в своих письмах Дионисий употребил неосторожные выражения о Святой Троице, за что обличал его современный и соименный ему папа Римский. Тогда Дионисий Александрийский поспешил в свое оправдание написать Дионисию Римскому послание, указывая на неправильность толкования его слов и выражений, отчасти отрекаясь от того, что считал ошибкой и необдуманными выражениями, и излагая строго православное учение о Сыне Божием. После этого всякие сомнения в православии святого Дионисия исчезли, и он, напротив, еще более прежнего стал считаться столпом и опорой православия.

Наконец, телесные силы исповедника Христова от престарелых лет, скорбей и чрезмерных трудов совсем уже ослабели, хотя дух его был силен. Когда Церковь стало волновать еретическое учение Павла Самосатского[1], в Антиохии был собран Собор святых отцов и учителей Церкви[2], на который одним из первых был приглашен и святой Дионисий, ибо от него все ждали решительного голоса и умиротворения Церкви. Но великий пастырь Александрийской церкви, удрученный старостью, чувствовал себя совершенно неспособным вынести тяжесть столь далекого пути и принужден был от приглашения отказаться; однако, вместо непосредственного изустного своего слова, он послал отцам собора пространное письмо, в котором изложил свой православный взгляд на учение Павла Самосатского[3]. Чрез несколько дней после этого он мирно предал дух свой Богу (265 год), в то время как предстоятели христианских Церквей собрались в Антиохии для обличения Павла Самосатского. Церковь много скорбела об этой тяжкой потере, ибо лишилась в лице святого Дио-

---

[1] *Павел Самосатский* (по месту рождения), епископ Антиохийский, проповедовал злую ересь о Святой Троице и главным образом — о Сыне Божием. По его учению, в Божестве нет различия лиц: Бог-Слово и Святой Дух находятся в Отце таким же образом, как разум и дух в человеке. Сына Божия, сшедшего с небес, он не признавал и считал Иисуса простым человеком, в котором Божество обитало, как и в пророках, только в большей степени, и который только поэтому и называется Сыном Божиим. При своих еретических воззрениях, Павел внес еще тем большую смуту и соблазн в Церковь, что отличался порочными наклонностями, проводил роскошную жизнь, отменил в своей епархии древние церковные напевы, песнопения в честь Спасителя заменил гимнами в честь самого себя, позволял себе неприличные для церковной кафедры телодвижения, требуя рукоплесканий и тому подобное.

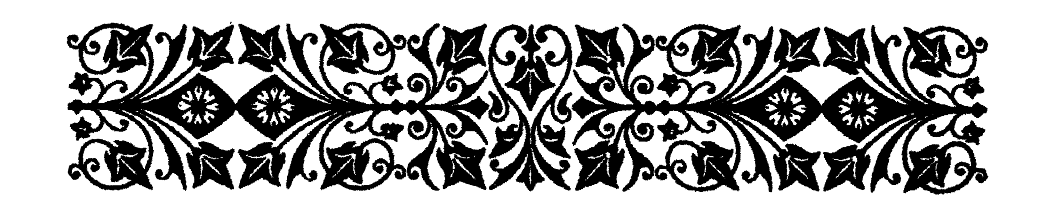
[2] *Антиохийский собор* против Павла Самосатского собрался в 264 году — из епископов Сирии, Азии и Аравии. На этом соборе Павел, однако, успел навеять туман на свои еретические заблуждения и успокоил членов собора, высказавшись в примирительном духе и обещая воздержаться от всяких соблазнов, но обещания этого не исполнил. Поэтому составились в Антиохии впоследствии еще два собора (в 267 и 269 г.), и на последнем он лишен был епископства; учение его признано ересью, и крещение, им совершавшееся, — недействительным, так как названия Лиц Святой Троицы он употреблял не в православном смысле.

[3] В своем послании, которое не сохранилось до настоящего времени, святой Дионисий высказал, по свидетельству церковного историка IV века Евсевия Памфила, строгий суд над еретическими мнениями Павла Самосатского и осуждал его заблуждение с решительной ясностью.

нисия великого учителя и отца Церкви и непоколебимого столпа Православия[1].

Молитвами святителя да спасет Господь Бог Церковь Свою от всякого лжеименного знания и разделения и да сохранит церковное единение и мир, в духе кротости и любви христианской.

[1] Древность единогласно усвоила святому Дионисию имя Великого; современник его, святой Афанасий Александрийский, называл его учителем Вселенской Церкви, а Церковь усвоила ему имя священномученика, ибо хотя он и не приял мученической кончины за Христа, но всю свою жизнь мужественно и доблестно боролся и трудился за Христа и Его святую Церковь и претерпевал осуждения, нарекания, опасности, гонения, странствования, затруднения и всякого рода бедствия и злоключения не менее святых мучеников. — Сочинения святого Дионисия имели первостепенное значение в истории развития христианской мысли, по своему влиянию на богословов IV века. Дионисий отличался высокой образованностью и коротко знаком был как с предметами веры, так и с предметами учености общей. Предметами его сочинений, которые дошли до нас лишь в отрывках, и притом далеко не все, служат преимущественно догматы, изъяснение Святого Писания и благочиние церковное, которое он старался утверждать не только в Церквах Египетских, но и в Риме, в Армении и в других местах. Кроме вышеупомянутых его посланий в защиту Православия против еретических учений его времени, заслуживают особенного внимания его глубокомысленное догматическое сочинение «О природе» и так называемые *Пасхальные* послания, писанные в силу древнего обычая, по которому на епископе Александрии, где процветала астрономия и математика, лежала обязанность определения для всей Церкви времени празднования в каждом году Пасхи; к известиям об этом дне Дионисий всегда присоединял догматические и нравоучительные размышления о Воскресшем Спасителе; послания эти обязательно прочитывались пред собранием верующих в храмах.



День шестой

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ФОМЫ

Святой апостол Фома, называемый близнец[1], родился в галилейском городе Панеаде[2]. Когда Господь наш Иисус Христос, во время Своего пребывания на земле с людьми, проходил по городам и селениям, уча народ и исцеляя всякие болезни, Фома, услышав его проповедь и увидев его чудеса, прилепился к Нему всей душой. Насыщаясь сладкими словами Иисуса Христа и созерцанием его пресвятого Лица, Фома ходил за Ним и был удостоен Господом причисления к лику двенадцати апостолов, с которыми и следовал за Христом до самых его спасительных страданий. По воскресении же Господа святой Фома своим недоверием к словам других апостолов об этом еще более усилил веру Церкви Христовой. Ибо в то время как прочие ученики Христовы говорили: «Мы видели Господа», он не хотел им поверить, доколе сам не увидит Христа и не прикоснется к его язвам. Спустя восемь дней по воскресении, когда все ученики собрались вместе и Фома был с ними, Господь явился им и сказал Фоме:

---

[1] *Фома* — в переводе с еврейского значит: близнец; иначе он именовался Дидим — греческое слово, обозначающее то же самое.

[2] *Галилея* — северная часть Палестины. Панеада — город Северной Палестины, при подошве горы Ермона, при восточном истоке Иордана, на северной границе колена Неффалимова, получивший свое наименование от Панион, местечка и пещеры при подошве южного склона Ливана. Сыном Ирода, царя Иудейского, Филиппом город этот переименован в честь кесаря (императора Римского) Тиверия, Кесарией (Кесария Филиппова). Теперь этот некогда цветущий город находится в развалинах, и на его месте возвышается только небольшая деревенька.

Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим.

Увидев Христа и прикоснувшись к живоносным его ребрам, Фома воскликнул: *Господь мой и Бог мой* (Ин. 20, 24–29).

Это событие с Фомой самым наглядным образом убеждает всех в истинности воскресения Господня, потому что Христос явился ученикам не как призрак и не в ином каком-либо теле, но в том же самом, в котором пострадал ради нашего спасения.

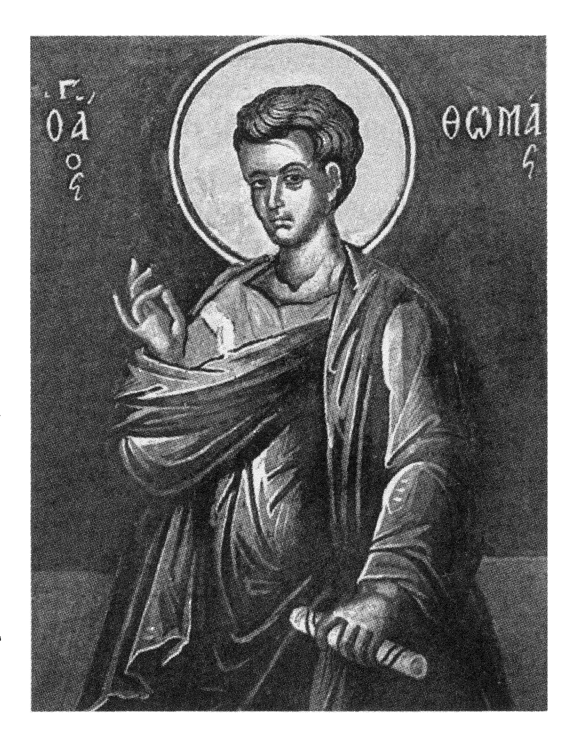
После вознесения Иисуса Христа на небо и сошествия Святого Духа апостолы бросили между собой жребий, куда каждому из них идти для проповедания Слова Божия. Фоме выпал жребий идти в Индию, чтобы просветить помраченные язычеством страны и научить истинной вере различные обитавшие там народы — парфян и мидян, персов и гиркан, бактрийцев и брахманов и всех самых дальних обитателей Индии[1].

Фома очень скорбел о том, что он посылается к таким диким народам; но ему явился в видении Господь, укрепляя его и повелевая быть мужественным и не страшиться, и обещал Сам пребывать с ним. Он скоро указал ему и возможность проникнуть в эти страны.

Царь Индийский Гундафор, желая выстроить себе дворец как можно искуснее, послал купца своего Авана в Палестину, чтобы он поискал там такого искусного строителя, который был бы опытен в постройках и мог бы построить такие же палаты, какие были у Римских императоров. С этим самым Аваном Господь и повелел Фоме идти в индийские страны. Когда Аван искал искусных архитекторов в Панеаде, Фома встретился с ним и выдал себя за человека опыт-

---

[1] Индией в современном географическом смысле называется южная часть Азиатского материка, заключающая средний из трех южных полуостровов материка и соседнюю часть материка до громадных горных цепей, отделяющих ее от Центральной Азии. Но древние писатели нередко называли общим именем Индии все южные богатые страны Азии, о которых имели лишь смутные понятия. Мидяне жили по соседству с Персией, в западной части Ирана, к югу от Каспийского моря, и были покорены впоследствии персами. Парфяне жили также по соседству с персами, в обширной стране от Евфрата до Окса и от Каспийского моря до Индийского; в III веке до Рождества Христова были покорены римлянами. Персы обитали в южной части Ирана. Гиркане жили по берегам Евфрата и Тигра и были покорены персами. Бактрийцы обитали на северо-востоке Ирана. Брахманы — жители собственно Индии, преимущественно индийские жрецы.



ного в строительном искусстве. Аван, наняв его, вошел с ним в корабль, и они отправились в путь, пользуясь благоприятным ветром.

Когда они пристали к одному городу, то услышали здесь звук труб и иных музыкальных инструментов. Царь того города отдавал замуж свою дочь и послал глашатаев оповещать по всему городу, чтобы на бракосочетание собирались и богатые и бедные, рабы и пришельцы, а если кто прийти не захочет, тот будет подлежать царскому суду. Услышав это, Аван с Фомой, боясь, как пришельцы, разгневать царя, если не послушают его, пошли на брачное торжество во двор царский. Когда все уселись и стали веселиться, апостол сел на самом последнем месте и ничего не ел, не принимал участия и в веселье, но погрузился в размышления. Все смотрели на него как на странника и иноплеменника. Те же, кто возлежали рядом с ним[1], говорили ему:

— Зачем ты пришел сюда, когда ничего не ешь и не пьешь?

Апостол сказал в ответ:

— Я пришел сюда не для того, чтобы есть и пить, но чтобы исполнить волю царя, ибо глашатаи громко оповещали, что если кто не явится на брак, то будет подлежать царскому суду.

В то время среди пировавших находилась одна женщина еврейка, которая прекрасно играла на свирели, припевая каждому из возлежавших какое-нибудь приветствие. Увидев Фому, который не веселился, но лишь часто поднимал взоры на небо, она поняла, что он — иудеянин, и, играя перед ним, пела ему на еврейском языке такой припев: «Един есть Бог — иудейский, сотворивший небо и землю».

[1] В древности, как у иудеев, так и у других народов, был обычай не сидеть, а возлежать за трапезой.

Апостол же, слушая этот припев с удовольствием, просил ее несколько раз повторять те слова.

Виночерпий, видя, что апостол не веселится, ударил его по лицу, говоря:

— Ты позван на брак — не будь же печален, а веселись, присоединившись к пьющим.

Тогда апостол сказал ударившему его:

— Да воздаст тебе Господь за это еще в этой жизни, и я пусть увижу руку, ударившую меня, влачимой псом на показ многим!

Некоторое время спустя ударивший апостола виночерпий вышел к колодцу, намереваясь принести гостям воды для разбавления вина. Там внезапно напал на него лев, повалил и умертвил его и, высосав из него кровь, удалился. Тогда прибежали собаки, растерзали тело его на части, а один черный пес, схватив его правую руку, приволок ее на пир и бросил пред всеми. Все присутствовавшие там, увидев это, пришли в ужас и спрашивали, чья эта рука. Женщина же, игравшая на свирели, воскликнула:

— Что-то необычайно таинственное совершается ныне у нас: с нами находится в числе возлежащих или Бог, или посланник Божий. Ибо я видела, как виночерпий ударил одного человека, и слышала, что этот человек сказал по-еврейски: «Пусть я увижу правую руку твою влачимою псом на показ многим», что, как вы все видите, и сбылось.

После этих слов на всех напал страх.

По окончании пира царь, услышав о происшедшем, призвал к себе святого апостола Фому и сказал:

— Войди во дворец и благослови отданную замуж дочь мою.

Апостол, войдя в опочивальню, стал поучать новобрачных целомудрию и хранению чистого девства и, помолившись за них, благословил их и удалился. Во сне новобрачные увидели Иисуса, Который явился им в образе апостола Фомы и с любовью обнимал их. Муж, подумав, что пред ним — Фома, сказал ему:

— Ты вышел от нас раньше всех — каким образом ты снова очутился здесь?

Господь ответствовал:

— Я — не Фома, а брат его, и все, отрекшиеся от мира и последовавшие за Мной так же, как и он, не только будут Моими бра-

тьями в будущей жизни, но и наследуют Мое царство. Итак, не забудьте, дети Мои, того, что советовал вам Мой брат, и если, согласно его совету, вы сохраните непорочным свое девство, то удостоитесь нетленных венцов в Моем небесном чертоге[1].

Сказав это, Господь стал невидим; они же, пробудившись от сна, рассказали друг другу то, что видели во сне, и, вставши, всю ночь усердно молились Богу; слова же, сказанные им, хранили в своем сердце, как драгоценные жемчужины.

Утром царь вошел в опочивальню, где находились новобрачные, и нашел их сидящими отдельно друг от друга. В недоумении, он спросил их о причине такого удаления друг от друга. Они же сказали ему в ответ:

— Мы молимся Богу, чтобы Он дал нам силу до самой кончины нашей соблюдать в супружестве совершенное целомудрие, в каковом пребываем теперь, чтобы быть за то увенчанными в небесном чертоге нетленными венцами, как обещал явившийся нам Господь.

Тогда царь понял, что к сохранению девства убедил их странник, бывший накануне во дворце, чрезвычайно разгневался и тотчас послал своих слуг, чтобы они схватили апостола, но они не нашли его, потому что он вместе с Аваном уже отплыл в Индию.

Прибыв к Индийскому царю Гундафору, они предстали пред ним, и Аван сказал:

— Вот, государь, я привез к тебе из Палестины искусного строителя, чтобы он мог устроить палаты, какие угодно твоему величеству.

Царь обрадовался, показал Фоме то место, где он хотел строить палаты, и, определив размеры их, дал ему большое количество золота для постройки, а сам отправился в другую страну.

---

[1] Такое превознесение девства нисколько не свидетельствует о том, чтобы и при брачном общении невозможно было спасение супругов. Но, по учению древних отцов Церкви, девственники получат в Царстве небесном высшую награду, согласно и апокалипсическому изображению (Откр. 14, 1–5). Поэтому Господь, по Своему Божественному предведению, зная духовные силы и способность вышеупомянутых молодых супругов к целомудренной жизни, посвященной исключительно Богу, и убеждает их сохранять свое девство. При этом, по греческому подлиннику мученических актов святого апостола Фомы, Господь указывал молодым супругам и на то, что дети, которые бы родились от них, были бы больные, злые и несчастные.

Фома, получив золото, стал раздавать его нуждающимся — нищим и убогим, сам же, подвизаясь в проповедании Евангелия, обратил многих к вере во Христа и крестил их.

В то время тот юноша, который, по совету Фомы, обещался хранить девство вместе с женой своей, услышав, что апостол в Индии проповедует Христа, вместе с ней прибыл к апостолу. Наставленные святым апостолом Христовой вере, они приняли от него святое крещение. Девица получила при этом имя Пелагии и впоследствии пролила кровь свою за Христа, юноша же наименован был Дионисием и впоследствии удостоен сана епископа. Возвратившись с апостольским благословением в свое отечество, они распространяли славу имени Божия, обращая неверных ко Христу и созидая в городах церкви.

По прошествии двух лет царь послал к апостолу узнать: скоро ли окончится постройка палат? Апостол ответил посланным, что остается только положить крышу. Царь обрадовался, ибо полагал, что Фома действительно строит ему на земле дворец, и послал ему еще много золота, повелевая поскорее соорудить для палат великолепную крышу.

Фома, получив еще золото, возвел очи и руки к небу, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Человеколюбче, что Ты различными способами устрояешь спасение людей!

И снова он раздал присланное царем золото тем, кто просил у него помощи, а сам продолжал усердно проповедовать Слово Божие.

По прошествии некоторого времени царь узнал, что Фома даже еще и не начинал приводить в исполнение его повеление, что все золото роздано убогим, а строитель и не думает о постройке, но, проходя по городам и селениям, проповедует какого-то нового Бога и совершает дивные чудеса. Царь пришел в сильный гнев и послал слуг своих схватить апостола. Когда святого Фому привели к царю, тот спросил его:

— Выстроил ли ты палаты?

Фома отвечал:

— Построил, и притом великолепные и прекрасные.

Тогда царь сказал:

— Пойдем же и посмотрим твой дворец.

Апостол отвечал:

— В жизни своей ты не можешь увидеть дворца этого, но когда отойдешь из этой жизни, тогда увидишь и, с радостью поселившись в нем, будешь жить там вечно.

Царь, думая, что он смеется над ним, весьма оскорбился и повелел бросить его в темницу вместе с привезшим его купцом Аваном, где они должны были томиться в ожидании мучительной смертной казни: царь намеревался содрать с них живых кожу и сжечь их на костре.

Когда они сидели в темнице, Аван стал упрекать апостола.

— Ты, — говорил он, — обманул и меня, и царя, назвавшись искуснейшим строителем. И вот теперь ты истратил без пользы и царское золото и жизнь мою погубил. Из-за тебя я страдаю и должен умереть лютой смертью: царь жесток и умертвит нас обоих.

Апостол же, утешая его, говорил:

— Не бойся, для нас не настало еще время умирать; мы будем живы и свободны, и царь почтит нас за те палаты, которые я устроил ему в Царстве небесном.

В ту же самую ночь царский брат заболел и послал сказать царю:

— Из-за твоей скорби и я также стал тосковать и от этой тоски впал в болезнь, от которой теперь умираю.

Немедленно вслед за этим брат царя действительно умер. Царь, забыв прежнее свое огорчение, впал в новую скорбь и неутешно рыдал о смерти своего брата. Ангел же Божий, взяв душу умершего, вознес ее в небесные обители и, обходя тамошние селения, показывал ей многочисленные великолепные и блестящие палаты, между коими одна была так прекрасна и блестяща, что ее красоты и описать невозможно. И спросил Ангел душу:

— В какой из всех палат тебе более угодно жить?

Она же, взирая на ту прекраснейшую палату, сказала:

— Если бы мне было позволено пребывать хотя бы в углу той палаты, то мне ничего бы больше не было нужно.

Ангел сказал ей:

— Ты не можешь жить в этой палате, ибо она принадлежит твоему брату, на золото которого построил ее известный тебе пришлец Фома.

И сказала душа:

— Прошу тебя, господин, отпусти меня к брату, и я куплю у него эту палату, ибо он еще не знает красоты ее — и потом, купив ее, я снова возвращусь сюда.

Тогда Ангел возвратил душу в тело, и умерший тотчас ожил, и, как бы пробудившись от сна, спрашивал окружавших его о брате и молил, чтобы царь поскорее пришел к нему. Царь, услышав, что брат его ожил, весьма обрадовался и поспешил к нему, и, увидев его живым, сделался еще радостнее. Воскресший же начал говорить ему:

— Я уверен, царь, что ты любишь меня, как своего брата; знаю, что ты безутешно плакал обо мне, и если бы можно было освободить меня от смерти, то отдал бы за то даже до полцарства своего.

Царь отвечал:

— Да, это совершенная правда.

— Если ты так любишь меня, — сказал на это брат царя, — то прошу у тебя одного дара — не откажи мне в нем.

Царь отвечал:

— Все, чем я владею в государстве моем — все даю тебе, любимому моему брату, — и клятвой подтвердил свое обещание.

Тогда воскресший брат сказал:

— Дай мне палату твою, которую ты имеешь на небесах, и возьми за нее все мое богатство.

Царь, услышав такие слова, пришел в смущение и молчал, как бы потеряв способность говорить. Потом он сказал:

— Откуда у меня на небесах может быть палата?

— Воистину, — отвечал брат царя, — на небесах есть такая палата, о которой ты не знаешь и какой ты никогда не видел во всей поднебесной. Ее построил тебе Фома, которого ты держишь в темнице; я видел ее и дивился ее несказанной красоте и просил поместить меня хотя в одном углу ее, но это мне не было дозволено; ибо водивший меня Ангел сказал: нельзя тебе жить в ней, потому что это палата брата твоего, которую построил известный тебе Фома. Я просил Ангела, чтобы он отпустил меня к тебе, чтобы купить у тебя ту палату. Итак, если ты любишь меня, отдай ее мне и возьми вместо нее все мое имение.

Тогда царь возрадовался о возвращении брата к жизни и о палате, построенной ему на небесах. И сказал он воскресшему брату:

— Возлюбленный брат! Я клялся не отказать тебе ни в чем, что на земле мне подвластно, а той палаты, которая находится на небе, я тебе не обещал. Но если хочешь, то мы имеем зодчего, который может построить такую же палату и тебе.

Сказав это, царь тотчас послал в темницу слуг, чтобы вывести оттуда святого Фому вместе с приведшим его купцом Аваном. Когда они явились к царю, этот последний поспешил навстречу к апостолу и пал ему в ноги, прося у него прощения за свой грех против него, содеянный им по неведению. Апостол же, возблагодарив Бога, начал учить обоих братьев вере в Господа нашего Иисуса Христа, — и они, умиляясь душой, принимали с любовью слова его. Вскоре затем он крестил их и научил их жить по-христиански, а братья многочисленными милостынями своими создали себе вечные обители на небесах. Пробыв с ними некоторое время и утвердив их в святой вере, апостол пошел в другие окрестные города и селения, подвизаясь в деле спасения душ человеческих.

В то время, когда Фома просвещал проповедью Евангелия индийские страны, наступило время честнóго преставления Божией Матери[1] и все апостолы из разных стран восхищены были на облаках небесных и перенесены в Гефсиманию[2], к одру Преблагословенной Девы. Тогда и святой апостол Фома был восхищен из Индии, но не поспел прибыть к самому дню погребения Богопрославленного тела Пречистой Богородицы. Это устроено было Божиим изволением для того, чтобы удостоверить верующих, что Матерь Божия с телом была взята на небо. Ибо как относительно воскресения Христова мы более утвердились в вере чрез неверие Фомы, так относительно взятия на небеса с плотью Пречистой Девы Марии Богоро-

---

[1] Успение Богоматери было в 15 году по Вознесении Господа, или в 48 году по Рождестве Христовом, по древнему, общепринятому преданию.

[2] *Гефсимания* — селение или место около Иерусалима, за потоком Кедрским, при подошве горы Елеонской, где был сад, в котором Господь молился пред Своими страданиями, и где Пречистая Богородица завещала положить Свое пречистое тело. Название свое это место получило от росших там во множестве масличных деревьев, из которых выделывалось много оливкового масла (в переводе с еврейского Гефсимания значит: место маслин, или точило, тиски для выжимания сока из маслин). Сад Гефсиманский и теперь показывают при подошве горы Елеонской — с южной ее стороны, где находится погребальный вертеп Пресвятой Богородицы, в котором находится и ныне гроб Ее.

дицы узнали вследствие замедления Фомы. Апостол прибыл только на третий день после погребения и скорбел о том, что не мог быть в Гефсимании в самый день погребения, чтобы проводить с прочими апостолами тело Матери Господа своего на место погребения. Тогда, по общему соглашению святых апостолов, для святого Фомы открыли гробницу Пресвятой Богородицы, чтобы он, увидев пречестное тело, поклонился ему и утешился в своей печали. Но когда открыли гробницу, то не нашли тела, а только одну лежавшую там плащаницу. И отсюда все твердо уверились в том, что Матерь Божия, подобно Сыну Своему, воскресла в третий день и с телом была взята на небеса.

После этого Фома снова появился в Индийских странах и проповедовал там Христа, обращая многих к вере знамениями и чудесами. Прибыв в Мелиапор[1], он просветил там многих проповедью Евангелия и утвердил их в святой вере следующим чудом. На одном месте лежало необычайных размеров дерево, которое не только люди, но даже и слоны не могли сдвинуть с места, Фома же привязал к этому дереву свой пояс и на том поясе оттащил дерево на десять стадий[2] и отдал на построение храма Господня. Увидев это, верующие еще более укрепились в вере, и из неверовавших многие уверовали. Апостол сотворил там и другое чудо, еще большее первого. Один языческий жрец убил своего сына и обвинял в этом святого Фому, говоря:

— Фома убил моего сына.

В народе поднялось волнение, и собравшаяся толпа схватила святого Фому, как убийцу, и требовала, чтобы суд обрек его на мучение. Когда же не находилось никого, кто мог бы засвидетельствовать, что

---

[1] *Мелиапор*, или *Малипур*, — город на восточном (Коромандельском) берегу полуострова Индостана. — У христиан этой части Азии издревле существовало предание, что у них вера Христова первоначально насаждена апостолом Фомой или его учениками. Когда португальцы в первый раз в 1500 году прибыли к берегам Индии, то нашли в Малипуре поселение христиан, которые говорили, что они приняли веру от апостола Фомы, и этот город в конце прошедшего столетия называли городом святого Фомы. Вообще индийские христиане издревле называют себя христианами апостола Фомы и начало своей Церкви возводят к этому апостолу.

[2] Стадия — около восьмидесяти восьми сажен, следовательно, десять стадий — около двух верст.

Фома непричастен к тому убийству, то апостол Христов стал умолять судью и народ:

— Отпустите меня, и я, во имя Бога моего, спрошу убитого, чтобы он сам сказал, кто убил его.

Все пошли с ним к телу убитого жреческого сына. Возведя очи к небу, Фома помолился Богу и потом сказал мертвецу:

— Во имя Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе, юноша, — скажи нам, кто убил тебя?

И тотчас мертвец сказал:

— Мой отец убил меня.

Тогда все воскликнули:

— Велик Бог, Которого проповедует Фома.

Апостол был освобожден, и жрец, таким образом, сам попал в яму, которую выкопал для апостола. После этого чуда великое множество народа обратилось к Богу и приняло крещение от апостола.

Затем апостол пошел еще дальше, в Каламидскую страну, где правил царь Муздий. Проповедуя здесь Христа, святой обратил к вере одну женщину, по имени Синдикию, племянницу Мигдонии, жены царского любимца Каризия. Синдикия убеждала Мигдонию, чтобы она познала истину и уверовала во Единого Бога, Создателя всей вселенной, Которого проповедует Фома. Тогда Мигдония сказала Синдикии:

— Я хотела бы сама увидеть того человека, который проповедует истинного Бога, и услышать от него его учение.

Синдикия отвечала:

— Если хочешь увидать апостола Божия, оденься в плохую одежду, как будто ты простая и бедная женщина, чтобы тебе не быть узнанной, и тогда пойдем со мной.

Мигдония так и сделала и пошла с Синдикией. Они нашли апостола, проповедующего Христа, посреди большой толпы простых и бедных людей. Вмешавшись в толпу, они стали слушать учение Фомы, который много говорил о Христе Господе и учил вере в Него, причем говорил также о смерти, о суде и геенне и о Царстве небесном. Слушая все это, Мигдония умилилась сердцем и уверовала во Христа; возвратившись домой, она все время размышляла об апостольских словах и, беседуя с племянницей своей Синдикией о Христе, утверждалась в любви к Нему. С того времени она стала гну-

шаться неверующими, как врагами Божиими, и избегать всякого общения с ними в беседах и на пирах, а вместе с тем отдаляться вообще от мирских удовольствий. Она решила также прекратить супружеское сожительство с мужем своим. Это глубоко опечалило его, и когда он не мог заставить Мигдонию изменить свое решение, то стал просить царя Муздия, чтобы тот послал жену свою, царицу Тертиану, уговорить Мигдонию не гнушаться супружеским сожитием (царица Тертиана и Мигдония, жена Каризия, были родные сестры). Царица пошла к Мигдонии и спросила ее, по какой причине она не повинуется мужу.

Мигдония отвечала:

— Потому, что он — язычник и враг Божий[1], а я — раба Единого истинного Бога, Иисуса Христа, и не хочу быть оскверненной человеком неверующим и нечистым.

Тертиана пожелала узнать, кто это Иисус Христос, Которого Мигдония называет истинным Богом. Тогда Мигдония изложила пред ней проповедь апостола Фомы и учила ее познанию истинной веры. Тертиана, желая определеннее знать о Христе и лучше научиться вере, пожелала видеть самого апостола и слышать его проповедь. Посоветовавшись с Мигдонией, она тайно послала за апостолом, и, призвав его, обе умоляли наставить их на путь истинный. Он же, проповедуя им Христа, просветил их светом веры, омыл купелью святого крещения и научил их хранению заповедей Божиих и всяким добродетелям. Тертиана и Мигдония, запечатлев в сердце своем все, что им было сказано, согласились обе служить Господу в чистоте и не сообщаться с мужьями своими, как с неверными. Апостол же силой Божией продолжал творить многочисленные чудеса и исцелять всякие недуги, и многие, не только из простого народа, но даже из царских придворных, видя знамения, совершаемые аносто-

---

[1] По учению святого апостола Павла (1 Кор. 7, 12–14), это не должно препятствовать продолжению супружеского общения христианки с мужем — язычником, но по отношению к Мигдонии и Синдикии апостол Фома предъявил более строгое требование, или, лучше сказать, сами они были более строги и не пожелали брачного сожительства с языческими супругами. Это обстоятельство объясняется, без сомнения, тем, что только при исполнении этого требования могло состояться обращение их мужей в христианство, что и подтверждается самым исходом всего дела.

лом, и слушая его учение, обратились ко Христу. Один из сыновей самого царя, по имени Азан, уверовал и крестился у апостола; ибо Сам Господь действовал чрез апостолов, умножая Церковь Свою и распространяя славу имени Своего.

Царица Тертиана, возвратившись от Мигдонии, пребывала в молитве и посте и продолжала отказываться от плотского сожительства с мужем своим. Царь, удивившись такой перемене в жене своей, сказал другу своему Каризию:

— Желая возвратить тебе твою жену, я потерял и свою собственную, и моя стала еще хуже относиться ко мне, чем твоя к тебе.

После этого царь и Каризий произвели самое строгое расследование о причине такой перемены, которую они заметили в своих женах, и узнали, что некий иностранец — пришелец, по имени Фома, научив их вере Христовой, убедил прекратить супружеское сожитие с своими мужьями. Узнали они также, что царский сын Азан и многие из служителей царского дома, а также начальствующие лица и бесчисленное множество простого народа, вследствие проповеди Фомы, уверовали во Христа. Все это привело их в гнев, и они, схватив Фому, бросили его в темницу. После этого апостол был представлен на суд царю. Царь спросил его:

— Кто ты — раб или свободный?

Фома сказал:

— Я раб Того, над Которым ты не имеешь власти.

Царь сказал:

— Вижу, что ты — лукавый раб, убежавший от господина своего и пришедший в эту землю развращать людей и смущать жен наших. — Скажи же, кто господин твой?

— Господин мой, — отвечал апостол, — Господь неба и земли, Бог и Творец всякой твари. Он послал меня проповедовать Его святое имя и обращать людей от заблуждения.

Царь сказал:

— Прекрати, обманщик, свои коварные речи и послушайся моего повеления: как отвратил ты своей хитростью жен наших от нас, чтобы они не сообщались с нами, так снова обрати их к нам. Ибо если ты не сделаешь так, чтобы жены наши снова жили с нами в прежней любви и общении, то мы предадим тебя лютой смерти.

Апостол отвечал:

— Не подобает рабыням Христовым иметь супружеское общение с беззаконными мужьями и верующим быть оскверненными злочестивыми и неверующими.

Услышав это, царь повелел принести раскаленные железные листы и поставить на них апостола босыми ногами. Когда это было сделано, под досками вдруг появилась вода, которая и остудила их. Потом святого Фому ввергли в жарко растопленную печь, но на другой день он вышел из нее живым и невредимым.

После этого Каризий обратился к царю с таким советом:

— Заставь его поклониться и принести жертву богу солнца[1], чтобы он чрез то прогневал Бога своего, Который сохраняет его невредимым в мучениях.

Когда апостол был приведен к идолу солнца, то идол тотчас растопился и растаял как воск. Верующие ликовали при виде такого могущества небесного Бога, и множество неверных обратилось к Господу. Идольские же жрецы возроптали на Фому за уничтожение их идола, и сам царь, чрезвычайно оскорбившись, думал о том, каким бы способом его погубить; он боялся, однако, народа и слуг своих и многих вельмож, уверовавших во Христа.

Взяв Фому, царь вышел со своими воинами из города, и все подумали, что он желает увидеть от апостола какое-нибудь чудо. Пройдя около версты, царь отдал Фому в руки пяти воинам, приказав им взойти с ним на гору и пронзить его там копьями, а сам пошел в город Аксиум. Азан же, сын царя, и один человек, по имени Сифор, поспешили вслед за апостолом и, догнав его, плакали о нем. Тогда Фома, испросив у воинов позволение совершить молитву, помолился Господу и рукоположил Сифора священником, а Азана — диаконом и заповедовал им, чтобы они заботились об умножении верующих и распространении Церкви Христовой. После этого воины пронзили его пятью копьями, отчего он и скончался. Сифор и Азан долго оплакивали его и с честью погребли его святое тело[2]. По со-

---

[1] Во всех древнейших языческих религиях обоготворение солнца играло весьма важное значение. В частности, поклонение светилам небесным (так называемый сабеизм) было распространено в древности у всех восточных народов по преимуществу.

[2] Место мученической кончины святого апостола Фомы указывают в Калурмине — на одной высокой скале, отстоящей верстах в шести от Малипура, куда апостол часто ходил для молитвы.

вершении погребения они сидели около могилы апостола и скорбели. И вот святой явился им, повелевая, чтобы они шли в город и утверждали братию в вере. Следуя этому повелению учителя своего, святого апостола Фомы, вспомоществуемые его молитвами, они успешно управляли Церковью Христовой. Царь же Муздий и Каризий долго мучили своих жен, но были не в состоянии склонить их к исполнению своего желания. Поняв, что жены никогда до самой смерти не будут повиноваться им, они должны были оставить их жить свободно, по своей воле. Освободившись от тяжести супружеского ига, женщины проводили жизнь в строгом воздержании и молитвах, служа Господу день и ночь, и приносили добродетельной своей жизнью великую пользу Церкви.

Несколько лет спустя один из сыновей царя Муздия впал в беснование, и никто не мог исцелить его, ибо в нем находился весьма лютый бес. Царь был чрезвычайно огорчен болезнью сына своего и задумал открыть гробницу святого апостола, с целью взять одну из костей его тела и привязать ее своему сыну на шею, чтобы он избавился от бесовского мучения, ибо слышал он, что святой Фома при жизни своей изгнал множество бесов из людей. Когда же царь хотел сделать это, ему явился в сновидении святой Фома и сказал:

— Живому ты не верил, от мертвого ли думаешь найти помощь? Но не оставайся в своем неверии, — и Господь мой Иисус Христос будет к тебе милосерд.

Это сновидение еще более усилило в царе желание открыть гробницу апостола. Отправившись к месту погребения святого, Муздий открыл гроб, но мощей его там не нашел, ибо один христианин, тайно взяв святые мощи, унес их в Месопотамию и там положил в подобающем месте. Взяв земли с того места, царь привязал ее к шее сына своего, говоря:

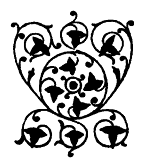
— Господи Иисусе Христе! Молитвами апостола Твоего Фомы исцели сына моего, и я уверую в Тебя.

И бес тотчас вышел из сына царского, и отрок выздоровел. Тогда царь Муздий уверовал во Христа и со всеми своими вельможами принял крещение от священника Сифора. Великая радость овладела сердцами верующих, ибо идолы были сокрушены и храмы их разорены, и на месте их сооружены церкви Христовы. Слово Божие распространялось и вера святая укреплялась. Царь, по принятии кре-

щения, каялся в своих прежних грехах и у всех просил помощи и молитв. Пресвитер же Сифор говорил всем верующим:

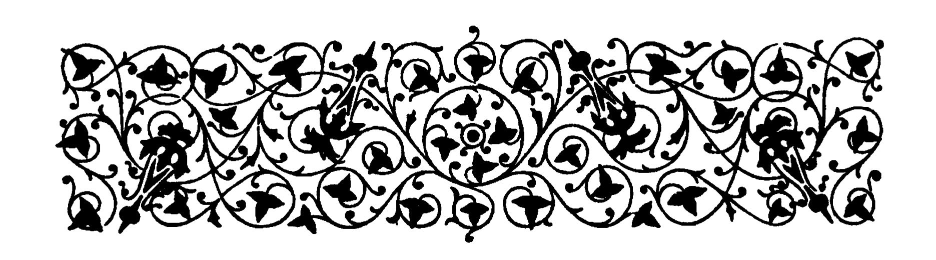
— Молитесь за царя Муздия, чтобы он получил помилование от Господа нашего Иисуса Христа и отпущение грехов своих.

И вся Церковь молилась за царя. На том же месте, где было погребено святое тело апостола, совершались, по молитвам его, многие чудеса во славу Христа Бога нашего[1], Которому да будет с Отцом и Святым Духом от нас честь и поклонение вовеки! Аминь.



---

[1] По свидетельству церковных писателей, мощи святого апостола Фомы впоследствии (в 385 г.) перенесены были из Индии в Месопотамию в город Эдессу (ныне Орфа). В древних западных мартирологах под 3 июля положена память перенесения его мощей в этот город. Но так как известно, что и в Индии есть еще мощи святого апостола Фомы, то известие о перенесении их в Эдессу нужно понимать в смысле перенесения из Индии лишь части их. В Эдессе над мощами святого апостола была построена великолепная церковь, куда из отдаленных стран стекались богомольцы. Впоследствии часть мощей апостола Фомы была перенесена в Константинополь, где во имя его был создан храм при императоре Анастасие (490–518 гг.) царским сановником Аманцием. Во время четвертого крестового похода (1204 г.) крестоносцы среди множества других святынь нашли правую руку святого апостола, которую, после пятого крестового похода, Венгерский король Андрей II привез с собой в Венгрию.



День седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
СЕРГИЯ и ВАКХА

Святые мученики Сергий и Вакх, римляне по происхождению, были знатными сановниками[1] и первыми из вельмож при дворе царя Максимиана. Царь очень любил и уважал их за благоразумные советы на собраниях, за их храбрость на войне и за их верность в службе. И редко кто мог обратиться к царю с просьбой иначе, как только чрез этих его вернейших советников: они были в такой милости у него, как никто иной. Однако Сергий и Вакх искали милости не столько у царя земного, сколько у Царя небесного: потому что они веровали в Господа нашего Иисуса Христа, старались угодить Ему своей жизнью и усердно служили Ему. Но из-за страха пред царем, они до времени скрывали свою веру во Христа, ибо Максимиан относился к христианам с безмерной ненавистью и неукротимой яростью. Недолго свет веры Христовой, однако, сокрыт в них был под спудом, и скоро для всех открылся явно.

Некоторые, завидуя их высокому положению и царской к ним любви и желая навлечь на них ненависть и гнев царя, донесли ему, что Сергий и Вакх — христиане и что они отказываются от поклонения идолам. Максимиан не хотел верить, чтобы люди, пользовавшиеся таким его расположением, не согласны были с ним в почитании богов, и стыдился спросить их об этом или обличить, не зная

---

[1] В житийном подлиннике Сергий называется «примикаром», то есть первым начальником «гентилийского полка», состоявшего из союзников (которые назывались: gentiles) римлян, а Вакх — «секондоторием», то есть вторым начальником этого полка.

еще того достоверно. Однако он решил испытать их следующим образом.

Однажды он назначил в честь своих богов празднество и отправился со всеми князьями и сановниками, с воинами и слугами, окруженный всем своим царским величием, в храм главного бога Зевса[1], чтобы принести ему там торжественную жертву. При этом он внимательно наблюдал, — войдут ли с ним в идольский храм его любимые вельможи, Сергий и Вакх. Но когда царь вошел в храм, рабы Христовы остались вне его и не вошли с царем в мерзкое капище; остановившись вдалеке, они молились истинному Богу, прося Его, да просветит Он слепоту омраченных очей нечестивого того народа и да прославит чрез них пресвятое имя Свое. Царь же, видя, что Сергий и Вакх не вошли с ним на торжество, послал слуг взять их и силой привести во храм.

Когда святые были введены на это богопротивное собрание, Максимиан приказал, чтобы они вместе с ним поклонились идолам, принесли жертву и вкусили бы от идоложертвенных приношений.

Но Сергий и Вакх не хотели исполнить этого царского приказания.

— Мы имеем, — говорили они, — Бога на небе, Бога не ложного и не бесчувственного, как бесчувственны ваши идолы, но ис-

[1] *Зевс*, или *Юпитер*, — греко-римский бог, почитавшийся язычниками властителем неба и земли, отцом всех богов и людей.

тинного и живого, содержащего в Своей власти весь мир, и Ему поклоняемся.

И они начали обличать царя за его зловерие, что он честь, подобающую Единому Богу, воздает идолам — слепым, глухим и немым.

Тогда царь, разгневавшись, велел снять с них все отличия их высокого сана: и воинские пояса, и золотые гривны, и перстни, и все одежды и для поругания одеть их в женскую нижнюю одежду, и возложить на шеи их железные обручи. В этом виде святых стали водить по городу, чтобы, таким образом, столь славные и знатные вельможи римские всем народом были поруганы и осмеяны за почитание Единого истинного Бога и поношение ложных языческих богов, или, лучше сказать, самих бесов, которым не захотели принести жертвы эти рабы Божии, уже принесшие себя в жертву Христу.

По окончании богопротивных жертвоприношений Максимиан возвратился в свои палаты и, сжалившись над Сергием и Вакхом, так как очень их любил, призвал их к себе и сказал:

— Любезные и верные мои друзья! Зачем вы задумали обесчестить наших богов и опечалить царя своего, который столь милостив и благосклонен к вам? Зачем и на себя навлекли такое бесчестие? Хотя я вас и очень люблю, однако не могу терпеть поругания над моими богами и должен буду предать вас мукам, даже вопреки своему желанию. Поэтому прошу вас, друзья мои, оставьте вы этого сына тектонова[1], Которого евреи как злодея повесили на кресте со злодеями, и не увлекайтесь христианскими баснями и волхвованиями; обратитесь снова к нашим великим богам, и я вам окажу еще большую честь и еще бо́льшую милость мою к вам, и будете вы пользоваться моей любовью и нераздельно со мной наслаждаться всеми благами моего царства.

Но Сергий и Вакх, не желая ради царской любви отпасть от любви Божией и ради временных благ лишиться вечных, не послушались царя. Исполненные благодати Духа Святого, они дерзновен-

---

[1] То есть Иисуса Христа, Которого еще современные Ему евреи называли «сыном тектоновым» (слав. Мф. 13, 55), считая Его сыном обрученника Пресвятой Девы Марии, Иосифа, занимавшегося плотничьим мастерством («тектон» — с греческого: плотник, строитель). Это наименование усвоили потом и римские язычники, прилагая его ко Христу, в виде насмешки и глумления над Царем христиан.

но и убедительно стали доказывать царю все бессилие его ложных богов, смело исповедовали пред ним могущество и Божество Иисуса Христа и советовали царю самому познать эту небесную истину. Нечестивый царь, сердце которого было ожесточено, разум же ослеплен, не принял их доброго совета и, напротив, воспламенился еще большим гневом и яростью. По любви своей к ним, не желая сам предать их мукам, он отослал их к восточному игемону[1] Антиоху. Этот человек был жестоким гонителем и мучителем христиан; игемонского сана он достиг чрез ходатайство Сергия и Вакха пред царем и после того был отправлен на Восток. К этому игемону теперь и были отправлены святые.

Царь думал, что они устрашатся его лютости, молва о которой разнеслась по всей империи, и в то же время постыдятся быть во власти того, кто прежде был почти рабом их, и, таким образом, из-за страха и стыда отрекутся от Христа. Но если бы этого и не случилось, то царю, во всяком случае, более было желательно, чтобы они были замучены в дальней местности, чем у него на глазах.

И вот святых в оковах повели из Рима. По прошествии целого дня пути воины, сопровождавшие их, остановились на ночлег в гостинице. Здесь, в полночь, когда воины, которые их вели, крепко спали, Сергий и Вакх встали на молитву и начали просить у Бога силы — мужественно претерпеть все предстоявшие им страдания.

Когда они молились, им явился Ангел Господень, осиявая их небесным светом и укрепляя следующими словами:

— Дерзайте, рабы Христовы, и как добрые воины вооружитесь на диавола: вы его скоро победите.

После этих слов Ангел стал невидим.

Сергий и Вакх, исполнившись неизреченной радости, стали воссылать хвалу Господу, благоволившему посетить рабов Своих таким ангельским явлением.

В продолжение всего своего далекого пути на Восток святые мученики проводили время в молитве и псалмопении и таким образом вооружались еще более на невидимых духов злобы. Пройдя многие города и селения, они, наконец, дошли до восточного города Варвалиссо[2], где в то время находился игемон Антиох, которому воины и

[1] То есть к правителю восточных, азиатских провинций Римской империи.

[2] *Варвалиссо* — город в Месопотамии, на западной стороне от реки Евфрата.

отдали приведенных узников, — вместе с царской грамотой такого содержания:

— Максимиан, вечный царь, Антиоху, игемону страны Восточной. — Радуйся! Боги наши не допускают ни одному человеку, а особенно поборникам и слугам царства нашего, быть людьми злочестивыми и не участвующими в жертвоприношениях им; поэтому мы осудили Сергия и Вакха и, как последователей злочестивой христианской веры, сочли их заслуживающими смертной казни. Но так как они недостойны принять наказание от самого царя, то мы прислали их к тебе. Если они, раскаявшись, послушают нас и принесут жертву богам, то окажи им снисходительность и освободи от назначенных мук; при этом обещай, что и мы будем к ним милостивы, и что каждый из них получит прежнее свое достоинство и заслужит от нас благосклонность бо́льшую прежней. Если же они не будут повиноваться и останутся в прежней злочестивой вере, то предай их заслуженным мукам и осуди на смерть чрез усекновение мечом. В надежде долгой жизни — будь здрав.

Прочтя царскую грамоту, Антиох приказал заключить Сергия и Вакха до утра под стражу. Утром же, войдя в преторию[1], он сел на судейском месте и, поставив пред собой святых мучеников, стал так говорить им:

— Отцы и благодетели мои, исходатайствовавшие мне этот сан, виновники настоящей моей славы, — как изменилось ваше положение! Ныне я сижу пред вами как судья, вы же, связанные узники, стоите предо мной, — вы, которым я прежде предстоял как слуга. Молю вас, не причиняйте себе такого зла, послушайте царя и принесите жертву богам, — и вы снова получите ваш прежний сан и снова будете почтены славой; если же вы этого не сделаете, то я, вопреки даже своей воле, должен буду муками принудить вас к исполнению этого царского повеления: ведь вы сами слышали, что мне приказывает царь в своем послании. Поэтому, господа мои, будьте милосерды сами к себе, а также и ко мне, ибо я вовсе не желал бы для вас, благодетелей моих, быть жестоким мучителем.

Святые отвечали ему:

---

[1] *Претория* — высшее судебное место в центральных городах римских провинций, где дела решались наместниками Римских императоров, то есть игемонами или правителями нескольких провинций.

— Напрасно ты хочешь речью своей прельстить нас: для ищущих небесной жизни — и честь, и бесчестие, и жизнь, и смерть — решительно безразличны: *Ибо для* нас *жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21).

И многое другое говорили Сергий и Вакх, укоряя и обличая идолослужение и безбожие нечестивых. После этого Антиох, разгневавшись, повелел посадить святого Сергия в темницу, а Вакха, обнажив и разложив на земле, бить беспощадно. Святого били по всему телу столь долгое время, что даже слуги, бившие его, изнемогая от усталости, чередовались друг с другом. От этих побоев тело святого мученика как бы отпало от костей, и кровь из него лилась как вода. Среди таких мучений святой Вакх предал душу свою в руце Господу. Тело Христова страдальца Антиох повелел вынести из города и бросить его где-нибудь подальше на съедение зверям и птицам. Но Господь сохранил кости его: некоторые из христиан, скрывавшихся из-за страха перед идолослужителями вне города, в пещерах и расселинах, ночью вышли из своих убежищ, взяли тело святого и с честью погребли его в одной из тех пещер, в которой прятались сами.

Сергий, сидя в темнице и услышав о кончине друга своего, сильно опечалился и долго скорбел о разлуке с ним.

— Увы мне, брат мой Вакх, — повторял он неоднократно, — теперь нам с тобой нельзя уже воспеть: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1): оставил ты меня одного.

В то же время, как святой Сергий так сетовал, в следующую же ночь явился ему во сне святой Вакх, с ликом ангельским, в блиставшей небесным светом одежде. Он стал утешать его, возвещая ему об уготованном для них на небе воздаянии, и укрепил его к предстоявшему вскоре мученическому подвигу, за который он получит у Христа Господа великую милость и дерзновение. После этого явления Сергий исполнился радости и в веселии сердца стал воспевать Господа.

Вскоре игемон, отправляясь в другой город, называемый Сура[1], приказал вести за собой и Сергия. Там, сев на судейском месте, он стал так говорить святому:

— Нечестивый человек, по имени Вакх, не захотел принести жертвы богам и согласился лучше умереть насильственной смертью, нежели почтить их, — и вот он принял казнь, достойную по делам

---

[1] *Сура* — город на западной стороне Евфрата.

своим. Но ты, Сергий, зачем прельщаешься этим безбожным учением и подвергаешь себя столь великому злоключению? Благодетель мой, не предавай себя мучению! Я стыжусь твоих прежних ко мне благодеяний и твоего сана: ведь ты стоишь предо мной как осужденный, а я, сидя, произвожу над тобой суд; некогда человек незначительный, я ныне, благодаря твоему ходатайству пред царем, превознесен великим саном и теперь уже выше тебя; ты же, испросивший у царя так много и столь многим добра, теперь сам себе желаешь зла. Молю тебя: послушай моего совета — исполни царское повеление, принеси жертву богам — и ты будешь возведен в прежний сан и удостоен прежней славы.

Святой Сергий отвечал ему:

— Временная честь и слава — суетны, за временным же бесчестием следует вечная слава, и для меня это земное бесчестие — ничто, а временной славы я не ищу, ибо надеюсь быть удостоенным от Спасителя моего истинной и вечной чести в небесной славе. Ты вспоминаешь мои прежние к тебе благодеяния, что я у земного царя исходатайствовал тебе столь великий сан; теперь же говорю тебе: послушай меня и, познав истину, отвергнись своих ложных богов и поклонись вместе со мной небесному Богу и Царю веков, и я обещаю исходатайствовать у Него для тебя еще более благ, нежели у Максимиана.

Тогда Антиох, убедившись, что не в силах отвратить его от Христа и заставить подчиниться царской воле, сказал:

— Ты заставляешь меня, Сергий, забыть все твои благодеяния и предать тебя лютым мукам.

Сергий отвечал:

— Делай что хочешь: я имею помощником Христа, Который некогда сказал: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28); вот и ты теперь имеешь власть над моим телом, чтобы терзать его, но над душой моей не имеешь власти ни ты, ни отец твой — сатана.

После этого Антиох, разгневавшись, произнес:

— Я вижу, что мое долготерпение делает тебя только еще более дерзким, — и повелел обуть его в железные сапоги, с острыми и длинными гвоздями на подошве, которые пронзали ноги святого. В такой обуви Антиох велел гнать Сергия пред своей колесницей,

сам же он поехал в город Тетрапиргий[1], откуда должен был отправиться в город Розафу[2].

Претерпевая такие страдания, святой на пути воспевал: *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои* (Пс. 39, 2–3).

Когда они пришли в город Тетрапиргий, который отстоял от Суры в двадцати верстах, мученика повели в темницу. На дороге к ней он воспевал: *человек, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту. Ты же, Господи, помилуй меня и восставь меня, и я воздам им* (Пс. 40, 10–11).

Ночью в темнице, когда мученик молился, явился ему Ангел Господень и исцелил раны его. На другой день Антиох приказал вывести из темницы святого Сергия, думая, что от боли он не может и ступить ногами. Увидев же еще издали, что он идет как совершенно здоровый человек, нисколько даже не хромая, мучитель ужаснулся и сказал:

— Воистину этот человек — волхв, ибо как можно после таких мук ходить не хромая? А он как будто даже никогда и не страдал ногами.

После этого Антиох велел обуть мученика в те же сапоги и вести пред собой до Розафы, а до него от города Суры было расстояния семьдесят стадий. Здесь, взойдя на судилище, Антиох стал принуждать святого Сергия к поклонению идолам; но не мог отторгнуть его от исповедания Христа и осудил мученика на смерть. Когда святого привели за город, на место казни, он испросил себе время для молитвы. Во время молитвы он услышал голос с неба, призывавший его в горние обители, и, с радостью преклонив под меч свою голову, скончался. Тело его на том же месте было погребено христианами.

Спустя немного времени христиане города Суры уговорились тайно взять из Розафы тело святого и перенести в свой город. Когда же они ночью подходили к гробнице, от гроба показался огненный столп, высотой своей достигавший до самого неба. Некоторые из

---

[1] *Тетрапиргий* — город между Сурою и Розафою близ Евфрата.

[2] *Розаф*, или *Резаф*, впоследствии переименованный по основанному в нем знаменитому монастырю в честь святого мученика Сергия Сергиополем, — город, отстоявший от Суры в шести верстах.

воинов, живших в Розафе, видя в полночь огненный столп, освещавший весь их город, пошли вооруженными к тому месту и увидели Сурских граждан, объятых ужасом при виде этого огненного явления. Вскоре явление чудесного столпа исчезло. После того Сурские граждане поняли, что святой Сергий не хочет оставлять того места, где пролил кровь свою и положил за Христа душу свою; в честь мученика они поставили только на том месте чудную, каменную гробницу. По распространении христианства в городе Розафе был выстроен во имя святого мученика Сергия храм. Пятнадцать епископов окрестных городов, собравшись, торжественно перенесли в новосозданную церковь нетленные и благоухающие мощи святого мученика и постановили праздновать память его 7 октября, в день его кончины. На том и на другом месте — и в церкви, при мощах мученика Сергия, и там, где он скончался и был погребен, — многие бесноватые и болящие получали исцеление от своих недугов[1].

Достойно замечания, что каждый год, в день памяти святого, дикие звери, как бы соблюдая какой-либо закон, выходили из окрестных пустынь и собирались на том месте, где сначала был погребен святой мученик. В это время их дикий нрав сменялся кротостью агнцев: они не нападали ни на людей, ни на скот, но, спокойно об-

---

[1] Память святых мучеников Сергия и Вакха издревле весьма чтилась на всем Востоке, и к мощам их многие совершали благочестивые путешествия. О ежегодном праздновании мученику Сергию известно еще с начала V века. В том же веке Иерапольский епископ Александр выстроил великолепную церковь в честь этих мучеников. Их честные, нетленные главы хранились некоторое время в Константинополе, где видели их русские паломники: инок Антоний (1200 г.) и Стефан Новгородец (около 1350 г.). Византийский император Юстиниан Великий (527—565 гг.) укрепил город Розафу, где пострадал святой Сергий и где были мощи его, и еще в начале своего царствования построил близ своего дворца в Константинополе великолепную церковь во имя святых Сергия и Вакха за спасение его ими из темницы еще до воцарения его. Когда Персидский царь Хозрой (532—579 гг.) подступил к Розафе, переименованному уже Сергиополем, малочисленные жители, укрепившиеся в этом городе, выдали ему все драгоценные вещи, чтобы он пощадил город, кроме мощей святого мученика Сергия, почивавших в продолговатой, обложенной серебром, раке; узнав об этом, Хозрой двинул все войско к городу, но на стене явилось несчетное число вооруженных щитами и готовых к защите воинов; Хозрой понял, что это чудо творит мученик, и, пораженный страхом, удалился от города. Известный франкский летописец VI века Григорий Турский пишет, что в его время на Западе весьма чтился этот святой за многие чудеса и благодеяния, являемые притекавшим к нему с верой.

ходя святое место, снова возвращались в свои пустыни. Так прославил Бог угодника Своего, что не только людям, но и зверям как бы внушал праздновать память его.

Молитвами святого Сергия да укротит Господь и ярость врагов наших, как некогда укротил лютость этих диких зверей, — во славу Свою вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИУЛИАНА и КЕСАРИЯ

В царствование Римского императора Клавдия, убившего свою мать — тайную христианку и с тех пор не щадившего христиан, в принадлежавший Римской империи город Тарракиний[1] пришел некто диакон Кесарий. Увидев приносимые идолам жертвы, он плюнул на идолов и сокрушил их. За это он был заключен в темницу, где пробыл три дня, томимый голодом. Затем ему связали назад руки, и воины повлекли его пред колесницей градоначальника к храму Аполлонову. Когда они приближались к храму, святой помолился, и тотчас храм разрушился до основания и раздавил жрецов и всех бывших в нем.

Видя это, ипатик[2] Леонтий пал пред святым на колена и уверовал во Христа. Христианский пресвитер Иулиан всенародно крестил его и причастил святых Таин, и тотчас, по молитве святого, Леонтий испустил дух. Правитель города Локсорий, увидев это, повелел зашить святых в мешки и бросить в море.

Тогда святые сказали ему:

— Мы будем брошены в море, но и ты будешь умерщвлен свирепым змеем и погибнешь лютой смертью.

Через два дня после этого, когда Локсорий ходил по прибрежному песку, громадный змей обвился кругом его и сокрушил ему все

---

[1] *Тарракиний* — ныне *Террацина* — приморский город Италии южнее Рима, в девяноста двух верстах от него.

[2] Этим именем назывались лица, состоящие на службе у «ипатов», или царских наместников. Упоминаемый здесь Леонтий, по-видимому, был на службе у князя, или правителя той страны Локсория, бывшего тогда наместником императора.

члены. Локсорий тут же испустил дух и, весь раздувшись, лежал, представляя собой страшное зрелище для всех проходивших.

Между тем тела святых силой Божией вынесены были волнами на берег. Христиане, с честью приняв их, погребли близ города. Но сын ипатика Леонтия отсек у них честные главы и бросил в реку. Тогда пресвитер города Капуи[1] Кварт, наставленный Ангелом Божиим, взял мощи святых и положил их в особом месте во славу Божию[2].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПОЛИХРОНИЯ

Святой Полихроний, из области Гамфанидской[3], был сын земледельца Вардания, который научил отрока истинам веры Христовой, а также чтению Божественных книг и тому, чтобы следовать написанному в них. Во время засухи, так как вода была далеко, по молитве отрока Полихрония, открылся источник в той местности: ибо своим воздержанием и благочестием он удостоился дара чудотворения. Когда же он пришел в возраст, то занялся возделыванием винограда и, отправившись в Константинополь, нанялся там и работал наравне с другими, вкушая пищу чрез два или три дня с небольшим количеством воды. Хозяин его удивлялся этому Божию работнику, пришел в умиление от его добродетелей и, послав ему много денег, велел сказать:

— Ступай домой и молись о мне.

Полихроний взял золото и, придя домой, сотворил многие чудеса, а на взятое золото построил церковь. Впоследствии он присутствовал на I Вселенском соборе в качестве чтеца и затем сподобился

---

[1] *Капуя* — город и крепость в Южной Италии на левом берегу реки Вольтурно, главный город древней области Италии — Кампании, один из древнейших во всей Италии.

[2] Мощи святого мученика Кесария почивают в Риме в церкви Креста Господня, а честная рука его — в церкви Святая Святых.

[3] *Область Гамфанидская* принадлежала к тому же диоцезу, или округу, к которому принадлежал и Константинополь.

и священнического сана. По смерти Константина Великого, когда Ариева ересь усилилась, он однажды застигнут был еретиками у святого жертвенника: бросившись на него, они закололи его и изрубили мечами[1].

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **СЕРГИЯ НУРОМСКОГО**, чудотворца Вологодского и Обнорского

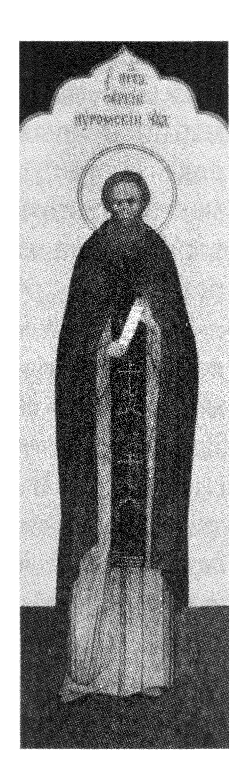
Преподобный Сергий положил начало своей иноческой жизни на святой горе Афонской[2]. Оттуда пришел он в Московскую державу великого Российского государства и поселился в пределах Радонежской области[3]. И пришел он в обитель великого Россий-

---

[1] *Святой Полихроний* пострадал около половины IV века, в царствование сына Константина Великого Констанция II (337–362 гг.), покровительствовавшего арианам и преследовавшего православных.

[2] *Афонская гора* — узкий гористый полуостров на юге Европы, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море). Иноческая жизнь на нем имеет древнее происхождение, но позже чем в Сирии и Палестине. Издавна на Афоне было несколько славянских обителей (Хиландар — основанный в XII веке Сербским царем Симеоном и сыном его Саввой, монастырь святого Пантелеимона — основанный в XI веке русскими, и др.). Афонские монастыри служили центром духовного просвещения славян; оттуда приходили к славянам иноки, отличавшиеся образованием и подвижнической жизнью, там переписывались и переводились с греческого на славянский язык книги. Связь Руси с Афоном началась очень рано — с основателя Русского монашества святого Антония Печерского († 1073 г.). Хождения на Афон и пребывания там русских продолжались с XI века до сих пор. Особенно усилились сношения с Афоном с XV века, к которому относятся первые сказания русских паломников об Афоне. Как одно из наиболее чтимых святых мест восточного православного мира, Афон ежегодно посещается тысячами богомольцев из России, Балканского полуострова и Азиатских владений Турции. В настоящее время на Афоне расположены двадцать больших монастырей, несколько скитов и множество отдельных келий, числом до семисот.

[3] На месте древнего Радонежа находится ныне село Городище, или Городок, оно расположено между Москвой и Троице-Сергиевой лаврой, в двенадцати верстах от последней.



ского светила Сергия, Радонежского чудотворца[1]. Тогда еще был жив святой Сергий и сиял, как солнце во всей вселенной, просвещая мир благими делами и управляя о Боге своей братией. И пробыл преподобный Сергий Нуромский у великого Российского светила Сергия под паствой долгое время, внимая ему и последуя святому житию его. Здесь он упражнялся во многих подвигах и совершил много добрых дел, так что сам преподобный Радонежский чудотворец удивлялся ему, видя такое его рвение к Богу, и любил беседовать с ним о духовных исправлениях. Преподобный же Сергий Нуромский, видя труды и подвиги этого великого светила, также старался подражать им и не уступал ему в добродетели. Все это преподобный Сергий Нуромский принимал в сердце свое, как плодоносная земля принимает семена и впитывает дождевые воды, и принес Богу плод сторицей. И ради этого был он любим и уважаем всеми. Но не любил он мирской славы, видя в ней вред для души, и стал помышлять, как бы удалиться от людей, вспоминая слова пророка Давида: *Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури* (Пс. 54, 8–9). Так постоянно размышляя, пришел он к наставнику своему Сергию, поклонился ему до земли и, обливая слезами ланиты свои, исповедал ему свои помыслы и просил у него благословения удалиться в пустыню. Преподобный Сергий Радонежский прозрел разумными очами, что он есть сосуд, исполненный Святого Духа, и будет наставником инокам и добрым пастырем Христову стаду, благословил его, преподал ему наставления, как пребывать в пустыне, и отпустил его с миром, сказав:

— Иди, чадо, Бог с тобой.

Приняв от преподобного благословение, блаженный Сергий Нуромский возрадовался и тайно от всех пошел в пустыню. Полетел он духом, как птица в гнездо свое, и искал он места, где Бог ему укажет,

---

[1] Братия стали собираться к преподобному Сергию Радонежскому приблизительно в половине XIV века. Скончался преподобный Сергий в 1392 году, 25 сентября.

не имея с собой ничего, кроме души и тела. Устремившись к северным странам, пришел он в область, покрытую дебрями, лесами, мхами и болотами. Тут обрел он место, в Обнорской волости, на реке Нурме[1], где впоследствии и построил монастырь. В той же местности пребывал и великий Павел, Обнорский чудотворец[2], который тогда жил еще в уединении, во внутренней пустыне на той же реке Нурме: обители же и братства о Христе у него еще не было.

Придя на место то и осмотрев его, преподобный Сергий весьма возлюбил его и воздал благодарение Богу за то, что Он не презрел его моления, но привел его на это место. И сказал он словами пророка Давида: *Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его* (Пс. 131, 14), и еще: *Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому. И птичка находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих, у алтарей Твоих, Господи сил, Царь мой и Бог мой! Блаженны живущие в доме Твоем: они непрестанно будут восхвалять Тебя. Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены [к Тебе]. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением... Господи сил! Блажен человек, уповающий на Тебя!* (Пс. 83, 2–7, 13).

И стал преподобный молиться Всемилосердому Богу: «Господи Вседержителю, Боже отец наших, спасший Израиля от рабства и трех отроков от пещи огненной (см.: Исх. 13; Дан. 3), призри на место это и благослови его; сподоби меня служить Тебе на месте этом во все дни жизни моей; ибо я пришел сюда вечно служить Тебе, чтобы и через меня прославилось пресвятое имя Твое, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Помолившись, святой водрузил крест на месте том и поставил часовню и небольшую келейку. И пробыл тут блаженный много лет, упражняясь во многих подвигах. Угождая Богу, проводил он ангельскую жизнь, умертвив плоть свою бодрствованием и всенощным бдением и побеждая врага молитвами, постом и добродетелью. Так он трудился в великом терпении, перенося страдания, которые ему

---

[1] *Река Нурма* (в Грязовецком уезде Вологодской губернии) — приток реки Обноры, которая протекает по Вологодской и Ярославской губерниям и впадает в реку Кострому.

[2] *Преподобный Павел Обнорский* преставился в 1429 году, 10 января.

причиняли в пустыне бесы и непросвещенные люди. Когда святой жил в таких подвигах, служа Господу, искони ненавидящий человеческий род, диавол позавидовал его добродетели и воздвиг на него козни, возбудил против блаженного непросвещенных, безумных и злотворящих людей, желая через них устрашить его и удалить от места этого. Но Бог, всегда готовый на помощь рабам Своим, не оставил блаженного.

Однажды на святого напали злые и неистовые разбойники. Схватив, они избили его без милосердия так, что он едва не испустил дух от многих ран. Оставив его еле живым, злые те разбойники ушли. Блаженный же, еле оправившись от ран, воздел руки к небу и сказал со слезами:

— Владыка и преблагий Царь, призри с небеси на раны, полученные мной за то, что я ради Тебя удалился в эту пустыню. Благодарю Тебя, что Ты сподобил меня разделить страдание с избранными Твоими и носить на теле своем язвы ради имени Твоего святого. Сподоби меня участи святых Своих. Взгляни, как умножились враги мои и возненавидели меня неправедной ненавистью. Сохрани душу мою и избавь, да не постыжуся, ибо я уповал на Тебя.

По молитве блаженный почувствовал облегчение от страданий и благодарил Господа за то, что сподоблен был за любовь ко Христу принять раны на теле своем. И сказал он себе:

— Не оставлю места этого, если даже и тьмы козней воздвигнет на меня враг. Я желаю умереть на месте этом, ибо, взыскуя Христа, пришел я сюда.

Так говорил святой, укрепляя себя словом Господним: *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц, претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 28–31, 22).

Слагая все это в сердце своем, блаженный укрепился и вооружился как добрый воин Христов, ополчившись духом своим против воинства духов невидимых; и стремился он к большим подвигам и прилагал труд к труду, пост к посту, молитву к молитве, надеясь на мздовоздаяние небесного Царя.

Но бес, начальник зла, снова, как лев, возревел на святого и многими напастями терзал душу его. Но все эти напасти от лукавых бесов и неправедных людей святой терпел с радостью, будучи непоколебим душой, как крепкий адамант[1]. Видя свое уничижение, злоковарный бес снова возбудил против святого лукавых и злых разбойников, желая через них причинить святому мучительную смерть на месте этом.

И вот однажды ночью снова напали на святого злые разбойники. В то время блаженный стоял в келии на молитве, воссылая Богу ночные свои моления. Злые же и свирепые разбойники, как дикие звери, устремились на него, желая извлечь его из келии и, подобно волкам, растерзать его. Услышав приход их, святой возвел очи свои к Богу и молился со слезами:

— Не оставь меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, но вонми, помоги мне и спаси душу мою.

Господь же всегда готов на помощь рабам Своим, как сказал пророк: *Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его, что Он душу их спасет от смерти* (Пс. 32, 18–19).

Когда святой в молитве призвал Бога на помощь, тотчас злые разбойники были объяты страхом и поколебались привести в исполнение свой злой умысел. Как копьем пронзил сердца их страх Божий, и, убоявшись суда Божия, они бежали из того места, никогда туда не возвращались и не причиняли святому никакого вреда. И сбылись на них слова пророка Давида: *Нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить [идущих] прямым путем: меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся; внезапно будут они уязвлены* (Пс. 36, 14–15; 63, 8).

Все это сотворила молитва святого. Ибо молитва святых привлекает на землю милость Бога, помощь Его — огнь палящий и страх, ибо Господь страшит всех противящихся Ему и палит огнем невидимым. Следует нам дивиться силе Божией и помощи, проявившейся на святом этом отце, ибо Господь спас раба Своего не оружием или воинством, но крепкой Своей десницей и мышцей;

---

[1] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит и режет прочие камни, не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим отцам и учителям Церкви, прославившимся твердостью своей веры и характера.

оружием упования на молитву даровал Он свыше невидимо победу. Этим оружием вооружившись, все святые сподобились силы Божией, побеждали царства, заграждали уста львам, угашали огонь, избегали острия меча, могли при немощи быть крепкими, обращали вспять полки вражии (см.: Евр. 11, 33–34), о чем сказано апостолом: *Мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 10). С ними же следует дивиться и этому святому, который ни оружием, ни силой, но упованием и молитвой мог победить всех, восставших на него. Ибо те свирепые разбойники, когда входили в жилище святого, имели в руках своих смертоносное оружие, желая им победить святого, он же не имел ничего подобного, но лишь малое вервие — четки держал в руках, в сердце же своем и на устах имел слезное сокрушение и молитву. И тотчас он победил их и оружие их, и была молитва святого победою и одолением: *Много может усиленная молитва праведного. А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их* (Иак. 5, 16; Прем. 3, 1).

Преподобный Сергий, видя, что милость Божия пребывает на нем, еще с большим рвением предался посту и молитве, прилагая труд к труду, огнь к огню, желание к желанию, ревность к ревности. Поминая в сердце своем будущее блаженство праведных, он подвизался непрестанно и умерщвлял плоть свою всенощным бдением и постом, душу же имел всегда обращенной к горнему.

Бог, милосердый в Своих щедротах, внял молитвам, трудам и добродетелям блаженного. Не хотя, чтобы блаженный оставался долее в неизвестности и в неведении у людей, как бы сокрытый от очей их, но желая, чтобы он предстал, как град крепкий, стоящий на высоте, Господь явил блаженного всем и открыл его, как бы зажженный светильник, который доселе таился под спудом. И вот Господь делает святого известным всем, чтобы приходящие могли увидеть град и смотрящие — свет. И пронеслась слава о святом по всем областям Русским; многие стали приходить к нему за пользой для души своей, некоторые же приносили ему и потребное для тела. Из многих обителей приходили к святому иноки и оставались жить с ним, поучаясь его подвигам. Преподобный же Сергий с радостью принимал всех, как бы от Бога посланных, и заботился о всех, как отец чадолюбивый, по слову апостола: *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9, 22). Божией помощью

число братии у святого возросло до сорока человек, церкви же и келий у них не было. Тогда святой начал строить храм и келии. И воздвиг он церковь во имя Всемилостивого Спаса, в память происхождения (изнесения) честного Его и животворящего Креста[1]; поставил он и келии и устроил обитель.

В то время на той же реке Нурме, во внутренней пустыне, проводил безмолвную и уединенную жизнь великий отец наш Павел. Он пришел сюда из той же славной Лавры великого Российского светила Сергия, откуда пришел и преподобный Сергий, Нуромский чудотворец. Еще находясь под паствой преподобного Сергия Радонежского, святой Павел внимательно поучался жительству его о Боге. По благословению же преподобного Сергия Радонежского, великий Павел удалился в эту пустыню, где впоследствии и основал обитель. Монастырь же блаженного Сергия Нуромского отстоял от жилища великого Павла на расстоянии около четырех верст. Часто преподобные Нуромские чудотворцы посещали друг друга и беседовали между собой о всех духовных исправлениях, утверждая друг друга в духовных подвигах. Кроме того, преподобный Павел принимал от святых рук блаженного Сергия причащение святых животворящих Таин, Тела и Крови Христа, Бога нашего, исповедуя блаженному все свои помышления, и был преподобный Сергий великому Павлу духовным отцом. Поэтому во всяком деле они поведовали друг другу свои помышления, будучи рабами и последователями Единого Владыки. Советуясь между собой о пустынном озлоблении и устрашении бесовском, они делились своими скорбями и укреплялись духом и словом Божиим, утверждаясь надеждой будущих благ[2].

Однажды преподобный Павел вышел из кельи своей, желая походить по пустыне. Когда он возвратился назад, то увидел, что келья его разметана сверху до основания. Видя это, великий отец наш Павел, как человек, устрашился. Скорбный и испуганный, пришел он к преподобному Сергию и рассказал ему о случившемся. Преподобный же Сергий счел это за бесовское мечтание и сказал:

— Иди, брат Павел. Ты найдешь свою келью не разрушенной.

---

[1] Празднуется 1 августа.

[2] *Преподобный Павел* так уважал преподобного Сергия, что провожал его после посещения более, чем на две трети расстояния от своего жительства. Место, до которого обыкновенно доходили святые, ознаменовано устройством часовни.

И напомнил ему пророческое слово: *Бог нам прибежище и сила* (Пс. 45, 2).

Действительно, великий Павел, возвратившись к себе, нашел свою келью целой и невредимой, как сказал преподобный Сергий.

Однажды пришел преподобный Сергий к святому Павлу ради духовной беседы и нашел его стоящим возле кельи и кормящим птиц из рук своих. Множество птичек сидело на голове и плечах преподобного, пред ним же стояли огромный зверь — медведь, лисица и заяц. Так, даже бессловесные были привлекаемы любовью к пустынножителю.

После многих трудов и подвигов преподобный Сергий достиг старости глубокой. От старости и трудов впал он в тяжкую болезнь и долго находился в полном изнеможении. Узнав о недуге преподобного Сергия, великий Павел пришел посетить его, думая, что близко его прехождение от земной жизни в вечную. Лишаясь друга своего и собеседника, Павел обливался слезами и просил у него благословения и прощения. Слезы мешали им сначала говорить. Наконец, сдержав рыдания, святой Павел рассказал преподобному Сергию, что в одном месте в своей пустыне, под горой, на реке Нурме, слышал он звон великий и видел свет неизреченный, сиявший сильнее солнечных лучей. Услышав это, преподобный Сергий счел это не простой вещью, но проразумел дело Божие.

— На том месте, — сказал преподобный, — созиждется обитель во славу Пресвятой Троицы, и многие спасутся на месте том.

Так пророчествовал блаженный. После этого Нуромские чудотворцы облобызали друг друга со слезами, и великий Павел удалился в свою внутреннюю пустыню. С тех пор начал он принимать братию и строить монастырь[1]. На том же месте, где слышал звон и свет видел, святой Павел воздвиг церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, по пророчеству Сергия, Нуромского чудотворца.

Наконец, от великой болезни и старости блаженный Сергий совершенно изнемог. Видя себя приближающимся к кончине и проразумев отшествие свое к Богу, он призвал к себе всю о Христе братию. Когда они пришли и увидели отца своего приближающимся к концу, то залились слезами и, припадая к нему, говорили:

---

[1] Обитель преподобного Сергия, отстоявшая в шестидесяти верстах от Вологды (закрыта в 1764 г.), находилась в четырех верстах от Павловской обители, ниже по течению реки Нурмы.

— Не оставляй нас, благий отче, но еще побудь с нами.

Преподобный же, возведя очи к небу, сказал им:

— Приблизился, братие, конец земной жизни моей, и я должен нести общий телесный долг. Таково изволение Господа. Предаю вас, чада, Богу и Пречистой Богоматери. Бог мира и Пречистая Его Матерь да будут с вами до скончания века и да хранят вас и утвердят в любви Своей. Вы же, чада, не скорбите о моем отшествии, но пребывайте в любви Божией и заповеди Его сохраняйте, поминая со страхом и трепетом слово Владыки Христа: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня* (Ин. 14, 21). Страхом Божиим ограждайте сердца ваши, чтобы он наставил вас всякому благому делу, ибо *начало премудрости — страх Господень* (Притч. 1, 7); украшайте друг друга смирением, отвращайтесь от лживых речей, говорите каждый брату своему истину, ненавидьте клевету, избегайте вражды. Но если кто из вас допустит гнев в сердце свое, вы с любовью уговорите его, ибо сказано: *Солнце да не зайдет, о гневе вашем* (Еф. 4, 26). Покоряйтесь наставникам, ибо они бдят о душах ваших, так как должны дать ответ за вас Богу. Без лености совершайте церковную службу. Если будете жить так, то будете блаженны.

Слушая это последнее поучение отца своего, реки слез испускали из очей своих братия. Когда же преподобный совсем изнемог и был близок к последнему издыханию, он приобщился святых Тайн Тела и Крови Христа Бога нашего. По приобщении же святых Тайн, он возвел руки свои к небу и вознес тайную молитву. Помолившись, святой Сергий сложил на персях руки крестообразно и предал Господу дух свой. Так перешел святой в вечную жизнь. И было лицо его, по преставлении к Богу, светло, так что можно было сказать, что не умер он, а покоится во сне, ибо непорочно было житие его.

Видя отца своего, преподобного Сергия, преставившимся, ученики его заплакали и зарыдали, лишившись пастыря своего и учителя о Боге. Одни, припадая к одру его, с рыданием лобызали святое тело его и как бы не желали отторгнуться от тела святого. Другие же, стоя вдали, с умилением глядели на тело преподобного, обливая слезами ланиты свои и рыдая. Взяв святые его мощи, плачущие братия понесли их на головах своих в церковь с надгробными песнопениями и возжжением свеч, и схоронили они трудолюбное и святое тело своего пастыря близ созданного самим преподобным

храма Происхождения честного животворящего Креста Господня[1]. Преставился же преподобный Сергий в 1421 году, 7 октября, в день памяти честных мучеников Сергия и Вакха. Таковы были труды и терпение преподобного отца нашего Сергия на месте этом, таковы страдания и исправления. Почитая житие святого, возревнуем добродетели его и начертаем в сердце своем труды его и святое о Боге жительство. Если мы будем поступать так, то будем иметь в нем немолчного ходатая к Богу.

Невозможно граду, стоящему на верху горы, утаиться и горящему светильнику быть сокрытым от всех. Невозможно и добродетелям святых долгое время быть утаенными под землей, как под спудом, и кануть в глубину забвения в течение многих лет, ибо Господь желает явно показать их всем. Этого дара Божественного сподобился по смерти своей и святой отец наш Сергий.

Спустя много лет по преставлении святого случилось, по устроению Божию, следующее.

В монастыре Нуромском пребывал некий святой муж, именем Никифор. В одну ночь, после молитвенного бдения, впал он в легкий сон и увидел святого Сергия, который пришел к нему и сказал:

— Скажи игумену и братии, чтобы очистили место моего погребения, ибо Господь не желает, чтобы оно было неведомо и небрегомо.

Брат же Никифор спросил:

— Кто ты, господин мой?

Святой ответил:

— Я — грешный Сергий, который был начальником этому святому месту.

Показал святой и место своего погребения.

Никифор же счел это видение мечтанием и ничего не сказал игумену. Тогда святой во второй раз явился ему. Никифор и второй раз пренебрег видением. Святой явился ему в третий раз и сказал с упреком:

— Если ты не исполнишь сказанного мной, то будешь предан в наказание сатане.

Старец и этого не послушал, опять сочтя видение за мечту. Тогда он внезапно сделался расслабленным. Игумен и братия совершили

[1] Ныне мощи преподобного почивают во храме.

молебствие об исцелении его. Немного оправившись от недуга, Никифор рассказал все случившееся с ним игумену и братии и каялся со слезами. Он поведал, как явился ему святой и велел сказать игумену и братии о месте своего погребения, как он ослушался, сочтя видение за мечту, как второй и третий раз явился ему святой, приказывая ему о том же, и как он за преслушание был наказан. И указал им Никифор место, где лежит честно́е тело святого. Игумен же и братия отвели Никифора к месту погребения преподобного Сергия — и тут Никифор внезапно исцелился от болезни своей, молитвами его, и окончил жизнь свою в монастыре преподобного Сергия, плача у гроба его.

Игумен и братия вскоре очистили место, где, по указанию Никифора, находился гроб святого. Был же этот гроб под папертью церкви. И поставили они над гробом преподобного раку, устроили гробницу и украсили ее святыми иконами и свечами. И с тех пор много было чудес и исцелений от гроба святого — бесноватые исцелялись, слепые получали зрение, хромым возвращалась способность ходить и одержимые всякими недугами получали облегчение. И были чудеса святого неисчетны; как неисчерпаемый источник всегда дает воду, так и от святого этого всегда проистекало исцеление болезней, душевных и телесных. Всех чудес его никто поведать не в силах, здесь же поведаются некоторые из них.

Некий человек, по имени Иван, по прозванию Чухолыстов, имевший жительство в Ледамской области, впал в такую тяжкую болезнь, что уже долгое время находился в совершенном расслаблении. Когда он лежал в болезни своей на одре и сильно страдал, легкий сон внезапно овладел им. И видел он во сне, что к нему пришел святолепный старец и сказал:

— Иван, что ты столько лет лежишь и тяжело страдаешь на одре своем? Теперь настало для тебя время — иди в монастырь Всемилостивого Спаса, на Обнору, и помолись у гроба Сергия — он умолит за тебя Бога, и ты будешь здоров. Но для этого ты должен всегда пребывать в целомудрии.

Проснулся человек тот и, веруя видению, велел вести себя в монастырь Всемилостивого Спаса, ко гробу преподобного. Помолившись у гроба, выздоровел он от недуга своего, молитвами святого, и возвратился в дом свой, радуясь и славя Бога.

Житель Лежского Волочка, Исидор, лежал в болезни на одре своем — оцепенели у него челюсти, и был он нем и расслаблен много лет. Слыша о преподобном Сергии, что Бог дает через него исцеления человеческому роду, Исидор велел вести себя в обитель чудотворца Сергия ко Всемилостивому Спасу, на Обнору. Когда о нем была принесена молитва у гроба преподобного, и игумен начал читать святое Евангелие, тотчас разверзлись уста больного и он стал говорить, как бы и не был никогда нем. Отпев молебен, больного окропили святой водой, и тотчас все члены его получили крепость, и он выздоровел, как будто и не хворал этим недугом. И славил он Бога, и благодарил преподобного чудотворца Сергия, который стяжал ему такую благодать от Бога.

Был один человек, именем Зиновий, родом Белозерец, и пришел у него в смятение ум, так что ужас овладевал при виде его. Его привезли в монастырь Всемилостивого Спаса и преподобного Сергия и начали служить о нем молебен. В это время затопили печь в трапезе. И вот, во время молебного пения этот бесноватый вырвался из рук приставленных к нему людей, прибежал в трапезу и бросился в горящую печь. Его едва извлекли оттуда и увели в особую комнату. Здесь больной увидел множество бесов. Вдруг видит он — подошел к нему святолепный старец, с образом Пречистой Богородицы на руках, и назвал себя Сергием. Когда бесы увидели преподобного Сергия с образом Пречистой на руках, тотчас все они пришли в ужас и исчезли как дым. Одни из них скрылись в дикий лес, другие — в подмостье той храмины, иные же, как казалось больному, исчезли в щели. И с того времени бесноватый выздоровел молитвами святого.

Жена некая, именем Матрона, из села Раменского, также пришла в смятение ума. Близкие привезли ее в монастырь Всемилостивого Спаса, ко гробу преподобного Сергия. По молебном правиле ее привязали у звонницы. Тогда пришли к ней ненавистники человеческого рода, бесы, приняв на себя образ собаки и кошки, назвали ее по имени и сказали:

— Иди прочь отсюда: ты свободна.

Когда она вышла из монастыря, тотчас бесы стали строить ей козни. Приняв человеческий образ, они встретились с ней и указали ей идти в дебри, где находилось болото. Но Всещедрый Господь, не

хотя смерти грешнику, но желая привести его в разум истинный, видя создание Свое погибающим от злоотступников бесов, умилосердился и восхотел помиловать женщину эту, ибо об этом пророк сказал: *Не до конца гневается* Господь (Пс. 102, 9).

И вот Господь, желая еще более прославить преподобного Сергия, угодника Своего, устрояет Божественным мановением Своим следующее. Когда женщина эта пошла в великую дебрь, куда повелели идти ей лукавые бесы, внезапно предстал ей святолепный старец, украшенный чудными сединами. Назвав себя Сергием, он назвал и ее по имени и сказал:

— Куда ты идешь, женщина? Возвратись назад, иди к гробу моему и не ходи, куда идешь; туда ведут тебя бесы.

Сказав это, преподобный стал невидим. Женщина же тотчас пришла в чувство, поняла посещение святого и бесовское поругание и пришла ко гробу святого. Здесь она почувствовала себя вполне здоровой и возвратилась в дом свой, радуясь, славя Бога и благодаря преподобного чудотворца Сергия.

Некий священник жил в сорока верстах от обители святого Сергия. У этого священника была жена, именем Параскева, которая страдала расслаблением всех членов. Много времени хворала она недугом тем. И вот в одну из ночей, после сильных страданий, она забылась легким сном. И увидела она, что к ней пришел преподобный Сергий с жезлом в руках и сказал ей:

— Что ты так люто страдаешь, женщина, — встань с одра своего, возьми жезл и иди ко Всемилостивому Спасу, на Нурму, в обитель Сергия. Если ты так сделаешь, то получишь милость.

Тотчас святой даровал ей здоровье, исцелил недуг и сказал:

— Вот ты здорова, иди в обитель мою и сотвори молитву к милосердому Богу.

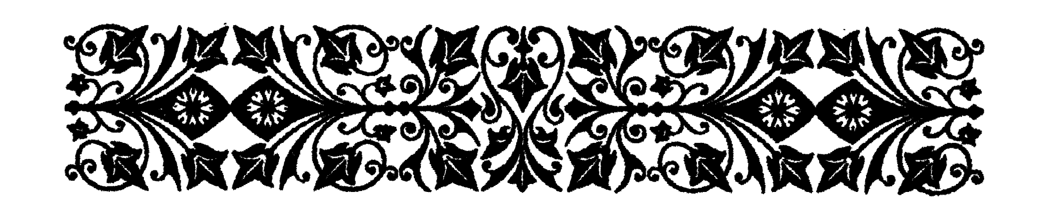
Сказав это, он стал невидим. Женщина, пробудившись от сна, почувствовала себя совершенно здоровой, как бы никогда и не хворала. Получив исцеление от недуга своего, она забыла о посещении и милости преподобного и была нерадива к его повелению, не пошла в обитель к его гробу и не исправила молебна. Но преподобный Сергий и тут не прогневался на нее, и, будучи милосердого Владыки рабом милосердым, помиловал ее, как Господь — жену грешную (см.: Лк. 7, 37–47). Он явился ей во второй раз и с упреком сказал ей:

— О женщина, зачем забыла ты слова мои и не исполнила повеления моего — не пошла помолиться ко Всемилостивому Спасу? Иди же теперь и не бойся ничего. Но если ты не пойдешь и не послушаешь меня, то перенесешь еще горчайшее.

Проснувшись, она вспомнила, что не исполнила слов преподобного, и, объятая ужасом, тотчас же пошла в обитель святого и, припав к его цельбоносному гробу, со слезами просила преподобного простить ее преслушание, дала обет у гроба его — ежегодно приходить в обитель и молиться и возвратилась в дом свой, славя Бога.

Женщина, именем Анастасия, из деревни Алексино Обнорской области, не владела рукой своей, и была рука у нее как бы чужая: не могла она ни двинуть ей, ни повернуть ее. Близкие приводили Анастасию в монастырь Всемилостивого Спаса и преподобного Сергия. Тут о здравии ее совершали по обычаю молебен. Помолившись, отвели ее к колодцу, который был собственноручно вырыт преподобным, и умыли ее водой из того святого колодца. Тотчас исцелела рука у женщины и стала такой же крепкой, как другая. Благодаря Бога и славя преподобного Сергия, Анастасия возвратилась в дом свой[1].

[1] До 1584 года записано было до восьмидесяти чудес преподобного.



День восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
ПЕЛАГИИ

Великое благодарение должны мы всегда воздавать Господу нашему за то, что Он не желает смерти грешным, но долготерпеливо ожидает обращения их к праведной жизни. Дивное событие — пишет диакон Илиопольской[1] Церкви Иаков — произошло в наши дни; поэтому я о нем и передаю вам, братиям святым, чтобы, читая со вниманием, получили вы великую пользу.

Святейший архиепископ Антиохии[2] созвал к себе по церковным нуждам из окрестных городов восемь епископов.

---

[1] *Илиополь Палестинский*, находившийся на севере Палестины, в Келесирии, в нынешней Сирийской области Азиатской Турции, в глубокой древности был центральным пунктом для всего языческого Востока, но в IV веке стал рассадником христианства и имел своих епископов; впоследствии город этот был постепенно разрушен.

[2] *Антиохия Сирийская* — один из древних и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при реке Оронте, верстах в 10 от впадения ее в Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра; основана за триста лет до Рождества Христова Селевком Никатором и названа так по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имеет особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как мать христианских Церквей из язычников. Знаменитая Церковь Антиохийская насаждена первоначально святыми апостолами Павлом и Варнавой, а впоследствии утверждена еще и апостолом Петром. В Антиохии было немало замечательных соборов пастырей Церкви во время еретических (арианских и несторианских) распрей, Церковь Антиохийская издревле пользовалась особенными преимуществами, наравне с Церквами: Александрийской, Иерусалимской, Константинопольской и Римской;

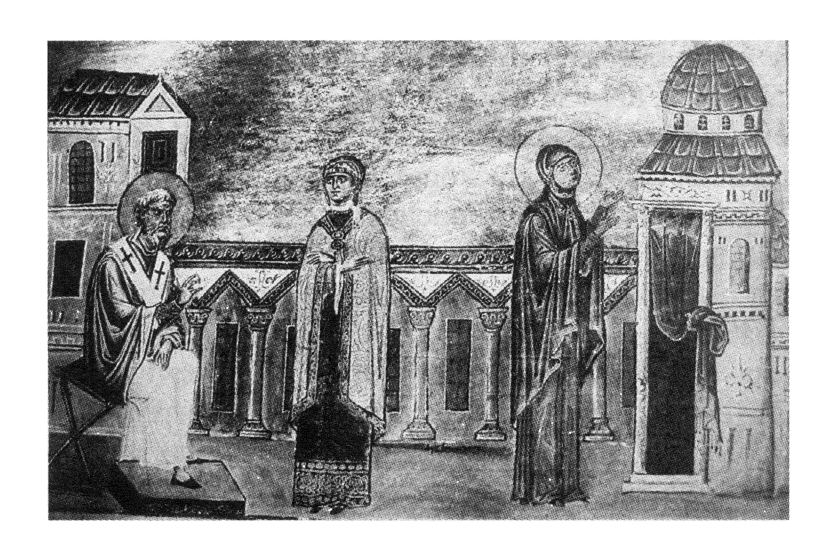
Между ними был и святой Божий человек, мой епископ Нонн, муж предивный, прежде бывший совершенным иноком Тавеннского[1] монастыря. За свою добродетельную жизнь он взят был из монастыря и поставлен в епископа[2]. Нонн пришел из Илиополя, захватив и меня с собой. Когда епископы собрались в церковь святого мученика Иулиана[3], то пожелали слышать от Нонна поучение и сели все при дверях церковных. Нонн тотчас стал изустно поучать на пользу и на спасение слушавшим. Все благоговейно внимали святому учению его. В то время одна женщина — язычница, известная по всей Антиохии блудница, проходила мимо дверей церковных с великой гордостью, одетая в многоценные одежды, украшенная золотом, дорогими каменьями и жемчугом, окруженная множеством девиц и юношей в красивых одеждах, с золотыми ожерельями. Она была так прекрасна лицом, что созерцанием ее красоты не могли довольно насытиться мирские люди. Проходя мимо нас, она наполнила весь воздух ароматным благовонием. Увидев ее, идущую столь бесстыдно, с непокрытой головой и обнаженными плечами, епископы закрыли глаза и, тихо вздыхая, отвернулись, как от великого

настоятели ее имели титул и преимущества патриарха, почему и в настоящем месте жития преподобной Пелагии следует разуметь не архиепископа, а патриарха. В настоящее время Антиохия находится под турецким владычеством и представляет собой небольшой и бедный городок, в котором насчитывается до десяти тысяч жителей.

[1] *Тавеннский монастырь* был первым общежительным монастырем. Находился в Тавенне, в Верхнем (Южном) Египте, к северу от древней столицы его — Фив, на берегу Нила; основан около 340 года преподобным Пахомием Великим (память его — 15 мая), который первый и составил строгий общежительный монастырский устав, быстро распространившийся в христианском мире. Тавеннский монастырь имел такое громадное значение в истории древнехристианского иночества, и успех устава Пахомия был так велик, что еще до его смерти в Тавенне и ее окрестностях собралось около семи тысяч монахов. И впоследствии Тавенна, наименование которой, принадлежавшее сначала одному острову, на реке Ниле, впоследствии перешло и на береговые окрестные места реки, где поселился преподобный Пахомий и его ученики, славилась своими монастырями.

[2] *Нонн* был избран прежде епископом на Едесскую кафедру, в 448 году, на место низложенного Ивы; когда же Халкидонский собор в 451 году возвратил Иве Едесскую кафедру, то Нонн занял кафедру в Илиополе.

[3] Имеется в виду святой мученик Иулиан Тарсянин, пострадавший в конце III века (память его совершается 21 июня). В честь его была создана в Антиохии церковь, где положены были его мощи.



греха. А блаженный Нонн пристально и долго смотрел на нее, пока не скрылась она из глаз, и потом, обратившись к епископам, сказал: «Разве не понравилась вам красота той женщины?»

Они не отвечали. Нонн с плачем склонил голову свою и омочил слезами своими не только платок, бывший у него в руках, но и грудь. Воздыхая от глубины сердца, он снова спросил епископов: «Разве не усладились вы видом красоты ее?»

Они молчали. Нонн сказал: «Поистине многому я научился от нее; ибо женщину эту поставит Господь на страшном Своем суде и ею осудит нас. Как вы думаете, сколько времени она провела в своей опочивальне, моясь, одеваясь, разными способами украшая себя и осматриваясь в зеркало, всю свою мысль и попечение полагая в том, чтобы красивее всех явиться очам временных своих поклонников? А мы, имея Жениха Бессмертного на небесах, на Кого Ангелы взирать желают, не заботимся об украшении окаянной души нашей, оскверненной, обнаженной и исполненной срама, не стараемся омыть ее слезами покаяния и одеть красотой добродетелей, чтобы явилась она благоугодной пред очами Божиими и не была посрамлена и отвержена во время брака Агнца»[1].

---

[1] Выражение, заимствованное из Апокалипсического таинственного изображения (см.: Откр. 19, 7), под видом брака, торжества Победителя Христа и Его святой Церкви, после окончательной победы над сатаной, антихристом и их слугами, в конце времен.

Окончив такое нравоучение, блаженный Нонн взял меня, грешного своего диакона, и мы пошли в келию, которая была нам дана при той же церкви святого Иулиана. Войдя в опочивальню свою, епископ мой повергся лицом на землю и, плача, говорил: «Господи Иисусе Христе! Прости меня грешного и недостойного. Заботы этой женщины об украшении тела превзошли все попечения мои об окаянной душе моей. Та женщина, чтобы угодить тленным своим поклонникам, украшая себя, столько показала старания: а я не стараюсь быть угодным Тебе, Богу моему, но пребываю в лености и небрежности. Каким лицом воззрю на Тебя? Какими словами оправдаюсь пред Тобой? Горе мне грешному! Предстоя пред святым алтарем Твоим, не приношу я Тебе той душевной красоты, коей Ты от меня ищешь. Та женщина, в суете своей, обещалась угождать смертным людям, являясь им в столь благолепном виде, и делает то, что обещала: а я обещался угождать Тебе, Богу моему, и солгал по лености моей. Я наг, ибо не сохранил повелений Твоих; не на дела мои надеюсь, но на милосердие Твое, и от него уповаю получить спасение».

Так долго с рыданиями взывал святой Нонн. Молился он и о той женщине, говоря: «Господи, не погуби создание рук Твоих: да не пребудет такая красота в разврате, во власти бесов, но обрати ее к Себе, да славится в ней имя Твое святое: ибо для Тебя все возможно».

По прошествии того дня и ночи, после утрени (день был воскресный), святой Нонн сказал мне: «Брат Иаков, послушай, какой сон мне был в эту ночь. Казалось мне, что я стою в одном из углов святого алтаря. И вот, во время совершения службы, явилась какая-то черная голубка, покрытая нечистотой и наполнившая воздух зловонием; она летала кругом меня, и я не мог выносить зловония ее. Когда же диакон произнес: „Елицы оглашеннии, изыдите“, голубка отлетела, и я не видел ее, пока не кончилась литургия. По совершении же литургии, когда мы выходили из церкви, я вдруг увидел снова ту же нечистую голубку, которая опять летала кругом меня. Протянув руку, я взял ее и бросил в воду, стоящую в притворе церковном; в ней та голубица омылась от всей нечистоты своей, вылетела чистой и белой, как снег, и, поднимаясь в высоту, стала невидима».

Рассказав мне этот сон, блаженный Нонн, захватив меня с собой, пошел с прочими епископами в соборную церковь, где, при-

неся приветствие архиепископу, они совершили Божественную службу. По окончании святой службы архиепископ Антиохийский предложил блаженному Нонну преподать поучение народу. Нонн отверз уста свои и учил людей силой премудрости Божией, в нем обитавшей. Слова его не отличались изысканной мудростью мира этого, но были просты, вразумительны для всех и действенны: ибо Дух Святой говорил его устами. Он говорил о страшном суде и о будущем воздаянии праведным и грешным. Все присутствовавшие так умилялись словами его, что орошали слезами землю.

По смотрению милосердого Бога привелось этой блуднице, о которой мы повествуем и которая прежде никогда не бывала в церкви и не вспоминала о грехах своих, мимоходом зайти в то самое время в церковь. Услышав поучение святого Нонна, она пришла в страх Божий; помышляя о грехах своих и слыша поучение святого Нонна о вечной за них муке, она стала приходить в отчаяние, изливала потоки слез из очей своих и, в сокрушении сердечном, не могла остановить своего плача. Потом она сказала двум слугам своим: «Подождите здесь, и когда выйдет тот святой муж, который говорил поучение, идите за ним, узнайте, где он живет, и, возвратившись, скажите мне».

Слуги исполнили приказание и поведали госпоже своей, что святой живет при церкви святого мученика Иулиана. Тогда она немедленно написала своей рукой такое послание к блаженному Нонну: «Святому ученику Христову грешница и ученица диавола. Слышала я о Боге твоем, что Он преклонил небеса и нисшел на землю не для праведных, а для спасения грешников. Он смирился до того, что с мытарями вкушал пищу[1]. Тот, на Кого Херувимы взирать не смеют, с грешниками имел общение и с блудницами беседовал (см.: Лк. 7, 37–50; Ин. 8, 3–11 и др.). Господин мой! Если ты, как я слышу от хри-

[1] *Мытарями* назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей с иудеев. Они, обыкновенно, брали на откуп собирание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Поскольку мытари были корыстолюбивы и служили языческому государству, они считались иудеями за предателей и изменников своей стране и Господу Богу. Грешник, язычник и мытарь — у них значили одно и то же, говорить с ними почиталось грехом, обращаться с ними — осквернением, хотя и среди них были добрые и богобоязненные люди. Но Христос не гнушался и их, за что нередко подвергался укоризнам (см.: Мф. 11, 19; Лк. 5, 30; 7, 34; 15, 1–2).

стиан, — истинный раб Христов, то не отвергнешь меня, желающую при твоей помощи прийти к Спасителю мира и увидеть пресвятое Лицо Его».

Прочитав это послание, святой Нонн написал в ответ ей так: «Какой бы ты ни была, но ведомы Богу — и ты сама, и намерение твое. Поэтому прошу тебя: не искушай меня недостойного: я — грешный служитель Божий. Если же ты действительно имеешь доброе желание уверовать в Бога моего и видеть меня, — то со мной здесь другие епископы; и так приходи и вместе с ними увидишь меня. Наедине же тебе видеться со мной не должно».

Получив и прочитав это, грешница исполнилась великой радости, поспешила в церковь святого Иулиана и дала знать о своем приходе блаженному Нонну. Он же, собрав к себе семь других епископов, повелел ей войти. Явившись пред собором святых епископов, она с плачем поверглась на землю и припала к ногам святого Нонна, восклицая: «Умоляю тебя, господин мой, будь подражателем учителя твоего Господа Иисуса Христа, яви мне благодать твою и сделай меня христианкой: я — море грехов, господин мой, и бездна беззаконий; омой же меня крещением».

Все собравшиеся епископы и клирики, видя блудницу, пришедшую с таким покаянием и верой, проливали слезы. Блаженный едва мог заставить ее подняться от ног его.

— Правила церковные, — сказал он, — повелевают не крестить блудницу без поручителей, из опасения, чтобы она не вернулась снова к той же блудной жизни.

Услышав этот ответ, она снова поверглась к ногам святого, омывала их слезами и отирала волосами головы своей, как некогда евангельская грешница омывала ноги Христу (см.: Лк. 7, 37–38).

— Ты дашь ответ Богу о душе моей, если не крестишь меня, — говорила она. — От рук твоих да взыщет тогда Бог душу мою, и за тобой запишет лукавые мои дела. Если отвергнешь меня не крещенной, то будешь виной продолжения моей блудной и нечистой жизни. Если не избавишь меня теперь от злых моих дел, то я отвернусь от Бога твоего и поклонюсь идолам. Если не сделаешь меня ныне невестой Христовой и не приведешь к Богу твоему, то не будешь иметь доли с Ним и святыми Его.

Все присутствовавшие, слыша это и видя, как такая блудница столь сильно воспламенилась стремлением к Богу, прославили Человеколюбца Бога. Блаженный Нонн немедленно послал меня, смиренного Иакова, к архиепископу поведать ему об этом. Архиепископ, услышав о происшедшем, весьма обрадовался и сказал мне: «Пойди, скажи епископу твоему: отче честный, тебя ожидало дело это, ибо хорошо знаю тебя, что ты — Божии уста, по слову Его: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19)».

И, призвав госпожу Роману, которая была первой диаконисой церковной[1], послал ее со мной.

Когда мы пришли, то застали Пелагию еще лежавшей на земле, у ног блаженного Нонна, который едва мог заставить ее подняться, говоря: «Встань, дочь, чтобы огласиться перед крещением».

Она встала, и сказал ей епископ:

— Исповедуй сначала грехи твои.

Она отвечала с плачем:

— Если начну испытывать совесть мою, то не найду в себе ни одного доброго дела; знаю лишь, что грехи мои многочисленнее песка морского, и недостанет воды в море, чтобы омыть скверные дела мои. Но я надеюсь на Бога твоего, что Он облегчит бремя беззаконий моих и милостиво призрит на меня.

Епископ спросил ее:

— Как твое имя?

Она отвечала:

— Родители мои называли меня Пелагией, граждане же антио-

---

[1] *Диакониса* — с греческого языка: *служительница*. Так назывался особенный род служебных лиц в Церкви, учреждение которых восходит к временам апостольским (см.: Рим. 16, 1; ср.: 1 Тим. 5, 3–10). На должность диаконис избирались пожилые (не моложе 40 лет) девственницы или вдовы. Обязанностью их было наставлять обращающихся жен и девиц, как они должны держать себя во время крещения, прислуживать епископу при их крещении и вместо него совершать помазание других частей тела, кроме чела и так далее, наблюдать за порядком и благочинием среди женщин во время Богослужения, посещать больных, бедствующих, заключенных в темницах, служить исповедникам и мученикам, содержимым под стражей, помогать неимущим и т. п. Относительно диаконис есть несколько канонических правил, а именно: IV Вселенского собора — правило 15, VI — правило 14 и святого Василия Великого — правило 44.

хийские переименовали меня Маргаритой[1] ради тех красивых и многоценных уборов, которыми украшали меня грехи мои.

Тогда епископ огласил ее и крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа, помазал миром и причастил Пречистого и Животворящего Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, во оставление грехов. Духовной матерью Пелагии была диакониса Романа; приняв ее от купели крещения, она провела ее из церкви в покой оглашенных, так как и мы там находились. Блаженный Нонн сказал прочим епископам: «Будем трапезовать, братия, и возрадуемся с Ангелами Божиими о том, что нашли потерянную овцу: вкусим пищу с елеем и вином ради духовного утешения».

Когда все пришли и стали трапезовать вместе с новокрещеною, бес начал вопить во всеуслышание. Человеческим голосом рыдая, говорил он:

— Горе, горе, что терплю я от этого болтливого винопийцы! О злой старик! Не довольно ли было тебе тридцати тысяч сарацин, которых ты крестил, похитив их у меня? Не довольно ли тебе было Илиополя, который ты у меня отнял и привел к твоему Богу — а он был некогда моим, и все в нем живущие мне поклонялись![2] А теперь и последнюю мою надежду ты отнял. Что же мне делать, старец упрямый, обманщик? Не могу выносить твоих уловок. Да будет проклят день, в который ты родился, злой старик! Потоки слез твоих пролились на мое жилище и сделали его пустым[3].

Так, плача, вопил диавол пред дверями покоя, где мы были, и все там находившиеся слышали голос его. И снова, обратившись к новокрещеной, бес сказал:

---

[1] *Маргарита*, в переводе с греческого, значит — жемчужина.

[2] В начале V века язычество все еще было довольно сильно распространено в Илиополе, но трудами святого Нонна влияние его здесь было окончательно подорвано. Под сарацинами разумеются арабы, которых святой Нонн во время пребывания на Илиопольской кафедре обратил ко Христу до тридцати тысяч человек.

[3] Под опустелым, потерянным для диавола жилищем здесь разумеется Пелагия. По воззрению библейскому, как благочестивый человек есть храм Духа Святого (см.: 1 Кор. 6, 19), так злочестивый — храм духа злобы. Потому диавол и называет Пелагию своим прежним жилищем, которое опустело для него после обращения ее ко Христу.

— Что ты делаешь со мной, госпожа Пелагия? Ты подражаешь Иуде. Он, почтенный апостольской славой и честью, предал Господа своего, а ты то же сделала со мной.

Тогда епископ повелел рабе Божией Пелагии оградить себя крестным знамением. Она, сотворив знамение креста Христова на лице своем, сказала диаволу:

— Да отгонит тебя Иисус Христос, избавляющий меня от тебя!

Когда она сказала это, диавол тотчас исчез.

Через два дня, когда Пелагия спала в комнате вместе с госпожой Романой, матерью ее духовной, явился к ней диавол, разбудил ее и начал говорить ей:

— Дорогая госпожа моя, Маргарита, какое зло я сделал тебе? Не обогатил ли я тебя золотом и серебром? Не украсил ли я тебя каменьями многоценными, уборами и одеждами? Молю тебя, поведай мне: какую причинил я тебе скорбь? Что велишь мне, все исполню немедленно, только не оставляй меня и не делай из меня посмешище.

Оградив себя крестным знамением, Пелагия отвечала:

— Господь мой Иисус Христос, избавивший меня от зубов твоих и соделавший меня невестой небесного Своего чертога, да отгонит тебя от меня.

И тотчас диавол исчез.

Разбудив немедленно святую Роману, Пелагия сказала ей:

— Помолись обо мне, мать моя: лукавый преследует меня.

Романа отвечала:

— Дочь моя, не устрашайся его, ибо он теперь боится и трепещет даже тени твоей.

На третий день по крещении своем Пелагия призвала одного из слуг своих и сказала ему: «Ступай в дом мой, перепиши все, что есть в моих златохранительницах, и все уборы мои, и все принеси сюда».

Слуга пошел и сделал, как было приказано ему.

Тогда блаженная Пелагия, призвав святого епископа Нонна, все отдала в руки его, говоря: «Вот богатства, которыми обогатил меня сатана; передаю его в святые руки твои: делай с ними, что хочешь, мне же должно искать сокровищ Господа моего Иисуса Христа».

Блаженный епископ Нонн, призвав эконома церковного, отдал ему, в присутствии всех, переданные ему Пелагией сокровища и ска-

зал ему: «Заклинаю тебя именем Святой и Нераздельной Троицы не вносить ничего из этого золота ни в дом епископский, ни в церковь Божию, ни в свой дом, ни в дом кого-либо из клириков: но раздай все это своими руками сиротам, убогим и немощным, чтобы то, что собрано злом, было израсходовано на добро, и богатство греховное стало бы богатством правды. Если же нарушишь эту клятву, анафема да будет дому твоему, и участь твоя с теми, которые восклицали: *возьми, возьми, распни Его*[1] (Лк. 23, 21)».

Раба Божия Пелагия ничего не оставила из своего имущества даже на пропитание себе, но ее питала Романа диакониса: ибо поклялась ничем не пользоваться от богатства греховного. Призвав всех своих слуг и служанок, она отпустила их на волю, дав каждому достаточно серебра и золота.

«Я освобождаю вас от временного рабства, — сказала она им, — вы же постарайтесь освободить себя от рабства суетному миру, исполненному грехов, чтобы нам, жившим в мире этом совместно, сподобиться пребывать вместе и в блаженной жизни».

Сказав это, Пелагия отпустила слуг своих.

В восьмой день, когда надлежало ей, по обычаю новокрещеных, снять белые одежды, полученные по крещении (день был воскресный), Пелагия, встав весьма рано, сняла белые одежды, в которые была одета при крещении, и облачилась во власяницу. Взяв ветхую одежду блаженного Нонна, она тайно от всех удалилась из Антиохии, и с того времени никто не знал, где она находилась. Диакониса Романа скорбела и плакала о ней. Но всеведущий Бог открыл блаженному Нонну, что Пелагия ушла в Иерусалим, и утешал Нонн Роману, говоря: «Не плачь, дочь моя, а радуйся: Пелагия, подобно Марии, *избрала благую часть, которая не отнимется у нее* (Лк. 10, 42)».

Немного дней спустя мы были отпущены архиепископом и возвратились в Илиополь. Чрез три года явилось у меня желание идти в Иерусалим — поклониться святому воскресению Господа нашего Иисуса Христа[2], и я просил епископа моего, блаженного Нонна, от-

---

[1] То есть с христопродавцами и богоубийцами — евреями (см.: Лк. 23, 21).

[2] То есть храму Воскресения Христова, построенному на месте Воскресения Господа, Гробу Господню и другим находящимся там величайшим христианским святыням.

пустить меня. Отпуская меня, он сказал: «Брат Иаков! Когда придешь в святые места, поищи там некоего инока, которого зовут Пелагием: он евнух[1], весьма добродетелен и живет несколько годов в затворе. Найдя его, побеседуй с ним и получишь от него великую пользу, ибо он — истинный раб Христов и инок, достигший совершенства».

Это говорил Нонн о рабе Божией Пелагии, которая около Иерусалима устроила себе келию на горе Елеонской[2], где некогда молился Господь наш, и, затворившись там, жила для Бога. Но этого Нонн не открыл мне.

Собравшись, я пошел к святым местам, поклонился святому воскресению Господа нашего Иисуса Христа и честному Кресту Его, а на другой день отыскал монаха, по имени Пелагий, как заповедал мне епископ мой; келию его нашел я в горе Елеонской. Келлия эта отовсюду была заграждена и дверей не имела; только малое оконце увидел я в стене, постучал в него, и когда его открыли, я увидел рабу Божию. Она узнала меня, но не открыла мне себя. Я же не узнал ее. Да и как я мог узнать ту, великая красота которой так быстро увяла, как увядает цветок? Очи ее глубоко ввалились, от многого и безмерного воздержания обнаружились кости и суставы лица ее. Вся страна Иерусалимская считала ее евнухом, ни один человек не знал, что то — женщина, да и я сам не ведал того: ибо епископ мой говорил мне о евнухе — иноке, и я получил благословение от нее, как от инока — мужа.

Она сказала мне:

---

[1] *Евнух* — скопец, человек, неспособный к плотскому сожительству.

[2] *Гора Елеонская*, или *Масличная*, — одна из гор иудейских и называется так по множеству произраставших на ней масличных деревьев, кроме разных других дерев. Она лежит к востоку от Иерусалима, отделяясь от него долиной Кедронской, и выше других близлежащих гор; с вершины ее открывается великолепный вид во все стороны. Елеонская гора освящена в новозаветной истории различными знаменательными событиями из земной жизни Спасителя, особенно же вознесением с нее Воскресшего Господа на небо. Ныне эта столь замечательная гора, со всеми ее окрестностями, представляет самый печальный вид и лишена прежней богатой растительности. Пещеру преподобной Пелагии, находившуюся вблизи самого места Вознесения (средней вершины горы), в XII веке видел русский паломник, игумен Даниил. Западный паломник Анзельм в 1509 году писал: «Ниже места вознесения, сходя ступеней двадцать или около того, — место или келийка, где святая Пелагия совершила покаяние».

— Скажи мне, брат, ты не Иаков ли, диакон блаженного епископа Нонна?

Я дивился, что она и по имени меня назвала, и признала во мне диакона блаженного Нонна, и отвечал:

— Да, господин мой.

Она мне сказала:

— Скажи епископу твоему, чтобы помолился обо мне, ибо воистину он — муж святой и апостол Христов. — И тебя, брат мой, — прибавила она, — прошу помолиться обо мне.

Сказав это, блаженная затворила оконце и начала петь третий час. Я сотворил молитву и отошел; созерцание же ангелоподобной подвижницы и сладостная беседа ее много послужила мне на пользу.

Возвратясь в Иерусалим, я обходил различные монастыри, посещал братию, беседовал со святыми мужами, принимал от них благословение и много получал пользы для души. По всем обителям пронеслась добрая слава о евнухе Пелагии, и пример жизни его всем был на пользу. Ради этого я пожелал снова пойти к нему и утешиться душеполезной его беседой. Придя к келии его, я постучал в оконце с молитвой, дерзнул и по имени его назвать, говоря: «Отвори, отче Пелагий!»

Но он не отвечал мне ничего.

Я думал, что он молится или почивает, и, подождав немного, снова постучал, прося отворить, но ответа не было; снова ожидал я некоторое время и снова постучал. Три дня провел я так, сидя у оконца, и стучал через некоторые промежутки времени, имея сильное желание видеть святое лицо Пелагия и получить благословение его: но не было ни гласа, ни послушания. Тогда я сказал сам себе: «Или ушел он из этой келии, и в ней никого нет, или преставился».

Я дерзнул силой открыть оконце и увидел, что Пелагий лежит на земле мертвым. Ужаснулся я, и весьма горько мне стало, что не сподобился я получить последнего его благословения. Затворив оконце, я отправился в Иерусалим и возвестил живущим там святым отцам, что авва Пелагий — евнух — преставился; и тотчас прошла по всему Иерусалиму весть, что святой Пелагий, духоносный инок, скончался о Господе. На погребение честного тела его сошлись иноки из всех окрестных монастырей, все жители Иерусалима и бесчисленное множество людей из Иерихона и с той стороны Иордана. Разломав

оконце келии, сделали вход, достаточный для одного человека; войдя чрез сделанное таким образом отверстие, благоговейные мужи вынесли честно́е тело. Пришел и патриарх Иерусалимский со множеством иных отцов. Когда по обряду начали умащать тело ароматами, то увидели, что почивший подвижник был по природе женщиной.

«Дивный во святых Боже, — воззвали тогда присутствовавшие со слезами, — слава Тебе: ибо имеешь Ты на земле сокровенных святых, не только мужей, но и жен».

Тайну Пелагии хотели было утаить от народа, но не могли: ибо Богу угодно было не сокрыть, но объявить и прославить рабу Свою. И собралось великое множество народа; стеклись и инокини из монастырей своих со свечами и кадилами, со псалмами и песнопениями церковными, и, взяв честное и святое тело Пелагии, с подобающей честью внесли в ту же келию, где подвизалась она, и там погребли[1].

Таково было житие бывшей блудницы, таково обращение погибшей грешницы, таковы труды ее и подвиги, которыми угодила она Богу. Да подаст Господь наш Иисус Христос с ней и нам получить милость в день судный! Ему слава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Кончина преподобной Пелагии последовала, когда Нонн, по житию, был епископом Илиопольским, а он был епископом с 451 по 458 год. Обращение Пелагии совершилось за то же время управления его Илиопольской Церковью, следовательно, кончину ее должно относить к концу пребывания его в Илиополе, около 457 года.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
ТАИСИИ

В стране Египетской[1] жила некогда женщина развращенная, бесстыдная и нечистая по своей жизни. Имея одну дочь, по имени Таисию, она научила ее тому же постыдному образу жизни, которому и сама навыкла, отвела ее в блудный дом и отдала на служение сатане, на пагубу многим душам человеческим путем прельщения их ее красотой; ибо Таисия была весьма прекрасна по своей наружности и прославилась повсюду красотой своего лица. Из-за плотского вожделения к Таисии, многие приносили ей много золота и серебра, блестящих и дорогих одежд. Прельщая поклонников своих, она доводила их до такого разорения, что многие, потеряв ради нее свое имущество, впали в нищету, а иные, заводя из-за нее между собой ссоры, били друг друга и покрывали пороги ее дома своей кровью.

Услышав об этом, преподобный Пафнутий[2], одевшись в мирские одежды и взяв с собою золотую монету, вошел в дом, где жила Таисия. Увидев ее, он дал ей монету в виде платы, как бы желая остаться с ней. Таисия, взяв деньги, сказала ему:

— Войди в комнату.

Пафнутий вошел вместе с ней и увидел постланное высокое ложе; сев на нем, он сказал Таисии:

— Нет ли другой комнаты, тайной, затворимся в ней, чтобы о нас никто не знал?

Таисия отвечала:

— Есть; впрочем, если ты людей стыдишься, то и в этой укроешься от них, потому что двери затворены и никто сюда не войдет и не узнает о нас, а если боишься Бога, то нет места, которое могло бы

---

[1] Отечество и город, который был свидетелем печальных побед Таисии во время ее блудной жизни, неизвестны.

[2] Под *преподобным Пафнутием* здесь разумеется настоятель Гераклейского монастыря. У греков — Гераклея, у евреев — Ганес, у арабов — Анас, один из городов Гептаномской провинции, расположенной между Нижним и Верхним Египтом, причислявшийся к Верхнему Египту. По свидетельству Руфина в его истории монашества (гл. 16) и Палладия в его Лавсаике (гл. 57), Пафнутий был столь высокий подвижник, что на него смотрели как на Ангела Божия. Ревнуя о спасении душ, он многих заблудших мирян обратил на путь спасения.

утаить тебя пред Ним, и если бы даже под землей ты скрылся, то и там Бог видит.

Услышав от нее такие слова, Пафнутий сказал ей:

— Разве и ты знаешь о Боге?

Таисия отвечала:

— Знаю и о Боге, и о блаженстве праведных, и о муке грешных.

Тогда ей старец сказал:

— Если ты знаешь о Боге, и о будущем блаженстве, и о муках, то зачем оскверняешь людей и погубила уже столько душ? Осужденная в геенну огненную, ты понесешь мучения не за свои только грехи, но и за тех, кого ты осквернила.

При этих словах, Таисия с плачем повергласъ к ногам старца, восклицая:

— Знаю я и то, что для согрешивших есть покаяние и для согрешений — прощение, и надеюсь твоими молитвами избавиться от грехов и получить милость Господню. Но молю тебя, подожди меня немного, только три часа, и потом куда повелишь мне, пойду, и что скажешь мне, сделаю.

Старец указал ей место, где будет ждать ее, и ушел. Тогда Таисия, собрав все сокровища свои, приобретенные путем разврата, ценой до четырехсот литр золота, вынесла их на средину города и, разведя огонь, положила на него все это, и перед всем народом сожгла, восклицая: «Приидите все, грешившие со мной, и смотрите, как я сжигаю то, что вы мне дали».

Предав огню нечистым образом приобретенное богатство, она пошла на место, где ждал ее Пафнутий. Старец повел в девичий монастырь и, испросив небольшую келию, ввел в нее Таисию и затворил ее там; двери же келии он крепко заделал и заколотил, оставив только маленькое оконце, чтобы чрез него можно было подавать ей немного хлеба и воды.

— Как велишь мне, отче, молиться Богу? — спросила Таисия святого Пафнутия

— Ты недостойна, — отвечал старец, — ни произнести имени Господня, ни рук твоих поднять к небу, ибо уста твои исполнены скверны и руки твои загрязнены нечистотой; говори лишь, часто обращаясь к востоку: «Создавший меня, помилуй меня!»

И пробыла Таисия в том затворе три года, молясь Богу, как научил ее Пафнутий, вкушая лишь немного хлеба и воды, и то только раз в день.

По прошествии трех лет Пафнутий, побуждаемый милосердием к ней, отправился к великому Антонию[1], желая узнать, простил ли ее Бог или нет.

Придя к старцу, он поведал ему все о жизни Таисии. Антоний призвал учеников своих и повелел им затвориться каждому отдельно в келии своей и всю ночь молиться Богу, чтобы Он открыл кому-либо из них о Таисии, кающейся о грехах своих. Ученики исполнили повеление отца своего и умолили Бога: Он открыл о ней одному из них, по имени Павлу, которого называли Препростым[2]. Стоя на молитве ночью, он увидел в видении небеса отверстые и одр стоящий, постланный весьма богато и сияющий великой славой; три девицы, пресветлые лицом, стояли и охраняли его, и венец лежал на одре том.

При виде этого Павел спросил:

— Верно, не иному кому-либо уготованы эти одр и венец, как отцу моему Антонию.

Тогда раздался к нему голос:

— Не отцу Антонию это уготовано, но Таисии, бывшей блуднице.

Придя в себя, Павел стал размышлять о виденном и, когда настало утро, пошел к блаженным отцам Антонию и Пафнутию и поведал им о своем видении. Они же, услышав о том, прославили Бога, принимающего истинно кающихся. Тогда Пафнутий пошел в девичий монастырь, где жила Таисия в затворе, и, разломав двери, хотел вывести ее. Но она стала просить его:

— Позволь мне, отче, остаться здесь до смерти моей и сокрушаться о грехах моих: так много их у меня.

Старец отвечал ей:

— Человеколюбец Бог уже принял твое покаяние и простил грехи твои, — и вывел ее из затвора.

Тогда блаженная Таисия сказала:

---

[1] *Антоний Великий* — первый учредитель монашеского жития.

[2] О Павле Препростом см. 4 октября.

— Поверь мне, отче, что как только вошла я в затвор, я представила все грехи мои пред мысленными очами моими и, взирая на них, плакала непрестанно. Не удалились все злые дела мои от очей моих и доныне, но предстоят предо мной и ужасают меня, так как за них я буду осуждена.

Выйдя из затвора, блаженная Таисия через пятнадцать дней впала в недуг и, проболев три дня, благодатью Божией, с миром почила. От одра болезни она была перенесена на тот одр, который видел на небе уготованным ей Павел Препростой, где восхваляется она с преподобными во славе и радуется вовеки (см.: Пс. 149, 5). Так грешница и любодейца предварила нас в Царствии Божием[1].

Молитвами святой Таисии да не будем и мы лишены того же Царствия! Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ
ПЕЛАГИИ ДЕВЫ

Святая Пелагия, жившая в царствование Диоклетиана в Антиохии Сирийской, происходила из знатного рода[2]. Правитель города, узнав, что она — христианка, послал воинов взять ее. Воины, исполняя повеление правителя, окружили дом, где жила Пелагия. Тогда она начала умолять воинов подождать, и когда они согласились, святая стала лицом к востоку на том месте, где обычно молилась, и, простирая руки и возведя очи к небу, усердно молила Бога, чтобы ей не быть отданной в руки воинов, но отойти к Нему жертвой непорочной и чистой. После этого она оделась в лучшие свои одежды, бросилась с верха дома и предала дух свой Богу[3].

---

[1] Согласно слову Спасителя: *Аминь, аминь глаголю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие* (Мф. 21, 31). — Кончина преподобной Таисии последовала около (не позже) 340 года, так как ее подвиги и кончина происходили при Антонии Великом († 356 г.) и Павле Препростом († 340 г.).

[2] Святая Пелагия была ученицей священномученика Лукиана, пресвитера Антиохийского († 312 г.), память которого празднуется 15 октября.

[3] Святой Пелагии было всего пятнадцать лет, когда она, для сохранения своего девства, так добровольно пострадала. Это было в начале IV века. Святитель

День девятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ИАКОВА АЛФЕЕВА

Святой апостол Иаков был сыном Алфея и братом апостола и евангелиста Матфея, прежде бывшего мытарем. Когда Господь наш Иисус Христос, пребывая на земле во плоти, избрал в достоинство апостольское простых и благочестивых людей, чтобы послать их на проповедь Евангелия во вселенную, тогда избрал Он и этого Иакова и, как достойного, причел его к апостольскому лику (см.: Мф. 10, 3; Мк. 3, 18; Лк. 6, 15). И стал Иаков одним из числа двенадцати апостолов, самовидцем и слугой Христовым, проповедником Его Таин и Его последователем[1]. Приняв с другими апостолами Духа Святого, сошедшего на них в огненных языках[2], он отправился к язычникам проповедовать Христа и наставлять заблудших на путь спасения. Разжегшись огнем ревности Божественной, он попалял терния безбожия, сокрушал идолов, храмы их разорял, врачевал различные недуги, отгонял от людей духов лукавых и многое множество людей привел к Христу, чрез что приобрел себе и новое имя: *семя Божественное*. Ибо он насеял в сердцах человеческих Божие

Амвросий святую Пелагию, хотя она и не успела потерпеть от гонителей мучений за Христа, поставляет в пример мученичества. У святого Иоанна Златоуста есть о ней два слова, в которых прославляется эта юная блаженная мученица.

[1] Вместе с прочими апостолами Иаков Алфеев был послан Господом на проповедь (см.: Мф. 10, 3).

[2] По вознесении Господнем Иаков Алфеев пребывал вместе с другими апостолами в Иерусалиме (см.: Деян. 1, 13), так же как и некоторое время после сошествия Святого Духа (6, 2).

слово, насадил веру и возрастил благочестие: ради этого он и был наименован Божественным семенем.

Обходя многие страны, он сеял семя небесное, собирал жатву спасения человеческого и окончил земное течение свое Христовыми стопами: будучи подражателем Христовых страданий, он предал дух Богу пригвожденным на кресте[1].

И было собрано это Божественное семя, святой Иаков, с плодами, принесенными сторицей, в небесную житницу; там насыщаясь сам видением лица Божия, он и для нас ходатайствует своими молитвами о том же насыщении.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
АНДРОНИ́КА и АФАНАСИИ

В царствование Византийского императора Феодосия Великого[2] в Антиохии проживал один муж, золотых дел мастер, по имени Андроник. Он взял себе в жены дочь золотаря же — Иоанна, имя которой было Афанасия, означающее — «бессмертие»[3]. И действительно, святая Афанасия своей святой жизнью, как то показывает и ее кончина, — приобрела себе бессмертную славу. Эта супружеская чета — Андроник и Афанасия, проводя честну́ю и богоугодную жизнь, украшали себя всякими добродетелями. Свое умножающееся состояние они делили на три части — одну часть тратили в пользу бедных, другую — на церковное благолепие, а третью — на домаш-

---

[1] Апостол Иаков Алфеев совершал апостольское служение сначала в Иудее, потом сопутствовал апостолу Андрею Первозванному в Едессу (Едесса — нынешняя Орфа — древний знаменитый город Месопотамии на реке Евфрате), проповедовал учение Христово в Газе (один из самых древнейших городов филистимских на границе с царством Иудейским, во времена апостольские принадлежавший Сирии) и Елевферополе (город Южной Палестины на дороге между Иерусалимом и Газой) и сопредельных им местах, откуда отправился в Египет и здесь в городе Острацине (приморский город на границе с Палестиной) запечатлел апостольские труды свои мученической смертью на кресте.

[2] *Феодосий Великий* — Римский император с 379 по 395 год. В его царствование вера христианская была окончательно утверждена в Римской империи.

[3] В переводе с греческого Ἀθανασία — бессмертие.

ние нужды. За свою кротость и добрые дела Андроник и Афанасия были любимы и почитаемы всеми гражданами. После того как от них родились сын Иоанн и дочь Мария, они прекратили плотское супружеское сожительство и проживали, как брат с сестрой, в чистоте. Особенные заботы и попечения были у них относительно убогих. Служа последним, они переносили на своих руках больных, обмывали их, кормили и одевали и на свои средства доставляли всевозможный покой нищим и странникам. При этом каждую неделю Андроник и Афанасия среду и пятницу проводили в посте и молитвах.

Между тем, как они продолжали жить столь добродетельной жизнью, Бог благоволил призвать их к еще более совершенной жизни, — чтобы, отложив все земное, они последовали за Единым Господом своим Иисусом Христом, Который оставил нам образец, по которому мы должны следовать стопам Его.

В один день, после двадцатилетней супружеской жизни, Афанасия, возвратившись из церкви от утрени домой, застала детей своих стонущих и, обеспокоившись, села подле них на постели. Андроник, вернувшись из церкви несколько позже, стал звать свою жену, предполагая, что она спит. Афанасия отвечала:

— Не сердись на меня, господин мой, потому что дети наши находятся в сильном жару.

Удостоверившись в этом, Андроник отошел от больных детей, говоря:

— Да будет воля Господня!

После этого он отправился в загородную церковь святого мученика Иулиана[1], где похоронены были родители его. Здесь он пробыл на молитве до шестого часа.

В то время как Андроник находился в церкви, оба ребенка его — сын Иоанн, которому шел двенадцатый год, и дочь Мария — десяти

---

[1] Имеется в виду святой мученик Иулиан Тарсянин, пострадавший в конце III века (память его совершается 21 июня). В честь его была создана в Антиохии церковь, где положены были его мощи.

лет от роду, умерли. Возвращаясь с молитвы, Андроник услышал плач и вопль в доме своем и, обеспокоившись, побежал поспешнее. Он застал около своего дома великую толпу жителей своего города, обоих же детей своих увидел лежащих мертвыми. Удалившись в свою молельню, Андроник повергся ниц пред образом Спасителя нашего, произнося слова праведного Иова:

— *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1, 21).

В слезах о умерших детях своих Афанасия настолько изнемогла, по причине сильной скорби, что желала себе даже смерти, так как она повторяла:

— О, если бы и мне умереть с моими детьми!

В день погребения детей Андроника и Афанасии к ним собрались все граждане и пришел сам патриарх со всем клиром своим. Детей похоронили в церкви святого Иулиана, где покоились и предки их. По совершении обряда погребения, Афанасия не хотела возвращаться домой, но с плачем сидела подле могилы своих детей.

В полночь в образе инока ей явился здесь святой мученик Иулиан и обратился к ней с следующими словами:

— Женщина! Зачем ты не оставляешь в покое почивающих здесь?

Афанасия отвечала:

— Господин, не сердись на меня, так как я нахожусь в страшной скорби: я имела двоих детей и вот сегодня обоих вместе похоронила!

Святой мученик Иулиан спросил Афанасию:

— Скольких же лет были твои дети?

Афанасия отвечала:

— Один — двенадцати, а другая — десяти лет.

Тогда святой сказал ей:

— Зачем ты о них плачешь? Для тебя полезнее было бы, если бы ты о своих грехах плакала. Уверяю тебя, что подобно тому, как человеческая природа требует пищи, так точно и умершие дети питаются у Христа небесными благами. Они Ему молятся: «Судия праведный! Ты лишил нас земных благ, не лиши же небесных!»

Выслушав эти слова, Афанасия пришла в умиление и, вместо скорби, возрадовалась, говоря:

— Если мои дети продолжают жить на небе, то зачем мне плакать?

Говоря так, Афанасия обернулась, желая подольше побеседовать с явившимся к ней, но более уже не видела его. Афанасия искала явившегося ей по всей церкви, но никого не нашла. Тогда она потревожила охранявшего церковные двери привратника и спросила его:

— Где тот инок, который разговаривал со мной?

Привратник отвечал:

— Разве ты не видишь того, что двери заперты и сюда никто не входил: что же ты говоришь, будто кто-то с тобой разговаривал?

Тогда Афанасия, убедившись, что то было лишь видение, убоялась и, возвратившись домой, пересказала мужу то, что видела и слышала и, вместе с тем, утешилась в своей скорби.

— Господин мой, — сказала Афанасия Андронику, — еще при жизни детей наших я намеревалась сообщить тебе об одном своем намерении, но смущалась; теперь же, вот, по смерти их, скажу тебе без смущения: отпусти меня в монастырь, чтобы там оплакивать мне грехи мои. Господь, взявший от нас наших детей, может соделать нас более готовыми к служению Ему.

Андроник отвечал:

— Пойди испытай в течение одной недели свое намерение, и если не переменишь его, то мы посоветуемся об этом вместе.

Афанасия, выдержав испытание, не изменила своего намерения и по прошествии многих дней, наоборот, преисполнилась сильнейшим желанием иноческой жизни и снова стала упрашивать мужа отпустить ее в монастырь.

Тогда Андроник, призвав отца Афанасии, сказал ему:

— Вот, мы желаем пойти поклониться святым местам, поэтому вверяем тебе наш дом и все наше имущество и просим тебя: если на пути случится с нами какое-либо несчастье, то раздай наше имущество нуждающимся, а дом наш обрати в больницу для нищих и в приют для странников.

Таким образом Андроник, поручив тестю свой дом и свое имущество, освободил вместе с тем и всех своих рабов и рабынь.

В одну из ночей Андроник и Афанасия, собравшись, взяли на дорогу немного из своего имущества и вышли из дома, никем не заме-

ченные. Предавшись воле Божией, они стали совершать подвиг странничества.

Встретив утро следующего дня за городом, блаженная Афанасия, оглянувшись назад, увидела вдали свой дом и, обратив взор к небу, сказала:

— Боже, сказавший Аврааму и Сарре: *пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12, 1)! Призри и на нас и веди нас в страхе Твоем. Вот мы ради Тебя бросили открытым наш дом, не затвори же для нас дверей Твоего Царства.

После этого оба они с плачем продолжали свой путь. Достигнув Иерусалима, Андроник и Афанасия поклонились святым местам и, приняв благословение от многих отцов, беседовали с последними. Затем пошли и в Александрию поклониться мощам святого мученика Мины. По дороге сюда Андроник, оглянувшись, заметил какого-то мирянина, ссорившегося с монахом, и сказал мирянину:

— Зачем ты ссоришься с монахом?

Мирянин отвечал:

— Монах нанял у меня осла, чтобы ехать на нем в скит, и я советовал ему отправиться теперь же, чтобы нам совершать путь ночью, когда нет сильного солнечного зноя, а утром, часу в шестом, быть уже в ските. Между тем монах не желает принять моего совета.

Тогда Андроник спросил мирянина:

— Имеешь ли ты другого осла?

Тот отвечал:

— Имею.

Андроник сказал:

— Поди же приведи его, и я найму его у тебя, так как и я желаю ехать в скит[1].

---

[1] *Скит* — египетское слово — значит: весы, испытание сердца. Другие производят от греческого σκῦτος — кожа, каковое словопроизводство указывает на то, что первоначальные скитники — подвижники не имели правильно устроенных домов, а довольствовались устройством кожаных прикрытий из шкур диких зверей. В настоящем случае здесь разумеется не известный особый вид иноческих обителей, в смысле отдельных келий для одиноких отшельников, а известная местность, в расстоянии дневного пути (25–30 верст, верста — 1,066 км) от горы Нитрийской, в северо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное место Египетских пустынников, прославившееся аскетиче-

Супруге же своей Афанасии Андроник сказал:

— Подожди здесь до тех пор, пока я съезжу в скит получить от тамошних отцов благословение.

— Возьми и меня с собой, — просила Афанасия.

— Женщинам, — отвечал Андроник, — не положено бывать в скиге.

Тогда Афанасия с плачем сказала мужу:

— Если ты меня оставишь, не отдав в женский монастырь, то дашь в том ответ святому мученику Мине.

Андроник дал обещание не оставлять жены до тех пор, пока не исполнит ее желания.

После этого Андроник отправился в скит, где в каждой лавре[1] получал благословение от отцов скитских.

Прослышав о преподобном Данииле[2], Андроник, преодолев большие затруднения, прибыл к нему, поклонился ему и, после молитвы, рассказал все о себе и супруге своей Афанасии. Преподобный Даниил сказал Андронику:

— Поди, приведи твою жену, и я дам вам в Фиваиду[3] письмо, чтобы ты свободно довел ее туда и поместил в женский монастырь Тавеннисиотов[4].

скими подвигами спасавшихся в ней иноков. От этой местности впоследствии и получили наименование скита иноческие пустынные обители, в которых ревностнейшие иноки селились для строжайшего уединения и ненарушимого безмолвия — ради пребывания в Боге Едином.

[1] *Лавра* — с греческого, часть города, переулок — собственно ряд келий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келии, собираясь вместе для Богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

[2] Память преподобного Даниила Скитского совершается Церковью в Субботу сырную.

[3] *Фиваида* — область знаменитого в древности египетского города Фивы; этим же именем назывался, по имени главного города, и вообще весь Верхний (Южный) Египет.

[4] Среди других обителей здесь славился строгим подвижничеством и женский Тавеннисиотский монастырь.

Возвратившись к Афанасии, Андроник ночью привел ее к святому старцу Даниилу. Старец Даниил стал беседовать с ними о путях спасения и оказал им большую пользу душевную. Вручив затем им письмо, старец благословил их и отпустил в монастырь Тавеннисиотский.

Придя в обитель, блаженный Андроник поместил святую свою супругу Афанасию в женский монастырь. Восприяв здесь образ ангельский, Афанасия стала проводить и образ жизни равноангельской. Сам же он возвратился к преподобному начальнику лавры Даниилу, который постриг его в чин иноческий и, наставив в добродетельной жизни, назначил ему отдельную келию, чтобы Андроник, проживая в ней один, подвизался в безмолвии.

И вот блаженный Андроник, досточестно подвизаясь, пребывал в подвигах безмолвия в течение двенадцати лет. После этого он упросил отца Даниила отпустить его в Иерусалим поклониться святым местам. Сотворив молитву, преподобный Даниил с благословением отпустил его.

Проходя области Египта, Андроник однажды присел для небольшого отдыха под можжевеловыми кустами. И вот, по Божественному устроению, он увидел свою жену, блаженную Афанасию, шедшую в мужском одеянии. Они приветствовали друг друга. Афанасия узнала своего мужа Андроника, но он не узнал ее. Да и как возможно было узнать Афанасию, когда лицо ее от воздержания исхудало и она почернела как ефиоплянка? К тому же Афанасия изменила свой вид и была в мужском одеянии. Она спросила Андроника:

— Не ты ли ученик отца Даниила, по имени Андроник?

— Да, я, — отвечал Андроник.

Затем она снова спросила его:

— Авва Андроник! Куда ты идешь?

— Иду поклониться святым местам, — отвечал Андроник. — А ты, — спросил он в свою очередь Афанасию, — куда идешь и как тебя зовут?

Она ответила:

— И я иду к святым местам, а зовут меня Афанасий (она так изменила свое имя и вместо Афанасии стала именоваться Афанасием).

— Пойдем вместе, — сказал Андроник.

Афанасия отвечала:

— Если желаешь идти вместе со мной, то *положи охрану устам твоим* (Пс. 140, 3), так, чтобы нам идти в молчании.

Андроник сказал:

— Хорошо, пусть будет так, как ты желаешь.

Афанасия продолжала:

— Пойдем, и да сопутствуют нам молитвы святого твоего старца.

Когда Андроник и Афанасия достигли Иерусалима, то обошли здесь все святые места для поклонения. После этого они пошли в Александрию поклониться мощам святого мученика Мины. Здесь, после молитвы Афанасия, сказала Андронику:

— Отче, желаешь ли ты, чтобы мы стали пребывать оба в одной келии?

Андроник ответил:

— Останемся, но я прежде спрошу старца: позволит ли он нам пребывать в одной келии.

Афанасия продолжала:

— Пойди спроси, а я буду дожидаться тебя в скиту, который именуется Октодекатским[1], и если старец позволит, то приди за мной и мы будем проживать в келии в безмолвии, подобно тому, как мы и странствовали в молчании, а если ты не в силах пребывать в молчании, то не возвращайся за мной, так как я не желаю жить без подвига безмолвия, даже и в том случае, если повелит то преподобный отец.

Андроник, придя к авве Даниилу, рассказал ему все о своем спутнике Афанасии.

Тогда Даниил сказал Андронику:

— Возвратись же, возлюби молчание и оставайся с Афанасием, потому что он — совершенный инок.

После этого Андроник, взяв с собой Афанасию, увел ее в свою келию, где она прожила в страхе Божием и безмолвии еще других двенадцать лет. Несмотря на это, Андроник не узнал своей жены, потому что последняя усердно молилась Богу о том, чтобы не быть

[1] Монастыри Скитской пустыни различались по номерам, соответственно расстоянию своему от Александрии («Октодекатский» — восемнадцатый).

ей узнанной мужем своим. Авва Даниил часто приходил к ним и поучал их. Один раз, когда после пребывания у них и беседы о многих душеполезных предметах Даниил возвращался в свою келию, — прежде чем он успел дойти до нее, его догнал блаженный Андроник, со словами:

— Отец Даниил, Афанасий отходит ко Господу!

Старец, возвратившись, застал Афанасию в сильном жару.

При виде старца, Афанасия стала плакать, а старец говорил ей:

— Тебе следует радоваться, а не плакать: ведь ты идешь в сретение Господа.

Афанасия отвечала:

— Я плачу не о себе, но об Андронике. Но, отче, окажи любовь твою мне: после моей кончины ты найдешь у меня в изголовье письмо, прочитай его и потом отдай Андронику.

Затем, после молитвы, Афанасия причастилась Божественных Таин и отошла ко Господу. Братия пришли хоронить тело и увидели, что то была женщина. Авва Даниил, найдя в изголовье постели Афанасия письмо, прочитал его и передал Андронику. Тогда последний узнал, что Афанасия была жена его.

После этого все прославили Бога. Слух об этом распространился по всем лаврам, и авва Даниил, разослав иноков, призвал всех Египетских отцов и тех, кто подвизались во внутренней пустыне. Собрались обитатели всех Александрийских лавр и скитяне, носящие белые одежды (у тех скитян был обычай — ходить в белых одеждах), и с честью похоронили святое тело блаженной Афанасии, прославляя Бога, даровавшего ей таковое терпение.

После погребения Афанасии старец Даниил прожил с Андроником семь дней, и в этот последний день, помянув преставившуюся, Даниил пожелал взять Андроника в свою келию. Между тем Андроник упрашивал старца, говоря:

— Отче, оставь меня здесь, чтобы мне быть похороненным с госпожой моей Афанасией.

Оставив его, старец удалился; но еще не успел он достигнуть до келии, как вновь нагнал его другой инок, говоря:

— Отец Андроник отходит ко Господу.

Старец немедленно снова послал за ушедшими отцами и сказал им:

— Вернитесь со мной к отцу Андронику.

Те, возвратившись, застали Андроника еще живым и получили от него благословение. Когда Андроник в мире скончался[1], между скитянами Октодекатского монастыря и другого, иноки которого носили белые одежды, произошел большой спор.

Последние говорили:

— Покойный — наш брат, и мы хотим его взять в наш скит, чтобы нам помогали его молитвы.

Точно так же и отцы скита Октодекатского говорили:

— Этот брат — наш, и поэтому пусть он будет положен с блаженной сестрой его Афанасией.

Тогда скитники другого монастыря сказали:

— Как укажет архимандрит Октодекатского скита, так мы и поступим.

Старец повелел похоронить Андроника с Афанасией.

Между тем — скитяне белоризцы не желали послушаться его, потому что их было большинство, и они говорили:

— Старец выше страстей, и больше не боится брани (духовной), а мы, будучи юнейшими, хотим иметь у себя нашего блаженного Андроника, чтобы он помогал нам своими молитвами: довольно того, что мы оставили вам Афанасию!

После этого скитяне едва успокоились и похоронили преподобного Андроника вместе с блаженной Афанасией, восхваляя Бога, дивного во святых Своих. Слава Ему во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО
АВРААМА

После смешения Богом языков во время столпотворения Вавилонского[2], люди, рассеявшись по земле и разделившись на

[1] В первой половине V века.

[2] Событие это отождествляют со временем рождения у патриарха Евера сына Фалека, получившего в память этого события свое имя (Фалек — с еврейского — значит: рассечение, разделение); то есть приблизительно почти за две тысячи шестьсот лет до Рождества Христова.

многие народы, забыли истинного Бога и стали поклоняться идолам, ими же самими сделанным, животным, солнцу и луне и другим явлениям природы. Тогда, для обновления Ветхозаветной Церкви и для сохранения в ней истинного Богопознания, Господь избрал одного благочестивого мужа, по имени Авраама.

Авраам первоначально назывался Аврамом и был младшим сыном Фарры[1], который имел, кроме того, еще двух сыновей: Аррана и Нахора; первый из них умер в молодости, оставив после себя сына Лота, которого Аврам и взял себе на воспитание. Фарра жил с своими сыновьями в Уре Халдейском[2]; но Господь благоволил отделить благочестивого Аврама, избранника Своего, из развращенной среды идолопоклонников. И вот Аврам получил от Бога повеление:

— Выйди из земли твоей, от родства твоего и из дому отца твоего, и иди в землю, которую Я укажу тебе. Я произведу от тебя великий народ, благословлю тебя и возвеличу имя твое, и ты будешь виновником и образцом благословения для многих. Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну, и благословятся в тебе все племена земные[3].

Аврам с верой и покорностью принял повеление Божие и вышел из Ура Халдейского с женой своей Сарой, отцом своим Фаррой и племянником Лотом. Остановившись на время в Харра-

[1] *Фарра* — десятый патриарх, от Ноя. Авраам родился почти за две тысячи лет до Рождества Христова.

[2] *Ур Халдейский* — один из царственных городов Халдеи, в Месопотамии, невдалеке от устья Евфрата; он был главным складочным местом торговли. Теперь имя Ура дают развалинам, находящимся к западу от русла Евфрата (в шести милях), на высоте соединения его с Хатч-ель-Хие (рукав Тигра, впадающий в Евфрат).

[3] Это Божественное обетование имеет Мессианское значение, как то ясно показывает святой апостол Павел, ссылаясь на эти слова Божии к Аврааму. *Познайте же*, — пишет он, — *что верующие суть сыны Авраама, и Писание, провидя, что Бог верой оправдывает язычников, предвозвестил Аврааму, что в нем благословятся все народы. И так верующие благословятся с верным Авраамом* (Гал. 3, 7–9).

не[1], где отец его умер[2], он продолжал потом путь свой один с семейством своим и Лотом. Прибыв в землю Ханаанскую, он прошел ее до Сихема, до дубравы Море[3]. Здесь явился ему Господь и обещал эту землю отдать потомству его. В память этого Богоявления и в благодарность Богу за обетование, Аврам соорудил на том месте жертвенник. После этого Аврам прошел всю ту землю в длину, по направлению к югу, создав между Вефилем и Гаем другой жертвенник Господу[4].

Аврам вместе с своим семейством и Лотом поселился в долине Сихемской. Оба они сначала жили вместе и были богаты скотом, серебром и золотом; но потом, во избежание раздора между их домашними и слугами, Аврам отпустил от себя Лота, предоставив ему выбор земли. Лот избрал себе цветущую равнину, орошаемую водами Иордана[5].

---

[1] *Харран* — город в северо-западной части Месопотамии, между Хавором (приток Евфрата) и Евфратом, на широкой, окруженной горами равнине, к юго-востоку от Едессы; в древности был важным торговым пунктом на большой торговой дороге между Средиземным морем и Востоком. Ныне — это незначительный и небольшой городок Месопотамии.

[2] Некоторые учители Церкви смерть Фарры в Харране объясняют премудрым устроением промысла Божия; ибо Богу не угодно было, чтобы виновный в идолослужении Фарра внес заразу суеверия в отделяемое от него поколение. Поэтому-то Писание так точно и отмечает это событие.

[3] Под *землею Ханаанской* в теснейшем и собственном смысле разумеется земля по эту сторону Иордана, Финикия (северная часть Ханаана) и земля Филистимская; в новейшее время под землей Ханаанской часто разумеют всю Палестину, всю землю Обетованную, которую заняли потом израильтяне, по обе стороны Иордана. *Сихем* — древний город земли Ханаанской, в Самарии, на горе Ефремовой, в 18 часах пути от Иерусалима; Авраам прошел землю Ханаанскую собственно не до Сихема, которого тогда еще не было, а до места, где после построен был Сихем. *Море* — дубрава близ Сихема.

[4] *Вефиль* — древнейший город ханаанский, при Аврааме называвшийся — Луз, к северу от Иерусалима в гористой местности колена Ефремова, при горе, получившей от города имя Вефильской; место это необыкновенно дико и в настоящее время представляет собой не иное что, как пастушеское кочевье на грудах развалин. *Гай* — древний город ханаанский, в северной части колена Вениаминова, на восток от Вефиля.

[5] *Долина Иорданская*, которую выбрал себе для жительства Лот и в которой находилось русло Иордана, была довольно широка; Мертвого моря, как предполагает большинство ученых исследователей, тогда еще не существовало, а Иордан разливался несколькими рукавами и, вероятно, достигал посредством долины до залива Аравийского, или Красного моря.

После того как Лот отделился от Аврама, Бог явился избраннику Своему и сказал:

— Возведи очи свои, и с этого места, на котором ты теперь находишься, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу: всю землю, которую ты видишь с горы, дам Я тебе и потомству твоему навеки[1]. И дам тебе потомство, как песок земной. Встань, пройди по земле этой в долготу и ширину ее: ибо Я тебе дам ее и потомству твоему навеки.

Послушный повелению Божию, Аврам двинулся к югу и поселился у дубравы Мамре[2], создав там жертвенник Господу.

Между тем на равнине Иорданской, которую выбрал для своего жилища Лот, было пять городов[3], управляемых особыми царями, но уже двенадцать лет находившихся в порабощении у царя Еламского[4]. На тринадцатый год они возмутились против царя, но были побеждены им, причем многие жители той страны, и в том числе Лот, были взяты в плен. Узнав об этом, Аврам вооружил рабов своих, разбил неприятелей, освободил Лота и всех пленных и отнял всю добычу, унесенную неприятелем, которую и возвратил царям по принадлежности. Когда Аврам возвращался с победой, навстречу ему вышли цари. Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога Всевышнего[5], вынес хлеб и вино и благословил Аврама, говоря:

---

[1] Исполнение Божия обетования относится к потомству Аврама не по плоти только, но и по вере, и потому обетование это названо вечным. Исполнение всех этих обетований — во Христе, Который Кровью Своей соделал эту землю священной и приобрел для всех верующих, соделав ее отчизной души христианина. Вот почему, независимо от неисчислимых остатков избранного и потом рассеянного по всему земному шару народа, Аврам по вере имеет еще другое потомство, для которого Палестина есть земля спасения, поистине — земля обетования.

[2] *Мамре* — собственно имя аммореянина, союзника Авраамова (Быт. 14, 24). Дубрава Мамре была расположена при Хевроне, древнейшем городе ханаанском, находящемся на дороге к Иерусалиму, в плодородной и красивой местности.

[3] На цветущей долине Иорданской, где поселился Лот, находились пять следующих городов: Содом, Гоморра, Адама, Севоим и Бела (иначе — Валака).

[4] *Еламиты* — народ, происходящий от Елама, первенца Симова. Страна их лежала по соседству с землей Ханаанской, в Месопотамии.

[5] *Мелхиседек*, вероятно, происходил из Ханаанского народа — Аморреев, живших тогда в Палестине, ибо у них был и царем, и священником; в то время между Ханаанскими племенами могло еще сохраняться благочестие, и мера грехов Аморрейских тогда еще не исполнилась. Под Салимом разумеют то же, что потом

— Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли. И благословен Бог Всевышний, предавший врагов твоих в руки твои.

Аврам поднес Мелхиседеку десятую часть всей военной добычи; сам же, когда царь Содомский предлагал ему удержать за собой имущество, возвращенное от неприятелей, отказался взять что-либо.

После этого Аврам сделался весьма известным в земле Ханаанской. Его успехи возбудили зависть и опасение в ее обитателях. Тогда Господь ночью в видении сказал Авраму:

— Не бойся, Аврам, Я — твой щит; тебе готовится величайшая награда.

Аврам сказал:

— Господи! Чем Тебе наградить меня? Детей у меня нет: Ты не дал мне их. За домом моим смотрит Елиезер из Дамаска: он и будет моим наследником.

— Не он, — сказал Господь, — а твой родной сын будет твоим наследником.

После этого Господь вывел Аврама на двор и сказал:

— Посмотри на небо и сочти звезды, если только можешь: столько и у тебя будет потомков[1].

Иевусс и после Иерусалим (см.: Пс. 75, 3). Своим наименованием священника Бога Всевышнего Мелхиседек отличается не только от чтителей ложных богов, но и от прочих царей, и даже от Авраама, и потому в нем нельзя было не видеть особенного, прославленного по всей Палестине служителя истинного Бога. Священное Писание скрыло подробности о нем и его роде, давая видеть в нем прообраз Христа Спасителя. Еще в Ветхом Завете царь и пророк Давид в необычайном священстве Мелхиседека видел прообраз священства Мессии, когда говорил о Сыне Божием: ты иерей во век по чину (то есть подобию) Мелхиседекову (см.: Пс. 109, 4); особенно же ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мелхиседека у апостола Павла в послании к Евреям (гл. 7). Мелхиседек, по значению имени, есть царь правды; по званию — царь Салима, то есть царь мира, и вместе священник Бога Всевышнего; он представляется без отца, без матери, без рода; его священство вечное; ибо не видим ни его предшественников, ни его преемников; его благословение — высшее, ибо от имени Всевышнего низводит он благословение на отца верующих, и сам Авраам высоко оценил и благоговейно принял это благословение, как низший от высшего. Все эти высокие черты и преимущество соединяются только в Сыне Божием, Иисусе Христе.

[1] Это обетование Божие Аврааму нельзя ограничивать лишь буквальным пониманием в смысле происхождения от Авраама многочисленного еврейского народа. Обетование это имеет Мессианское значение и стоит в неразрывной связи с другими обетованиями Божиими Аврааму.

Аврам поверил обетованию, и эта вера вменилась ему в праведность[1] и послужила основанием праведной и Богоугодной жизни.

В наступивший после этого день Аврам, по повелению Божию, рассек пополам трехлетних телицу, козу и овна и положил одну часть против другой; к ним присоединены были горлица и молодой голубь[2]. Аврам стерег трупы от хищных птиц[3]. При захождении солнца, на него нашел сон и объял его ужас и густой мрак. Тогда Господь приблизился к нему и сказал:

— Знай, что потомки твои в продолжение четырехсот лет будут пришельцами в земле чужой и будут в порабощении и в угнетении[4].

---

[1] *Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность*, — говорит апостол (Рим. 4, 3) и доказывает, что Авраам обязан своим оправданием одной только своей вере (слово правда, праведность здесь разумеется и в смысле оправдания). Авраам поверил Богу, то есть уверовал в Его истинность, святость, мудрость, могущество и вечность, когда с верой принял, несмотря на свой столетний возраст, обетование Божие о рождении от него сына, — и эта вера Авраама была зачтена ему за то, чем она не может быть по своему существу — именно за праведность. Праведность обозначает здесь совершенное послушание воле Божией, которого Авраам в то время еще не достиг; тогда Бог принял в счет его веру, как имеющую одинаковую цену с послушанием. — Митрополит Филарет делает замечание, что вменение в праведность веры Авраама произошло после медленного постепенного откровения. «Вера, — говорит он, — была следствием и концом таинственного руководительства Божия: она же была началом и основанием Божия благоволения».

[2] Это было видимым знаком Завета Божия с Авраамом или договора в том, что Бог действительно исполнит Свое обетование о потомстве Авраама и наследии им всей земле Ханаанской. У древних вступающие в союз лица, обыкновенно, проходили между рассеченными половинами животных, в знак того, что как эти части составляли прежде одно живое существо, так и они с этих пор будут составлять одну душу, одну жизнь, будут водиться одним духом и составлять одно общество. — Животные указаны здесь те, которые издавна по обычаю употреблялись при жертвоприношениях, ибо Авраам здесь совершает настоящее жертвоприношение, и именно такое, которое было употребляемо при совершении торжественных договоров.

[3] Хищные птицы многими принимаются здесь за пророческое изображение неприятелей потомства Аврама: они изображают собой все идолопоклоннические племена, которые старались или истребить народ Израильский, или же помешать исполнению завета, увлекая его в идолопоклонство.

[4] Имеется в виду порабощение евреев в Египте. Круглое число 400 лет поставлено вместо 405, потому что столько прошло лет от рождения Исаака до исхода евреев из Египта. Исаак, как первый странник и пришелец из потомства

Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении, и после того они выйдут сюда с большим имуществом. А ты отойдешь к отцам своим в мире и будешь погребен в старости доброй. Возвратятся же сюда потомки твои не прежде, как сменятся у них четыре поколения[1], ибо мера беззаконий аморреев еще не наполнилась[2].

Когда зашло солнце и наступила тьма, между рассеченными животными прошли дым, как бы из печи, и пламя огня[3]. И в этот день таким образом Господь заключил завет Свой с Аврамом, сказав:

— Потомству твоему даю Я землю эту от реки Египетской до реки Евфрата[4].

Прошло уже много лет с того времени, как Аврам переселился в землю Ханаанскую. После откровения, бывшего ему в Уре Халдейском, Бог еще три раза повторял ему обетование о многочисленном потомстве, которое должно было произойти от него; но Сара, жена

Аврама, родился в 1901 году до Рождества Христова, а евреи вышли из Египта в 1496 году.

[1] Если считать примерно, то сменившиеся четыре рода или поколения могут представлять собой Левий, сын Иакова, Кааф, Амрам и Моисей, в пределах двухсот шестидесяти восьми лет.

[2] *Аморреи* — народ Ханаанский — от Аморрея, сына Ханаана, сына Хамова, — постоянные, упорные враги евреев; прежде жили на западной стороне Мертвого моря, но потом распространились и по другим местам — по восточной стороне Мертвого моря и Иордана; они занимали преимущественно средину земли Ханаанской и представляли собой несколько сильных царств. — Под наполнением меры беззакония разумеется в Писании окончательное духовное разложение и смерть обществ и народов, оставление их Богом, суд над ними и их разрушение.

[3] Аврам не проходил между рассеченными животными; проходил только видимый образ Господа, то есть это был договор милости, благодеяние обещанное и подтвержденное осязательно обрядом договора. Дым и пламя — два символа, изображавшие потомство Авраамово, среди искушений и тягостей рабства, и Самого Господа, откровение и обетование Которого есть свет и отрада во мраке скорби. Таким образом, дым означал страдания Израиля, пламя — избавление.

[4] Река египетская, то есть *Нил. Евфрат* — большая река Месопотамии, вытекающая из гор Армении и впадающая в Персидский залив. Обозначенная здесь страна была бы вся достоянием Израиля, если бы он оставался верным завету с Богом. Но и несмотря на то, что упадок народа препятствовал исполнению предначертанного, все страны, заключавшиеся между восточными устьями Нила и Евфратом, были временно во владении потомства Аврама.

его, не рождала, а между тем оба они были уже преклонных лет. Бездетство было для Аврама великим испытанием[1].

Тогда Сара, думая, что препятствие к исполнению обетования Божия заключается в ней, предложила Авраму взять еще в супружество служанку свою, египтянку Агарь, которая и родила ему сына Измаила[2].

Когда Авраму исполнилось уже девяносто девять лет, Господь явился ему и сказал:

— Я — Бог Всемогущий; ходи пред Лицом Моим, и будь непорочен: и Я поставлю завет Мой с тобой и дам тебе многочисленнейшее потомство.

Аврам в чувстве благоговения и преданности пал на лицо свое.

Бог сказал ему:

— Теперь ты не будешь называться Аврамом, но да будет тебе имя: *Авраам*[3]; ибо Я сделаю тебя отцом множества народов. И народы и цари произойдут от тебя; и Я поставлю вечный завет Мой с тобой и потомками твоими[4] в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя, и дам вам всю землю Ханаанскую в вечное наследство[5]. Видимым же знаком завета между Мной и вами должно

---

[1] Бесплодие всегда считалось между евреями поношением, а плодородие означало особое благословение Божие. Поэтому-то Сара и предложила мужу свою служанку, чтобы скорее исполнилось обетование. Аврам же, по законам Востока, и не имея прямого указания от Господа, что именно от Сары он будет иметь сына, мог взять вторую жену, даже не прибегая к разводу с первой, хотя развод не только был допущен обычаем, но даже вошел в закон Моисеев.

[2] *Измаил* — с еврейского: — *услышанный Богом* — назван так потому, что Господь призрел на страдание Агари, когда она, беременная, бежала в пустыню от притеснений Сары, повелел ей вернуться и даровал ей сына.

[3] Наименование *Аврам* есть почетное название, означающее: «отец высоты», «высокий отец». *Авраам* же — имя, выражающее исполнение обетования, означающее: «отец множества», или «отец многих народов». Митрополит Филарет замечает, что переименование употреблялось на востоке царями, когда они возвышали кого-либо. Применительно к этому и здесь Бог, возвышая Авраама, переименовывает его.

[4] Вечный завет заключается в лице Авраама не только с плотским потомством его, с народом Израильским, но еще более с целым человечеством, разумея под этим именем восприявших верой обетование, и потому и назван заветом вечным в Мессианском смысле.

[5] Вечное наследие земли Ханаанской нужно понимать в таинственном, прообразовательном смысле, разумея Царство Божие и святую Церковь Христову.

быть то, чтобы у вас весь мужеский пол был обрезан. Восьми дней от рождения надобно обрезывать всякого младенца мужеского пола, не только из ваших детей, но и из рабов, купленных за серебро у иноплеменников. Необрезанный, как нарушитель завета Моего, лишается общения с своим народом[1]. Сару, жену твою, не называй *Сарой*, но да будет имя ей — *Сарра*[2]. Я благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее.

Авраам возрадовался и засмеялся, но в то же время с недоумением спрашивал про себя:

— Неужели от столетнего будут дети? И неужели Сарра в девяносто лет родит?

Но Господь повторил Свое обетование и предрек самое имя их будущему сыну — *Исаак*.

---

[1] Обрезание (крайней, сокровенной плоти) служило знамением завета между Богом и Авраамом и его потомством и было печатью, отделявшей ветхозаветных верующих от язычников. В высшем, таинственном, смысле обрезание служило прообразом христианского крещения. Такое значение обрезания изъясняет апостол Павел, когда обрезание Авраама называет печатию *правды веры* (Рим. 4, 11), а наше нерукотворенное обрезание называет *обрезанием Христовым* (Кол. 2, 11). В первом — обещание, во втором — исполнение, причем в последнем обрезуется внутренний человек, отрицающийся диавола и всех дел его; это — обрезание, которое, по слову апостола, совершается в сердце, по духу, а не по букве. Как чрез обрезание человек вступал в общество верующих, так чрез крещение человек вступает в общество верующих во Христа (см.: Ин. 3, 5; 1 Кор. 12, 13); и как обрезание имело свое великое значение, под условием верности Богу и точного исполнения Его заповедей, так и крещение спасает нас не омытием плотской нечистоты, но отложением грехов или, по апостолу, совлечением греховного тела плоти, испрошением доброй совести, воскресением Христовым (см.: 1 Пет. 3, 21; Еф. 5, 26–27; Флп. 3, 3, 9–11; Кол. 2, 11–13; Рим. 6, 2–14). И поскольку апостол поставляет нерукотворенное обрезание (крещение) в тесную связь с воскресением Спасителя, то уже в самом назначении Богом для ветхозаветного обрезания восьмидневного срока отцы Церкви видят прообразование — указание на день воскресения Христова, которое произошло по седьмом субботнем дне в восьмой, воскресный, предвозвестивший наше оправдание во Христе и отложение плотской скверны в крещении. Поэтому в первые века христианства крещение над младенцами часто совершалось в восьмой день по рождении.

[2] Первое имя *Сара* означает «господство», то есть госпожа, и представляет общий почетный титул. *Сарра* же означает «княгиню», или «высокую жену»; в самом имени этом заключается пророчество, высказанное далее, что от нее произойдут цари.

Вскоре после этого Господь опять явился Аврааму у дубравы Мамре — следующим образом. Однажды в полдень Авраам сидел у шатра своего. Подняв глаза свои, он увидел пред собой трех странников. Он тотчас же поспешил к ним навстречу и, поклонясь до земли, сказал первому из них:

— Государь мой! Если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. Позвольте принести немного воды и омыть ноги ваши[1]; потом отдохните под этим деревом[2]. А я принесу хлеба, чтобы подкрепиться вам на дорогу.

Странники[3] согласились на его просьбу. Тогда Авраам поспешил в шатер к Сарре и сказал ей, чтобы она замесила поскорее пшеничной муки и испекла пресные хлебы; потом побежал к стаду, выбрал нежного, хорошего теленка и велел своему рабу приготовить его. Когда приготовлены были и пресные хлебы, и теленок, Авраам взял еще сыру и молока и все это поставил пред гостями. Они стали есть, а Авраам в это время стоял под деревом, прислуживая им. Во время обеда странники спросили Авраама:

— Где Сарра, жена твоя?

— Она здесь, в шатре, — ответил Авраам.

Тогда один из них — это был Сам Господь — сказал:

— На следующий год, когда Я опять в это же время буду у тебя, у жены твоей Сарры будет сын.

Сарра стояла у входа в шатер. Услышав предсказание, она рассмеялась, подумав про себя:

---

[1] В древности путники носили только сандалии (деревянные или кожаные подошвы, прикреплявшиеся к ногам ремнями), и омовение ног после пути было первым делом гостеприимства, особенно на Востоке.

[2] Дуб Мамврийский, под сенью которого Авраам удостоился принять Самого Господа, по свидетельству блаженного Иеронима, существовал еще до времени императора Констанция (то есть приблизительно до половины IV века) и во все времена указывался благоговейным поклонникам святых мест. В настоящее время эта священная местность с уцелевшим на ней деревом принадлежит Русской Иерусалимской миссии.

[3] Одним из этих странников, во образе которых явились Аврааму Ангелы, был Сам Господь — Иегова, Который в этом месте книги Бытия (гл. 17, ст. 9 и далее) ясно отличается от прочих Ангелов. В явлении трех Ангелов некоторые видят явление великого таинства Святой Троицы, почему для изображения этого таинства нередко прибегают к изображению явления Аврааму трех странников.

— Мне ли в старости иметь это утешение? Да и господин мой стар.

Но Господь сказал Аврааму.

— Зачем рассмеялась Сарра? Разве есть что невозможное у Бога? В назначенный срок буду Я у тебя, и у Сарры будет сын.

Тогда Сарра пришла в страх. Она почувствовала, что находится пред высшей Божественной Силой, провидящей ее внутренние чувствования, и в смятении стала уверять, что она не смеялась. Но Господь обличил ее и еще раз повторил, что она смеялась. Таким образом, Он показал Себя Сердцеведцем, а Сарру научил быть внимательнее к собственным помыслам и быть более покорной Божественным обетованиям.

После этого, странники встали, и направились оттуда к Содому. Авраам же, по слову апостола, *сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов, по сказанному: «так [многочисленно] будет семя твое». И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное. Потому и вменилось ему в праведность* (Рим. 4, 18–22)[1]. Веруя в благодатное обетование об имеющем произойти от него многочисленном потомстве, Авраам, с живейшим чувством радости, благодарности и благоговения к своим Божественным посетителям, сопровождал их.

На пути Господь открыл Аврааму о Своем намерении погубить жителей Содома и Гоморры за их бесчисленные беззакония. Авраам стал умолять Бога пощадить нечестивые города, ради того, что в них найдется хотя пятьдесят праведников. Но такового числа их не нашлось в городах этих. После этого Господь обещал Аврааму, по молитве его, пощадить нечестивые города, если в них найдется хотя сорок, потом тридцать, двадцать и, наконец, хотя бы десять праведников. Но и такого числа праведных не нашлось в Содоме и Гоморре. Тогда участь нечестивых городов была решена. Однако же хода-

[1] О значении этой веры Авраамовой см. выше. *Праведность* — оправдание; *сверх надежды поверил с надеждою*, то есть не имея основания для надежды, все-таки уверовал, будучи возбуждаем надеждой, которая основывалась на том, чего глаз не видел и разум не понимал, — на Боге и Его обетовании.

тайство Авраама не осталось напрасным и совершенно бесплодным; ибо племянник его Лот был спасен от общей погибели.

Вечером два Ангела, посетившие Авраама, пришли в образе странников в Содом, когда Лот сидел у ворот города. Увидев странников, Лот, поклонившись им до земли, сказал:

— Государи мои! Зайдите в дом раба вашего и ночуйте и умойте ноги ваши, а поутру пойдете в путь свой.

Когда же странники стали отказываться, испытывая Лота, и отклонять его гостеприимство, он стал сильно упрашивать их, и они вошли в дом. Лот приготовил пресные хлебы и предложил им угощение, и они ели. Еще не легли они спать, как содомляне, с разных концов города, окружили дом Лота и стали требовать выдачи странников. Лот вышел успокоить их и уговорить, чтобы они не причиняли зла странникам, пользующимся его гостеприимством; но они оскорбляли его и грозили выломать двери. Тогда Ангелы, явившиеся под видом странников, поразили содомлян слепотой, а Лота ввели в дом и велели взять родственников своих и уходить из города, осужденного за беззакония на погибель; при этом Ангелы открылись Лоту, кто они, объявив прямо, что они посланы к нему Господом. Занималась уже заря, а Лот еще медлил. Тогда Ангелы, взяв за руки его, жену его и дочерей, вывели их вон. Один из Ангелов сказал Лоту:

— Спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся на равнине этой; спасайся на гору[1], чтобы тебе не погибнуть.

Но Лот сказал:

— Нет, Владыка! Вот раб Твой обрел благоволение пред очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сотворил со мной, спасая жизнь мою; но я не могу спасаться на гору, чтобы не застигло меня бедствие, и мне не умереть. Вот ближе город этот, он же и мал; благоволи мне бежать в него, чтобы сохранилась в нем жизнь моя.

Ангел отвечал:

---

[1] Под горой разумеются горы Моавитские. Сигор, в котором Лот нашел себе убежище от погибели, по еврейскому тексту Цоар — прежде Бела — был одним из пяти союзных городов, расположенных в долине Иордана, и был самым южным городом этой страны, на полпути к горам Моавитским.

— В угодность тебе я сделаю и это и не истреблю этого города; спасайся в него, но нимало не медли: потому что я не могу исполнить своего дела, пока ты не уйдешь туда.

Так велика милость Божия к праведным! Ради слабого волей, но чистого душой Лота, и ради родства его с избранником Божиим Авраамом, Господь не только дарует спасение городу, но и по милосердию Своему замедляет совершить правосудную кару Свою над нечестивыми городами, до тех пор, пока Лот успеет спастись.

Когда Лот достиг этого города, солнце уже зашло. Тогда Господь пролил с неба на Содом, Гоморру, Адаму и Севоим в виде дождя серу и огонь, и истребил эти города и всю эту равнину со всем их населением, — и вся страна та обратилась в соленое озеро[1].

Жена Лотова не исполнила повеления Ангела: на пути из Содома она оглянулась назад; но тотчас же обратилась в соляной столп. Сам же Лот, страшась остаться в Сигоре, удалился в гору с двумя дочерями своими и стал жить там в пещере.

Между тем Бог посетил, наконец, Сарру Своей милостью. Когда Аврааму исполнилось сто лет, она родила ему сына, которому он, согласно предвещанию о том Самого Бога, нарек имя *Исаак*. На восьмой день Авраам обрезал его, как заповедал ему Бог. И девятидесятилетняя Сарра говорила:

— Смех радости[2] сотворил мне Бог; кто ни услышит обо мне, об-

---

[1] *Соленое*, или *Мертвое*, море находится в южном конце долины Иорданской, окруженной острыми, голыми скалами. Соленым оно называется потому, что заключает в себе много соли; кроме того, здесь множество асфальта или горной смолы, которая и сегодня, поднимаясь со дна озера, всплывает на поверхность и производит испарения в воздухе. Мертвым это море называется потому, что никакое животное не может существовать в водах его. Даже берега его, покрытые соляными кристаллами, представляют зрелище совершенного отсутствия жизни; самые пни, пропитанные соляным щелоком, делаются окаменелыми. Таким образом, Мертвое море служит разительным памятником Божеского проклятия и наказания на нечестивые города. Мертвое море имеет продолговатый вид и от севера к югу простирается на двадцать часов пути; глубина его в северной части достигает 1,318 фута, или около 190 сажен, южная же часть очень мелка.

[2] *Исаак* с еврейского значит: смех. Исаак назван так потому, что Сарра, мать его, смеялась, слыша обетование о его рождении; но он назван так еще и потому, что в нем заключается таинственное прообразование явления дня Христова, о котором Сам Спаситель сказал: *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался* (Ин. 8, 56).

радуется. Кто бы мог сказать Аврааму: «Сарра будет кормить детей грудью?» Ибо в старости его я родила сына.

Когда дитя выросло и было отнято от груди, Авраам устроил по этому случаю большой пир. Сарра, увидев, что Измаил, которого родила Аврааму Агарь египтянка, насмехается над ее сыном Исааком, сказала Аврааму:

— Прогони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни этой с сыном моим Исааком.

Аврааму было прискорбно слышать эти слова; он, как отец, любил и жалел Измаила. Но Бог сказал ему:

— Не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что ни скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее; ибо в Исааке наречется тебе семя. Впрочем, и от сына рабыни Я произведу народ, потому что и он — семя твое[1].

Тогда Авраам с полной преданностью воле Божией отпустил Агарь с сыном ее Измаилом. Странствуя, они заблудились в пустыне и уже умирали от жажды, но Бог чудесно спас их и утешил скорбящую мать обетованием произвести от ее сына великий народ[2].

---

[1] Как подробно излагает это апостол Павел в послании к Галатам, Агарь и Сарра служат прообразами двух Заветов: Ветхого и Нового, равно как Измаил и Исаак — членов Церкви Ветхозаветной и Новозаветной (см.: Гал. 4, 22–31). Агарь — рабыня — образ Церкви Ветхозаветной, подзаконной, имевшей рабский характер. Таким образом, Измаил, сын рабы и Авраама *по плоти*, предызображал иудеев, считавшихся до Христа единственными обладателями Божественных обетований. Сарра предызображала собой Новый Завет, равно как Исаак — христиан, свободных чад Нового Завета, сынов обетования, как и Исаак, а не плотского происхождения; ибо в таинстве крещения, вступая в Церковь Христову, мы рождаемся не по естеству, а по обетованно Божию. И как Агарь с Измаилом были изгнаны Авраамом, так и синагога еврейская, с явлением Нового Завета, отвержена, и рабское иго закона удалено от чад свободной Церкви Христовой; наследие благодати и всех обетований о вечной жизни во Христе получат сыны свободы христианской и лишены иудеи, сыны рабства, которые хотели присвоить оное исключительно себе. Как Сарра была прежде неплодной и потом родила сына обетования, так и Церковь Новозаветная, до Христа неплодная, породит, согласно словам пророка (см.: Ис. 54, 1), более сынов, нежели имущая мужа, то есть синагога иудейская; ибо обетование Божие распространяется на все народы и, по силе благодати, все приемлются в Новозаветную Церковь Христову.

[2] Действительно, от Измаила произошло многочисленное потомство. Двенадцать сыновей его были родоначальниками двенадцати племен Аравийских, которые сегодня остаются кочующими, сохраняя независимость и дикий характер

В то время Авраам пользовался огромным влиянием и уважением посреди соседних царей и владетелей Ханаана. Высшее покровительство и особенное благословение Божие на Аврааме так было ясно для всех, что Авимелех, царь Герарский, искал с ним союза. Но Авраам и после этого жил по-прежнему как странник, нигде не имея постоянного для себя жилища.

Вся жизнь Авраама протекала среди многоразличных испытаний, представляя собой образец терпения, твердой и непоколебимой веры и упования на Бога и совершеннейшей преданности Его воле. Но вера его должна была быть еще тверже, после всех милостей Господа к нему. И вот, после многих лет его жизни, Господь посылает ему последнее испытание, превосходящее силы обыкновенного человека. Испытывая веру Авраама, Бог воззвал к нему и сказал:

— Возьми сына твоего единственного, которого ты любишь, Исаака, пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, которую Я укажу тебе.

Несмотря на всю необычайность такого повеления и на свою великую родительскую любовь к Исааку, Авраам нимало не усомнился, что оно — от Бога и что его должно исполнить без всякого прекословия. Преданность его Богу была столь велика, что он не пожалел принести в жертву Ему своего единственного возлюбленного сына. В то же самое время он верил, что Исаак, который теперь должен был умереть бездетным, согласно с прежде данными обетованиями будет родоначальником народа и предком обетованного Избавителя. Он думал, как говорит апостол, что Бог силен и из мертвых воскресить ему сына обетования (см.: Евр. 11, 19). И вот, не открывая никому своего намерения, Авраам рано утром оседлал осла, взял с собой Исаака и двух слуг, наколол дров для всесожжения и отправился в нагорную страну иевусеев, на место, о котором сказал ему Господь[1].

своего родоначальника. Живя в Аравии, они смешались потом с другими кочевыми народами под общим именем арабов или аравитян.

[1] *Иевусеи* — народ Хананский, ведущий начало свое от Иевусея, сына Хамова, — принадлежали к древнейшим обитателям земли Ханаанской. Страна их находилась в той же местности, где впоследствии был построен Иерусалим, на месте их города Иевуса на горе Сион. *Мориа* — с еврейского: место, указанное Богом; так называлась земля иевусеев и гора в ней, на которой Авраам, по указанию Божию, хотел принести Исаака в жертву Богу. Ефрем Сирин передает древнее предание, по которому принесение Исаака в жертву произошло на вершине той

На третий день, по особенному знамению от Бога, Авраам еще издалека увидел гору, назначенную для жертвоприношения. Тогда он повелел слугам своим остаться здесь с ослом и, взяв дрова для всесожжения, дал их нести Исааку, а сам взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе на гору.

И сказал Исаак Аврааму:

— Отец мой! Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?

Авраам отвечал:

— Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой.

И они пошли далее оба вместе.

Достигнув места, которое указал ему Бог, Авраам устроил там жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но в это время с неба раздался Божественный голос:

— Авраам! Авраам!

Авраам остановился, чтобы выслушать повеление Божие.

— Не поднимай руки своей на отрока, — продолжал Господь, — и не делай над ним ничего; ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего единственного для Меня.

Тогда Авраам, в чувстве глубокой радости и благодарности к Богу, возвел очи свои от земли и увидел позади себя овна, запутавшегося в чаще рогами. Тогда он развязал Исаака и, взяв овна, принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего[1].

же горы, на которой совершена была святейшая крестная жертва Христа — Сына Божия.

[1] Принесение Авраамом Исаака в жертву Богу, по учению Церкви, таинственно прообразовало собой крестную жертву Спасителя, Его смерть и воскресение. Как Авраам, предав себя всецело воле Божией, не пожалел своего сына единородного принести в жертву Богу, так и Бог *Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас* (Рим. 8, 32) на крестные страдания и смерть. Отцы и учителя Церкви видят прообразовательные Мессианские черты в самих подробностях жертвоприношения Исаака. Исаак исходит из дома отца своего к месту, назначенному для жертвоприношения: Христу надлежало выйти из Иерусалима и пострадать вне врат его (см.: Евр. 12, 11). Когда Исаак шел на заклание, вслед его шли осел и рабы его, так и Христос, когда имел идти на страдание, воссел на *жребя осле*, показуя призвание язычников; за ним следовали и ученики Его с ваиями. Но Исаак отделился от отроков своих, когда шел на гору для заколения: отторжен и Христос от учеников Своих, когда шел на Голгофу на смерть нас ради (Кирилл Александ-

После этого Господь снова воззвал к Аврааму с неба:

— Мною клянусь, что так как ты сделал это дело и не пожалел сына твоего единственного для Меня, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и песок на берегу моря, и овладеет семя твое городами врагов своих, и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего.

Получив это великое, благодатное обетование, Авраам и Исаак в страхе и радости спустились с горы и возвратились в Вирсаву[1], где жил тогда Авраам.

Спустя лет двенадцать после этого скончалась Сарра, жена Авраамова, и была погребена в пещере Махпеле[2] против Мамре, впоследствии — Хеврона земли Ханаанской.

рийский). В том, что на Исаака возложены дрова для жертвы и что он нес их на раменах своих до места жертвоприношения, отцы Церкви видят образ крестоношения Христова. Во всей истории жертвоприношения Исаака видна совершенная его покорность отцу своему; в истории страданий Иисуса Христа мы видим беспредельную покорность Его Отцу Своему, Которому Он был *послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 8). Исаак приносится в жертву, не совершив никакой вины: Христос страдает, терпит поношение, связывается, распинается — Безгрешный. «Исаак, — говорит святой Ефрем Сирин, — взошел на гору, подобно агнцу незлобивому, — и Спаситель взошел на Голгофу, да заколется ради нас, яко агнец. Видя там нож, разумей копие. Смотря на жертвенник, разумей лобное место. В связке дров — заметь крест. Видя огнь, объемли умом любовь и ревность». — Но Исаак заколается только намерением отца, как замечает Златоуст; вместо его приносится в жертву овен. Но здесь, перестав быть образом Христа страждущего, Исаак делается образом Христа воскресшего, а недостаток образа страдания восполняет овен, в котором отцы Церкви единогласно признают образ заколаемого Агнца — Христа, пострадавшего плотию (овен), но не страдавшего по Божеству (прообразованному Исааком). И как Исаака на третий день мать его Сарра увидела живым, так и Церковь на третий день после крестной смерти Спасителя видит Его воскресшим и невредимым. — Наконец, как после жертвоприношения Исаака Бог изливает обильное благословение на Авраама и все его потомство, так и жертва Христова низводит бесчисленные благословения на весь род человеческий.

[1] *Вирсава* — с еврейского: колодезь клятвенный — получила свое название от того, что в той местности (в южной оконечности Палестины на границе земли Филистимской) Авраам вырыл колодезь и здесь же заключил клятвенный союз с Авимелехом, царем Филистимским (см.: Быт. 21, 32). Здесь Авраам потом насадил рощу и долгое время обитал. Впоследствии здесь был построен город.

[2] Махпелу, против Мамре в Хевроне, Авраам купил у Ефрона хеттеянина для погребения там Сарры. Здесь потом погребены, кроме Сарры, и Авраам, и Исаак

Через три года, когда Исааку исполнилось сорок лет, а Аврааму было сто сорок лет, святой праведный праотец имел утешение женить сына своего на добродетельной Ревекке, внучке Нахора, брата Авраамова. Впоследствии Авраам и сам вступил в новое супружество с Хеттурой, от которой имел еще шесть сыновей. Авраам прожил сто семьдесят пять лет и потом с миром предал дух свой Господу Богу, Которому так верно служил и благоугодил в жизни своей, будучи сосудом и образцом веры в истинного Бога, сохранившим ее для потомства из рода в род. За высокие качества и достоинства Авраама Господь возлюбил его, почему и называет Себя его Богом по преимуществу (см.: Быт. 17, 7; 26, 24; 28, 13), а Священное Писание называет его *другом Божиим* (2 Пар. 20, 7; Ис. 4, 8; Иак. 2, 29). Ветхозаветные потомки его и даже святые пред Богом, Моисей и Давид, призывали Авраама в ходатаи пред Богом. От этого родоначальника народа иудейского, в потомстве которого сохранялась истинная вера на земле, произошел Сам Христос по плоти, и все истинно верующие во Христа называются сынами Авраама (см.: Рим. 6, 7–8; Гал. 3, 7, 26–29). И в будущей участи нашей за гробом — только с верным Авраамом можно надеяться получить наследие вечной жизни и спасения. Сам Господь в Своей притче о богатом и Лазаре указывает на Авраама, как на обитателя блаженного жилища в Царствии небесном (см.: Мф. 8, 11; Лк. 16, 22; Гал. 3, 9, 29), которого да сподобит Христос и всех нас молитвами святого праведного Авраама, праотца Своего по плоти. Аминь.

с Ревеккой, и сын их Иаков с женой Лией. Впоследствии в этой пещере воздвигнут памятник, составляющий главную достопримечательность Хеврона и обращающий на себя внимание всех путешественников.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПЕТРА

Святой Петр, в миру Леонтий, жил в царствование императора Феофила[1], и происходил из Галатии[2], от родителей Феофила и Евдокии. Он отличался прекрасной и величественной наружностью и большой телесной силой, за что и выбран был в царские комиты[3] и удостоен от императора различных воинских почестей. Но недолго пробыл Леонтий на службе. Оставив все, он устремился к иноческому житию и принял пострижение, с именем Петра, в одном монастыре, называвшемся Дафнеон[4]. Затем он отправился в Ольвию[5], обошел различные святые места[6], был в Лаодикии и Атталии[7], мужественно перенося трудности путешествия и опасности со стороны магометан, и потом опять возвратился в Ольвию. Конец жизни он провел, уже в царствование Василия Македонянина[8], в обители святого Фоки[9], в которой после многих иноческих подвигов с миром предал дух свой.

---

[1] *Феофил* — Византийский император с 829 по 832 год, известный иконоборец.

[2] *Галатия* — небольшая гористая провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией.

[3] *Комитами* назывались первоначально спутники высшей чиновной особы в провинции, а позднее спутники императоров, составлявшие их приближеннейшую свиту. Со времен Константина Великого это наименование стало титулом всех придворных и государственных чинов, хотя бы они и не принадлежали к императорской свите.

[4] Монастырь этот находился около Антиохии Сирийской и получил свое наименование от предместья города Дафны, где был расположен.

[5] *Ольвия* — ныне *Астак* — город в северо-западной области Вифинии.

[6] Здесь разумеются главным образом места Палестины, освященные жизнью, учением, страданиями и крестной смертью Спасителя.

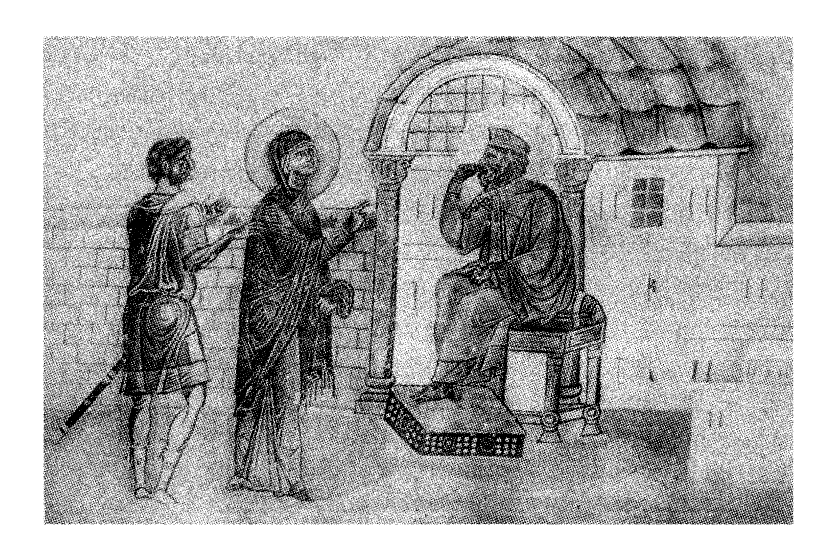
[7] Под *Лаодикией* здесь, вероятно, разумеется главный, некогда цветущий город Фригии, при реке Ликусе. *Атталия* — ныне *Адалия* — прибрежный город Памфилии.

[8] *Василий Македонянин* — Византийский император с 867 по 886 год.

[9] *Монастырь святого священномученика Фоки* находился в Константинополе.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ
ПОПЛИИ

Святая Поплия была в царствование Юлиана диаконисой Антиохийской Церкви, славилась своей добродетельной жизнью. В молодости своей она недолгое время пребывала в браке и имела сына Иоанна, который впоследствии был благочестивым пресвитером. По смерти мужа она собрала у себя лик девственниц[1], с которыми славословила Господа. Однажды она с этими девственницами пела утреню; между прочим, они громогласно воспели псалом:



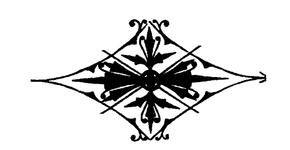
Идолы язычников — серебро и золото, дело рук человеческих: есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них... (Пс. 134, 15–18). Случайно в то время

---

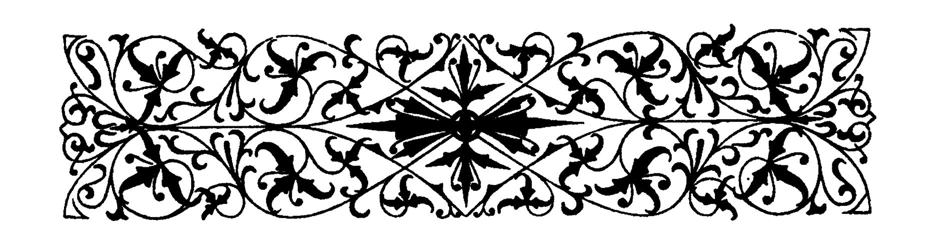
[1] В древней Церкви, еще до появления женских иноческих обителей и в первое время их существования, был особый класс дев, посвящавших себя всецело служению Богу и дававших обет девства. Такие лица назывались девственницами, и они пользовались в Церкви большим уважением и считались ее украшением. Они собирались для подвигов безмолвия, богомыслия и молитвы в частных домах под руководством опытных в духовной жизни стариц — наставниц. Весьма часто Церковь поручала их руководству и надзору наиболее уважаемых из диаконис.

мимо проходил прибывший в Антиохию император, и, услышав это пение, приказал замолчать. Но Поплия начала петь еще громче. Тогда разгневанный император велел привести к себе начальницу хора и приказал каждому из сопровождавших его воинов бить ее по лицу. Святая в это время бестрепетно обличала Юлиана в безбожии и говорила, что считает истину Божию выше всего. Наконец она была отпущена в свой дом, где по-прежнему продолжала воспевать Бога вместе с своими девственницами. Вскоре после этого она с миром предала дух свой Господу[1].

В тот же **день память святых мучеников Еввентия и Максима воинов**. О них см. 5 сентября, где Еввентий иначе называется **Иувентином**.



[1] Скончалась в начале второй половины IV века.



День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЕВЛАМПИЯ и ЕВЛАМПИИ

В царствование Максимиана было воздвигнуто сильное гонение на христиан; многие из верующих, боясь преследования мучителей, оставляли свои дома и скрывались в горах, вертепах и пустынях. В то время жил один юноша, благородного происхождения, родом из города Никомидии, по имени Евлампий, христианин — по вере и делам. Скрываясь с прочими христианами, он был послан ими в город — купить хлеба и тайно принести в пустыню. Придя в Никомидию, Евлампий увидел прибитый на городских воротах царский указ, написанный на пергаменте, повелевающий избивать христиан. Когда Евлампий прочитал указ, то посмеялся над таким безумным распоряжением царя, который вооружается не на врагов отечества, а на неповинных людей, и сам опустошает свою землю, убивая бесчисленное множество христианского народа. Тотчас же Евлампий был взят, связан и приведен на суд неправедный. Беззаконный судья, видя пред собой Евлампия, молодого и красивого, сначала лукавыми словами соблазнял его поклониться идолам, говоря:

— Твое лицо доказывает, что ты не простого, но благородного и честного рода. Не губи, прекрасный юноша, напрасно свою красоту и свое благородство не меняй на бесчестие, но, напротив, постарайся приобрести славу и честь себе и всему твоему роду: если ты послушаешь приказания царя и поклонишься с нами богам, то от всех нас получишь почесть и славу, от царя — награду и какой-либо

великий сан, и будешь проводить дни свои в благополучии. Послушай моего доброго совета и будь с нами единомыслен; вот все храмы открыты для тебя, в них стоят различные боги, жертвенники наполнены жертвами, и все веселятся о своих богах и им кланяются. Войди и ты, поклонись, — и тогда и себе приобретешь великие блага, и нам доставишь радость, и боги всегда будут к тебе милостивы.

Святой Евлампий, исполненный благодати Святого Духа, отвечал судье:

— Твое сердце исполнено коварством и лукавы слова в твоих устах, но напрасны и ложны все твои обещания. Не прельстишь меня ты ничем и не отвратишь от Христа. О, если бы ты пожелал послушать моих истинных слов и искреннего совета и познал бы истинного Бога, Которого я почитаю и Которому кланяюсь! Я обещал бы тебе от Него не временную и суетную, но вечную и истинную честь и славу, награды же и богатства такие, которых ни ты, ни царь твой, ни весь мир ныне не имеют; но так как ты глух как аспид[1] и не послушаешь меня, говорящего тебе только полезное, то разделишь участь твоих богов в геенне огненной, а за приношение скверных жертв богам сам будешь жертвой неусыпающего червя. Я же не бесам, но *Богови* принесу *жертву хвалы и воздам Вышнему молитвы моя* (слав. Пс. 49, 14).

Судья, услышав это, начал угрожать святому муками. Но Евлампий безбоязненно показал себя готовым идти на всякие муки за Христа Господа своего. Тогда судья повелел раздеть его и, разложив на земле, бить жилами. Святого долго и беспощадно били, но он мужественно претерпевал мучения: ощущая сильную боль от получаемых ран, он показывал вид, как будто не чувствовал никакой боли, — такое величие духа явил он! Мучитель, видя его долгое терпение, еще более исполнился ярости и приказал повесить его на дереве и терзать тело его железными орудиями, которыми мученик настолько сильно был изранен, что кости его были видны чрез глубокие раны. После долгого мучения он лежал на земле весь окровавленный и избитый; тело его представляло одну сплошную рану. Но этим не окончились его страдания: судья измыслил для

[1] См.: Пс. 57, 5. *Аспид* — особый вид змеи, яд которой весьма силен и причиняет смерть. Иносказательно это наименование употребляется для обозначения крайне злого, вредного человека.

него новую муку. Он повелел пальцы его рук и ног связать тонким ремнем и крепко стиснуть, от чего страдалец терпел страшную боль, потому что члены насильственно отделялись от своих суставов. Однако и после этого не насытилась ярость мучителя; к прежним страданиям мученика прибавил он еще новое страдание: повелел раскалить железный одр и положить на нем святого, чтобы тело его на том одре сгорело, как воск, от силы пламени. Когда одр был сильно раскален, святой Евлампий, осенив себя крестным знамением, взошел на него и лег на нем как на мягкой постели. Тело святого мученика, опаляемое огнем, начало таять и разрушаться. Казалось бы, что в таких страшных мучениях должно было бы умереть. Но Всемогущий Бог поддерживал жизнь Своего раба и сверхъестественным образом сохранял душу его в теле, чтобы этим самым явились всем и сила Божия, совершаемая в немощи, и терпение мученика. Когда все уже полагали, что Евлампий непременно умрет на том раскаленном одре, святой почувствовал в себе новую силу и, вставь с постели, начал ходить здоровым, как будто и не претерпел мучения. Твердо веруя сердцем в Господа Бога своего, Евлампий показал вид, как будто он отказывается от своего исповедания и соглашается с безбожием нечестивых язычников; поэтому он был со славой приведен в идольский храм, и все вместе с судьею радовались, думая, что Евлампий отвергся Христа и хочет поклониться богам их; множество народа, следуя за ним, шло ко храму. Святой же на пути в капище с усердием молился Господу Иисусу Христу, чтобы Он явил силу Свою, просветил ослепленных людей и прославил Свое имя святое. Когда Евлампий пошел внутрь храма, то увидел идола Марса[1], самого большого и красивого из всех идолов того храма; подойдя к нему, он сказал:

— Именем Господа моего Иисуса Христа повелеваю тебе, идол немой и бездушный, пасть на землю и обратиться в прах.

Как только святой произнес это, тотчас идол с большим шумом упал и разбился на мелкие части. Увидев это, народ стал кричать:

— Един Бог христианский — велик и силен.

И многие уверовали во Христа; судья же пришел в большую ярость и повелел взять Евлампия и вести снова на мучения.

---

[1] *Марс*, или *Арей*, — греко-римский бог войны.

Сестра Евлампия девица, по имени Евлампия, услышав, что брат ее страдает за Христа, прибежала на место мучения и, став на средину, сказала брату:

— Не одна ли мать нас родила, не одними ли сосцами нас питала, и не Одному ли Богу научены мы веровать! Зачем же, страдая за Христа, лишаешь меня такой же участи, почему ты не известил меня, чтобы я с самого начала вместе с тобой понесла все муки; я тоже хочу умереть за Господа моего, как и ты; пусть знают все мучители, что я — христианка и готова умереть за Христа.

Судье же она сказала:

— Слушай, судья, и знай, кто я. Я — Христова раба. Христос — моя жизнь и радость моей души, Его люблю и Ему хочу быть жертвой; приготовь огонь, приведи зверей, поставь колеса для мучений, отточи мечи, изобретай различные муки, и, как хочешь мучь меня за Христа моего, я все готова претерпеть, как и возлюбленный мой брать Евлампий!

Мучитель, слыша слова эти, удивился ее смелости и повелел бить ее по лицу. Долго били святую, пока совсем было обезображено лицо ее и потекла кровь из носа и рта. Святой же Евлампий словами укреплял свою сестру, говоря:

— Не бойся, сестра, *убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

Потом приготовлен был, по повелению мучителя, сильно кипящий котел, чтобы бросить в него обоих — Евлампия и Евлампию. Евлампий поспешил сам войти в котел. Евлампия же, как юная девица, начала колебаться, как бы боясь. Брат, видя, что она колеблется, стал звать ее к себе в кипящий котел, как бы в прохладное место, говоря:

— Не бойся, сестра, будь смелей и иди сюда; вот видишь: я невредим и никакой не чувствую боли, и ты, как только коснешься горячего котла, тотчас почувствуешь Божию помощь и будешь невредимой.

Святая, услышав слова брата, поспешно вошла в котел, и тотчас ослабела огненная сила, котел остыл, и святые остались невредимыми, воспевая и славя Бога. Люди, видя такое чудо, изумились, и уверовало двести мужей, которые исповедали себя христианами и за то были усечены мечом от нечестивых идолопоклонников. Безза-

конный судья приказал выколоть Евлампию глаза, а сестру его, повесив за волосы, бить. Она же среди мучений взывала:

— Благодарю Тебя, Боже и Создатель мой, что Ты удостоил меня, рабу Твою, пострадать за Твое святое имя.

Затем мучитель приказал жарко разжечь печь, чтобы бросить в нее мучеников. Когда разожжена была печь, то святого Евлампия, уже слепого, повели за руку и, подведя, бросили в печь. Святая же Евла́мпия, не ожидая, чтобы кто ее вел и бросил, сама пошла с радостью и, как бы в прекрасный чертог, поспешно вошла в огненную печь. Однако и здесь святые остались невредимыми: жар обратился в холод. Святые мученики в печи воспевали песнь трех отроков и благословляли Бога. Мучитель, не зная, что более с ними делать, приговорил их к усечению мечом. Воины, взяв, повели их со связанными позади руками. Когда пришли на место казни, святой Евлампий положил сам под меч свою честну́ю главу и был усечен; святая же Евлампия еще до казни предала свою душу в руки Божии, и воины, видя ее умершей, не отсекли ей главы[1]. Так святой Евлампий с своей сестрой, святой Евлампией, окончив подвиг мучения, вместе отошли к Судии подвигов мученических Христу, чтобы принять от Него венец правды.

Молитвами их да удостоит и нас Своего Царства Христос Господь, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

---

[1] Блаженная кончина святых мучеников последовала в 303 году. Святой Феофан Начертанный, живший в IX веке, написал в честь их канон; в его время от мощей святых Евлампия и Евлампии совершались исцеления.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФИЛА

Блаженный Феофил родился от благочестивых родителей близ болгарского города Тивериополя[1] и трех лет был просвещен святым крещением. Однажды родители его пошли вместе с ним на Селентийскую гору — получить благословение у святого отца Стефана. Святой Стефан благословил их и дитя их, блаженного Феофила, довольно побеседовал с ними и, научив их, отпустил с миром. С того времени отрок Феофил благословением преподобного отца преуспевал в чтении и изучении Божественных книг и всегда был добронравным и кротким. Когда ему исполнилось тринадцать лет, Феофил опять пришел к преподобному отцу Стефану. Святой, увидев его, сказал:

— Зачем ты, чадо, пришел ко мне?

Отрок отвечал:

— Ты позвал меня, отец честный, и я, оставив родителей, пришел к тебе.

Преподобный сказал:

— Когда же, чадо, я звал тебя, и что говорил тебе?

И сказал отрок:

— Когда я был в своем городе, ты, отец, явился ко мне и, взглянув на меня, сказал мне: Феофил! Ты удалился от Господа, говорящего: *возьми крест свой и следуй за Мною* (Мф. 16, 24). Эти слова тронули мое сердце, и я пошел за тобой до самых ворот монастыря; когда дошли сюда, ты стал для меня невидим, а я нашел ворота запертыми, и ныне, святой отец, не отвращай лица своего от меня, желающего спастись.

Преподобный удивился словам Феофила, зная, что он не выходил никуда из своей келии, и, благодаря Бога за такое чудесное призвание незлобивого отрока, взял его к себе, чтобы научить страху Божию, иноческому житию, службе и подвигу поста. По прошествии трех лет, когда отрок хорошо научился всем иноческим подвигам от доброго наставника, преподобный Стефан призвал игумена из лавры и отдал ему послушного и кроткого отрока для пострижения. Игумен, взяв его, привез в лавру, где и совершил над ним по-

---

[1] *Тивериополь* — город в Македонии; теперь — Струмица.

стрижение. Феофил, приняв пострижение, сделался опытным иноком, украшенным всякими добродетелями, живя среди братии как Ангел и будучи всем полезным.

Родители, не зная, где находится возлюбленный их сын, сильно скорбели о нем и постоянно искали его всюду, желая найти того, кто ради любви к Богу скрылся от всех знакомых и втайне служил Господу среди добрых подвижников. Чрез несколько лет родители узнали, наконец, где находится сын их, пришли в лавру и с плачем умоляли игумена показать им сына. Игумен долго не соглашался показать им Феофила, но, тронутый усердными просьбами, скорбью и горькими слезами, сжалился над ними. Когда родители увидели своего сына в иноческой одежде, то вместо радости начали еще сильнее рыдать. Они пробыли в лавре несколько дней, присматриваясь к жизни святых отцов и внимая полезным им беседам. Тут же они задумали на свои средства создать монастырь, в котором бы подвизался Феофил. Поэтому они усердно стали просить игумена, чтобы он отпустил домой Феофила с братией, обещая как можно скорее осуществить то, что они задумали. Игумен не соглашался с ними, го-

воря, что неприлично — молодому иноку жить среди родных и знакомых. Но Бог, устрояющий все на пользу людей, пожелал открыть о Феофиле Свою волю. Когда родители неотступно продолжали просить игумена, последний призвал братию и повелел им поститься и молиться всенощно до тех пор, пока Сам Бог не объявит им, можно ли Феофила отпустить по просьбе родителей или нет? После усиленной молитвы на третий день был услышан в храме голос, повелевавший отпустить Феофила. Тогда поняли все, что Сам Бог требует этого, и, помолившись о нем, с благословением отпустили, дав ему в помощь некоторых из братий, чтобы преумножилась слава Божия. Родители, взяв его, с радостью пошли домой и вскоре создали монастырь, в который собрали много братии, снабдив их всем необходимым и дав полный покой рабам Божиим. Феофил, находясь в этой обители, сиял добродетелями подобно свету, и все, видя его добрые дела и пользуясь ими, прославляли Отца небесного.

Много лет уже подвизался Феофил, как враг рода человеческого воздвиг гонение на честны́е и святые иконы, а почитающих их подверг мучению от беззаконного царя Льва Исаврянина[1]. Царь этот возненавидел благолепие дома Божия и отнял украшение храмов Господних: он ввергал святые иконы в болото, попирал их ногами, сжигал огнем и много верующих замучил за поклонение иконам. Святой Феофил сильно противодействовал этому и всех учил подобающим образом чтить иконы и поклоняться лицу, на них изображенному. Законопреступный царь, узнав об этом, послал воинов взять блаженного Феофила и, поставив пред собою, приказать ему отречься от почитания честных икон. Когда же блаженный Феофил отказался исполнить это, царь повелел воловьими жилами бить святого, а затем, связав сзади руки, водить по городу как злодея с насмешками и ругательствами. К Феофилу же присоединился один из воинов, по имени Лонгин, который обличал безумие мучителя и учил почитать святые иконы; за это мучитель, растянув его на земле, сжег на голове его много икон. Святой Феофил, пройдя весь никейский город, снова явился на суд беззаконного царя и смело говорил ему, защищая иконы и обличая его заблуждение. Царь не вытерпел обличений святого и приказал распять святого нагим крестообразно на двух столбах и бить спереди и сзади сухими жилами. Увидев

[1] *Лев Исаврянин* — Византийский император, царствовавший с 714 по 741 год.

кровь, которая текла во время мучений из израненного тела святого, царь сделался подобным лютому зверю. И как дикие звери, увидев кровь, делаются еще злее, так и мучитель, увидя кровь мученика, пришел в еще большую ярость: встав с престола, он сам долгое время бил святого. Потом велел раскалить железные сапоги, обуть его в них и гнать по дороге. Все эти мучения святой страдалец мужественно переносил. Один из царских сановников, видя это и удивляясь мужественному его терпению, взял его из рук мучителей, привел к себе и сказал:

— Один ли ты, Феофил, кланяющийся иконам — безумен, или все мы, не поклоняющиеся им? Неужели царь и весь синклит[1] его не имеют настолько благоразумия, чтобы рассудить, следует ли кланяться написанному Божию изображению или нет? Если бы нужно было кланяться иконам, то не повелел бы Бог в законе: *Не сотвори себе кумира, и всякого подобия* (Исх. 20, 4).

Святой отвечал:

— Вижу, что ты, князь, знаешь Писание, так побеседуй со мной.

Святой Феофил начал ему говорить о почитании святых икон, объясняя из Божественного Писания, что еще в Ветхом Завете повелевалось чтить иконы и в медном змие, вознесенном Моисеем в пустыне, и в золотых херувимах, поставленных над Ковчегом Завета. В Новом же Завете Сам Господь явил образ Свой на полотне Авгарю Едесскому. Много говорил Феофил и обличал сановника, так что последний сказал ему:

— Истинны слова твои, честны́й старец. Я постараюсь, насколько буду в состоянии, убедить в этом и царя. Ты же прими от меня освобождение и иди в свою келию.

Но святой огорчился, что не получил конца мучения, хотя, имея раны, радовался, говоря словами апостола: *радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть церковь* (Кол. 1, 24).

После того он возвратился в свой монастырь, чему возрадовалась вся братия. Пред своей кончиной, о которой получил предсказание, Феофил составил беседы для своей паствы и с миром отошел ко Господу.

---

[1] *Синклит* — правительство воинское и гражданское из самых важных царских советников и сановников.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФЕОТЕКНА

Нечестивый царь Максимиан, придя однажды в Антиохию, устроил празднество в честь скверных своих богов и издал повеление, чтобы сначала воины приносили жертвы идолам, а потом и весь народ. В числе воинов находилось много христиан, которые, не пожелав повиноваться приказанию царя, сбрасывали с себя воинские пояса и шли на мучения за Христа. Среди них был известный во всей Антиохии муж, по имени Феотекн. К нему Максимиан обратился с такими словами:

— И ты, Феотекн, не веруешь в богов — Дия и Аполлона? Я же хотел сделать тебя великим жрецом их.

На это Феотекн сказал:

— Я верую во Христа Бога, и Ему хочу принести себя в жертву.

Тогда Максимиан приказал снять с него воинскую одежду и надеть женскую, и заставил прясть вместе с женщинами. Спустя три недели Максимиан снова призвал его и сказал:

— Принеси жертву богам, а не то умрешь в страшных мучениях.

Феотекн не сказал на это ни слова. Тогда царь приказал привязать его к дереву, подложить под ступни раскаленное железо и железными орудиями надрезать все жилы его. Видя его и после этого непоколебимым, царь приказал приготовить котел с кипящей серой и смолой и бросить туда святого. Когда его бросили, тотчас силой Христовой огонь погас, котел остыл, и мученик остался невредим. Максимиан испугался и приказал вести святого мученика в темницу, где он был отдан в распоряжение сотника, по имени Зегната, чтобы тот мучил его, как пожелает.

В темнице в то время находилась за исповедание Христа одна девица, по имени Александра, к которой Зегнат и бросил Феотекна, сказав им обоим:

— Вот, я даю вам на размышление три дня. Если согласитесь исполнить приказание царя, то получите великую честь, если же нет, то в страшных муках погублю вас.

По прошествии трех дней Зегнат вывел их из темницы и спросил: намерены ли они повиноваться приказанию царя и поклониться

идолам? Но они остались верными Христу. Тогда Зегнат приказал двум воинам надругаться над святой девой.

Феотекн, желая избавить Александру от бесчестия, пришел к ней раньше этих воинов и, сняв свою одежду, дал ей, говоря:

— Беги, беги, чтобы нечестивые не осквернили чистоты твоей.

Сам же оделся в ее одежду и сел в ожидании воинов. Воины, войдя в темницу, нашли вместо девицы Феотекна, сидящего в женской одежде, взяли его и привели к Зегнату. Зегнат сильно разгневался и приказал сначала вырезать у него язык, потом долго бить. Затем он повелел привязать на шею мученику каменный жернов и бросить в реку. Так мученик Христов окончил свою жизнь[1]. Честны́е мощи мученика найдены были близ города Роса в Киликии; христиане, взяв их, с честью положили на родине его, восхваляя Единого в Троице Бога. Слава Ему вовеки. Аминь.

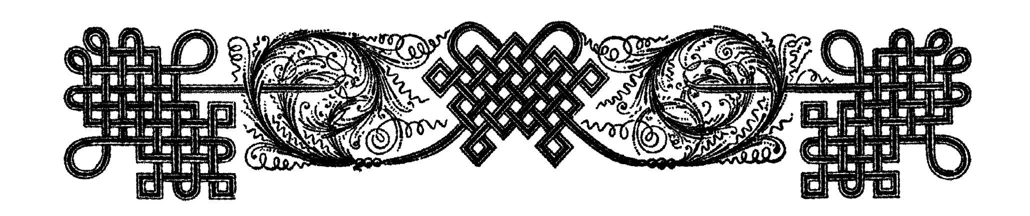
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ВАССИАНА

Преподобный Вассиан был родом из Восточной Сирии. В царствование благочестивого царя Маркиана[2] он прибыл в Константинополь. Два именитых мужа, Север и Иоанн, дали ему средства построить в Константинополе монастырь. Преподобный еще при жизни прославился своими добродетелями и чудотворениями. Многие, внимая ему, отреклись от мира и приняли иночество. Число учеников преподобного Вассиана достигло до трехсот человек. Многих он избавил от власти диавола и привел к Богу, изгонял бесов, исцелял недуги и творил другие бесчисленные чудеса. Преподобный почил в глубокой старости[3].

[1] Кончина святого мученика относится к концу III или началу IV века.

[2] *Маркиан* — император Византийский, царствовал с 450 по 457 год.

[3] Скончался в конце V века.



День одиннадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ФИЛИППА

Святой апостол Филипп был родом из Кесарии Палестинской[1]. По вступлении в брак он имел четырех дочерей, которые пророчествовали (см.: Деян. 21, 9). Впоследствии он был избран святыми апостолами во диакона и, по рукоположении одновременно со святым первомучеником архидиаконом Стефаном, стал со всем усердием служить верующим, имея попечение об убогих и вдовах[2]. После того как во время бывшего на Иерусалимскую церковь гонения, святой Стефан был убит, и все христиане, за исключением двенадцати апостолов, рассеялись по областям иудейским и самарийским, в Самарию[3] прибыл в то же время и святой Филипп. Здесь он про-

---

[1] *Кесария* — город палестинский на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь кесаря Августа (римского императора Октавия Августа). Город этот подвергался неоднократным разрушениям, и в настоящее время на его месте только развалины, покрытые дикими растениями.

[2] Святой апостол Филипп принадлежал к числу семи диаконов, на которых было возложено апостолами заботиться о вдовах и сиротах и служить при общественных христианских трапезах (см.: Деян. 6, 1–5).

[3] *Самария*, как страна или область Палестины, занимала середину Палестины, на запад от Иордана. Границы ее к северу — Галилея, к югу — Иудея, к востоку — Иордан, к западу — Средиземное море. Самария, главный город страны Самарийской и некогда столица царства Израильского, находилась в расстоянии почти трех верст на север от Иерусалима. В настоящее время от древнего славного города не осталось камня на камне; на месте его стоит одна бедная деревенька Сабустие (прежде город Севастия).

Св. ап. Филипп

поведовал Христа, и все жители Самарии единодушно внимали его проповеди. Проповедь свою святой Филипп подтверждал многими чудесами, исцеляя всякие болезни и изгоняя лукавых духов, которые, выходя из людей, вопили громким голосом. И была тогда радость великая в том городе, потому что принимавшие проповедь Филиппа и уверовавшие в истинного Мессию исцелялись не только от телесных, но и от душевных недугов. Находился же там и некоторый весьма знаменитый и прославленный волхв, по имени Симон, который удивлял всю Самарию своими волшебствами, и все считали его за кого-то весьма великого. Видя великие знамения и чудеса, совершаемые руками Филиппа, и слыша благовествование святого апостола о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, Симон уверовал и крестился вместе с другими (см.: Деян. 8, 5–13).

Однажды апостолу Филиппу явился Ангел Господень, повелевая ему идти на юг, на дорогу, ведущую из Иерусалима в Газу[1]. Идя по этой дороге, святой Филипп встретил ефиоплянина, евнуха Кандакии, царицы ефиопской[2], возвращавшегося из Иерусалима, куда он ездил на поклонение в Газу, которая находилась под его управлением. Сидя на колес-

[1] *Газа* — один из самых древнейших филистимских городов, служивший пределом Хананеев на юге Палестины. Впоследствии этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал некогда великий город. Недалеко отсюда расположен новый город позднейшего происхождения того же имени.

[2] *Кандакия* — царица Эфиопии, или Мерое, государства, находившегося в древней Эфиопии, в Африке, к югу от Египта. Имя Кандакии было общим названием цариц эфиопских. *Евнух* — страж царского гарема на Востоке; впоследствии это наименование сделалось общим титулом царедворцев. Обращенный святым Филиппом евнух был прозелит, то есть обращенный в иудейскую веру из язычества; как благочестивый чтитель этой веры, он приезжал в Иерусалим на поклонение.

нице, евнух читал пророческие книги. Апостол научил его вере в Господа нашего Иисуса Христа и, продолжая с ним путь, тут же на пути крестил его[1].

После крещения евнуха апостол Филипп был восхищен Ангелом и перенесен в Азов[2] и, проходя, проповедовал слово Божие по всем городам, пока не пришел в Кесарию. Здесь он имел собственный дом, в котором и прожил некоторое время вместе с своими четырьмя дочерьми, девами — пророчицами. После этого он снова возвратился в Иерусалим. Будучи здесь поставлен святыми апостолами во епископа, он послан был затем на проповедь в Малую Азию в город Траллию[3]. Обратив там многих ко Христу и сотворив великие чудеса, апостол Филипп отошел ко Господу в глубокой старости.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО **ФЕОФАНА**, исповедника и творца канонов

Преподобный Феофан родился от благочестивых родителей, живших в Палестине. Они были люди богобоязненные и особенно усердствовали в страннолюбии. Феофан имел брата, наименованного впоследствии за понесенные им от иконоборцев страдания — Начертанным[4]. Попечениями своих родителей, Феофан с братом своим Феодором обучились всякой книжной премудрости и были искусными философами[5]. Постигнув суету и непостоянство

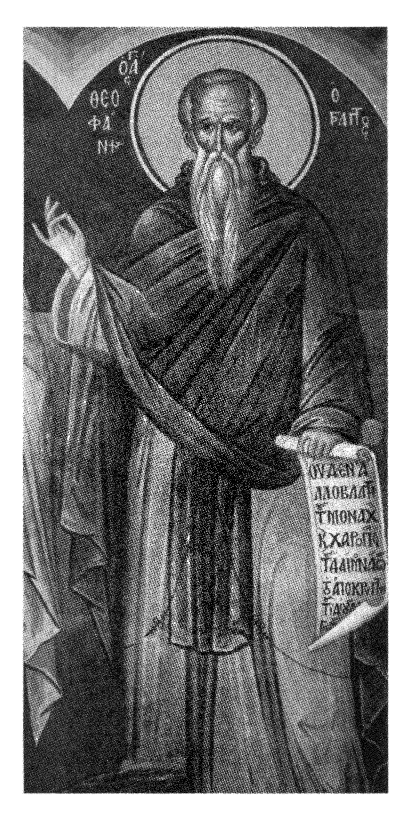
[1] См. повествование об этом в Деян. ап., гл. 8, ст. 26–39.

[2] *Азот* — древний известный город филистимский, на восточном берегу Средиземного моря, недалеко от Газы. Ныне здесь — небольшое селение Ездуд.

[3] *Траллия* — лидийский город на северо-западе Малой Азии.

[4] Память преподобномученика Феодора, брата святого Феофана, совершается Церковью 27 декабря. «Начертанными» святые Феодор и Феофан именуются потому, что на лицах их после жестоких истязаний, которым они были подвергнуты, как защитники иконопочитания, император Византийский Феофил велел начертать позорные стихи, мучительным начертанием которых, посредством раскаленных игл, были выжжены лица исповедников до самых веждей.

[5] *Философ* — с греческого значит: любитель мудрости, то есть ученый, посвятивший себя исследованию высших вопросов бытия: о Боге, о начале и законах



настоящего мира, *ибо проходит образ мира этого* (1 Кор. 7, 31), оставив все, братья пришли в лавру святого Саввы[1] и посвятили там себя иноческой жизни, в которой и подвизались ревностно, преуспевая в молитвах и во всех добродетелях. За свою добродетельную жизнь Феофан был удостоен пресвитерского сана.

В то время началось безбожное гонение на святые иконы[2], которое волновало всю Церковь Божию, и многие христиане за почитание святых икон подверглись гонениям и мучениям. Тогда эти премудрые учители и защитники православия были посланы Иерусалимским патриархом[3], как бы агнцы к волку, к императору Льву Армянину[4] для обличения его злочестия. Придя в Константинополь и представ пред этим богопротивником, они дерзновенно обличали его в злочестии. Вследствие этого братья-философы много пострадали, и не от одного только императора Льва Армянина, но и от других бывших после него императоров Михаила Балбы и Феофила[5]. Они претерпели многоразличные мучения, раны и оковы, голод и жажду, ссылки и заклеймение лиц, за-

---

мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и тому подобное.

[1] Здесь разумеется лавра святого Саввы Освященного.

[2] Иконоборческая ересь и гонения на иконопочитателей возникли в Византии в первой половине VIII века и продолжались почти до средины IX века, с царствования Льва Исаврянина (714–741) до Михаила III и матери его императрицы Феодоры.

[3] Патриархом был *святой Никифор*, сосланный впоследствии за защиту православного иконопочитания в заточение. Память его совершается 13 марта.

[4] *Лев V Армянин* — Византийский император — иконоборец, царствовал с 813 по 820 год.

[5] *Михаил II Балба*, или *Косноязычный*, царствовал с 820 по 829 год. Феофил царствовал с 829 по 842 год.

точения и другие бесчисленнейшие злополучия. В течение более двадцати лет, с 817 по 842 год, они были мучимы и гонимы иконоборцами. Среди этих бедствий святой Феодор преставился[1], а Феофан дожил до наступления мира в Церкви. Сын Византийского императора Феофила, Михаил[2], приняв вместе с матерью своей Феодорой скипетр византийских императоров, восстановил почитание святых икон, внес их в церкви Божии и возвратил из заточения всех святых мужей, страдавших за иконопочитание, оказывая всем им большие почести. Тогда же был возвращен из заточения и святой Феофан и, после принятия рукоположения от патриарха Мефодия[3], уничтожившего иконоборческую ересь, был назначен на митрополичью кафедру Никейской церкви[4].

Святой Феофан составил торжественный канон о почитании святых икон и оставил после себя Церкви Христовой много и других полезных писаний[5]. От здешней земной жизни он переселился ко Господу[6] и, после многоболезненных подвигов своих, ныне блаженствует в небесных обителях.

---

[1] Около 840 года.

[2] В первое время по восшествии на престол царский (в 842 г.) Михаила III государством управляла мать его святая Феодора до 855 года. После нее Михаил царствовал до 867 года. Восстановление иконопочитания состоялось на Константинопольском соборе 842 года, и в память этого тогда же был установлен в Церкви особый «Чин Православия», совершаемый и ныне в первый воскресный день святой Четыредесятницы.

[3] *Святой Мефодий I* — патриарх Константинопольский с 842 по 846 год.

[4] *Никея* (ныне *Исник*) — в Малой Азии, город в древности и в средние века богатый и цветущий, теперь бедный и малонаселенный. Никея пользовалась особенным вниманием римских, а потом византийских императоров, и митрополичья кафедра Никейская считалась одной из виднейших. В этом городе происходили I и VII Вселенские соборы.

[5] Феофан оставил после себя много сочинений в защиту Православия и в особенности известен как писатель канонов, число которых достигает до 148. Лучшие каноны его — канон в Неделю Православия, все каноны апостолам и об усопших. Кроме того, святой Феофан писал и стихиры на некоторые дни.

[6] Скончался около 850 года.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ

ЗИНАИДЫ и ФИЛОНИЛЛЫ

Святые сестры Зинаида и Филонилла были родом из Тарса Киликийского и приходились родственницами апостолу Павлу.

Оставив свою мать и отказавшись от своего имущества, они обучились врачебному искусству и совершали истинно-апостольское

дело. Они пришли в город Деметриаду[1], в окрестностях которого и поселились в одной пещере. Здесь Зинаида врачевала всевозможные недуги, а Филонилла, предавшись посту и бдениям, совершала великие чудеса.

Язычники, придя к ним ночью, побили обеих их камнями. Так они мирно почили о Господе и в блаженном сне переселились в небесные обители.

---

[1] *Деметриада* — город киликийский, на севере от Тарса, получивший свое название от греческой языческой богини Деметры, считавшейся покровительницей растительного мира, хлеба, земледелия и плодородия.

ВОСПОМИНАНИЕ ЧУДА, БЫВШЕГО ОТ ИКОНЫ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА

В городе Берите[1] близ еврейской синагоги жил один христианин, имевший икону Господа нашего Иисуса Христа. По прошествии некоторого времени этот христианин купил себе другой дом, куда и переселился, перенеся из первого дома все, кроме иконы Господа, которая была оставлена им по особому смотрению Божию. После христианина занял тот дом, где была икона Господа, еврей и стал жить в нем, не замечая святой иконы.

Однажды он позвал на обед к себе своего друга, также еврея. Во время обеда гость, взглянув на стену дома, заметил висевшую там икону и сказал хозяину:

— Как ты, будучи евреем, держишь в своем доме эту икону?

Хозяин сталь клясться, говоря, что до этого времени не замечал ее. Гость же, уйдя, донес священникам на своего друга.

— Этот человек, — говорил он, — несмотря на то, что он еврей, имеет у себя в доме икону Иисуса Назарянина.

Тогда все бывшие в синагоге страшно возмутились этим обстоятельством, но ничего не могли предпринять в тот день, так как уже наступил вечер. Наутро же народ еврейский, священники и старцы, собравшись, отправились в тот дом, где находилась святая икона. С шумом войдя в дом, они схватили икону и вынесли ее вон из дому. Здесь они стали вокруг иконы и решили надругаться над ней так, как отцы их надругались над Изображенным на ней. Они начали плевать на икону и ударять по изображению Лица Иисуса Христа и затем сказали:

— Мы слышали, что наши отцы пригвоздили Его на дереве: сделаем то же и мы над этой иконой.

Взяв гвозди, они прибили икону к дереву в тех местах, где были изображены руки и ноги. Затем, надев на трость губку со оцтом[2],

[1] *Берит* — ныне *Бейрут* — очень древний приморский город на Финикийском берегу при истоке реки Магары. В настоящее время главный город азиатско-турецкой области Сирии и важнейший торговый пункт Сирийского побережья.

[2] Уксус, смешанный с желчью. Этот одуряющий напиток, притупляющий чувство, давали осужденным на казнь пить, чтобы уменьшить несколько мучительность страданий.

они приложили к устам Господа и, наконец, принесли копье и велели одному из них ударить в ребро Господа. И как только тот пронзил икону копием, тотчас же потекла из нее кровь и вода[1]. При виде столь великого чуда всех присутствовавших объял великий страх. Собрав кровь и воду в сосуды, они решили привести слепых, хромых, бесноватых и помазать их этой кровью.

— Если приведенные получат исцеления, — говорили они, — мы все уверуем в Распятого.

Тогда был принесен один хромой от рождения, и, после того, как был помазан кровью, истекшей от святой иконы, тотчас выздоровел. Затем были приведены слепые и множество беснующихся, которые освободились от своего недуга после того, как были помазаны этой кровью.

Узнав об этом, жители города поспешили посмотреть на такое предивное чудо. Они взяли с собой всех больных, расслабленных, прокаженных, которые и получили исцеление. Тогда весь народ еврейский, проживающий в том городе, уверовал в Господа нашего Иисуса Христа. Евреи, падши пред образом Господа, с сокрушением говорили:

— Слава Тебе, Христе, Сыне Божий, творящему таковые чудеса! Слава Тебе, Христе, Которого отцы наши распяли, но в Которого мы ныне веруем; приими нас, припадающих к Тебе, Владыко!

После этого все евреи того города, мужи, жены и дети, придя к епископу, умоляли его, чтобы он просветил их святым крещением. Они показали ему ту икону, из которой истекла кровь и вода, и рассказали о всех тех поруганиях, которые они доставили святой иконе. Епископ, увидев искреннее покаяние, принял их с радостью и, научив их святой вере, крестил их с женами и детьми, а синагогу их обратил в Церковь Господа нашего Иисуса Христа. И великая радость была у всех жителей города не только от того, что получили исцеление множество больных, но и потому, что неверные евреи крестились и признали святую веру, вследствие происшедшего от иконы Господа чуда.

Поэтому каждый должен с верой и любовью совершать поклонение пред святыми иконами, в честь и славу образа ипостаси Божией,

---

[1] Чудо это, повторившее случившееся при смерти Спасителя, совершилось около 765 года.

ставшего по образу человеком (см.: слав. Флп. 2, 6–7), Господа нашего Иисуса Христа, Ему же с Богом Отцом и Святым Духом да будет от всех поклонение во веки веков. Аминь.

ВОСПОМИНАНИЕ VII ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА

Одиннадцатого октября святая Православная Церковь совершает память о святых отцах VII Вселенского собора. Поводом к созванию его благочестивой царицей Ириной и Константинопольским патриархом Тарасием была так называемая ересь иконоборцев.

Начало ереси этой восходит ко временам императора Льва Исаврянина, издавшего указ, предписывавший выносить святые иконы из церквей и домов и сожигать их на площадях, а равно и уничтожать изображения Спасителя, Божией Матери и святых угодников, поставленных в городах на открытых местах или находящихся на стенах храмов. Когда народ стал препятствовать исполнению этого указа, тогда к гонимым им святыням Лев присоединил и их ревностных почитателей. Тотчас же было издано повеление убивать всех, составлявших толпу. И много — в особенности женщин — пало в тот день от мечей иконоборцев за свою любовь и ревность к святым иконам. Затем император приказал закрыть высшую богословскую школу Константинополя и тем лишить православных того победоносного оружия в борьбе с иконоборцами, какое они умели извлекать из основательного богословского образования. Некоторые из византийских историков говорят даже, будто он в тех же целях сжег и богатую, имевшуюся при ней, библиотеку. Но гонитель отовсюду встречал резкое противоречие своим распоряжениям. Из Сирии, из Дамаска, против них писал святой Иоанн Дамаскин[1]. Из Рима, по

[1] *Святой Иоанн Дамаскин* из Сирии прислал в Константинополь три обширных письма в защиту святых икон, где наглядно излагает догматическое учение об этом предмете и занимается разбором тех возражений, какие делали против почитания святых икон иконоборцы. Будучи бессилен лично отомстить святому Иоанну, Лев Исаврянин решился оклеветать его пред Дамасским калифом. С этой целью Лев составил подложное письмо, будто бы присланное к нему от Иоанна,

смерти Григория II[1] продолжал писать преемник его, папа Григорий III. А из других мест отвечали на них даже открытыми восстаниями.

Сын и преемник Льва Константин Копроним[2], не отступая от направления, принятого его отцом в отношении к вопросу о почитании святых икон, решился воздействовать главным образом на духовенство, потому что деятельными противниками иконоборцев были повсюду преимущественно епископы и иноки.

Для этой цели он постарался созвать собор[3], на котором было осуждено иконопочитание. Ближайшим следствием лжевселенского собора

в котором Иоанн, придворный калифа, обещал ему — Льву — предать Дамаск. Письмо было передано калифу, и мнимый виновник был присужден калифом к отсечению руки, осмелившейся написать такое коварное письмо. Но поруганная правда Божия величественно объявила свой суд: отсеченная рука без всякого врачевания вновь приросла к телу. В благодарность за это святым Иоанном была составлена известная песнь к Пресвятой Богородице: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

[1] *Папа Григорий II* написал два послания к императору. В первом своем послании Григорий разъяснил все места Священного Писания, с одной стороны повелевающие, а с другой, как будто и запрещающие делать священные изображения и затем приводит свидетельства древности. «В бытность Христа во Иерусалиме, — пишет он, — Авгарь, тогдашний князь и владыка Едесский, услышав о чудесах Христа, написал к Нему послание и Христос послал ему собственноручный ответ и святое славное изображение Лица Своего. Пошли за этим нерукотворенным образом и посмотри. Туда стекаются во множестве народы Востока и приносят молитвы». Познакомив императора с подобными свидетельствами, папа наглядно рисует всю ненависть, которую вызывают императорские указы среди западного православного населения: «Всюду стали бросать твои портреты на землю, — пишет он, — попирать их ногами и уродовать твое лицо» и т. п. Свое послание он оканчивает пламенною молитвой, чтобы «Бог, сошедший с небес, даровал мир всем христианским Церквам во веки веков». Император отослал с угрозой ответ, на который папа Григорий II написал свое второе послание, с прежней твердостью убеждая императора оставить задуманное им дело.

[2] *Константин Копроним* царствовал с 741 по 775 год.

[3] Собор происходил в 754 году. Место заседаний его несколько раз изменялось: то они происходили в царском дворце, так называемом Гиерея, на Азиатском берегу Босфора, то во Влахернском храме Богоматери в самом Константинополе. Немало пришлось услышать проклятий от лица этого собора всем тогдашним ревнителям Православия. Немало было возведено на них ложных обвинений. В основу своих ложных иконоборческих мудрований собор положил вымышленные сказания и подложные изречения отцов Церкви.

было то, что иконы были выброшены из церквей и большей частью сожжены, живописные и мозаичные священные изображения на стенах храмов затерты известью. Не избег такой участи даже великолепный Влахернский храм Богоматери, на стенах которого лучшими художниками была изображена вся земная жизнь Богочеловека, все Его чудеса, все события Евангельской истории, оканчивая сошествием Святого Духа на апостолов. От гонения на иконы Копроним перешел к гонению на святые мощи; их велено было выбрасывать. Так поступлено было, например, со святыми мощами великомученицы Евфимии[1]: мощи ее вместе с гробницей были выброшены из храма и ввержены в море, а великолепный Халкидонский храм, посвященный ее имени, обращен в казармы. Считая иноков главными поборниками иконопочитания, Копроним решился закрыть все монастыри. Многие монастыри Константинополя, начиная с знаменитого Далматского, были обращены в казармы или разрушены. Много иноков было замучено. При этом обыкновенно разбивали головы иноков на тех самых иконах, в защиту которых они выступали.

В царствование преемника Копронима, Льва IV[2], иконопочитатели могли вздохнуть несколько свободнее. Но полное торжество иконопочитания совершилось лишь при императрице Ирине[3], занявшей за малолетством сына своего Константина престол своего супруга Льва IV после его смерти. Заняв престол, она прежде всего возвратила из ссылки всех иноков, сосланных за иконопочитание, а большинство епископских кафедр предоставила ревностным иконопочитателям. Затем возвратила святым мощам все почести, которые были отняты от них иконоборцами. Но императрица сознавала, что всего этого еще мало для полного восстановления иконопочитания. Необходимо было созвать Вселенский собор, который бы, осудив недавний собор, созванный Копронимом, восстановил истину иконопочитания. На этом особенно настаивал при своем избрании на патриарший престол Тарасий[4].

---

[1] Скончался около 303 года. Память ее совершается Церковью 16 сентября.

[2] *Лев IV* царствовал с 775 по 780 год.

[3] Императрица Ирина была воспитана в благочестивом семействе иконопочитателей, а свою ревность к святым иконам обнаружила еще при муже своем, Льве IV, за что подвергалась опале и даже была удалена из дворца.

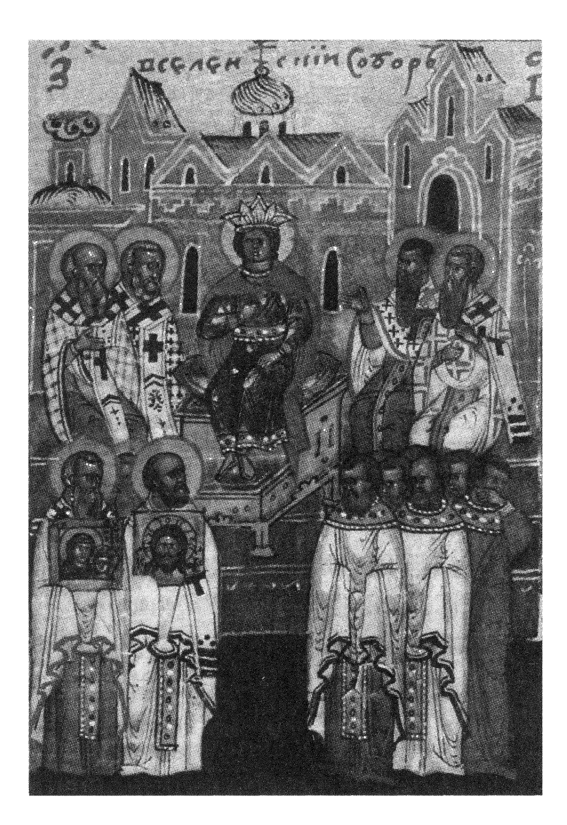
[4] *Святой Тарасий* патриаршествовал в Константинополе с 784 по 806 год. Память его совершается 25 февраля.

— Если императрице действительно угодно, — заявил он, — чтобы Тарасий принял бремя патриаршего правления, то он согласен, но не иначе, как только под условием созвания Вселенского собора.

Выслушав это объяснение Тарасия, императрица вывела его к сенаторам и духовенству, собравшимся в Матаврском дворце для избрания патриарха. В сильной и выразительной речи Тарасий пред лицом этого собрания заявил, что если желают, чтобы он принял патриаршество, то пусть созовут Вселенский собор для утверждения иконопочитания. Большинство собравшихся признало требование Тарасия справедливым, и Тарасий был посвящен в патриархи в праздник Рождества Христова в 784 году. Вскоре от лица императрицы Ирины и сына ее Константина, за малолетством которого она управляла государством, было отправлено послание к Римскому папе Адриану с приглашением на собор. К этому посланию присоединил и от себя лично приглашение патриарх Тарасий. Папа отказался от чести присутствовать лично на соборе. Он прислал от себя двух легатов: Петра, протопресвитера церкви святого апостола Петра в Риме, и Петра, игумена обители святого Саввы в Риме же. Прибыли в Константинополь и представители от патриархов Александрийского и Антиохийского. Это были старшие синкелы[1] их: пресвитеры Иоанн и Фома. Помимо полномочий от своих патриархов они привезли еще послание и от Иерусалимского патриарха, в котором последний выражал свое согласие на утверждение иконопочитания. Созваны были в столицу и епископы Константинопольского патриархата. В начале предполагалось собор открыть летом 786 года в Константинопольском храме святых апостолов. Все уже было приготовлено к открытию соборных заседаний, как вдруг накануне самого открытия их в Константинополе вспыхнул бунт среди войска, который и помешал состояться собору. Собор открылся лишь осенью следующего года (24 сентября) и уже не в Константинополе, а в близкой к нему Никее, где происходил и I Вселенский собор, в храме святой Софии. Число членов собора в точности не установлено. Во всяком случае, их было более трехсот, потому что под со-

---

[1] *Синкелл* — название клириков, живших в одних кельях с епископом. Обыкновенно епископы выбирали в синкеллы людей более образованных, которые могли бы им содействовать в решении важнейших вопросов.



борными актами имеется подпись трехсот семи епископов. Собор начался речью патриарха Тарасия, после которой была прочитана императорская грамота к собору. По прочтении ее было приступлено к разбору виновности епископов, замешанных в иконоборстве.

После этого императорский секретарь Леонтий напомнил собору о необходимости выслушать послание о святых иконах папы Адриана к императору и патриарху. Эти послания открывают пред нами завесу самой глубокой апостольской древности и выясняют, как смотрела на иконы в то время святая Церковь[1]. По прочтении обоих этих посла-

[1] Кроме свидетельств из глубокой древности о почитании святых икон, в этих посланиях находятся выдержки из святоотеческих творений. Например, там приведены следующие выдержки: 1) Слова Василия Великого к Юлиану Отступнику: «Приемлю и святых апостолов, пророков и мучеников, которые возносят молитвы к Богу. Поэтому почитаю и изображения их на иконах и открыто поклоняюсь им. Это предано святыми апостолами и не должно быть воспрещаемо, поэтому во всех церквах своих мы изображаем историю их». 2) Слова святого Стефана, епископа Бострийского: «Относительно икон исповедуем, что они, как и всякое дело во имя Божие, дело благое и святое, потому что иное дело — икона и иное дело — идол или статуя. Всякое изображение, сделанное во имя Господа или Ангелов, пророков или апостолов, мучеников или праведников, свято потому, что поклонение воздается не дереву, но тому, что созерцается на дереве и что воспринимается. Все мы почитаем начальников и с любовью приемлем их, хотя они и грешники, отчего же мы не должны почитать рабов Божиих? Почему в память их не устроять изображений, чтобы они не были преданы забвению?.. Мы в воспоминание о святых пишем иконы их, чтобы всякий, видя их на иконе, вспоминал о них и прославлял Господа, прославившего их».

ний представители папы пожелали знать: согласны ли с ними патриарх и все члены собора?

Тарасий отвечал, что он приемлет все, что написано папой.

— Этому надобно следовать, — сказал он, — противоречить ему — значит поступать неразумно. И сами мы, на основании Писаний, умозаключений и доказательств исследовав истину и познав ее на основании учения отцов, твердо и непреложно исповедали и будем исповедовать, согласно древнему преданию святых отцов, живописные иконы, поклоняясь им с горячею любовью, так как они во имя Господа Бога и непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, святых апостолов и всех святых, но поклонение и веру будем относить к Единому истинному Богу.

— Весь святой собор также учит, — раздался ответ на его слова со стороны всех членов собора.

Затем было прочитано окружное послание патриарха Тарасия, написанное им к епископам и пресвитерам Антиохии, Александрии и Иерусалима при вступлении на патриарший престол, и ответная на него грамота восточных патриархов. По прочтении этих посланий отцы собора единогласно заявили: «Мы совершенно согласны с ними, с любовью принимаем и почитаем священные и досточтимые иконы и поклоняемся им».

В начале следующего заседания по совету патриарха Тарасия решено было сделать пересмотр всех мест из Священного Писания, из свято-отеческих творений и из описаний житий святых, могущих служить основанием к утверждению догмата иконопочитания. Среди последних встроилось великое множество повествований о чудесах, исшедших от святых икон и мощей. Вот некоторые из них.

В описании мученичества святого Анастасия Персянина[1] рассказывалось, что при перенесении его мощей в Кесарию Палестинскую, когда народ отовсюду устремлялся в сретение им, одна женщина, по имени Арета, впала в сомнение и сказала:

— Я не поклонюсь мощам, принесенным из Персии.

Через несколько дней святой мученик явился Арете во сне и спросил:

— Ты страдаешь болезнью в бедрах?

Не успела Арета ответить ему, что здорова, как вдруг почувст-

[1] *Анастасий Персянин* († 628 г.). Память его совершается 22 января.

вовала, что ее действительно постигла болезнь. Долго томилась она в своей болезни, затем, почувствовав временное облегчение от нее, стала размышлять, по какой причине постигла ее такая болезнь. В таком размышлении она провела четыре дня. На рассвете пятого дня ей опять является святой мученик и говорит:

— Иди в Тетрапил[1]. Помолись святому Анастасию и будешь здорова.

Принесенная к указанному месту, она, когда увидела икону святого мученика, громко возгласила:

— Это поистине тот, кого я видела во сне.

Повергшись на помост, она долго плакала слезами раскаяния и встала совершенно здоровой.

По прочтении на соборе повествования об этом чуде, представители папы заявили, что эта икона святого Анастасия с честной главой его находится в одном из монастырей Рима и в настоящее время, а епископ Тавроменийский Иоанн добавил к их заявлению, что он знает одну женщину из Сицилии, которая, будучи в Риме, получила от иконы святого мученика исцеление.

Затем было сообщено Петром, епископом Никомидийским, о чуде, происшедшем от иконы Господа в Берите, и приведено из Евагрия[2] повествование об Едесском чуде от нерукотворного образа Спасителя. Чудо состояло в следующем:

«Однажды Едессу осадил Хозрой, царь Персии. С сделанных по его приказанию огромнейших насыпей воины стреляли через городские стены в жителей города. Осажденные жители решились сделать подкоп под насыпи и затем сжечь их. Но огонь, который они разводили в подкопах, за неимением притока туда свежего воздуха, всякий раз угасал. Тогда едессяне взяли нерукотворный образ и принесли его на выкопанные рвы. Окропив образ водой, они стекавшими по нему каплями брызнули на слабо горевший огонь в сложенных дровах, и тотчас же все дрова были объяты необычайным пламенем. Обратив их в уголь, пламя перешло к верхним деревам и быстро уничтожило все сооружения Хозроя»[3].

---

[1] *Тетрапил* — местность в Константинополе, где находились мощи и икона святого и где строилась в то время во имя его церковь.

[2] *Евагрий* — церковный историк VI века.

[3] Нападение на Едессу Персидского царя Хозроя I относится к 545 году.

При чтении этого повествования, чтец великой Константинопольской церкви сказал:

— Я сам — недостойный раб, когда ходил в Сирию с царскими апокрисиариями[1], был в Едессе и видел этот нерукотворный образ; верные почитают его и поклоняются ему.

Много и других, подобных приведенным, извлечений из святоотеческих творений было прочитано на следовавших за первым заседаниях собора. Когда отцы собора, как выразился патриарх Тарасий, «насытились святоотеческими свидетельствами», на средину заседаний была вынесена одна досточтимая икона, и пред ней все присутствовавшие на соборе отцы, лобызая ее, произнесли двадцать два кратких изречения, повторяя каждое из них по три раза. Все главные иконоборческие положения в них были осуждены и преданы проклятью.

Следующие заседания были посвящены разбору определений лжевселенского Копронимова собора. Разбор этот был произведен с величайшей тщательностью. Велся он все время при посредстве двух лиц, как бы двух сторон: один читал то, что было определено лжесобором, другой читал опровержение на то, что было ложного в определениях. Места Святого Писания, ложно истолкованные Копронимовым собором, теперь подверглись новому толкованию. Например: из Ветхозаветного Писания в защиту своих мнений иконоборцы указывали на запрещение Десятословия: *не сотвори себе кумира* (Исх. 20, 4).

Отцы собора отвечали на это:

— Изречения, сказанные израильскому народу, который служил тельцу и не чужд был египетских заблуждений, нельзя переносить на Божественное собрание христиан. Бог, намереваясь ввести иудеев в землю обетования, потому дал им заповедь: не сотвори себе кумира, что там обитали идолопоклонники, поклонявшиеся и демонам, и солнцу, и луне, и звездам, и другим тварям, даже птицам, и четвероногим, и гадам и не поклонявшиеся только Богу Живому и истинному. Когда же, по повелению Господню, Моисей создал Скинию свидения, тогда он, показывая, что все служит Богу, при-

---

[1] *Апокрисиариями* назывались временные или постоянные представители епископов важнейших Церквей при особе государя, которые заведовали всеми сношениями своей Церкви и ее предстоятелей с верховной властью.

готовил из золота человекообразных херувимов, представлявших собой образ Херувимов разумных.

Также ложно истолкованы были лжевселенским собором некоторые места и из святоотеческих творений. В свою защиту иконоборцы приводили, например, такое место из творений святого Афанасия Александрийского:

— Как же не жалеть о почитающих творения по той причине, что зрячие кланяются не видящим и одаренные слухом не слышащим? Тварь никогда не спасет твари.

Но собор разъяснил, что святой Афанасий в данном месте имел в виду язычников и против них направлял свою речь; христиане никогда не служили твари вместо Единого всех Бога, как обвиняли их иконоборцы. Оказалось также, что иконоборцы часто приводили святоотеческие слова отрывочно, — без связи их с предшествующей им и последующей за ними речью, отчего в этих словах мог получаться желательный для них смысл.

Наконец, некоторые из приведенных иконоборческим собором выражений оказались совершенно подложными.

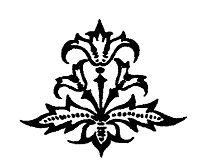
Как скоро оказалось, что основания, какие приводил лжевселенский собор в оправдание своих вероопределений, ложны и недостаточны, для всех само собой стало понятным, что и самые вероопределения его, утвержденные на таких основаниях, ложны, и поэтому отцы собора скоро перешли к окончательной выработке собственного соборного вероопределения. В этом окончательном вероопределении отцы собора нашли нужным сначала упомянуть о поводе к созванию собора и о предпринятых им трудах, затем — привести дословно весь Символ веры и опровержение всех тех ересей, которые уже были опровергнуты шестью предшествующими Вселенскими соборами, и, наконец, на вечные времена утвердить догмат иконопочитания:

— Мы определяем, чтобы святые и честны́е иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображение честного и животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок, или мозаичных плиточек, или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться во святых церквах Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах и дощечках,

или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа или Непорочной нашей Владычицы святой Богородицы, или честных Ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще, при помощи икон, они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих первообразных[1], приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое по вере нашей приличествует одному только Божественному естеству. Взирающие на эти иконы возбуждаются приносить иконам фимиам и ставить свечи в честь их, как делалось это в древности, потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси[2] изображенного на ней. Осмеливающиеся же думать или учить иначе, если это будут епископы или клирики, должны быть «низлагаемы», «если же будут иноки или миряне, должны быть отлучаемы».

Собор закончился прославлением Господа со стороны всех епископов, начальников, воинских чинов и других граждан Константинополя, в несметном количестве заполнивших залы дворца. Списки соборных деяний были посланы папе, восточным патриархам, императрице с императором и всем Церквам Константинопольского патриархата.

Так торжественно закончился восстановивший истину иконопочитания и поныне ежегодно воспоминаемый 11 октября всей Православно-Восточной Церковью VII Вселенский собор[3].

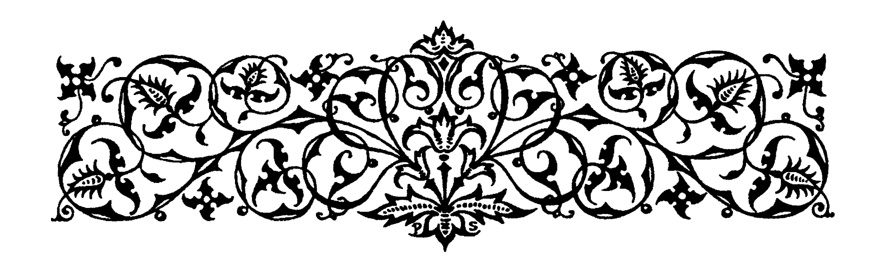


---

[1] Первообразных, то есть тех, кто изображены на иконах.

[2] *Ипостась* — сущность, существо, личность; по отношению к иконе означает того, кому посвящена икона.

[3] Если 11 октября случится в один из дней седмицы, то служба отцам VII Вселенского собора совершается в ближайшее воскресенье.



День двенадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ПРОВА, ТАРАХА и АНДРОНИКА

В царствование Диоклетиана и Максимиана, когда в Тарсе Киликийском начальствовал проконсул Нумерий Максим, в городе Помпеополе[1] были захвачены три христианина — Тарах, Пров и Андроник — и приведены в Тарс к проконсулу Максиму на суд[2]. Посмотрев на них, проконсул, увидев, что Тарах — человек почтенный и старый, сказал ему:

— Как зовут тебя? Ибо тебя, как старейшего возрастом, следует допросить прежде других.

— Я — христианин, — отвечал Тарах.

Проконсул сказал:

— Не говори мне о нечестивой вере своей, а скажи свое имя.

— Я — христианин, — опять сказал Тарах.

Тогда Максим приказал слугам:

— Бейте его по устам и говорите: не отвечай так судье.

Тарах же, когда его били, говорил:

— Какое мне имя? Я скажу: я — христианин; это имя мне дороже имени, данного родителями моими; если же хотите и то имя

[1] *Помпеополь* — иначе Солы — значительный древний город Киликии; в настоящее время от него остались лишь развалины.

[2] Приведенные ниже сказания о страданиях святых мучеников — подлинные акты мучеников, которые, как видно из письма христиан города Аназарва (в Киликии), где претерпели кончину святые мученики, к христианам города Иконии, приобретены аназарвскими христианами через одного посредника за двести динариев (сорок рублей слишком).

мое узнать, то я своими родителями наименован Тарахом, а когда был воином, звали меня Виктором[1].

Проконсул спросил его:

— Из какого ты рода, Тарах?

— Я происхожу, — отвечал Тарах, — из римского воинского рода в сирийском городе Клавдиополе[2] и, сделавшись христианином, оставил военное звание.

Проконсул сказал:

— Ты был недостоин служить воином; однако скажи, как ты вышел из военного звания.

— Я просил начальника Публиона, — сказал Тарах, — и он отпустил меня.

Проконсул сказал:

— Пощади же старость свою и послушайся повеления царей наших, чтобы я уважал тебя; подойди и принеси жертву богам нашим, ибо и сами цари, обладающие вселенной, поклоняются им.

Тарах отвечал:

— Они впали в заблуждение, прельщенные сатаной.

После такого ответа Тараха проконсул приказал слугам:

— Разбейте ему челюсти, ибо он говорит на царей, что они прельстились и впали в заблуждение.

Тарах, когда его били, говорил:

— Я как утверждал, так и продолжаю утверждать, что они впали в заблуждение как люди.

Проконсул сказал:

— Оставь безрассудство свое и принеси жертву богам нашим.

— Я Единому Богу моему служу, — отвечал Тарах, — и в жертву Ему приношу не кровь, но чистое сердце.

Проконсул сказал:

— Щадя старость твою и оказывая снисхождение, советую тебе оставить безумную веру христианскую и принести жертву богам.

— Не сделаю такого беззакония, — отвечал Тарах, — потому что люблю закон Бога моего и не отступлю от него.

Проконсул сказал:

— Есть другой закон, который нужно исполнять, о злая голова.

---

[1] *Виктор* — с греческого значит: победитель.

[2] *Клавдиополь* — город Исаврии, составлявшей часть Киликии.

Тарах отвечал:

— Пагубен закон ваш, повелевающий вам, нечестивым, почитать камни и деревья, дела рук человеческих, и поклоняться им.

Проконсул приказал предстоящим ударить Тараха в шею. Мученик, терпеливо перенося удары, говорил:

— Не отступлю от этого исповедания, которое спасает меня.

— Я заставлю тебя, — сказал проконсул, — отвратиться от этого безумия и сделаю благоразумным.

— Делай что хочешь, — отвечал мученик, — ты имеешь власть над моим телом.

Проконсул Максим сказал:

— Снимите с него одежды и бейте его прутьями.

Тарах же, когда его били, говорил:

— Ныне ты сделал меня поистине мудрым и благоразумным, ибо в этих мучениях я еще более уповаю на Бога и на Христа Его.

— Нечестивейший и преступный, — сказал проконсул, — ты сначала говорил, что Единому служишь Богу, а вот теперь двух исповедуешь — Бога и Христа Его; как же ты теперь двум служишь, а наших многих богов отвергаешь?

— Я исповедую, — отвечал Тарах, — Единого истинного Бога.

Проконсул сказал:

— Не назвал ли ты Бога и Христа Его?

Тарах отвечал:

— Христос есть Сын Божий (Един по Божеству со Отцом и Духом Святым), надежда всех христиан, и мы спасемся, страдая за Него.

Максим проконсул сказал:

— Оставь многословие и принеси жертву нашим богам.

— Я не пустословлю, — сказал Тарах, — но говорю истину, уже шестьдесят пять лет живу, веруя так, и теперь от истины не отступлю.

Стоявший там один сотник, именем Димитрий, сказал:

— Пощади себя, старик, и поклонись богам, послушайся моего совета.

— Отойди от меня, — отвечал Тарах, — со своим советом, слуга сатаны.

После этого проконсул Максим, приказав связать страдальца Христова железными цепями и бросить в темницу, сказал слугам:

— Приведите ко мне другого.

На это сотник Димитрий сказал:

— Вот, господин, он предстоит пред тобой.

Проконсул Нумерий Максим, увидев другого христианина, предстоящего пред ним, сказал ему:

— Поведай мне прежде всего имя свое.

Предстоящий отвечал:

— Первейшее и почетнейшее мое имя — христианин, а другое имя, данное людьми, — Пров.

Проконсул спросил:

— Из какого ты рода, Пров?

— Отец мой, — отвечал Пров, — был из Фракии, а рожден я в Пергии Памфилийской[1], и я христианин.

Проконсул Максим сказал:

— Никакой пользы тебе нет от этого имени; послушайся меня, принеси жертву богам, и ты получишь почесть от царей и станешь нашим другом.

Пров отвечал:

— Я ни от царей чести не хочу, ни дружества твоего не желаю, ибо у меня было немалое богатство, которое я оставил, чтобы служить Богу Живому.

Проконсул сказал:

— Разденьте его и, разложив, бейте суровыми жилами.

Когда святого били, Димитрий сотник сказал ему:

— Пожалей себя; разве ты не видишь, что кровь твоя течет по земле.

— Тело мое, — отвечал Пров, — в ваших руках, и вы мучайте его, а мне мучения служат елеем.

Проконсул Максим сказал:

---

[1] *Пергия* — город в Малой Азии.

— Оставишь ли ты пустословие свое или окаменеешь в своем упорстве?

— Я не пустослов, — сказал Пров, — но гораздо мужественнее вас, ибо для мужества имею основание в Господе.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Поверните и по чреву бейте его.

При этом жестоком мучении Пров воскликнул:

— Помоги мне, рабу Твоему, Господи!

Проконсул сказал слугам:

— Когда бьете его, спрашивайте: где помощник твой?

И когда слуги спрашивали его, Пров говорил:

— Помогает мне Господь и поможет, и я настолько презираю мучительства твои, что не склонюсь пред твоей волей.

Максим проконсул сказал:

— Посмотри на тело свое, злосчастный, ведь кровью твоей покрылась земля.

— Знай, — отвечал Пров, — что когда тело мое страдает за Христа, тогда душа моя исцеляется и оживляется.

Приказав перестать бить святого, судья сказал:

— Свяжите ему цепью руки и ноги и бросьте его в темницу и никого не допускайте к нему, чтобы никто о нем не заботился.

После этого, по приказанию проконсула, представлен был на суд третий христианин. Опрошенный об имени, он отвечал:

— Я — христианин.

Проконсул сказал:

— Те, которые были раньше тебя, никакой пользы не получили от этого имени, и тебе следует отвечать иначе.

Он сказал:

— Обычное мое имя — Андроник.

Проконсул Максим сказал:

— Из какого ты рода, Андроник?

— Я из почтенного рода, — отвечал Андроник, — сын одного из первейших граждан Ефесских.

Проконсул Максим сказал:

— Пощади себя и послушайся меня как отца; ибо прежде тебя бывшие здесь и говорившие неразумное ничего не приобрели себе, а ты принеси жертву богам, которые суть владыки и отцы наши.

— Справедливо ты назвал их отцами, — сказал Андроник, — ибо отец у вас — сатана, а вы — сыны диавола, совершающие дела его.

Проконсул Максим сказал:

— Ты — юноша и бесчестишь меня! Разве не знаешь, что уже приготовлены тебе великие мучения?

— Ты считаешь меня, тиран, — отвечал Андроник, — настолько безумным, чтобы мне оказаться недостойным прежних страдальцев: я готов на всякие муки.

Мучитель сказал:

— Обнажите его и, привязав, повесьте.

Сотник Димитрий сказал Андронику то же, что и первым двум:

— Злосчастный, послушай, что тебе приказывают, прежде чем плоть твоя не отпадет от костей твоих.

— Лучше пусть погибнет тело мое, — отвечал Андроник, — лишь бы вы не сделали душе моей того, что хотите.

Проконсул Максим сказал:

— Уступи нам и принеси жертву богам, прежде чем не погибнешь.

— От юности своей, — отвечал Андроник, — я никогда не служил идолам, и теперь не принесу им жертвы.

Проконсул Максим сказал:

— Терзайте тело его.

Стоявший там сотник другого отряда, Анксий, сказал Андронику:

— Послушайся проконсула; я отец тебе по летам и добрый совет даю тебе.

— Стар ты, — отвечал Андроник, — а разума не имеешь. Даешь мне такой совет, чтобы я поклонился камню и принес жертву бесам.

Во время истязаний святого мученика проконсул говорил:

— Злосчастный, разве ты не чувствуешь страдания при таких мучениях? Почему же ты не пощадишь самого себя и не отступишь от той пустой веры, которая не может спасти тебя?

— То, — отвечал Андроник, — что ты называешь безумной верой, для имеющих надежду в Господе есть исповедание самое дорогое, твое же временное мудрствование готовит вечную смерть.

Проконсул спросил:

— Кто тебя научил такому безумию?

— Слово Божие, — сказал Андроник, — которое живит и которым мы оживляемся, имея на небесах Господа, надежду воскресения нашего.

Проконсул Максим сказал:

— Оставь безрассудство свое прежде, нежели подвергну тебя жестоким мучениям, которые приготовлены для тебя.

— Тело мое, — отвечал Андроник, — лежит пред тобой; власть твоя: делай что хочешь.

Проконсул сказал:

— Как можно сильнее бейте его по устам.

— Пусть Господь видит, — отвечал Андроник, — и да судит тебя, что ты мучишь меня, как человекоубийцу.

Проконсул сказал:

— Ты царских повелений не слушаешь и ни во что ставишь суд мой.

— Я терплю эти страдания за то, — ответствовал Андроник, — что уповаю на Бога и надеюсь на Его милосердие и правду.

Судья возразил:

— Так разве согрешили цари? Ты достоин смерти.

— Согрешили они действительно, — отвечал Андроник, — ибо если захочешь рассудить здравым умом, то узнаешь, что приносить жертвы бесам — великий грех и беззаконие.

Тогда мучитель сказал бьющим:

— Оборотив оружие, колите ему бока.

Андроник же повторял:

— Вот, я перед тобой: предавай же тело мое каким тебе угодно мучениям.

Во время этого мучения Андроник промолвил:

— Укрепилась ранами плоть моя.

— Медленными страданиями, — сказал мучитель, — истреблю тебя.

— Я не боюсь твоей угрозы, — отвечал Андроник, — разум мой выше замыслов злобы твоей; потому и пренебрегаю мучениями.

Тогда мучитель сказал слугам:

— Наденьте на него оковы и, заковав ему ноги, держите его под стражей.

По прошествии некоторого времени проконсул Нумерий Максим опять сел на судилище, и христиане поставлены были на допрос[1]. И сначала Тараха, как старейшего летами, судья принуждал к языческому жертвоприношению, обещая ему почести. Когда же Тарах не только не повиновался, но и сурово отвечал судье, тогда тот приказал сокрушить уста его камнями и выбить ему зубы; затем сказал слугам:

— Принесите огонь и, протянув руки Тараха, положите на них.

Тарах же сказал:

— Не боюсь я временного огня твоего, а боюсь, как бы, уступив тебе, нечестивцу, я не впал в огонь неугасаемый.

И когда положен был огонь на руки его, проконсул сказал:

— Вот сожигаются огнем руки твои; почему же ты не оставишь безрассудства своего и не принесешь жертвы богам?

— Ты хочешь, — отвечал Тарах, — привести меня своей жестокостью к такому безрассудству, чтобы я подчинился твоей воле; но знай, что я, с помощью Бога моего, с твердостью готов претерпеть все мучения, какие ты мне готовишь.

После этого проконсул велел повесить его вниз головой и развести под ним огонь, а затем вливать в ноздри его крепкий уксус, смешанный с солью и горчицей. Мучил он различным образом и Прова, также и Андроника, — биением, жжением, строганием острыми железными орудиями и посыпанием ран солью; но, не достигнув никакого успеха, велел до утра стеречь их в оковах.

Утром проконсул сказал сотнику Димитрию:

— Зови ко мне нечестивых христиан.

Сотник сказал:

— Вот они предстоят пред тобой, господин.

— Неужели еще не истерзали тебя, — сказал проконсул Тараху, — мучения, раны и оковы? Послушайся меня, Тарах, и оставь свою веру, которая бесполезна для тебя; принеси жертву богам, чрез которых все произошло.

— Как могли, — отвечал Тарах, — устроить мир те, которым уготован огонь и вечные муки, — и не только им, но и всем, исполняющим их волю.

Проконсул продолжал:

[1] Второй допрос святых мучеников происходил в Мопсуестии — городе области Киликии в Малой Азии.

— Перестанешь ли ты злословить, нечестивец? Разве не знаешь, что за бесстыдные слова твои тотчас сниму с тебя голову, и таким образом скорее получишь конец мучениям?

Тарах же отвечал:

— Вначале было у меня такое желание, чтобы скорой смертью сокращены были мои страдания; а теперь продли мне мучения, чтобы возрастал о Господе подвиг веры моей.

— С тобой, — сказал проконсул, — и друзья твои должны страдать и умереть, по закону.

Тарах отвечал:

— Безумно ты говоришь, обещая нам смерть, ибо умирают только те, которые делают зло, а мы, не ведующие зла, но страдающие за Господа нашего, ожидаем получить от Него воздаяние.

— Преступный и негодный, — сказал проконсул, — какого воздаяния вы ожидаете, живя худо и беззаконно?

— Не следует тебе, язычнику, знать, — отвечал Тарах, — какое Господь уготовал нам на небесах воздаяние, ради которого мы терпим яростный гнев твой.

— Имеешь ли ты право, — сказал Максим, — так смело говорить со мной, как будто ты — друг мне?

Тарах отвечал:

— Я — не друг тебе, но говорить имею право и никто не может запретить мне это, когда Бог укрепляет меня.

— Право твое, — сказал Максим, — которое ты имеешь, я уничтожу, нечестивец!

Тарах отвечал:

— Никто права этого отнять у меня не может: ни ты, ни цари твои, ни отец ваш — сатана.

Проконсул Максим сказал:

— Свяжите его, потому что он безумный.

— Если бы я был безумный, — отвечал Тарах, — склонился бы к нечестью твоему.

Когда святой был связан, проконсул сказал:

— Принеси жертву богам, прежде чем не подвергну тебя мучениям по делам твоим.

— Делай что хочешь, — отвечал Тарах, — хотя не следует тебе подвергать меня обычным мучениям, потому что я был воином; од-

нако, чтобы ты не подумал, будто я боюсь мучений и хочу покориться воле твоей, обрати на меня все ухищрения твоей злобы.

Проконсул сказал:

— Воины всегда приносят жертвы богам за здравие царей своих и удостаиваются заслуженной ими чести, а ты самый дурной из всех, потому что бежал из военного звания и не хочешь принести жертвы; за то тебе готовятся жесточайшие мучения.

Тарах сказал:

— Зачем ты сердишься? Говорю тебе: делай что хочешь, нечестивец!

— Не думай, — сказал Максим, — что я одним разом погублю тебя, я не перестану мучить и истощать тебя, а останки тела твоего отдам зверям на растерзание.

— Не обещай на словах, — сказал Тарах, — но на деле поскорее исполни то, что хочешь делать.

Максим сказал:

— Ты думаешь, что по смерти твоей какие-нибудь женщины с благовониями похоронят тело твое; но я постараюсь о том, чтобы вконец уничтожить твои останки.

— И теперь, — отвечал Тарах, — и по смерти над телом моим делай что хочешь.

— Сначала принеси жертву, — сказал Максим.

— Безумный, — сказал Тарах, — я говорил много раз, что не принесу.

Тогда мучитель Максим сказал слугам:

— Сокрушите ему лицо и уста.

Когда слуги били Тараха, он говорил:

— Лицо мое ты обезобразил, но зато душу мою оживил.

— Несчастный, — сказал мучитель, — оставь безумные мысли свои и принеси жертву богам, чтобы избавиться от этих мучений.

Тарах отвечал:

— Ты считаешь меня безумным потому, что я, надеясь на Господа, уверен в том, что буду жить на небесах; но ты, угождая плоти, живешь временно, а душу свою погубишь навеки.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Раскалите железо и приложите к его челюстям.

Терпя такое мучение, Тарах сказал:

— Если что и бо́льшее сделаешь, не принудишь раба Божия принести жертву богам.

Затем судья велел принести бритву, отрезать мученику уши и содрать с головы кожу, а на голову положить горящие уголья. Тарах же говорил:

— Если и со всего тела моего прикажешь содрать кожу, не отступлю от Бога моего, Который укрепляет меня в перенесении орудий злобы твоей.

Когда все это происходило, проконсул сказал:

— Соберите железные орудия и, раскалив их еще более, подложите ему под мышцы!

Тарах же, терпя это, говорил:

— Да видит это Господь с небеси, и да судит тебя!

Проконсул спросил:

— Какого Господа призываешь ты, преступный?

— Того, Которого ты не знаешь, — отвечал Тарах, — Того, Кто воздаст каждому по делам.

Тогда проконсул велел взять Тараха под стражу, а на допрос привести другого. Когда привели к проконсулу Прова, то сотник Димитрий сказал:

— Вот, господин, пред тобой предстоит Пров.

— Советую тебе, Пров, — сказал проконсул, — не подвергать себя прежним мучениям, ибо те, которые прежде тебя упорствовали, раскаялись в том; а ты теперь принеси жертву, и будешь почтен и от нас, и от богов.

Пров отвечал:

— У нас единомыслие, и мы единым сердцем работаем Богу; не надейся услышать от нас что-либо другое, ибо ты уже слышал и видел, что не можешь отвратить нас от Бога. Вот, я теперь предстою пред тобой и не боюсь твоих угроз; чего еще ждешь более?

— Вы согласились, — сказал проконсул, — в злобе своей отвергнуть богов.

Затем, приказывая связать и повесить его вниз головой, он продолжал:

— Пощади свое тело, пока еще не мучен; ибо видишь, какие мучения приготовлены тебе.

— Делай, — отвечал Пров, — что хочешь; все то зло, какое ты приготовил для меня, будет в утешение душе моей.

Проконсул сказал слугам:

— Раскалите прутья и опалите ему бока, чтобы не безумствовал.

Пров же говорил:

— Насколько ты считаешь меня безумным, настолько я премудр в законе Господнем.

Опять сказал проконсул слугам:

— Раскаленные прутья воткните в спину его.

Пров же, претерпевая это, говорил:

— Пусть видит с неба Господь мое смирение и терпение!

После того мучитель, повелев принести жертвенного мяса и вина, сказал:

— Влейте вино и вложите мясо в уста его.

Когда слуги делали это, Пров сказал:

— Да видит Господь с высоты престола Своего это мучительство и сотворит приговор над судом твоим!

— Много пострадал ты, злосчастный, — сказал судья, — а вот все же принял идоложертвенную пищу.

— Ничего важного, — отвечал Пров, — ты не сделал, причинив мне насилие; Господь знает мою волю.

— Ты, — сказал судья Максим, — и ел и пил жертвенное.

— Господь знает, — ответил на это Пров, — и видит насилие, которое я терплю.

Проконсул Максим сказал:

— Раскаленными прутьями колите голени его.

Пров же повторял:

— Ни огонь, ни мучения, ни отец твой — сатана не могут отторгнуть раба Божия от исповедания Его.

— Раскалите, — сказал проконсул, — острые гвозди и вбейте их в руки его.

— Благодарю Тебя, Господи, — сказал Пров, — за то, что и рукам моим дал Ты страдать за имя Твое.

Проконсул сказал:

— От многих мучений ты лишился ума.

— Большая власть твоя, — отвечал Пров, — не только сделала тебя безумным, но и ослепила, ибо ты сам не знаешь, что делаешь.

Проконсул сказал:

— Изувеченный, ты смеешь мне говорить такие слова? Так как я оставил целыми глаза его, то — выколите ему их.

Когда это было исполнено, Пров сказал:

— Хотя ты и отнял мои телесные очи, но никогда не сможешь отнять живых очей веры.

Проконсул сказал:

— После таких мучений надеешься ли быть живым? Или думаешь, что мы оставим тебя умереть спокойно?

— Для того я и подвизаюсь, — отвечал Пров, — чтобы совершать доброе и целое исповедание и быть умерщвленным тобой без милосердия.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Возьмите его отсюда и, связав, стерегите под стражей, чтобы кто-нибудь из знакомых его не пришел к нему и не почтил его за безбожное непокорство.

После этого он сказал:

— Представьте мне Андроника.

— Вот он, — отвечал сотник, — предстоит пред тобой, господин.

И сказал проконсул Андронику:

— Принеси жертву богам и получишь освобождение от оков.

— Не будет того никогда, мучитель, — отвечал Андроник,— чтобы я сделал что-либо противное закону Бога моего.

Проконсул сказал:

— Ты беснуешься, Андроник.

— Если бы я бесновался, — ответил Андроник, — то послушался бы тебя; но, исповедуя Господа моего, не беснуюсь, а ты сам бесноват и слеп, так как творишь бесовские дела.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Наделайте пучков из рогожи, пропитайте их маслом и сожгите на чреве его.

И тотчас слуги, обнажив Андроника и разложив его на земле, зажгли на чреве его множество мочала, пропитанного маслом. Он же говорил:

— Если и всего сожжешь, не победишь меня, нечестивец, ибо стоит предо мной укрепляющий меня Господь, Коему я служу.

Проконсул сказал:

— Раскалите прутья и вложите между перстами его.

Андроник же говорил:

— Безумный враг Божий, ты весь исполнен бесовских замыслов; ты видишь тело мое, истощаемое от твоего мучительства, и думаешь, что я боюсь тебя; рядом со мной Христос, Сын Божий, и я пренебрегаю тобой.

— Беззаконник, — сказал проконсул, — ты не знаешь, Кого зовешь, — Человека, Который был казнен Понтием Пилатом и о мучении Которого существуют письменные акты.

— Умолкни, нечестивец, — отвечал Андроник, — ибо не следует тебе говорить о Нем худо.

Проконсул сказал:

— Какая тебе польза надеяться на Того Человека, Которого ты называешь Христом?

— Поистине большая польза, — отвечал Андроник, — и великая награда, почему все это и переношу с терпением.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Откройте ему рот и вложите туда жертвенного мяса и влейте вина.

Когда так сделали, Андроник сказал:

— Господи, Господи! Посмотри на насилие, которое я терплю.

Проконсул сказал:

— Доколе ты будешь страдать, подвергаясь мучениям? Ведь вот уже вкусил ты от жертвы богам нашим.

Андроник сказал:

— Да погибнут поклоняющиеся идолам, ты и цари твои!

— Ты поносишь, злая голова, царей, — сказал проконсул, — которые надолго умиротворили мир.

— Я проклял губителей и кровопийц, — отвечал Андроник,— нарушающих мир, которых Господь крепкой рукой Своей низложит и истребит.

Тогда проконсул сказал слугам:

— Вложите железо в рот его и зубы ему выбейте, богохульный язык его вырежьте, чтобы не хулил царей, и сожгите язык его.

И сделали слуги все, что приказано было мучителем. После этого Андроник отведен был под стражу.

Этим оканчивается сказание о страдании святых мучеников, заимствованное из судебных записей, сделанных писцами в то самое время, когда святые были пытаемы и мучимы; о прочих же страданиях и смерти святых три благочестивые мужа: Макарий, Феликс и Берий, смотревшие на кончину святых мучеников, написали в своем послании к верующим следующее[1]:

«Нумерий Максим, проконсул Киликийский, призвав Терентиана, жреца Киликийского, велел наутро приготовить в тысяче шагах от города амфитеатр[2], на котором предположено было отдать мучеников на съедение зверям. Когда амфитеатр был наполнен народом, пришедшим посмотреть мучения, прибыл и Максим смотреть на зрелище, а мы[3] в скрытом месте стояли и смотрели с большой боязнью. И вот сначала отданы были на съедение зверям другие осужденные, которых было множество; затем Максим велел воинам ввести христианских мучеников — Тараха, Прова и Андроника. Воины заставили людей донести мучеников на плечах, ибо от многих ран они не могли ходить. Мы же, когда увидели их несомыми на зрелище, отвернувшись, заплакали. И брошены были святые среди арены. Тогда напал страх на всех и стали роптать на Максима за такой его суд; и многие с того зрелища разошлись, понося Максима и зверскую его лютость. Увидев это, Максим велел предстоящим воинам заметить ушедших, чтобы ему после расследовать виновность их.

И вот приказал он выпустить зверей на мучеников, и когда те не прикоснулись к ним, велел бить устроителей зрелища, требуя от них, чтобы они выпустили зверей самых лютых. Выпущен был медведь, который в тот день умертвил трех человек; и когда он подошел к Андронику, сел и начал лизать раны его. Андроник же стал раздражать его, чтобы он его съел, но тот был кроток. Разгневанный проконсул приказал копьеносцам убить медведя. Тогда Терентиан, боясь проконсула, поспешил выпустить на мучеников львицу, которая при-

[1] Указание относительно кончины святых мучеников находится также в Послании аназарвских христиан.

[2] *Амфитеатр* — овальное, открытое здание, предназначенное для боя зверей и людей. В самой средине помещалась, усыпанная песком, арена (место, где происходили сами побоища). Кругом арены шла ограда. Позади этой ограды возвышались ступеньками ряды скамеек для публики.

[3] Речь идет от лица христиан.

слана была из Антиохии. Выпущенная на арену, львица, бегая вокруг, страшно напугала собравшихся зрителей, но, подойдя к мученикам, преклонилась и легла пред Тарахом. Он, достав ее рукой своей, тащил ее, чтобы, таким образом раздраженная, она съела его; львица же оставалась при Тарахе кроткой как овца.

Видя это чудо, народ поднял большой крик. Пристыженный и раздраженный этим чудом, проконсул велел своим слугам раздразнить львицу, но она, сильно рыкая, пошла к дверям и начала грызть их зубами. Весь народ, в страхе, кричал:

— Отворите львице, ибо уже и двери сломались.

Тогда Максим, разгневавшись, призвал Терентиана и велел убить святых мучеников. Тарах, Пров и Андроник были заколоты мечами и рассечены на части и так скончались[1]. Уходя со зрелища, Максим оставил десять воинов стеречь тела мученические, приказав положить их с трупами нечестивых, чтобы они не были узнаны и унесены христианами. Мы же, видя это, молили Господа подать нам благоприятное время, когда бы можно было тайно взять их. После этого, подойдя ближе, мы увидели сторожей ужинающих и огонь, разведенный для ночной стражи; тогда, преклонив колена, молили Господа и Христа Его, чтобы Он исполнил наше желание — послал с неба помощь и дал нам тела святых. Внезапно сделалось землетрясение, с громом, молнией и дождевой бурей. Мы опять помолились и, приблизившись к телам, нашли огонь угасшим, и не было ни одного из воинов, ибо они убежали от дождя и бури. Тогда мы подняли к небу руки, с молением, чтобы Господь особым знаком открыл нам мощи святых мучеников, так чтобы можно было узнать их среди множества прочих трупов. Ночь же была очень темная. Вдруг три свечи, точно звезды, явились над мощами святых. Взяв тайно мощи святых мучеников, мы ушли, в предшествии тех свечей небесных. Следуя за ними, зашли мы на другую сторону горы, — и свечи небесные стали невидимы. Найдя там выкопанную в скале пещеру, мы положили в ней тела святых и вход крепко заделали, чтобы они не были найдены кем-либо из неверных[2]. После этого пошли мы в

---

[1] Кончина святых мучеников относится к 304 году.

[2] Велика была слава мучеников в древности. Епископ Мопсуестии Авксентий II, в половине V века, выстроил в этом городе храм во имя этих святых мучеников и, получив из Аназарва части мощей их, положил их в этом храме.

город узнать, что делается, и услышали, что стражи убиты Максимом. Мы же возблагодарили Господа нашего Иисуса Христа, живущего во веки веков.

Я — Макарий, Феликс и Герий — хотим провести здесь остальное время жизни нашей, чтобы здесь вместе со святыми мучениками погребены были тела наши. Души же наши да сподобятся на небе наслаждаться вечной жизнью со святыми страдальцами. А тех, кого мы к вам отправляем с этим посланием, приимите с почтением, ибо они суть рабы Господа нашего Иисуса Христа. Умоляем вас поминать нас в молитвах. Да будет с вами благодать Божия. Аминь».

ЖИТИЕ СВЯТОГО
КОСМЫ МАИЮМСКОГО,
творца канонов

Родители святого Иоанна Дамаскина[1], проживая в городе Дамаске, приняли к себе в дом некоего христианского сироту, по имени Косму, происходившего родом из Иерусалима и осиротевшего в самом юном возрасте, будучи весьма благочестивыми и нищелюбивыми, родители святого Иоанна Дамаскина взяли его к себе вместо сына и воспитали вместе и наравне с своим сыном Иоанном. Купив у агарян[2] в качестве раба одного инока, именовавшегося также Космой, они отдали в обучение ему обоих отроков Иоанна и Косму. Косма, обучившись у этого образованного инока всей премудрости христианского ведения и достигнув совершенного разума и возраста, оставил суетный мир, и, удалившись в одну обитель[3],

[1] *Святой Иоанн Дамаскин* — замечательнейший христианский песнописец и богослов, умер в 776 году. Память его совершается Церковью 4 декабря.

[2] То есть у арабов, происходивших, по преданию, от Измаила, сына Авраамова от Агари.

[3] Обителью этой был знаменитый монастырь святого Саввы Освященного, в Палестине, недалеко от Иерусалима. В пустыне святой Косма разделял ученые труды Дамаскина и, как говорит Иоанн Иерусалимский, ревностно подражал Дамаскину в любви к духовным песням, составил для Церкви сладкие стройные песни, неутомимыми подвигами представляя собой самую стройную Псалтирь Гос-

Святой Косма

возложил там на себя ярмо иночества и добре подвизался в нем; как звезда на тверди небесной, так и он просиял в Церкви Христовой своим житием и богопросвещенностью. Когда настало в Церкви иконоборство, преподобный Косма побудил святого Иоанна Дамаскина выступить в защиту святых икон и написать для православных исследование о поклонении иконам, разделяя с Иоанном Дамаскиным труд по составлению сочинений против иконоборцев. Он же благоукрасил церковное богослужение прекрасными, вдохновенными тропарями и канонами. Он почтил песнопениями Лазарево воскрешение, вольные страдания Христовы и некоторые Господни праздники[1]. Впоследствии

поду. Замечательно, что в древнейшем издании песнопений святых Космы и Иоанна, равно как и в древних рукописях, песни святого Космы постоянно называются песнями Космы Иерусалимского, — что подтверждает мысль того же Иоанна Иерусалимского, что песнопения свои святой Косма писал в обители святого Саввы.

[1] Кроме песнопений на неделю Ваий, воскрешение Лазаря и страданий Христовых, по справедливости считающихся самыми лучшими и торжественными творениями этого замечательнейшего песнопевца Православной христианской Церкви, от святого Космы сохранились вдохновенные каноны на Успение Богоматери, Рождество Христово, Воздвижение Креста Христова, Сретение Господне (со стихирами), Крещение Спасителя, Преображение Господне (со стихирами), Пятидесятницу, трипеснцы на понедельник, вторник, среду и пятницу страстной недели. При этом известный церковный историк XIV века Никифор Каллист пишет, что святой Косма первый начал писать трипеснцы «во образ Святой Троицы». Святому же Косме Маиюмскому принадлежит составление вдохновенной песни в честь Богоматери: «Честнейшую Херувим», канона на Великий четверток, четверопеснцев на Великий четверток, икоса и 14 кондаков на Успение Богоматери, канонов Иосифу Обручнику, Давиду царю, великомученику Георгию, Григорию Богослову, и некоторых других церковных песнопений. По поводу известнейшего Богородичного песнопения «Честнейшую Херувим» сохранилось церковное предание, по которому Пречистой весьма благоугодна была эта песнь, и Она, явившись преподобному, с радостным лицом сказала: «Приятны Мне песни твои, но эта приятнее всех других; приятны Мне те, которые поют духовные песни, но никогда Я столько близка не бываю к ним, как когда поют

святой Косма Иерусалимским патриархом был поставлен во епископа Маиюмского[1], в сане которого много и Богоугодно потрудился, управив свою паству на спасительной пажити Христовой, и потом мирно почил о Господе, достигнув глубокой старости[2].

ЖИТИЕ СВЯТОГО
МАРТИНА МИЛОСТИВОГО,
епископа Турского

Святой Мартин происходил из Паннонии, из города Сабарии[3]; родители его были язычники. Отец его прежде служил в качестве простого солдата, но своей усердной службой поднялся до зва-

---

они эту новую песнь твою». При этом Никифор Каллист замечает, что способные к созерцанию духовных предметов неоднократно видели потом Пречистую благословлявшею певших песнь эту. Предание это оправдывается и тем вседневным употреблением, какое предписывается в уставах касательно этой песни. Во всех песнопениях святого Космы Маиюмского речь всегда полна мысли и вместе сжата, благогласна, исполнена торжественного величия, благоговения и высокохудожественного христианского вдохновения. В греческой службе святому Косме читаем: «Вот духовная цитра, лира священная, созывает всех к тайной трапезе: Косма священный и славный предлагает медоточные, священнозвучащие песни... Начальника песнопевцев, равного учителям, правый образ духовных песней гармонических, трубу доброгласную, прекрасный исток песней мелодических, ревнителя песнопения ангельского, Косму песньми хочу я украшать». Песнопения святого Космы Маиюмского издревле всегда были в самом высоком и глубоком уважении Церкви.

[1] *Маиюма* — портовый город Палестины, служивший гаванью для Газы, значительного, древнего города этой страны, недалеко от Иерусалима. — Во епископа Маиюмского святой Косма был избран, против своей воли, собором и поставлен Иерусалимским патриархом Иоанном V около 735 года. И после поставления своего во епископа он не оставлял братских отношений своих со святым Иоанном Дамаскиным.

[2] Святой Косма Маиюмский † около 787 года.

[3] *Паннония* — одна из значительных придунайских областей Римской империи; ныне составляет часть Венгрии. Сабария — ныне Штейн на Ангере. Святой Мартин родился в первой половине IV века.

ния военного трибуна[1] и занял высокое положение. Детские годы Мартина протекли в Тицине[2], куда, в то время как он был еще ребенком, отец его, по обстоятельствам службы, должен был переселиться. Еще в самом раннем возрасте, святой своей кротостью, милосердием и чистотой душевной благоугодил Богу, являя в себе признаки призвания свыше. В то время христианская вера повсюду быстро и открыто распространялась в пределах Римской империи, и Мартин, познакомившись с верующими, услышал от них истины веры Христовой и стал всей душой стремиться к ней, постигая истину своим чистым, неиспорченным сердцем. Воспламененный любовью к добродетелям и святой жизни христиан, отрок, на десятом году жизни, против желания своих родителей, сделался оглашенным. Он не обучался наукам, довольствуясь лишь одним учением Христовым. Будучи двенадцати лет, он возымел благочестивое желание сделаться отшельником, подражая уединенной подвижнической жизни святого Антония. Но Бог судил иначе, чтобы тем очевиднее явлено было его благочестие еще до просвещения в купели крещения. Отец Мартина был крайне недоволен дружественными отношениями своего сына с христианами и его благочестивыми наклонностями, тем более что, охваченный честолюбивыми стремлениями, он желал сделать из этого сильного и деятельного мальчика видного воина, который бы прославил его имя на полях битвы. И вот, когда Мартин достиг пятнадцатилетнего возраста, согласно с императорским указом, по которому сыновья ветеранов[3] должны были поступать в войско, отец схватил его, заключил в цепи и силой принудил принять военную присягу. Как сын трибуна и как видный и крепкий юноша, Мартин сделался конным офицером и приобрел большую доверенность со стороны начальников.

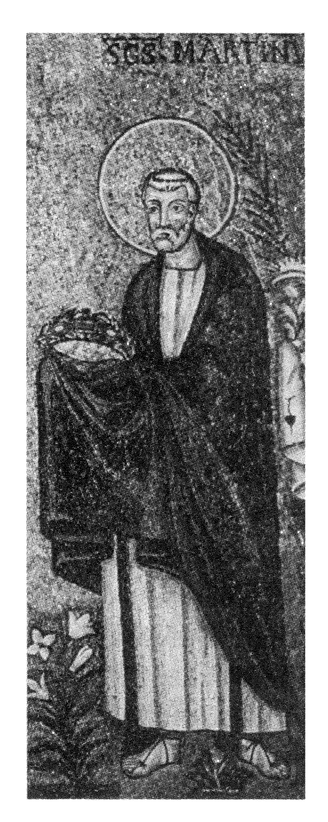
Новое видное положение Мартина не изменило его смиренного и благочестивого образа жизни. Его средства давали ему возможность иметь при себе двух и более служителей из солдат; но он до-

---

[1] То есть до чина начальника известного отдельного полка в войске.

[2] *Тицин* — ныне *Павия*, значительный город Северной Италии при реке Тичино, недалеко от впадения ее в По.

[3] Так назывались у римлян во времена империи старые солдаты, еще не уволенные в отставку; они были свободны от всяких работ и призывались к строевой службе только для защиты отечества от внешних врагов.



вольствовался только одним, к которому относился не как к рабу, а как к другу и брату, и более сам служил ему, нежели принимал от него услуги. Сослуживцам своим он оказывал великую любовь и возбуждал в них к себе не только искреннее расположение, но и почтительное удивление своей строго-благонравной жизнью среди постоянных примеров соблазна. Даже будучи солдатом, Мартин всецело отдавался делам милосердия христианского. Оставляя у себя из своего жалованья лишь столько, сколько требовалось для пропитания, и во всем себе отказывая, он на остальные средства помогал несчастным, одевал нагих, кормил бедных и творил другие дела милости.

Службу свою Мартин нес в Галлии[1]. Вместе с войском ему пришлось стоять на зимних квартирах в Амьене[2]. Зима была чрезвычайно сурова, и Мартин, всегда отличавшийся милосердием, тем более щедро уделял в это время из своего имения для прокормления и содержания бедных. Однажды, проходя через ворота города, он встретил полуобнаженного нищего, почти совсем закоченевшего от жестокой стужи. Мимо проходившие не обращали на него никакого внимания и оставляли без всякой помощи, вероятно потому, что и сами нуждались и не имели ничего лишнего. У Мартина также ничего не было; он не мог дать нищему никакой милостыни, ибо пред тем роздал все свои деньги. Но сердце его сжималось скорбью и состраданием при виде этого несчастного бедняка. Тогда Мартин, не раздумывая долго и желая лишь оказать несчастному скорейшую помощь, быстро снял с себя воинский пояс, скинул с себя плащ и, разделив его на две половины, одну отдал страдающему от холода бедняку, а сам закутался в остальную половину. Этот поступок видели некоторые из прохожих и стали смеяться над ним, при виде его странного

[1] *Галлия* — нынешняя *Франция*.

[2] *Амьен* — ныне главный город Французского департамента Соммы, на берегу реки этого имени, в ста двадцати четырех верстах на север от Парижа.

одеяния. Но сердце милосердного воина исполнилось радости; он не пришел в смущение от насмешек, памятуя слова Божественного Спасителя: *был наг, и вы одели Меня... так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 36). И Господь укрепил эту веру Мартина и утешил его за его великое милосердие небесным видением. Ночью, во время сна, Мартин увидел Господа Иисуса Христа, Который, явившись ему одетым частью плаща того, велел ему взглянуть, не та ли самая эта половина, которую он отдал нищему у ворот. Мартин стоял в благоговейном безмолвии; Христос же обратился от него к сонму предстоящих Ангелов и громко сказал:

— Этим плащом одел Меня Мартин, хотя он еще только оглашенный.

Обрадованный столь дивным, утешительным видением, юноша проснулся. Это было спустя три года после поступления его в военную службу. После этого Мартин не колебался далее и немедленно принял святое крещение, имея восемнадцать лет от роду. После крещения он стал еще ревностнее стремиться оставить военную службу, которая была совершенно чужда его благочестивым наклонностям и не согласовалась с его заветным желанием уединенной, подвижнической жизни. Однако ему пришлось отказаться от немедленного исполнения своего желания. Его трибуну, бывшему христианином, крайне не хотелось расставаться с ним. Когда Мартин сообщил ему о своем намерении оставить воинскую службу и стать иноком, трибун обещал, что если он подождет до окончания своей службы, то и он также вместе с ним выйдет из службы и оставит мир. Мартин принужден был уступить желанию трибуна и еще в течение двух лет оставался в войске, принимая участие в трудных походах царя Констанция против диких алеманнов[1].

Во время этих походов, предпринятых для отражения непрестанных набегов многочисленных варваров на пограничные области Римской империи, начальство над частью войск, где служил и Мартин, было поручено царем двоюродному брату его Юлиану, назна-

---

[1] *Алеманны* — дикий народ германского племени, живший между реками Дунаем, Майном и верхним Рейном, рядом с пограничными провинциями Римской империи, на которые производил частые опустошительные набеги. Походы императора Констанция против алеманнов относятся к 354–355 годам.

ченному кесарем[1]. Отряд войск был недостаточно велик, и Юлиан, в поощрение своим войскам, решил раздать им подарки из добычи, захваченной у алеманнов. Чтобы сильнее воодушевить воинов ввиду предстоявшей битвы, Юлиан повелел выкликать каждого воина по имени и сам лично раздавал им подарки. Когда вызван был Мартин, он выступил вперед и смело сказал своему военачальнику:

— Кесарь! Доселе я служил у тебя в коннице, но теперь позволь мне вступить на служение Богу. Пусть же твоим подарком воспользуется другой, кто будет продолжать твою службу! А я — воин Христов и поэтому не должен более сражаться за тебя.

— Ты — трус, Мартин, — с упреком отвечал разгневанный Юлиан. — Завтра состоится битва. И вот, страх битвы, а не страх Божий заставляет тебя уклоняться от службы.

Но Мартин смело продолжал:

— Если ты принимаешь мое отречение за трусость, а не за верность, то поставь меня завтра одного, без всякого оружия, в самом опасном месте битвы. Тогда ты увидишь, что без всякого оружия, с одним только именем Христа и знамением Его святого Креста, я безбоязненно буду наступать на ряды неприятеля.

— Пусть будет так, — сказал Юлиан и приказал отдать Мартина до следующего дня под стражу.

Но на другой день алеманны, при виде прекрасно устроенного войска Юлиана, отправили к нему для мирных переговоров послов с предложением полной покорности. Мир был заключен. После этого Мартин был освобожден от своей военной присяги и поспешил немедленно оставить войско. Он отправился к знаменитому святостью жизни и христианской православной образованностью Иларию, епископу города Пуатье[2], чтобы отдать себя под духовное руководство этого святого мужа. Иларий принял юношу с сердечной

---

[1] То есть помощником и соправителем императора, который мог рассчитывать со временем сделаться преемником его. Под Юлианом разумеется двоюродный брат и преемник Констанция, оставшийся в истории с именем Юлиана Отступника.

[2] *Святой Иларий*, епископ Пуатьерский, знаменитый отец Церкви и защитник Православия († 368 г.). Память его в Римской Церкви совершается 14 января. В нынешних месяцесловах Греческой Церкви нет его имени, хотя святость жизни его несомненна и оправдана чудесами. Пуатье — главный город французского департамента Виенны, в трехстах сорока верстах к юго-западу от Парижа.

любовью и, после непродолжительного испытания его характера, хотел посвятить его во диакона; но Мартин, по глубокому смирению своему, отказался от этого сана, и его можно было уговорить только принять более скромную, хотя и более тяжелую, должность заклинателя[1].

Пробыв недолго в своей новой должности, Мартин стал беспокоиться при мысли, что родители его еще язычники, и, вследствие видения во сне, он, немного времени спустя, отправился на родину для обращения их ко Христу. Ему пришось переправляться через Альпы[2], блуждать без дороги в горных пустынях и подвергаться опасностям от разбойников. Однажды он попал им в руки. Один из разбойников поднял свой меч, чтобы отсечь Мартину голову, но его товарищ, сжалившись над юношей, остановил нападавшего. Мартин был связан и отдан под стражу разбойника, спасшего ему жизнь:

— Кто ты такой? — спросил разбойник.

— Я — христианин, — кротко отвечал юноша.

После этого между ними началась продолжительная беседа, во время которой Мартин произвел такое впечатление на разбойника, что тот устыдился своей злодейской, окаянной жизни. Он тотчас же освободил Мартина и со слезами стал просить его молитвы за себя. После этого бывший разбойник стал вести благочестивую жизнь и впоследствии подвизался в иноческом образе в Галльском монастыре святого Мартина.

Вступив, наконец, в пределы Италии и продолжая далее путь свой, среди многих испытаний и трудностей, Мартин встретил крайне отвратительного и страшного по виду человека, который набросился на него со множеством любопытствующих вопросов, причем особенно старался добиться ответа на вопрос, куда он идет.

— Я намереваюсь идти, — отвечал Мартин, — куда призывает меня Господь.

— Хорошо, — с гневом сказал его совопросник, — но помни, что

---

[1] Это была особая должность в составе клира в древнехристианской Церкви, состоявшая в чтении особых молитв над одержимыми злыми духами, бесноватыми, страдающими падучей болезнью и подобными больными. В настоящее время такой особой должности в Церкви не существует.

[2] *Альпы* — высочайшие горы Европы, которые дугообразно тянутся вокруг всей Верхней (Северной) Италии, отделяя Апеннинский полуостров со всех сторон от материка.

куда бы ты ни пошел и что бы ни предпринимал, я всегда буду твоим противником.

Эта встреча и беседа произвела на Мартина глубокое впечатление; однако он не устрашился, но лишь кротко и с твердым упованием на всеблагий промысл Божий заметил:

— Господь со мной; я не боюсь того, что может человек сделать мне.

При этих словах собеседник мгновенно исчез. Тогда Мартину ясно стало, что то был исконный враг человеческий — диавол, принявший на себя образ человеческий.

Достигнув родного дома, Мартин застал родителей живыми. Отец его отнесся к нему весьма недружелюбно и остался непреклонным к его проповеди. Но мать его склонилась на его убеждения и была просвещена светом Евангелия, равно как и многие другие жители его родного города. Но успех Евангельской проповеди святого в Сабарии был непродолжителен. В то время, вследствие покровительства нечестивого царя Констанция арианам, ересь их распространилась по всей Паннонии. Мартин вооружился против этого злочестивого учения и за то подвергся преследованиям и, после телесных истязаний, изгнан был из города. Он отправился в Италию и, остановившись в Медиолане[1], построил там себе отшельническую келию, но и отсюда, после всевозможных гонений и оскорблений, был изгнан арианским епископом Авксентием. Тогда святой решил сделаться отшельником на уединенном скалистом острове Галлинарии, откуда потом переселился на Капрарию[2], которая была совершенно безлюдной, так как была вся переполнена ядовитыми змеями. Там он жил в подвигах Богомыслия и молитвы с одним лишь сотоварищем, питаясь одними пустынными растениями. Промысл Божий чудесным образом охранял святого подвижника, и он не терпел от змей никакого вреда.

Услышав, что его учитель, Иларий, изгнанный было арианами из Пуатье, получил позволение возвратиться, Мартин отправился к нему в Пуатье, и они, после пятилетней разлуки, с радостью обняли друг

---

[1] *Медиолан* — ныне Милан — значительнейший город Северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубочайшей древности и всегда имел большое значение.

[2] *Галлинария* — остров на Тирренском море, в Лигурии в Верхней (Северной) Италии. Каприя — небольшой остров на том же море.

друга. Иларий снова убеждал его принять пресвитерский или, по меньшей мере, диаконский сан, но Мартин упорно отказывался, желая до конца дней своих оставаться простым иноком. Иларий дозволил ему основать иноческую обитель и отвел для этого место недалеко от Пуатье, в деревне Локоциаг, или Лигуже[1]. Около благочестивого юноши быстро собрались друзья и ученики, чтобы научиться от него совершенной иноческой жизни. Мартин всех с любовью принимал и служил для всех лучшим образцом подвижнической, Богоугодной жизни. Не получив почти никакого образования, он, тем не менее, силой благодати Христовой, в нем обитавшей, умудряемый Богомыслием и подвигами добродетельной, иноческой жизни, вразумлял и наставлял на путь истинной христианской жизни и людей многознающих и глубоко просвещенных лиц, из которых некоторые, под его влиянием, отреклись от суетного мира, посвятив себя всецело служению Богу и пустынным подвигам. Обитель святого Мартина в короткое время процвела и прославилась, явившись первым монастырем в Галлии и сделавшись знаменитым рассадником в этой стране иночества.

В то время один из оглашенных, поступивший в монастырь святого Мартина для получения душеполезных наставлений в святой вере и благочестивой жизни, но еще не успевший принять крещение, внезапно заболел лихорадкой и умер. Преподобного в это время в обители не было. Возвратившись, он нашел одно бездыханное тело оглашенного среди плачущих братий. Преподобный выслал всех из келии и, простершись в молитве, через два часа, по благодати Христовой, воззвал умершего к жизни. Возвращенный к жизни немедленно принял святое крещение и после того жил Богоугодно еще долгое время. Впоследствии он рассказывал, что когда душа его разлучилась от тела, то он был поставлен пред некоторым грозным Судьей, который произнес над ним обвинительный приговор; но два Ангела сказали Судье, что он — тот, за которого молится Мартин, после чего Судья повелел возвратить его к Мартину.

С того времени о Мартине разнеслась слава, как о святом и дивном апостольском муже, облеченном силою свыше.

---

[1] *Монастырь святого Мартина* был расположен верстах в восьми от Пуатье. Это был первый правильно устроенный монастырь на Западе, и Мартин является одним из главных основателей монастырей на Западе.

Привлекая к себе многочисленных учеников[1] из лиц различного звания и состояния и влияя на них примером своей добродетельной и строго подвижнической жизни, святой Мартин имел на них большое влияние и своим учением. Он сам ясно видел истину Христову и твердо был убежден в ней, и с той же ясностью, живостью, простотой и убедительностью умел сообщать и разъяснять ее верующим и неверующим. Он любил поучать притчами, которые производили сильное впечатление на слушателей.

Видя великие подвиги святого Мартина и не терпя его святой, Богоугодной жизни, исконный враг рода человеческого — диавол воздвиг на него злокозненную брань, являясь ему и всячески искушая его. Но хотя святой постоянно видел вокруг себя демонов и самого князя бесовского, однако никогда не обнаруживал ни малейшего страха пред ними. Он даже открыто вызывал диавола на борьбу.

— Если ты имеешь какую-либо долю во мне, — говорил он, — то покажи это на деле.

Тогда сатана попытался обмануть и прельстить святого принятием вида Ангела светлого, ибо, как говорит апостол, иногда и *сам сатана принимает вид Ангела света* (2 Кор. 11, 14). И вот в один день он предстал Мартину во время молитвы, предшествуемый и окруженный пурпуровым светом, облаченный в царскую одежду, украшенный короной из жемчуга и золота, в сандалиях, покрытых золотом, с веселым и радостным лицом. При виде этого необыкновенного, дивного явления, Мартин пришел сначала в сильное смущение, и оба они долго хранили молчание. Наконец диавол сказал:

— Узнаешь ли, Мартин, кого ты ныне видишь? Я — Христос. Прежде, нежели снова явиться для своего второго пришествия, я восхотел открыться тебе.

Святой помедлил и не дал никакого ответа.

— Почему же сомневаешься веровать в видение? — сказал лукавый. — Я — Христос.

Тогда Мартин, по внушению Духа Святого, познал, что это — диавол, и сказал:

---

[1] Среди них был богатый человек, по имени Сульпиций Север, один из наиболее образованных древних писателей Западной Церкви, впоследствии ставший жизнеописателем Мартина, и один из ближайших и лучших учеников святого — Галл, со слов которого Сульпиций записал многое из жизни Мартина.

— Господь мой Иисус Христос не обещал, что Он явится в пурпуре и блистательной короне. Я не хочу верить, что вижу возвращение Христа, пока Он не придет в том же самом виде, в каком Он пострадал, и прежде всего — не покажет видимо тех ран, которые Он претерпел на кресте.

Тогда диавол исчез как дым и наполнил келию таким страшным смрадом, что не оставалось никакого сомнения, что то был диавол.

Но, вместе с этими обманными видениями, святому были и утешительные и благодатные явления Ангелов и святых Божиих из загробного мира; так, ему неоднократно являлись святые апостолы Петр и Павел и утешали его Боговдохновенной беседой. Благодать Божия явно почивала на святом Мартине, являя свое сопребывание с ним видимо, воочию всех его учеников, особенно при умилительном совершении им Божественной службы и в то время, когда он благословлял народ. Так, однажды они видели, что когда он поднимал свою правую руку для благословения, от нее исходил какой-то необыкновенный блеск. В другое время они видели, как вокруг его чела явилось сияние.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме (Мф. 5, 15). Так о святом Мартине всем становилось ясным, что Бог предызбрал его не для безмолвных лишь подвигов в уединении и тишине монастырской келии, но для того, чтобы поставить его высоко на свещнице Церкви, чтобы он своими благодатными дарованиями, добрыми делами и святой жизнью осиявал верующих, как пастырь многочисленного стада Христова. Великая и все более возраставшая слава его делала несомненным, что народ какой-нибудь церкви рано или поздно обратится к нему с призывом в сан епископа. И вот, когда епископская кафедра в городе Туре[1] сделалась свободной, народ пожелал иметь своим святителем святого Мартина. Но в то же время все знали глубокое смирение Мартина, которое раньше побуждало его настойчиво отказываться от принятия пресвитерского или даже диаконского сана. Тогда решили прибегнуть к хитрости и силе. Один гражданин, по имени Руриций, пришел к святому в его монастырь и, припав к его ногам, просил прийти

[1] *Тур* — город в Галлии, на левом берегу Луары в 238 верстах к юго-западу от Парижа.

и помолиться за его больную жену. Святой пошел; но тут его окружил многочисленный народ и силой привел в город и хором провозгласил его епископом.

Возведенный на святительскую кафедру, святой Мартин нисколько не переменился, по-прежнему был для всех образцом глубокого смирения, довольствовался простой одеждой и самой скудной пищей и большую часть времени посвящал иноческим подвигам, удаляясь от мира и стремясь к безмолвию. Недалеко от города он избрал себе дикое, уединенное место для своих иноческих подвигов; место это было закрыто скалами и с одной стороны рекой Луарой, и доступ к нему возможен был только по одной тропинке. Здесь святой Мартин построил деревянную келию. Возле него стали селиться также и другие подвижники благочестия, искавшие пустынной жизни. Одни строили себе такие же хижины, другие выдалбливали себе пещеры в горной скале. И таким образом собралось около святого Мартина до восьмидесяти братий и образовалась новая иноческая обитель. Она называлась монастырем Мартина, а также большим монастырем и впоследствии Мармутье[1]. Иноки этой обители приняли устав Мартина и подвизались в посте и молитве, под его опытным руководством, пользуясь его душеполезными и в то же время общедоступными, простыми наставлениями и примером его собственной высоко подвижнической жизни. Братия ничего не имели собственного; все у них было общее. Не позволялось ничего ни покупать, ни продавать, и из рукоделий предоставлялось лишь молодым инокам переписывание рукописей Божественных и душеполезных книг; старшие же исключительно упражнялись в молитве. Из келий редко когда выходили, кроме как для общего служения; вина никто не вкушал, кроме разве больных; пища их, которую они вкушали только раз в день, состояла лишь из хлеба, овощей и маслин; одежда их состояла из грубого верблюжьего волоса, хотя многие из иноков были знатного происхождения. Братия жили в безусловном послушании и по большей части в безмолвии. Из этой обители вышло немало епископов, много потрудившихся в деле распространения христианского просвещения среди язычников.

[1] *Монастырь Мармутье* впоследствии приобрел громкую славу и имел великое значение в истории монашества не только в Галлии, но и на всем Западе.

Сам святой Мартин ревностно трудился над обращением язычников и ниспроверг идолопоклонство в большей части Галлии. В этом апостольском служении он являлся мужественным, бестрепетным и самоотверженным проповедником истины Христовой. Для этого Мартин нередко оставлял свой излюбленный монастырь и ходил по окрестным странам, уничтожая языческие капища и вырубая священные деревья идолопоклонников, строил церкви и наставлял язычников вере Христовой. Евангельская проповедь святого Мартина имела тем больший успех, что сопровождалась нередко знамениями и чудесами, которые совершал святой силой Христовой воочию всех неверных. Первым местом обращения язычников был Амбуаз[1]. Основав здесь своей проповедью церковь, он вверил ее управлению и попечению некоторых из учеников своих. Но язычество там было еще сильно, и христианам угрожала большая опасность со стороны неверных; ибо там еще оставался языческий храм с большим идолом, который был чтим народом. Ученики святого Мартина не решались разрушить это убежище идолопоклонства, несмотря на повеление святого. Мартин сам снова пришел в Амбуаз, но убедился, что действительно храм тот разрушить трудно. Тогда он, избрав себе уединенное место, всю ночь провел в пламенной молитве к Богу. И Господь услышал эту молитву угодника Своего: поутру поднялся страшный ураган, который разрушил языческий храм до основания и сокрушил находившегося в нем идола.

Проходя с словом благовестия страной Эдуанской[2], святой Мартин достиг города Августодона[3] и остановился здесь, чтобы помолиться при гробе святого мученика Симфориана и помочь епископу Симплицию в истреблении язычества. Близ часовни, в которой почивали мощи святого Симфориана[4], возвышался языческий храм в честь Сарона[5], где жили наиболее уважаемые среди язычников

---

[1] *Амбуаз* — город в двадцати двух верстах от Тура.

[2] *Страна Эдуанская* находилась на юго-восток от Парижа, между реками Луарой и Соной.

[3] *Августодон* — главный город эдуев, населявших страну Эдуанскую; ныне — Отюн в департаменте Луары и Соны, со множеством развалин.

[4] *Мученик Симфориан*, чествуемый Римской Церковью, скончался при императоре Марке Аврелии в 178 году.

[5] *Сарон* — баснословный царь Галлии, которого эдуи чествовали, как бога — покровителя своей страны.

жрецы — так называемые друиды Саронские[1]. Безбоязненно вошел святой Мартин в этот храм языческий и ниспроверг статую и жертвенник Сарона. Тогда на него напала толпа озлобленных этим вооруженных язычников. Один, более смелый, занес было уже над ним меч, но невидимая сила повергла его у ног святителя, и, пораженный страхом, дерзкий язычник смиренно со слезами стал просить святого о прощении и помиловании. При виде этого чуда, и все другие бывшие там язычники уверовали во Христа, и языческое капище обращено было в святилище истинного Бога.

Не менее поразительное чудо произошло по молитве святого в селении Лепрозе[2]. Движимый апостольской ревностью, он также хотел и здесь разрушить весьма чтимый язычниками храм; но жители прогнали его. Тогда он удалился в ближайшее к селению безопасное место, где пробыл в посте и молитве трое суток, моля Бога об уничтожении языческого капища. В ответ на его горячую молитву ему явились два светлых Ангела, как бы в вооружении, которые объявили, что они посланы Богом на помощь ему против язычников. Услышав это, Мартин поспешил немедленно возвратиться в селение и, силой благодати Христовой, чудесно обратил в прах жертвенники и идолов на виду у народа, связанного невидимо Божественной силой. Увидев такое чудо и дивное разорение храма, жители того селения познали тщету идолов и обратились ко Христу.

Однажды святой Мартин с некоторыми из своих учеников, по пути к городу Карноту[3], проходил около одного многолюдного селения. Навстречу им вышла огромная толпа, вся состоявшая из язычников, ибо никто в той местности не знал Христа и не слышал истин веры Христовой. Так велика была слава этого святого мужа, что привлекла к нему множество даже языческого народа, который на далекое пространство покрыл поля. Мартин увидел, что надобно действовать и пользоваться этим случаем для обращения неверных

[1] *Друиды* — высшее жреческое сословие, с незапамятных времен господствовавшее в Галлии и пользовавшееся среди галлов огромным уважением и влиянием.

[2] *Лепроза* — ныне *Левру*, небольшой город около двухсот пятидесяти верст на юг от Парижа.

[3] *Карнот* — ныне *Шартр*, город в восьмидесяти четырех верстах к юго-западу от Парижа.

ко Христу. И вот, по внушению Святого Духа, он громко начал свою пламенную проповедь, возвещая Божие слово язычникам и часто вздыхая из глубины души, что такое множество народа не знает Господа Спасителя.

В это время одна женщина, у которой недавно пред тем умер сын, принесла его бездушное тело и, положив его у ног святителя, простирая к нему руки, говорила:

— Мы знаем, что ты — друг Божий. Возврати же мне моего сына, ибо он у меня один.

Толпа народная присоединилась к несчастной матери и совосклицала ее просьбам.

Святой Мартин взял тело умершего в свои руки, преклонил колена вместе со всем народом и, сотворив молитву, встал и возвратил отрока матери уже живым. При виде этого, все бывшие там начали единодушно исповедовать Христа Богом и, повергаясь к ногам святого, усердно просили, чтобы он сделал их христианами. Святитель, немедля, тут же, на поле, возложив на них руки, огласил их словом истины. Слух об этом чуде быстро прошел по всей стране[1]. С таким же успехом святой Мартин распространял свет Евангелия и в других областях Галлии.

Однажды некий мирянин, по имени Еванфий, пораженный жестоким недугом и уже близкий к смерти, пригласил к себе Мартина. Святой немедленно отправился к нему; но еще не прошел он половины пути, как больной, почувствовав силу идущего и внезапно получив исцеление, сам вышел навстречу к святому Мартину и сопровождавшим его ученикам. На другой день Мартин собрался в обратный путь, но остался, вследствие усиленной мольбы исцеленного. Между тем змей смертельно ужалил одного отрока из семейства Еванфия. Последний принес умирающего отрока на своих плечах к ногам святого мужа, веруя в его великую чудотворную силу и убежденный в том, что для него нет ничего невозможного. Змеиный яд разлился уже по всем членам отрока, жилы его поднялись, внутренности вздулись, как мех. Мартин, простерев руку, провел ей по всем членам отрока и вдавил палец около самой раны, причиненной

[1] В память этого чуда в Шартре впоследствии создана была церковь во имя «святого Мартина Милостивого, дающего жизнь».

смертельным жалом змея. И тогда все бывшие с изумлением увидели, что яд со всего тела стал стекать к пальцу Мартина и выходить вместе с кровью из отверстия раны. После этого отрок встал совершенно здоровым, и все свидетели чуда прославили Бога, дивного во святых Своих.

Не менее поразительное чудо совершил святой Мартин в городе Карноте над немой девицей. К Мартину была приведена двенадцатилетняя девица, немая от рождения. Отец ее умолял, чтобы святой развязал своею молитвою язык ее. Святой предоставил это бывшим с ним епископам Валентину и Виктрицию, утверждая, что это — не по его силам, и что для них, как более совершенных в добродетелях, все возможно. Но те, соединив свои просьбы с мольбами несчастного отца, убеждали Мартина сотворить ожидаемое от него. Тогда Мартин приказал предстоящему народу удалиться и, в присутствии только епископов и отца отроковицы, простерся ниц с усердной молитвой, потом благословил немного елея и влил его в уста отроковицы, держа и язык ее своими перстами. И дивное чудо оправдало веру святого. Когда святитель спросил у девицы имя ее отца, она тотчас же внятно отвечала ему, и отец, обнимая колена святителя, с радостью и слезами восклицал и засвидетельствовал пред всеми собравшимися, что это было первое слово его дочери.

Однажды Мартин, входя в Париж, сопровождаемый множеством народа, встретил в самом жалком виде прокаженного, которым все гнушались. Но святой, милосердствуя над ним, облобызал его и благословил, — и вот страдавший вдруг очистился от проказы и на другой день пришел в церковь, воздав благодарение за свое исцеление.

Павлин[1], благочестивый государственный сановник, впоследствии прославившийся святой своей жизнью, начал жестоко страдать глазной болезнью, и уже темный мрак покрыл его зрачок; но святой Мартин коснулся глаза его тряпицей, и боль тотчас же уничтожилась.

Подвиги милосердия и любви христианской к несчастным и убогим святого Мартина были неисчислимы, за что он и стяжал себе

---

[1] *Павлин* в то время был еще язычником. Впоследствии он принял святое крещение и был епископом Ноланским († 431 г.); известен с именем «Милостивого» и причислен Церковью к лику святых. Память его совершается 23 января.

наименование «Милостивого». Однажды в зимние месяцы, по дороге в церковь, он встретил полунагого нищего, который стал просить у него себе одежды. Святой, призвав архидиакона, приказал ему одеть мерзнущего; потом войдя в секретарий[1], сидел там по обыкновению один; а так как диакон не давал одежды нищему, то этот, ворвавшись к блаженному мужу, стал жаловаться на клирика и на холод. Тогда святой тайно скинул с себя из-под верхней одежды тунику[2], приказал бедному одеться в нее и уйти. Спустя немного вошел диакон и возвестил святому епископу, что время — совершать торжественную службу, ибо народ ожидает в церкви. На это святой отвечал, разумея себя:

— Сперва надобно одеть бедного: не могу я идти в церковь, если бедный не получит одежды.

Диакон, ничего не понимая, потому что не примечал, что святой внутри наг, стал извиняться тем, что не находит бедного.

Но Мартин настойчиво повторил:

— Пусть одежду, которая приготовлена, принесут ко мне: бедный не будет не одет.

Принуждаемый необходимостью, клирик, рассердившись, схватил из соседней лавки за пять монет короткую, грубую одежду и положил ее с гневом у ног Мартина, говоря:

— Вот одежда, а бедного нет.

Святой же спокойно приказал ему постоять немного за дверями и, тайно одевшись в ту одежду, вышел в храм для совершения литургии. И Господь не замедлил вознаградить Мартина за это тайное дело благотворения христианского. В этот день, когда он благословлял жертвенник, во время Богослужения показался блистающий от головы его огненный шар, так что пламя, восходя вверх, производило длинный луч. Это преславное явление в этот день при великом множестве народа видели лишь немногие избранные, как то: один благочестивый ученик святого Мартина, по имени Галл, одна из дев, один из пресвитеров и трое из иноков.

Кротость, какой отличался Мартин, заставляла даже язычников любить его. У него едва ли были вообще какие-либо враги, но если

---

[1] *Секретарий* — особое отделение при храме.

[2] *Туника* — обыкновенное нижнее одеяние римских граждан — представляла собой род рубашки и делалась большей частью из шерсти.

и были таковые, то они ненавидели его за добродетели, которыми не обладали сами и которым не могли подражать. Между тем, Мартин никого не осуждал, никому не воздавал злом за зло. При всех оскорблениях он был столь терпелив, что безнаказанно иногда был оскорбляем от низших членов своего духовенства: он никогда не низлагал их за причиняемые ему скорби и, насколько это зависело от него, не лишал их своей любви. Никто не видел его никогда гневным, или расстроенным, или смеющимся. Он всегда был одним и тем же, нося на своем лице подобие небесной радости. Никогда на его устах не было ничего другого, кроме имени Христа. Никогда в его сердце не было чего-либо иного, кроме благочестия, мира и сожаления. Часто он плакал о грехах даже тех из своих поносителей, которые при нем или в его отсутствие нападали на него с змеиными устами и ядовитыми языками.

Каковы были терпение и кротость святого Мартина в отношении к своим оскорбителям, ясно показывает следующий пример. Среди духовенства в монастыре был один молодой человек, по имени Брикций, который происходил из самого низкого звания, но которого Мартин приютил, воспитал и впоследствии возвел в сан диакона. Возбуждаемый злыми духами, Брикций стал страшно поносить своего незлобивого учителя в глаза и за глаза. Святой муж старался образумить его кроткими наставлениями; но это не действовало на безумца, и он продолжал изрыгать еще большие хулы и потом убежал. Встретив на дороге больного, спрашивавшего у него, где ему найти святого Мартина, Брикций назвал святителя старым обманщиком и другими позорными наименованиями. Когда, вскоре после того, по исцелении этого больного, Мартин встретил Брикция, то лишь кротко спросил его:

— Почему ты меня назвал обманщиком?

— Я никогда не называл тебя так, — отвечал диакон.

— Разве ухо мое не было у твоих уст, хотя ты и говорил за спиной у меня? — заметил святитель. — Ты также, когда я умру, сделаешься епископом, и тебе придется много пострадать.

После того с Брикцием сделались припадки бешенства, и, однажды, когда Мартин сидел на скамье пред своей келией, Брикций набросился на него с яростными ругательствами, причем на соседних скалах виднелись два демона, поощрявшие его к безумству.

— Я святее тебя, — говорил диакон, — я воспитался в монастыре, а ты некогда был солдатом.

Братия требовали, чтобы Брикций был подвергнут примерному наказанию и лишен священного сана; но Мартин спокойно перенес его ругательство. Когда вскоре после того Брикций, тронутый кротостью святого, опомнился и бросился к его ногам, мучимый угрызениями совести, Мартин только заметил:

— Брикций повредил только себе, а не мне. Господь Иисус Христос терпел около Себя даже Иуду: не должен ли я после этого терпеть юношу этого около себя?

Предсказание Мартина исполнилось. Брикций впоследствии настолько переменился, что по смерти святого был сделан его преемником, после чего должен был вытерпеть много скорбей и поношений и потом в мире скончался[1].

Насколько было неотразимо и сильно влияние святого Мартина на самых надменных и жестокосердых людей, даже на сильных мира этого, показывают следующие примеры. Еще в начале святительства его Тур был приведен в ужас посещением жестокого областеначальника Авициана, ярость которого не уступала ярости диких зверей. За его свитой следовали длинные ряды узников, казнью которых жестокий правитель хотел навести ужас на город. Человеколюбивый Мартин, не убоявшись ярости правителя, решился заступиться, как за его узников, так и за свой епископский город, и в полночь отправился к дверям дворца Авициана. В эту ночь беспокойный сон областеначальника был внезапно прерван, как ему показалось, сильным толчком, причем какой-то неизвестный голос сказал ему:

— Ты спишь здесь, между тем как раб Божий стоит за дверями у твоего порога.

Авициан приказал своим слугам посмотреть за дверями, но они, сделав небрежный осмотр, уверили его, что это — простое вообра-

[1] *Брикций* был избран после Мартина епископом Турским, но через тридцать три года был изгнан народом с позором, по одному ложному обвинению, и только через семь лет тяжкого изгнания был возвращен на свою епископскую кафедру, где и умер, наконец, в мире. Брикций настолько изменился нравственно и прославился своей добродетельной жизнью, что Римской Церковью был впоследствии причислен к лику святых (память его там совершается 13 ноября).

жение, и он, успокоившись, снова заснул, но вскоре же вторично разбужен был громким голосом: «У дверей стоит Мартин». Тогда служители нашли, что это — действительно так. Областеначальник велел привести к себе святителя и спросил его:

— Зачем ты поступил так?

— Я знаю твое намерение, — дерзновенно отвечал святой Мартин, — прежде чем ты высказал его. Иди и не допускай, чтобы гнев неба погубил тебя.

Устрашенный вдохновенным, пророческим голосом святителя и обличаемый своей совестью, Авициан поспешил исполнить его повеление: он отпустил узников на волю и оставил город. Укоры святого Мартина и впоследствии оказывали доброе влияние на характер этого жестокого областеначальника. Однажды, когда Авициан снова посетил город Тур, святой вошел к нему в комнату и, молча, упорно смотрел на него.

— Зачем ты так упорно смотришь на меня, святой человек? — спросил Авициан.

— Я смотрю не на тебя, — отвечал Мартин, — а на омерзительного демона, который сидит у тебя на шее.

И слово святителя снова оказало доброе действие и остановило жестокого областеначальника от исполнения злых его намерений.

Император Валентиниан I[1], слыша со всех сторон о славе святого Мартина, выражал желание войти с ним в дружественные отношения; но супруга его Иустина, которая была ревностной арианкой, не допускала его к этому. Поэтому, когда однажды Мартин, по важным делам, прибыл в Трир[2], где тогда находился двор императора, тот, предубежденный против него супругой, не велел допускать его к себе. После напрасных усилий представиться государю святитель предался молитве и посту. На седьмой день ему явился Ангел и повелел идти во дворец к императору. Получив это Божественное внушение, Мартин поспешил ко дворцу и, найдя двери отворенными, явился пред императором без всякого доклада. Валентиниан пришел

[1] *Валентиниан I* — император Западной Римской империи — царствовал с 364 по 375 год.

[2] *Трир*, или *Тревы*, — многолюдный, цветущий главный город северной области Древней Галлии (так называемой Белгики).

в сильный гнев, но внезапно почувствовал, что кресло под ним как бы все объято внизу огнем. Вынужденный встать, он вдруг переменился и принял святого с горячим объятием, долго беседовал с ним, удержал его у себя, как дорогого гостя, еще на несколько дней, обещал ему исполнить все, чего только он ни попросит, и, при прощании, предложил ему богатые дары, от которых святитель, однако, отказался, чем возбудил к себе еще большее уважение.

В 383 году римские войска провозгласили императором Максима, а сын и преемник Валентиниана I — Грациан[1], вследствие измены солдат, потерпел поражение и был убит; брат же его Валентиниан II принужден был бежать и лишен престола, оставив за собой лишь часть своих владений. Тогда святой Мартин отправился в Трир к императору Максиму ходатайствовать за тех, которые были на стороне Грациана и которым угрожала смерть. Максиму было в высшей степени важно обеспечить себе преданность духовенства и, прежде всего, если возможно, столь любимого и знаменитого епископа, каким был святой Мартин. Поэтому он весьма благосклонно отнесся к его прибытию и пригласил святого во дворец к царскому обеду. Но Мартин отказался и с необычайной смелостью отвечал:

— Я не могу сидеть за столом человека, который лишил одного императора жизни, а другого — его престола.

Вместе с тем Мартин предостерегал императора, что хотя бы сначала он и был успешен в своих делах, однако царствование его будет непродолжительным и его ждет скорая гибель[2]. Максим сдержал свой гнев и убедительно представлял святителю, что он не сам своей волей возложил на себя венец, но возложили его воины для защиты царства от врагов. Наконец, уступая убеждениям императора, святой Мартин согласился прийти на царский обед, на который собраны были высшие чины и знатнейшие лица, причем Мартин был посажен на самом почетном месте, а сопутствовавшему ему его свя-

---

[1] *Грациан* — император Западной Римской империи с 375 по 383 год.

[2] Предсказание святого Мартина с точностью исполнилось: сначала действительно Максим вытеснил в 387 году Валентиниана II из Италии. Но император Восточной Римской империи Феодосий II Младший, еще ранее принявший Валентиниана II во время его малолетства под свое покровительство, в следующем же году победоносно вновь восстановил последнего в его правах. Максим потерпел поражение, был приведен к Феодосию и казнен.

щеннику отведено место между братом и дядей императора. Во время пиршества императору была подана чаша с вином, и он приказал подать ее прежде Мартину, чтобы принять ее обратно из святительских рук. Но Мартин, отведав из нее, передал обратно не царю, а одному из присутствовавших, как будто этот последний был лицом высшего сана, чем царь. Это удивило царя и всех бывших. Однако Максим не только не разгневался, но с этих пор стал оказывать святому Мартину еще большее уважение. Император часто призывал и почтительно принимал Мартина во дворце своем, беседуя с ним, как о современных делах, так и о будущей жизни, вечной славе святых и других душеполезных предметах. Благочестивая же царица с умилением и слезами внимала святым беседам и наставлениям Мартина и, наконец, с согласия своего мужа, устроила у себя трапезу для одного святого Мартина, которую собственноручно приготовила, сама прислуживала, сидя у его ног, подавала яства и питье; потом в конце обеда собрала все крохи и остатки и сделала из них обед для себя самой. Но святой Мартин отнесся ко всему этому с величайшим смирением и сердцем и мыслью пребывал в монастырской келии, среди простых иноков, которых он собрал вокруг себя.

К концу своей жизни Мартин, услышав, что между духовенством в округе Канда[1] возникла ожесточенная распря, поспешил туда, чтобы восстановить примирение между ссорившимися клириками. Созвав своих иноков, он предсказал им о приближении своей кончины и отправился в путь, напутствуемый их слезами и воплями. Восстановив мир в Канде, святой подвергся там жестокой горячке и, чувствуя наступление своей кончины, приказал своим ученикам положить себя на пол на рубище и пепле, потому что так, по его же словам, должны умирать христиане. При этом он, как казалось ему, видел близ себя диавола.

— Зачем ты стоишь здесь, ужасный зверь? — произнес святой. — Ты не имеешь части во мне: лоно Авраамово примет меня.

Это были его последние слова, и окружавшие его братия были поражены блеском и красотой лица его, когда он лежал уже мертвым[2]. Две тысячи иноков и лик девственниц сопровождали тело его

[1] Город при слиянии Луары и Виенны.

[2] Святой Мартин скончался 11 ноября около 400 года, имея около восьмидесяти лет от рождения.

в Тур, где он, при великом стечении народа, и был предан торжественному погребению. По блаженной кончине Своего великого угодника и чудотворца Бог сподобил его нетления тела, и при гробе его совершались великие и многочисленные чудеса[1], во славу Бога, дивного во святых Своих вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ДОМНИКИ

Святая Доминика подвизалась при императоре Диоклетиане. Приведенная за исповедание Христа на суд к Лизию, игемону Аназарва Киликийского, она сначала была бита воловьими жилами, ноги же ее были обожжены раскаленным железом; затем ее столь жестоко били палками, что сокрушили ей суставы. Брошенная, наконец, в темницу, она там, вознося благодарение за мученические раны, предала дух свой Господу (286 г.).

ПРАЗДНОВАНИЕ В ПАМЯТЬ ПЕРЕНЕСЕНИЯ МАЛЬТИЙСКИХ СВЯТЫНЬ

В Русской Церкви 12 октября совершается празднование перенесения с острова Мальты в Гатчину трех великих святынь: части древа Животворящего Креста Господня, чудотворного Филермского образа Божией Матери, написанного святым евангелистом Лукой, и десной руки святого Иоанна Крестителя.

---

[1] Епископ Перпетуй воздвиг над гробницей святого Мартина великолепную церковь. Части мощей его разнесены были впоследствии по разным церквам. Протестанты в 1562 году разграбили его гробницу и сожгли мощи его в Туре. Оставшиеся части мощей были положены и доныне хранятся в кафедральном соборе Тура. Многие из посмертных чудес святого Мартина были первоначально описаны в VI веке Григорием Турским, причисленным на Западе к лику святых, который сам испытал на себе дивную чудотворную силу угодника Божия.

Передадим вкратце историю происхождения каждой в отдельности из этих святынь и установления в честь их праздника.

I

В 326 году произошло чудесное обретение на Голгофе Креста Господня святой царицей Еленой. Вскоре же после этого по царскому повелению был заложен здесь новый храм Воскресения Христова, которому суждено было сделаться на долгие годы хранителем этой великой святыни всего христианского мира. Хранит эту святыню этот храм и до настоящего времени. Но ее нельзя представлять во всей целости, каковой она была при обретении ее святой царицей Еленой. Предание сообщает нам о многих частях Креста Господня, еще в глубокой древности отделенных от него и разнесенных по всем концам мира для освящения его[1]. Хранил эти частицы Восток, хранил и христианский Запад.

Точно так же и святая Русь в тысячелетний период своей христианской жизни не раз получала с Востока части животворящего Креста Господня, которые и хранятся до настоящего времени и в кафедральных соборах, и древних монастырях, и приходских церквах, и царских дворцах, и даже частных домах. Одну же из этих частиц она получила с Запада, от рыцарей Мальтийского ордена. Судьбы этого ордена всегда были тесно связаны с судьбами, выпавшими на долю Православного Востока, и даже с судьбами того Честного Древа, которое было его всегдашним незыблемым оплотом и побеждающим орудием против всех бедствий и козней со стороны иноплеменного мусульманского и языческого мира.

---

[1] Об этом свидетельствует еще святой Кирилл Иерусалимский, живший в IV веке (в том самом, в котором был обретен и Крест Господень). В одном из своих «Огласительных слов» он говорит, что вся вселенная уже в его время имела части Древа крестного. И даже в самом сказании об обретении Креста Господня упоминается о том, что святая царица Елена отделила часть от обретенного креста и отослала ее к сыну своему Константину на благословение его царства. В V веке частицы Креста Господня были уже не только достоянием многих церквей Востока, но, как свидетельствует святой Иоанн Златоуст, даже из частных лиц «многие, обложив золотом частицу Креста, носили ее при себе на шее».

В то время как одни из западных христиан с посохом странника предпринимали благочестивые путешествия на Восток для поклонения святыням его, среди которых всегда первое место, бесспорно, принадлежало животворящему Древу Креста, другие поставили себе в обязанность, соединяясь в общества, давать приют на чужбине первым и врачевать раны вторым. Одним из самых древних таких обществ является орден иоаннитов[1], называвшийся так потому, что церковь имевшегося при нем госпиталя была посвящена святому Иоанну Крестителю. Будучи сначала учреждением, преследовавшим только цели благотворительности, орден впоследствии, когда настоятельство в нем было отдано деятельному французу Раймунду де-Пюи[2], получил новый устав, по которому целью его деятельности была уже и вооруженная защита паломников на пути их в Иерусалим. Такое расширение его деятельности в Европе было принято с большим сочувствием: благочестивые рыцари разных государств спешили вступить в новый орден. Семисотлетняя борьба с неверными в защиту христианства покрыла иоаннитов вечной славой. Впоследствии иоанниты должны были оставить Палестину, но необычайное мужество и самоотверженность они показали еще во времена своего пребывания в Иерусалиме (1118–1187 гг.) в битвах с войсками египетских и багдадских халифов[3]. В награду за свои подвиги они получили тогда частицу животворящего Креста Господня, которую хранили благоговейно и в Птолемаиде, и на островах: Кипре, Родосе и, наконец, Мальте[4], откуда она и была перенесена ими в Россию при императоре Павле.

---

[1] *Орден иоаннитов* возник в 1047 году. Основателем его считается богатый купец Мавр, из Амальфи, который вместе с некоторыми другими добился у египетского халифа разрешения построить в Иерусалиме для паломников убежище и церковь.

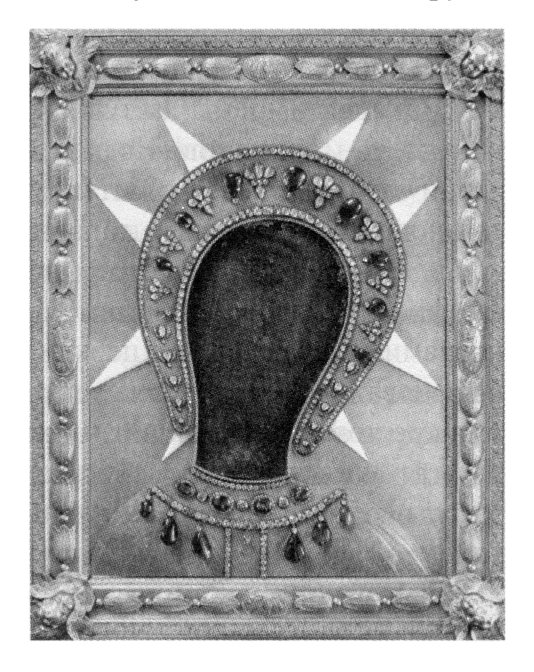
[2] *Раймунд де-Пюи* был избран начальником ордена Иоаннитов в 1118 году.

[3] *Халиф*, или *Калиф*, — титул преемников Магомета, обладавших высшей духовной и светской властью у мусульман.

[4] *Птолемаида* — город Финикии, к югу от Тира; *Кипр* — остров на северо-востоке Средиземного моря, близ берегов Малой Азии; *Родос* — самый восточный остров Эгейского моря; *Мальта* — остров на Средиземном море, между Сицилией и северным Африканским прибрежьем.

II

В одно время с частицей животворящего Древа Креста Господня с острова Мальты была перенесена на Русь иоаннитами и другая также благоговейно ими чтимая и долгое время хранимая святыня: Филермская икона Божией Матери — Одигитрии[1].



Идущее от глубокой древности предание гласит, что написана она была святым евангелистом Лукой и освящена благословением Самой Приснодевы, на благословение Которой имел обыкновение приносить труды своих рук евангелист-живописец. Около 46 года она принесена была на родину святого Луки, в Антиохию, где и сохранялась до времени царствования Константина Великого, когда вместе с другими вещественными памятниками земной жизни Иисуса Христа и апостолов была перенесена в восстановленный Константином Иерусалим. Около 430 года императрица Евдокия переслала ее, как благословение, в Константинополь к святой Пульхерии, сестре императора Феодосия Младшего. Здесь святой Пульхерией был построен новый храм Влахернский, где была помещена эта святая икона Божией Матери, которая на многие столетия сделалась хранительницею Константинополя.

Еще со времени святой Пульхерии во Влахернской церкви, по воле строительницы, было положено совершать пред образом Богоматери по вторникам молебствие, а с 626 года, со времени чудесного Ее прославления, к молебствию было присоединено еще чтение акафиста[2]. И неумолкаемые похвалы в честь Богоматери раздавались в

---

[1] *Одигитрией — Путеводительницей* — Божия Матерь называется потому, что Она направляет людей на путь спасения.

[2] В 626 году, в царствование Византийского императора Ираклия, Сивар, полководец Персидского царя Хозроя, обложил с моря и суши совершенно безза-

этой церкви, пока не настали тяжкие времена иконоборства, когда ее, по словам одного современника, лишили, «аки царицу от порфиры».

По восстановлении иконопочитания икона Богоматери снова заняла подобающее место в построенной в честь Ее церкви, которая еще раз прославилась чудесным явлением в ней Покрова Пресвятой Богородицы и новым заступлением Ее от давних врагов Константинополя — сарацинов[1]. Но оскудела вера жителей Константинополя, и они лишились своей Заступницы. К врагам мусульманам присоединились новые враги: западные христиане — крестоносцы. Во время четвертого крестового похода икона Одигитрии вместе со многими другими святынями Константинополя была взята крестоносцами из Влахернской церкви и отправлена на Запад. Перенесенная снова в Палестину, она досталась иоаннитам. Когда, по окончании крестовых походов, иоанниты должны были оставить Птолемаиду, где они до того времени жили, и переселиться на остров Родос, то туда же была перенесена ими и святая икона. И она была неотъемлемой их собственностью во время всех их дальнейших переселений, пока они не принесли ее в дар императору Павлу.

III

Десная рука святого Иоанна Крестителя является третьей святыней, в честь которых на Руси установлено празднование 12 октября. Евангелист Матфей, излагая обстоятельства мученической кончины святого Иоанна Крестителя, замечает, что ученики его, придя, взяли тело (кроме главы) и погребли его (см.: Мф. 14, 12)[2]. На месте погре-

щитный Константинополь (император с войском был в далеком походе). И когда патриарх Сергий погрузил ризу Богородицы в воды залива, поднявшаяся буря взволновала воды залива и потопила стоявшие там неприятельские корабли. В память этого события была составлена благодарственная песнь Божией Матери, которую молящиеся должны были выслушать стоя, почему она и получила название «неседальной песни» или акафиста.

[1] *Сарацины* или, иначе, арабы.

[2] По свидетельству некоторых писателей, во времена Юлиана Богоотступника мощи святого Иоанна Крестителя, почивавшие в Севастии, были сожжены и прах развеян по ветру.

бения Предтечи в самарийском городе Севастии[1] уже в III веке была выстроена церковь, посвященная его имени. Чествование же его памяти и поклонение его честным мощам совершалось еще во времена апостольские.

По преданию, идущему от глубокой древности, святой евангелист Лука, проповедуя Христа в Севастии, поклонился останкам мощей Его Крестителя и просил жителей Севастии дозволить ему перенести их в Антиохию, где бы они могли быть спасены от поругания и истребления неверными. Но севастийцы позволили ему взять только десницу Крестителя, которая с благоговением и была перенесена им в Антиохию. От времен пребывания этой святыни в Антиохии сохранилось предание об одном замечательном чуде, от нее исшедшем.

В антиохийских пределах было какое-то чудовище, которому, по суеверию тамошних язычников, ежегодно приносилась в жертву по жребию одна из непорочных девиц города. Однажды роковой жребий пал на молодую антиохиянку, дочь христианина. Удрученный горем отец ее, не желая отдать христианской крови на поругание суеверного язычества, обратился к помощи свыше. После пламенной молитвы в храме святому Предтече он, целуя нетленные его мощи, там хранившиеся, отнял зубами от них часть перста и скрыл ее у себя. Когда настало время страшной жертвы и приблизившееся чудовище уже открывало свою пасть, чтобы схватить невинную девицу, пришедший к тому времени ее отец бросил ему в пасть имевшуюся у него часть перста от десницы Крестителя, и чудовище тотчас же пало бездыханным. Велико было удивление присутствовавших при этом зрелище язычников. Узнав истинную причину такой внезапной гибели чудовища, многие из них оставили свои прежние суеверия и обратились ко Христу. На месте суеверных казней ими был построен храм в честь Крестителя. Предание об этом чудесном происшествии поясняет нынешний вид десницы Крестителя, у которой недостает части меньшего перста. И велико было почитание антио-

---

[1] *Севастия* — главный город Самарии. Такое название этот город получил после того, как был подарен Августом Ироду Великому, который совершенно восстановил его и украсил, и в благодарность Августу, назвал его Севаста, или Севастия, что значит — город Августа.

хийцев драгоценной святыни, сохранившейся в их городе. Знал об этой святыне Юлиан Отступник, знал и о любви к ней антиохийцев, потому что сам в юности жил в Антиохии. Обрекая в жертву огню все напоминавшее о христианстве, он не мог оставить без внимания этой святыни, когда, идя войной на персов (в 362 г.), прибыл в Антиохию. Случилось к тому же, что как раз в это время сгорел любимый им храм Аполлона в Дафне[1]. Подозревая в поджоге его христиан, разгневанный царь приказал, в отмщение им, публично сжечь главную святыню Антиохии — десницу святого Иоанна Крестителя. Но верующие антиохийцы, как оказалось, еще до прибытия к ним Юлиана, скрыли свою святыню в одной городской башне, и все розыски ее исполнителями царской воли остались напрасными. По смерти Юлиана святыня эта вновь была положена ими в главном храме города, где и находилась еще около шестисот лет, до времени завоевания Сирии мусульманами. В 639 году пала Антиохия, а вместе с ней попала мусульманскому пленению и десница Крестителя. Много раз византийские императоры пытались взять ее из Антиохии, но все старания их не достигали желанной цели. Наконец, Господь судил христианской святыне быть перенесенной из порабощенного нечестивым народом города в столицу христианского царства. В 959 году благочестивый диакон Антиохийской церкви Иов, старавшийся не раз склонить сосудохранителя церкви святого Петра, где вместе с священными сосудами и другими драгоценными предметами хранилась в особом помещении десница Крестителя, отдать ему эту святыню, но всегда напрасно, — решился, наконец, воспользоваться слабостью сосудохранителя: во время крепкого его сна от излишнего употребления вина Иов взял ключи от церкви и ночью похитил святыню. С своей драгоценной ношей он отправился прямо в Константинополь. Достигнув Халкидона[2], он послал в Константинополь известие об унесенном им из Антиохии сокровище. Вскоре же за ним прибыл в Халкидон царский корабль с патриархом и царскими сановниками. Спустя немного времени царь и весь народ с великим торжеством, умилением и восторгом встречали на Босфоре с таким трудом добытую святыню, «как будто са-

---

[1] *Дафна* — предместье Антиохии.

[2] *Халкидон* — город вблизи Константинополя.

мого Крестителя, с небес пришедшего». Она отнесена была в дворцовую церковь. Замечательно, что десница Крестителя, некогда прикоснувшаяся главы Владыки Господа, внесена была в эту церковь, как раз в навечерие Богоявления, и притом пред самым освящением воды. Такое совпадение событий усугубило торжество перенесения и благоговейную радость царя и народа. Не соединяя праздника перенесения десницы Крестителя с праздником Богоявления, Греческая Церковь постановила праздновать воспоминание этого события в день собора святого Иоанна Крестителя 7 января. Как и в Антиохии, в Константинополе было так же установлено воздвизание десницы Крестителя Господня пред народом, но обряд этот совершался не в Воздвижение Креста Господня (как в Антиохии), а в день Рождества Крестителя — 24 июня. Когда Константинополь пал[1] под натиском турок, вступивший в него султан Магомет II приказал десницу Крестителя наряду с другими христианскими святынями положить в его царскую сокровищницу и запечатать его печатью. Но на защиту поруганного города и его поруганных святынь восстал упомянутый выше орден иоаннитов, имевший в это время местом своего пребывания остров Родос. Иоанниты не только мужественно отразили все нападения турок на остров Родос, но и стали угрожать их собственным владениям. Тогда преемник Магомета II, Баязет II, желая приобрести их расположение к себе, послал[2] в дар магистру их ордена, Петру Обюсону, десницу Крестителя. Не ценное для мусульманской сокровищницы сокровище было драгоценным для христианских рыцарей, орден которых с самого основания был отдан под небесное покровительство святого Иоанна Крестителя. Везде, куда только не переселялись иоанниты, выстраивались церкви в честь Крестителя, а с этих пор вместе с каждым переселением переносилась в новые церкви и его десница. Такая церковь была построена Обюсоном на острове Родосе, такая же церковь впоследствии была выстроена магистром ордена Ла-Валетом и на острове Мальте.

---

[1] Падение Константинополя было в 1453 году.

[2] Это было в 1484 году.

IV

Когда остров Мальта взят был Наполеоном и корона магистра ордена перешла[1] к Русскому императору Павлу Петровичу, еще в детстве восхищавшемуся славной историей Мальтийских рыцарей, благодарные ему за покровительство иоанниты решились передать в его владение все три великих сокровища, ни с одним из которых никогда еще они не расставались со времени получения каждого из них.

Десница Иоанна Крестителя была первой из святынь, перевезенных ими в Россию. В 1798 году она временно была помещена в орденскую капеллу, находившуюся в Петербурге. В следующем же 1799 году, 12 октября, были перевезены в Гатчину[2] вместе с ней и остальные две святыни: частицы Креста Господня и икона Филермской Божией Матери.

С большим торжеством встречал царский двор подносимые ему в дар святыни. В десять часов утра в этот день из Гатчинского дворца по направлению к Ингебургу, где должна была произойти встреча святынь, выехал целый поезд с императором во главе, с членами царского семейства и с многочисленной свитой. Встреча произошла у так называемых Спасских ворот, откуда и началось шествие торжественной процессии обратно к дворцу. Впереди крестным ходом шло духовенство. За ним в придворной золотой карете везли в золотом ковчеге на пунцовой бархатной подушке десницу святого Иоанна Крестителя. Далее таким же образом везли икону Божией Матери и частицу животворящего Креста Господня. Сам император в полном облачении великого магистра Мальтийского ордена шел за первой каретой. Когда процессия приблизилась ко дворцу, император сам взял десницу Крестителя и, при пении положенного ему тропаря, внес ее в придворную, заново украшенную церковь, где и положил на приготовленном месте. Здесь же положены были икона Богоматери и частица Животворящего Древа. Все подробности этого торжественного события впоследствии были внесены в службу, составленную по поручению Святейшего Синода на день 12 октября. В ней «Давиду кроткому и благочестивому уподобляется богоизбранный царь, радостно пере-

---

[1] В 1798 году, 29 ноября.

[2] *Гатчина* — город в Царскосельском уезде С.-Петербургской губернии.

носящий в дом свой, якоже древле в Сион, новый кивот древняго пречестнейший. Тамо бо стамна манну носящая: зде же образ во чреве носившия Христа. Тамо скрижаль Ветхаго Завета: зде же рука, предначертающая Новый Завет, возвещающая миру спасение и велию милость. Тамо жезл: зде же Крест Христов вселенныя хранитель»[1].

Искренняя радость Павла принесла в дар святыням богатые, золотые, украшенные бриллиантами и другими драгоценными камнями ковчеги, а для иконы Богоматери — такую же драгоценную новую ризу.

День 12 октября Святейшим Синодом был внесен в число праздничных дней Русского месяцеслова.

Гатчина, однако, недолго была местом пребывания Мальтийских святынь. Царственная семья, отъезжая осенью в Петербург, взяла их с собой, так что в следующем 1800 году праздник их перенесения был совершен уже в церкви Зимнего дворца. В течение более пятидесяти лет и самое празднование, установленное в честь их перенесения на Русь, совершалось здесь, вместо 12 октября, 7 января. Император Николай Павлович вновь обратил внимание на забытую Гатчину. В память своего отца, основателя Гатчины, он выстроил в ней соборный храм во имя апостола Павла. На освящение этого храма[2], Мальтийские святыни были вновь привезены из Зимнего дворца в Гатчину. Осенью того же года посетил его государь. Собравшиеся прихожане, благодаря царя-храмоздателя, присоединили к своей благодарности просьбу о том, чтобы новоустроенный храм явился постоянным местопребыванием некогда в первый раз принесенных в Гатчину, Мальтийских святынь.

Отвечая на эту просьбу, государь сказал им, что достояние Царствующего Дома он не может отдать в собственность частной церкви, а согласен только на временное ежегодное приношение их туда из Петербурга. Так было восстановлено торжество праздника 12 октября, совершаемое в настоящее время и в придворной церкви, и в Павловском соборе. Святыни привозятся из Петербурга еще накануне праздника. Чествование их в этот день происходит в придворной церкви на всенощном бдении. На другой день, после ранней

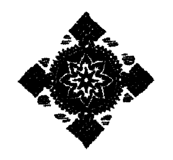
---

[1] Стихира на стиховне.

[2] Освящение храма было в 1852 году.

обедни в придворной церкви, они переносятся в собор, где и пребывают в течение десяти дней до дня празднования Казанской иконе Божией Матери, когда после крестного хода по городу отвозятся обратно в Петербург.

12 октября не только главный и всеобщий праздник гатчинцев, но и день поклонения Мальтийским святыням многих богомольцев, прибывающих в Гатчину из столицы, окрестных сел и городов и даже из других губерний России. Вся Россия воздает в этот день славу Богу, «яко прославивый ее доселе множеством святынь, не оставляет прославляти и ныне: се бо многоценное сокровище, в различных странах доселе скрываемое, благоизволи даровати ей»[1].



[1] Стихира праздника.

День тринадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
КАРПА, ПАПИЛЫ, АГАФОДОРА и АГАФОНИКИ

Весьма полезно бывает вспоминать о тех, кто страдали за Христа, ибо самое воспоминание об их мучениях может возбудить в нашей душе любовь к Богу и дать нашему стремлению к добродетели как бы некоторые крылья, чтобы мы, ради будущего воздаяния, мысленно претерпели те самые страдания, которые мученики понесли плотью. К сонму страстотерпцев, подъявших в этой жизни мученические подвиги, принадлежат Карп и Папила — великие столпы и основание Церкви[1]. Оба они родились в славном городе Пергаме[2] от

---

[1] В наименовании святых мучеников *столпами и основаниями Церкви* выражается та мысль, что они много послужили к утверждению Христовой Церкви — и примером своей доблестной жизни, и благодатью Божией, которая подается чрез них верующим. В Священном Писании краеугольным камнем и основанием Церкви называется Совершитель нашего спасения, Господь Иисус Христос (Пс. 117, 22; Ис. 28, 16; Мф. 21, 42; 1 Пет. 2, 4; 1 Кор. 3, 11 и др.). Мученики Христовы, равно как пророки и апостолы, могут быть названы основаниями Церкви только в условном смысле — как сами утверждающиеся на Христе. Это — как бы первый ряд камней в здании Церкви Христовой, положенный на великом и вечном основании ее — Христе. Следующие ряды камней в этом здании — мы, верующие во Христа, о котором апостол пишет: *быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самаго Иисуса Христа краеугольным [камнем]* (Еф. 2, 20).

[2] *Пергам* — город в великой Мизии (в северо-западной части Малой Азии), был столицей Пергамского царства. В древности он славился богатством, роскошью и обширной библиотекой, также изобретением или, вернее, усовершенствованием обработки *пергамента* (что заменяло теперешнюю писчую бумагу). Впоследствии этот город был присоединен к Римской империи. О нем упоминается

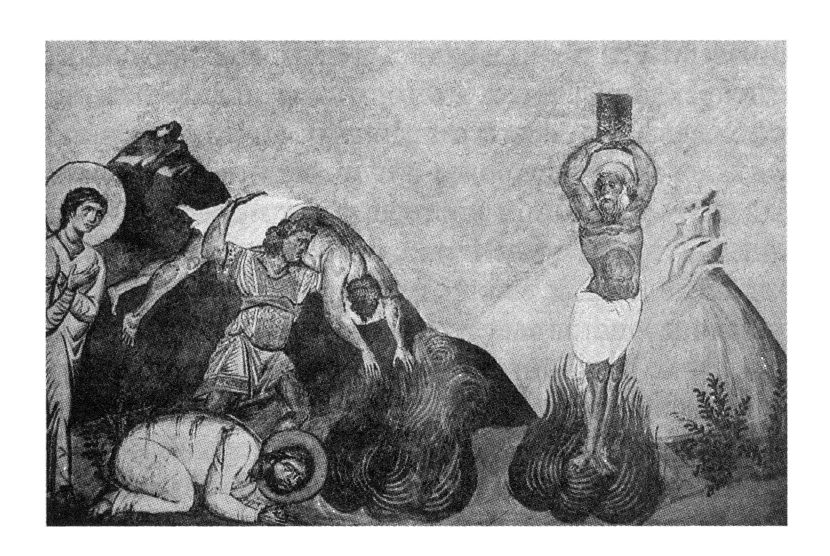
благочестивых родителей и своей добродетельной жизнью обнаружили добродетель родивших их: ибо святая ветвь растет от святого корня, добрый плод указывает на доброе дерево и чистый поток доставляет славу источнику. Оба они довольствовались в пище и питии только самым необходимым, отвергая все, что служит к разнообразию и излишеству; да и необходимого они употребляли столь мало, что отличались от Ангелов только плотью, так что по своему великому воздержанию казались почти бесплотными. Когда они достигли чрез такую жизнь совершенства в добродетели, то были найдены достойными того, чтобы им было вручено церковное управление: Карп был поставлен епископом и проповедовал слово Божие жителям Фиатиры[1], Папила же, которого Карп почтил степенью диакона, обнаруживал ревность, согласно своему званию, в подобных же трудах.

Слава о святых Карпе и Папиле распространилась по всем окрестным странам, как и вообще добродетель обыкновенно не может укрыться, но всегда делается явной. Поэтому к этим святым мужам стало стекаться великое множество народа, который, слушая с усердием их учение, обращался в христианство. Ненавистник всякого добра, диавол (ср.: Ин. 8, 44), видя это, не мог оставаться спокойным; найдя усердных служителей своей злобы, он внушил им сделать на святых донос нечестивому царю Декию[2]. И вот на Карпа и Папилу было донесено, что они не только не поклоняются богам, напротив — проклинают их и следуют христианскому учению. Декий, услышав об этом, сильно разгневался и послал в Азию советника своего Валерия — ревностного язычника и жестокого человека; при этом царь сообщил ему все, что знал о святых, и дал полную власть над ними. Валерий, получив приказ, поспешно отправился в путь и, прибыв на место, где жили святые, захотел принести жертвы богам своим. От него тотчас же вышло повеление во все пределы Фиатирской страны, чтобы все жители ее немедленно собрались на место

в Откровении (2, 12). В Постановлениях апостольских (7, 46) упоминается о первом епископе Пергамском Гае, рукоположенном апостолом Иоанном. Это — тот Гай, к которому апостол Иоанн написал свое 3-е Соборное послание.

[1] *Фиатира* — город в Лидии, на границе с Мизией, на юго-востоке от Пергама; первоначально входил в состав Сирийской монархии, потом подпал под власть римлян. Христианство стало здесь распространяться еще в век апостолов. О Фиатире упоминается в кн. Деян. 16, 14; Откр. 1, 11; 2, 18, 24.

[2] *Декий* царствовал с 249 по 252 год по Рождестве Христовом.



жертвоприношения для поклонения богам. Так, нечестивый не только сам был ревностным почитателем языческих богов, но и других хотел склонить к тому же. Когда все собрались на место жертвоприношения, то между ними не оказалось двух христиан, Карпа и Папилы, ибо они на ином месте приносили истинному Богу истинную жертву, то есть молитву. Не найдя их среди собравшихся, мучитель повелел искать их; когда затем они были найдены и приведены к нему, то он с гордостью спросил их:

— Почему вы не явились вместе с другими для принесения жертвы богам? — и потом прибавил: — Поспешите пред моими глазами исправить ваш проступок, чтобы ненависть оклеветавших вас обратилась на их собственную голову, а ваша слава чрез то умножилась более прежнего.

Святые же, не боясь страха и не ища человеческой славы, мужественно отвечали на это:

— Не до́лжно нам, о судия, прогневлять нашего Бога и быть неблагодарными за Его к нам благодеяния! Ибо самые скоты были бы обличителями нашей неблагодарности, ведь и они знают своего хозяина; мы же оказались бы не знающими нашего Создателя, если бы почтили ложных богов, оставив истинного Господа нашего.

Когда они так говорили, Бог подтвердил слова их следующим знамением: внезапно произошло сильное землетрясение, и все идо-

лы были низвергнуты и рассыпались в прах. Но злоба Валерия была сильна и непреклонна: вместо того, чтобы подивиться неизреченной силе Божией и посмеяться крайнему ничтожеству ложных богов, он оказался лишь еще более безумным и несмысленным. Пристыженный благородством и кротостью тех мужей, он удержался от причинения им тогда же самых тяжких мук и повелел возложить на шеи их железные цепи и водить их нагими по городу. Так доблестные подвижники, достойные высокой чести, были водимы по улицам с бесчестием, достойные неисчислимых похвал были осмеиваемы и подвергались поруганиям. Судия же, думая, что, наказанные таким бесчестием, они изменят теперь твердости своего исповедания, замыслил привлечь их на свою сторону льстивыми речами и начал говорить:

— Если бы я не считал вас благоразумными, то никогда не стал бы подавать вам доброго совета, а склонил бы вас к нашей вере мучениями, против вашей воли. Но так как ваше благоразумие и благонравие указывают на ваше, свойственное великим людям, умение здраво судить о деле, то я вознамерился быть для вас добрым советником. Не безызвестно, я думаю, вам, что слава и честь воздаются бессмертным богам с древних времен, и это остается так до этого времени не только у нас, знающих греческий и римский языки[1], но и у варваров; ибо чрез такое усердие к богам города управляются добрыми законами, одерживаются победы над врагами и укрепляется мир. Почему же цари и князья Римские достигли такой славы, что ниспровергли города и народы и подчинили своей власти всех врагов — не потому ли, что почитали богов и поклонялись им? Почтите же их и вы. И если, через слова невежественных людей, вы прельстились неразумной и только недавно появившейся христианской верой, то образумьтесь ныне и возвратитесь к тому, что лучше. Тогда и боги помилуют вас, и вы насладитесь многими благами, имеющимися у нас; от царя же ожидают вас великие милости. Но если вы останетесь при прежнем упорстве, то и блага эти утратите, и нас заставите поступить с вами с крайней жестокостью.

---

[1] То есть людей образованных. Греки и римляне считали всех прочих людей, не принадлежавших к ним по рождению и не знавших их языков, людьми грубыми и необразованными и называли их *варварами*.

Когда святые услышали это, то возвели очи свои к небу, сотворили крестное знамение и отвечали Валерию:

— Ты надеешься тотчас же обратить нас к своему злочестию, как каких-либо невежд, но знай, что не малодушные и не малоумные пред тобой. Мы не считаем вашу веру почтенною за то только, что она вера древняя, ибо не все то непременно честно, что древнее: ведь и злоба древняя, однако еще недостойна за свою древность почтения. Не о том следует рассуждать, древняя ли ваша вера, но о том, должно ли ее принимать. Мы решили уклониться от нее и насколько возможно исторгнуть ее из своей среды, как такую, которая уготовляет страшный гееннский огонь любящим ее. Если хочешь познать истину, размысли, и ты найдешь, что ваши боги суть не что иное, как только дело рук человеческих: они немы и глухи и не могут принести никакой пользы не только другим, но даже и самим себе. Истинный Бог неизобразим по Своему существу, непостижим для нашего разума, неизмерим по времени, ибо не имеет начала Своего бытия; Он вызвал к бытию все видимое и постижимое для нашего разума; Он создал человека, ввел его в рай и дал ему заповедь, чтобы человек навыкнул быть послушным Создателю. По зависти диавола человек впал в преслушание и сделался повинным смерти. Но диавол не удовольствовался таким падением человека и поспешил отклонить от Бога и потомство его, чтобы люди умирали не только телесно, но и духовно: так, люди, оставив Бога и отвратив свои очи от света правды, впали во тьму идолослужения. Поэтому милосердый и многомилостивый Создатель, чтобы избавить человека от власти диавола, сошел на землю, продолжая пребывать в то же время в лоне Отчем, и был подобным нам, кроме греха; будучи пригвожден ко кресту, Он умер, для избавления нас от греховного падения. Победив смертью Своей врага нашего диавола, Он восшел на небеса и нас призывает туда же, сделав удобным для нас восхождение к Нему. Ты, о судия, можешь ли сказать что-либо подобное о твоих богах? И не стыдно ли тебе называть их богами? Богатствами же вашими и почестями у царя — чем вы так дорожите — мы пренебрегаем, ибо ожидаем себе награды от Бога, за Коего мы твердо решились пострадать и умереть.

Слушая эти слова, Валерий сильно разгневался. Он сбросил с себя лицемерную кротость и, не скрывая более своей жестокости, прежде всего, отдал имение святых на разграбление доносчикам,

самих же их, привязав к коням, повелел гнать в Сардис[1]. И гнали коней, с привязанными к ним святыми, весьма быстро и без отдыха, чтобы в один день достигнуть из Фиатиры в Сардис[2]. Тяжел был путь тот для доблестных страдальцев, ибо, не поспевая бежать наравне с конями, они были влекомы насильно и, ударяясь о землю, терпели много страданий. Следовал за ними и раб святых мучеников, блаженный Агафодор, сострадая и соболезнуя своим господам. Достигнув Сардиса, они не стали отдыхать после тяжелого пути, но провели бо́льшую часть той ночи в молитвах и Божественном пении. Когда же они немного уснули, Ангелы Божии утешали их в видении и укрепляли к терпению в мучениях. Пробудившись от сна, они поведали друг другу виденное и весьма радовались, благодаря Бога за утешение в печали и за обещание помощи в мучениях, и пламенно желали пострадать за Христа.

Валерий прибыл в Сардис в надежде, что страдальцев, после мучений, которые они претерпели в пути, будет легче склонить к безбожию: беззаконный не знал, что святые еще более укрепились на подвиг благодатью Божией, явленной им в видении. Когда же Валерий увидел, что лица их светлее прежнего, что духом они крепки и сердцем безбоязненны, потерял надежду победить их посредством мучений и снова обратился к лукавству, желая прельстить и уловить крепкую во Христе веру святых мягкими словами и разного рода ласкательством. И казалось, что лисица борется со львами, ибо обольщения его не приводили ни к чему и не могли одолеть тех, кого укрепляла помощь Всевышнего. Когда же Валерий увидел, что не достигнет ничего, задумал поступить с ними иначе: Карпа и Папилу, мужей твердых и избранных, отдал под стражу; славного же Агафодора, слугу мучеников, который и сам был совершенным мучеником и, по любви к ним, оказался другом их и соучастником их мучений, — этого Агафодора, растянув на земле, приказал беспощадно бить воловьими жилами. И состязались между собой судия и мученик: судия хотел победить мученика множеством причиняемых ран,

---

[1] *Сардис*, или *Сарды*, — город в Лидии (в западной части Малой Азии), на юг от Пергама и Фиатиры, — был столицей Лидийского царства и славился своим богатством. Во времена апостолов здесь было много христиан. О Сардийской церкви упоминается в Апокалипсисе (Откровении), — гл. 1, ст. 11; гл. 3, ст. 1–4.

[2] Расстояние между тем и другим городом было около тридцати трех миль.

мученик же с такой радостью принимал раны, что, казалось, опасался, как бы не утомились бьющие и не прекратили рано мучений. Во время столь жестоких и продолжительных побоев, из мученика, как бы из некоторого источника, истекали потоки крови, отпадала плоть, обнаруживались внутренности, отпадали от суставов члены, и поистине, великое страдание должен был претерпевать доблестный муж. Но он переносил мучения с такой твердостью, что, казалось, вовсе не чувствовал боли; в молчании претерпевал он тяжкие раны, и мысль, что он страдает за Христа, была для него достаточным утешением среди жестоких страданий. Когда устал Валерий, устали и бьющие, у Агафодора же мучения только увеличивали радость. Христос, взирая с небес на его подвиг и уготовляя награду, при виде доблестного терпения раба Своего, призвал его к Себе, чтобы он нашел покой после стольких трудов. Он тотчас предал дух в руки Господа своего, оставив свое мертвое тело мучителям. По повелению Валерия оно было оставлено без погребения — в пищу зверям и птицам; но, с наступлением ночи, некоторые из верующих, взяв тело святого мученика, предали его тайно погребению.

После этого Валерий, призвав святых мучеников, Карпа и Папилу, сказал им:

— Безумный ваш слуга принял достойную за дела свои смерть, потому что не захотел принести жертвы бессмертным богам. Почему же вы, будучи мудрыми, не изберете себе того, что для вас полезно, но хотите быть подобными человеку, поистине несчастному, который безумно предпочел жизни и радости мучительную смерть?

Слыша это, святые обличили Валерия и назвали его безумцем; воздав хвалу святому Агафодору за мужество, с каким он встретил смерть, они сказали, что желают и себе такой же смерти за Христа.

Тогда мучитель, воспылав яростью, снова повелел привязать Карпа и Папилу к коням и быстро гнать впереди его из Сардиса в Пергам. И снова святые были гонимы и влачимы на пути, претерпевали великие мучения и страдания, и каждый из них говорил вместе с Давидом: *за словеса устен Твоих аз сохраних пути жестоки* (слав. Пс. 16, 4). Ночью к их страданиям от ран присоединялись тесные оковы и суровое заключение в темнице. Святые же, после тяжкого пути, оставались в бодрствовании, вознося к Богу молитвы в течение всей ночи. И Господь снова благоволил посетить их: явился им

Ангел Господень, исцелил от ран и исполнил их сердца Божественной радостью, укрепляя их на больший подвиг. Когда наступило утро, мучитель думал, что святые совсем не могут ступить после вчерашнего пути, и велел привести их к нему, чтобы посмотреть на их страдания. И увидев, что они здоровы и крепки, что ноги их невредимы и лица светлы и веселы, приписал это силе их волшебства и поэтому еще более увеличил их страдания. Обложив тела святых тяжкими железными оковами, он погнал их в еще более далекий путь. Во время пути он на одном месте принес жертву идолам и сел на судилище. Призвав Карпа, он начал дружески говорить ему, как бы действительно жалея его:

— Вот, боги, из сострадания к твоей старости, помогли тебе пройти без труда такой путь. Зачем же ты оказываешься неблагодарным к своим благодетелям, подвергая поруганию их честь? Послушай моего доброго совета и пойдем к богам вместе со мной, ибо я почитаю старость твою, сожалею о тебе и плачу о бедствии твоем — не как о чужом, но поистине как о своем. Но что делать? Ты знаешь, что сильно оскорбил меня и я не могу уже более терпеть: и когда ты ныне не послушаешь моего доброго совета, то я не потерплю твоей непокорности, если не ради своего бесчестия, то ради богов.

Святой Карп отвечал на это:

— Совета твоего, который от света ведет во тьму и от жизни к смерти, никто не может назвать добрым, но назовет обольщением и сетью. Если ты почитаешь старость мою, то почему же не веришь мне, когда я отечески подаю тебе совет? Ибо я более сожалею о твоей погибели, чем ты о моих страданиях, и весьма печалюсь о твоем бедствии, что ты возложил надежду на суету[1] и почитаешь таких богов, которые не избавят тебя от вечных мучений: ведь они бездушны, созданы человеческой рукой и не могут на самом деле называться богами, будучи суетными и ни на что негодными идолами.

Валерий не мог долее сносить бесчестия своих богов и повелел палачам взять святого Карпа и, привязав его, жестоко бить терновыми розгами. Когда били святого, все тело его было изранено, и части плоти, отпадая под ударами, летели на землю. Но этого было еще мало мучителю, он призвал других палачей. Одни из них опа-

[1] То есть на суетных и ложных богов, которые в действительности не суть боги.

ляли ребра Карпа свечами, другие посыпали раны его солью, так что земля орошалась кровью святого; жилы разрывались и причиняли ему весьма тяжкое страдание; мученик же, чем более увеличивалось его мучение, тем сильнее укреплялся в любви к Богу и терпении. Стоя связанный, он улыбнулся среди мучений, и князь спросил его:

— Почему ты, Карп, засмеялся?

Он же сказал:

— Я видел предназначенную мне благодать Христа моего и потому возрадовался.

Ибо святой видел в это время небеса отверстыми, Господа сидящим на престоле, и Херувимов и Серафимов вокруг Него.

Так утешил Господь Своего раба среди мучений, и превозмогла благодать Божия все страдания, так что святой забыл о своих болезненных ранах и о тяжких мучениях, которые доблестно претерпевал. Он был мучен до тех пор, пока не устали мучители, и, заключенный после мучений в темницу, благодарил Бога, сподобившего его пострадать за Него.

Потом, вызвав на суд святого Папилу, Валерий начал спрашивать, как бы впервые видел его:

— Какого ты рода и отечества и каков род твоих занятий?

— Ты уже знаешь о мне, — отвечал святой, — что я родился от благородных родителей в городе Пергаме, владею искусством врачевания, — не того, что зависит от трав, растущих на земле, но того, которое подается свыше от Бога; это врачевание не только пользует тело, но исцеляет и душевные болезни.

Тогда судья сказал:

— Искусного врачевания не может быть, помимо изучения того, что написано Галином[1] и Гиппократом[2], которым искусство врачевания дано от богов.

Папила отвечал:

---

[1] *Галин*, иначе *Гален*, — знаменитый ученый врач. Он родился в 131 году по Рождестве Христовом в Пергаме; много учился, много путешествовал; был придворным врачом при современных ему Римских императорах, умер в самом начале III века. Он имел громадное влияние на врачей всего мира, и авторитет его был непоколебим в глазах их вплоть до XVI века.

[2] *Гиппократ* — другой знаменитый греческий врач с острова Коса, живший много ранее Галена (с 460 по 356 год до Рождества Христова). От него осталось несколько сочинений, на которых воспитывался и Гален.

— Галин, Гиппократ и ученики их только тогда могут вылечить больного, если мой Христос, по неизреченному милосердию, соблаговолит подать ему Свое врачевство. Иначе оказывается напрасным их искусство и бесполезной их опытность во врачебном деле; а те, кого ты называешь богами, как могут позаботиться о чьем-либо здоровье, если сами себе не могут ни в чем помочь? И если хочешь узнать истину, испытай на деле: вот ты видишь, что сидящий возле тебя слеп на один глаз, пусть же твои боги подадут ему прозрение, и я после того ничего не скажу.

— Может ли кто быть таков, чтобы исцелить его? — сказал на это Валерий.

— Не только это, — отвечал святой, — но и всякие другие неизлечимые болезни исцелит тот, кто призовет Христа, Целителя всех болезней.

— Так пусть же мы увидим ныне то, что ты говоришь, — сказал Валерий, — и если ты в силах, исцели его пред нами, чтобы он прозрел.

— Я не хочу тотчас же делать этого, — отвечал Папила, — чтобы ты не стал приписывать чуда своим бесам; но пусть сначала ваши врачи призовут которого-либо из своих богов, потом и я покажу могущество моего Христа.

Тогда Валерий созвал своих жрецов и повелел им призвать богов, чтобы они исцелили его слепого советника. Они взывали к суетным богам своим, призывая каждый из них своего бога: тот — Аполлона, другой — Асклипия, один — Зевса, другой — Гермеса. И было достойное смеха дело: весь день молились тем, которые не могут оказать никакой помощи, взывали к глухим, приносили жертвы бездушным и, будучи сами ослеплены душой, оказались не в силах просветить одного телесного ока.

Что же делает Христов раб? Он возвел к небесам очи телесные и душевные и призвал милосердного Господа; потом прикоснулся своей рукой к слепому оку, сотворил над ним крестное знамение, и больной тотчас прозрел. При этом он не только прозрел телесным оком, но просветился и душевными очами: ибо Божественный свет коснулся его сердца, и он, как бы пробудившись от сна, познал немощность суетных богов и уразумел силу Единого Бога, Иисуса Христа, Света истинного, просвещающего всякого человека грядущего в

мир (см.: Ин. 1, 9), и уверовал в Него. Не только тот человек, но множество и других людей пришли, чрез это чудо, к познанию правды; ибо кого это преславное чудо не привело к удивлению и вере? И всякий, видя и слыша это, говорил: «Поистине велика сила Христа, и Он есть истинный Бог!» Но хотя и все славили истинного Бога, однако беззаконный Валерий не захотел познать Его и воспылал еще большим гневом на святого Папилу; вместо благодарности за такое благодеяние, он велел привязать его к дереву и бить нещадно.

Во время этих побоев святой Папила скорбел не о том, что его бьют, но о том, что не принимает еще более тяжких мучений. Напротив того, Валерий, видя, что мужество мученика побеждает мучения, приходил все в большее и большее раздражение и страдание присоединял к страданиям: он опалял бока Папилы огнем и велел бросать в него камнями. Но мученик и огонь переносил терпеливо, а камни падали на иное место, как бы почитая тело мученика, страждущее за Христа; не причиняя святому никакого вреда, камни поражали более бросающих. Когда же Валерий утомился и не знал, какое еще причинить святым мучение, то решил несколько помедлить, думая, что если отпустить на время святых, то раны их разболятся и, увеличивая страдания, сделают их более слабыми для предстоящего испытания. Но мученики, имевшие своим врачом Христа, ради Которого добровольно принимали раны, были исцелены не только от страдания, но и от ран и язв, так что не видно было и следа их ран, что весьма раздражало безумного мучителя: чем более облегчались их страдания, тем более мучилось сердце Валерия и пылало яростью как огонь.

По прошествии немногого времени мучитель снова сел на судилище, дыша жестокостью и взирая яростным оком. Святые же мученики предстали пред ним со светлым взором и веселым лицом, как бы позванные на пир. Беззаконный хотел устрашить их самой своей яростью; но от безбоязненного сердца и из дерзновенных уст их он услышал такие слова:

— Зачем, о мучитель, ты утруждаешь себя и своих слуг, часто приводя нас и отводя, мучая и не объявляя над нами последнего приговора? Надеешься ли ты отвратить нас от Христа и от истины? — но скорее увидишь нас мертвыми, чем мы подчинимся твоему безбожному повелению.

После этого, по повелению мучителя, были рассыпаны по земле черепки и железные гвозди; на них положили ниц обнаженных мучеников и начали их влачить, нанося при этом жестокие удары. Но и среди этих мучений Господь не оставил Своих рабов. Он поспешил к ним с Своей помощью, *вдыхаяй в лице их, и отъемляй от оскорбления их* (слав. Наум. 2, 1): внезапно эти черепки и железные гвозди исчезли бесследно, святые же остались невредимыми. Это возбудило в судье еще больший гнев, и он повелел резать бока их бритвами; но святые, славя Бога, доблестно терпели все это.

После этого он собрал лютых зверей и устроил зрелище: были приведены мученики, и на них была выпущена медведица. Все думали, что она тотчас умертвит и растерзает тела их, но та не обнаружила никакой кровожадности и, как бы почитая святых, легла у ног их и обнимала их. После того был выпущен лев, который не только оказался кротким, как и медведица, но Божия сила обнаружилась в нем еще более чудесным образом, ибо, рыкая, он провещал человеческим голосом, порицая гонителей и такое их упорство в жестокости. Они же заткнули уши, считая все это за колдовство, а святых мучеников судья повелел бросить в ров, наполненный известью. Но напрасно трудился безумный, противясь Богу, Который всюду хранил Своих рабов невредимыми, ибо, пробыв в этой извести три дня, они вышли здоровыми и невредимыми.

Чем более Валерий убеждался, что не может преодолеть святых, тем более пылал на них гневом; обув их в железные сапоги, наполненные острыми гвоздями, он заставил бегать в них; но и этим он не мог победить непобедимых воинов Христовых. Разжигая затем сильно печь, он бросил в нее святых — вместе с ними вошла в пламя и блаженная Агафоника, сестра святого Папилы, пожелав быть участницей в тех же подвигах и умереть за Христа. Но огненная печь не только не опалила их, но, силой Христовой, обратилась в прохладное место, ибо сошел великий дождь, погасил огонь и остудил печь. Когда святые вышли из печи невредимыми, то снова были заключены в темницу, в которой пели Богу, как в церкви. Мучитель, не зная, что еще сделать, стыдясь, что его победили, произнес окончательный приговор над мучениками, приказав головы их усечь мечом. Святые, когда их вели вместе с Агафоникой на место казни, радовались и, возводя очи свои и руки к небу, молились не только о

себе, но и за убивающих их, и таким образом окончили подвиг свой, будучи усечены мечом. Святые тела их были бесчестно выброшены и не были охраняемы; верующие, взяв их тайно, предали честно́му погребению, славя Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и поклонение вовеки. Аминь[1].

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ФЛОРЕНТИЯ

Святой мученик Флорентий родом был из города Солуня. Будучи христианином и ревнителем истинного благочестия[2], он порицал и обличал веру в ложных языческих богов и проклинал служение им. В то же время, наставляя всех истинной вере Христовой, он утверждал в ней христиан и убеждал их исполнять заповеди Божии. За это Флорентий взят был на суд к начальнику страны той, но на допросе открыто исповедал веру в Господа Бога нашего Иисуса Христа, а языческих богов называл деревом, камнями, золотом, серебром, медью и железом, бездушными и бесчувственными идолами. Этим он привел в ярость правителя той страны и был осужден им на мучения. Его подвергли жестокому биению, строгали острыми орудиями его тело, после чего он был брошен на возжженный большой огненный костер, в котором он с радостью, молясь и благодаря Бога, скончался[3].

---

[1] *Святая равноапостольная царица Елена* построила в Константинополе монастырь во имя Карпа и Папилы, наподобие Гроба Господня. Паломник Антоний в 1200 году говорил: «Святые Карп и Папила в женском монастыре в едином гробе лежат; а ту (то есть в Царьграде) поставил церковь царь Константин».

[2] Святой Флорентий был учеником апостольским.

[3] В начале III века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
НИКИТЫ ИСПОВЕДНИКА[1]

Святой Никита родился в Пафлагонии[2] от благочестивых родителей. Он был дальним родственником императрицы Феодоры, жены императора Феофила иконоборца. После обучения, семнадцати лет от роду, Никита пришел в Константинополь. В то время императорский престол занимала супруга умершего императора Льва IV Ирина, за малолетством своего сына Константина[3]. Принятый на царскую службу, Никита в скором времени возвысился, возведен был в патрицианское достоинство и сделан смотрителем над всем царским дворцом, а потом поставлен начальником войск в Сицилии[4]. Достигнув высокого положения, Никита сознал всю тщету и суетность мирских званий и благ и возымел благочестивое желание принять иноческий постриг. Но император Никифор и сын его Ставракий[5], ценя заслуги Никиты государству, не хотели отставить его от занимаемой им должности и отпустить его в монастырь. Когда же после них вступил на царство Михаил Рангав[6], Никита выпросил у него дозволение оставить свою службу и постричься в монашество[7]. Однако ему не позволено было, при этом, удалиться из столицы, но император велел дать ему помещение в Золотых воротах, в

---

[1] Исповедниками назывались в древней христианской Церкви те лица, которые, во время гонений на христианство, открыто объявив себя христианами и претерпев мучения, были пощажены мучителями и остались в живых. Такие лица пользовались особенным уважением в христианском обществе: так, им было предоставлено право воссоединения с церковью падших.

[2] Святой Никита родился около 763 года. Пафлагония — суровая горная область в северной части Малой Азии, пограничная с Понтом и Вифинией.

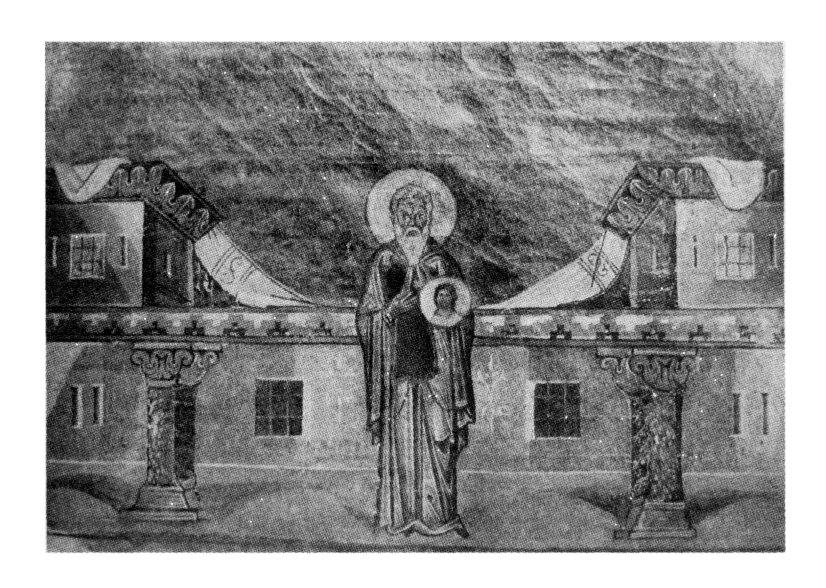
[3] *Лев IV Хазар* царствовал с 775 по 780 год. Жена его, *Ирина*, управляла государством в царствование малолетнего сына *Константина VI Порфирородного* и потом после него царствовала с 797 по 802 год.

[4] *Остров Сицилия* в то время находился под византийским владычеством, продолжавшимся от половины VI века до 827 года, когда остров завоеван арабами.

[5] *Византийский император Никифор I* царствовал с 802 по 811 год. Сын его Ставракий царствовал после него всего лишь два месяца и шесть дней.

[6] *Император Михаил I Рангав* царствовал с 811 по 813 год.

[7] Пострижение святого Никиты в монашество полагают около 813 года. В это время ему было уже пятьдесят лет от роду.



так называемой Хрисоникии[1], где он должен был находиться постоянно. В этой обители святой Никита оставался безвыходно до царствования императора-иконоборца Льва Армянина[2]. Когда же святой Никита увидел поругания, каким подвергались святые иконы от этого беззаконного царя, то оставил Константинополь и вступил в один подгородный монастырь, присоединившись к последним из братий, трудясь и постясь с ними. Между тем иконоборцы, проведав, что у него есть икона Спасителя, которую он приобрел из Рима, донесли о том императору. К Никите посланы были чиновники, которые с угрозами вынуждали его выдать эту икону. Но так как святой Никита решительно отказался выдать ее, то посланные разыскали одного инока, который указал, где находится та святая икона. Тогда они вошли в церковь и, взяв святую икону, всячески надругались над ней. Кощунство это привело святого Никиту в великую скорбь. Не довольствуясь тем, царские посланцы, уходя из обители, запретили ему выходить оттуда под каким бы то ни было предлогом. Впоследствии, когда на царский престол вступил другой иконоборческий государь — Феофил[3], к

[1] В азиатской части Константинополя, на месте древнего города Вифинии Хризополя, который составлял как бы пригород Константинополя.

[2] То есть до 820 года.

[3] В 829 году.

преподобному послан был один царедворец, по имени Феодосий, который, при всех собравшихся, под угрозой изгнания требовал от него признания иконоборческого патриарха Антония[1] и отвержения иконопочитания. Но святой на это сказал:

— Не перестану никогда поклоняться иконе Христа и Бога моего, а Антония назову не патриархом, но прелюбодеем и преступником... Ты же делай, что хочешь.

За этот мужественный подвиг веры святой Никита был тотчас же изгнан из обители. Воздав благодарение Богу и взяв с собой троих из братии, он отправился в другую обитель, где провел Великий пост и время до Пятидесятницы, а затем оставил и эту обитель. После многих скитаний и невзгод он поселился, наконец, в одном приморском монастыре, где и окончил свою жизнь на семьдесят шестом году от рождения[2]. Как при жизни, так и по смерти он совершил много чудес.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ВЕНИАМИНА ДИАКОНА

Святой диакон Вениамин жил в царствование Персидского царя Издигерда[3]. Обратив в христианство многих персов-язычников, он был оклеветан, схвачен, подвергнут жестоким биениям и посажен в темницу, в которой провел два года. Один грек, посланный к персидскому двору, узнав о постигшей Вениамина участи, просил царя отпустить его. Царь согласился исполнить эту просьбу, если Вениамин даст обещание не обращать персов в христианство. Проситель от лица Вениамина дал это обещание. Но Вениамин, услышав о том, сказал:

— Невозможно мне переменить тот свет, который я воспринял в купели крещения. О, сколь великих мук достоин тот, кто скрыл

[1] *Антоний I*, иконоборец, был патриархом с 821 по 832 год.

[2] Около 838 года.

[3] *Персидский царь Издигерд I* царствовал с 399 по 420 год. При нем мученически пострадал учитель и епископ Вениамина диакона святой Авда (в 418 г.). Память его — 3 (16) марта.

данный ему талант, или тот, кто умышленно скрывает евангельское учение!

Не перенося этих слов, царь приказал заострить двадцать спиц и вонзить их святому Вениамину под ногти рук и ног. После этого, видя, что святой вменяет себе эти страдания как бы в некую радость, царь подверг его еще большим и нестерпимым мучениям и, наконец, велел пронзить его толстым суковатым колом, после чего этот доблестный подвижник предал дух Богу[1].

[1] Святой Вениамин диакон пострадал спустя три года после мученической кончины святого Авды, уже при преемнике Издигерда, сыне его Варахране V, в 421 году.

День четырнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
НАЗАРИЯ, ГЕРВАСИЯ, ПРОТАСИЯ и КЕЛЬСИЯ

Святой Назарий родился в Риме; отец его был еврей, а матерь, по имени Перпетуя, — христианкой: святое крещение она приняла от самого апостола Петра. Придя в отроческий возраст, Назарий долго размышлял, какой держаться ему веры — отцовой или матерней. Наконец он решил быть подражателем своей святой матери, молитва которой много способствовала его просвещению, — и был крещен епископом Лином[1].

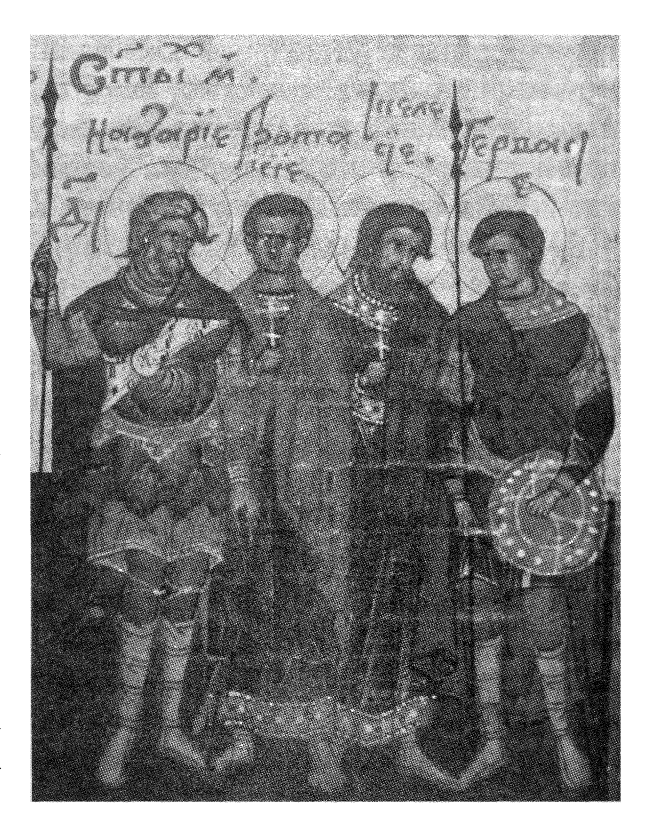
Когда святой Назарий достиг совершенного возраста, то оказался совершенным и в добродетелях: усердно служа Господу, он заботился не о своем только спасении, но и о спасении других, ибо многих неверующих обратил ко Христу. Но скоро Назарий ушел из Рима; он взял от своих родителей приходившуюся ему часть имения и стал там благодетельствовать неимущим; придя же в Медиолан, он раздал там все, что имел, творя милостыню убогим и служа своим имением узникам, страдавшим за Христа.

Тогда, в царствование нечестивого Нерона[2], было великое гонение на христиан, и многие исповедники Христовы были содержимы

---

[1] *Святой епископ Лин* был первым епископом Римской церкви непосредственно после святого апостола Петра; принадлежал к лику семидесяти апостолов. Память его совершается 5 ноября и 4 января вместе с другими апостолами.

[2] *Нерон* (54–68 гг. по Рождестве Христовом) — один из наиболее жестоких, тщеславных и развратных Римских императоров. Им было воздвигнуто первое в Риме гонение на христиан, во время которого пострадали апостолы Петр и Павел.



в оковах и мучимы; святой Назарий, служа им, утверждал их в вере и укреплял на мученический подвиг. В это время правителем Анулином были взяты и заключены в темницу некие святые мученики Гервасий и Протасий. Святой Назарий часто приходил к ним и утешал их своей благочестивой беседой: он весьма полюбил их, ибо видел, что они исполнены Божественной любви и пламенно желают положить души за Господа, положившего за нас душу Свою на кресте. Назарий питал к ним такую любовь, что не хотел разлучаться с ними, и предпочел вместе с ними пострадать и умереть. Правителю той области скоро сделалось известным о Назарии, что он, посещая заключенных в темнице узников, приносит им все необходимое и утверждает их в христианской вере. Поэтому он повелел взять Назария и привести к нему; на суде он прежде всего спросил его, кто он и откуда. Узнав, что Назарий по происхождению — римлянин, по вере же — христианин, Анулин убеждал его не отвергаться отеческих богов, которых римляне из древности почитают жертвами и поклонением. Святой же не только не хотел слушать его советов, но и говорил ему совершенно противное, порицая его ложных богов и исповедуя Единого истинного Бога, Иисуса Христа. Тогда правитель повелел бить его в уста. Но святой не переставал мужественно говорить и обличать нечестие его. После того правитель еще более разгневался и повелел бить мученика палками, потом с бесчестием изгнал его из города. Блаженный Назарий, будучи изгнан, радовался, что сподобился

принять раны за Христа, и, как изгнанный правды ради, вспоминал слова Христовы: *блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5, 11). Он скорбел только о том, что разлучился с своими возлюбленными друзьями, Гервасием и Протасием, вместе с которыми желал и умереть. Это его желание Господь исполнил впоследствии, а в то время ему должно было еще в иной стране послужить спасению людей и отвратить многих от заблуждения. В следующую же ночь явилась ему в видении блаженная матерь его, повелевая ему идти в Галлию и там трудиться в благовествовании Христовом. Встав, он пошел, по указанию своей матери, в ту страну и, проповедуя Христа, просвещал там светом веры людей, сидящих во тьме и сени смертной[1]. Когда святой Назарий был в городе, называемом Мелия[2], он взял здесь от некоторой благородной и верующей женщины трехлетнего отрока, по имени Кельсия, крестил его и воспитал в благочестии. Отрок возрастал летами и разумом, исполняясь Божией благодати; когда же он пришел в возраст, то последовал за своим учителем, святым Назарием, учась от него высшей премудрости и слагая в своем сердце его Боговдохновенные слова и отеческое поучение. Отрок был настолько мудрым о Христе, что сравнялся с своим учителем, и равно с ним служил спасению людей; проповедуя Христа, он вместе с Назарием терпел гонения и мучения, впоследствии же сподобился и одинакового с ним мученического венца.

Диновий, правитель той страны, узнав, что Назарий распространяет христианство по многим городам, тотчас же взял его вместе с Кельсием и обоих заключил, после побоев, в темницу, намереваясь предать их поутру всевозможным мучениям. При наступлении утра, жена правителя, увидев, как Кельсия, красивого отрока, вели на казнь, сжалилась над ним и, припав к своему мужу, умоляла его, чтобы он помиловал отрока и отпустил его, вместе с учителем его Назарием; своей неотступной мольбой она до тех пор не оставляла правителя, пока не упросила его отпустить обоих на свободу. Отпуская их, правитель сказал:

---

[1] То есть людей, не знавших истинного Бога и погибавших духовно. Образ речи заимствован из кн. Исх. 9, 2; ср.: Мф. 4, 16.

[2] *Мелия*, или *Кимелла*, — один из галльских городов, близ нынешней Ниццы, на юге Франции.

— Ходатайство жены моей освобождает вас от всякого мучения.

Но святые мученики скорбели о том, что не достигли желаемого мученического венца и не окончили земного поприща, чтобы разрешиться от тела и жить со Христом[1]. По дороге оттуда, они пришли в город Тимир[2] и, по обыкновению распространяя там Евангельское учение, приобрели Христу много душ.

Но диавол, не вынося того, возбудил гнев идолопоклонников; восстав на святого Назария и Кельсия, нечестивые взяли их и отослали к своему лютому царю Нерону. Святые, став пред царем, исповедали Творца Христа Бога, за что Назария повергли на землю и попирали ногами, Кельсия же били розгами. Принуждаемые к принесению жертвы богам, они ниспровергли словом своим идолов их на землю и были за то отданы на съедение зверям; но звери не причинили им вреда. Потом они были ввержены в море, но пошли по водам как по ровному полю. Увидев это, слуги царя уверовали во Христа; приняв крещение от святого Назария, они оставили царский двор и, удалившись от мирского мятежа, стали служить Христу.

Святой же Назарий пошел с своим учеником, святым Кельсием, снова в Медиолан и нашел святых мучеников Гервасия и Протасия еще живыми, но томившимися в темнице. Когда он стал проповедовать Евангелие в Медиолане, то опять был взят правителем Анулином. Анулин спросил его, где он был до того времени. Узнав, что он был в руках самого Нерона, правитель подивился, каким образом он освободился из рук его живым и здоровым, ибо знал, что Нерон — царь жестокий и бесчеловечный, что он беспощадно убивает не только виновных, но и невинных. Правитель принуждал Назария, чтобы он приступил и поклонился богам их; но тот не только не захотел сделать этого, но и стал хулить их. Тогда Анулин повелел бить его в уста, и святой, приняв с учеником своим Кельсием много побоев, был ввергнут в темницу — к святым Гервасию и Протасию. Назарий очень радовался, что сподобился увидеть своих возлюбленных друзей и терпеть заключение за Христа вместе с ними в одной темнице.

В то время правитель Анулин известил письмом царя Нерона о Назарии. Царь, услышав, что Назарий жив, весьма разгневался на

[1] Выражение заимствовано из послания к Филиппийцам, гл. 1, ст. 23.

[2] *Тимир* — иначе *Трир*, многолюдный, цветущий город в Северной Галлии.

тех слуг, которым было приказано потопить его в морской глубине. Он долго искал их, чтобы погубить, — думая, что они отпустили Назария, — но не нашел; ибо они уже бежали от мира и добровольно посвятили себя на святое служение Христу. Царь написал правителю Анулину, чтобы он тотчас же умертвил Назария. Анулин, получив царское письмо, вывел из темницы святого Назария с учеником его, святым Кельсием, и усек мечом их честны́е главы.

Один из верующих, живший в городском предместье, взяв тайно святые мощи их, внес их в свой дом. В то время у него лежала на одре расслабленная дочь, которая, когда внесли в дом мощи святых мучеников, тотчас же встала с одра здоровой, как бы никогда и не болела. Хозяин дома, вместе с своими домашними, весьма возрадовался этому и предал тела мучеников честно́му погребению в своем саду.

Вскоре по усекновении святых мучеников Назария и Кельсия пришел в город военачальник Астазий, шедший на войну против моравов[1]. Жрецы идольские научили его, чтобы он умертвил оставшихся в темнице святых мучеников Гервасия и Протасия, и Гервасий был избит оловянными прутьями и скоро скончался; Протасий же окончил мученический подвиг через усекновение главы мечом. Христианин Филипп, взяв вместе с своим сыном тела их, предал их погребению в своем доме.

Мощи всех четырех мучеников, Назария и Кельсия, Гервасия и Протасия, оставались скрытыми в земле, под спудом[2], и никто не знал об этом до самого времени святого Амвросия, епископа Медиоланского. Мощи Гервасия и Протасия он обрел, по откровению Божию, в царствование Феодосия Великого, мощи же Назария и Кельсия — в царствование Аркадия и Гонория[3].

Об обретении мощей Назария и Кельсия пресвитер Павлин вспоминает в житии святого Амвросия так:

— Мощи святого мученика Назария, найденные вне города в саду, Амвросий принес тотчас же в храм святых апостолов. Мы ви-

---

[1] *Моравы* — славянское племя, живущее теперь в пределах Австро-Венгрии.

[2] То есть — под сокрытием, в сокровенном месте.

[3] *Аркадий* — сын и преемник Феодосия Великого, управлявший восточной половиной империи (395–408 гг.). *Гонорий* — также сын и преемник Феодосия Великого, управлявший западной половиной империи (395–422 гг.).

дели во гробе, в котором лежали мощи мученика, кровь, как бы только сейчас истекшую; голова с волосами и бородой так сохранилась, что как бы только теперь была положена во гроб, а лицо было так светло, что, казалось, только что омыто. И какое же в этом чудо — если Сам Господь ранее обещал в Евангелии, что *и волос с головы вашей не пропадет* (Лк. 21, 18)[1]? Мы в это время почувствовали благоухание, превосходившее все ароматы. Подняв мощи мученика и возложив их на колесницу, мы со святым Амвросием тотчас же начали искать мощи мученика Кельсия. От владельцев того сада мы узнали, что ему завещено было предками никогда не оставлять этого места по той причине, что в нем скрыты великие сокровища. И подлинно там находились такие сокровища, которых ни моль, ни ржа не истребляют, ни воры не подкапывают и не крадут[2] (см.: Мф. 6, 19).

Так говорит пресвитер Павлин о мощах Назария и Кельсия. О мощах же Гервасия и Протасия имеется такая запись святого Амвросия:

«Амвросий, раб Христов, братьям, находящимся во всей Италии, желаю вечного спасения в Господе.

Божественное Писание называет должником того, кто, получив что-либо туне[3] от Господа, не дает этого другим; ибо он как бы крадет нечто у церкви, когда утаивает то, что может быть полезным для других. Поэтому Давид сказал: *Правды Твоей не скрывал в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое, не утаивал милости Твоей и истины Твоей пред собранием великим.* И как бы желая воздаяния за это дело, присовокупил: *Не удерживай, Господи, щедрот Твоих от меня* (Пс. 39, 11–12). Он как бы так сказал: как я дал возможность другим найти милость, так и Ты не удали Своей милости от меня.

Но зачем нам делать это предисловие? Возвещу вам, благочестиво мудрствующим о Господе и верующим, и призову вас к радости по поводу обретения святых мощей.

---

[1] В этих словах Иисус Христос дал апостолам и всем вообще исповедникам христианской веры обетование об особом промышлении о них Божием.

[2] Эти слова были сказаны Иисусом Христом о вечных и нетленных благах небесных, которые христианин должен приуготовлять себе добродетельной жизнью.

[3] *Туне* — даром, бесплатно, без особой заслуги (ср.: Мф. 10, 8).

В минувшую святую Четыредесятницу, когда, по милости Божией, я был в числе постящихся и молящихся, стоял я раз ночью на молитве.

И вот я впал в такое состояние, что хотя и не спал, но и не чувствовал ничего. И видел я двух юношей в белых одеждах, поднявших вверх свои руки и молящихся; одержимый дремотой, я не мог говорить с ними. Когда я пришел в себя, они стали невидимы.

И молил я милосердого Господа, чтобы, если это — бесовское обольщение, Он удалил его от меня; если же здесь сокрыта какая-либо истина, то — чтобы яснее показал ее мне.

Для получения просимого у Господа я усилил пост и во вторую ночь, во время пения петухов, видел то же, что и в первый раз: тех же юношей, молящихся со мной.

В третью ночь, когда моя плоть, ослабев от поста, не могла уже предаться сну, юноши снова явились ко мне; в это время я не спал и лишь только всему этому изумлялся. С ними был и третий благолепный муж, похожий на святого апостола Павла, — как он изображается на иконе; он один только говорил со мной, а те молчали.

Говорил же он так:

— Это — те, которые, послушав моих слов, презрели мир и богатство и последовали за Господом нашим Иисусом Христом, не ища ничего земного или плотского; пробыв здесь в Медиолане десять лет в служении Богу, они сподобились быть мучениками Христовыми; тела их ты найдешь лежащими во гробе в земле на том месте, где стоишь и молишься; изнеси их из земли и устрой храм во имя их.

Я спросил об именах их, и он мне отвечал:

— Ты найдешь возле глав их книжку, в которой написано об их рождении и кончине.

Созвав братию и епископов и передав им о виденном, я начал прежде всего сам копать, епископы же помогали мне. И мы нашли, как поведал святой Павел, гроб, в котором увидели тела святых, как бы только теперь погребенные и издающие прекрасное благоухание.

При главах их мы нашли книжку, в которой все по порядку написано так:

— Я, раб Христов Филипп, взял тела этих святых в свой дом и предал их погребению. Матерью их была Валерия, отцом — Виталий; они родили этих сыновей близнецами и назвали одного Протасием,

а другого — Гервасием. Виталий был воином и жил в Медиолане, служа тайно с своей супругой Богу. Когда он был с судьей Павлином в городе Равенне[1], там узнали, что он — христианин. Преданный мучениям, он не отвергся Христа; его ввергли в глубокий ров, били сверху камнями, и, заживо погребенный, он скончался.

Супруга его, узнав о смерти своего мужа, пошла за телом его, чтобы предать его погребению в своем доме, в утешение вдовства своего.

Но равеннские граждане, которые были христианами, воспрепятствовали ей взять тело ее мужа: они радовались такому сокровищу и оставили тело святого, чтобы он был для них заступником.

Не получив желаемого, Валерия возвращалась в Медиолан и на пути в одном селении попала на богомерзкий праздник нечестивых людей, приносивших жертвы своему скверному богу Сильвану[2]. Идолопоклонники, угощая, по своему обыкновению, странников идоложертвенным мясом, пригласили и шедшую своим путем Валерию вкусить от этого мяса. Но она возгнушалась такой скверной и, не желая вкушать от бесовской жертвы, исповедала себя христианкой. Нечестивые, придя в ярость, били ее беспощадно палками, так что она была доведена своими спутниками едва живой в Медиолан.

Придя в свой дом и дав наставление в истинной вере сыновьям своим Гервасию и Протасию, она предала на третий день свою душу в руки Божии. Когда Гервасий и Протасий остались сиротами после своих родителей, сподобившихся мученических венцов, то продали дом и имущество свое, роздали все убогим и освободили рабов; сами же, заключившись в одной хижине, усердно предавались в течение десяти лет молитве, посту и чтению Божественных книг. На одиннадцатый год, заключенные правителем Анулином в темницу, они пострадали за Христа. Когда военачальник Астазий шел из Медио-

---

[1] Город с гаванью при Адриатическом море, находился на северо-восточном берегу Апеннинского полуострова. Император Август сильно укрепил его, и он считался оплотом Италии. Императоры, начиная с Гонория, имели здесь свое местопребывание. Равенна существует доселе и представляет главный цветущий город Итальянской области того же имени.

[2] *Сильван* почитался у римлян как бог лесов — откуда и самое наименование его — полей и стад. Этому богу посвящались три статуи: одна — у дома, другая — среди поля и третья — на месте владения, почему, можно думать, Валерия и не могла миновать праздничного сборища в честь этого бога.

лана на войну против моравов, то идольские жрецы, зайдя вперед, встретили его на пути и сказали:

— Если хочешь возвратиться к царю с победой, то заставь Гервасия и Протасия принести жертву богам, ибо боги разгневались на то, что эти два человека презирают их, и уже не хотят давать нам ответов на наши вопросы.

Услышав об этом, Астазий вывел святых из темницы, поставил пред собой и сказал:

— Приказываю вам, чтобы вы не оскорбляли наших богов, но принесли им с честью жертвы, да благополучен будет наш путь.

Гервасий сказал:

— Победы над врагами ты должен просить у Самого Всемогущего Бога, а не у тех идолов, которые не видят, не слышат, не говорят и не имеют дыхания.

Тогда Астазий повелел бить Гервасия оловянными прутьями до тех пор, пока он не умрет, и святой Гервасий от этих побоев скончался.

Приказав вынести его тело, Астазий сказал Протасию:

— Несчастный! Пощади свою жизнь, не будь безумным, подобно своему брату.

Протасий отвечал:

— Не знаю, кто из нас несчастен: я ли, который не боюсь тебя, или ты, который боишься меня.

Астазий сказал:

— Как! Я боюсь тебя, несчастный?

Святой сказал:

— Ты боишься, чтобы я не оскорбил тебя, не принеся жертвы идолам; если бы не боялся, то и не принуждал бы меня к жертве. Я же тебя не боюсь и презираю твои угрозы; идолов твоих я считаю за ничто и поклоняюсь только Единому Богу, царствующему на небе.

Тогда Астазий повелел бить его палками, и долго били здесь святого мученика; когда же он был поднят с земли, Астазий сказал:

— Несчастный! Зачем ты так горд и непокорен? Неужели хочешь погибнуть так же, как и твой брат?

Протасий отвечал:

— Я не гневаюсь на тебя, Астазий, ибо вижу слепоту твоих очей: твое неверие не позволяет тебе видеть того, что — Божие. Господь

мой не поносил Своих распинателей, но молился за них, сказав, что они и сами не знают что творят. И ты не знаешь что делаешь, поэтому я и жалею тебя. Однако делай, что начал, чтобы я мог ныне узреть, вместе с своим возлюбленным братом, своего Спасителя.

Тогда Астазий повелел усечь его мечом. Когда это произошло, я, раб Христов Филипп, вместе с своим сыном, взял тайно ночью тела их в свой дом, о чем знал только Бог, и предал их погребению в этом мраморном гробе. Верую, что, по их молитвам, и я получу милость от Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцом и Святым Духом живет и царствует вовеки».

Когда эти святые мощи были вынесены из земли, больные стали получать исцеление, бесы были изгоняемы из людей, слепые прозревали. Тот же святой Амвросий упоминает, что в их городе был один всем известный слепец, по имени Севир; лишь только он прикоснулся к краю одежд, бывших на мощах святых, то тотчас же прозрел[1].

Молитвами святых Твоих, Господи, просвети наши душевные очи, чтобы мы могли ходить во свете Лица Твоего и о имени Твоем возрадовались вовеки[2]. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
ПАРАСКЕВЫ

Святая Параскева[3] родилась в Сербии, вблизи города Каллиократия, в селении Епиват[4]. Родители ее были благочестивые люди:

[1] Обретение мощей святых мучеников было в июне 395 или 396 года.

[2] Ср. слова псалма 88, 16.

[3] Мирское имя Параскевы было — *Петка*. В Петке-Параскеве рано открылось пламенное желание жить для Господа. Слова Евангелия: *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя* (Мк. 8, 34), слышанные Параскевой в храме, как стрела пронзила ее сердце, и она, при выходе из храма, отдала богатое свое платье встретившемуся бедняку, выменяв на его лохмотья. Через некоторое время Параскева опять отдала свою одежду нищенке и потом не один раз повторяла то же самое. Ее бранили за это, но она отвечала, что иначе не может жить.

[4] *Епиват* (*Пиват, Турецкий Баядос*) — местечко на взморье между Селимврией и Константинополем.

они неуклонно исполняли все заповеди Божии и славились всюду своими благотворениями и милостынями. Кроме дочери Параскевы был у них сын. Его отдали они в училище, а дочь воспитывалась в доме своих благочестивых родителей. Брат Параскевы, когда достаточно научен был Священному Писанию, с согласия родителей, принял пострижение под именем Евфимия. Евфимий впоследствии был епископом в Мадите[1], где прославился добродетельной жизнью и при жизни и по смерти сотворил множество преславных чудес.

По смерти своих родителей Параскева стала проводить жизнь, полную скорбей и лишений. Подражая усердно жизни святых, она умерщвляла постом и бдением свое тело и порабощала его духу. Воспламеняясь Божественным желанием жить для Господа, Параскева не пожелала долго жить в многомятежном мире этом, но, покинув все мирское, скрылась от мира и, достигнув пустыни Иорданской[2], стала проводить здесь равноангельскую жизнь. Подражая Боговидцу пророку Илии и Иоанну Крестителю, она питалась только пустынными злаками, употребляя их притом лишь в малом количестве, и то по закате солнца. Постепенно истаевая, то от жара, то от холода, она обращала свои взоры только к Единому Богу, могущему спасти смиренных сердцем *от вихря, от бури* (Пс. 54, 9). Кто в состоянии поведать о том, сколько слез пролила преподобная? Кто расскажет о частых и неумолкаемых стенаниях ее? Кто подробно передаст о ее коленопреклонениях непрестанных и различных подвигах теле-

---

[1] *Мадит* — морская гавань в Херсонесе Фракийском.

[2] По сведениям, собранным святогорцем Никодимом, Параскева, прежде чем удалиться в Иорданскую пустыню, в Палестине, посетила Царьград и обошла святые места его; здесь выслушивала она наставления ревностных подвижников. По их совету она поселилась в предместье Ираклийском при уединенном храме Покрова Богоматери, где провела в молитвах, посте и слезах пять лет. А затем, исполняя давнее желание свое, она отправилась в Палестину и, поклонившись святым местам, освященным жизнью Спасителя, осталась жить в Иорданской пустыне.

сных? Один Всевидящий Бог взирал на подвиги преподобной. У нее не было там забот о мирской суете: она заботилась только лишь об очищении души, об ответе на будущем суде и встрече с небесным Женихом. «Тебе, Женишé мой, ищу», — говорила преподобная Параскева и постоянно держала в уме изречение из книги Песни песней: *Скажи мне, ты, которого любит душа моя* (Песн. 1, 6). Она о том больше всего заботилась, как бы украсить свой светильник и вместе с мудрыми девами выйти навстречу небесному Жениху, услышать сладкий Его глас и насладиться лицезрением красоты Его. *Когда приду и явлюсь пред лице Божие?* (Пс. 41, 3) — непрестанно говорила святая.

Когда, таким образом, преподобная Параскева пребывала в пустыне, лукавый враг позавидовал ее добродетелям и пытался мечтаниями и призраками устрашить ее. Многократно превращаясь в различных зверей, он устремлялся на святую, чтобы создать для нее препятствие на пути подвигов. Но добрая Христова невеста Параскева *Всевышнего* избрала *прибежищем своим* (Пс. 90, 9) и при Его помощи, — знамением святого креста Его, — отгоняла врагов и разрывала, как бы паутину, все козни диавола, и совершенно низложила его. Святая, при своей женской природе, имела поистине мужской разум и победила диавола, как Давид — Голиафа. Украсив свою душу такими подвигами и добродетелями, Параскева сделалась возлюбленной невестой Христовой, так что на ней исполнилось пророческое слово: *И возжелает Царь красоты твоей* (Пс. 44, 12). Итак, Этот Царь вселился в нее со Отцом и Святым Духом и пребывал в ней, как и в святой Своей Церкви, ибо святая Параскева, сохранив свою душу от греха и осквернения, соделалась Церковью Живого Бога.

Однажды ночью Параскева, после долговременного уже пребывания в пустыне, по обыкновению своему, с умилением простирая руки к небу, стояла на молитве. Внезапно, в образе пресветлого юноши, она увидела Ангела Божия, который, подойдя к ней, сказал:

— Оставь пустыню и возвратись в свое отечество, ибо там подобает тебе оставить тело на земле, а душой прейти ко Господу.

Преподобная, проникнув в смысл видения, уразумела, что в нем сказывается Божие повеление; она радовалась тому, что близко

время разрешения ее от тела, но ей жаль было расставаться с пустынным уединением, ибо ничто так не очищает души и не приближает ее к первоначальному состоянию, как пустыня и безмолвие. Однако, повинуясь воле небесной, преподобная оставила пустыню и отправилась в отечество.

Прибыв в царствующий град Константинополь, она вошла там в прекрасный храм Премудрости Божией, равно также побывала и во Влахернской церкви и, поклонившись пред чудотворной иконой Богоматери, пошла на свою родину в Епиват, где прожила некоторое время, не изменяя своего обычного пустынного подвига — поста и молитв. Когда же наступило время ее отшествия к Богу, Параскева помолилась усердно о самой себе и обо всем мире и во время молитвы предала Богу свою блаженную душу. Тело ее было погребено верующими, по христианскому обычаю, но не на общем кладбище, как тело странницы, никому не сказавшей о себе, откуда она[1].

Бог, восхотевший прославить Свою угодницу, по прошествии многих лет, открыл мощи ее при следующих обстоятельствах.

Близ того места, где была погребена преподобная, в подвигах безмолвия на столпе подвизался некий столпник. Случилось, что туда же было выброшено волнами тело какого-то корабельщика, заболевшего во время плавания тяжкой болезнью и скончавшегося. От трупа этого начал исходить удушливый смрад, так что по той дороге невозможно было и проходить; смрада этого не мог стерпеть даже и столпник, подвизавшийся около того места, и он принужден был сойти со столпа. Поэтому он приказал выкопать глубокую яму и закопать в ней смердящий труп. Когда рабочие копали яму, то, по Божественному смотрению, они обрели лежащее в земле нетленное тело и сильно удивились этому. Но так как рабочие были люди неопытные и несведущие, то на случившееся не обратили никакого внимания, как на малозначительное и ничтожное дело. Они рассуждали так между собой:

— Если бы это тело было святое, то Бог открыл бы его посредством каких-либо чудес.

С этими мыслями они вновь засыпали нетленное тело землей, бросив туда же и смрадный труп, а затем ушли домой. С наступле-

---

[1] Это было в первой половине XI столетия.

нием ночи, один из них, некто Георгий, человек благочестивый, молился Богу в своем доме. Заснув под утро, он увидел во сне некую царицу, сидящую на пресветлом престоле, а кругом нее стоит великое множество светлых воинов. Объятый страхом и, будучи не в силах взирать на это царское величие и славу, Георгий упал на землю. Тогда один из светлых воинов, взяв Георгия за руку, поднял его и сказал:

— Георгий! Зачем вы так презрели тело преподобной Параскевы и вместе с ним похоронили смердящий труп? Немедленно возьмите тело преподобной и положите его в достойном месте, ибо восхотел Бог прославить на земле рабу Свою.

Также и та светлая царица сказала ему:

— Поспеши вынуть мои мощи и положить их в достойном месте, потому что я не могу больше терпеть смрада от того трупа. Ибо я человек, и родина моя Епиват, где ныне и вы живете.

Тою же ночью было такое же видение и одной благочестивой женщине, по имени Евфимии. Поутру они оба рассказали всем о том, что увидели. Услышав это, благочестивый народ отправился с возжженными свечами к мощам преподобной Параскевы и, с благоговением вынув их из земли, радовался как бы о некоем многоценном сокровище. Святые мощи с торжеством положены были в церкви святых и всехвальных апостолов Петра и Павла, в селении Епиват, где, по молитвам святой Параскевы, от ее мощей подавались многие исцеления болящим: слепые прозревали, хромые начинали ходить и все недужные и бесноватые получали здравие.

В 1238 году, во время владычества крестоносцев (католиков) в Царьграде, благочестивейший Иоанн Асень[1], король Болгарский и Сербский, получил известие о месте, где почивают святые мощи преподобной Параскевы. Тогда он поручил блаженному Марку — бывшему тогда митрополитом Переяслава Болгарского — со многими епископами и священниками, перенести те честные мощи в

---

[1] *Иоанн Асан*, или *Асень II*, сын Асеня I (царствовал с 1221-го по 1241 год) — знаменитейший из государей Болгарского царства; он прославил и просветил Болгарское царство больше всех царей, прежде него бывших; построил много монастырей и украсил их золотом и драгоценными камнями; все церкви он одарил многими дарами, а духовенство их наградил великими почестями, Иоанн Асень был любим не только своими болгарами, но и греками.

престольный город Болгарской земли — Тернов[1]. Там святые мощи были с почетом положены в придворной церкви, где, нетленно почивая, источали различные исцеления всем, с верой к ним притекающим.

По прошествии значительного времени, по Божию попущению, мусульмане постепенно завоевали всю Греческую империю, а вместе с ней покорили и царства Болгарское и Сербское. Это завоевание происходило, в XIV веке, во времена турецкого султана Баязета[2]. Когда султан Баязет взял болгарский город Тернов, то все церковные драгоценности и царские украшения были разграблены. Тогда святые мощи Параскевы, одетые в одно рубище, были перенесены в Валахию[3]. По завоевании турками и Валахии, в 1396 году, святые мощи, по ходатайству Сербской царицы Милицы пред султаном, перенесены в Сербию в Белград[4].

В 1521 году султан Сулейман II[5], взяв Белград, похитил оттуда также честные мощи преподобной Параскевы; привезя затем в Константинополь, он поставил их здесь в своих палатах. Но многоценное это сокровище не затерялось и здесь, ибо многочисленные чудеса от мощей преподобной способствовали к прославлению ее не только у христиан, но даже и среди мусульман. Последние, смутившись этим обстоятельством и убоявшись, как бы вера в чудодейственную силу мощей святой Параскевы не распространилась еще шире — а больше всего по усердию и заботливости христиан, — передали эти святые мощи константинопольским христианам, а те с честью положили их в патриаршей церкви.

---

[1] *Тернов* — главный город Болгарии, на реке Етре или Янтре, впадающей в реку Дунай, — ныне *Тырново*.

[2] *Баязет I*, турецкий султан, вступил на престол в 1389 году. Воспользовавшись раздорами между византийским императором Иоанном и сыном его Андроником, Баязет поставил Византийскую империю в полную от себя зависимость; он завоевал Болгарию, Македонию, Фессалию и многие другие земли. В 1402 году Баязет был взят в плен монгольским завоевателем Тамерланом, где и умер в 1403 году.

[3] *Валахия* — юго-западная часть нынешнего Румынского королевства.

[4] *Белград*, главный город Сербского королевства, в месте соединения реки Дуная с рекой Савой.

[5] Царствование *Сулеймана II* заключает собой период расцвета турецкого могущества. Турки чтят в нем величайшего из своих государей.

В 1641 году благочестивый Василий-Лупул[1], воевода и господарь Молдавский, получив известие о том, что в Константинопольской патриаршей церкви находятся мощи святой Параскевы, усердно желал, чтобы они были перенесены оттуда с честью в его славный господарский округ. Его желанию споспешествовал прославляемый во святых Своих Господь, желавший и в Молдавии прославить преподобную Параскеву. Тогда Константинопольский патриарх Парфений[2], с согласия всего своего Освященного собора и соизволения иных честнейших патриархов, отправил честны́е мощи преподобной Параскевы благочестивому государю, воеводе Василию, в первопрестольный город его, Яссы[3]. Здесь, в храме трех святителей, с великими почестями, при большом веселии и радости жителей всей Молдавии, святые мощи и были положены в 1641 году по Рождестве Христовом, 14 октября[4].

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
НИКОЛЫ СВЯТОШИ

Проходит образ мира сего... Владычество переходит от народа к народу... Господь низвергает престолы властителей и посаждает кротких на место их (1 Кор. 7, 31; Сир. 10, 8, 17). Благоверный князь Никола[5] с самой ранней юности своей уразумел эту непрочность скоропреходящего владычества на земле. Он ясно видел, что только на небе существует царство непреходящее, вечно пребывающее, исполненное тех неизреченных вечных благ, которые уготовал Господь для любящих Его. Поэтому он — подобно тому, как некогда Индий-

---

[1] *Василий-Лупул* — господарь (то есть государь) Молдавский, с 1634-го по 1654 год.

[2] *Парфений I* — патриарх Константинопольский, с 1639-го по 1644 год.

[3] *Яссы* — главный город Молдавии, одного из придунайских княжеств, составляющих в настоящее время вместе с Валахией королевство Румынию.

[4] Там святые мощи пребывают и ныне.

[5] *Святослав Святоша* (названный так за свое благочестие) при крещении был назван Панкратием, а в иночестве Николаем. Он был сыном Черниговского князя Давида Святославича и внуком Киевского и Черниговского князя Святослава Ярославича, основавшего святую, Богом созданную, Печерскую церковь.

ский царевич Иоасаф[1], оставил славу и богатство, почесть и власть своего временного, земного княжения ради вечного, небесного Царствия и, придя в Печерский монастырь, облекся во святой иноческий чин[2]. В иночестве блаженный Никола так просиял святостью своей жизни, что все, видя добрые его дела, усердно прославляли за него Господа. И, прежде всего, преуспевал он в послушании. Сначала святой Никола работал на братию в поварне; здесь он своими руками рубил дрова и смиренно носил их с берега на своих плечах, неленостно исполняя и все остальное, что было необходимо для приготовления пищи. Он уже много потрудился, когда узнали о его подвигах братья его Изяслав и Владимир; они стали удерживать его от такой работы. Но этот истинный послушник выпросил у них со слезами, чтобы они позволили ему еще один год в поварне поработать для братии. И вот он здесь с полным старанием и усердием прослужил братии в течение целых трех лет. После этого он, как человек испытанный и ко всему способный, был приставлен стеречь монастырские ворота, и в этом послушании, никуда, кроме церкви, не отходя, он также пробыл три года. Оттуда он был приставлен прислуживать при братской трапезе; и это послушание он проходил с усердием и таким старанием, что пользовался расположением всей братии.

Пройдя, таким образом, благочинно все эти степени послушания, он по совету игумена и всей братии принужден был в келье безмолвствовать, чтобы уже в тишине заботиться о своем спасении. Исполняя и это послушание, он своими руками устроил при келии сад, и в продолжение всех лет иноческой жизни его никогда не ви-

---

[1] Память его — 19 ноября. Он был сыном Индийского царя Авенира; память его — тогда же.

[2] Это было в 1107 году.

дели без дела; он всегда имел в руках своих какую-нибудь работу, а на устах непрерывно эту молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя!» Он никогда ничего не вкушал, кроме общей монастырской пищи на трапезе, и то в небольшом количестве. Если ему, против его желания, как князю, приходилось получать что-либо от близких ему, тогда он все это немедленно раздавал на нужды странников, нищих и на строение церковное, так что на средства его в церковь приобретено было много книг.

Этот блаженный князь, еще во время владения своим княжеством, имел при себе очень искусного врача по имени Петра, сирийца родом, который пришел с ним и в монастырь. Врач этот, видя добровольную нищету своего господина, оставил его и проживал в Киеве, врачуя там многих. Впрочем, он неоднократно приходил к блаженному и, видя его в великих лишениях и безмерном посте, служащим в кухне и стражем у ворот монастырских, так увещевал оставить этот образ жизни:

— Князь, тебе следует позаботиться о своем здоровье, чтобы тебе непомерным трудом и воздержанием не ослабить совсем своей плоти, ибо, если ты изнеможешь, для тебя станет неудобоносимым иго, которое ты Христа ради пожелал взять на себя. Ведь Бог не ищет поста или подвига выше сил, но только чистого и смиренного сердца. Ты работаешь на иноков, как купленный раб; ведь к такой нужде ты не привык, да это и недостойно тебя, так как ты князь. Для твоих благородных братьев Владимира и Изяслава твоя нищета есть скорбь и великое уничижение, так как от столь великой славы и почести ты дошел до таких лишений, что умерщвляешь свое тело и из-за недостаточной пищи впадаешь в недуги. Я удивляюсь изменению твоей утробы, которая раньше от сладкой пищи изнемогала, ныне же, принимая сырую зелень и сухой хлеб, терпит. Но берегись, как бы тебе совершенно не заболеть, и тогда ты, не имея более сил, лишишься жизни, и я не в состоянии буду помочь тебе; итак, ты готовишь своим братьям плач неутешный. Вот и бояре, некогда служившие тебе и благодаря тебе прежде знатные, и те, потеряв свои надежды, сожалеют о тебе и пребывают в большом унынии. Но они устроили себе большие дома и теперь живут в них, а ты не имеешь, где главы преклонить, и сидишь то

при мусорных кучах, то в поварне, то при вратах. Кто из Русских князей поступал так? Уж не блаженный ли отец твой Давид, или приснопамятный твой дед Святослав? Да и из бояр никто не пожелал бы такой бесславной жизни, кроме одного Варлаама[1], бывшего здесь игуменом. Итак, если ты не послушаешь моего совета, то преждевременно умрешь.

Подобные слова врач Петр, научаемый братьями святого Николы, часто говорил ему, когда сидел с ним то в поварне, то при воротах.

Блаженный всегда на это отвечал ему:

— Брат Петр! Часто думая о спасении души своей, я решил, что не до́лжно щадить плоти, чтобы она не вступала в борьбу с духом и не возбуждала в душе моей брани. Утомляемая же подвигом воздержания, она смиряется, но не изнемогает; а если бы и изнемогла, то ведь Господь апостолу сказал: *сила Моя в немощи совершается* (2 Кор. 2, 5). И еще: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 12). Бог желает смиренного и чистого сердца, но его не может быть без поста и подвига, потому что пост — матерь целомудрия и чистоты. И еще сказано: *смирися в трудех сердце их* (слав. Пс. 106, 12). Я благодарю Бога за то, что Он освободил меня от мирских забот и соделал меня рабом для Своих рабов, — этих блаженных черноризцев; ведь я, будучи князем, под видом работы для них, работаю для Царя царей. Братья же мои пусть заботятся о себе самих: *каждый понесет свое бремя* (Гал. 6, 6). Довольно с них моего наследия, которое я для того оставил вместе с земным княжением, чтобы получить наследие в Царствии небесном: *я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп. 3, 8). К чему же ты угрожаешь мне смертью, укоряешь в моей нищете и в воздержании от излишних яств? Ведь и ты, когда лечишь телесную болезнь, не повелеваешь ли больному быть воздержным, а некоторых яств и совсем избегать? А мне таким же способом нужно врачевать недуги душевные. Если я и умру телесно, то ведь мне *смерть* Христа ради *приобретения* (Флп. 1, 21). Если же я сижу при мусорных кучах, то почему ты

[1] *Варлаам* был первым игуменом Киево-Печерского монастыря; он был сыном первого киевского боярина Иоанна; память его — 19 ноября.

меня считаешь хуже бояр? Ведь мне надлежит царствовать с Иовом, о котором сказано, что он был знаменитее всех сынов Востока (см.: Иов. 1, 3). Если этого не делал раньше меня ни один из Русских князей, то я, последуя Царю небесному, положу начало; может быть, с этого времени кто-нибудь и станет подражать мне, последуя моему примеру. Наконец, вместе с научающими тебя советую заботиться более о себе самом!

Многократно происходило также и следующее. Когда этот блаженный князь, утомившись в подвиге послушания, впадал в болезнь, тогда врач Петр, узнав об этом, немедленно приготовлял ему лекарства, нужные при той или другой болезни. Но князь всегда до прибытия врача с лекарством, Божией помощью, делался здоровым и никогда не дозволял лечить себя.

Однажды пришлось и самому врачу тому заболеть. Блаженный послал к нему сказать:

— Если ты не станешь пить лекарства, то скоро выздоровеешь, а если меня не послушаешь, то долго будешь страдать.

Но врач не послушался и выпил свое лекарство и, желая излечиться от болезни, едва не лишился жизни, хотя потом и был исцелен по молитве святого. Когда тот же врач вскоре снова заболел, блаженный велел передать ему то же самое:

— Если не будешь лечиться, выздоровеешь на третий день.

Будучи наказан за первое ослушание, на этот раз врач послушался блаженного и, по слову его, на третий день выздоровел. Блаженный Никола в то же время оканчивал свое послушание монастырского привратника; позвав выздоровевшего врача, он сказал ему:

— Петр! Тебе подобает постричься в иноческий образ и, вместо меня, потрудиться в этом монастыре для Господа и Его Пречистой Матери, потому что я по истечении трех месяцев отойду от этого мира.

Врач Петр, услышав это, пал ему в ноги и возопил, обливаясь слезами:

— Увы мне, господин мой, благодетель мой, драгоценная жизнь моя! Кто будет милостив ко мне, страннику? Кто накормит сирых и убогих, кто заступится за обижаемых, кто окажет милость многим, требующим помощи? Не говорил ли я тебе, князь, что ты скоро до-

ставишь неутешный плач своим братьям? Не говорил ли тебе: князь, побереги свою жизнь, ибо ты для многих можешь быть полезен, и в жизни твоей — жизнь многих людей. Не ты ли меня исцелил силой Божией и своей молитвой? Куда же ты, добрый пастырь, уходишь? Если ты сам, исцелитель мой, захворал, то расскажи мне, твоему рабу, о своей болезни, и если я не вылечу тебя, то пускай за твою жизнь и за твою душу будет моя жизнь и моя душа. Не отходи от меня в молчании, господин мой, но скажи мне, откуда пришла тебе такая весть? Если от людей, то я отдам за тебя мою жизнь, а если Господь возвещает тебе это, то моли Его, чтобы мне умереть вместо тебя. Если ты меня оставишь, то где мне сесть и плакать о своей потере, у этой ли мусорной кучи, где ты так часто сиживал, но и сюда меня не пустят. И буду ли я иметь возможность получить что-нибудь в наследство из твоего имения, когда ты сам наг? Разве вот эти заплатанные рубища, которые на тебе? Но и в тех ты, отходя от мира, будешь положен. Даруй, по крайней мере, мне — подобно тому, как древле Илия Елисею милость — твою милоть, чтобы мне разделить ею глубину сердечную и воды моей жизни[1] и пройти до места дальнего крова, в дом Божий, куда желаешь ты теперь отойти. И зверь, ведь, по заходе солнца понимает, что ему надобно пойти и лечь в свое логовище, но я не знаю, куда пойду по отшествии твоем. И птица *находит себе жилье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих* (Пс. 83, 4), ты же шесть лет проживаешь в монастыре и не нашел себе места: где же ты меня оставишь?

Подняв плачущего врача, блаженный сказал ему:

— Петр! Не сетуй: *Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей* (Пс. 117, 9). Господь знает, как сохранить Свою тварь, которую Сам создал. Он позаботится накормить алчущих, заступится за бедных и спасет находящихся в напастях и для тебя будет прибежищем. Братья же мои по плоти пусть не обо мне, но о себе и о своих делах, в плачевной юдоли мира этого, плачут, чтобы получить утешение и блаженство в будущем. Я не нуждаюсь, ради временной жизни, во врачевании, потому что я уже давно умер для всего временного: *мертвии же* (говоря по естеству) *живота не и́мут видети, ниже вра́чеве воскресят* (слав. Ис. 26, 14), как говорит Исаия.

[1] То есть рассеять тоску сердечную и печаль в жизни. Выражение взято для соответствия с известной историей из жизни пророка Елисея — см. 4 Цар. 2, 8–14.

Сказав это, блаженный Никола Святоша вместе с врачом отправился к пещере и приготовил себе там место для могилы. При этом он сказал врачу:

— Кто из нас больше любит это место?

Петр с плачем отвечал:

— Я знаю, что если ты пожелаешь, то умолишь Господа, чтобы еще пожить тебе, а меня положи здесь.

Блаженный сказал ему:

— Пусть будет так, как ты желаешь, если так угодно Господу. Итак, помолимся Ему оба, но только в иноческом чине.

Тогда, по совету блаженного, врач постригся в иноческий чин и пробыл в течение трех месяцев на молитве, беспрестанно, день и ночь, проливая слезы.

Однажды блаженный Никола сказал ему:

— Брат Петр, желаешь ли, чтобы я взял тебя с собой?

Он, как и прежде, с плачем на это ответил ему:

— Я желаю, чтобы ты позволил мне умереть за тебя, а ты оставайся здесь и молись за меня.

Блаженный сказал ему:

— Брат, дерзай и будь готов, потому что, по желанию твоему, в третий день отойдешь из этой жизни.

Когда наступило предуказанное время, Петр, причастившись святых и животворящих Христовых Таин, возлег на одр и предал дух свой в руце Господу. По смерти врача блаженный князь Никола Святоша подвизался еще тридцать лет, не выходя из монастыря, и, достигнув, согласно прозвищу, совершенства в святой жизни, преставился в вечную жизнь к Святейшему всех святых Царю смирения — Иисусу[1]. В день кончины этого святого князя едва ли не весь город Киев собрался, воздавая ему последнее целование и испрашивая с обильными слезами молитв его.

Особенно плакали братья блаженного, Изяслав и Владимир. Изяслав обратился к игумену монастыря с просьбой, чтобы он отдал ему на благословение и утешение крест умершего, подушку и скамью, на которой он совершал коленопреклонение. Игумен, отдавая их ему, сказал:

---

[1] Это было 14 октября 1143 года. Мощи преподобного Николы Святоши нетленно почивают в пещере преподобного Антония.

— По вере твоей, да получишь от этих вещей помощь в том, чего ты желаешь.

Изяслав, приняв эти предметы с великим благоговением, прислал в монастырь много золота, чтобы недаром получить эти вещи брата.

Этот самый Изяслав однажды жестоко расхворался и даже не надеялся встать с одра. В это время при нем находились жена, дети и все бояре. Так прошло некоторое время; потом больной, несколько оправившись, поднялся и попросил выпить воды из Печерского колодца. Но скоро он опять лишился языка и после этого не мог уже ничего проговорить. Послали в Печерский монастырь и взяли там в сосуде воды, которой пред тем обмыли гроб преподобного Феодосия. Игумен передал и власяницу преподобного Николы Святоши, чтобы в нее одели тело его. И еще не вернулся посланный с водой и власяницей, как князь Изяслав проговорил:

— Скорее идите навстречу преподобным отцам Феодосию и Николе за город.

Когда с власяницей и водой вошел посланный, князь снова воскликнул:

— Никола, Никола Святоша!

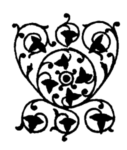
Ему дали выпить той воды, одели во власяницу, и он скоро стал здоров, и все прославляли Бога и Его угодников.

С тех пор Изяслав всегда надевал на себя эту власяницу, когда заболевал, и немедленно становился здоровым. Кроме того, он всегда имел на себе эту власяницу, когда шел на войну, и таким образом оставался невредимым. Один раз, согрешив, он не решился надеть ее на себя и в тот раз был убит на войне; однако он еще заранее приказал похоронить себя в ней.

Так и мы, надеясь на молитвы этого преподобного князя, о спасении которого мы имеем очевидное известие, да сподобимся силой его молитв получить исцеление от всяких болезней и язв, как временных, так и вечных, — по благодати Царя смирения, а вместе и Царя славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Богом Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **СИЛЬВАНА**

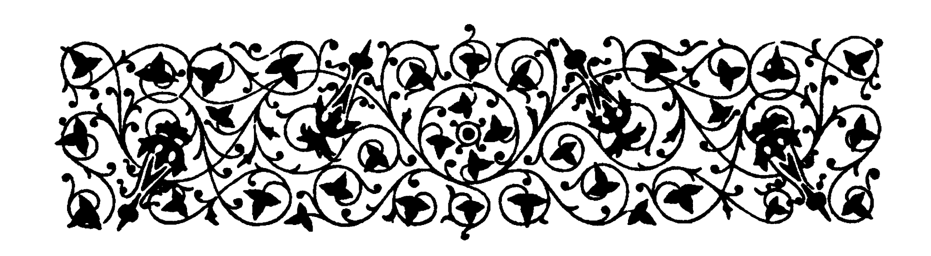
Святой священномученик Сильван происходил родом из Газы, где он был пресвитером. За свою ревность к распространению веры Христовой был сослан на работы в рудниках Фена[1]; впоследствии он был обезглавлен вместе с сорока христианскими воинами[2].



---

[1] Город в Палестине, около которого находилась рудокопня.

[2] Скончался в 311 году. Память его совершается еще 4 мая. В рудокопнях он сделался епископом, почему в прологах называется еще епископом Кесарийским.



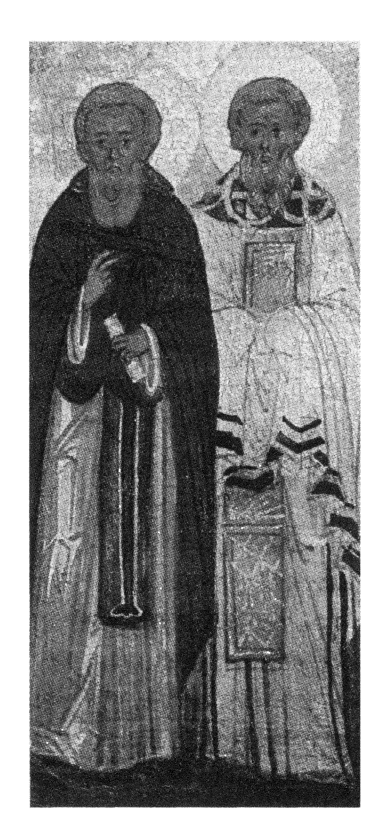
День пятнадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВФИМИЯ НОВОГО

Преподобный Евфимий, в миру Никита, родился в 824 году в селении Опсо, близ города Анкиры, что в Галатии[1]. Родители Никиты, Епифаний и Анна, были людьми богатыми и вместе с тем очень благочестивыми, так что служили живым примером не только для сограждан, но и для всех жителей окрестных стран. Они были сострадательны, кротки, страннолюбивы и милостивы к бедным и вообще отличались всеми христианскими добродетелями. Происходя от таких благочестивых родителей, Никита от самого рождения исполнился благодати Святого Духа и поэтому еще в самых юных летах был кроток, честен, послушен и покорен родителям; он удалялся также от обычных игр и любил часто посещать церковное богослужение. Когда Никите шел только еще седьмой год от рождения, отец его умер. На попечении матери, кроме Никиты, остались еще две дочери — Мария и Епифания. В скором времени Никита, с самого детства обнаруживавший разум не по летам, стал ревностным помощником матери во всех заботах ее по дому и о семействе. Подчиняясь постановлениям о военной службе, мать Никиты должна была вписать его в воинские списки. Однако Никита, служа и воином, был для матери опорой во всех отношениях: сыном, по-

[1] *Галатия* — небольшая гористая, но плодородная провинция Малой Азии, лежащая между Фригией, Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от галатов — воинственных племен галльского или кельтского происхождения. — Анкира был один из замечательных городов Галатии.

мощником и защитником во всех ее семейных и домашних заботах. Престарелая мать Никиты, желая облегчить обязанности, лежавшие на ней по дому, поспешила выбрать ему достойную невесту. По смотрению Божию, скоро нашла она разумную и скромную девицу, по имени Евфросинию, происходившую от богатых и славных родителей; с ней-то и сочетался браком Никита. Чрез некоторое время Бог благословил брачный союз их рождением дочери, названной во святом крещении Анастасией. После этого Никита, считая родившееся дитя достаточным утешением и для матери своей и для жены, решился оставить семью и посвятить себя всецело служению Богу на иноческом пути. Оправданием покинуть семью для него являлось и то, что замужняя сестра его, Мария, жила в собственном их отеческом доме и, таким образом, должна была остаться помощницей матери.



Свв. Евфимий Новый и Лукиан Антиохийский

14 сентября — праздник Воздвижения, было последним днем, проведенным Никитой в кругу родной семьи. На другой день, в день памяти тезоименного ему святого мученика Никиты, он оставил свою семью навсегда, сказав, будто идет посмотреть пасшегося в долине своего коня. И долго осиротевшая семья не знала действительной причины оставления Никитою отеческого дома.

Между тем Никита, обойдя многие места и посетив многих подвижников, достиг, наконец, неприступных высот Олимпа[1], где в то время был славен своими подвигами преподобный Иоанникий Великий[2].

---

[1] *Олимп* — гора в Малой Азии, на границе между Фригией и Вифинией.

[2] *Преподобный Иоанникий Великий* подвизался на горе Олимпе в половине IX века. Прославился даром пророчества, предсказав окончание иконоборства и свою смерть. Память его — 4 ноября.

Однажды к этому великому подвижнику собралась большая толпа, жаждущая слышать от него слово назидания. Среди этой толпы, затерявшись в ней, стоял и юный Никита. Прозрел Богоносный отец Иоанникий горячее желание Никиты иноческой жизни, его будущую славу и преуспеяние в добродетели и пожелал явить пред всеми скрывавшуюся в нем до того времени добродетель.

— Кто это такой, что в образе мирском так смело обходится с другими? — притворно спросил Иоанникий собравшихся к нему иноков.

— Не знаем, — ответили ему они.

— Этот юноша — дурной человек: он — человекоубийца, — воскликнул с притворным гневом Иоанникий, — возьмите его и свяжите.

С удивлением смотрели иноки на юношу и наперерыв спрашивали: подлинно ли он убийца? А юноша, еще прежде иночества стяжавший послушание и смирение, во всеуслышание объявлял себя действительным убийцей, достойным тяжкого наказания, и готов был с охотой принять возлагаемые на него узы.

— Оставьте, — остановил иноков старец, — я обвинил его пред вами, как убийцу, только для испытания. Если и в юности, и в мире, еще не испытав нашего жития, он ради послушания признал себя виновным в таком преступлении, то каковых добродетелей он ни совершит, когда сделается иноком!

Выслушав это, смиренный Никита ушел от святого Иоанникия. Он понял, что если он останется вблизи Иоанникия, среди его иноков, то не избежит той славы, которую он так ненавидел еще в детстве своем и спасаясь от которой, бежал из родного своего селения. Другой старец Иоанн, живший далеко от Иоанникия, с радостью принял пришедшего к нему Никиту и, преподав ему уроки о подвигах иноческого жития, вскоре же облек его в ангельский образ, назвав его при пострижении Евфимием.

Пробыв у Иоанна довольно продолжительное время и научившись от него скитскому безмолвию и подвижничеству, Евфимий, по приказанию своего учителя, ушел в киновию[1] Писсадинон, чтобы в

---

[1] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) — называются общежительные монастыри, в которых братия не только стол, но и одежду и тому подобное получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей сторо-

ней научиться от старцев подвигам киновийного иночества. Игумен той обители, Николай, с великим благоразумием управлявший своей киновией, приняв нового ученика, назначил ему сперва самые низкие послушания. Евфимий не возроптал на это, хотя эти послушания и были сопряжены с великими трудами: он счел их за истинное врачевство для своего юного тела. Помыслы об оставленных им: супруге, родственниках и богатстве — уже не раз волновали его душу, но, неся эти послушания, Евфимий мог утешать себя словами Спасителя: *всякий, кто оставит до́мы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или зе́мли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 19, 29; 10, 37). Когда же Евфимию случалось принимать оскорбления и поругания, — что неразлучно было с прохождением низких послушаний, — то он безропотно и с радостью сносил их. Через такое послушание, смирение и труд, Евфимий достиг, наконец, того, что в нем умолкли все злые страсти.

Укрепившись в добродетелях киновийной жизни, Евфимий решил отправиться в пустыню, чтобы там в безмолвии достигнуть еще большей близости к Богу. Оставался еще непройденным путь строгого безмолвия. Далеко в это время разносилась слава об Афонских подвижниках, и к ним-то решил теперь отправиться Евфимий. Свое намерение он открыл одному из великих подвижников Олимпа, старцу Феодору. Благословил святой старец ревностного инока на новый путь и, зная, что старца Иоанна, от которого Евфимий воспріял свое первое пострижение, уже нет в живых, облек его в великий ангельский образ[1]. Спустя восемь дней после этого Евфимий был уже готов в путь, чтобы оставить Олимп после пятнадцатилетнего пребывания на нем. Нашелся ему и спутник — инок Феостирикт, так же, как и он, жаждавший высших подвигов иночества.

Путь же с Олимпа на Афон проходил мимо Никомидии. Прибыв в Никомидию, Евфимий был утешен радостным известием, что живы все присные его, некогда оставленные им в отчем доме. Желая облегчить их скорбь о разлуке с ним, он послал им святой Крест и наказал посланному передать им, что уже нет более у них родствен-

ны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря.

[1] То есть великую схиму.

ника Никиты, а есть инок Евфимий, который советует и им последовать его примеру. Плакали сначала родственницы, получив от него такое известие, но так как велика была любовь их к нему, то они впоследствии, укрепленные помощью свыше, решились и сами последовать примеру Евфимия. Кроме дочери преподобного, которая в это время вышла замуж, все они сделались инокинями.

Прибыв на Афон, Евфимий ревностно стал исполнять устав тамошней монастырской жизни. Так как Феостирикт, не перенося тяготы и злострадания строгой безмолвной жизни, возвратился на Олимп, то святой Евфимий на подвижническом своем поприще соединился с некиим, еще до него подвизавшимся на Афоне, иноком Иосифом. Но вскоре младший оказался учителем старшего.

— Брат! Так как мы, будучи в чести, по словам Давида[1], преступлением заповедей уподобились несмысленным скотам и лишились своего благородства, то сочтем самих себя за скотов и в течение сорока дней будем питаться одной травой, поникнув к земле как животные. Может быть, очистившись чрез это, мы опять получим свою по образу Божию и по подобию красоту.

Вот что услышал от Евфимия Иосиф.

Иосиф согласился с этим предложением, и оба они провели сорок дней, терпя жажду, холод, голод и жар. Едва была пройдена эта новая ступень лествицы христианских добродетелей, как святой Евфимий снова предложил своему сподвижнику следующее:

— Оставим теперь, добрый Иосиф, злострадание жития беспокровного, — заключимся в какой-нибудь пещере и будем оставаться в ней неведомыми от всех других, находящихся здесь иноков; положим самим себе в закон, — как бы он нисшел к нам от Бога, — чтобы ни тот ни другой из нас не выходил из пещеры, прежде окончания трех лет. Если же кто из нас в течение этих трех лет умрет, то будет воистину блажен, как человек, до конца жизни сохранивший размышление о смерти, и гробом для него да будет эта самая пещера. А когда, по изволению Божию, оба мы пребудем живы, умрут, по крайней мере, насколько это возможно, наши страсти и плотские пожелания, и мы изменимся к лучшему.

---

[1] *Человек, в чести сый, не разумé, приложúся скотом несмысленным и уподóбися им* (слав. Пс. 48, 13).

Иосиф принял и это предложение. Подвижники нашли для себя пещеру, заключились в ней и едва-едва поддерживали свое существование скудной растительной пищей, состоявшей из росших близ пещеры желудей и каштанов. Вся жизнь их была исполнена величайших подвигов, каковы были: всенощные стояния, непрерывный пост, постоянные коленопреклонения, спанье на голой земле, провождение времени в пещере без возжжения огня. Строго сохраняя между собой молчание, они если и нарушали его иногда, то разве только беседами о молитве и других душеполезных предметах. Через год у подвижников не было даже и ветхого рубища, которое могло бы защитить их от множества разного рода насекомых, причинявших нестерпимое беспокойство их телу. Это были, в полном смысле слова, мученики без гонений. Однако сподвижнику Евфимия чрез год оказалось не по силам нести далее добровольно принятый им на себя крест страданий. Ослабев силами, он оставил Евфимия. Это был уже второй инок, которому оказалось не по силам соревновать подвигам Евфимия. Но сам Евфимий после этого лишь усилил свои подвиги. Много искушений ему пришлось перенести здесь со стороны злого духа. По действию его, сначала на Евфимия напали тоска и скорбь по удалившемся брате, потом — боязнь уединения, наконец, его часто стали возмущать горделивые помыслы о высоте пройденного им иноческого пути. Но все эти, а также многие другие искушения были побеждены Евфимием.

Окончив по обету трехгодичный срок своего пребывания в пещере, Евфимий оставил ее. А за пещерой уже давно его ожидали многие подвижники, слышавшие о нем от Иосифа и желавшие подражать ему. Преподав им наставления, Евфимий отправился опять на Олимп, куда звал его прийти облекший его в великую схиму старец Феодор, чтобы вместе с ним отправиться на Афон. Просьба старца была исполнена, и на Афоне около одра Феодора, — так как он от долгого подвижничества был слаб и бессилен, — Евфимию суждено было выполнить новый подвиг — подвиг служения, по заповеди Спасителя, больным и немощным. Он сам выстроил для Феодора новую келию и с великим усердием служил ему в ней. Это продолжалось до тех пор, пока больной старец, нестерпимо страдая от жестоких болезней, не отбыл в Солунь, чтобы обратиться там к врачебной помощи. Там он и обрел себе вечное упокоение.

Любовь к почившему подвигла Евфимия идти в Солунь для поклонения его гробу. Почти весь солунский народ, давно уже слышавший о добродетелях Евфимия и узнавший теперь о его прибытии, вышел к нему навстречу, чтобы приветствовать его и получить от него благословение. Но недолго пробыл Евфимий в Солуни. Жизнь в городе отвлекла его от безмолвия. Он вышел из Солуни и, подобно Симеону Столпнику[1], взошел на столп, находившийся недалеко от города. С этого столпа Евфимий учил всех приходивших к нему. Пробыл он на столпе довольно продолжительное время, наставляя к жизни добродетельной и врачуя от неизлечимых болезней. Но потом он снова пожелал по-прежнему только безмолвствовать на Афоне, так как стечение к нему множества благочестивого народа сильно тяготило смиренного столпника. Расставаясь с Солунью, Евфимий принял, по совету Солунского архиепископа Феодора, рукоположение во диакона, чтобы иметь возможность самому — посредством «запасных Даров» — приобщаться в пустыне Пречистых Христовых Таин[2].

Но на Афоне Евфимий пробыл недолго, ибо не нашел здесь желаемого безмолвия. Новые подвижники густо заселили прежнюю пустыню. Узнав о появлении среди них «освященного» подвижника и почитая его, как первенствующего среди них, они стали часто посещать его. Тогда Евфимий избрал для себя новое убежище — необитаемый остров, называемый «Новым», куда он удалился вместе с двумя другими единомысленными ему иноками: Симеоном и Иоанном. По Божию попущению напали на этот остров сарацины. Приплыв на двух кораблях, они пленили иноков и хотели увести их с собой. Пользуясь попутным ветром, варвары с радостью подняли паруса своих кораблей и пустились в дальнейший путь. Но непродолжительна была их радость. Корабль, на котором находились пленники, вдруг стал среди моря и никак не мог сдвинуться с места, тогда как другой плыл вполне свободно. Один из варваров понял истинную причину остановки корабля и сказал своим товарищам:

---

[1] Память его — 1 сентября.

[2] То есть так как непосвященным не позволено брать Христовы Тайны своими руками, то святой Евфимий принял диаконское рукоположение, чтобы ему можно было самому приобщаться в пустыне *запасными Дарами*.

— Неужели мы столь неразумны, что не в силах понять, что это случилось с нами за причиненное насилие рабам Божиим? Если не хотим погрузиться в море, давайте скорее освободим их!

Товарищи его тотчас согласились: все они пали к ногам святых пленников и просили у них прощения, которое тотчас же и получили. После этого неподвижный дотоле корабль снялся с места сам собой и вскоре уже был у только что опустошенного острова. Три жителя его вновь получили свободу. И просили они у варваров возвратить им хотя и ничтожные их вещи, но для них, как пустынножителей, крайне необходимые. Жестокие варвары, пред этим только что наказанные перстом Божиим, не вняли их просьбе. И опять им суждено было за это испытать на себе всю силу карающей десницы Божией. Когда они были уже среди моря, внезапно подул противный ветер и вновь пригнал их корабли к только что покинутому острову. Теперь они уже не могли более отказывать преподобным в их просьбах. Лишь один из варваров, раздосадованный возвращением назад отнятого, схватил Иоанна и беспощадно бил его, пока не был остановлен товарищами. Присутствовавший при этом святой Евфимий только кротко заметил:

— Арабы! Если бы вы освободили нас без обиды, то мирно бы достигли отечества, а теперь, нанеся обиду брату, вы причинили тем оскорбление Богу и скоро узнаете, как велико это зло.

Недолго пришлось ждать варварам исполнения этого пророчения. В море их ждало новое несчастье: на них напали римские военные корабли и отвели в плен именно тот самый корабль, на котором находился обидчик преподобных, другой же корабль, сверх всякого ожидания, спасся. Так прославлены были и среди нечестивых варваров три великие мужа, всю жизнь свою прославлявшие Бога.

Помнили эти мужи заповедь Господа, запрещающую искушать Бога и повелевающую избегать опасных мест (см.: Мф. 10, 23), и поэтому, подвергшись раз опасности на своем новом местожительстве, решились оставить его. Но и Афон, куда они опять переселились, теперь уже не представлял собой безопасного места. Знали варвары о его теперешнем населении и поэтому делали частые на него нападения. Уже многие из афонских иноков были пленены ими. По этой причине три новых переселенца на Афон решились разойтись все по другим, более безопасным, местам. Преподобный Иоанн посе-

лился в так называемой Сидирокавсии, преподобный Симеон удалился в Элладу[1], а преподобный Евфимий перешел во Врастаму. Здесь суждено ему было опять встретиться с своим прежним сподвижником — преподобным Иосифом. Кроме того, много собралось и иных братьев о Господе, пожелавших поселиться около Евфимия. Евфимий построил им келии, а сам поселился один во рву. Преподобный Евфимий иногда оставлял свой ров и посещал братию, а иногда, ревнуя о безмолвии, восходил на высоты Афона и там, беседуя в молитвах с Богом, до того очистил свой ум и сердце, что сподобился Божественных видений и откровений. И слышал он там однажды голос, говоривший ему:

— Евфимий! Иди в Солунь: там в горах, к востоку от города, ты найдешь вершину, называемую Перистера, с источником воды, и увидишь там храм святого апостола Андрея Первозванного, прежнее благолепие которого превращено теперь в овчарню, очисти это место и устрой на нем монастырь: здесь найдут для себя спасение многие. Я помогу тебе во всем. Тебе не следует оставаться долее в пустыне в борьбе с демонами, ибо они удалились от тебя, давно побежденные твоей добродетелью.

Исполняя Божественное повеление, преподобный оставил вершины Афона, и, взяв с собой двух иноков — Игнатия и Ефрема, отправился с ними с Афона в Солунь. На этот раз Солунь встретила его «как сошедшего с небес Ангела». Разузнав о месте, называемом Перистера, Евфимий взял проводников и отправился с ними на указанную ему гору, где и нашел действительно овчарню. Открытые ему свыше признаки указывали, что именно здесь нужно искать развалины прежнего храма, но никто из местных жителей ничего не знал об этом храме. Местные христиане давно имели здесь овчарню, совсем и не помышляя о том, что оскорбляют ее местную святыню. Горько плакал преподобный, видя такое попрание святыни. Начатые им раскопки вскоре же обнаружили все основание храма. Тогда местное население, пораженное таким необычайным даром прозорливости пришедшего к ним старца, с охотой взяло на себя расходы по восстановлению забытого храма. Этим оно хотело как бы загладить грех своего прежнего равнодушия к нему. Так воздвигнут был храм святого апостола Андрея, с приделами: с правой стороны —

[1] То есть — Грецию.

в честь святого Иоанна Предтечи, а с левой — во имя Евфимия Великого. Но, прежде чем были окончены работы по постройке храма, много трудов и горя пришлось вынести самому преподобному. По злоумышлению демонов, то опрокинулись леса, окружавшие здание, то обрушилась только что выведенная левая сторона его. При таких несчастьях нелегко было преподобному убеждать строителей продолжать начатую постройку. Проводя ночи в молитвах, днем он не отлучался от рабочих, подавая им пример своими собственными работами. Наконец, в 863 году храм был окончен. При нем, по желанию местного населения, вскоре возник и монастырь, прославившийся впоследствии множеством бывших в нем иноков. Знал преподобный, что многих влечет сюда далеко распространившийся слух о происшедшем здесь чуде, и поэтому сильно опасался за то, как бы новопостриженные иноки, привлеченные сюда лишь этим слухом и не испытавшие еще сил своих, не оказались неспособными к прохождению многотрудного иноческого жития. Вследствие этого он преподал много поучений этим новоначальным инокам, говорил им об опасностях от диавола, указывал средства для избежания этих опасностей, прославлял святость труда, осуждал пороки и призывал к добродетелям.

— Братия! — поучал иноков преподобный Евфимий, — враг наш диавол, по Писанию, как лев, рыкая ходит, чтобы поглотить кого-либо нерадящего о своем спасении: поэтому будем трезвиться и бодрствовать (ср.: 1 Пет. 5, 8). Если мы отреклись от мира, то отсечем пожелания плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись в смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствиями плотскими и да ходим духом; если для Царствия небесного облеклись мы в ангельский образ, то и жить должны как Ангелы; если мы действительно любим Господа, то должны хранить Его заповеди. Будем работать своими руками, ибо от праздности и лености мы изнемогаем и ослабеваем для добрых дел, — и тогда бесплодие и оскудение бывает необходимым нашим уделом: *не смотря́яй своего до́му, насле́дит ветры* (слав. Притч. 11, 29), говорит Премудрый; а апостол Павел говорит: *кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10). Храните смирение, любовь, послушание к предстоятелю, имейте к нему веру и ничего не скрывайте от него: исповедуйте ему ваши помыслы и таким образом очищайте ваше сердце и ум, ибо это есть путь спасения.

Слушая Евфимия, иноки его обители говорили, что Сам Дух Святой вдохнул в него Божественную благодать, как вдохнул ее в святых апостолов. В числе этих новоначальных иноков был и Василий, впоследствии архиепископ Солунский, благодаря трудам которого сохранилась до нашего времени память о подвигах преподобного Евфимия. Он рассказывает о той Божественной ревности, которой горели поощряемые святым пастырем иноки новой обители. Так, например, когда в обитель их случайно попала одна еретическая книга, то они тотчас же сожгли ее.

За свою благочестивую жизнь Евфимий сподобился дара прозрения будущего и дара чудотворений. Так, вышеупомянутый Василий рассказывает о себе, что ему самим преподобным Евфимием было предречено его епископское звание. На третий день после его пострижения преподобный приходит к нему в церковь, где он должен был пробыть как новопостриженный семь дней, и говорит:

— Василий! Хотя я и недостоин светосияния или дара прозорливости, но так как ты и прочие для пользы души притекли под руководство моего недостоинства, то Всеблагий Бог благоволил даровать и мне некую каплю благодати, чтобы, провидев имеющее случиться с вами, я мог говорить вам полезное ко спасению. Итак, знай, что ты, по любви к наукам, скоро удалишься из монастыря и будешь епископом: но и тогда поминай меня, как отца твоего, и обитель нашу, и братию.

Из жития преподобного, составленного архиепископом Василием, ясно видно, как он любил и благоговел пред памятью того, чьи подвиги и чудеса, виденные им, он описывал. Вот некоторые из виденных и передаваемых им чудес, совершенных преподобным Евфимием. Однажды, когда Василий вместе с другим братом Иоанном, именуемым безмолвником, был в пустынном месте и им угрожала смерть от голода и утомления, к ним внезапно явился преподобный и принесенной им пищей настолько подкрепил их силы, что они могли продолжать свой путь далее. В другой раз тот же Василий вместе с преподобным были далеко от обители, и преподобный вдруг объявил ему, что сейчас из обители удаляются два брата, Иоанн и Антоний, вследствие ссоры, происшедшей между ними и остальной братией. В Солуни Евфимий, когда подвизался на столпе, изгнал из одного человека злого беса. Много и других чудес совершил святой

Евфимий, одни из которых видел сам описатель его жития, Василий, о других же он слышал от посторонних лиц.

Много иноков приняло пострижение от преподобного. Многих и мирских людей он увлек своими подвигами и чудесами на путь иночества. Много новых монастырей возникло его старанием и заботами на Олимпе, Афоне и в Солуни.

Наконец, через сорок два года после оставления отеческого дома Евфимию привелось, к своему утешению, постричь в иночество и своих родственников, к чему он звал их, еще будучи в Никомидии, когда впервые шел на Афон с Олимпа. Он был как бы второй Иосиф, столь же чистый в своем житии, столь же прославленный после перенесенных им трудов и бедствий и лишь чрез сорок два года узнанный своими присными, сознавшими наконец суету мира этого и решившимися принять иноческий образ. Родственников своих он взял в свою обитель, а для родственниц построил новый женский монастырь на купленном им для того месте. Начальницей над этим монастырем была поставлена сестра преподобного, названная во святой схиме Евфимией. Поручив обе эти обители попечению Солунского митрополита Мефодия и преподав им наставления, преподобный опять взошел для безмолвия на прежний свой столп вблизи Солуни. Обрести же вечный покой от жития временного Господь привел преподобного вблизи тех самых высот Афона, где едва ли не более всего было совершено им подвигов.

Предузнав день своего успения, святой Евфимий 7 мая, в память перенесения мощей святого Евфимия Великого[1], призвал к себе на трапезу братию ближайших к нему Афонских монастырей и, отпраздновав с ними этот день, простился с ними; на другой день, никому ничего не говоря, он взял для служения себе только одного инока Георгия и удалился с ним с Афона в одно уединенное место, на так называемый «Священный остров». На этом острове он подвизался около четырех месяцев в одной, найденной им, пещере и, наконец, почти безболезненно почил — 15 октября 889 года. Господь судил ему безболезненно оставить бренное свое тело за все те муки, которые пришлось испытать его юному сердцу,

---

[1] *Преподобный Евфимий Великий* подвизался в V веке; память его — 20 января. В отличие от Евфимия Великого, преподобный Евфимий Солунский называется «Новым».

когда он покидал отчий дом, где жил, всех любя и сам всеми любимый.

Спустя два года иноки Перистеры пожелали перенести к себе тело почившего угодника Божия, чтобы иметь в нем своего заступника за обитель даже и по смерти. С этой целью они послали на Священный остров иеромонаха Власия и инока Павла. Посланные ими, прибыв туда, нашли тело святого Евфимия лежащим в той самой пещере, где он почил. Тление совершенно не коснулось его тела, хотя оно и лежало там очень долго. 13 января следующего года святые мощи преподобного перенесены были в город Солунь, или Фессалонику, где почивают и ныне[1].

Молитвами преподобного и Богоносного отца нашего Евфимия, да избавимся и мы все от недугов душевных и телесных, и да сподобимся Царствия небесного о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА **ЛУКИАНА**, пресвитера Антиохийского

Святой Лукиан происходил от благочестивых родителей из города Самосат[2], в Сирии. На двенадцатом году своего возраста Лукиан осиротел и все, оставшееся ему после родителей, имущество раздал бедным; сам же отправился в город Эдессу к исповеднику Макарию и, под руководством его, с ревностью принялся за изучение Священного Писания. При этом Лукиан проводил строго под-

---

[1] Поэтому преподобный Евфимий Новый и называется Солунским, или Фессалоникийским, хотя отечество его было селение Опсо, находившееся в далеком расстоянии от Солуни; город Солунь пользовался покровительством и заступничеством преподобного Евфимия, как при жизни его, так и по кончине, и в нем совершалось много чудес от святых мощей преподобного.

[2] *Самосаты* — главный город Сирийской провинции Коммагены, на западном берегу реки Евфрата; в настоящее время называется *Самсат*.

вижническую жизнь. Он никогда не пил вина, а только воду, пища же его состояла из сухого хлеба с водой, но и ту он принимал один раз в день, а иногда и целую неделю ничего не вкушал[1]. За свою строго благочестивую жизнь, а также и за ревностное распространение слова Божия между иудеями и язычниками, Лукиан был посвящен в сан пресвитера Антиохийского. Здесь Лукиан устроил училище, собрал множество учеников и стал наставником премудрости книжной и духовной: он научил разумению Божественного Писания и наставлял вместе с тем к добродетельной жизни[2]. В это время Лукиан присоединил к своим занятиям исправления текста Священного Писания, сильно попорченного еретиками с злой целью. Ради этого полезного труда Лукиан предварительно изучил еврейский язык[3].

Когда же слава о добродетелях Лукиана распространилась повсюду, то о нем узнал злочестивый царь Максимиан Галерий. Желая искоренить и уничтожить в восточных странах святую веру, Максимиан мучил и убивал множество христиан, в особенности же премудрых и знаменитых учителей христианских. Беззаконник думал, что если он низвергнет эти столпы церковные, тогда скорее разрушится и сама Христова Церковь. В то время он уже убил святого Анфима

---

[1] За свою благочестивую жизнь Лукиан, как повествует его житие, был удостоен особенного дара Божественной благодати, так что когда ходил по городу, то некоторые видели его, а другим он был невидим (Пролог 15 октября).

[2] Здесь он занимался также перепиской книг Священного Писания, в чем достиг большого искусства; этим трудом Лукиан питал и себя, и нищих.

[3] Самым знаменитым ученым трудом Лукиана был пересмотр и исправление *греческого текста Библии*. Блаженный Иероним пишет: «Лукиан, муж знаменитейший, пресвитер Церкви Антиохийской, столько трудился над Священным Писанием, что доселе некоторые экземпляры называются Лукиановыми». Святой Лукиан нашел в священном тексте ошибки, внесенные не только временем, но и людьми злонамеренными, и потому решился употребить труды и сведения свои на то, чтобы передать Церкви текст более правильный. Святой Афанасий говорит так о трудах святого Лукиана: «Лукиан рассмотрел прежние переводы и еврейские книги и обращал тщательное внимание на то, чего недоставало, или что было лишним, и все исправил в своем месте». Труд святого Лукиана, в предохранение от врагов веры, во время исповеднического подвига его, сохранен был в стене, где ящик с рукописью залит был известью и здесь найден был при императоре Константине Великом. С этого времени перевод, пересмотренный святым Лукианом, начал входить во всеобщее употребление.

Никомидийского и святого Петра Александрийского[1]. Услышав же о святом Лукиане, он повелел отыскать его и привести на мучение. Тогда один священник, живший в Антиохии, по имени Панкратий — последователь ереси Савеллия[2], — сказал посланным от царя, где пребывает Лукиан. Панкратий уже давно завидовал доброй славе Лукиана и, как Иуда, предал на смерть невинного. После этого святой Лукиан был взят нечестивыми и отведен на мучение в Никомидию[3].

В то время лютый мучитель так разъярился на христиан, что убивал, как второй Ирод, и малых христианских детей. Желая осквернить детей идоложертвенными снедями, он повелел насильно класть эти яства в рот им; они же, вразумленные Святым Духом, не хотели брать их и за то были убиваемы.

Случилось тут же быть двум благородным отрокам — родным братьям; они, будучи научены родителями, а более Богом, сильно гнушались идолопоклонством. Мучитель, призвав юношей к себе, стал прельщать их ласковыми словами и соблазнять сладкими снедями идольских жертв, желая чрез это сделать их участниками бесовских скверн. Юноши же, отталкивая снеди, говорили:

— Родители завещали нам не вкушать этих снедей, ибо если кто вкусит их, тот прогневает Христа.

---

[1] Память *святого Анфима* совершается 3 сентября, а *святого Петра Александрийского* — 25 ноября.

[2] *Савеллий*, выходя из христианского понятия о единстве Божием, впал в крайность, которая и привела его к еретическому учению, противному самым главным основам и догматам христианского вероучения. Он учил, что если Бог един по существу, то и не может быть совместной Троицы Божественного Существа, и Троицу нужно понимать лишь в смысле последовательного откровения одного и того же Лица по отношению Его к миру и человеку; по учению Савеллия нет трех лиц Божества: Отец, Сын и Дух Святой — это только известные формы, в каких Бог является людям: в Ветхом Завете, как дающий законы им, является Отцом, в Новом, как спасающий людей, явился Сыном и продолжает являться, как освящающий их Дух. — Савеллианизм, возникнув в половине III века, к концу его уже ослабел, хотя имел еще приверженцев и в IV веке.

[3] В 303 году, при императоре Диоклетиане, Лукиан был в числе исповедников веры в Никомидии, где тогда было сильное гонение на христиан; оттуда он извещал Антиохийскую Церковь о мученической кончине святого Анфима Никомидийского; но в этот раз он был, сверх чаяния, освобожден и возвратился в Антиохию, где и продолжал свою прежнюю христианскую деятельность.

За это мучитель повелел бить их без пощады розгами; юноши же, подобно зрелым мужам, с великим терпением переносили истязания. Тогда один из приближенных к царю сказал:

— Большой стыд, если малые дети, недавно вышедшие из пелен, победят своим терпением римского царя. Дай, великий царь, мне этих детей, и я их научу почитать богов.

Царь отдал ему этих детей. Он тотчас же обрил головы им и, намазав крепкой горчицей, запер их в горячую баню; от этого головы детей разгорелись подобно пламени, как будто пораженные молнией; оба брата в этом мучении и скончались. Сначала упал мертвым младший, а старший, увидев своего умершего брата, воскликнул:

— Победил ты, брат мой, победил; Бог тебе помощник!

После этого, целуя тело умершего брата, и он предал дух свой. Это было в Никомидии, куда вели на мучение святого Лукиана.

В Каппадокии, которая находилась на пути в Никомидию, Лукиан увидел воинов, из страха мучений отвергшихся Христа. Лукиан стал наставлять их к терпеливому перенесению мучений и сказал:

— О, какой стыд вам и срам! Вы, как воины, всегда жертвуете на войне здоровьем своим за царя земного и временного и полагаете души свои за него, а между тем не хотите мужественно восстать за небесного Вечного Царя — Христа, и не только щадите себя, но и отвергаетесь Его! Рассудите: какая вам польза слушаться царя земного? И размыслите в то же время, от чего отказываетесь вы, преслушав повеление Царя небесного? Ради суетной чести и славы вы предаете себя в такую погибель; ради же Господа своего, пролившего за нас кровь Свою и уготовившего рабам Своим неизреченные блага, вы не хотите терпеть временных мук, чтобы навеки воцариться с Ним. Постыдитесь малых детей и немощных женщин, оказавшихся мужественнее вас: ибо они, доблестно став за своего Господа, оказались как бы крепкими мужами, а вы, убоявшись мук, сделались — как женщины и малые дети. Что будет с вами, когда Христос призовет вас на суд Свой?

Услышав это, воины опять обратились ко Христу с покаянием и пошли на мучение, исповедуя сердцем и устами святое имя Господа Иисуса Христа. И было тогда замучено за Христа около сорока воинов. Так, святой Лукиан своим сладкоглаголивым и исполненным

Божественной благодати языком опять обратил ко Христу отпавших от Него и укрепил их к мученическому подвигу.

Когда же Лукиана привели в Никомидию, то он нашел там многих известных ему христиан и учеников своих, которые, боясь гонения, были в великом страхе. Некоторые из них скрывались, а другие хотели отречься от христианства, боясь лютых мучений и смерти. Святой Лукиан силой своего слова возбудил их мужество и сделал их твердыми в вере, чтобы не бояться им убивающих тело, а не душу (см.: Мф. 10, 28).

Рассказывают, что одну девицу, по имени Пелагию, ученицу Лукиана, отыскивали на мучение за веру во Христа; боясь, чтобы не погубили ее девства, девица бросилась с высокого окна и, упав, разбилась и умерла; верующие почтили ее, как мученицу[1].

Так как Максимиан слышал, что у Лукиана такое приятное лицо и он так увлекательно беседует, что всякий, смотрящий на него и слушающий его, непременно делается христианином, то царь боялся, чтобы и ему не сделаться христианином, если он будет сам лично беседовать с Лукианом. Поэтому, когда Лукиана привели к царю, то он стал беседовать с ним в некотором отдалении, чрез завесу[2]. Сначала он обещал Лукиану многие дары и почести; когда же святой засмеялся на его льстивые и лукавые слова, тогда Максимиан начал угрожать ему новыми мучениями. Лукиан нисколько не устрашился его угроз; его посадили в темницу, в которой он претерпел многие и различные страдания. Там его связали веревками, били острыми камнями и долго томили голодом и жаждой. Между

---

[1] Память ее — 8 октября.

[2] Церковный историк Евсевий писал, что святой Лукиан, представленный к императору Максимиану за веру, возвестил небесное Царствие Христово сначала словом чрез *Апологию*, потом и делами. Говоря в своей Апологии о Воскресении Христовом, Лукиан пишет: «Воспользуюсь свидетельством самого места, где это случилось: само место соглашается со мной. Голгофская гора, рассевшаяся под славой Креста, та пещера, которая по отверстии входов преисподней, снова возвратила одушевленное Тело, чтобы более светлым вознеслось Оно на небо... Привожу вам во свидетели самое небо, которое, узрев, что делают нечестивые на земле, в полдень сокрыло свет свой. Поищите в ваших летописях, и вы найдете, что при Пилате, когда страдал Христос, день прерывался солнечным затмением». — Кроме этих трудов, святой Лукиан оставил после себя *Символ веры* во Святую Троицу.

многими мучениями было одно и такое: отторгли из суставов все члены его тела и положили спиной на острых черепках, на которых он и лежал четырнадцать дней. Когда же наступил праздник Богоявления Господня, то святой пожелал, чтобы ему и всем находившимся с ним христианам дозволено было причаститься святых Христовых Таин. Он помолился Богу, чтобы получить желаемое, и Бог устроил так, что, по недосмотру стражи, некоторые из верующих собрались к Лукиану в темницу и принесли хлеб и вино. Тогда святой Лукиан сказал ученикам своим и всем христианам, находившимся в темнице:

— Встаньте вокруг меня и будьте церковью, ибо я верую, что церковь живая лучше и благоприятнее для Бога, чем построенная из дерева или камня.

Когда затем все обступили Лукиана, он сказал:

— Совершим литургию и причастимся Божественных Таин.

Тогда ученики спросили его:

— Где же мы, отче, положим хлеб для совершения святых Таин? У нас нет здесь стола.

Он же, возлежа связанный, лицом кверху, сказал:

— Положите у меня на груди, и будет живой престол Живому Богу.

Так, в темнице, на груди святого, совершилась Божественная литургия, со всеми надлежащими молитвами — по чину, как подобает, — и все сподобились причаститься святых Божественных Таин.

Утром царь послал слуг узнать: жив ли еще Лукиан? Когда же слуги входили в темничные двери, святой Лукиан, увидев их, три раза воскликнул:

— Я — христианин!

И с этими словами он предал дух свой в руки Христа, Бога своего[1].

Слуги, придя к Максимиану, рассказали, что Лукиан уже умер. Тогда царь повелел бросить тело мученика в море; слуги так и сде-

---

[1] Святой Лукиан скончался в 312 году по Рождестве Христовом, 7 января, как это видно из слова святого Иоанна Златоуста на день памяти его: «Итак, вчера Господь наш крестился водой, а ныне раб Его крещается кровью». В Греческой Церкви день памяти святого Лукиана впоследствии перенесли на 15 октября, отделив 7 января для празднования собору святого Иоанна Предтечи.

лали: привязав камень к многострадальному телу святого Лукиана, они бросили его в морскую пучину, и оно оставалось в море тридцать дней.

После этого мученик явился одному из своих учеников, по имени Гликерию, повелевая ему идти на морской берег и, взяв тело его, предать погребению. Гликерий пошел с другими христианами на берег искать тело святого; и вот они увидели в море дельфинов, несших на себе нетленное тело мученика; подплыв к берегу, они положили его на сухом месте. Тогда верующие с радостью взяли тело святого мученика и похоронили с честью.

Много лет спустя святая равноапостольная царица Елена, мать Константина Великого, построила над гробом святого мученика Лукиана церковь[1] во славу Богу, в Троице Единому, Ему же и ныне от нас да будет слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
САРВИЛА и ВЕВЕИ

Святой Сарвил, живший в царствование императора Траяна[2], был сначала идольским жрецом в Едесе[3], а затем, наученный одним благочестивым христианским епископом, крестился вместе с сестрой своей Вевеей. Обвиненный пред князем Едесским в исповедании христианской веры, он предстал на суд и был бит палками. Так как святой с великой силой изобличал князя и доказывал суетность языческих богов, то разъяренный князь до семи раз приказывал поднимать его на дыбу, и каждый раз при этом его били воловьими жилами, строгали железными гребнями и палили свечами. Но святой обратился к Богу и молился, и Господь Сил облегчал его болезни. Мучитель, видя доблестное терпение святого, приказал забивать ему

---

[1] Этот великолепный храм был сооружен святой равноапостольной царицей Еленой в 326 году (в Вифинии, в городе Дрепане, названном в честь святой царицы Елены — *Еленополем*). При Римском императоре Карле Великом святые мощи Лукиана перенесены из Еленополя в город Арль, во Францию.

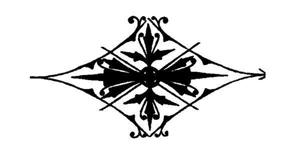
[2] Император Римский *Траян* царствовал с 98 по 117 год.

[3] *Едес* — город в Киликии — юго-восточной области Малой Азии.

гвозди в голову, чем привел всех в ужас. Тогда Вевея, сестра святого, исповедала, что и она — христианка, и была подвергнута истязаниям и заключена в темницу. С святого Сарвила была содрана кожа, и, однако, он еще дышал. Тогда им обоим были отсечены головы[1]. Верующие, взяв тела их, предали земле.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **САВИНА**, епископа Катанского

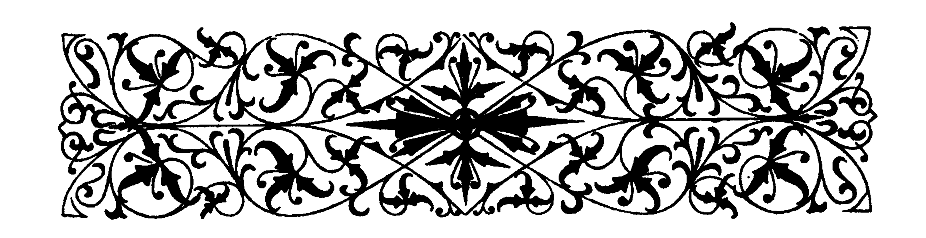
Блаженный Савин за свои великие добродетели и благоразумие был избран на епископское служение в Катане[2]; но потом оставил мирскую суету ради добродетели безмолвия и столь ревностно подвизался на пути к совершенству, предавшись бдению и посту, что еще при жизни сподобился дара чудотворения и прорицания. Многих он убедил оставить мир и служить только Христу. Скончался он в мире[3], предав дух Господу, а честнóе тело — родной ему земле.



[1] Скончался в начале II века.

[2] *Катана* — древний город на восточном берегу Сицилии; в настоящее время цветущий по своей образованности и торговле, многолюдный город с более чем стотысячным населением.

[3] Скончался около 760 года.



ЖИТИЕ СВЯТОГО **ИОАННА**, епископа Суздальского[1]

Для этого преподобного отца нашего, преславного и твердого наставника, епископа Иоанна, горний Иерусалим был как бы родиной и отечеством, ибо, по житию своему, святой мог быть назван земным Ангелом и небесным человеком.

О месте рождения святого — город то был или весь — о родителях его, обучении грамоте и о времени принятия им иночества, — сведений не сохранилось. Известно лишь, что святой Иоанн пребывал в некоей обители, где, в исполнении порученных ему служб, отличался послушанием к игумену и братии, изнуряя тело свое великим воздержанием, побеждая страсти и наветы бесовские. И был он любим и славим иноками обители и игуменом, так как являл собой образ всех добродетелей, согласно словам апостола Павла: *плод духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание: на таковых нет закона* (Гал. 5, 22–23), и по псалмопевцу: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его. Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его* (Пс. 118, 1–2; 111, 1–2).

Игумен монастыря того, муж опытный в иноческом жительстве, руководил блаженного Иоанна и учил его уставу иноческому, наставляя его иметь страх Божий пред очами своими, не пренебрегать

[1] Изложено на основании жития, составленного во второй четверти XVII века иноком Спасского Евфимиева монастыря Григорием, который пользовался местными преданиями и письменными источниками.

убогими, не возноситься видением, но всегда пребывать в смиренномудрии, не унывать в скорбях, но мужественно переносить их и не жаловаться на случающиеся напасти. Ибо, по внушению Святого Духа, игумен предвидел, что блаженному Иоанну предстоит принять епископский престол и благоверно пасти Христову паству.

Принимая духовные поучения игумена, блаженный исполнял их еще с большим тщанием, подобно плодородной земле, сторицей возрастающей посеянные семена. Постился же он так, что принимал пищу лишь через два дня на третий, а иногда не ел и всю неделю и, кроме воды, ничего не пил. Усердно изучал он святые книги, читал их без всяких сомнений и с умилением толковал себе сказанное в них, обливая слезами власяной стихарь свой. И такие слезы даровал ему Господь, что без них он не мог ни хлеба вкусить, ни проговорить слова, всегда имея мысль о смирении, по слову апостола: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6; ср.: 1 Пет. 5, 5).

В то время великим князем Суздальским был Борис Константинович[1]. По смотрению Божию блаженный Иоанн, за великую добродетель, смирение и благоуспешное прохождение иноческого жития, был поставлен патриархом Цареградским во епископа городов Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца. Вручив блаженному Иоанну паству, патриарх отпустил его с миром в город Суздаль.

Когда епископ приблизился к городу, навстречу ему вышел благоверный великий князь Борис Константинович, в сопровождении сановников. Встретить епископа вышел также Священный собор, иноки, весь клир с крестами и множество народа, мужи и жены, старцы, юноши и дети. Когда епископ был близ городских ворот, весь народ окружил его; преклоняясь пред ним, верующие принимали от святого благословение и целовали ноги его, воспевая с радостными слезами молебные песнопения. Святой же Иоанн повелел народу часто взывать: «Господи, помилуй» — и, воздев руки к небу, стал молиться:

[1] *Борис* — праправнук Андрея, сына святого Александра Невского.

— Владыко Господи, Иисусе Христе, Боже наш, Царь царствующих и Господь господствующих, Создатель всей твари, видимой и невидимой, Безначального Отца соприсносущный и собезначальный Сын! Нищий и убогий, дерзаю я призывать чудное, страшное и святое имя Твое. Тебя, неизреченного Света, призываю я, облеченный немощной плотью, которую восприял Ты, нашего ради спасения. Не отвергни убогой молитвы моей, спаси город этот, в котором благодать Твоя назначила пребывать моему смирению. Спаси всякий город и всякую страну от губительного голода, землетрясения, потопа, огня и меча, от нашествия иноплеменников и междоусобной брани, ибо милостив Ты, и Тебе славу воссылаем во веки веков.

Окончив молитву, святитель сказал:

— Мир всем.

Народ ответил: «Аминь».

Затем все отправились в город, славя Бога. Окончив молебные песнопения, епископ Иоанн вошел в церковь Пресвятой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного славного Ее Рождества[1]. Часть народа вошли с епископом в церковь, на Божественную литургию, другие же, не вместившиеся в церкви, стояли вокруг нее, принося благодарение Богу за то, что Он даровал им столь чудного и святого епископа. Когда Божественная литургия была совершена, благоверный князь Борис Константинович и бывшие с ним удостоились чудного видения. Они увидели, что на святителя сошла Божественная благодать, в виде света великого, и осенила его. Приняв от рук епископа просфору, благоверный князь Борис Константинович и граждане воссылали славу Христу Богу, целовали блаженного Иоанна и удалились каждый в дом свой.

На другое утро, в воскресенье, блаженный Иоанн, совершив богослужение, был посажен на святительское седалище. Он преподал

---

[1] Церковь эта построена в первые времена христианства в Суздале и перестраивалась несколько раз. Каменная церковь была заложена в 1221 году великим князем Георгием Всеволодовичем, обновлена в 1528 году. В церкви находятся раки с нетленными мощами святителей и чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов Суздальских. В алтаре церкви, за жертвенником, стоит крест, в подножии которого в серебряном ковчеге имеется часть животворящего древа Креста Господня. В церкви находится чудотворный образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, именуемой Смоленской. Образ этот был перенесен сюда во время епископства святого Иоанна из Городца.

мир верному стаду и исполнил сердца всех духовным веселием. Епископ принимал всех собравшихся с утешительными словами; и было слово его, по апостолу, *приправлено солью* (Кол. 4, 6), и напояло оно сердца, как река медоточивая. Собрав в одно из воскресений всех граждан, епископ обратился к ним с следующим духовным поучением:

— Страшно мне, братие, ибо сан святительский превышает мои силы; ужасаюсь я, думая о кончине моей и размышляя о величии порученного мне дела, ибо я вижу себя недостойным сана святительского. Но Господь поставил меня пастырем словесного Своего стада и привел меня на это служение известными Ему лишь судьбами, которые — *бездна великая* (Пс. 35, 7). Поэтому было бы для меня преступлением молчать, и я должен считать себя не наемником, но пастырем. Молю вас, братие, крепко стоять и держаться правой веры, отвращаться всякой нечистоты, блуда, лжи, воровства, зависти, клеветы и идолослужения, устраняться от всякой ереси и всякого зла, часто посещать святые Божии церкви и соблюдать справедливость. Ибо апостол сказал: *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11). Положено же это основание чрез святых апостолов и святых Богоносных отцов; оно есть православная вера, проповеданная, утвержденная и изъясненная святыми Вселенскими соборами. На этом основании веры следует полагать нам, по апостолу, золото, серебро и драгоценные камни (см.: 1 Кор. 3, 12) — просто сказать: создать на основании этом дела благие. Ибо жизнь вне правой веры к Богу — жизнь непросвещенная, и вера без благих дел не может довести нас к Богу. Следует соблюдать и то и другое, чтобы быть вполне Божиим человеком и чтобы жизнь наша не страдала недостатками, ибо апостол сказал, что спасает лишь *вера, действующая любовью* (Гал. 5, 6).

Вскоре по вступлении на кафедру Иоанн, по повелению благоверного великого князя Бориса, отправился обозреть город и обойти внутри и окрест его со Священным собором и клириками, с крестами и иконами, воспевая молебные песнопения Господу. И приступил к нему благоверный великий князь Борис Константинович, с прочими вельможами, князьями и боярами, прося у него благословения. Епископ благословил их. Тогда великий князь дал ему пятьсот златников и сказал:

— Тебе, владыко, как новопоставленному и вновь пришедшему, много предстоит ныне раздать церковным обнищавшим чадам. Прими на это приношение наше.

Иоанн же не согласился принять его. Тогда снова великий князь сказал ему:

— Прими, о пречестный отче, это малое приношение своего сына.

Видя его ревность, преподобный принял дар и вручил золото слугам для раздачи, благоверному же князю сказал словами псалмопевца:

— *Да даст тебе* Господь *по сердцу твоему и все намерения твои да исполнит. Да воспомянет все жертвоприношения твои и всесожжение твое да соделает тучным* (Пс. 19, 5, 4).

Обойдя город, епископ со Священным собором и клириками, с князьями, вельможами и народом вошел во святую церковь Пречистой Богородицы и отслужил здесь Божественную литургию и молебен. По окончании богослужения князь обедал в трапезе епископа и всему народу велел предложить хлебы. Насытившись, все разошлись, каждый в дом свой.

Епископ Иоанн ревностно предался духовным делам, уча и наказуя, утверждая и утешая; щедро помогал он бедным и на деле являл всем образ и устав благочестивого жития. Найдя, что доходы по епископии слишком обильны, Иоанн велел часть их уделить на больницу, которую он благоустроил, поручив ее надзору двух благоговейных иереев, чтобы они заботились о снабжении ее всем необходимым. Епископ часто посещал больных и доставлял им все необходимое, заботясь об их исцелении. Поучая их духовными словами, он укреплял их, ибо, слушая его душеполезные речи, они забывали свои страдания. Пребывая во епископии, полагал он, по евангельскому слову, душу свою за овец паствы своей (см.: Ин. 10, 11) и с любовью заботился о спасении всех. Невозможно достойным образом поведать о трудах, которые исполнил этот верный раб Божий. Воссылал он моления к Богу; на молитве же стоял он — непоколебимый, как бы вылитый из меди образ. Был он молчалив и кроток, никогда не гневался, питал неизмеримую любовь — одинаково к знатным и простым людям, отвращался от тщеславия и лукавства. Кроме этих добродетелей, обладал он даром учительства и слова, так что многие

приходили к нему за наставлением не только из Суздаля, но и от других окрестных городов[1]. Не витиевато говорил святитель, но назидательно, обращая всех к покаянию. Богатых учил он не величаться богатством и не уповать на мимотекущее богатство; вдовиц — прилежать посту и воздержанию и избегать украшения в одежде.

Получив от святого духовные дары и пользу для души своей, наставленные им уходили в домы свои, благодаря Бога за такового пастыря. Многие же из них отрекались от мира и принимали иноческий образ.

Однажды блаженный Иоанн по своему обычному правилу стоял на молитве пред образом Матери Господа Иисуса Христа и, часто взирая на икону, так молился:

— О Пресвятая Госпоже Богородице, заступница крепкая и помощница роду человеческому, будь нам ходатаицей пред Сыном Своим, чтобы Он призрел с высоты на город этот и обитель эту.

Отпев благодарственный канон Пресвятой Богородице и совершив правило, блаженный Иоанн сел, чтобы отдохнуть. Но в это время пришел к нему благочестивый князь Борис Константинович. Приняв от святого благословение и помолившись, стал он беседовать с ним наедине о пользе душевной. Полный благочестивых мыслей, князь исповедал ему такое свое благое намерение:

— Благослови меня, отче святой, и помолись прилежно Господу Богу, чтобы Он, ради святых молитв твоих, сподобил меня получить желаемое. В державе нашей, в городе Суздале, нет общежительной иноческой обители. Если бы Господь помог мне, твоим молением, создать каменную церковь во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, честного Его Преображения, и при ней воздвигнуть обитель. Таково мое сердечное желание. Благослови меня, отче, и умоли об этом Бога. Я же, молитвами твоими, отправлюсь в Нижний Новгород, в обитель Печерскую, великого преподобного отца Дионисия[2]. Там я попрошу его дать мне одного из учеников его, кто был бы искусен в создании храма Божия и в устроении монастыря.

---

[1] Есть известия, что святой Иоанн усердно сеял семя слова Божия между мордвой, которая частью была покорена отцом великого князя Бориса, Константином.

[2] *Святой Дионисий Суздальский* — основатель Печерского монастыря, в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Святой Алексий митрополит поставил его во епископа Суздаля (первый или второй епископ после святого Иоанна). От патриарха

Святой Иоанн сказал:

— О князь великий, доброго дела желаешь ты — Господь Бог да будет помощником тебе и правителем твоего душеполезного начинания и да охранит путь твой.

Сотворив молитву за князя, епископ благословил его, дал ему духовное о Христе целование и отпустил его с миром. Благочестивый же князь Борис возрадовался радостью великой и отправился в Нижний Новгород, в честную обитель Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, к преподобному отцу Дионисию, которого он и ранее посещал, ради его молитвы и благословения. Любя эту обитель Печерскую, князь снабжал ее всем необходимым. Братии в то время было в ней семьсот восемьдесят человек.

Прибыв в монастырь, князь Борис уединился в келию с преподобным Дионисием, долго с ним беседовал о пользе душевной и рассказал ему о святом епископе Иоанне и о житии его, как он призревает убогих, посещает больных и помогает вдовицам и как он благословил его построить общий монастырь на собрание иноческого жительства. Поклонившись преподобному Дионисию до земли, князь сказал:

— Благослови меня, отче, и дай мне из обители одного из учеников твоих, который был бы искусен в построении монастыря, чтобы не возвратиться мне в Суздаль без исполнения желания моего.

Преподобный же Дионисий возблагодарил за все Бога, воздал Ему хвалу за неизреченное Его милосердие и сказал:

— О князь, ты устрояешь благое дело. Господь наш, Иисус Христос, да поможет твоему душеполезному начинанию и да наставит тебя в твоем стремлении к благочестию, ибо *всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов* (Иак. 1, 17).

Сотворив молитву, преподобный Дионисий благословил князя и, обещав все, чего тот просил, отпустил его с миром. Благочестивый князь Борис Константинович исполнился радости и веселия, ибо Господь сподобил его получить желаемое, и отправился в обратный путь, в город Суздаль. В то же время велел он возить камень и известь на создание обители.

Константинопольского святой Дионисий был посвящен во архиепископа и чрез два года — в митрополита Киевского. Скончался в 1384 году; память его празднуется 26 июня.

Преподобный же Дионисий, по просьбе князя, избрал из братии своего монастыря благопослушливого ученика, именем Евфимия[1], и, сотворив молитву, послал его в город Суздаль.

— О чадо, — сказал преподобный Евфимию, — не унывай в скорбях, Господь тебе помощник и руководитель во всяком благом деле; иди в богоспасаемый город Суздаль. Там, в преславном храме Пресвятой Богородицы, ты увидишь священного епископа Иоанна.

Тогда блаженный Евфимий был еще молод летами, но духовной мудростью превосходил старцев, украшенных многолетними сединами. Было ему всего тридцать шесть лет. Приняв от преподобного Дионисия молитву, как копие острое против видимых и невидимых врагов, Евфимий пошел на запад от обители.

И дал ему Господь силы совершить свой путь легко и без замедления, и скоро он достиг города Суздаля. Увидев чудный и прекрасный храм во имя Божией Матери, Евфимий вошел в него и поклонился пред святыми иконами Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и всех святых. Совершив поклон пред епископом Иоанном, он просил его о благословении и молитве. Иоанн благословил Евфимия, дал ему о Христе целование и ввел его в епископские палаты.

Здесь он много беседовал с Евфимием о пользе душевной; по беседе же они вознесли Господу всенощную молитву, чтобы Он послал им в помощь Ангела, наставника верного. Когда занялась заря, святой Иоанн, совершив обычные утренние песнопения и преподав мир, облобызал Евфимия и отпустил его.

На другой день, в воскресенье, по окончании утрени и Божественной литургии, епископ Иоанн снова позвал Евфимия для духовной беседы.

Узнав о прибытии великого князя Бориса Константиновича в Суздаль, Евфимий пошел к нему. Князь был весьма рад его посещению, принял его с великой честью и сказал ему, что желал его прихода, *как лань желает к потокам воды* (Пс. 41, 2).

После долгой беседы пошли они к преосвященному епископу Иоанну и вкусили хлеба на трапезе его. Князь Борис Константинович

---

[1] *Преподобный Евфимий*, первый архимандрит созданного им Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале, преставился в 1405 году. Память его празднуется 1 апреля.

поведал блаженному Иоанну все по ряду о преподобном Дионисии Печерском, о житии его, великих трудах и подвигах.

Иоанн сказал на это:

— О князь, без колебания и сомнений исполняй то, что начал, по слову апостола: «Кто умеет хорошо управлять домом своим, тот попечется и о Божией Церкви» (ср.: 1 Тим. 3, 5). Благому началу до́лжно ожидать от Бога и благопотребного конца. Ты, ведь, уже принял благословение и молитву от честного и святолепного старца, преподобного Дионисия, и ныне он послал к тебе благопослушливого своего ученика, трудоположника и постника, этого Евфимия, который, по благодати Божией, может дело твое начать и совершить и быть в этих подвигах о Христе образцом для других людей.

Тогда князь встал с места своего и поклонился епископу до земли, прося его пойти с ним и Евфимием на место будущего монастыря, где им укажет Господь. И пошли они на изыскание места этого, со всем Священным собором и клиром, с крестами и иконами, воспевая молебные песни. С ними пошли сановники, князья и бояре и множество народа, мужи, жены и дети. На пути полагали пред Иоанном расслабленных, прося у него исцеления. Святой возносил о исцелении их тайную молитву к Богу, возлагал на них крест и руки свои и окроплял их святой водой — и с того часа прекращалась болезнь их, и целовали они ноги святого, благодаря Бога. Весь народ был объят великой радостью, все изумлялись и говорили, что святитель подобен святому Григорию, епископу Акрагантийской церкви[1].

Так шли, окруженные народом, великий князь, святой Иоанн и блаженный Евфимий, воспевая молебные песнопения. Наставляемые Богом, вышли они за город, обозрели окрест града на все четыре стороны и пошли на северную сторону, вверх по реке, называемой Каменка, на которой был построен их город. Здесь, близ города, на берегу реки на высокой горе нашли они место, прекрасное видом и удобное для построения монастыря, и избрали его для этой цели. Святой Иоанн благословил и освятил со всем собором место это и вознес ко Господу молитву:

---

[1] *Святой Григорий*, епископ города Агригента в Сицилии, прославился таким обилием даров духовных, что одним прикосновением руки исцелял болезни. Память его празднуется 23 ноября.

— Господи Боже наш, Ты пролил кровь Свою во обновление святой Твоей Церкви; смиренно молимся Тебе ныне, положи благодать Святого Духа в основание храму, который будет создан Тебе на этом месте. Да будет он жилищем славы Твоей, да будет прославлено с ним величие Твое псалмами и песнопениями и да получат молящиеся в нем от Тебя блага, которыми исполнены небеса и земля. Спаси их, охрани от бед в будущем и сподоби славы Твоей.

По молитве святой Иоанн водрузил Крест честной на поставление престола. Благочестивый же великий князь взял своими руками лопату и стал копать ров для основания церкви. Это было в 1352 году.

Помощью Божией была воздвигнута прекрасная каменная церковь, во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, честного и Боголепного Его Преображения. И всячески ее украсил благоверный великий князь. Святой же Иоанн поставил архимандритом блаженного Евфимия и повелел ему священнодействовать в митре, с палицей и с рипидами. Князь Борис Константинович даровал блаженному Евфимию все, что требуется для строения монастырского. Так начал устраиваться общежительный монастырь. В скором времени число братии в нем достигло до трехсот человек.

В день честного праздника Преображения Господа нашего Иисуса Христа блаженный архимандрит Евфимий с прочими постниками и искусными иноками пришел из монастыря в епископский дом, к святителю Иоанну. И просили они святого, чтобы он отслужил у них в обители Божественную литургию. Получив согласие, архимандрит Евфимий тотчас возвратился в монастырь и вышел со всеми братиями навстречу епископу. Облобызав блаженного Евфимия, великий Иоанн вошел в церковь с ним и с прочими иноками, отраслями винограда Христова и овцами духовными, воспевая молебные песнопения. Во время литургии в церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа пришел благоверный великий князь Борис Константинович и увидел здесь чудное видение. Ему казалось, что с епископом служил облеченный в светлые ризы муж, сияющий образ которого был страшен и несказанен. По окончании литургии, улучив время, князь приступил к святому Иоанну и, поклонившись ему до земли, просил епископа объяснить виденное им. Епископ, не желая открывать тайны этой, сказал князю:

— О князь, что ты видишь чудесного в том, что я служил Божественную литургию с добрым пастырем двора этого духовного словесных овец? С нами были здесь лишь священноиноки, которых твое величество знает; другого же священника с нами не было.

Но князь продолжал умолять святого Иоанна, чтобы тот объяснил ему видение. Тогда святой сказал ему:

— Если Бог открыл тебе видение, я ли могу это утаить? То был Ангел Господень, который не только ныне, но и всегда, посещением Божиим, сослужил мне недостойному. Но не рассказывай никому о виденном тобой, пока я жив.

Так говорил святой, ибо не любил он, смиренный, чтобы дела его добрые и мзда, принимаемая им от Бога, были ведомы другим людям. И когда его вопрошали, какая добродетель высшая, он отвечал: «Творимая тайно».

Блаженный Евфимий с братией умолил благоверного князя и святого епископа Иоанна, чтобы они удостоили трапезу своим участием. Когда трапеза была приготовлена, все они воздали Господу благодарение и, насытившись, стали вести духовную беседу. Тогда, по желанию великого князя и по прошению архимандрита Евфимия и бывших с ним иноков, блаженный Иоанн произнес слово учительное:

— Отцы и братия, не подобало бы мне, недостойному и немощному, поучать вас о душевной пользе. Всем ведомо, что всякому желающему спастись следует прежде всего соблюдать веру и вести жизнь сообразно с ней. Ибо жизнь воздержная, но без правой веры, не принесет пользы; также и вера без благих дел не может приблизить нас к Господу. Но для совершенства следует, чтобы было и то и другое. Вера же должна быть *действующая любовью* (Гал. 5, 6). Любовь — начало всех добродетелей, все они произошли от нее. Следует нам удаляться от злых дел и держаться добрых, помышляя о том лишь, что достойно небес. Следует нам, согласно Христову Евангелию, жить в смирении, послушании, в чистоте, воздержании от телесных наслаждений, в любви, милосердии, человеколюбии и в страхе Божием по слову: *пригвозди страху Твоему плоти моя, от судéб бо Твоих убояхся* (слав. Пс. 118, 120). Не следует нам пропускать времени для своего исправления; мы не знаем, что принесет нам завтрашний

день, ибо, задумав многое, часто на другой день мы ничего из задуманного не достигаем. Итак, если мы будем удаляться от зла и возревнуем указанным добродетелям, то спасемся и, шествуя узким и прискорбным путем, достигнем Царствия небесного.

По окончании беседы этой святой Иоанн удалился к себе в дом епископский. Видя чистое житие его, диавол, искони приносящий вред роду человеческому, воздвиг брань на праведного. Диакон преподобного, именем Елевферий, с некоторыми церковниками уговорил некую любодеицу, обещав ей много серебра, и стали они искать удобного случая, чтобы оклеветать епископа перед князем. Они возбудили народ и, придя в епископский дом, изгнали святителя Иоанна с бесчестием и поруганием из города. Он же, памятуя незлобие своего владыки Иисуса Христа, ничего не сказал против их ожесточенного нападения, но, выходя из города, обратился лицом на восток и, воздвигнув руки свои к небу, молился Богу о ненавидящих его, говоря:

— Господи! Не вмени им этого в грех.

И тотчас, когда молитва еще была на устах его, гнев Господень поразил церковников, объял их страх и трепет, тьма покрыла их; они совершенно ослепли и нуждались в поводыре. Видя это, народ пал к ногам святого и с воплем и слезами просил прощения. Святой простил их и благословил. Каясь в грехе своем, Елевферий со слезами припал к ногам Иоанна, говоря:

— Помилуй меня, раб Божий, и прости мне, смиренному, беззаконный и преступный замысел мой против тебя. Жив Господь Бог мой, не отступлю я от святых ног твоих, пока ты не обещаешь прощения в беззаконном моем замысле. Не поминай сделанного мной зла, отче преподобный.

И долгое время повторял это преподобному Елевферий. Блаженный же Иоанн отвечал:

— О человек, не мы должны обещать прощение, как думаешь ты, но только Один Милосердый Бог может прощать. Исцеляет язвы душ наших Тот, Кто претерпел ради нас страдания. Он дарует нам прощение в прегрешениях наших и очистит нас, ибо Он взял на себя грехи мира.

Подняв Елевферия с земли, Иоанн сказал ему:

— Господь, чадо, простит тебя.

Святой помолился пред всем народом за согрешившего Елевфе-рия и за церковников, совращенных им, и осенил их крестным знамением. Они тотчас прозрели. Ужаснулись все люди и прославили Бога, творящего дивные чудеса святыми Своими.

На месте чуда, совершенного святым Иоанном, суздальские граждане задумали создать церковь во имя чуда святого архистратига Божия Михаила в Хонех, ибо чудо было совершено епископом в день празднования чуда архистратига Михаила. По благословению святителя Иоанна вскоре была создана эта церковь и граждане отделили для церкви часть своих земель и назвали их, по имени святителя, селом Ивановским[1].

Однажды к святому Иоанну пришел благоверный князь Андрей, брат великого князя Бориса Константиновича. После обычного благословения и молитвы, князь сказал епископу:

— О святой угодник Божий, хочу я просить тебя об одном благодеянии.

Добрый же тот пастырь отвечал:

— Ничто тебе не возбраняется.

— Желаю я, чтобы ты дал мне благословение на создание монастыря инокиням, — ибо чудо случилось со мной. Плыли мы однажды по Волге от Нижнего Новгорода, и вот на реке поднялся такой сильный ветер, что от множества великих волн ладьи начали сокрушаться и всем угрожала смерть. Тогда плаватели стали молить Бога; с ними и я молился, чтобы Господь избавил нас от угрожающего несчастья. И дал я обет Богу построить церковь во имя Пресвятой Богородицы, в честь и славу Ее Покрова, и устроить монастырь, на жилище и покой инокиням. Тотчас прекратилось на реке волнение и настала тишина. Ныне время исполнить обет мой.

Епископ ответил на это:

— Не препятствую в твоем желании.

Благоверный князь сказал:

---

[1] На покрове, положенном на гроб святого Иоанна, в 1578 году княгиней Евпраксией, супругой удельного князя Владимира Андреевича, вышит тропарь, в котором сказано: «Злоумышленным церковником молитвою скоро прозрети повеле и научи, яко же прежде святый Леонтий, — связа и паки благослови».

— Пошлем за преподобным отцом, архимандритом Евфимием, и попросим у него места, на берегу реки, где удобно было бы построить монастырь.

Посоветовавшись, они послали за архимандритом. Тот пришел, поклонился им и спросил:

— Зачем вы звали меня, господа мои? Для чего надобно было мне прийти к вам?

Они сказали:

— Дай нам место длиной и шириной в семь саженей; ибо, с Божией помощью, хотим мы построить монастырь на той реке, где витаешь ты, пастырь добрый и делатель Христова винограда.

Князь поведал ему о случившемся с ним на Волге и обет свой — как он обещал устроить монастырь на жительство инокиням. Блаженный же Евфимий сказал:

— О князь! Господня земля и концы ее. Если Богу это угодно — да будет благословенно место, которое ты требуешь для создания монастыря.

Князь поклонился блаженному Евфимию и дал ему в монастырь обильную милостыню. Затем он избрал место на реке Каменке, против монастыря преподобного Евфимия. Здесь, с Божией помощью, была построена деревянная церковь, во имя Пречистой Богородицы, в память славного Ее Покрова и устроена обитель[1]. Это было в 1364 году. Старейшинство в обители епископ Иоанн вручил племяннице блаженного Евфимия, которую он перевел сюда из лавры святого великомученика Александра, находившейся в том же городе Суздале, на горе[2]. Спустя некоторое время обитель посетил епископ Иоанн, похвалил и благословил ее и, поучив о пользе душевной, удалился в дом свой.

Так заботился святитель Иоанн о своем духовном стаде, приводя его на пажить духовную. И просиял этот святитель как звезда не

---

[1] Преподобный Евфимий предсказал славу этой обители. Здесь впоследствии приняла пострижение супруга великого князя всея России Василия Иоанновича, Соломония, нареченная в иночестве Софией. Пробыв в монастыре семнадцать лет, она скончалась в 1542 году, 16 декабря. Мощи ее лежат в раке под спудом, под папертью Покровской церкви.

[2] Девичий монастырь святого мученика Александра, по преданию основанный святым Александром Невским, в честь тезоименного ему святого.

только в Суздале, но и в дальних странах. Правя Богоугодно своей о Христе паствой, достиг он святолепной старости.

Оставив престол епископский[1], удалился он в Боголюбскую обитель Пресвятой Богородицы[2], где постригся в схиму и жил в непрестанном безмолвии.

Когда приблизилось время его блаженной кончины, святой Иоанн заболел, но ненадолго. В час разлучения с телом он причастился святых и пречистых Таин Тела и Крови Иисуса Христа, Господа нашего, и почил о Господе в 1373 году, 15 октября. Святые мощи его с песнопениями были перенесены в город Суздаль.

Когда в Суздале узнали о преставлении святого Иоанна, епископ Дионисий и прочие духовного и мирского звания люди вышли из города со свечами и кадилами навстречу мощам святого. Встретив их благоговейно, с честью положили их в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, на правой стороне, где они почивают под спудом нетленными и доныне, помогая и исцеляя приходящих с верой, во славу Христа Бога нашего, Ему же слава вовеки.

В 1743 году, 27 октября, в день памяти святого мученика Нестора, при гробе святого Иоанна совершилось чудо.

После обычного благовеста к утрени, за три часа до рассвета, перед самым концом полунощницы, когда церковный сторож вышел из соборной церкви Рождества Богородицы, чтобы дать знак к звону, в церковь вошел человек босой и в одном распахнутом кафтане. Тотчас он устремился за правый столп, к ракам святых чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов Суздальских, и воскликнул:

— Святителю, отче Иоанне, угодник Христов, помилуй меня.

Затем он, рыдая, пал ниц.

Слыша необычный вопль пришельца, бывшие в храме священнослужители подошли к нему, подняли с земли и стали спрашивать, кто он и какая причина вопля его. Он же со слезами поведал следующее:

— Зовут меня Иваном Васильевым Жинкиным, я из посада этого города; с марта месяца одержим я тяжелой болезнью — правая рука

---

[1] После смерти князя Андрея Константиновича в 1365 году открылись сильные споры между братьями его, князьями Борисом и Дмитрием. Тогда Суздаль, Нижний Новгород и Городец были причислены к митрополичьей кафедре.

[2] Близ города Владимира.

и левая нога отнялись у меня и язык перестал двигаться; ничего я не мог ясно сказать в то время; произнося глухие и неясные звуки, я давал знаки левой рукой. Вечером этого дня, лежа на одре моем, я начал плакать, поминая свои грехи, которыми я прогневал Господа Бога. И стал я в уме моем призывать на помощь Матерь Божию, святая икона Которой была близ одра моего, и вместе с ней угодников Божиих, святителей и чудотворцев Иоанна и Феодора, епископов Суздальских, и преподобного чудотворца Сергия, игумена Радонежского. Все домашние мои в то время спали, ибо была уже глубокая ночь. Во время плача моего увидел я, что в комнате, где я лежал, воссиял свет. И вот явился муж, облеченный в светлую одежду. Став близ одра моего, он воздвиг руки свои к небу и молился:

— Милосердый Господи, помилуй создание Твое.

Слыша это, я перестал ощущать в себе болезнь и дерзнул вопросить явившегося:

— Кто ты, святой Божий?

Он же ответил:

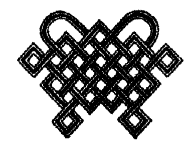
— Я Иоанн, епископ Суздальский; иди в соборную церковь, где лежат мои мощи, и там получишь полное исцеление болезни твоей.

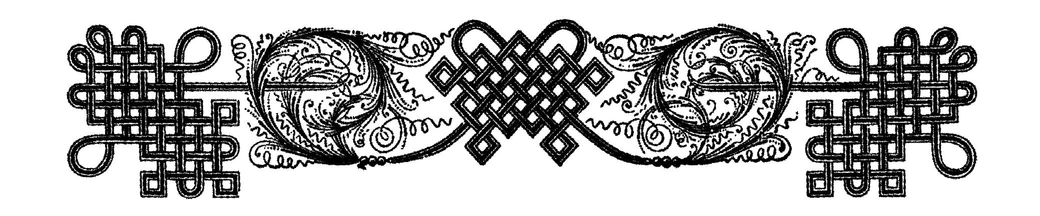
Я хотел припасть к честным и святым его ногам, но он тотчас стал невидим, исчез и свет, сиявший в жилище. Встав с одра, на котором лежал восемь месяцев, я почувствовал себя здоровым и тотчас пошел в соборную церковь, воздавая Божию угоднику благодарение.

Выслушав слова исцеленного, изумленные священнослужители послали церковного сторожа в дом его, бывший близ Васильевского монастыря, известить о происшедшем его домашних. Домашние исцеленного были весьма изумлены, не найдя его дома. Вскоре в соборную церковь пришли мать и жена его, принесли ему обычную одежду и возвестили находившимся там, что этот Иван действительно был одержим тяжкой болезнью и что они не знают, как он исцелился. Падая ниц у святых мощей угодника Божия, они воздали с теплыми слезами великое благодарение святителю чудотворцу Иоанну и, отслужив молебен, удалились в дом свой.

Исцеленный же не пошел с ними, но пробыл три дня у соборной церкви, слушая со слезами пение церковное. Спустя три дня он очистил себя таинством покаяния пред отцом своим духовным, священ-

ником Васильевского монастыря, и, причастившись в монастыре Тела и Крови Христовых, удалился в дом свой, радуясь, славя и благодаря Бога и величая заступление и помощь великого святителя и чудотворца Иоанна, епископа Суздальского. Писание об этом чуде засвидетельствовал Иван подписью исцелевшей правой руки своей, с ним засвидетельствовали чудо и присутствовавшие тогда в храме священнослужители.





День шестнадцатый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЛОНГИНА СОТНИКА

Когда Господь наш Иисус Христос, по неизреченной Своей милости, благоволил спасти нас от погибели Своим вольным страданием, крестом, смертью и воскресением, тогда один сотник, по имени Лонгин, родом из Каппадокии, находясь под властью Пилата, был приставлен со своими воинами служить при страдании и распятии Иисуса Христа. Увидев чудеса, бывшие при кресте Христовом: землетрясение, затмение солнца, открывшиеся гробы и восставших из них мертвецов и распадение камней, сотник Лонгин исповедал, что Христос есть Сын Божий. Об этом событии Божественный евангелист Матфей так говорит: *Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий* (Мф. 27, 54; ср.: Мк. 15, 39 и Лк. 23, 47). Так свидетельствует об уверовавшем во Христа сотнике Лонгине Божественное Евангелие. Предание же церковное к засвидетельствованному в Евангелии прибавляет, что Лонгин был тот воин, который пронзил ребра распятому Господу Иисусу Христу и от истекшей крови и воды получил исцеление больных глаз своих. Тот же Лонгин был и в числе стражей, приставленных Пилатом к животворящему Телу Иисуса Христа, лежавшему во гробе. Когда же Господь преславно воскрес от гроба и Своим чудным восстанием навел на стражу ужас[1], тогда Лонгин и два во-

---

[1] Об этом событии евангелист так говорит: *Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем... устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые* (Мф. 28, 2 и 4).

ина окончательно уверовали во Христа и сделались проповедниками Воскресения Христова, ибо они возвестили Пилату и архиереям обо всем происшедшем. Архиереи и старейшины, устроив совещание, дали воинам довольно денег, чтобы они утаили о воскресении Христовом и сказали, что ученики Христа, придя ночью, украли Его, когда они спали (см.: Мф. 28, 11–13). Однако Лонгин денег не взял и утаить чуда не захотел, но еще усерднее стал свидетельствовать о нем, и свидетельство его было истинно. Поэтому Пилат и все иудейское сонмище возненавидели Лонгина, и весь гнев свой, который они прежде имели на Христа, обратили теперь на Лонгина. Лонгин открыто проповедовал о Христе, что Он есть истинный Бог, и что он, Лонгин, был самовидцем животворящей смерти Его и воскресения. За это свидетельство Лонгин подвергся ненависти и гонению со стороны врагов Иисуса Христа, которые стали изыскивать причину, чтобы погубить его, но, не находя за ним вины, не решались, потому что Лонгин был старейший из воинов, человек честный и известный самому кесарю. Когда же Лонгин узнал об их злом намерении, то восхотел лучше быть отверженным от них и остаться со Христом, чем жить в селениях Иудейских. Он оставил свой воинский сан, одежду и пояс и, взяв двоих друзей своих, которые имели такую же ревность по Христе, уклонился от народного общения и посвятил себя на служение Единому Богу. Приняв крещение от святых апостолов, Лонгин в скором времени оставил Иерусалим и пошел со своими друзьями в Каппадокию; там он стал проповедником и апостолом Христовым и многих об-

ратил от заблуждения к Богу. Затем, оставив город, Лонгин стал жить в селении своего отца, проводя безмолвную жизнь — в посте и молитвах.

Вскоре сделалось известным всему собранию иудейскому в Иерусалиме, что Лонгин распространяет свое учение по всей Каппадокии и проповедует о воскресении Христовом. Тогда архиереи и старейшины иудейские, исполненные зависти и гнева, пошли к Пилату со многими дарами и стали просить его отправить послание кесарю в Рим с извещением о том, что Лонгин отвергнул от себя воинский сан, отказался от подчинения римской власти и возмущает в Каппадокии народ, проповедуя им о другом царе. Пилат, приняв дары, согласился на просьбу иудеев и отправил к кесарю Тиверию[1] послание, заключающее в себе сильную клевету на Лонгина. Вместе с этим письмом Пилата евреи послали от себя много золота кесарю и тем самым купили смерть святому Лонгину: ибо вскоре от кесаря Тиверия пришло повеление предать Лонгина смерти, как противника кесарю. Пилат тотчас же послал воинов в Каппадокию, чтобы отсечь голову Лонгина и принести ее в Иерусалим для удостоверения еврейского сонмища в смерти Лонгина. По просьбе иудеев Пилат повелел также убить и тех двух воинов, которые вместе с Лонгином оставили воинский сан и там же, в Каппадокии, с ним вместе проповедовали Христа.

Когда посланные дошли до страны Каппадокийской, то стали усердно расспрашивать о Лонгине, где он живет; узнав, что он пребывает в селении своего отца, они поспешили туда, стараясь показать, что отыскивают Лонгина не на убиение, а как бы для оказания ему некоторой почести. Они боялись, чтобы Лонгин не избежал их рук и чтобы им не возвратиться к пославшим их ни с чем; поэтому-то они и хотели тайно схватить его.

Между тем святой Лонгин, по откровению Божию, узнал о готовившемся ему венце мученическом. Он вышел сам навстречу посланным от Пилата и любезно приветствовал их. Те же, не зная его, спрашивали:

— Где Лонгин, который некогда был сотником?

— Зачем вам его нужно? — спросил их с своей стороны Лонгин.

---

[1] *Тиверий* царствовал с 14 по 37 год. При нем распят Господь Иисус Христос.

— Мы слышали, — отвечали воины, — что он человек добрый и хотим посетить его; мы воины, а он был сотником воинов, — поэтому мы и хотим видеть его.

Тогда Лонгин сказал:

— Прошу вас, господа мои, зайдите ко мне в дом и отдохните немного с дороги, а я извещу Лонгина о вас, ибо я знаю, где он живет, и тогда он сам придет к вам, так как живет недалеко отсюда.

Воины зашли к Лонгину, и он предложил им обильное угощение. Когда же настал вечер и воины сильно развеселились от вина, то они рассказали Лонгину, зачем они посланы. Но предварительно просили его и взяли с него клятву, что он никому не передаст этой тайны; воины боялись, чтобы кто-нибудь не рассказал Лонгину и чтобы он не убежал от них; при этом они сказали ему:

— Мы посланы отсечь головы Лонгину и двоим друзьям его, ибо такое пришло повеление к Пилату от кесаря.

Лонгин, услышав, что и друзей его ищут умертвить, послал за ними скорее, приглашая их к себе; сам же не хотел сказать воинам, — пока не придут его друзья, — что он и есть сам Лонгин. Когда воины уснули, Лонгин стал на молитву и всю ту ночь усердно молился Богу, приготовляясь к смерти. С наступлением утра воины, торопясь отправиться в путь, просили Лонгина указать им того, кого они ищут. Тогда Лонгин сказал им:

— Подождите немного, господа мои, я послал за ним, и он немедленно придет к вам: поверьте мне, что тот, которого вы ищете, сам предаст себя в руки ваши, только немного подождите.

Затем Лонгин узнал, что друзья его идут: тотчас он вышел к ним навстречу и, поцеловав, обнял их и сказал:

— Радуйтесь, рабы Христовы, мои же соратники, радуйтесь вместе со мной, ибо приблизилось веселие наше, — наступило время разрешения нашего от плотских уз; вот теперь мы вместе предстанем Господу нашему Иисусу Христу. Мы видели Его страдающим, распятым, погребенным и воскресшим со славой; теперь же увидим сидящим одесную Бога и насытимся лицезрением славы Его.

Сказав это своим друзьям, Лонгин рассказал им, что от Пилата и синедриона иудейского пришли воины, чтобы умертвить их за свидетельство о воскресении Христовом. Услышав это, они возрадовались, что сподобятся быть причастниками венца мученического и

скоро предстанут Господу своему, Которого они возлюбили от всей души. Приведя затем своих друзей к воинам, Лонгин сказал:

— Вот вам Лонгин и два друга его! Я — Лонгин, которого вы ищете; эти же — два мои друга, со мной вместе видевшие воскресение Христово и уверовавшие; делайте с нами, что вам повелено пославшими вас.

Услышав это, воины изумились и сначала не поверили, что перед ними сам Лонгин; затем, удостоверившись в истине этого, они устыдились и не желали умерщвлять своего благодетеля. Но Лонгин понуждал исполнить повеленное, сказав при этом:

— Вы ничем не можете лучше отблагодарить меня за мою любовь к вам, как послать меня к Господу моему, Которого я давно желаю видеть.

Облекшись затем в белые погребальные ризы и указав рукой на близлежащий холм, Лонгин повелел домашним своим похоронить там тело его и двух друзей своих. После этого, помолившись и отдав всем последнее целование, Лонгин и два друга его[1] преклонили под меч главы свои. Воины, усекнув их, взяли с собой главу святого Лонгина и ушли; тела же святых были погребены с честью на том месте, которое указал сам святой Лонгин.

Придя в Иерусалим, воины принесли туда честную главу святого Лонгина и отдали ее Пилату для удостоверения его и всего сонмища иудейского в убиении Лонгина. Пилат и иудеи, увидев главу святого, повелели бросить ее за городом, и она долго лежала там вместе с сором, пока не была засыпана навозом.

Господь же, хранящий *все кости* (Пс. 33, 21) угодников Своих, сохранил в целости и главу святого Лонгина, находившуюся в навозной куче.

И когда Господь захотел прославить Своего раба на земле пред людьми, которого уже прославил на небе пред Ангелами, то открыл главу святого таким образом. Одна женщина, христианка, вдова из Каппадокии, ослепла обоими глазами и долго искала помощи от врачей, но не получала. После этого она вздумала пойти в Иерусалим — поклониться святым местам и искать там помощи Божией ослепшим своим глазам. Взяв своего единственного сына, она отправилась с ним в путь. Но дойдя до святых мест, сын ее заболел и

[1] По древним известиям, это были Исавр и Афродисий; память их — 19 апреля.

чрез несколько дней умер; вдова та была горько опечалена смертью сына: она плакала о двойной потере, ибо лишилась и очей и сына, который был как бы светом для ее очей и проводником для нее. И вот, когда вдова та горько и неутешно плакала, ей явился в видении святой Лонгин и утешил ее, обещав ей, что она увидит своего сына в небесной славе и получит свет очам своим. Он рассказал ей все о себе: как он был при страдании, распятии, погребении и воскресении Христовом, как, затем, проповедовал в Каппадокии Христа и пострадал за Него со своими друзьями. При этом он повелел ей идти за город и найти там его главу, лежащую на мусорной куче и засыпанную навозом.

— Тебе предназначено, — сказал при этом святой Лонгин, — обрести ее для твоего исцеления.

Утешившись от печали, вдова встала и попросила проводить ее за город; когда же туда вели, она сказала провожавшим ее:

— Где увидите большую кучу наметенного сора, там меня и поставьте.

Они так и сделали. Найдя большое количество наметенного сора, они привели ее туда, и она начала своими руками разгребать сор и раскапывать навоз: хотя она и ничего не видела глазами, но имела великую веру словам, сказанным ей в видении святым Лонгином. И тотчас же, по усмотрению Божию, она получила то, чего искала, и внезапно увидела свет солнечный; ибо глаза ее открылись, и она увидела главу святого, лежащую в грязи. Вдова та обрадовалась не столько тому, что увидела свет солнечный, сколько тому, что нашла главу святого, благодаря которой получила прозрение. И прославляла она Бога, и величала раба Его — святого Лонгина.

Взяв и облобызав главу святого, женщина с радостью понесла ее в свой дом; омыла ее, помазала благовонными мазями и так возрадовалась о нахождении этого духовного сокровища, что забыла печаль свою об умершем сыне. В следующую ночь святой Лонгин опять явился ей в великом свете, ввел сына ее к ней, в блестящей брачной одежде, и, любезно и отечески обняв его, сказал вдове:

— Смотри, жена, на своего сына, о котором ты печалишься и плачешь: вот какая честь и слава ему, смотри на него и утешайся. Бог причислил его к небесным чинам, которые находятся во Царствии Его. Я же теперь взял его от Спасителя, и он никогда не будет

удален от меня. Вот, возьми мою главу и тело своего сына, и похорони их в одном ковчеге, и не плачь о своем единственном сыне, и да не смущается сердце твое, ибо великая слава, радость и нескончаемое веселие дано ему от Бога[1].

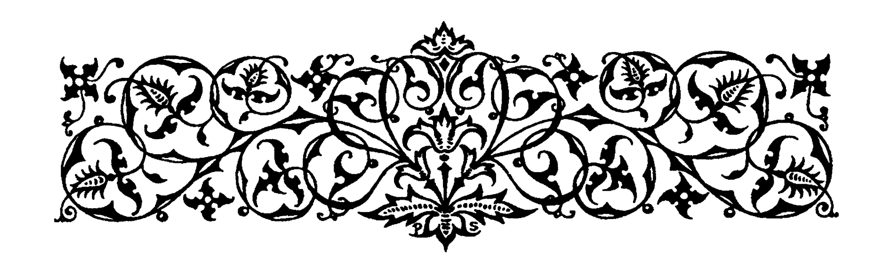
Когда женщина услышала это, то поспешно встала и положила главу мученика в один ковчег с телом своего умершего сына и затем возвратилась к себе домой, прославляя и восхваляя Бога. Достигнув своего отечества, она похоронила на честном месте тело своего сына и главу мученика, помыслив так при этом:

— Теперь я знаю, что *любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу* (Рим. 8, 28): я искала исцеления очам телесным, а нашла вместе с тем и исцеление очам душевным. Я была одержима скорбью о смерти моего сына, теперь же имею его на небе, предстоящим Богу во славе, с пророками и мучениками; с ними он всегда радуется и с Лонгином в Царствии Христовом носит крест — знамение победы, посреди Ангелов, и как ученик Лонгина радостно воспевает: «Воистинну Божий Сын этот бе» и есть и будет. Царство Его — Царство всех веков и владычество Его — во всяком роде и роде. Слава Ему вовеки. Аминь[2].

---

[1] О чудесах от мощей святого Лонгина говорит преподобный Феофан в службе мученику (см. Минею 16 октября). Честная рука святого Лонгина сотника находится в Риме, в Ватиканском соборе апостола Петра.

[2] Писателем жития святого Лонгина был святой Исихий, пресвитер Иерусалимский († 434 г.), который нашел акты мученика в библиотеке святого Воскресения и по ним составил свое описание, из которого видно, что мученик был обезглавлен 16 октября.



День семнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА **АНДРЕЯ КРИТСКОГО**

Прошло много времени с тех пор, как прекратились многочисленные жестокие гонения на Христову Церковь, воздвигнутые злочестивыми царями и князьями. После этого Церковь Божия, как бы насажденная на плодоносной земле и напоенная честной кровью рабов Божиих, распространилась по всем концам земли. В доме Господнем водворился мир и единение веры, процветало благочестие, в людях утверждались добрые нравы, заповеди Господни были соблюдаемы и верующие преуспевали во всех добродетелях. Тогда диавол, завидуя этому, стал отвращать верующих от Христа. Однако он стал действовать не явно, как прежде, но скрытно — со свойственным ему лукавством. С этой целью он среди самих христиан возбудил иконоборство. По наущению диавола между христианами появились люди, которые, под видом ревности о Боге, стали отвергать почитание святых икон. Диавол внушил это людям для того, чтобы они, отринув икону Христа, отринули от себя и Самого Христа, потому что все, что бывает изображаемо на иконе, относится к тому, чей лик изображен на ней. И вот ненавистник человеческого спасения, диавол, возбудил к этому царя Константина, — не равноапостольного, просветившего мир верой Христовой, а другого, с тем же именем, прозванного Копронимом, то есть гноеименным[1], так как он сперва осквернил гноем купель своего крещения, а потом и Церковь

[1] Название Константина *Копронимом* происходит от греческого слова «копрос» — навоз, нечистоты (слав. — гной).

Христову — своей безбожной ересью. Безумный царь стал говорить, что христианам не подобает поклоняться и почитать иконы, ибо это есть языческое идолопоклонство. Он не понимал того, что если предмет сам по себе вреден для души, то и изображение его также вредно для души и не должно быть допускаемо. Если же предмет в существе своем заключает добро и полезен для души, то и изображение того предмета есть дело доброе и душеполезное. Языческие боги суть зло, и душепагубны, и поэтому почитание их воспрещено. Точно так же и изображения их суть дело злое, душепагубное, и чтить их воспретил Закон Божий. Свят Господь Бог наш Иисус Христос, священны и рабы Его, и весьма много служат нам на пользу душевную, как и Давид сказал: *Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже* (слав. Пс. 138, 17). Потому и изображения Господа и честных друзей Его, — которым говорил Господь: *Вы друзья Мои* (Ин. 15, 14) — священны, душеполезны, и мы должны почитать их, зная, что честь, воздаваемая иконам, переходит на лицо того, кто изображен на них. Беззаконный царь Копроним, не поняв этого, послал по всем странам своего государства повеление, чтобы все иконы были выброшены из домов Господних и чтобы никто не дерзал хранить их в своем доме. При этом он угрожал ужасными мучениями и смертью всем, не желавшим повиноваться его повелению; и была тогда в Церкви Божией великая скорбь, печаль и сетование[1]. Многие из верующих,

---

[1] Продолжительное царствование императора Константина Копронима (741–775 гг.) было временем, когда иконоборство достигло своего высшего развития и силы в Греческой Церкви. Сам император Константин Копроним был ревностнейшим иконоборцем. Пример его отца, Льва Исаврянина (716–741 гг.), и воспитание в иконоборческой ереси началах сделали его неумолимым врагом иконопочитания. Ревностные иконопочитатели должны были бежать за границу — в особенности в Рим — или скрываться в местах уединенных. Самыми смелыми, решительными и мужественными противниками мер и распоряжений императора были иноки, явившие себя неустрашимыми ревнителями православия. Ревность иноков оказывала в то время сильное влияние на умы христианского общества. До чего доходила жестокость в преследовании иноков, это видно из тех казней, каким подвергали их. Так случалось, по словам церковного историка того времени — Никифора, что инокам разбивали головы на тех самых иконах, на защиту которых они выступали. И из мирских людей более мужественные в исповедании Православия также немало претерпели гонений в царствование Копронима. Вообще гонение на православных при Копрониме было так сильно, что оно напоминало собой жесточайшее из гонений языческих императоров на христиан — Диоклетианово.

боясь страшной угрозы царя, убегали и скрывались: города опустели, люди разбежались по пустыням, а из оставшихся — некоторые повиновались повелению царя и перестали поклоняться иконам, а другие, твердо держась предания святых отцов, безбоязненно сопротивлялись иконоборцам и были преданы за то различным мукам. Все места заключения, темницы и глубокие рвы наполнены были тогда не разбойниками, не ворами или какими-либо злодеями, но епископами, священниками, иноками и другими благочестивыми людьми.

В то время на острове Крите был один благочестивый и богобоязненный человек, по имени Андрей; он отвергся от мира и славы его и презирал все мирские радости: взяв крест свой, он шел тесным путем, ведущим к небу, и многих приводил с собой к такой же богоугодной жизни. Услышав, что в Царьграде беззаконный Копроним, ради нового еретического, хульного, иконоборческого учения, многих святых держит в узах, Андрей воспламенился ревностью веры и любви ко Христу и пошел в Царьград. Здесь он без всякого страха, но с великим дерзновением открыто поучал народ не прельщаться словами царя и еретическим учением; более же твердых в вере Андрей укреплял и возбуждал к истинному исповеданию и терпению в муках.

Когда же Андрей увидел, что иконоборцы, по повелению царя, за почитание святых икон — одних жестоко бьют жилами, других опаляют огнем, некоторым выкалывают глаза или отрезают языки, а иным отсекают руки и ноги — тогда он не мог этого стерпеть. Тотчас Андрей пошел к церкви святого мученика Маманта, где в то время находился царь со множеством своих сановников. Протеснившись сквозь собравшийся там народ, он смело стал перед царем и громким голосом воскликнул:

— Почему ты, царь, называешься христианином и слугой Христовым, а иконы Христовы попираешь и причиняешь так много зла рабам Его?

Андрей хотел было продолжать свою речь далее, но царь повелел схватить его. Тотчас же слуги устремились на Андрея, и одни схватили его за голову, другие — за руки, а некоторые — за плечи и одежду; повалив Андрея на землю, они начали его бить, влачить по земле и топтать ногами. Желая наружно показать свое милосердие, царь велел перестать бить Андрея и, выйдя из церкви, призвал его к себе и начал сам говорить с ним.

— Откуда, — сказал он, — у тебя явилась такая смелость, что ты пришел сюда и в лицо злословишь меня? От безумия ли или с каким-либо умыслом? Или для того, чтобы быть известным мне?

Андрей отвечал:

— Не от безумия я это делаю и без всякого умысла и не потому, чтобы искал суетной славы от тебя, ибо я все, что ты имеешь в мире, презираю как сон и почитаю за дым. Но я услышал о твоем злом учении, по которому ты бесчестишь святые иконы и гонишь святую Церковь Божию. Поэтому *ревность по доме* Божием *снедает меня* (Пс. 68, 10), и я пришел сюда издалека, чтобы или убедить тебя, или самому умереть за Христа моего. Если Он — Господь мой — умер за меня, то я, как образ Его, не должен ли умереть за Его образ?

Царь сказал на это Андрею:

— Какое беснование и безумие воздавать славу нетленного Бога — дереву, краскам, камню, и не внимать тому, что Бог повелел Моисею не делать никакого подобия! Откуда у вас растет это безумие, что вы столь очевидной истине сопротивляетесь и отдаете себя на погибель? Поверь мне, что не ради истины, не ради Христа, но за твою бесстыдную дерзость и сопротивление я буду тебя мучить.

Андрей не мог перенести такой хулы и сказал:

— Нечестивец! Разве не за Христа страдает тот, кто страдает за Его иконы? Разве бесчестие, которое ты наносишь иконе, не переходит на Того, Кто изображен на ней? Почему же вы тех, которые бесчестят и опрокидывают ваши изображения и статуи, жестоко казните смертью? Вы, как прах, ныне существуете, а завтра исчезнете, однако желаете чрез свои изображения быть в почтении; насколько же больший грех посягать на образ Христов, ибо бесчестие, сделанное иконе Христа, есть бесчестие Самому Христу, лик Которого на иконе изображен.

Затем святой Андрей хотел было объяснить, какие Бог заповедал через Моисея иметь изображения вместо богов, но царь не позволил ему продолжать, и сказал:

— Если цари гневаются за свои только изображения, то они гораздо более гневаются, когда их злословят в лицо.

И тотчас же велел обнажить святого и бить его без милосердия. Но святой мужественно претерпел все истязания; тогда царь начал склонять Андрея ласкательством повиноваться своему злочестивому повелению. Святой же Андрей, возведя очи к небу, сказал:

— Сохрани Бог, чтобы я отвергся моего Христа в Его святой иконе; тебе, царь, лучше бы заниматься воинскими делами и управлять народом, чем гнать Христа и преследовать рабов Его.

Тогда царь повелел снова жестоко бить Андрея, так что даже земля обагрилась кровью его. Некоторые же из окружающих, для угождения царю, начали бросать в Андрея камнями и разбили ими Андрею уста и сокрушили ребра. Наконец, после многих мучений святой был заключен в темницу, где, пробыв некоторое время, утверждал в благочестии приходивших к нему верующих. После этого царь велел опять вывести Андрея из темницы и снова мучить, возобновляя его прежние раны; во время этих мучений тело святого распадалось и раздроблялось. Наконец, связав святому ноги, влекли его по земле через город на место, где бывают казнимы злодеи, и там мучитель повелел умертвить святого Андрея. Когда же его влекли туда чрез торговую площадь, один из еретиков — торговец рыбой,— узнав, по какой причине страждет святой и, будучи научен бесом, схватил нож и рассек мученику ногу: этим он прекратил многострадальный путь Андрея, ибо мученик тотчас же умер от причиненной ему раны[1].

Тело святого Андрея было ввергнуто в пропасть с трупами злодеев и лежало там более двенадцати недель. По повелению Божию, туда стали приходить от различных стран одержимые нечистыми духами: они вынули из пропасти и от трупов тело святого Андрея и положили его на священном месте и тотчас же, как достойную мзду за это, получили исцеление. Молитвами святого, при гробе его, многие болящие получали исцеления, ибо святой Андрей имеет дерзно-

[1] Святой Андрей скончался в 767 году; через сто лет святым Иосифом песнописцем написан ему канон (см. Минею 17 октября).

вение у Бога и молится за всех нас, предстоя вместе со святыми престолу Господню вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА
ОСИИ

Святой пророк Осия, сын Веириин, происходил из колена Иссахарова[1]. В то время многие из людей Израилевых отступили от истинного Бога и, забыв Его благодеяния и чудеса, поклонялись идолам. Но Осия, будучи человеком Богобоязненным, служил Единому истинному Богу, сотворившему небо и землю и изведшему евреев из Египта, рукой крепкой. Осия наставлял людей, отпавших от истины, и своими мудрыми увещаниями снова обращал их к отеческому благочестию.

По вдохновению от Святого Духа Осия много пророчествовал об израильском народе. Обличая беззаконных жителей Израильского царства, он предсказывал ему великие бедствия от врагов, переселение их в плен Ассирийский и затем обращение их к Богу[2]. Он предсказал о рас-

---

[1] Пророк Осия жил в царстве Израильском и пророчествовал во дни Осии, Иоафама, Ахаза и Езекии — царей иудейских, и во дни Иеровоама II, царя Израильского (Ос. 1, 1). Из так называемых *малых* пророков его современниками были Михей и Амос; из *больших* — Исаия. По указаниям у святых Ефрема Сирина, Дорофея и Епифания, пророк Осия был родом из Веельмофа, города в колене Иссахаровом.

[2] В пророчествах Осии содержится: 1) обличение современного нечестия, идолопоклонства и нравственного развращения, также обличение союзов евреев с языческими народами в надежде на их силу и призыв к покаянию и исправлению;

пространении истинного Богопознания по всей земле (см.: Ос. 2, 20; ср.: Иер. 31, 34), прекращении Ааронова священства и ветхозаветных жертв (см.: Ос. 3, 5), а также о возвращении из Египта младенца Иисуса[1], и о Его тридневном воскресении[2], и о победе над смертью[3]. Все эти пророчества записаны Осией в его книге, состоящей из четырнадцати глав. Как изреченные чрез Святого Духа, все пророчества эти находятся в числе других богодухновенных книг Священного Писания.

Пророк Осия прожил много лет[4] и скончался в глубокой старости, за 820 лет до Рождества Христова, и погребен мирно в своей земле.

---

2) угрозы Ассирийским пленом; 3) утешение чрез предсказание об освобождении из плена и о наступлении Царства Мессии, которое сообразно с младенческим состоянием народа, изображается под образом земного величия.

[1] Пророчество о возвращении Мессии из Египта находится в 11-й главе книги пророка Осии. Перечисляя милости Свои евреям, Господь говорит: *Из Египта вызвал Сына Моего* (11, 1). На это именно место указывает евангелист Матфей, когда говорит: *да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: из Египта воззвал Я Сына Моего* (Мф. 2, 15). Как вообще еврейский народ был прообразом Мессии, так и частные события из жизни народа имели прообразовательное «Мессианское» значение. Евреи поселились в Египте, спасаясь от голода при Иакове. Когда же эта опасность миновала, евреи выведены были оттуда Богом для осуществления своего назначения в Палестине. Так и Мессия-Христос удалился, по определению Божию, в Египет, спасаясь от злобы Ирода. Когда же опасность миновала, по смерти Ирода, Мессия вызван был Богом из Египта в Палестину, для исполнения здесь Своего назначения.

[2] Пророчество о тридневном воскресении Мессии содержится в 6-й главе книги пророка Осии. В первом послании к Коринфянам апостол Павел относит это пророчество к воскресшему Христу, когда говорит, что Христос *воскрес в третий день, по Писанию* (1 Кор. 15, 4).

[3] В 14-м стихе 13-й главы у пророка Осии проводится мысль (в форме вопроса) о бессилии ада пред Богом: *От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* — апостол Павел говорит: *Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* (1 Кор. 15, 54–55). Таким образом, исполнение пророчества апостол относит к окончательному торжеству над смертью в день всеобщего воскресения мертвых.

[4] Пророческое служение Осии продолжалось более шестидесяти лет.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ БЕССРЕБРЕНИКОВ
КОСМЫ и ДАМИАНА

Известны три двоицы святых бессребреников-врачей с именами Космы и Дамиана. Одни из них родились от отца язычника и матери Феодотии, благочестивой христианки; они мирно скончались[1] и были положены на месте, называемом Фереман[2]. Другие жили в Риме и скончались от руки завистливого своего учителя, который обманом завел их на гору, как бы для собирания врачебных трав, и там побил их камнями[3]. Третьи же, память которых ныне совершается, были уроженцами Аравийской страны. Уверовав во Христа, они стали безвозмездно врачевать бесчисленное множество больных, и не какой-либо травой или какими-либо другими мироварными врачеваниями, как искусные врачи, но — силой Христовой, ибо, проходя по городам и селениям, они проповедовали Христа и именем Его подавали всем болящим исцеления.

Когда они прославились всюду своим учением и чудесами, то были взяты игемоном; это происходило в царствование злочестивых

[1] Память их совершается 1 ноября.

[2] *Фереман* находился в Азии, на два дня пути от Амида (по-турецки — Диар-Бекира), и разрушен турками при первых завоеваниях их.

[3] Они пострадали при императоре Карине в 284 году; память их совершается 1 июля.

царей Диоклетиана и Максимиана, гонителей и мучителей христианских. Будучи приведены в город Киликию, эти святые врачи Косма и Дамиан предстали пред игемоном Лисием. Он стал спрашивать их об их именах, отечестве и вере; после этого он стал принуждать их принести жертву идолам. Но так как святые не хотели исполнить этого и смело проповедовали Христа, то игемон сначала повелел бить их немилосердно и бесчеловечно, а затем связанных бросил в глубину морскую; но святые, силой Божией, спаслись от потопления, ибо Ангел Господень разрешил узы их и вывел здоровыми на сушу. Игемон, увидев это, повелел привести их к себе и спросил:

— Скажите, каким волшебством вы спаслись из моря? Ибо и я хочу последовать вашему учению.

Они отвечали:

— Мы, христиане, никаких волшебств не знаем и не нуждаемся в них: мы имеем силу Христову, которая избавляет нас от всякой беды и спасает всякого человека, призывающего пресвятое имя Христово.

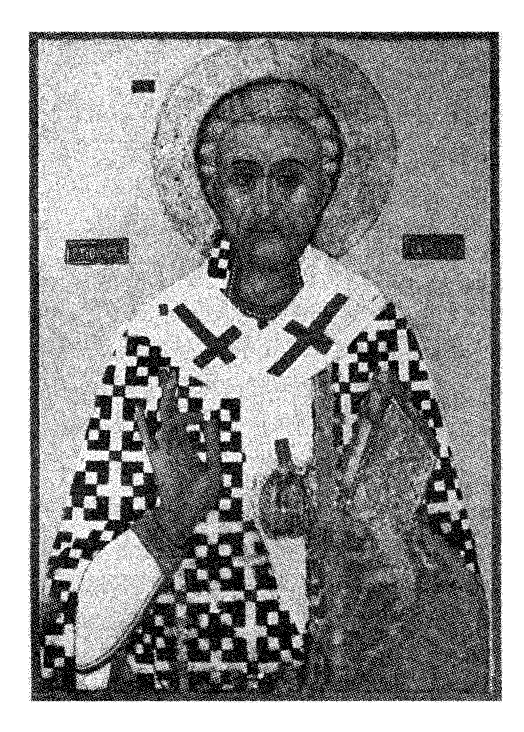
После этого святые были отведены в темницу. На другой день их вывели оттуда, и мучитель повелел ввергнуть их в огонь, но они и в огне остались невредимы, ибо огонь потерял свою естественную силу, не прикоснулся к ним и не повредил им. Игемон, сильно удивившись этому, велел повесить святых врачей и немилосердно мучить их. Затем слуги, по повелению мучителя, стали бросать в святых камнями, чтобы убить их, но камни отскакивали от их тел, как от стены, и попадали в бросающих их и убивали их самих. После этого начали пускать в святых стрелы, но и стрелы, так же как и камни, не повредили тел их и ранили самих же стрелявших. Наконец, игемон, видя, что страдальцы непобедимы, осудил их на усечение мечом. И усечены были за Христа святые бессребреники Косма и Дамиан с другими тремя братьями — Леонтием, Анфимом и Евтропием[1]; все они погребены были вместе. Они не только при жизни, но и после смерти получили дар совершать многие чудеса, являясь болящим и подавая им исцеления. Молитвами их да получим и мы от Христа болезням нашим душевным и телесным исцеление. Аминь.

---

[1] Память их празднуется в тот же день, 17 октября.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО **ЛАЗАРЯ ЧЕТВЕРОДНЕВНОГО**

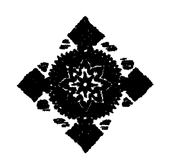
Святой праведный Лазарь, брат Марфы и Марии, жил с сестрами своими недалеко от Иерусалима, в селении Вифания. Лазарь и его сестры удостаивались от Господа Иисуса Христа особенного благоволения (см.: Ин. 11, 3). Во время Своей земной жизни Господь часто посещал их дом в Вифании, Лазаря называл Своим другом (см.: Ин. 11, 11), а незадолго до Своих страданий воскресил Лазаря из мертвых, после того как он находился уже четыре дня во гробе (см.: Ин. 11, 17–44)[1]. После этого события о Лазаре в Священном Писании упоминается еще один только раз, и именно, когда за шесть дней до Пасхи Господь пришел опять в Вифанию, то там был и воскрешенный Лазарь (см.: Ин. 12, 1–2). В то время когда Господь находился в Вифании, многие из иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса Христа, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых. Многие из них убеждались в истине чуда, совершенного Господом, обращались к вере в Него и делались Его последователями. Видя это, первосвященники тогда же положили убить и Лазаря (см.: Ин. 12, 9–11). Более о Лазаре из Евангелия нам ничего не известно. Предание говорит, что Лазарь, по воскресении своем,



[1] Воскрешение Лазаря вспоминается Церковью в субботу 6-й недели (*Лазареву субботу*) Великого поста. Это чудо было одним из величайших чудес Господа Иисуса Христа: оно яснейшим образом свидетельствовало о Божественном Его всемогуществе и владычестве Его над смертью и вместе служило живым знамением общего нашего воскресения и прообразом воскресения Самого Господа.

оставался в живых еще тридцать лет, был епископом на острове Кипре[1], где подобно апостолам много потрудился в распространении христианства и там же мирно скончался.

В IX веке по Рождестве Христовом святые мощи праведного Лазаря были обретены в городе Китии[2], где они лежали в земле, в мраморном ковчеге, на котором было написано: «Лазарь Четверодневный, друг Христов». Честное сокровище это было вынуто из земли и положено в серебряную раку, а при императоре Византийском Льве Мудром перенесено в Константинополь и положено в храме во имя праведного Лазаря, построенном еще императором Василием Македонянином.



---

[1] По преданию, Лазарь, будучи епископом, удостоился посещения Божией Матери и получил от Нее омофор, сделанный Ее пречистыми руками.

[2] *Китий* — город на южном берегу острова Кипра, близ нынешнего местечка *Ларнока*. Это — один из девяти старинных финикийских городов. По нему и весь остров назывался у евреев *Хетим*. Впоследствии, как и другие города Кипра, он был занят греками.

День восемнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА
ЛУКИ

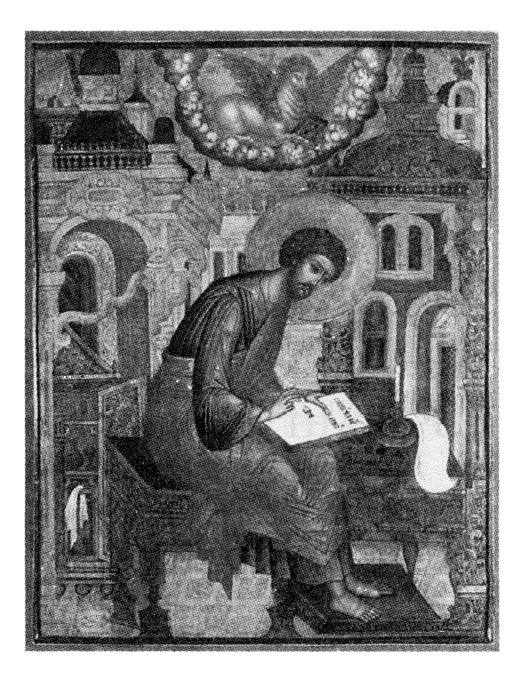
Святой евангелист Лука родился в сирийском городе Антиохии. Родители его не принадлежали к еврейскому племени: об этом свидетельствует отчасти самое имя Лука, сокращенное из латинского слова «Лукан»[1], а в особенности одно место из послания апостола Павла к Колоссянам, где святой Павел ясно отделяет Луку от сущих от обрезания, то есть иудеев (см.: Кол. 4, 10–15). В своих писаниях Лука, однако, обнаруживает обстоятельное знакомство с законом Моисеевым и иудейскими обычаями; поэтому можно думать, что Лука, еще до обращения своего ко Христу, уже принял иудейскую веру[2]. Кроме того, на родине своей, славившейся цветущим состоянием наук и искусств, Лука обогатил свой ум разными научными сведениями. Из послания апостола Павла к Колоссянам мы видим, что Лука изучил врачебное искусство[3]; предание же удосто-

---

[1] Имя *Лукан* — находится в некоторых древних рукописях латинского перевода Евангелия от Луки. Пример подобного сокращения имени можно видеть в имени Силы, которое сокращено из Силуана (см.: Деян. 15, 22; 2 Кор. 1, 19 и др.).

[2] Язычники, принимавшие иудейскую веру, назывались *пришельцами врат*, а кто из них, вместе с верой иудейской, принимал и обрезание, тот назывался *пришельцем правды*. Таковы были в первенствующей Церкви: вельможа эфиопской царицы Кандакии, крещенный апостолом Филиппом (см.: Деян. 8, 27–40); таков был римский сотник Корнилий (см.: Деян. 10, 1–3); таков был один из семи диаконов — Николай, родом, подобно Луке, — антиохиец (см.: Деян. 6, 6) и многие другие (см.: Мф. 23, 15; Деян. 2, 10).

[3] Апостол Павел называет Луку прямо врачом возлюбленным: *Целует вы* — говорит он, — *Лука, врач возлюбленный* (Кол. 4, 14).



веряет нас в том, что он был и живописцем. Несомненно также, что он получил вообще хорошее образование, потому что греческий язык его писаний гораздо чище и правильнее, чем язык прочих новозаветных писателей.

Когда слух о чудесах и учении Господа Иисуса Христа распространился из Галилеи по всей Сирии и всем окрестным местам, тогда и Лука прибыл из Антиохии в Галилею, где Господь Иисус Христос начал сеять семена Своего спасительного учения (см.: Мф. 4, 24–26; Лк. 4, 37). Семена эти нашли для себя в сердце Луки добрую почву и принесли здесь стократный плод. Вскоре святой Лука был удостоен принятия в лик семидесяти апостолов Христовых и, получив от Господа напутственные наставления и власть творить чудеса, стал ходить «пред лицом» Господа Иисуса Христа, проповедуя о наступлении Царствия Божия и уготовляя путь Христу Спасителю (см.: Лк. 10, 1–24)[1].

В последние дни земной жизни Спасителя, когда с поражением Пастыря рассеялись и овцы Его стада, святой Лука находился в Иерусалиме, сетуя и плача о своем Господе, приявшем вольное страдание. Вероятно, во время распятия Его, в числе прочих, знавших Иисуса, стоял и Лука вдали и со скорбью взирал на Распятого (см.: Лк. 23, 49). Но вскоре скорбь его обратилась в радость, ибо Воскресший Господь, в самый день Своего воскресения, утешил Луку, удостоив его Своего явления и беседы, о чем с особенной

[1] Этому преданию не противоречат слова самого Луки, в которых он как бы исключает себя из числа апостолов — самовидцев Слова (см.: Лк. 1, 2). Этими словами святой Лука хочет сказать только, что он не принадлежал к лику двенадцати апостолов, которые, конечно, видели гораздо больше евангельских событий, чем семьдесят учеников Господа, которые шли, во время проповеди Христа, впереди Его.

подробностью и живостью сообщает сам Лука в своем Евангелии (см.: Лк. 24, 13–32)[1]. Скорбя о смерти своего Учителя и недоумевая относительно Его воскресения, о котором ему сообщили жены-мироносицы, шел Лука с другим учеником Господа, Клеопой, из Иерусалима в Еммаус[2], и по дороге в это селение удостоился стать спутником Того, Кто есть путь, истина и жизнь[3]. Оба ученика шли и разговаривали друг с другом, когда к ним приблизился Сам Иисус и пошел с ними. Господь явился им, по сказанию евангелиста Марка, *в ином образе* (Мк. 16, 12), а не в том виде, в каком они знали Его прежде. Кроме того, по особому устроению Божию, *глаза их были удержаны* (Лк. 24, 16), так что они не могли узнать явившегося Господа. Они подумали, что с ними идет один из богомольцев, ходивших на праздник Пасхи в Иерусалим.

— О чем это вы, идя, рассуждаете между собой и отчего вы печальны? — спросил их Господь.

На это Клеопа сказал:

— Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?

— О чем? — спросил снова Иисус.

— Что было с Иисусом Назарянином, — сказали они в ответ, — Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть, и распяли Его. А мы надеялись было, — продолжали свою речь ученики, — что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его, и, придя, сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые из наших ко гробу, и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели.

---

[1] Хотя сам Лука в Евангелии своем не называет при этом себя по имени, но самая подробность его повествования показывает, что он сам был тот другой ученик, имени которого не упомянул. Об этом говорит и церковное предание. И в церковной молитве собирающимся в путь читаем: «Луце и Клеопе в Еммаус спутьшествовавый Спасе сошествуй и ныне рабом Твоим путьшествовати хотящим».

[2] *Еммаус* — селение, отстоящее на шестьдесят стадий (около двенадцати верст) к западу от Иерусалима.

[3] Слова Самого Христа Спасителя, Ин. 14, 6.

Тогда Господь сказал им:

— О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?

И, начав от Моисея, Христос Господь из всех пророков изъяснил им сказанное о Нем во всем Писании.

Так беседуя с Господом, ученики незаметно приблизились к Еммаусу, и так как им приятна была беседа, а их Спутник намеревался, по-видимому, идти далее, то они стали просить Его остаться с ними.

— Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру, — говорили они Ему.

И Он вошел в селение и остановился с ними в одном доме. Когда же Он возлег[1] с ними во время вечери, то, взяв со стола хлеб, благословил, преломил и подал им. Как только Господь совершил это, ученики тотчас же Его узнали. По всему вероятию, это действие Господь и прежде совершал пред учениками, а кроме того, они могли признать Его по тем язвам от гвоздей, которые заметили они на Его руках. Но в это время Господь стал невидим для них, и они сказали друг другу:

— Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? (см.: Лк. 24, 17–32).

Желая поделиться своею радостью с другими учениками Господа, Лука и Клеопа тотчас же встали из-за вечери и отправились в Иерусалим. Там нашли они собранных в одном доме апостолов и других учеников и, конечно, сейчас же возвестили им, что Христос воскрес, и что они видели Его и беседовали с Ним. Апостолы же с своей стороны утешили их, сказав, что Господь воскрес воистину и явился Симону. Затем Лука и Клеопа подробно рассказали апостолам обо всем, происшедшем с ними на пути, и о том, как они узнали Христа Господа в преломлении хлеба. Во время этого разговора внезапно среди апостолов явился Сам Воскресший Господь, преподал им мир и успокоил их смущенные сердца. Для уверения же тех, которые думали, что видят пред собой только призрак своего умершего Учителя, Господь показал язвы от гвоздей на руках и ногах Своих и вкусил пищи. Евангелист Лука здесь снова удостоился слышать от Господа разъяснение всего, что сказано о Нем в Священном Писании Ветхого Завета, и получил дар разумения Писания (см.: Лк. 24, 18–49).

---

[1] Древние иудеи не сидели, а возлежали за трапезой.

После вознесения Господня святой Лука пребывал некоторое время, вместе с другими апостолами, в Иерусалиме, но потом, по свидетельству предания, отправился на свою родину, в Антиохию, где уже было много христиан. По дороге туда он проходил с проповедью город Севастию[1], где находились нетленные мощи святого Иоанна Предтечи. Уходя из Севастии, святой Лука хотел было взять их с собой на родину, но тамошние христиане, усердно почитая Крестителя Господня, не позволили Луке взять святые мощи его. Тогда святой Лука взял от них десную руку, под которую некогда преклонил главу Свою Христос, приемля крещение от Иоанна. С этим бесценным сокровищем святой Лука прибыл на свою родину, к великой радости антиохийских христиан. Отсюда удалился он только тогда, когда стал спутником и сотрудником святого апостола Павла, который, по сказанию некоторых древних писателей, приходился ему даже родственником. Это произошло, впрочем, уже во время второго апостольского путешествия святого Павла[2]. В это время святой Лука вместе с апостолом Павлом отправился на проповедь в Грецию и был оставлен им для утверждения и устроения Церкви в македонском городе Филиппах; святой Лука с этого времени, в течение нескольких лет, трудился в деле распространения христианства в Македонии (см.: Деян. 20, 6)[3].

Когда же апостол Павел, в конце третьего своего апостольского путешествия, снова посетил Филиппы, Лука, по его поручению и по избранию всех верующих, ходил в Коринф для сбора милостыни в пользу бедных христиан Палестины[4]. Собрав милостыню, святой

---

[1] *Севастия* — главный город Самарии.

[2] Это апостольское путешествие продолжалось с 52 по 55 год по Рождестве Христовом.

[3] *Македония* находилась к северу от Греции, между Иллирией, Фракией, Егейским морем и Гетом, или Балканом. Некоторое время она составляла независимое государство, которое особенно возвысилось и прославилось при царе Александре Великом; впрочем, оно также быстро пало, как быстро возвысилось. Во времена апостолов Македония входила в состав Римской империи. Теперь она во власти турок. *Филиппы* — македонский пограничный город, названный так в честь македонского царя Филиппа, который возобновил и укрепил его.

[4] *С ним* (апостолом Титом) *послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование, и притом избранного от церквей сопутствовать нам для этого благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию* (2 Кор. 8, 18–19). Древние толкователи под «братом» разумеют

Лука с апостолом Павлом отправился в Палестину, посещая по пути церкви, находившиеся на островах Архипелага, по берегам Малой Азии, в Финикии и Иудее. Когда апостол Павел был заключен под стражу в палестинском городе Кесарии, святой Лука оставался при нем. Не покинул он апостола Павла и тогда, когда тот отправлен был в Рим, на суд кесаря. Он вместе с апостолом Павлом переносил все трудности путешествия по морю, подвергался опасности потерять даже жизнь[1].

Прибыв в Рим, святой Лука также находился при апостоле Павле и вместе с Марком, Аристархом и некоторыми другими спутниками апостола проповедовал Христа в этой столице древнего мира[2]. В Риме же святой Лука написал свое Евангелие и книгу Деяний святых апостолов[3]. В Евангелии он изобразил земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа не только на основании того, что сам видел и слышал, но и принимая во внимание все то, что предали бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова[4] (см.: Лк. 1, 2). Свя-

---

апостола Луку. Святой Иоанн Златоуст видит здесь указание на посвящение святого Луки во епископа (в слове освящен) по греч. — χειροτονηθείς.

[1] Бедствия этого продолжительного путешествия святой апостол Лука описал в 27-й и 28-й главах книги Деяний.

[2] Это ясно видно из написанных в то время посланий апостола Павла к Колоссянам и Филимону.

[3] Судя по тесной связи между этим Евангелием и книгой Деяний апостольских (см.: Лк. 1, 1–4; Деян. 1, 1), написанною после Евангелия и появившейся в Риме около 63 года, необходимо признать, что между написанием той и другой книги протекло очень немного времени и что Евангелие явилось также в Риме около 61 или 62 года. То же подтверждается и подписями, находящимися на некоторых рукописях. — Как *Евангелие* свое, так и *книгу Деяний апостольских*, святой Лука написал для некоего «державного» Феофила (см.: Лк. 1, 3; Деян. 1, 1). Древнее предание говорит, как о некоем знатном христианине — Феофиле антиохийце, под которым и разумеют того, для которого написаны были святым Лукой Евангелие и Деяния апостольские.

[4] «По сравнению с другими писателями Евангелия святой Лука отличается, — как говорит святой Иоанн Златоуст, — большей полнотой, с какой он объемлет новозаветные события, начиная от рождества святого Иоанна Предтечи, о котором он один только и говорит. Равным образом и последнее евангельское событие — вознесение Иисуса Христа на небо, — у Матфея и Иоанна вовсе не упомянутое, а у Марка упомянутое неподробно, — святой Лука один рассказал подробно». *Святое Евангелие от Луки*, по уставу Православной Церкви, — кроме особенных случаев, — читается на литургии во все дни с 17-й до

той апостол Павел руководил им в этом деле и потом одобрил написанное святым Лукой Евангелие. Точно так же и книга Деяний апостольских написана была, как говорит церковное предание, по повелению апостола Павла[1].

После двухлетнего заключения в узах римских апостол Павел получил свободу и, оставив Рим, посетил некоторые из основанных им прежде Церквей. Святой Лука и в это время точно так же сопутствовал ему. В непродолжительном времени император Нерон воздвиг в Риме лютое гонение против христиан. Апостол Павел в это время в другой раз прибыл в Рим, чтобы своим словом и примером ободрить и поддержать гонимую Церковь и, если угодно будет Богу, разделить с верующими венец мученический. Он был взят язычниками и заключен в узы. Святой Лука и теперь не изменил своему учителю, и один только из всех сотрудников апостола находился при нем в это время, столь тяжкое, что апостол сравнивал себя с жертвой, обреченной на заклание.

— Я уже становлюсь жертвою, — писал апостол Павел своему ученику Тимофею, — и время моего отшествия настало: старайся прийти ко мне скорее. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент — в Галатию, Тит — в Далматию. Один Лука со мной (см.: 2 Тим. 4, 6, 10)[2].

Очень вероятно, что Лука был свидетелем и мученической кончины апостола Павла в Риме. По кончине апостола Павла святой Лука, как говорит церковное предание, благовествовал Христа в Италии, Далмации, Галлии, а в особенности в Македонии, в кото-

---

29-й недели по Пятидесятнице; с 29-й же недели до недели Мясопустной — только во дни субботние и воскресные и в понедельник, вторник и четверток недели Мясопустной.

[1] В книге Деяний святых апостолов Лука подробно описал сошествие Святого Духа на апостолов и подвиги их, совершенные ими по вознесении Господнем для распространения и утверждения веры христианской в Иудее и других странах вселенной. «Преимущественно же святой Лука, — как говорит святой Иоанн Златоуст, — описал здесь деяния святого апостола Павла, любимым учеником и ближайшим сотрудником которого он был».

[2] Может быть, святой Лука, как прежде, так и в это время, своим врачебным искусством облегчал болезни апостола — узника, страдавшего, как говорит церковное предание, головной болью и другими телесными недугами, и за это заслужил от апостола имя *врача возлюбленного*.

рой он и прежде трудился несколько лет, а также и в соседней с Македонией Ахаии[1].

Уже в глубокой старости апостол Лука предпринял путешествие в отдаленный Египет и перенес здесь много трудов и огорчений ради славы святого имени Иисусова. Он пришел в Египет, пройдя предварительно всю Ливию[2], и в Египте — в Фиваиде — многих обратил ко Христу. В городе Александрии он рукоположил во епископа некоего Авилия, на место Анниана, рукоположенного евангелистом Марком и проходившего свое служение двадцать два года. Возвратившись в Грецию, он снова устроил здесь, — преимущественно в области Беотии[3], — церкви, рукополагал священников и диаконов, исцелял болящих телесно и душевно. Подобно своему другу и руководителю — апостолу Павлу, святой Лука подвигом добрым подвизался, течение свое совершил и веру сохранил. Скончался он восьмидесяти четырех лет от роду, в Ахаии, мученической смертью, именно будучи повешен, за отсутствием креста, на оливковом дереве[4]. Честнóе тело его было погребено в Фивах — главном городе Беотии, где его святые мощи, подававшие множество исцелений, находились до второй половины IV века, а потом были перенесены в столицу восточной империи — Константинополь.

О местонахождении мощей святого апостола Луки стало известно в IV веке по тем исцелениям, какие здесь совершались. Особенно много исцелений совершалось здесь над страдавшими глазной болезнью[5]. Сын равноапостольного Константина Великого, император Констанций, узнав от одного ахайского епископа, что тело святого

---

[1] *Далмация* — южная часть Иллирийской провинции, которая граничила на севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем. — *Галлия* заключала в себе земли, лежащие между океаном, Пиренеями, Средиземным морем, Альпами и Рейном. *Ахаия* — область на юге Греции, занимала северную часть полуострова Мореи.

[2] *Ливия* — провинция в Северной Африке. Там было немало греческих колоний (у греков, впрочем, вся Африка иногда называлась Ливией).

[3] *Беотия* — область Средней Греции.

[4] Как свидетельствует святой Григорий Богослов в первом слове на императора Юлиана.

[5] Как бы в ознаменование врачебного искусства апостола Луки, Господь ниспосылал дождем на место погребения святого апостола целительный «каллурий», то есть лекарственную примочку от глазной болезни.

Луки почивает в Фивах, послал правителя Египта Артемия[1] перенести мощи святого Луки в столицу, и тот с великим торжеством совершил это перенесение[2].

Во время перенесения святых мощей Луки с берега моря в храм совершалось такое чудо. Некто Анатолий, евнух (из царских постельничих), был болен неизлечимой болезнью. Он много истратил денег на врачей, но исцеления получить не мог, и теперь, с верой в чудодейственную силу честных мощей апостола Луки, стал молить святого об исцелении. При этом он подошел к честнóй раке святого и, сколько у него было сил, помогал нести ее. И что же? Болезнь оставила его, как только он прошел так несколько шагов. После этого он с радостью нес честную раку до храма святых апостолов, где мощи святого Луки были положены под престолом, вместе с мощами святых апостолов Андрея и Тимофея[3]. Здесь святые мощи были источником чудес и с особенной любовью были чествуемы православными христианами.

Древние церковные писатели сообщают, что святой Лука, удовлетворяя благочестивому желанию первенствующих христиан, первый написал красками образ Пресвятой Богородицы, держащей на руках Своих Предвечного Младенца, Господа нашего Иисуса Христа, а потом написал и иные две иконы Пресвятой Богородицы и принес их на благоусмотрение Богоматери. Она же, рассмотрев эти иконы, сказала:

— Благодать Родившегося от Меня и Моя милость с этими иконами да будут[4].

---

[1] Артемий скончался мученической смертью при императоре Юлиане Отступнике; память его — 20 октября.

[2] Перенесение мощей святого Луки Церковь воспоминает 22 апреля.

[3] *Святой Андрей Первозванный* — апостол из лика двенадцати. — *Святой Тимофей*, апостол из лика семидесяти, был епископом в городе Ефесе (в Малой Азии).

[4] Православная Церковь, чествуя святые иконы Богоматери, взывает к Ней так в своих песнопениях: «Первее написавшейся твоей иконе, Евангельских таин благовестником, и к Тебе, Царице принесенней, да усвоиши ту, и сильну соделаеши спасти чествующия Тя, и порадовалася еси, яко сущи милостива, спасения нашего содетельница» (Стихира из службы Казанской иконе Богоматери, 22 октября.) В Москве, в Успенском соборе, хранится (Владимирская) икона Божией Матери, которую, по преданию церковному, написал также святой Лука.

Святой Лука написал также на досках и изображения святых первоверховных апостолов Петра и Павла и этим положил начало доброму и досточестному делу — писанию святых икон во славу Божию, Богоматери и всех святых, на украшение святых церквей и на спасение верующих, благочестно почитающих эти святые иконы. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ИУЛИАНА

Преподобный Иулиан родился от незнатных и небогатых родителей. В юности своей он не получил внешнего образования, но приобрел истинное познание Христовой веры не на словах только, но на деле.

Достигнув совершеннолетнего возраста, Иулиан удалился из мира и поселился в одной пещере, находившейся в Парфянской пустыне[1]. Здесь он старался по возможности обуздать все свои житейские похотения и возвыситься над всем скоропреходящим и тленным, для чего он только однажды в неделю принимал хлеб с солью и водой. Утешением же и духовным питанием для него служили псалмы святого пророка и царя Давида и непрерывное размышление и молитвенная беседа с Богом.

Как светильник, поставленный на вершине горы, не может быть скрыт, так и праведная жизнь святого не могла укрыться от людей. Молва о святом подвижнике скоро достигла до слуха людского, и вскоре к Иулиану собралось много лиц, желающих проводить свою жизнь под руководством и по примеру жизни святого. Испросив позволение у святого отца, они поселились около его пещеры в палатках, сделанных ими, и стали подвизаться под руководством мудрого наставника.

Недолго прожил вместе с пришедшими святой Иулиан. Желая проводить жизнь в полном уединении и молитве, он оставил братию

---

[1] Пустыня эта простиралась от Парфянской страны до берегов реки Евфрата.

и удалился за пятьдесят верст в глубь пустыни, где и стал проводить вполне уединенную жизнь, и только изредка, ради научения, приходил к оставленной им братии.

Однажды, когда святой, преподав наставление братии, намеревался отправиться в пустыню, его усердно стал просить взять с собой юноша, по имени Астерий, воспитанный в неге, но имевший такое усердие к благочестию, которое превышало еще его силы. Иулиан сначала отговаривал этого юношу от трудного путешествия в пустыню, где при этом даже не было воды, но, убежденный его желанием, склонился на его просьбу и взял его с собой. С радостью последовал за старцем Астерий; по прошествии же трех дней он ослаб и стал изнемогать от жажды. Наконец, обессиленный, он стал умолять святого старца, чтобы Иулиан сжалился над ним и облегчил его положение. Святой позволил ему идти назад, но Астерий был настолько обессилен, что не мог уже идти; притом он и не знал, как возвратиться к пещере. Тогда человек Божий, тронутый страданием своего спутника, снисходя к слабости его, преклонив колена, так усердно молился Богу о спасении юноши, что даже оросил землю слезами. Молитва святого была услышана; капли слез его, упавшие на землю, извели из нее водный источник.

Говоря о высоком достоинстве молитвы Иулиана, нельзя не упомянуть и о кротости его, свидетельством которой был такой случай. Однажды Астерий, вышеупомянутый ученик святого Иулиана, сделавшийся уже сам подвижником и руководителем других и нередко посещавший своего любимого учителя, в знак усердия к нему, принес на плечах своих в дар ему большой мешок смокв; он нес на себе эту тяжесть в продолжение семи дней пути. Смущенный и огорченный тем, что ради него другой человек так утрудил себя, Иулиан не захотел воспользоваться его трудом и отказался принять приношение. Когда же Астерий стал уверять старца, что не сложит тяжести с своих плеч, пока тот ни согласится принять приношение, тогда преподобный, хотя и тяготился принять пищу, добытую трудом другого, но, увидев искреннее желание услужить ему, принял эту услугу.

— Исполню требование твое, — сказал тогда святой, — только сложи поскорее с себя эту тяжесть.

Во время войны императора Юлиана Отступника с персами многие верующие, зная преподобного как верного раба Божия, просили

у него молитв о низложении этого врага христиан. Преподобный десять дней молился об освобождении от злого мучителя и, наконец, услышал голос:

— Нечистое и мерзкое животное погибло.

Окончив молитву, преподобный с радостью возвратился к братии. На вопрос их о причине его радости Иулиан отвечал:

— Братие, настоящее время есть время благодушия и радования: нечестивца не стало; восставший против Господа получил достойное поражение от преследовавшей его руки. Поэтому-то я и радуюсь, видя, что гонимые им Церкви торжествуют и отступник не получил никакой помощи от демонов, которых чтил[1].

Немало трудов положил святой Иулиан для борьбы с распространившейся в то время арианской ересью. С этой целью он, любитель безмолвной пустыни, расстался с ней, чтобы не умолчать об истине.

Ариане, для распространения своего лжеучения, распустили в Антиохии молву, что преподобный Иулиан держится догматов, проповедуемых ими. Тогда Акакий и Астерий, ученики святого, побуждаемые благочестивыми мужами Флавианом и Диодором, отправились к Иулиану, чтобы он пришел на помощь к православным, погибающим от обольщения. Придя к святому, они рассказали ему, что претерпевают христиане от ариан[2]. Услышав это, старец тотчас отправился в Антиохию. Дойдя к ночи до одного селения, он остановился на отдых в доме одной благочестивой женщины, имевшей семилетнего сына. В то время, когда святой вечерял, сын ее, выйдя незаметно из-за трапезы, упал в колодезь. Благочестивая женщина, узнав об этом, не высказывала никакого смущения и, приказав закрыть колодезь, продолжала служить святому. Так велика была ее вера, что в присутствии молитвенника, известного уже даром чудотворений, не могло произойти несчастья в ее доме. И Господь совершил по вере ее.

Когда, перед вкушением пищи, святой спросил об отроке, хозяйка дома отвечала:

— Какая-то болезнь напала на него, и он лежит.

---

[1] Смерть Юлиана последовала в 363 году.

[2] Положение православных было тягостным главным образом потому, что на императорском престоле в то время был арианин Валент (364–378 гг.), который старался разными стеснительными мерами распространить арианство.

Святой стал настаивать, чтобы отрок вышел к нему и получил благословение. Тогда хозяйка принуждена была рассказать о случившемся несчастье. Святой тотчас же вышел и, сняв крышку с колодца, увидел отрока, носимого водой, совершенно здоровым и, подав ему руку, вытащил его из колодца. Когда отрока стали расспрашивать о том, что с ним было, он сказал:

— Ничего дурного я не испытал, так как святой старец носил меня по воде, не допуская утонуть.

Отсюда преподобный отправился в Антиохию и поселился в той пещере, в которой некогда скрывался святой апостол Павел. Большая толпа собралась около пещеры, чтобы получить утешение и благословение от святого, но он, одержимый лютой «огневицей» (горячкой), лежал в забытьи. Наконец, он пришел в себя, помолился сам о себе — и тотчас болезнь оставила его. Тогда, выйдя к ожидающим, он смиренно сказал:

— Если вам полезно мое благословение, Бог да подаст вам.

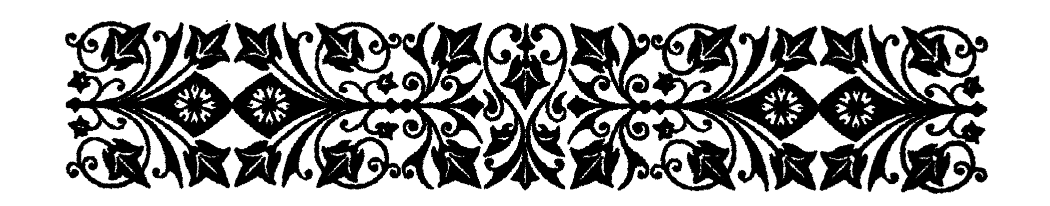
Здесь святой подвижник производил не только телесные, но и духовные врачевания словом своим, и вскоре клеветники были обличены и посрамлены, а приверженцы истины — успокоены и обрадованы.

Однажды встретился ему на пути больной, лежавший при дороге, который, прикоснувшись края его одежды, тотчас встал и пошел за ним, как хромой за Петром и Иоанном (см.: Деян. 3, 1–11). Преподобный возвратил болящему не только телесное здоровье, но и утвердил его в православной вере.

Затем он возвратился в свою пустыню и, пребыв там до глубокой старости, мирно отошел ко Господу[1].

В тот же день **страдание мученика Марина-старца**, пострадавшего при Диоклетиане в городе Тарсе.

[1] Преподобный Иулиан скончался в конце IV века.



День девятнадцатый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ПРОРОКА ИОИЛЯ

Пророк Иоиль — один из двенадцати малых пророков — был сын Вафуила[1]. По древнему преданию, записанному у святого Ефрема Сирина, также Епифания и Дорофея, пророк Иоиль происходил из Заиорданской области[2] и жил в городе Вефороне или Вефаре[3].

Поводом к произнесению пророческих речей для Иоиля послужило великое бедствие, постигшее царство Иудейское[4]. Продолжительная засуха и налетавшая в громадном количестве саранча совершенно разорили Иудейскую страну. При таком бедствии, даже сильные верой упали духом, не говоря уже о малодушных. И вот, пророк Иоиль призывает народ обратиться к Иегове[5] с молитвой о помощи, ибо *близок день Господень* (Иоил. 2, 1). День этот будет днем страшных бедствий. Образом и предвестником его служат постигшие Иудею несчастья (саранча и засуха). Пред наступлением того дня поколеблются небо и земля, померкнут все светила небесные, и тогда явится

---

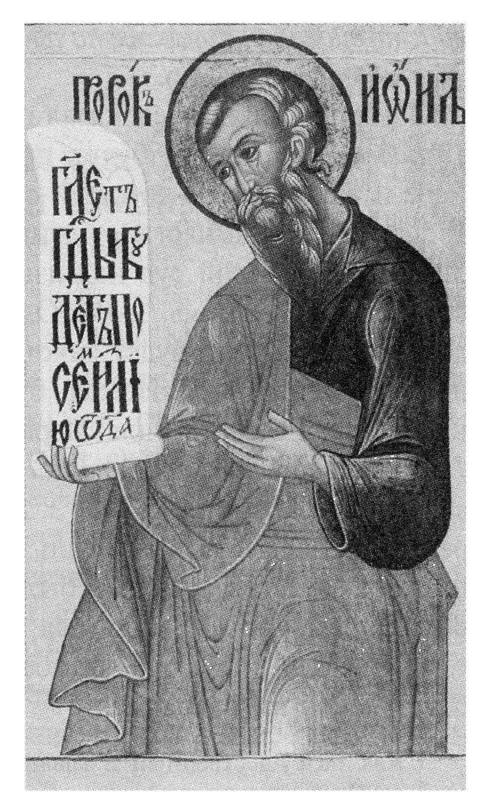
[1] Так называет себя сам пророк Иоиль (см.: Иоил. 1, 1).

[2] Из колена Гадова или Рувимова.

[3] *Вефорон* (Беф-Орон) — город на границе колена Ефремова и Вениаминова.

[4] Пророческое служение свое Иоиль проходил в царстве Иудейском, и вся его деятельность относится к первым двадцати пяти годам царствования Иоаса, то есть к 868–843 годам до Рождества Христова.

[5] *Иегова* (слав. *Сый*, русск. *Сущий*) — одно из имен Божиих. Оно означает самобытность, вечность и неизменяемость Существа Божия и постоянно употребляется в Священном Писании об одном истинном Боге.



Иегова со Своим великим воинством. Но еще и теперь, вразумлял Иоиль, есть средство избавиться от столь великих бедствий: как настоящих (саранча и засуха), так и грозящих в будущем (день Господень). Нужно обратиться к Иегове всем сердцем, и Господь избавит тогда Свой народ от великих бедствий. Пусть же будет назначен, говорит пророк, всеобщий пост и все, без исключения, соберутся в храм. Пусть тогда священники воззовут к Господу от лица всего народа: *пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы; для чего будут говорить между народами: где Бог их?* (Иоил. 2, 17).

Народ еврейский внял голосу пророка и обратился к Иегове с молитвой о помощи, и Господь пощадил народ Свой. Устами пророка Своего Иоиля Господь обещает народу, за его обращение, благоденствие и обилие земных благ. Господь пошлет благовременный дождь и на пастбищах произрастет трава, деревья принесут обильные плоды, гумна наполнятся хлебом, а точила — виноградным соком. Тогда сыны Израилевы узнают, что Иегова не оставит Своего народа и не допустит людей Своих до посрамления (см.: Иоил. 2, 19–27).

Милость Господня к обратившемуся к Нему народу еврейскому не ограничится, по предсказанию Иоиля, дарованием только земных благ: народу Божию дается и духовное обетование. Пророк провидит отдаленные, благодатные времена Мессии. Настанет время, когда излиется Дух Святой на всякую плоть без различия пола, возраста и состояния. *Излию,* — говорит Господь устами пророка, — *от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут*

видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего (Иоил. 2, 28–29).[1]

Пророк Иоиль предсказал и о наступлении всеобщего Суда (*день Господень*), которому будут предшествовать страшные явления на небе и на земле и в который спасется только тот, кто призовет имя Господне[2]. Когда настанет день Господень, Иегова произведет в долине Иосафатовой суд над язычниками и страшное наказание постигнет их (см.: Иоил. 3, 19). Однако — страшный для язычников — день Господень не будет таковым для Израиля. Для него он будет днем спасения, ибо Иегова будет его защитой и обороной. Тогда настанет блаженство для Израиля, а все враги Израиля погибнут: *Иудея же во веки населится, и Иерусалим — в роды родов, и Господь вселится в Сионе* (слав. Иоил. 3, 20–21). Так утешительно оканчивается речь пророка Иоиля. Израиль, при всех своих бедствиях, постигавших его отечество, должен был находить отраду и утешение в таком обетовании. Он мог надеяться, что Иегова, многомилостивый и долготерпеливый, не забудет Своего народа и избавит его, в каком бы бедствии он ни находился.

---

[1] Как на существенный и главный момент исполнения этого пророчества, апостол Петр указывает на сошествие Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы (см.: Деян. 2, 14). Когда народ, в день сошествия Святого Духа, слыша апостолов, говорящих иными языками, с недоумением спрашивал: «Что это значит?» — святой апостол Петр обратился к окружающим с речью, в которой сказал, что это чудесное явление было предсказано еще Иоилем, и буквально привел все пророчество последнего. Указав затем на исполнение пророчества Иоиля, апостол Петр продолжал: (после того, как слушающий его народ обратился к апостолам с вопросом: «что же нам делать, мужи, братия?») — *покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и полу́чите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш* (то есть и язычников) (Деян. 2, 37–39). Итак, исполнение предсказания об излиянии Святого Духа, то есть о богатом подаянии Его даров, началось со дня первой христианской Пятидесятницы и будет продолжаться во все время, пока не войдет в Царство Христово полное число язычников (*исполнение языков*. — Рим. 11, 25). — Глава 2 из книги пророка Иоиля читается в церкви на паремии в день Пятидесятницы.

[2] *Всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2, 32). Апостол Павел эти слова пророк Иоиля прилагает к язычникам. *Здесь* (то есть в христианстве), — говорит он, — *нет различия между иудеем и язычником, потому что один Господь у всех богатый для всех призывающих Его, ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Рим. 10, 12–13).

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
УАРА
и с ним семи учителей христианских и память блаженной Клеопатры и сына ее Иоанна

В царствование нечестивого Римского царя Максимиана в главном городе Египта, Александрии, жил один воин, по имени Уар, тайно служивший Царю небесному: он, страшась беззаконных идолопоклонников, скрывал до времени свою веру в истинного Бога, но обнаружил ее потом для всей вселенной, когда за Христа он сделался ***позорищем***[1] ***для Ангелов и человеков*** (1 Кор. 4, 9).

В то время Максимиан воздвиг гонение на христиан и послал во все подвластные ему страны указ о том, чтобы умерщвлять всех христиан, которые откажутся принести жертву богам. Дошло это повеление и до стран египетских, и здесь кровь христианская стала проливаться нещадно, ибо все, поклоняющиеся Творцу, а не твари, были подвергаемы разнообразным мучениям.

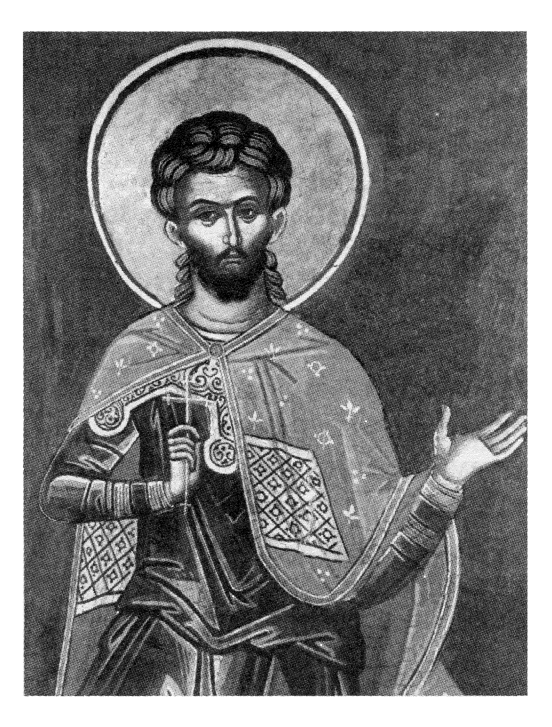
Уар в то время обходил по ночам темницы, в которых верующие были содержимы за исповедание ими Христа, и, покупая себе золотом у стражей вход к ним, лобызал узы святых мучеников, омывал кровь их, обвязывал их раны, приносил им пищу и умолял их, чтобы они исходатайствовали ему милость у Господа.

Однажды были взяты, скрывавшиеся в пустынях, семеро учителей христианских[2] и приведены к наместнику Египта. Наместник, допросив их и узнав, что они тверды в вере, немало мучил их и потом, связав, бросил их в темницу. Узнав об этом, Уар, по своему обыкновению, поспешил ночью к той темнице, в которую были ввержены святые, и, дав сторожам золота, вошел к святым. Развязав узы на руках их и освободив ноги их из колоды[3], он предложил им

[1] *Позорищем* — предметом внимания, зрелищем.

[2] То есть отшельников, у которых приходили искать наставлений христиане-миряне.

[3] Доска деревянная, в которой были сделаны отверстия для рук, ног и даже головы и которая надевалась на заключенных в темнице, чтобы воспрепятствовать их побегу.



пищу и умолил их, чтобы те вкусили ее, ибо они уже целых восемь дней ничего не ели. В то же время, припадая к ногам их, он лобызал их и восхвалял страдания их, говоря:

— Блаженны вы, добрые и верные рабы Господа, имеющие войти в радость Господа своего, потому что вы стояли за Него даже до крови (см.: Евр. 12, 4)[1]. Блаженны вы, добрые подвижники, которым плетутся на небе рукой Вышнего венцы, потому что *с терпением* проходите *предлежащее нам поприще* (Евр. 12, 1), и наутро, как я твердо знаю, вы закончите свои страдания. Блаженны вы, страстотерпцы Христовы, которым открыто небесное Царство, ибо вы страдаете со Христом, пострадавшим за нас; *с Ним* страдаете, *с Ним и прославитесь* (Рим. 8, 17). Прошу вас, святые угодники Божии, — помолитесь за меня Владыке Христу, чтобы Он оказал мне милость; ибо и я хотел бы пострадать за Него, но не имею для этого такой твердости: я боюсь тех мучений, которые, как вижу, испытываете вы.

Святые же отвечали:

— Никто, возлюбленный, не может достигнуть совершенства, имея в сердце страх, никто не пожинает, если не посеет, никто не увенчается, если не пострадает. Вспомни слово Евангелия: *кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим небесным* (Мф. 10, 33); если ты боишься временной муки, то не избежишь вечной; если страшишься исповедать Христа на земле, то не будешь насыщаться видением лица Его на небе. Иди же, брат, и шествуй с нами путем мученичества ко Владыке, взирающему на наши подвиги; пострадай вместе с нами, ибо другую такую дружину ты найдешь не скоро.

[1] То есть пролили за Христа кровь свою.

Слыша такие речи, Уар воспылал любовью к Богу и почувствовал в себе силу претерпевать всякие страдания за имя Христово. Всю ночь ту он провел в темнице со святыми мучениками, внимая с наслаждением их наставлениям.

Когда наступило утро, слуги наместника пришли в темницу, чтобы взять святых мучеников на суд; здесь они нашли Уара, который сидел вместе с узниками и с умилением слушал речи их. С удивлением они сказали ему:

— Что делаешь ты здесь, Уар? В себе ли ты, что позволяешь себя обольщать баснями этих лукавых людей? Разве ты не боишься, что, если кто скажет об этом наместнику и вельможам, ты потеряешь не только военный чин, но даже лишишься и жизни?

Уар отвечал:

— Кто же из нас донесет на меня наместнику? Ведь вы мне друзья. А если и донесете на меня, то я готов умереть за Христа вместе с христианами.

Тогда слуги замолчали и взяли шестерых мучеников; седьмой же, изнемогший от ран, остался в темнице и, скончавшись, отошел ко Христу, уступая свое место Уару, чтобы он, заняв его место, закончил его страдания.

Когда связанные святые приведены были к наместнику, сидевшему с торжеством на судейском месте, то их стали принуждать к принесению жертвы идолам, и так как они не повиновались, то были обнажены и биты без милосердия по тем местам, которые были уже изранены прежде. Наложение новых ран на старые усиливало их страдания, но они терпели, говоря только:

— Мы — христиане.

После этого наместник, взглянув на них, сказал:

— Не семеро ли их было? А теперь их только шесть; где же седьмой?

Только что наместник сказал это, как святой Уар, пришедший туда, исполнился Божественной ревности, стал посредине и сказал:

— Седьмой — я; ибо один уже скончал течение — предстал Христу, меня же оставил после себя наследником своих страданий. Поэтому, что он был тебе должен, то я готов отдать за него; я хочу вместо него пострадать с ними добрыми страдальцами за Христа, ибо я — христианин.

Наместник же, услышав эти слова, спросил у стоявших пред ним:

— Кто это такой?

Те сказали:

— Воин Уар, начальник Хианинской спиры[1].

Наместник удивился и сказал Уару:

— Какой демон научил тебя идти на верную погибель? Ведь ты утратишь воинскую честь, лишишься принадлежащих тебе преимуществ и подвергнешь жизнь свою великим бедствиям.

Блаженный Уар отвечал:

— Хлеб, сшедший с неба, и Божественную чашу драгоценнейшей Крови Господа моего я предпочитаю твоим почестям и доходам; для меня нет ничего любезнее Христа моего. Без Него мне не дороги: ни честь ваша, ни мой сан, ни большие доходы, даже сама жизнь. Ибо честь свою я вижу в том, чтобы страдать за Христа, приобретение свое — в том, чтобы всего лишиться ради Христа, жизнь нахожу в том, чтобы умереть за Христа.

Наместник же, бросив яростный взгляд на шестерых мучеников, сказал:

— Это ваше дело, нечестивые обманщики. Это вы прельстили этого царского воина, вы свели его с ума своим волшебством. Поэтому — клянусь моими великими богами! — я погублю прежде вас, чем его, и отплачу вам за то бесчестие, какое вы нанесли богам нашим; вы недостойны оставаться в живых, потому что хулите бессмертных богов и других каким-то обольщением заставляете делать это злое дело.

Святые отвечали:

— Мы не прельщали Уара, но избавили его от прельщения; мы не сводили его с ума, а, напротив, вразумили его. Бог же ниспослал ему крепость и мужество для совершения подвига, чтобы вместе с ними победить вашу и богов ваших ничтожную силу; подожди немного, и ты увидишь мужество его в служении Христу, ибо мы причислили его к ангельскому воинству. Ты хвалишься тем, что можешь погубить нас? А мы того именно и желаем, чтобы положить свои головы за Господа всех людей.

---

[1] Точнее (с греческого): из Тианской когорты (часть полка). *Тиана* — город в Египте (Tyanis). Когорты римские носили имена городов, из жителей которых они набирались.

Наместник сказал тогда:

— Тотчас же раздроблю на части тела ваши, если не поклонитесь богам египетским!

Святые отвечали:

— Мы отрекаемся от богов, которые не сотворили неба и земли (см.: Иер. 10, 11).

Блаженный же Уар, желая еще более прогневать наместника, сказал ему:

— *Невежда говорит глупое*, — говорит Исаия пророк (Ис. 32, 6)[1]. Вот, тела их лежат простертыми пред тобой — делай же с ними, что хочешь!

Наместник, разгневавшись, повелел Уара обнажить и повесить на дереве, чтобы начать его мучение, святым же сказал:

— Посмотрим, кто кого победит — вы нас, принимая мучения, или мы вас, причиняя их вам. Клянусь, что если вы победите нас своим терпением, то я отрекусь от богов моих и стану веровать в вашего Христа.

Святые отвечали:

— Испытай твою силу на одном из нас: если победишь одного, то и относительно прочих можешь иметь такую же надежду.

Уар же, которого начали уже мучить, сказал святым мученикам:

— Святые страстотерпцы! Благословите меня, раба вашего, чтобы я сподобился вашей участи. Помолитесь за меня Владыке Христу, чтобы Он подал мне терпение, ибо Он ведает нашу природу, что дух наш бодр, плоть же немощна (см.: Мф. 24, 41).

Святые, возведя очи свои на небо, усердно молились за него, а Уара в то время слуги начали бить по всему телу палками. Когда Уар терпел эти побои, наместник сказал:

— Скажи теперь, Уар, какая тебе польза от твоего Христа?

Уар мужественно отвечал:

— Несравненно большая, чем тебе от твоих бесов.

Святые же в это время ободряли Уара, взывая к нему:

— Мужайся, Уар, и будь тверд, ибо Христос стоит пред тобой, невидимо тебя укрепляя.

Уар отвечал:

---

[1] То есть от глупого можно услышать только глупые речи.

— Воистину я ощутил помощь моего Владыки, ибо считаю муки за ничто.

Мучители тогда стали строгать его тело железными ножами и скребками, а потом, прибив его гвоздями к дереву вниз головой, сдирали со спины его кожу, а по чреву его до тех пор били суковатой палкой, пока оно не расторглось и все внутренности не выпали на землю. Святые мученики, увидев, как выпали у него внутренности, заплакали, и мучитель, при виде плачущих мучеников, воскликнул громко:

— Вот вы побеждены, вот вы изнемогли; вы плачете, боясь мучений. Чего же еще надобно вам, для того чтобы узнать, что Христос не может избавить вас из рук наших? Вам остается теперь только поклониться богам нашим.

Святые же отвечали:

— Зверь, а не человек! Мы не побеждены, а, напротив, сами побеждаем при помощи укрепляющего нас Иисуса; если же мы заплакали, то не потому, что боимся мучений, но от естественной любви к нашему брату, которого ты бесчеловечно мучаешь; в душе же мы радуемся, видя, что доброму страстотерпцу уже уготован венец.

Наместник повелел тогда вести их в темницу, и когда Уар, висевший на дереве и терпевший мучения, увидел, что святых в цепях влекут в темницу, то возопил:

— Учители мои! Помолитесь за меня в последний раз Христу, ибо я уже разлучаюсь от тела; вас же благодарю за то, что вы привели меня к вечной жизни.

Пребыв в мучениях около пяти часов, святой Уар предал честную и святую душу свою в руки Господа[1]. Мучители же, считая его еще живым, били и мучили его охладевшее тело, а потом, заметив, что он уже умер, сняли его с древа и, по повелению мучителя, вытащив его вон из города, бросили его на съедение псам, на то место, куда бросали трупы животных.

Одна благочестивая вдова, по имени Клеопатра, родом из Палестины, муж которой был военачальником в Египте и которая имела сына, еще малого отрока, по имени Иоанна, со скорбью смотрела издалека на страдания Уара. Когда тело святого было брошено вне города, она ночью взяла с собой несколько рабов своих и тайно

[1] Кончина святого Уара последовала в 307 году.

унесла многострадальное тело святого Уара; принеся его в дом свой, она выкопала могилу для него в своей спальне, пред постелью своей, и там положила его.

На следующее утро наместник вывел из темницы прочих страдальцев и, долго мучив их, усек мечом и бросил за городом непогребенными; тела их, также ночью, некоторые тайные исповедники Христовой веры предали погребению. Клеопатра же все время возжигала над гробом святого Уара свечи и совершала каждение, почитая его своим великим заступником и ходатаем пред Богом.

Когда прошло несколько лет и гонение утихло, Клеопатра пожелала воротиться в свое отечество и долго размышляла о том, как бы ей унести с собой мощи святого Уара. Наконец, приготовив ценный подарок, она обратилась к наместнику чрез одного ходатая с такой просьбой:

— Муж мой был военачальником и умер здесь на царской службе; окончательному погребению он еще не предан, ибо в чужой стране нельзя его похоронить так, как прилично хоронить важного военачальника; я же, оставшись вдовой в чужой стороне, хочу возвратиться в свое отечество к своим родным. Поэтому позволь мне, господин мой, взять с собой останки любимого мужа моего и предать их с почетом погребению в моем отечестве, в гробнице моих предков, ибо я не хочу и по смерти с ними разлучаться.

Так поступила эта женщина ввиду того, что христиане, узнав, что она выносит из их города мощи святого мученика, могли бы воспрепятствовать ей в том и отнять у нее это драгоценное сокровище. Наместник же, приняв подарок, разрешил ей увезти тело ее мужа, и она, взяв вместо него мощи святого Уара, принесла их, как некую драгоценность, из Египта в Палестину и в своем селении, называемом Эдра, которое находилось около Фавора, положила с своими предками. Всякий день она ходила на гробницу святого, совершала там каждение и ставила свечи, а, по ее примеру, и другие христиане, жившие там, начали с ней приходить к гробнице святого и приносить туда своих недужных, которые, по молитвам святого Уара, получали при гробе его исцеления. И распространилась слава о святом Уаре по всем окрестным местам, и все с верой притекали к гробнице его.

Клеопатра, видя, что христиане собираются для молитвы ко гробу святого, решила построить храм во имя его и начала приводить свое

решение в исполнение. К этому времени сын ее, Иоанн, достиг семнадцатилетнего возраста, и Клеопатра старалась достать ему место в царском войске[1]; при помощи некоторых ходатаев, она испросила у царя почетную должность в войске для своего сына; он был зачислен в военную службу и получил знаки своего достоинства в то самое время, когда начато было строение церкви во имя святого Уара. Клеопатра сказала тогда:

— Сын мой до тех пор не будет служить в царском войске, доколе не окончится построение дома Божия; ибо я хочу, чтобы он вместе со мной понес одр святого мученика, а потом уже исполнил царское повеление.

Когда закончилось построение храма, Клеопатра призвала епископов, священников и иноков и, взяв из гроба честны́е мощи святого мученика, положила их на драгоценном одре, вверху же мощей — пояс и одежду воинскую, в которую должен был облечься ее сын, чтобы они освятились от прикосновения к мощам святого; в то же время она усердно молила святого, чтобы он был помощником ее сыну, которого благословили все собравшиеся святители и священники. Собралось тут и бесчисленное множество христиан, и одр с мощами понесли в церковь, — несла мощи и Клеопатра с сыном. По освящении храма мощи святого положили под престолом, на котором стали совершать Божественную литургию[2]. Клеопатра же, припав к мощам святого Уара, молилась такими словами:

— Молюсь тебе, страстотерпче Христов, испроси для меня у Бога то, что будет угодно Ему и полезно мне, а также и единственному сыну моему; я не имею просить более того, что хочет Сам Господь; Он Сам знает, что нам полезно, и пусть совершается над нами Его благая и совершенная воля!

По окончании святой службы Клеопатра устроила богатое угощение для всех собравшихся и сама вместе с сыном служила своим гостям. В это время сын ее, служа гостям, внезапно заболел и пошел лечь на одр свой. Когда все гости встали из-за обеда, Клеопатра стала звать своего сына, чтобы он вкусил от остатков трапезы, но

---

[1] В этом возрасте юноши обыкновенно зачислялись в военную службу.

[2] И в настоящее время, при устроении православных храмов, соблюдается этот древнейший обычай — воздвигать престолы на мощах мучеников.

Иоанн не мог сказать ни слова, сжигаемый огнем горячки. Увидев, что сын ее заболел, мать сказала:

— Свидетель мне Господь, что я не вложу куска хлеба в уста свои, доколе не увижу, чем кончится болезнь моего сына!

Она села около него, охлаждая, чем возможно, сжигавший его жар болезни и скорбя о своем единственном сыне. В полночь отрок умер, оставив свою мать в безутешном горе. С плачем устремилась она тогда в храм святого Уара и, припав к его гробнице, воскликнула:

— Так-то отплатил ты мне, угодник Божий, за то, что я столько потрудилась для тебя? Такую-то помощь ты оказал мне тогда, как я для тебя презрела своего мужа и возлагала на тебя всю свою надежду? Ты допустил умереть моему единственному сыну, погубил мою надежду, отнял у меня свет очей моих. Кто теперь пропитает меня в старости? Кто закроет мне очи по смерти? Кто погребет мое тело? Лучше бы мне умереть самой, чем видеть мертвым моего сына, как цветок, увядший прежде времени. Отдай же мне моего сына, как никогда Елисей соманитянке (см.: 4 Цар. 4), или же и меня тотчас возьми отсюда, ибо мне от горькой моей печали жизнь стала в тягость.

Пребывая с плачем у гроба святого, она на краткое время от крайней усталости и великой скорби погрузилась в сон. В сновидении пред ней явился святой Уар, держа за руку ее сына; оба они были светлы как солнце и одежды их были белее чем снег; на них были золотые пояса и венцы на головах, красоты несказанной. Увидев их, блаженная Клеопатра бросилась к ногам их, но святой Уар поднял ее, говоря:

— О женщина, что ты жалуешься на меня? Ужели я забыл твои услуги, какие ты оказала мне в Египте и во время путешествия? Или ты думаешь, что я не чувствовал ничего, когда ты взяла мое тело из груды трупов скота и положила меня в своей комнате? Разве я не внимаю всегда твоим молитвам и не молюсь за тебя Богу? И прежде всего я умолил Бога о сродниках твоих, с которыми ты положила меня в гробнице, чтобы им были отпущены грехи их. Потом я взял на служение небесному Царю твоего сына. Не ты ли сама просила меня здесь, чтобы я испросил для тебя у Бога то, что Ему угодно и полезно тебе и твоему сыну? Итак, я просил Всеблагого Бога, и Он

соблаговолил по неизреченной Своей благости на то, чтобы твой сын был принят в небесное Его воинство; и вот сын твой, как ты видишь, теперь стал одним из предстоящих престолу Божию. Если же хочешь, возьми его обратно и пошли его на службу к царю земному и временному; вижу, что ты не хочешь, чтобы он служил Царю небесному и вечному.

Отрок же, сидевший на руках Уара, обнял его и сказал:

— Нет, господин мой! Не слушай матери моей — не отдавай меня в мир, полный неправды и всякого беззакония, откуда я спасся благодаря твоему заступничеству; не лишай меня, отче, общения с тобой и со святыми.

Потом, обращаясь к матери своей, он сказал:

— Что ты так плачешь, мать моя? Я причислен к воинству Царя — Христа и мне дано право предстоять Ему на небе вместе с Ангелами, а ты теперь просишь о том, чтобы взять меня из царства в уничижение.

Блаженная Клеопатра, видя, что сын ее облечен в чин ангельский, сказала:

— Возьмите же и меня с собой, чтобы и мне быть с вами.

Но святой Уар отвечал:

— И здесь, на земле, оставаясь, ты все-таки — с нами; иди же с миром, а потом, когда повелит Господь, придем взять тебя.

После этих слов оба стали невидимы. Она же, придя в себя, почувствовала в своем сердце несказанную радость и веселие и поведала о своем видении священникам; вместе с ними она с честью погребла при гробе святого Уара и своего сына, уже не плача, а веселясь о Господе. После этого она раздала свое имение нуждающимся, сама же, отрекшись от мира, жила при церкви святого Уара, служа Богу день и ночь в посте и молитвах. Всякую неделю по воскресным дням ей являлся, во время молитвы, святой Уар с ее сыном в блестящем сиянии. Проведя семь лет в таковых подвигах, блаженная Клеопатра преставилась, благоугодив Богу. Тело ее было положено в церкви святого Уара, близ сына тела ее, Иоанна, душа же ее святая вместе с святым Уаром и Иоанном в веселии предстоит на небесах Богу, Ему же слава во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА РЫЛЬСКОГО

Преподобный отец наш Иоанн Рыльский, великий постник, был родом из болгарского селения Скрина, что близ славного города Средца[1]. Он жил в царствование христолюбивого Петра, царя Болгарского, и при Греческом императоре Константине Порфирородном[2]. По кончине своих благочестивых родителей Иоанн роздал все оставшееся ему имение нищим, — ибо от юности возлюбил Бога более всего, — а сам принял иночество и ушел из своего родного селения, ничего не имея на себе, кроме одной кожаной одежды. Взойдя на одну высокую и пустынную гору, он стал проводить там подвижническую жизнь, питаясь одними дикими растениями. Чрез некоторое время, по диавольскому наущению, на Иоанна напали ночью разбойники и, избивши, изгнали его оттуда. Тогда Иоанн ушел с той горы в Рыльскую пустыню[3], где продолжал строгую подвижническую жизнь; там он поселился в большом дупле дерева, проводя время в посте и слезах и совершая непрестанные молитвы перед Богом. В пустыне он прожил шестьдесят лет; питался он там только растениями, никогда не видел человеческого лица и был окружен одними дикими зверями. За такое терпение Иоанна Бог повелел на том месте вырасти гороху, и этим горохом блаженный питался многие годы.

Однажды пастухи открыли убежище Иоанна и рассказали о нем повсюду[4]. Многие стали приходить к Иоанну и приносить к нему

---

[1] *Средец* — в древности Сардика. Ныне этот город называется *София* и представляет столицу Болгарского княжества.

[2] Петр правил Болгарией с 927 по 968 год. — Константин VII Порфирородный правил Византией с 912 по 959 год.

[3] *Пустыня* — пустое, необитаемое место, название свое получила от реки Рыло, в округе города Раслога.

[4] Это было так: овцы внезапно от какого-то страха побежали по стремнинам до тех пор, пока не добежали до места, где жил отшельник. Пастухи, бежавшие за ними, с изумлением увидели пустынника. «Вы пришли сюда голодные — рвите себе горох мой и кушайте», — сказал отшельник. Они ели и насытились; только один напрятал себе много стручков в запас, без благословения пустынника, и когда на дороге дал товарищам, то в украденных стручках не оказалось ни зерна. Они возвратились к доброму старцу с раскаянием. Старец простил их и с улыбкой сказал: «Видите, дети, — эти плоды назначены Богом для пропитания пустынного».

недужных, которые, по его молитвам, получали исцеления. Слава о преподобном прошла по всей той земле, и многие, ревнуя о подвижнической жизни святого Иоанна, захотели жить около него. В соседней пещере они воздвигли церковь и устроили монастырь, в котором начальником и пастырем был преподобный Иоанн. Будучи добрым пастырем своему стаду, Иоанн привел многих неверных ко Господу и творил Его именем великие и славные чудеса[1].

Достигнув глубокой старости, Иоанн в миру окончил жизнь свою[2], удостоившись вечного блаженства на небе, и был погребен своими учениками.

Спустя немалое время Иоанн явился ученикам, повелевая перенести его мощи в город Средец. Открыв гроб, они увидели тело Иоанна целым и нетленным, источающим благоухание, и прославили об этом Бога. С честью перенесли они его в город Средец и положили в храме святого евангелиста Луки. Впоследствии на том месте создана была прекрасная церковь во имя преподобного Иоанна, и в ней были положены честные мощи его, от которых истекали дивные и преславные исцеления.

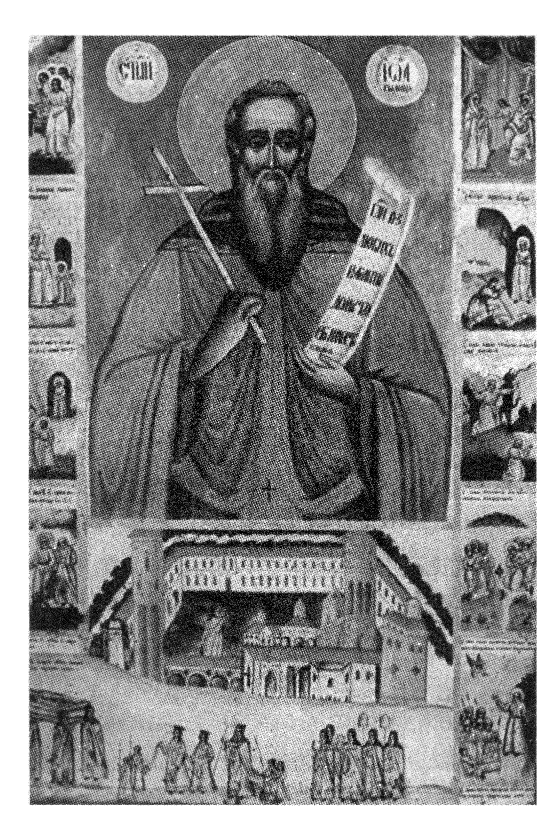
Спустя много лет Венгерский король с многочисленным войском двинулся на Греческую землю и захватил ее в свою власть. Достигнув города Средца, он взял ковчег с мощами преподобного, — ибо он много слышал о чудесах святого, — и повелел нести его с честью в свою страну и положить в городе Остригоме[3]. Архиепископ же

---

[1] Многие приходили к преподобному Иоанну и приносили своих больных, которые получали здравие молитвами святого. Человек, несколько лет одержимый нечистым духом, увидя шедших в Иоаннову пустыню, последовал за ними. Не дошел он еще версты до Рыльской пустыни, как упал на землю и стал кричать: «Не могу идти далее: палит меня огонь». Спутники, связав бесноватого, понесли его к преподобному и просили исцелить его. «Дети мои, — сказал он, — это — не по моим силам, я немощный человек, как и вы; один Бог может исцелить его». Те неотступно просили его, и отшельник помолился о нем: внезапно больной стал здоровым, и все прославили Бога.

[2] Святой Иоанн скончался 18 августа 946 года, на семидесятом году.

[3] *Остригом* — город в Венгрии, на правом берегу реки Дуная, против устья реки Грана. Город очень древний и был колыбелью христианства в Венгрии. Жители — римско-католического исповедания. Остригомский архиепископ есть вместе с тем князь-примас всей Венгрии. (Примас — титул католического архиепископа, приравниваемый на Западе к званию патриарха на Востоке.) Преподобный снова положен был в святой своей церкви в 1097 году по Рождестве Христовом.



Остригомский, слыша, что велик пред Богом преподобный Иоанн Рыльский и славен своими чудотворениями во всех странах, не хотел верить тому.

«Древние книги не упоминают о таком чудотворце», — говорил он и не хотел пойти на поклонение святому. Тогда внезапно онемел язык его. Поняв, что причина немоты его состояла в том, что он похулил преподобного, архиепископ поспешил к ковчегу святого и, припав к нему, облобызал честные мощи его, прося прощения в своей вине. Угодник Божий, святой Иоанн, скоро услышал молитву архиепископа: немедленно разрешил язык его и снова дал ему способность ясно говорить. Получив исцеление, архиепископ с плачем исповедал всем свое прегрешение пред святым и славил Бога и величал угодника Его, святого Иоанна.

Много и других преславных чудес сотворил святой в венгерской земле. Приведенный этими чудесами святого Иоанна в изумление, король Венгерский украсил ковчег святого серебром и золотом и, облобызав мощи его, опять отослал с великой честью назад в город Средец. Таким образом, преподобный снова был положен в святой своей церкви в 1097 году.

Чрез некоторое время Богу угодно было возобновить самостоятельность Болгарского государства, истощенного насилием греков, и это возрождение Болгарского царства совершилось при христолюбивом царе Иоанне Асене[1]. Этот царь, в самом же начале своего

[1] *Иоанн Асан*, или *Асень II*, сын Асеня I (царствовал с 1221-го по 1241 год) — знаменитейший из государей Болгарского царства; он прославил и просветил Болгарское царство больше всех царей, прежде него бывших; построил много мона-

царствования, возобновил и укрепил разрушенные болгарские города и ходил войной на окрестные страны, присоединяя новые города к своему царству. Дойдя до города Средца и завоевав его, он увидел там мощи преподобного Иоанна Рыльского и, услышав о чудесах, совершающихся при мощах, поклонился его святому ковчегу. Облобызав пречестные мощи его, он повелел патриарху Василию и клиру его взять всеславную раку святого и с великой честью нести ее в столицу Болгарии Тернов, причем в шествии, по царскому приказу, участвовали триста отборных воинов.

Патриарх Василий возложил пречестную раку на колесницу, и все с радостью отправились в путь, славя Бога и охраняемые молитвами святого; между другими шли и монахи основанного преподобным монастыря, с игуменом своим Иоанникием. Сам же благочестивый царь Иоанн-Асень опередил шествие и, поспешно прибыв в столицу, велел устроить там церковь и место для раки святого.

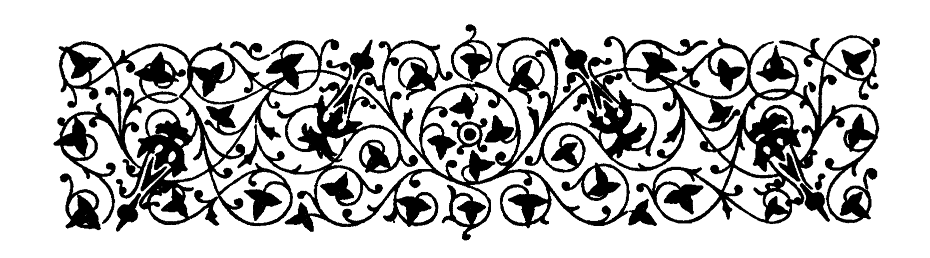
Когда же царь узнал, что приблизилось шествие с мощами преподобного, он сам вышел встречать его на «окоп»[1] вместе с своими вельможами, властями и множеством народа, и все радовались и веселились[2]. При виде святых мощей, все поклонились им. На окопе рака преподобного пробыла семь дней, пока не отстроилась церковь. А когда она была отстроена, тогда святые мощи были перенесены туда и положены в ней с великой честью, а сама церковь освящена. Там и доселе лежат чудотворные мощи преподобного, источая постоянный источник исцелений: приходящие с верой — слепые прозревают, немые начинают говорить, больные получают здравие, бесноватые исцеляются.

В тот же день **страдание святого священномученика Садока**, епископа Персидского, и с ним ста двадцати восьми мучеников. Память их совершается еще 20 февраля.

стырей и украсил их золотом и драгоценными камнями; все церкви он одарил многими дарами, а духовенство их наградил великими почестями, Иоанн Асень был любим не только своими болгарами, но и греками.

[1] *Окоп* — городской вал.

[2] Перенесение мощей преподобного Иоанна происходило в 1238 году. Это перенесение и вспоминается Церковью 19 октября.



День двадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА АРТЕМИЯ

О святом мученике Артемии древние сказания сообщают, что он был родом из знатного Римского семейства, имел звание сенатора и при императоре Констанции заведовал всем царским имуществом.

Артемий начал свою службу при Константине Великом, в войсках этого благочестивого императора. Когда ему пришлось, вместе с Константином, увидеть на небе чудесное знамение святого Креста, то он утвердился в вере христианской и стал верным слугой императора Константина и его дома[1]. По смерти Константина он все время пребывал при сыне его, Констанции[2], как его лучший друг, и царь давал ему самые почетные поручения. Так, когда Констанций узнал от одного епископа, что тела апостолов Христовых Андрея и Луки погребены в Ахаии[3], то поручил Артемию перенести эти драгоценные сокровища в Константинополь. Артемий, исполняя царское повеление, с великими почестями перенес мощи святых апостолов в

---

[1] Константин еще не был христианином, когда ему пришлось выступить против своего сильного соперника Максенция. Он не знал, кого ему молить о помощи, и вот, когда солнце склонилось к западу, Константин увидел на небе сияющий крест и под ним надпись: «*сим побеждай*»; это знамение видели и войска его. Во сне ночью Константину явился Сам Христос и повелел устроить знамя в виде креста и изобразить крест на щитах и шлемах своих воинов. Константин исполнил это — и вскоре совершенно разбил войска Максенция. После этого он открыто заявил о своем сочувствии христианству.

[2] Царствовал с 337 по 361 год.

[3] Провинция в Греции.

царствующий град, и за это получил от царя повышение, которого он был вполне достоин: именно царь сделал его духсом и августалием[1] Египта, и Артемий жил там, благоугождая Богу. Распространяя честь и славу имени Иисуса Христа, он низвергнул и сокрушил много идолов в Египте.

Когда царь Констанций, сын Константина Великого, скончался, то власть над всей Римской империей принял нечестивый отступник Юлиан[2], который прежде тайно, а теперь явно отвергся от Господа нашего Иисуса Христа и открыто стал поклоняться идолам. Он разослал по всем странам своего царства, восточным и западным, указ о том, чтобы те храмы, которые в царствование Константина Великого были отняты христианами у язычников, теперь были снова отданы язычникам; вместе с тем он повелел в этих храмах снова поставить кумиры и совершать жертвоприношения богам.

Так, этот нечестивый царь восстановил повсюду многобожие, которое пало при святом царе Константине, христиан же подверг сильным притеснениям, мучая и умерщвляя их, разграбляя их имущество и изрыгая хуления на святое имя Иисуса Христа.

Чтобы унизить христианство, нечестивый Юлиан, взяв из раки кости святого пророка Елиссея и мощи святого Иоанна Крестителя — кроме честной его главы и правой руки, которые лежали в Севастии, — и смешав их с костями животных и нечестивых людей, сжег их, а пепел рассеял по воздуху; христиане собрали тот пепел и оставшиеся от сожжения кости и сохранили их в почетном месте.

---

[1] *Дукс* — военачальник. Августалий — титул, равный современному титулу: Высочество.

[2] *Юлиан*, племянник Константина Великого, еще при жизни Констанция, был соправителем этого императора, управляя западными провинциями Римской империи.

Затем он узнал, что в городе Панеаде[1] находится изваяние Христа Спасителя, устроенное кровоточивой женщиной, исцелившейся чрез прикосновение к краю риз Христовых (см.: Мф. 9, 20). Это изваяние царь ниспровергнул и повелел влачить его по площади, доколе оно все не разбилось; только голову этого изваяния один христианин похитил и сохранил. На месте же, где стояло это изваяние, царь повелел поставить свою статую, которая, однако, была разбита ударом молнии.

Собрав большое войско, нечестивец Юлиан решил идти против персов, и во время этого похода, прибыв в Антиохию, воздвиг здесь, по своему обычаю, гонение на Церковь Христову, умерщвляя верующих.

В то время к нему приведены были два Антиохийских пресвитера, Евгений и Макарий, — люди ученые. С ними Юлиан долго спорил о богах, приводя для доказательства нечестивых своих мыслей различные слова языческих греческих писателей, но не смог принудить к молчанию богоглаголивые уста мудрых старцев; напротив, он сам был ими поражен, посрамлен и обличен в нечестии. Не вынося своего посрамления, Юлиан повелел бить святых нещадно, предварительно обнажив их, и Евгению было дано пятьсот ударов, а Макарию — без числа.

Когда святые эти подвергнуты были тяжким мучениям, в то время на месте казни случилось быть великому Артемию. Услышав, что воцарился Юлиан и что он идет в поход против персов, — ввиду чего и ему был послан указ о прибытии со всеми своими войсками в Антиохию, — Артемий пришел сюда с своими войсками, воздал Юлиану почтение, подобающее царю, предложив ему при этом подарки, и стоял около царя в то время, когда подвергаемы были мучению святые исповедники, Евгений и Макарий. Слыша, как нечестивый Юлиан хулит своими скверными устами Господа Иисуса Христа, Артемий исполнился ревности и, подойдя к царю, сказал:

— Зачем ты, государь, так бесчеловечно мучишь неповинных и посвященных Богу мужей и принуждаешь их отступить от православной веры? Знай, что и ты — человек немощный; если Бог и поставил тебя царем, то все-таки ты можешь подвергнуться искуше-

[1] Город на севере Палестины (иначе — Кесария Филиппова).

нию от диавола; я думаю, что первый виновник зла — лукавый диавол. Как некогда он испросил у Бога позволение искусить Иова[1] и получил оное, так и тебя он воздвиг против нас и навел на нас, чтобы твоими руками истребить Христову пшеницу и всеять свои плевелы. Но тщетны его старания и ничтожна его сила; ибо с тех пор, как пришел Господь и водружен был крест, на котором вознесен был Христос, пала бесовская гордыня и сокрушена сила бесовская. Итак, не обольщайся, царь, и не преследуй, в угодность демонам, Богом хранимый народ христианский. Знай, что крепость и сила Христова непобедимы и непреодолимы.

Услышав это, Юлиан возгорелся гневом и закричал громким голосом:

— Кто и откуда этот нечестивец, который так дерзновенно обращается к нам и смеет в лицо оскорблять нас?

Предстоявшие царю отвечали:

— Царь! Это дукс и августалий Александрийский.

— Как? — сказал царь, — это мерзкий Артемий, который участвовал в умерщвлении брата моего Галла[2]?

— Да, державный царь, это он, — отвечали предстоявшие.

Царь же сказал:

— Я должен благодарить бессмертных богов, а более всего Дафнийского Аполлона[3] за то, что они предали мне в руки этого врага, который сам пришел сюда. Итак, пусть этот негодный будет лишен

---

[1] *Иов* — ветхозаветный великий праведник; хранитель истинного откровения и богопочтения в роде человеческом, во время усиления языческого суеверия после рассеяния народов; известен своим благочестием и непорочностью жизни; был испытан от Бога всеми несчастьями, среди которых, однако, остался непоколебимым в вере и добродетели. История Иова подробно изложена в книге его имени.

[2] *Галл*, брат Юлиана, был сделан императором Констанцием, не имевшим детей, наследником престола, но потом возбудил против себя гнев Констанция тем, что явно стал стремиться к ниспровержению с престола Констанция. Последний послал доверенных своих людей, чтобы лишить Галла власти над восточными провинциями, а эти посланные, из желания угодить своему государю, умертвили Галла.

[3] *Дафне* — пригород Антиохии. Это была чрезвычайно красивая местность, где росло множество всяких деревьев, где повсюду струились прозрачные ручьи и где стояло изображение бога солнца, Аполлона, которого Юлиан почитал больше всех других богов.

своего сана; пусть с него снимут пояс[1] и ныне же подвергнут его наказанию, а завтра, если угодно будет богам, я произнесу над ним приговор за убийство моего брата. Я отомщу на нем неповинную кровь и погублю его не одной казнью, но множеством казней, ибо он пролил кровь не простого человека, а царскую.

Когда царь сказал это, оруженосцы его тотчас взяли Артемия и, сняв с него военачальнический пояс и другие знаки достоинства, поставили его обнаженным. И отдан был святой в руки палачей, которые, связав ему руки и ноги, растянули его на четыре стороны[2], и так долго били его по спине и чреву воловьими жилами, что от усталости сменилось четыре пары палачей. Но святой проявил подлинно сверхчеловеческое терпение и казался всем как бы совершенно бесчувственным: он не испустил ни одного звука, не застонал, не сделал ни одного движения и не выказал никакого знака страдания, как обыкновенно показывают люди, терпящие мучения. Земля напоялась его кровью, а он оставался непоколебим, так что удивлялись ему все, даже сам нечестивый Юлиан. Потом царь повелел перестать бить его, и святой уведен был в темницу со святыми мучениками Евгением и Макарием. Страстотерпцы в это время пели: *искусил ны еси, Боже, разжегл еси ны, якоже разжиза́ется сребро, ввел ны еси в сеть; положил еси скорби на хребте нашем, возвел еси человеки на главы́ наша; проидо́хом сквозе́ огнь и воду, и извел еси ны в покой* (слав. Пс. 65, 10–12)[3].

Окончив пение, Артемий сказал сам себе:

— Артемий, вот язвы Христовы начертаны на твоем теле, — осталось тебе самую душу твою отдать за Христа с оставшейся в тебе кровью; и вспоминал он пророческое слово: *Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим* (Ис. 50, 6)[4]. Но разве потерпел

[1] *Пояс* — особое отличие военачальника.

[2] Руки и ноги истязуемых привязывали к четырем кольям, вбитым в землю, чтобы наказываемые не могли помешать наказанию.

[3] В этом месте идет речь об евреях, для которых пребывание в плену Вавилонском было тем же, чем пребывание серебра в раскаленной печи или пребывание птицы в сети. *Скорби на хребте* — побои по спине. *Человеки на главы* — мучители, имеющие в своей власти нашу жизнь.

[4] Пророк, собственно, говорит о будущих страданиях Спасителя, но его слова могут быть прилагаемы и к верующим, которые берут на себя иго страданий Христовых.

я, недостойный, — говорил он, — более, чем мой Владыка? Он по всему телу был покрыт ранами: от ног до главы не было в Нем здорового места, глава Его была пронзена тернием, руки и ноги были пригвождены ко кресту за грехи мои, тогда как Сам Он греха не знал и не сказал даже ни одного неправедного слова. О, как велики, по сравнению с моими, страдания моего Владыки и как далек я, жалкий человек, от Его терпения и незлобия! Радуюсь и веселюсь, потому что украшаюсь страданиями моего Владыки: это облегчает мои мучения. Благодарю Тебя, Владыко, за то, что увенчал меня Твоими страданиями! Молю Тебя, доведи меня до конца по пути исповедничества; не дай мне оказаться недостойным этого предначатого мной подвига; ибо я возложил свое упование на Твои щедроты, преблагий Господи Человеколюбче!

Так помолившись сам в себе, святой достиг темницы и в течение целой ночи пребывал там вместе со святыми Евгением и Макарием, славословя Бога.

Когда наступило утро, Юлиан Отступник снова повелел мученикам явиться на судилище, и здесь, не подвергая допросу, разлучил их: Артемия оставил при себе, Евгения же и Макария послал в заточение в Оасим Аравийский[1]. Страна та — крайне нездоровая: там дуют гибельные ветры и никто из приходящих туда не может выжить более года, ибо непременно впадает в лютую болезнь, кончающуюся смертью. Итак, святые Евгений и Макарий, будучи посланы туда, чрез некоторое время достигли блаженной кончины[2], а святой Артемий претерпел множество страданий. Но сначала Юлиан, как волк, надевший на себя овечью шкуру, кротко, как бы соболезнуя Артемию и жалея его, начал говорить так:

— Безрассудной своей дерзостью ты принудил меня, Артемий, обесчестить твою старость и повредить твое здоровье, о чем я и сожалею. Теперь прошу тебя, подойди и принеси жертву богам, прежде же всего Дафнийскому богу Аполлону, особенно чтимому мной. Если ты это исполнишь, то я отпущу тебе преступление против брата моего и награжу тебя еще более славным и почетным саном: я сде-

---

[1] *Оасим* — один из оазисов в Аравии. Оазисами в Аравийской пустыне называются места, снабженные растительностью и водой.

[2] Память их — 19 февраля.

лаю тебя верховным жрецом[1] великих богов и начальником над жрецами всей вселенной; я назову тебя своим отцом, и ты будешь вторым за мной лицом в моем царстве. Ты, Артемий, знаешь и сам, что брат мой, Галл, безвинно, из одной зависти, был умерщвлен Констанцием. На престол более прав имел наш род, чем род Константина, ибо отец мой, Констанций, родился у деда моего, Констанция, от дочери Максимиана, Константин же родился от Елены, женщины простого звания[2]. К тому же дед мой тогда еще не был кесарем, когда у него родился сын от Елены, а отец мой родился у него тогда, когда он уже вступил на престол. Но Константин дерзко похитил царскую власть. Сын его, Констанций, умертвил моего отца и братьев его, убил недавно и брата моего, Галла. Хотел он убить и меня, но меня спасли из его рук боги. В надежде на них, я отрекся от христианства и уклонился к еллинской религии; я хорошо знаю, что вера еллинская и римская есть вера древнейшая, христианская же явилась недавно, и Константин принял ее, отвергнув древние и добрые римские правила жизни, только по своему невежеству и неразумию. И боги возненавидели его, как нечестивого и недостойного доверия их. Боги возненавидели и отвергли его от себя, а его нечестивое потомство истребили от среды живущих[3]. Не правду ли я говорю, Артемий? Ты человек старый и разумный — рассуди же, правду ли я говорю? Итак, признай истину и будь нашим, ибо я хочу, чтобы ты мне был другом и помощником по управлению царством.

---

[1] Как важна была должность верховного жреца, видно из того, что название «верховный жрец» было одним из титулов Римского императора. Этот жрец имел право обрекать непослушных ему низших жрецов на смертную казнь. Жил он в старинном царском дворце Нумы.

[2] Император западной империи Максимиан Геркул царствовал с 284 по 305 год по Рождестве Христовом. — Констанций, прозванный Хлор, его преемник, был женат сначала на Елене (святая равноапостольная Елена), потом, по требованию императора Диоклетиана, развелся с ней и женился на Феодоре, дочери Максимиана Геркула. Константин Великий, все-таки, как старший его сын, был сделан наследником престола.

[3] У Константина Великого было три сына: Константин, Констанций и Констанс. Старший взял себе Верхнюю Галлию, Британию, Германию и Испанию, младший — Нижнюю Галлию, Италию, Иллирию и Африку, а средний — страны Востока и Египет. Скоро Константин был убит на войне, а Констанс был умерщвлен своим приближенным Магненцием, во время охоты.

Услышав это и немного помедлив, святой Артемий начал так говорить:

— Прежде всего относительно твоего брата скажу тебе, царь, что я неповинен в его смерти, — да и вообще я ни делом, ни словом никогда не сделал ему вреда; сколько ни расследуй, ты ничем не докажешь, что я был повинен в его смерти. Я знал, что он был настоящий христианин, благочестивый и послушный закону Христову. Да ведают небо и земля и весь лик святых Ангелов и Господь мой Иисус Христос, Которому я служу, что я неповинен в убийстве твоего брата и ни в чем не содействовал его убийцам. Меня и не было с царем Констанцием в то время, когда было рассуждение о твоем брате: все время до этого года я оставался в Египте. А на твое предложение, чтобы я отрекся от Христа, моего Спасителя, отвечу тебе словами трех отроков, которые были при Навуходоносоре (см.: Дан. 3, 18): да будет тебе, царь, известно, что богам твоим я не служу и золотому истукану тебе любезного Аполлона не поклонюсь никогда. Ты унизил блаженного Константина и его род, назвав его врагом богов и человеком безумным. Но он был обращен ко Христу от богов ваших, чрез особое призвание свыше. Об этом ты послушай меня, как свидетеля этого события. Когда мы шли на войну против лютого мучителя и кровожадного Максенция[1], около полудня явился на небе крест, сиявший ярче солнца, и на том кресте звездами были изображены латинские слова, обещавшие Константину победу. Все мы видели тот крест, явившийся на небе, и прочитали написанное на нем. И ныне в войске есть еще много старых воинов, которые хорошо помнят то, что ясно видели своими глазами. Разузнай, если хочешь, и ты увидишь, что я говорю правду. Но зачем я говорю об этом? Христа еще задолго до Его пришествия предвозвестили пророки, как это и ты сам хорошо знаешь. Много есть свидетельств о том, что Он действительно приходил на землю, и даже самые ваши боги нередко прорицали о пришествии Христа, — говорили о том же Сивиллины книги и Вергилий[2].

---

[1] Этот военный поход против римского императора Максенция был предпринят Константином в 312 году.

[2] *Сивиллами* назывались у римлян в древности прорицательницы. Их предсказания были соединены в три книги, которые хранились в храме Юпитера Капитолийского, а потом в храме Аполлона на Палатинском холме. На их пред-

И говорил далее святой о том, как нередко живущие в идолах бесы, будучи принуждаемы силой Божией, против своей воли, исповедовали Христа истинным Богом. Юлиан же, не вынося правдивых речей Артемия, повелел обнажить мученика и раскаленными шилами проколоть бока его, а в спину вонзить острые трезубцы. Артемий же, как и прежде, как бы не чувствуя никакой боли, не закричал и не испустил никакого стона, являясь дивно терпеливым в страдании. После этих истязаний Юлиан снова отослал его в темницу, повелев морить святого голодом и жаждой, сам же ушел на место, называемое Дафне, чтобы принести жертвы богу своему Аполлону, и вопрошал его об исходе своей войны против персов[1]. Там пробыл он довольно долго, всякий день принося в жертву скверному Аполлону большое количество животных, но все-таки не получил желаемого ответа. Ибо бес, находившийся в идоле Аполлона и дававший ответы людям, умолк с того времени, когда на то место перенесены были мощи святого Вавилы (епископа и мученика Антиохийского) вместе с останками трех младенцев, пострадавших с Вавилой[2]. Итак, Аполлон ничего не ответил Юлиану. Когда царь узнал, после долгого расследования, что Аполлон онемел потому, что невдалеке от него были положены мощи Вавилы, то тотчас повелел христианам взять оттуда мощи; но лишь только святые мощи были взяты со своего места, как на храм Аполлонов ниспал огонь с неба и сжег его вместе с находившимся в нем идолом.

Артемий же, находясь в темнице, был посещен Самим Господом и Его святыми Ангелами. Когда Артемий молился, ему явился Христос и сказал:

сказания обращали внимание и христианские писатели, находя в них некоторые намеки на наступление Царства Христова. — *Вергилий* Марон — знаменитый римский поэт (родился в 70 году до Рождества Христова). — Артемий имеет в виду здесь, очевидно, его стихотворения — «Буколики».

[1] Язычники думали, что боги, по своей заботливости о людях, желают открывать им свою волю. Поэтому они верили в сны, которые им будто бы посылали боги. Кроме того, у язычников существовали особые *оракулы* — места и храмы, где говорили от лица богов жрецы или лица, способные приходить в особое состояние исступления и произносившие затем разные слова, из которых жрецы составляли более или менее связные изречения. Бог Аполлон по преимуществу считался руководителем этих оракулов.

[2] Память священномученика Вавилы празднуется 4 сентября.

— Мужайся, Артемий! Я с тобой и избавлю тебя от всякой боли, какую причинили тебе мучители, и уже готовлю тебе венец славы. Ибо как ты исповедал Меня пред людьми на земле, так и Я исповедаю тебя пред Отцом Моим небесным. Итак, будь мужествен и радуйся: ты будешь со Мной в Моем Царстве.

Услышав это от Господа, мученик тотчас стал славословить Его; ни одной раны или язвы не осталось на его святом теле, душа его исполнилась Божественного утешения, и он пел и благословлял Бога. А между тем, с тех пор как он был брошен в темницу, он ничего не вкушал и ничего не пил, и так продолжалось до самой его смерти. Питаем же был Артемий свыше — благодатью Святого Духа.

Возвратившись со стыдом от своих жертвоприношений, Юлиан возложил вину в сожжении храма Аполлонова на христиан, говоря, что его зажгли ночью именно они, и, отняв у христиан святые церкви, превратил их в идольские храмы и стал делать большие притеснения христианам. Приказав затем привести к себе Артемия из темницы, он сказал ему:

— Ты, конечно, слышал, что случилось в Дафне — как нечестивые христиане зажгли храм великого бога Аполлона и уничтожили прекрасное его изображение. Но пусть не радуются этому беззаконные, пусть не смеются над нами, ибо я отплачу за это в семьдесят раз в семеро, как у вас говорится[1].

Святой же Артемий отвечал:

— Слышал я, что, по попущению разгневанного Бога, сошедший огонь с неба истребил твоего бога и сжег его храм. Но если твой Аполлон был богом, то как он не избавил себя от огня?

Царь же сказал:

— И ты, несчастный, смеешься и радуешься сожжению Аполлона?

— Я смеюсь над вашим безумием, — отвечал Артемий, — что вы служите такому богу, который не мог сам себя спасти от огня. Как же он может вас избавить от огня вечного? Утешаюсь же я падением его и радуюсь всему тому, что чудодейственно совершает мой Христос. А если ты похваляешься отплатить в семьдесят раз в семеро неповинным и никакого тебе зла не сделавшим христианам, то ты получишь

[1] Юлиан искажает смысл текста из Мф. 18, 22. Здесь идет речь не о возмездии или каре, а о прощении согрешившего брата *до седмижды семидесяти раз*.

за это тогда, когда будешь ввержен в неугасимый огонь и вечные мучения, которые наступят для тебя скоро. Ибо погибель твоя уже близка и скоро память твоя погибнет с шумом[1] (см.: слав. Пс. 9, 7).

Мучитель, разгневавшись, повелел каменотесам рассечь один большой камень и потом столкнуть его сверху на Артемия, который был связан и положен на каменную же плиту под этим камнем. Когда это было исполнено, все тело мученика покрыл упавший на него камень и так придавил его, что сломал ему все кости; внутренности его выпали, составы тела переломились и глазные яблоки вышли из своих мест. И какое великое чудо! Будучи сплющен между камнями, святой остался живым и призывал Бога, своего Помощника, и говорил словами Давида:

— *На камень вознесл мя еси; наставил мя еси, яко был еси упование Мое, столп крепости от лица вражия* (слав. Пс. 60, 3–4)[2]. *Поставил еси на ка́мени но́зе мои и исправил еси стопы́ моя* (слав. Пс. 39, 3)[3]. Прими же теперь, Единородный, дух мой, ибо Ты знаешь мое тяжкое положение, и не оставь меня в руках вражеских.

Так, будучи придавлен камнем, святой провел целые сутки. Потом Юлиан повелел снять камень, считая святого уже умершим, но святой, к общему удивлению, оказался жив и, встав, ходил. И было всем страшно смотреть на него: пред ними был обнаженный человек, сдавленный как доска, с раздробленными костями, с выпавшими внутренностями; лицо его было раздавлено, глаза вышли из орбит, но жизнь все еще держалась в нем, ноги могли двигаться и язык еще был способен ясно говорить. Сам мучитель, увидев такое чудо, ужаснулся и сказал своим приближенным:

— Человек это или привидение? Не околдовал ли глаза нам этот волшебник? Ибо пред нами зрелище страшное и выходящее за пределы природы. Кто ожидал, что он еще жив? А теперь, когда у него выпали внутренности и все суставы его разбиты и расслабли, он все-таки двигается, ходит и говорит. Но, видно, наши боги сохранили его живым для вразумления других, чтобы тот, кто не хотел признать

---

[1] То есть погибель твоя будет необыкновенная и произведет большие толки в людях.

[2] То есть: «Ты, Господи, поставил меня на скалу, как на безопасное место; Ты сделался для меня крепким столпом или башней, где я мог найти спасение».

[3] *Исправить стопы* — поставить на настоящую, прямую дорогу.

их власть, оставался ужасным страшилищем для тех, кто на него смотрит.

И сказал Юлиан мученику:

— Вот ты, несчастный, уже лишился очей и все члены твоего тела окончательно разрушены, — как можешь ты еще питать надежду на Того, на Кого ты доселе надеялся напрасно? Но проси милости у милосердных богов, чтобы они помиловали тебя и чтобы не предали тебя адским мучениям.

Мученик же Христов, услышав о мучениях, усмехнулся и сказал царю:

— Твои ли боги предадут меня мучениям? Они и сами не могут избежать уготованных им мучений, а с ними и ты, будучи брошен в вечный огонь, будешь вечно мучиться, ибо отрекся от Сына Божия и попрал ногами Его святую кровь, пролитую за нас, и поругался над благодатью Святого Духа, повинуясь губительным бесам. Я же за незначительную боль, причиненную мне тобой, надеюсь у своего Господа, за Которого страдаю, иметь вечный покой в Его небесном чертоге.

Юлиан, услышав это, изрек мученику такой приговор:

— Артемия, хулившего богов, поправшего римские и наши законы, признавшего себя не римлянином, а христианином и нарекшего себя, вместо дукса и августалия, галилеянином — предаем на смерть и повелеваем скверную его голову отсечь мечом.

После такого приговора святой был уведен на место казни и шествовал туда с несказанной радостью, желая *разрешиться и со Христом быть* (Флп. 1, 23)[1]. Придя же на место, где должна была совершиться над ним казнь, он испросил себе время для молитвы и, обратившись к востоку, трижды преклонил колена и долго молился. После этого он услышал с неба голос, который говорил:

— Войди со святыми принять уготованную тебе награду.

И тотчас блаженный преклонил голову свою и был усечен одним воином, 20 октября; день же, в который он совершил мученический подвиг, была пятница. Честно́е и святое тело его одна женщина, по имени Ариста, диакониса Антиохийской церкви, выпросила у мучителя и, помазав его драгоценными ароматами, вложила в ковчег и послала в Константинополь, где оно и было с почестями

---

[1] *Разрешиться* — освободиться, развязаться — отойти из земной жизни.

предано погребению. От мощей его совершались многие дивные чудеса и болящим подавались различные исцеления, которые и ныне подает святой Артемий всем, с верой к нему притекающим.

После же кончины Артемия вскоре сбылось то пророчество, которое он высказал Юлиану прямо в глаза относительно его смерти: «Тебе предстоит скорая погибель, и недолго уже до того времени, когда память о тебе погибнет с шумом». Ибо Юлиан, умертвив святого Артемия, тронулся с своими войсками из Антиохии и пошел на персов. Когда дошел он до города Ктезифона[1], ему встретился один перс, человек старый, уважаемый и очень рассудительный. Он обещал Юлиану предать Персидское царство и вызвался быть проводником в Персию беззаконному царю и всему его войску. Но это не послужило на пользу злому кровопийце, ибо тот перс обманул его и, показывая вид, что ведет его прямой настоящей дорогой, ввел злодея в Карманитскую пустыню[2], в места непроходимые, где постоянно встречались пропасти, где не было вовсе воды и никакой пищи, так что все воины истомились от голода и жажды, а кони и верблюды все пали. После этого проводник признался, что он с намерением завел римлян в такие пустые и страшные места, чтобы ослабить их силу. «Я для того это сделал, — сказал он, — чтобы не видеть отечество свое плененным врагами, и лучше здесь мне одному, чем всему моему отечеству, погибнуть от ваших рук». И тотчас после этого признания перс тот был рассечен воинами на части. Блуждая по пустыне, греки и римляне, против своей воли, столкнулись с персидским войском, и, во время происшедшего здесь сражения, многие Юлиановы воины пали. Возмездие Божественное постигло тут и самого Юлиана, ибо он был пронзен в бок невидимой рукой свыше и невидимым оружием, которое прошло вниз живота его. Он тяжко застонал и, схватив рукой горсть крови, бросил ее в воздух и воскликнул:

— Ты победил, Христос! Насыться, Галилеянин!

---

[1] Персидский город на левом берегу реки Тигра; во времена Римского владычества это была сильная крепость, которая несколько раз, однако, подпадала во власть римлян.

[2] *Карманія* — нынешняя Персидская область *Керман*. Северная ее часть (степная Кармания) была почти вся бесплодной пустыней, а южная — очень песчаная, хотя в последней и протекало несколько рек.

И тут извергнул он, умирая в муках, свою злодейскую и скверную душу и погиб с шумом, по пророчеству святого Артемия[1]. Войско же римское, по смерти Юлиана, поставило царем Иовиана, который был христианином и который, заключив с персами мир, возвратился назад. Итак, Юлиан мучится в аду с Иудой[2], Артемий же веселится на небе со святыми[3], предстоя Богу Единому в Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, Ему же слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНОГО
АРТЕМИЯ,
Ве́ркольского чудотворца[4]

Святой праведный Артемий, Веркольский чудотворец, родился в 1532 году в селе Верколе, в Двинском краю, по реке Пинеге, версты на две вверх по течению от Кевролы[5]. Родители его — отец Косма, по прозвищу Малый, и мать Аполлинария — были крестьяне того села. Они воспитали сына своего в страхе Божием и благочестии христианском. С пяти лет уже он начал чуждаться свойственных детям привычек, не любил детских игр, был тих, кроток, богобоязлив, послушен к родителям, прилежно помогал своему отцу в его крестьянских работах, сколько мог по своему возрасту.

---

[1] Юлиан умер в 363 году по Рождестве Христовом.

[2] Юлиан по смерти был похоронен в языческом капище, впоследствии же тело его было перенесено в Константинополь и положено в церкви святых апостолов рядом с телом его супруги, но без отпевания, как тело отступника.

[3] Кончина святого Артемия последовала 20 октября 363 года. Мощи его впоследствии были положены в храме святого Иоанна Предтечи, построенном императором Анастасием, который и стал называться храмом святого Артемия.

[4] Составлено по разным спискам древнего жития.

[5] *Пинега* — река Вологодской и Архангельской губерний, Сольвычегодского и Пинежского уездов, правый (судоходный) приток Северной Двины. *Кеврола* или *Кевроль* — главное селение волости, получившей от нее свое имя, теперь — село Воскресенское, откуда впоследствии уездное управление было переведено в погост Волок-Пинежский, переименованный потом в город Пинегу.

Однажды, будучи двенадцати лет, он работал с отцом своим в поле, боронил землю. Неожиданно надвинулась грозная туча, стало темно как ночью, поднялась буря с ливнем, над головой испуганного Артемия разразился страшный удар грома — и блаженный отрок пал мертвый[1].

Так милосердный и премудрый Господь Бог благоволил восприять в Свои небесные обители душу праведного раба Своего.

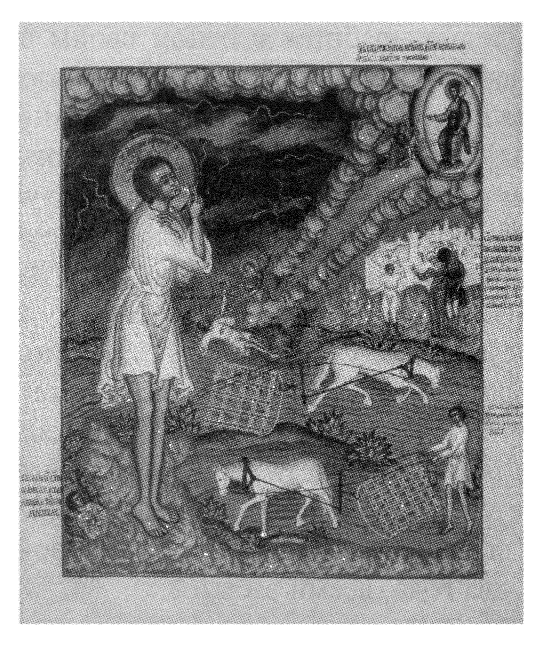
Односельчане Артемия не поняли, по своему неразумию, этого посещения Божия и сочли, по суеверию, неожиданную кончину блаженного отрока праведным судом Божиим, наказующим Артемия за какие-либо тайные грехи его. Тело блаженного Артемия, как умершего от внезапной смерти, осталось не отпетым и не погребенным; его положили на пустом месте в сосновом лесу, поверх земли, прикрыли хворостом и берестой и огородили деревянной изгородью. Так пролежало оно тридцать два года, всеми забытое.

Однажды летом Агафоник, дьячок церкви святого Николая чудотворца в селе Верколе, ходил по тому лесу, собирая грибы, увидел свет над местом, где покоился блаженный отрок, подошел и обрел его нетленное тело. Он тотчас поведал о том веркольским крестьянам. Но те, по неразумию своему, взяли просто тело Артемия, безо всяких почестей привезли его к своей приходской церкви и положили на паперти, прикрыв гроб берестой, покрывавшей в лесу праведного отрока[2].

Но Господь благоволил прославить угодника Своего в стране Кеврольской: от мощей его начали источаться неоскудные исцеления болящим. В том году, попущением Божиим, в Двинском краю распространилась злокачественная лихорадка. Многие умирали от этой тяжкой болезни, особенно женщины и дети. Заболел недугом этим и сын веркольского селянина Каллиника. В сильной скорби Каллиник молился об исцелении сына, потом пошел в церковь, приложился ко гробу праведного Артемия и, взяв бересты, покрывавшей нетленные мощи его, с верой привесил ее к кресту на груди умиравшего сына. Больной выздоровел. Обрадованный Каллиник рассказал о том всем своим односельчанам, которые с радостью собрались в церкви святителя Николая и начали петь молебны и тво-

[1] Кончина праведного Артемия последовала 23 июня 1545 года.

[2] Мощи праведного Артемия были обретены в 1577 году.



рить память по праведном отроке Артемии. И умилосердился Господь над рабами Своими: лихорадка в той стране скоро прекратилась.

С того времени чудеса святого Артемия стали умножаться. У некоего человека, по имени Павла, от тяжкого недуга так скривило шею, что голова повернулась лицом назад и глаза закрылись. В такой беде Павел обратился с горячей молитвой к Богу и праведному Артемию — и голова больного выпрямилась, глаза открылись. Исцеленный поспешил рассказать всем в своем селе о случившемся. После того при церкви святого Николая веркольцы устроили особый придел, куда перенесли из паперти мощи Артемия, положив их в новый гроб. Это было в 1584 году.

Когда принесли в придел мощи блаженного отрока, пришла туда женщина с расслабленным младенцем, попросила отслужить молебен, приложила своего отрока ко гробу Артемия — и больная рука отрока исцелела. Около того же времени один крестьянин, Андрей, и крестьянка Ирина, страдавшие глазами, получили здравие и ясное зрение от прикосновения к священной раке новоявленного чудотворца. Одна женщина, по имени Мария, страдавшая сорок лет болезнью желудка, столь тяжкой, что она от чрезмерных страданий часто обмирала часа на два или на три, услышав о чудесах, истекавших от мощей Артемия, обратилась к нему с молитвой и получила скорое исцеление.

Видя умножающиеся от мощей исцеления, два священника, Иоанн и Фома, велели написать на досках старой гробницы несколько икон праведного Артемия. От досок тех остались стружки. Иерей Иоанн тщательно собрал эти стружки и положил на хранение при церкви. Благочестивые чтители праведного Артемия, с верой бравшие те стружки, получали исцеление от своих недугов.

Один человек с Пинеги, по имени Панкратий, бывший проездом в Верколе, в 1601 году привез в Великий Устюг одну из таковых икон Артемия, и от того образа многие получили тогда исцеление.

В 1619 году Новгородский митрополит Макарий свидетельствовал мощи праведника и благословил перенести их в самый храм в день памяти святителя и чудотворца Николая, 6 декабря[1]. Некоторое время спустя пришел в Верколу Иларион Артемиев, житель города Холмогор, и поведал, что он долго был болен глазами, ничего не видел и жестоко страдал, так что пытался в отчаянии удавиться, и только подоспевшие соседи помешали этому. Прослышав о чудесах, истекающих от мощей праведного Артемия, он обратился к нему с усердной молитвой о своем исцелении.

«В тот же час, — рассказывал исцеленный, — я прозрел, и увидел в видении святого Артемия в белых ризах с небольшим посошком в левой руке и со крестом — в правой. Он осенил меня крестом и сказал:

— Человече! Что ты страдаешь? Восстань: Христос, чрез меня, раба Своего, исцеляет тебя. Иди в Верколу, приложись ко гробу моему и поведай об этом священнику и всем крестьянам.

При этих словах праведный отрок, взяв меня за руку, как бы понуждал к этому и потом стал невидим. Я же, пробудившись, почувствовал себя совершенно здоровым, как будто никогда и не болел. И вот я пришел сюда поклониться святым мощам его».

Особенно замечательно было чудо с одним крестьянином из села Кивокурья Устюжского уезда, Патрикием Игнатьевым. Он с детства тяжко страдал от грыжи. Услышав о чудесах праведного Артемия, он с верой помолился ему, положил обет приложиться к его гробу и выздоровел, но потом забыл о данном им обете. Спустя несколько лет он снова почувствовал приступы грыжи, которая стала его мучить еще сильнее прежнего. Патрикий обратился опять с молитвой к праведному Артемию и вспомнил о своем неисполненном обете. Молитва болящего была услышана, но Патрикий опять забыл о данном им обете. Тогда напала на него тоска и непроницаемая тьма покрыла

[1] *Макарий* был митрополитом Новгородским с 1619-го по 1626 год. По его же благословению и распоряжению, составлено было житие Артемия с сказанием о посмертных чудесах его, которые с 1605 года записывались со слов самих исцеленных.

его глаза. Несчастный опять вспомнил о своем неисполненном обете, горько раскаялся и обещал неотложно исполнить долг свой. Праведный Артемий снова избавил Патрикия от недуга, и исцеленный с радостью поспешил в Верколу ко гробу Артемия, заказал отслужить молебен ему, со слезами облобызал многоцелебный гроб его и исповедал пред всеми о происшедшем чуде и своем греховном забвении.

В 1636 году, в марте месяце, ехал в Кевролу и на Мезень назначенный туда воеводой Афанасий Пашков. По дороге он остановился в Верколе, но у раки мощей праведного Артемия не был и благодарственного молебна ему не служил. В Кевроле сын его, отрок Иеремия, тяжко заболел лихорадкой и готовился уже к смерти. Тогда отец вспомнил, что не отслужил молебна праведному Артемию, и дал обет отправиться на богомолье в Верколу. И вот внезапно лежавший в тяжелом забытьи сын Пашкова сам поднялся с постели и, держась за оконце, стал спрашивать своего отца, каким путем ехать им к праведному Артемию. Дивясь тому, отец привез сына в Верколу. Здесь отслужили по обету молебен, взяли бересты с гроба чудотворца, чтобы больной носил ее на груди вместе с крестом, и отрок выздоровел. Благодарный отец создал в Верколе, на месте обретения мощей Артемия, храм в честь соименного праведному отроку мученика Артемия.

Спустя некоторое время храм в Верколе сгорел — обгорели и мощи праведного Артемия. Местный священник Лаврентий и прихожане Веркольского села, для ограждения мощей Артемия от таких несчастных случаев устроили над ними особую часовню, положили их в новую раку и покрыли новым покровом.

После того от гроба чудотворца стали истекать новые чудотворения. Так, некоего Симеона Казаринова праведный Артемий спас от потопления. После Ильина дня он плыл на судне вместе с своими товарищами по Северному Ледовитому океану из Мангазеи[1] в Архангельск. Вдруг наступила жестокая буря, и судну стало угрожать

---

[1] *Мангазея* — урочище Енисейской губернии в Туруханском крае, на правом берегу реки Таза, где ныне стоит часовня святого мученика Василия Мангазейского. Мангазея — первый русский город в Восточной Сибири, основан в 1601 году, но через шестьдесят лет совершенно запустел; теперь от него сохранились лишь одни следы.

скорое крушение. Плывшие пришли в ужас и отчаяние. Не видя себе ниоткуда никакой надежды на спасение, они стали готовиться к смерти и, в ожидании ее, прощаться друг с другом. Потом они опомнились и стали со слезами молиться Господу Богу и праведному Артемию о своем спасении, обещая отслужить благодарственный молебен угоднику Божию. И, по молитве их, море утихло, и утопавшие избегли неминуемой погибели.

Слава исцелений от мощей праведного Артемия распространилась далеко. Новгородский митрополит Киприан послал снова освидетельствовать его нетленные мощи, своей подписью подтвердил доставленную ему роспись исцелений и прислал в церковь села Верколы вновь составленную службу чудотворцу.

В 1648 году в Кевролу была прислана грамота царя Алексия Михайловича, на имя тамошнего воеводы Аничкова: повелено было положить мощи праведного Артемия в новую раку и дозволено построить монастырь на том месте, где были обретены его мощи, которые, согласно царской грамоте, и были на следующий год перенесены туда и положены в построенной еще воеводой Пашковым церкви святого мученика Артемия. При этом от святых мощей истекали многоразличные исцеления всем, с верой притекавшим к ним. Собравшийся во множестве народ вознес теплые моления Христу Богу и Его святому угоднику праведному Артемию, Веркольскому чудотворцу, прославляя благодать Божию, в нем явленную на утешение всем православным христианам. Впоследствии мощи праведного Артемия, по случаю пожаров, трижды выносили из храма обители, пока, наконец, не был построен в 1793 году в монастыре каменный храм, освященный в честь праведного Артемия, в котором мощи его и были положены[1].

---

[1] Память праведного Артемия, Веркольского чудотворца, совершается 23 июня и 20 октября. В Иконописном подлиннике под 20 октября значится: «иже со отцом своим Козьмой земледельцем исшед на поле, умре от грома велика, млад отрок двенадцати лет, в рубашке, в руке лоза, колени голы». В настоящее время мощи святого Артемия почивают под спудом в упраздненном Веркольском монастыре.

День двадцать первый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИЛАРИОНА ВЕЛИКОГО

Преподобный Иларион родился в 291 году в селении Фавафе в Палестине близ города Газы. Родители его были эллины[1]. Как является роза среди шипов, так рождением от них преподобного явилось миру благоухание Христово. Посланный в Александрию для обучения наукам, он не только вскоре овладел всей той ученостью, к которой стремились еллины, но хорошо ознакомился и с духовной премудростью. Уверовав в Господа нашего Иисуса Христа, он принял святое крещение[2] и во время частых посещений храма внимал словам Божественной службы. Навыкая добрым нравам и сердцем своим горя любовью к Богу, он стал помышлять о том, как бы угодить Ему. Услышав о святом Антонии Великом, слава добродетельной жизни которого в то время распространялась всюду, Иларион поспешил отправиться к святому, исполненный усердного желания видеть его. Дойдя до места его пребывания в пустыне, Иларион узрел его святолепное лицо и услышал его сладостные речи, указывавшие ему путь к совершенству. Он пробыл некоторое время при святом Антонии, присматриваясь к его равноангельской жизни, усердным и частым молитвам, рукоделию и беспрестанному труду, посту и воз-

---

[1] Наименование родителей преподобного Илариона Великого эллинами здесь нужно разуметь главным образом в смысле образованных язычников, преданных греко-римской религии. Отсюда и получает значение дальнейшее сравнение их с шипами.

[2] Преподобный Иларион был крещен святым Петром, епископом Александрийским (скончавшимся в 311 году).

держанию, любви к ближним, нестяжательности и иным подвигам иноческого жития[1].

К преподобному Антонию стекалось множество людей: одни — чтобы исцелиться от своих недугов, другие — чтобы получить от него благословение, третьи — чтобы послушать его боговдохновенные и душеполезные беседы. Не находя, таким образом, здесь полного уединения и безмолвия, Иларион не пожелал оставаться здесь, но решил отыскать такое место, где бы он мог пребывать наедине с Богом и вне всякого шума и суеты. Приняв благословение от преподобного Антония, он возвратился в свое отечество и, не найдя родителей в живых, разделил свое имущество на две части: одну он дал родственникам, другую — нищим, себе же не оставил ничего, *все почитая за сор* (Флп. 3, 8), и отрекаясь от всего мира и самого себя, чтобы получить возможность стать учеником Христовым и подражателем Его нищеты.

Освободив, таким образом, себя от суетных забот, Иларион пошел в пустыню, находившуюся на расстоянии семи верст от Маиюмы Газской, и поселился там между морем и озером. В той пустыне жили разбойники, и некоторые знакомые советовали ему уйти оттуда, чтобы не попасть в руки разбойников и не быть убитым. Но преподобный не боялся телесной смерти, желая избавиться лишь от смерти духовной.

— Надо избегать разбойников, убивающих душу, а убивающих тело я не боюсь, — говорил он, — *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?* (Пс. 26, 1).

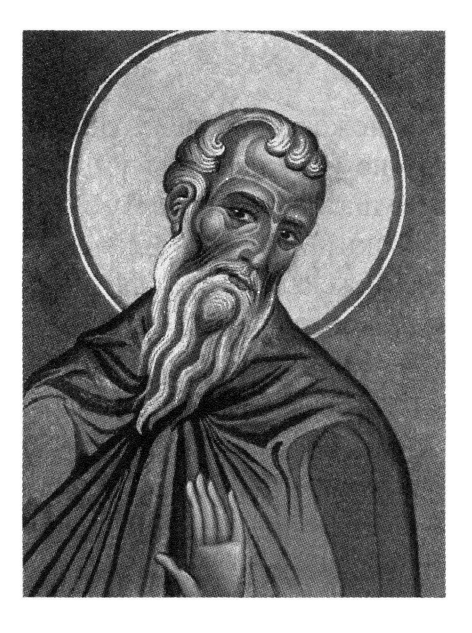
И преподобный начал жить там в беспрестанной молитве и посте. В пищу он принимал не более пятнадцати смокв[2] в день — и то по захождении солнца, а одежда его состояла — из власяницы[3] и ко-

---

[1] Преподобный Иларион пришел к Антонию Великому в 306 году, будучи пятнадцати лет от роду, и сделался одним из первых учеников его по времени и по духу, хотя пробыл у него только около двух месяцев.

[2] *Смоква* у нас известна под именем винной ягоды; растет на смоковницах или смоковничных деревьях, из семейства тутовых деревьев и принадлежит тропическому климату. Смоквы составляют на Востоке обычную пищу, особенно у христианских аскетов.

[3] *Власяница* — жесткая одежда из конского волоса, которую подвижники носили прямо на теле.



роткой кожаной мантии, данной ему преподобным Антонием.

Ненавистник всякого добра — диавол, видя, как побеждает его юный инок, воздвиг на него брань[1]. Желая победить духовного воина плотской похотью, он начал распалять его молодое тело и смущать ум нечистыми помыслами. Ощутив нечистого змия, стремившегося уязвить его жалом греха, Иларион посрамил его еще большим умерщвлением тела и победил врага, вооружившись прилежной молитвой к Богу. Он приложил пост к посту и труд к трудам, не вкушая пищи по три, а иногда и по четыре дня, изнуряя тело работой, то копая землю, то плетя корзины и повторяя про себя слова апостола: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10). Нечистые же помыслы он изгонял из сердца, ударяя себя в грудь, подобно мытарю, и воздыхая из глубины сердца. Плоть свою Иларион называл ослом и так беседовал с ним:

— Я укрощу тебя, осле: буду кормить не ячменем, а мякиной, уморю голодом и жаждой, обременю тяжелой ношей, чтобы ты больше помышлял о пище, нежели о нечистоте.

Слова эти, обращенные к своему телу, он приводил в исполнение и до такой степени изможадал свое тело, что от него остались только кости, покрытые кожей.

Диавол же, увидев, что той бранью он не достиг ничего и не только не победил святого, но и сам потерпел поражение, задумал устрашить его призраками и привидениями. Однажды ночью, стоя на молитве, святой Иларион услышал плач детей, рыдание жен, рыкание львов и голоса других диких зверей и животных, шум и смяте-

---

[1] *Брань* — монашеское аскетическое выражение, означающее упорное и продолжительное искушение, которому диавол подвергает сопротивляющихся ему иноков. По причине этой борьбы с диаволом иноки на языке аскетов часто зовутся духовными воинами.

ние, как бы от великой битвы. Бес нарочно привел полк своих друзей, завопивших на разные голоса, чтобы Иларион устрашился одного их рева и бежал, покинув пустыню. Но, поняв, что все это — только ужасы, наводимые бесами, святой осенил себя крестным знамением, вооружился щитом веры и, пав на колена, вознес к Богу прилежную молитву, чтобы Он подал ему помощь свыше. Таким образом, припадая к земле на молитве[1], Иларион обессиливал нападавшего на него врага. Но лишь только он немного приподнялся, желая увидеть глазами то, что слышал ушами (а ночь была лунная, очень светлая), как на него с великим шумом устремилась громадная колесница с ужасными и свирепыми конями.

— Господи, Иисусе Христе, помоги мне! — воскликнул святой, — и тотчас же земля расступилась и поглотила всю бесовскую силу. Иларион же воспел, как бы торжествуя победу над фараоном (см.: Исх. 15, 1–2)[2]:

— *Коня и всадника ввергнул в море. Ты простер десницу Твою: поглотила их земля... Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо* (Пс. 19, 8–9).

Но побежденный враг не переставал, однако, восставать и ополчаться на святого, искушая его разными другими способами: когда Иларион почивал, то рядом с ним как будто ложились бесстыдно глумившиеся нагие женщины; когда он был голоден или жаждал, бесы показывали ему различные сладкие кушанья и напитки; когда он молился, то иногда являлся волк и выл, стоя перед ним, иногда же прыгала лисица, или воины сражались, и один из них, пораженный на смерть, падал к ногам святого и молил, чтобы тот похоронил его.

Однажды, стоя на молитве, Иларион забылся, и ум его, побежденный естественной немощью, помыслил о чем-то постороннем.

---

[1] Древние христиане падали для молитвы на землю, распростерев руки и изображая своим положением крест.

[2] Эту песнь воспели по переходе через Красное море Моисей и израильтяне, когда Господь избавил их от погони фараона: «Коня и всадника ввергнул в море. Ты простер десницу Твою: поглотила их земля». Фараоном у древних отцов Церкви и христианских писателей образно назывался диавол, преследующий верующих в земной жизни, которая на языке тех же писателей часто называется пустыней.

Бес тотчас же вскочил ему на плечи, подобно воину, и, ударяя его ногами по ребрам, а бичом по плечам и по шее, сказал:

— Беги, беги, что ты спишь! — и, смеясь, спросил: — Не хочешь ли ячменя?[1]

Святой же не обращал внимания на все эти диавольские козни и отгонял их от себя, вооружаясь крестным знамением.

Он устроил себе маленькую келейку, наподобие гроба, так что она едва вмещала его в себе, и жил в ней, подвизаясь в борьбе с невидимыми духами. Однажды ночью разбойники задумали напасть на него, в надежде найти что-нибудь у него, и всю ночь безуспешно проискали его. Найдя его на следующее утро и увидев, что у него ничего нет, они спросили святого:

— Что бы ты сделал, если бы на тебя напали разбойники?

— Нагой не боится разбоя, — возразил он им.

— Но ведь они могли бы тебя убить, — снова сказали те.

— Я не боюсь разбойников, потому что всегда готов к смерти, — ответил Иларион.

Изумленные таким мужеством и верой, разбойники признались ему, что всю ночь его искали, но не могли найти. Затем они ушли, дав обет исправить свою жизнь.

Когда преподобный Иларион прожил много лет в той пустыне, слух о святости его жизни прошел по всей Палестине, и к нему начали стекаться люди, искавшие помощи в его святых молитвах[2]. Первой пришла некая женщина из Елевферополя[3], проведшая в супружестве пятнадцать лет и оставшаяся бездетной. Терпя от мужа за неплодие постоянные укоры и оскорбления, она дерзнула прибегнуть к святому и припасть к его ногам. Иларион, увидев ее, отвернулся. Тогда она начала со слезами молить его:

— Зачем ты отвращаешься от меня, раб Божий, когда я нахожусь в печали? Зачем бежишь от меня, когда я умоляю тебя с рыда-

---

[1] Бес, очевидно, намекал на прозвище, данное святым Иларионом своему телу. См. выше.

[2] Это наступило чрез двадцать два года пустынных подвигов его, начиная с 328 года.

[3] *Елевферополь* — город Южной Палестины, на дороге между Иерусалимом и Газой. В настоящее время здесь расположено селение, близ которого лежат развалины древнего города.

ниями? Воззри не на женщину, а на боль ее сердца и на ее слезы! Умилосердись надо мной, угодник Христов! Вспомни, что Спаситель почтил наш пол, облекшись от него человеческой плотью, что и сам ты рожден женщиной. Поэтому не отвергни без помощи меня, притекшую к тебе и ожидающую от твоих молитв разрешения своему неплодию, за которое мой муж постоянно укоряет и оскорбляет меня.

Эти слова преклонили святого Илариона на милость: он возвел очи свои к небу и помолился о ней. Затем он велел ей возвратиться домой и сказал:

— Ступай с непостыдной надеждой, и Господь исполнит твое прошение.

Женщина вернулась к себе с радостью и с верой к словам святого. Бог же услышал молитву Своего раба, и в скором времени женщина, согласно пророчеству Илариона, зачала и родила сына. На следующий год она пришла к нему с младенцем на руках и сказала:

— Вот плоды твоих святых молитв, угодник Божий; благослови сына, которого ты испросил мне у Бога.

Святой благословил младенца и мать и отпустил их с миром. Женщина ушла, хваля Господа и прославляя по всей той стране Его угодника.

После того явилась к нему другая женщина, по имени Аристенета, христианка, супруга некоего вельможи Елпидия. Три сына ее, заразившись тлетворным поветрием, в один день впали в тяжкую болезнь, от которой никакие врачи не могли излечить их, и они были близки к смерти. Услышав о святом Иларионе пустыннике, эта женщина пришла к нему со своими рабынями и евнухами и с плачем припала к его ногам.

— Заклинаю тебя Господом нашим Иисусом Христом и честным Крестом Его, — говорила она, — приди в Газу и исцели от болезни трех умирающих сыновей моих, чтобы и в языческом городе прославилось имя Господне и посрамился ложный бог Газский Марнас[1], почитаемый неверными.

---

[1] *Марнас* почитался язычниками богом города Газы и владыкой дождей; во время засухи для умилостивления его совершались торжественные религиозные процессии. Храм Марнаса в Газе разрушен был только в 401 году по Рождестве Христовом.

Святой отказывался, говоря, что он никогда не выходит из пустыни и не приближается не только к городу, но даже и к селам. Но женщина до тех пор докучала ему слезными мольбами, пока он не обещался прийти к ней по захождении солнца. Поздним вечером святой пришел в Газу. Едва прикоснулся он к больным отрокам, призывая над ними имя Иисуса Христа, как у них выступил обильный пот, как бы некий поток из источника. Они тотчас же встали здоровыми и, приняв пищу, начали благодарить Бога и лобзать святые руки своего врача. Слух прошел по всей Газе, и с того времени больные разными недугами стали приходить в пустыню к преподобному Илариону и, по его молитвам, получали исцеления, — вследствие чего множество язычников обращалось к вере в Господа нашего Иисуса Христа. Многие пожелали соревновать его добродетельному житию и, покинув мир, стали селиться около него в пустыне. В скором времени число учеников преподобного Илариона умножилось и святой стал первым наставником иноков в Газе и Палестине, подобно тому как преподобный Антоний в Египте.

Однажды к преподобному привели женщину, потерявшую зрение с десятилетнего возраста и без всякой пользы растратившую на врачей все свое состояние. Святой исцелил ее плюновением, уподобившись в этом Господу (см.: Ин. 9, 6): он плюнул на лицо ее — и она тотчас прозрела, и все прославили Бога.

Раб и возница некоего Газского вельможи, уязвленный бесом во время управления колесницей, весь оцепенел, так что не мог двинуть ни одним суставом и только язык его остался свободным. Раба этого принесли в пустыню к преподобному Илариону. Увидев его, святой сказал:

— Тебе нельзя исцелиться от недуга, пока не уверуешь в могущего исцелить тебя Христа Господа.

— Верую в Него, только пусть Он исцелит меня, — с усердием ответил больной.

Сотворив молитву, святой исцелил его силой Христовой и, научив святой вере, повелел креститься. Таким образом этот раб вернулся домой свободным от порабощения бесу и здравым телом и душой.

Другой юноша из окрестностей Иерусалима, по имени Марсит, обладал большой силой, так что мог поднять и нести пятнадцать мер

пшеницы, и ему не нужно было иметь осла для перевозки тяжестей. При такой силе в него вошел бес и начал мучить, гоняя по пустыням и полям. Поймав его, окрестные жители связывали ему руки и ноги железными оковами и цепями и держали под крепким запором, зорко за ним наблюдая. Но он убегал, легко сокрушая оковы и запоры у дверей, по причине удвоенной силы, бесовской и своей собственной, и избивал всех встречавшихся ему на пути людей: у одних он отгрызал нос, уши и губы, другим ломал руки и ноги, третьим выкалывал глаза, четвертых, наконец, убивал, перегрызая горло. Много других зверств совершал он в тех местах, и никто не мог его укротить. Собравшись в большом числе, народ, наконец, изловил его, связал по всему телу железными цепями и приволок к преподобному, как дикого вола. Увидев бесноватого, Иларион велел развязать его, и тот стал кроток, как ягненок. Усердно помолившись о нем, святой сказал находившемуся в нем бесу:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю тебе, нечистый дух, выйди из этого человека и удались в безводные места.

Бес вышел, потрясая и повергая на землю больного, и он немедленно исцелел по благодати Господней и по молитвам святого, и стал усердно прославлять преподобного Илариона. Преподобный же запрещал ему и всем прочим присутствовавшим, говоря:

— Не нашей силой совершилось это, но по человеколюбию и благодати Спасителя, понесшего наши страдания по неизреченной милости Своей к нам, рабам Своим. Его мы беспрестанно должны славить, благодарить и величать.

Когда он говорил это, к нему привели другого мужа, по имени Ориона, одного из богатых и знатных граждан города Айлы[1]. В нем был легион бесов, и его привели, связанного железными цепями. Приблизившись к святому, он вырвался из рук приведших его людей и, подойдя сзади, схватил преподобного и поднял его на воздух выше своего роста. Все закричали от страха, как бы он не ударил его о землю и не сокрушил его кости, высохшие от долгого поста. Святой же улыбнулся и сказал:

— Дайте моему противнику побороться со мной.

---

[1] *Айла* — крайний южный город Палестины, находившийся в глубине залива Красного моря.

Простерев назад свою руку, он взял бесноватого за волосы, поставил его перед своими ногами, связал ему руки и, наступив на ноги, сказал:

— Мучайся, легион бесовский, мучайся!

Бесы же, находившиеся в том человеке, завопили разными голосами, производя шум, как бы от многочисленной толпы. Тогда святой начал молиться:

— Господи, Иисусе Христе! Освободи несчастного от легиона бесов, ибо как ты одного из них можешь победить, так легко — и многих.

Бесы с громким воплем тотчас вышли из того человека, и он выздоровел, избавился от своих мучений и принес благодарение Богу и Его угоднику, святому Илариону, за свое исцеление. Чрез некоторое время он снова вернулся со своей женой и друзьями к святому Илариону с богатыми дарами, в благодарность за исцеление. Но святой не принял их и сказал:

— Разве ты не слышал, как пострадал Гиезий (см.: 4 Цар. 5, 20–27)[1], приняв плату от человека, исцелившегося от проказы? Благодать Господня не продается. Поди раздай это нищим твоего города, нам же, живущим в пустыне, имущество не служит на пользу.

Таким образом он отослал его с дарами обратно.

После этого к святому принесли расслабленного каменотеса из города Маиюмы, по имени Занана, который тотчас же выздоровел по молитвам преподобного.

Затем была приведена из пределов Газы бесноватая девица. Бес вошел в нее по следующей причине. Ее полюбил один юноша и пожелал находиться с ней в плотском сожительстве; но она сопротивлялась ему и не соглашалась на его нечистые пожелания. Увидев, что он не добьется успеха ни льстивыми словами, ни дорогими подарками, юноша пошел в египетский город Мемфис[2] к волхвам

---

[1] *Гиезий*, ученик пророка Елисея, взял плату от Неемана Сириянина, исцеленного пророком от проказы, за что пророк поразил его и его потомство проказой Неемана.

[2] *Мемфис* — древняя могущественная столица Египта — находился в Среднем Египте у Нила, между главной рекой и ее притоком, омывавшим западную сторону города. От блестящей столицы Древнего Египта ныне сохраняются лишь самые ничтожные остатки при деревнях Метрасани и Моганнан.

Асклепия[1] и рассказал им о болезни, уязвившей его сердце любовью к этой девице. Получив от них какие-то волшебные слова, написанные на медной дощечке, он возвратился домой и закопал дощечку под порогом дома, в котором жила та девица: так научили его сделать волхвы. И тотчас же бес вошел в девицу и в такой степени распалил ее блудной похотью, что она начала бесстыдно кричать, призывая юношу по имени для удовлетворения страсти, сбрасывать с себя одежды, обнажаться и всячески метаться, сгорая огнем любодеяния. Видя это, родители ее поняли, что болезнь причинена ей диаволом, и повели в монастырь к преподобному (в то время преподобный собрал уже множество братий и устроил большой монастырь). Когда ее вели к нему, бес внутри ее вопил и рыдал.

— Мне было лучше, — говорил он, — когда я в Мемфисе прельщал людей сонными видениями, нежели теперь, когда я послан сюда.

Когда же ее привели к святому, бес завопил:

— Я неволей вошел в эту девицу и насильно послан в нее моим властелином. Теперь же я жестоко мучаюсь и не могу выйти, так как привязан к медной дощечке и закопан под порогом. Я не выйду, пока не разрешит привязавший меня юноша!

Святой слегка улыбнулся и сказал:

— Так вот как велика твоя сила, диавол, что тебя связали ниткой и насильно удерживают медной доской? Почему же ты не вошел в связавшего тебя юношу?

— В нем уже находится друг мой, любострастный бес, — ответил тот.

Помолившись, святой изгнал его из девицы и дал ей наставление, чтобы она остерегалась вражьих сетей и избегала беседы с бесстыдными юношами.

Некий князь, одержимый нечистым духом, пришел к святому и получил исцеление. В благодарность он принес своему безмездному врачу, святому Илариону, десять фунтов золота и умолял его принять дар. Тогда святой показал ему свой ячменный хлеб.

---

[1] *Асклипий*, или *Эскулап*, — греко-римский бог врачебной науки и исцелений от всякого рода недугов. Почитание его впоследствии перешло и в Египет. Христиане разумели под этим именем одного из бесов.

— Питающиеся таким хлебом считают золото за болотную тину, — сказал он и, не приняв золото, отпустил князя здоровым.

Преподобный Антоний, услышав об Иларионе и о чудесах его, радовался духом и часто писал к нему. Приходившим же к нему для исцеления из Сирии он говорил:

— Зачем вы так утруждаете себя, совершая долгое путешествие ко мне, когда имеете у себя вблизи моего сына о Христе, Илариона, получившего от Бога дар исцелять всякие болезни.

По всей Палестине начали возникать монастыри с благословения святого Илариона, и все иноки приходили к нему, чтобы услышать его поучительное слово. И он всех наставлял на путь спасения.

Однажды братия упросили его пойти посетить умножившиеся его молитвами и благословением монастыри, утвердить их и дать им устав иноческой жизни. Когда он собрался в путь, к нему стеклось множество братий, около трех тысяч, которые следовали за ним, наслаждаясь его сладчайшими поучениями. Обходя монастыри и посещая братию, святой совершил множество чудотворений. У одного брата, отличавшегося страннолриимством, был свой виноградник, от которого он всякий год имел около ста мер винограда. Он с любовью принял святого Илариона и умолял братию зайти к нему в виноградник и нарезать себе гроздьев, сколько кто захочет, так как виноград уже созрел. Каждый нарезал себе сколько хотел; братий же было, как сказано выше, около трех тысяч. Видя такую любовь брата того, преподобный благословил его виноградник, и в том году брат собрал из своего виноградника более трехсот мер винограда. Так благословение преподобного увеличило плодородие виноградника за страннолюбие брата. Другой же брат, скупой и жестокий, увидев проходившего мимо святого с его духовным стадом, приставил к своему винограднику сторожа, чтобы кто-нибудь не сорвал себе хотя бы одной кисти; сторож бросал в братию камнями, говоря, чтобы никто не приближался к винограднику, так как он чужой. Этот брат лишился благословения святого и собрал очень мало винограда, да и тот был кислый.

Однажды преподобный отправился в пустыню Кадис[1] посетить одного ученика. На пути Илариону случилось проходить чрез языче-

[1] *Кадис* — иначе *Кадес* — пустыня на самом юге Палестины.

ский город Елусу[1]. Здесь он застал бесовский праздник, на который собралось из окрестных сел множество языческого народа, ликовавшего и приносившего в храме нечестивые жертвы своей богине Афродите[2]. Услышав о приближении святого Илариона, они вышли к нему навстречу с женами и детьми, так как до них уже давно дошел слух, что он — великий чудотворец. Увидев его, они наклонили головы и закричали на сирийском языке: «Варах! Варах!» — что значит: благослови, благослови! Затем они привели к нему множество больных и бесноватых, и преподобный силой Христовой исцелил их. Научив язычников познанию Единого истинного Бога, он всех их привел к вере Христовой и не прежде покинул город, как они разорили идольский храм, сокрушили идолов, построили святую церковь и крестились во имя Господне. Утвердив их в вере и преподав благословение, святой отправился в дальнейший путь.

Преподобный Иларион получил от Бога такую благодать, что посредством обоняния и осязания вещей узнавал, кто какой одержим страстью. Раз один скупой и сребролюбивый брат прислал святому плодов из своего сада. Когда наступил вечер и святой сел за трапезу, ученики предложили ему плодов, присланных скупым братом. Увидев их, Иларион отвернулся.

— Уберите их отсюда, — сказал он, — я не могу выносить смрада, исходящего из этих плодов.

Ученик его, блаженный Исихий, стал настаивать на том, чтобы он вкусил и благословил любовь брата.

— Не гнушайся, отче, — говорил он, — приношением брата, так как он с верой принес тебе первые плоды своего виноградника.

— Разве ты не чувствуешь, — ответил святой, — что от этих плодов исходит смрад скупости?

— Как же могут плоды, кроме своего естественного запаха, издавать еще смрад какой-нибудь страсти? — спросил Исихий.

— Если ты не веришь мне, то дай эти плоды волам и смотри, будут ли они есть?

---

[1] *Елуса* — ныне *Ель-Куласа* — город на юге Палестины, на севере пустыни Кадис, близ Аравийской границы на юго-запад от Мертвого моря.

[2] *Афродита* — греческая богиня любви и красоты. Празднества в честь ее сопровождались проявлениями крайней разнузданности и разврата.

Исихий отнес и положил плоды в ясли перед волами, но волы, понюхав, начали неистово мычать и, будучи не в состоянии выносить смрада, исходившего от тех плодов, оторвались от яслей и убежали.

В это время святому было уже шестьдесят три года. Братии около него собралось очень много, так что нужно было расширить монастырь. Многочисленные заботы мешали безмолвию преподобного. Кроме того, к нему приходило множество людей, искавших: кто — исцеления, кто — благословения. Приходили и епископы и священники с прочими служителями Церкви, приходили князья и вельможи из многих городов и областей, чтобы услышать от Илариона слово Божие и получить его благословение. Святой очень огорчался, что приходившие не давали ему безмолвствовать, и плакал, вспоминая молчание первых дней, когда он был один в пустыне. Видя его постоянно скорбящим и плачущим, братия спрашивали его:

— Отчего ты так скорбишь и плачешь, отче?

Он же отвечал:

— Оттого я так скорблю и плачу, что снова возвратился в мир и получил на земле свою награду, потому что все палестинские и окрестные города прославляют меня, вы тоже чтите, как владыку, и зовете господином всех живущих в монастыре.

Услышав от преподобного такие слова, братия догадались, что он хочет тайно уйти от них, и стали тщательно смотреть, чтобы он не оставил их. Старец скорбел таким образом в течение двух лет.

Однажды пришла к нему Аристенета, жена епарха[1] Елпидия, у которой некогда святой исцелил трех умиравших сыновей ее. Она просила у него благословения и молитв на дорогу, так как намеревалась пойти в Египет — поклониться преподобному Антонию. Услышав об Антонии, святой вздохнул и сказал:

— О, если бы и мне можно было пойти туда и увидеть во плоти святого и любимого отца моего Антония. Но братия насильно удерживают меня здесь, и я не могу пойти к нему.

Помолчав немного, он горько заплакал.

— Вот уже второй месяц, — промолвил он, — как весь мир скорбит о потере великого светильника, ибо преподобный Антоний уже покинул свое тело.

---

[1] *Епарх* — правитель города или области.

Услышав это, женщина и все присутствовавшие поняли, что ему дано было от Бога откровение о преставлении преподобного Антония. Аристенета вернулась домой, а через несколько дней пришла весть о кончине Антония.

Не вынося молвы и людского почета, притом зная, по откровению от Бога, что Он соизволяет на его отшествие оттуда, святой Иларион призвал некоторых из своих учеников и велел им идти с ним. Приведя осла, они посадили на него преподобного отца, так как от старости он уже не мог идти пешком, и, поддерживая его, пошли вместе с ним. Когда остальные братия, а также жители окрестных сел и городов узнали, что преподобный покинул их, они собрались в числе десяти тысяч человек и, погнавшись за ним, настигли его. С плачем припали они к святому и молили не оставлять их.

— После Бога мы тебя имели в Палестине отцом, укрепляющим нас и помогающим нам. Не оставляй же нас одних, как овец без пастыря.

— Зачем вы, чада мои, сокрушаете мое сердце? — увещевал их святой. — Да будет вам известно, что я ушел не без Господней на то воли: я молился Господу, и Он повелел мне уйти отсюда, чтобы не видеть скорби, имеющей постигнуть Божию Церковь, не смотреть на разорение святых храмов, на попрание алтарей и на пролитие крови моих чад. Не удерживайте же меня, чада мои.

Услышав, что ему было открыто об угрожающем им бедствии, они еще усиленнее стали молить его — тем более не покидать их, но помочь им в скорби своими молитвами. Огорчившись, святой ударил в землю жезлом и сказал:

— Не буду ни есть, ни пить, пока вы меня не отпустите; если же хотите увидеть меня мертвым, то удерживайте.

В течение семи дней удерживали они преподобного своими мольбами и, наконец, убедившись в непреложности его намерения, с миром отпустили. Все множество народа с плачем далеко провожали его. Подойдя к городу Вефилии[1], святой преклонил колена, помолился со всеми и, поручив их Господу, отпустил домой. Выбрав сорок человек братии, о которых ему было известно, что они в состоянии вынести труд путешествия, постясь и вкушая немного пищи,

[1] *Вефилия* — иначе *Ветулия* — город Палестины, лежащий к югу от Газы.

только по захождении солнца, он взял их с собой. После пятидневного пути святой прибыл в Пилусию[1]. Посетив братию, жившую в ближней пустыне в местности, известной под названием Лихнос, он ушел оттуда и через три дня пришел в город Фаваст. Здесь он виделся с епископом Драконтием исповедником, находившимся в заточении, и оба утешились боговдохновенной беседой[2]. После нового пути, длившегося несколько дней, старец с великим трудом дошел до Вавилона, чтобы посетить епископа Филона[3] исповедника. Этих двух мужей изгнал в те места царь Констанций, помогая злочестивым арианам. Повидавшись с блаженным Филоном и побеседовав с ним, преподобный продолжал свой путь и пришел в город Афродитополь, а затем, после трехдневного пути по страшной и суровой пустыне, достиг высокой горы, где было пребывание преподобного Антония.

Здесь преподобный Иларион нашел двух учеников своих, Исаака и Пелусиана, которые очень обрадовались, увидев святого. Местность та была очень красива, и святой с большим усердием обошел ее. Исаак же и Пелусиан показывали Илариону все места, освященные трудами преподобного Антония.

— На этом месте пел святой отец наш Антоний, — рассказывали они, — а на этом предавался безмолвию; здесь молился, а там сидел и плел корзины; здесь имел он обыкновение отдыхать от трудов, а там спать, этот виноград и эти деревья он сам насадил, а это гумно устроил своими руками; этот пруд для поливки сада он выкопал сам, с большим трудом и обливаясь пóтом; вот лопатка, которой святой долгое время пользовался для копания земли.

Это и многое другое показывали они святому Илариону. Он же, придя на место, где Антоний имел обыкновение отдыхать, со страхом и радостью облобызал его ложе и возлег на нем. На верху горы были две каменные келии, куда святой Антоний уходил для безмолвия, скрываясь от докучливости приходивших к нему посетителей.

---

[1] *Пилусия*, или *Пелуза*, а также упоминаемые дальше: Лихнос, Фаваст, Вавилон (Египетский; ныне часть Каира), *Афродитополь* и *Брухия* — города и местечки Нижнего (Северного) Египта.

[2] *Драконтий* — епископ Ермопольский (в Египте), ученик преподобного Памвы.

[3] *Филон* — епископ Киринейский (Киринея — область верхней Ливии по северному берегу Африки на запад от Египта).

Приведя туда по ступеням Илариона, ученики показали ему виноградные лозы и разные плодовые деревья, изобиловавшие плодами, и сообщили, что их насадил святой Антоний только три года тому назад.

Отдохнув здесь с своей братией, преподобный Иларион снова возвратился в Афродитополь и отпустил братий, велев им вернуться в Палестину в свой монастырь, при себе же оставил только двоих. С ними он отправился в находившуюся недалеко от того города пустыню, в которой и поселился, пребывая в безмолвии, посте, молитве и в подвигах, столь великих, — как будто только сейчас начал свое иноческое о Христе житие.

По смерти преподобного Антония в течение трех лет в этой местности было бездождие и по всей стране свирепствовал голод, потому что почва выгорела от зноя, как от огня. Народ говорил, что не только люди скорбят о смерти преподобного, но и земля, небо же не дает дождя. Люди и домашние животные умирали от голода и жажды. Услышав, что в тех местах живет святой Иларион, ученик Антония, множество народа с женами и детьми собралось и отправилось к нему в пустыню. Придя, они начали усердно молить его:

— Бог послал нам тебя вместо Антония: умилосердись и помолись Господу, чтобы Он по великой Своей милости послал дождь нашей иссохшей от бездождия земле.

Видя несчастье этих людей, погибающих от голода и жажды, святой Иларион возвел очи и руки к небу и начал со слезами молиться. Тотчас же пошел великий дождь и досыта напоил всю землю[1]. С того времени народ стал ходить к преподобному, принося своих больных. Видя, что и здесь ему докучают и не дают безмолвствовать, святой захотел удалиться в пустыню Оасим[2] и, собравшись, отправился в путь со своими двумя учениками. Миновав Александрию, он пришел в Брухию, где нашел знакомых братьев, которые с радостью приняли его. Побыв у них немного, он вознамерился уйти, но братия не хотели его пустить и умоляли остаться с ними. Тогда он ре-

---

[1] Это было в 359 году.

[2] *Оасим* — или Великий Ливийский Оазис — лежит к западу от пустыни Фиваиды; древняя греческая колония, служившая также местом ссылки: так, сюда был сослан еретик Несторий.

шил уйти от них тайно ночью, но когда ученики готовили для него осла, братия проведали об этом и, придя, легли у двери.

— Лучше нам умереть, лежа у ног твоих, — говорили они, — нежели так скоро лишиться тебя!

— Встаньте же, чада мои, — молил их преподобный, — полезнее и для вас самих и для меня, чтобы вы меня скорее отпустили, потому что мне было откровение Божие, повелевающее уйти отсюда. Потому-то я и стараюсь поскорей удалиться от вас, чтобы из-за меня вас не постигла печаль. Воистину вы потом поймете, что не напрасно я спешу и уклоняюсь от пребывания с вами.

Услышав эти слова, братия поднялись, а святой сотворил молитву, обнял их и ушел. Благодать Божия охраняла его на пути чрез непроходимую пустыню.

На другой день по уходе его из Брухии сюда пришли из Газы тамошние язычники с палачами и спрашивали, где Иларион. Узнав, что он ушел, они сказали друг другу:

— Посмотрите на этого волшебника: он узнал, что ожидает его от нас, и убежал.

Нечестивые обитатели Газы с самого начала завидовали святому, что народ стекался к нему и переставал поклоняться их богу Марнасу. В особенности из-за этого были озлоблены на преподобного жрецы Марнасовы; они всячески старались погубить его, но не могли, так как все окрестные города и села очень почитали святого. Когда же умер царь Констанций и на престол вступил злочестивый служитель бесов, Юлиан Отступник, беззаконники сочли это время удобным для исполнения своего давно задуманного злого замысла. Язычники города Газы приступили к нечестивому царю, оклеветали перед ним преподобного Илариона и учеников его и выпросили письменный указ, повелевавший разорить его монастыри близ Газы, изгнать из пределов той области его учеников, предварительно избив их, а самого Илариона, так же как и помощника его Исихия, убить. Нечестивые так и поступили: разорили монастыри и разогнали стадо Христово. Исихий же, наиболее любимый Иларионом за его усердное послушание, которым он превосходил остальных учеников, скрывался по пустыням, бегая от рук неверных.

Тем временем преподобный Иларион, хранимый Богом, жил в Оасимской пустыне. Когда он пробыл там уже около года, к нему пришел ученик его Адриан с известием, что царь Юлиан убит, — и звал его в Палестину на прежнее место, так как в Церкви снова водворился мир. Любя безмолвие, святой не захотел вернуться в Палестину, но, видя, что и в Оасимской пустыне не может укрыться от людей, отправился пустыней в Ливийские края с одним учеником своим Зиноном; Адриан же с другим учеником возвратился в Палестину.

Придя в приморский город Паретон[1], Иларион сел на корабль и отплыл в Сицилию, чтобы избежать человеческой славы. У хозяина корабля был сын, мучимый нечистым духом, который завопил в нем:

— Раб Божий Иларион! Почему ты и на море не даешь нам покоя? Потерпи, пока мы пристанем к берегу, чтобы мне отсюда не пришлось низвергнуться в пропасть.

Святой отвечал:

— Если Бог велит тебе оставаться в Своем создании, оставайся, если же Он изгонит тебя, то что нам до того: я человек грешный.

Услышав это, отец больного отрока вместе со всеми бывшими на корабле припал к святому, моля его помиловать сына и изгнать из него беса. Но святой не соглашался, называя себя грешным.

— Если вы мне обещаете, — сказал он, наконец, — не говорить никому обо мне в той стране, куда мы плывем, то я помолюсь моему Владыке, чтобы Он изгнал лукавого духа.

Те клятвенно обещали. Тогда, сотворив молитву, преподобный изгнал из отрока беса, и все прославили Бога.

Когда корабль пристал к сицилийской горе Пихону[2], святой отдал корабельщику за провоз Евангелие, переписанное им собственноручно во дни юности: ему нечего было дать другого, потому что он был настолько же нищ имуществом, как и духом. Но хозяин корабля не принял от него платы, хотя святой очень настаивал на том, чтобы он взял.

— Не будет того, чтобы я взял что-нибудь у вас, так как вы сами нищи и ничего не имеете, — отвечал хозяин корабля.

---

[1] *Паретон* — приморский город Нижнего Египта.

[2] *Пихон* — мыс на юге острова Сицилии.

Святой же радовался духом, видя себя совершенно нищим и не имеющим ничего суетного. Отойдя от берега, приблизительно на двадцать поприщ, он поселился здесь со своим учеником. Ученик собирал ежедневно вязанку дров, относил ее в ближнее село и на вырученные деньги покупал себе ломоть хлеба, которым они оба и питались, благодаря Бога.

Но *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14). Один бесноватый в церкви святого Петра в Риме воскликнул:

— Недавно прибыл в Сицилию раб Христов Иларион; никто его не знает, и он думает, что может утаиться, но я пойду туда и укажу его.

Так и случилось. Этого человека привели в Сицилию; в Пихоне он нашел святого Илариона, пал перед его келией и получил, по молитвам преподобного, исцеление. С того времени узнали о нем жители той страны. Множество людей стало приходить к нему, ища исцеления от своих болезней, и никогда не возвращались обратно, не получив искомого. Вышеупомянутый же человек, пришедший из Рима и исцелившийся от беснования, предлагал святому богатые дары в благодарность за исцеление; но святой не принял их, говоря:

— Написано: *даром получили, даром давайте*[1] (Мф. 10, 8).

Пока преподобный пребывал в Сицилии, его возлюбленный ученик, блаженный Исихий, в продолжение трех лет искал по всему миру своего любимого отца духовного, преподобного Илариона: тщательно обошел он много стран, гор и пустынь, но нигде не нашел его. Будучи затем в Пелопоннесе[2], в приморском городе Метоне, он услышал от одного еврейского купца, что в Сицилии появился какой-то христианский пророк, совершающий много чудес.

— А как зовут его и каков он видом? — спросил Исихий.

— Я не видел его и не знаю по имени, — ответил еврей, — я только слышал о нем.

Поняв, что этот пророк — тот самый, кого он ищет, Исихий сел на корабль и отплыл в Сицилию. С трудом удалось ему разузнать кое-что о святом от спутников, единогласно утверждавших, что он

---

[1] Этими словами Спаситель запретил продавать полученную от Святого Духа благодать.

[2] *Пелопоннес* — южная часть Греции на Балканском полуострове.

сотворил много чудес и ни от кого из них не взял за это даже ломтя хлеба. Найдя святого в Пихоне, Исихий упал к его ногам, целуя их и омывая слезами. Старец с трудом мог поднять с земли плакавшего от радости ученика и утешил его душеспасительной беседой.

Увидев спустя некоторое время множество приходивших к нему и прославлявших его людей, старец сказал своим ученикам, Зинону и Исихию:

— Невозможно нам оставаться здесь, чада; пойдемте в другую страну, где бы никто не знал о нас.

Собравшись, он тайно удалился с ними в далматский город Епидавр[1], куда направил его Бог для облагодетельствования им многих. Не успел он пробыть несколько дней в одном безмолвном месте близ Епидавра, как жителям страны стало уже известно о пришествии к ним угодника Божия, бывшего раньше в Сицилии. Бог явил людям Своего раба и прославил его. Услышав о нем друг от друга, жители собрались и пришли к нему; поклонившись, они начали молить его помочь им в их великой беде: в тех местах обитал страшный змей, столь огромный, что он пожирал больших волов и поглощал людей. Таким образом, он погубил бесчисленное количество людей и домашнего скота. Услышав о нем, святой велел сложить множество дров и разжечь большое пламя, а сам, преклонив колена, помолился Богу, чтобы Он помиловал Своих людей и во славу Своего святого имени избавил их от пагубного змея. Затем он начал призывать змея. И вот змей явился, как бы влекомый какой силой на заклание. Все смотрели и ужасались. Святой же велел ему войти в пламя, и тотчас, повинуясь его словам, змей вошел в огонь и сгорел. Тогда люди прославили Бога и принесли благодарение святому Илариону.

С того дня многие начали прибегать к нему за помощью. Старец же скорбел и размышлял, где ему найти такое место, в котором бы он мог укрыться от людей и пребывать в безмолвии. В то время случилось великое землетрясение, от которого море сильно взволновалось и выступало из своих берегов. Волны поднимались так высоко, что покрывали большие горы, и корабли, заносимые водой, остава-

[1] *Епидавр* — город на берегу Адриатического моря, разрушенный в XI веке. Ныне — Рагуза.

лись на высоких местах. Жители расположенного у моря Епидавра, видя эти бедствия, подумали, что начинается второй потоп, и в ужасе, ожидая погибели всей земли и своей неминуемой смерти, громко рыдали. Вспомнив о святом Иларионе, все поспешили к нему, большие и малые, жены и дети, и с плачем умоляли его помолиться о них Богу, чтобы Он отвратил от них Свой праведный гнев. Святой встал и пошел с ними к городу. Придя, он стал между городом и морем; море же поднялось высоко на воздух над Епидавром, так что казалось, что оно касается облаков и уже готово было потопить город. Святой начертал на песке три креста и, подняв руки к небу, стал прилежно умолять Человеколюбца Бога, чтобы Он помиловал Свое создание. Когда он так молился, Бог явил Свое человеколюбие: повелением Господним, море понемногу утихло и вошло в свои берега, землетрясение прекратилось и ветры улеглись. Об этой великой силе Господней и молитвенном предстательстве преподобного Илариона в городе Епидавре отцы из рода в род рассказывали потом своим детям.

Между тем святой Иларион, избегая людской славы, ночью вышел оттуда и, найдя корабль, отправлявшийся в Кипр, сел на него с своими учениками. Во время плавания на них напали разбойники, и все бывшие на корабле очень испугались; Иларион же утешал их.

— Разве разбойников больше, чем сколько было воинства у фараона? — говорил он. — Но Бог и его потопил в море.

Когда морские разбойники приблизились к кораблю на такое расстояние, на какое можно забросить камень, святой с корабля, грозя на них рукой, сказал:

— Довольно с вас, что доплыли до этого места.

Разбойничьи корабли тотчас остановились, будучи не в состоянии плыть дальше и приблизиться к кораблю, на котором был святой. Разбойники потратили много труда, напрасно гребя, и со стыдом возвратились, отброшенные Божией силой от корабля.

Приплыв к острову Кипру[1], святой Иларион поселился в пустынном месте в двух верстах от города Пафы[2]. Но и здесь ему не удалось

---

[1] Около сентября 365 года.

[2] *Пафа* — приморский город Кипра, ознаменовавшийся проповедью апостола Павла. Здесь он поразил слепотой сопротивлявшегося ему волхва Елиму. Книга Деяний апостолов, гл. 13.

укрыться: сами бесы, обитавшие в людях, возвестили народу о его приходе. По Божию повелению, собрались бесноватые со всей страны, числом до двухсот, мужчины и женщины, пришли к святому и, по его молитвам, все освободились от беснования. Пробыв здесь два года, преподобный решил удалиться отсюда, ища пустынного места, где бы ему можно было в безмолвии окончить свою жизнь. Отойдя верст на двенадцать от моря, он нашел уединенное, дикое место среди высоких гор. Вокруг него росло много плодовых деревьев (плода которых он, однако, ни разу не вкусил), годная для питья вода стекала с горы; тут же был цветущий сад и заброшенный идольский храм, в котором жило множество бесов. Это место понравилось святому по своей чрезвычайной пустынности, и он прожил там пять лет. Бесы днем и ночью громко вопили, желая устрашить святого и прогнать его оттуда; он же боролся с ними посредством непрестанной молитвы и отдыхал в безмолвии, так как по причине трудного доступа к нему и множества населявших то место бесов никто не осмеливался приходить к нему.

Выйдя однажды из своей хижины, старец увидел лежавшего перед ней расслабленного и спросил Исихия:

— Кто этот человек и кто принес его?

— Это — владелец того места, где мы живем, — ответил Исихий.

Святой прослезился, простер над ним руку и сказал:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа, встань и ходи!

И расслабленный тотчас же встал совершенно здоровый и начал ходить, хваля Бога. После этого чуда все окрестные жители начали приходить ко святому, не страшась более ни враждебных духов, ни трудного и опасного пути.

Вспомнив о палестинских братьях, преподобный послал блаженного Исихия навестить их и приветствовать от своего имени. Сам же он стал помышлять об уходе, видя себя и здесь почитаемым и утруждаемым приходившими людьми, но дожидался возвращения Исихия. В это время умер ученик его блаженный Зинон, да и для него самого пришла пора окончить свое многотрудное земное странствование (ему было уже восемьдесят лет).

Предузнав о своем отшествии к Богу, преподобный собственной рукой написал свое завещание братии, причем оставил Исихию свя-

тое Евангелие, писанное собственноручно, власяницу и куколь[1]. После этого он стал изнемогать телом.

Когда слух о болезни святого Илариона достиг до жителей Пафы, то все благочестивые мужи тотчас пришли навестить его, а с ними и некая богоугодная женщина, по имени Констанция, больную дочь которой преподобный исцелил, помазав елеем.

Видя, что Господь призывает его к Себе, святой стал просить своих посетителей, чтобы по смерти его они, нимало не медля, погребли его тело в том саду, где он жил. Уже умирая, Иларион говорил, созерцая очищенным умом разлучение души от тела:

— Выйди, душа моя, что ты боишься! Выйди, что ты смущаешься! Восемьдесят лет служила ты Христу — и боишься смерти?

С этими словами он предал дух свой Богу[2]. Плача по нему, как по отцу и учителю, присутствовавшие погребли его на том месте, где он заповедал.

Вернувшись из Палестины и не найдя своего наставника, блаженный Исихий много дней рыдал над его гробом. Он намеревался перенести тело в Палестину к братии, но не мог, так как все окрестные жители стерегли тело, чтобы кто-нибудь не унес из их страны такое сокровище.

Тогда Исихий притворился, что хочет поселиться на этом месте, и сказал:

— Пусть я умру и буду погребен здесь вместе с моим отцом.

Поверив ему, люди оставили его жить на месте, где был погребен святой Иларион. Исихий же, по прошествии десяти месяцев, открыл гроб преподобного и увидел святое тело его, как бы только что умершее, светлое лицом и благоухающее. Он взял его и тайно ушел в Палестину. Палестинские иноки и миряне услышали о принесении Исихием мощей святого Илариона и собрались изо всех монастырей и городов со свечами и кадилами и, проводив их с честью, положили в Маиюме, в его первом монастыре.

Не следует умолчать и о том, что сделала вышеупомянутая Констанция. Будучи добродетельной и имея великое усердие к преподобному Илариону, она, по смерти его, стала часто ходить к его

---

[1] *Куколь* — капюшон, монашеская шапочка, служившая символом чистоты и незлобия. Иногда на куколь нашивался крест.

[2] Скончался в 371 или 372 году, 21 октября.

гробу, молиться по целым ночам и беседовать с ним как с живым, прося молитв за себя. Когда она узнала, что тело святого украдено, то от горести упала и умерла и своей смертью показала, какую она имела веру и любовь к святому.

Жители Кипра и Палестины спорили между собой, хвалясь святым Иларионом. Жители Палестины говорили:

— У нас тело святого Илариона.

— А у нас его дух, — отвечали кипряне.

В обоих местах, и в Кипре, где он был погребен, и в Палестине, куда был перенесен, совершалось много чудес святыми его молитвами, и подавались бесчисленные исцеления во славу Бога, Единого в Троице, Ему же да будет и от нас честь и благодарение и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИЛАРИОНА МЕГЛИНСКОГО

Болгарский царь Калоиоанн[1], брат царя Асеня, овладел греческими землями — Фракией, Македонией, Неадой и Элладой и взял город Меглину[2]. Здесь он нашел раку преподобного Илариона[3],

---

[1] *Калоиоанн* был вторым преемником Иоанна Асеня (1186–1195). Он был убит в 1207 году своим племянником Борилом, после которого стал царствовать сын Асеня — Иоанн II (1218–1241), бывший во время злодеяния Борила в России.

[2] По мнению некоторых, это то же, что древняя Едесса; другие же Едессой считают славянскую Водену, от которой Меглина находится на северо-восток в тридцати верстах. Теперь этот город не существует.

[3] *Преподобный Иларион* происходил от богатых и знатных родителей. Получив христианское воспитание, он на восемнадцатом году оставил мир и удалился в монастырь, где вскоре за свою строгую жизнь он был сделан настоятелем. Заботливый о спасении порученных ему душ, он побуждал их не терять дорогого времени, назначенного для спасения. Особенно он не терпел нетрезвости. В 1134 году он был посвящен Евстафием, архиепископом Болгарским, в епископа Меглинского. В это время в Болгарии была сильно распространена богомильская ересь, разделявшая дуалистическое учение, по которому зло и добро представляют собой два самостоятельных начала, между которыми происходит борьба. Святой Иларион вооружился апостольской ревностью и усердными молитвами, чтобы отвратить жителей от этого лжеучения. Он неутомимо обличал

епископа Меглинского, и побуждаемый благочестивой ревностью, пожелал перенести мощи святого в свою столицу Тернов[1] и взял их с собой. Когда патриарх Болгарский узнал о приближении святого, то вышел навстречу святым мощам со свечами и благоуханными каждениями вместе с епископами и со всем клиром своим, с вельможами и всем народом. Мощи святого были внесены и положены в богохранимом городе Тернове 21 октября.

Когда воцарился Иоанн Асень II, далеко расширивший пределы своего царства, была выстроена, по царскому желанию, в Тернове церковь во имя сорока мучеников, в которой и положены были мощи святого Илариона.

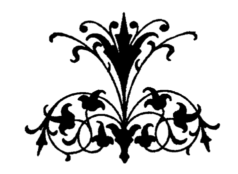
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ДАСИЯ, ГАИЯ и ЗОТИКА

Святые Дасий, Гаий и Зотик, находясь в Никомидии, вошли однажды в идольское капище и разрушили жертвенники. За то

нечестие богомилов, снимая с них личину лицемерной благости, которой они обманывали других. Предводители ереси отважились вступить в открытый спор со святителем Иларионом. Опровергнув возражения богомилов, святитель закончил свою речь такими словами: «Зачем вы, богомилы, обманываете себя и других, называетесь христианами, когда вы вовсе не христиане — враждуете против креста Христа Спасителя, не признаете Бога Единого, как веруют христиане, поносите древнее откровение, чтимое по слову Господа христианами? Простых людей обманываете вы лицемерной кротостью, когда дышите гордостью. Быть не может истинного благочестия в тех, кто не признает в себе сердечной порчи и не испрашивает благодати Божией молитвой и смирением! К чему посты ваши? Проверьте себя искренно — и увидите, что злые мысли, зависть, тщеславие, суетность, коварство, ложь, обманы — не дело в нас злого вещества и не побеждаются постом, а они — плод испорченного самолюбия и потому требуют для себя духовных подвигов». Внимая пастырскому увещанию, многие из богомилов умилились сердцем и, осудив прежнее нечестие свое, соединились с Церковью Христовой. В таком же духе боролся святой Иларион и с армянами, придерживающимися монофизитства, признающего во Христе одну природу — Божественную. Блаженный Иларион мирно почил в 1164 году.

[1] *Тернов* — один из значительных городов Болгарии, в древности бывший даже столицей.

они были подвержены всевозможным истязаниям и мучениям. Они были подвешены на дереве, причем их строгали конской скребницей и терли тела их волосяными полотнищами. Видя, что они презирают всякие муки и при этом обличают суетность идолов и громогласно проповедуют Христа Бога, единосущного со Отцом и Святым Духом, мучители повесили им на шею камни и бросили в море, где святые и нашли свое упокоение[1].



---

[1] Святые претерпели мученическую кончину в царствование Диоклетиана в 303 году.

День двадцать второй

ПАМЯТЬ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО **АВЕРКИЯ**, епископа Иерапольского

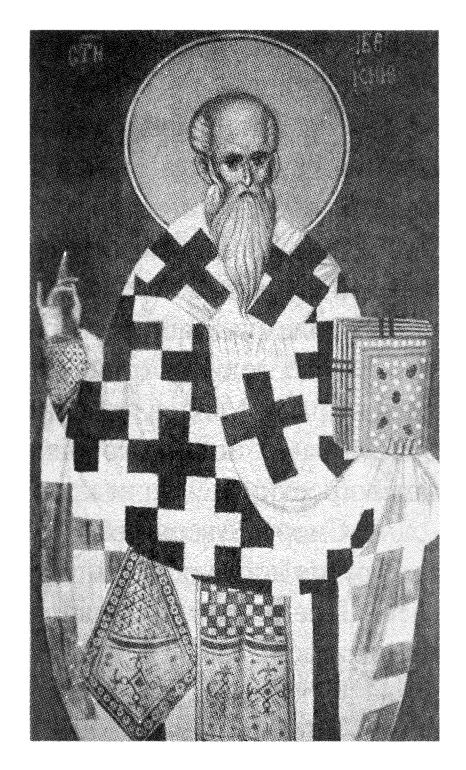
В царствование Марка Аврелия[1], сына Антонина, в городе Иераполе[2], населенном по преимуществу язычниками, был епископом святой Аверкий. Однажды там справлялся торжественный праздник в честь идолов, и все неверующие, собравшись в свой храм, ликовали и поклонялись своим бездушным богам — идолам, принося им жертвы. Святой Аверкий, при виде такого зрелища, прослезился, скорбя о том, что люди, ослепленные безумием, оставив Бога, поклоняются бесам и, забыв Создателя, чтут творение рук человеческих. Затворившись у себя дома, епископ молился, говоря:

— Боже веков и Господи милости, Ты создал всю вселенную и управляешь ею, Ты послал Единородного Сына Своего на землю, чтобы Он воплотился ради человека, — милостивым оком взгляни ныне с небес на весь мир; не оставь и города этого, где Ты поставил меня пастырем словесных овец Твоих; посмотри на помраченных людей: честь, Тебе подобающую, они воздают не Тебе, а скверным бесам, идолам, которых сами же себе сотворили; избави, Господи, этих заблуждающихся людей от погибели, из тьмы приведи их к истинному Твоему свету, сопричти их к избранному Твоему стаду!

---

[1] Царствовал с 161 по 180 год.

[2] *Иераполь* — богатый город во Фригии, области Малой Азии.



После этой усердной молитвы святой уснул, так как уже наступила ночь, и вот, в сонном видении ему предстал юноша необычайной красоты; Он, давая Аверкию жезл в руки, говорил:

— Иди, Аверкий, во имя Мое и этим жезлом сокруши начальников заблуждения!

Пробудившись от сна, Аверкий понял, что в видении ему явился Сам Господь, и почувствовал он в сердце своем несказанную радость. Исполнившись рвением, он тотчас встал и, взяв попавшийся ему кол, той же ночью в девятый час[1] отправился он к храму Аполлона, где накануне происходил праздник языческий и было принесено множество жертв. В этом храме находилось много драгоценных, прекрасно убранных, идолов. Подойдя к храму, Аверкий нашел двери его запертыми; он ударил в них, и они тотчас распахнулись перед ним. Войдя в храм, святой епископ сначала стал поражать главного идола Аполлона, а затем и других. Всех их он сокрушил и разбил на мелкие части. Глухие же и немые идолы, будучи бездушными и не обладая силой, не могли защищаться, когда святой сокрушал их. Только слышался стук от их падения.

Жрецы идольские, жившие недалеко от храма, проснулись и, слыша в храме великий стук, не понимали, что это могло значить. Прибежав к храму, они увидели, что идолы богов их лежали на земле в прахе, а святой Аверкий попирал обломки идолов своими ногами и сокрушал их жезлом. При виде этого на жрецов напал страх, святой же, обратившись к ним, сказал с гневом:

— Ступайте к начальникам города и ко всему народу, скажите, что боги ваши, упившись на вчерашнем празднике, который вы

---

[1] Часы считались от восхода солнца так, что 9-й час ночи соответствовал нашему 3-му часу пополуночи.

устроили для них, передрались между собой и, упав на землю, разбились.

Сказав это, святой отправился в свой дом, как сильный муж, победивший врагов; а такими воистину были идолы, приведшие к погибели много душ человеческих.

Жрецы идольские отправились к городским начальникам и рассказали им обо всем, что сделал Аверкий. С наступлением дня, весть о случившемся быстро распространилась по всему городу, и вот все, от мала до велика, простой народ и начальствующие лица, собрались к храму. Увидев идолов своих разбитыми на мелкие части и разбросанными по земле, все сначала изумились. Потом, исполнившись ярости, все стали кричать:

— Смерть Аверкию!

Другие добавляли к этому:

— Послать его к царю, там потерпит он муки, равные его преступлению!

— Нет, лучше сейчас же пойдем и сожжем его со всем его домом, — предлагали третьи.

Начальники остановили народ:

— Не смейте зажигать дома Аверкия; мы опасаемся, как бы не пострадал от пожара весь город, если вы подожжете дом Аверкия; лучше схватим его и сами предадим суду или же отошлем на суд к верховному правителю.

Когда народ находился в таком волнении и уже хотел напасть на дом Аверкия, соседи епископа, услышав об этом, отправились к нему в дом; они застали его учащим собравшихся к нему верующих и рассказали ему все, что слышали в народе, который хочет идти к его дому и схватить его, как злодея.

Услышав это, верующие устрашились и молили своего пастыря выйти из дома и скрыться где-нибудь на время, пока не прекратится волнение народное. Святой же без страха сказал им в ответ:

— Господь повелел Своим апостолам, чтобы они с дерзновением безбоязненно проповедовали всем народам слово спасения: так мне ли бояться людей, восставших против меня и ищущих моей души за мою ревность о Боге моем? Если я и могу скрыться от рук человеческих, то как могу я избежать руки Божией? Какое место может

укрыть меня от Него? Поистине говорю вам, братия, не пристало нам бояться и скрываться, когда нам помогает Сам Господь, хранитель жизни нашей; пострадать за Него есть благо, и смерть за Него слаще всякой благополучной жизни.

Сказав это, святой вышел из своего дома и отправился в самую средину города, а верующие следовали за ним. Придя на то место, где обыкновенно собирался народ, и воссев на возвышении, Аверкий стал поучать бывших там людей, чтобы они познали истинного Бога, поняли прелесть бесовскую и ложность богов своих, и отказались от идолослужения; он умолял, чтобы они верно служили Единому Богу, в вышних живущему, Создателю всего мира. Тогда некоторые из язычников отправились к начальникам городским и к народу, собравшемуся при храме Аполлона и негодующему на ниспровержение идолов, и возвестили, что Аверкий среди города поучает людей вере Христовой. Услышав об этом, все еще более разгневались на Аверкия, который не только сокрушил идолов их, но даже дерзнул явно пред всеми проповедовать свою христианскую веру. Выйдя из храма, они с страшным гневом пошли туда, где находился святой, чтобы тотчас убить его. Среди народа находились три отрока, которые с давнего времени были одержимы бесами. Когда народ стал приближаться к святому, юноши действием бесов вдруг пришли в исступление и, испуская страшный вопль, привели всех в ужас. Разодрав на себе одежду, они стали терзать зубами свое собственное тело и грызть свои руки. Упав на землю, они катались, извергая пену и беспрестанно кричали ужасным голосом:

— Аверкий, заклинаем тебя Единым истинным Богом, Которого ты проповедуешь, не мучь нас прежде времени.

При виде такого ужасного явления, народ пришел в трепет, глядя на лютое мучение тех юношей и слыша их страшный вопль. Позабыв зачем пришли, они с недоумением ожидали, что будет дальше и что сотворит с юношами Аверкий, которого бесы просят оставить их в покое. Святой же стал молиться:

— Отче возлюбленного Сына Своего Иисуса, Ты отпускаешь нам грехи, хотя бы их было у нас бесчисленное множество, Ты подаешь нам все, чего мы ни попросим у Тебя на пользу, — Тебя ныне прошу и молю я — отгони от юношей этих бесовское нападение, чтобы

они потом шли путем Твоих заповедей, последуя святой воле Твоей. Увидя чудесное знамение, которое Ты совершишь над ними, многие уверуют в Тебя, Единого всесильного Бога, и познают, что нет другого, кроме Тебя.

Помолившись так, святой обратился к юношам, которых мучили бесы, и, ударяя их слегка по голове жезлом, который держал в своих руках, сказал:

— Именем Христа моего повелеваю вам, бесы, выйдите из юношей, не причиняя им ни малейшего вреда.

Возопив ужасным голосом, бесы вышли из юношей, лежащих на земле подобно мертвецам.

Взяв каждого из них за руку, святой Аверкий поднял с земли. Они тотчас сделались совершенно здоровыми и, припав к святому, лобызали честные его ноги.

Когда народ увидел это, то забыл о своей ярости и возопил:

— Един истинный Бог, Которого проповедует Аверкий!

Затем стали спрашивать и самого святого:

— Скажи нам, человек Божий, примет ли нас твой Бог, если мы обратимся к Нему, простит ли Он бесчисленные грехи наши? Научи нас, как нам веровать в Него!

Отверз уста свои, святой Аверкий начал учить людей Богопознанию и продолжал наставление даже до девятого часа дня; приказал он также принести к себе всех недужных и исцелил их, призывая имя Иисуса Христа и возлагая на них свои руки. Услышав его учение и увидя чудеса, все люди уверовали в Господа Иисуса Христа и просили Аверкия, чтобы он сподобил их святого крещения. Так как уже был вечер, то святой отложил крещение их до утра, повелев всем готовиться к принятию святого таинства. Когда утром на другой день собрался народ, он повел всех к церкви и снова поучал их; затем, сотворив обычные молитвы, крестил в тот день пятьсот мужей. И в течение немногих дней не только Иераполь, но и другие окрестные города и деревни, он привел в Христову веру и крещением соединил с Богом. И пронеслась о нем слава повсюду. Много больных из различных и отдаленных стран приходили к нему, и получали они сугубое исцеление — тела и души.

Одна знатная женщина, по имени Фриелла, мать Евксениана Поплиона, проконсула восточного, будучи слепой и слыша о том,

что Аверкий исцеляет много различных болезней, велела вести себя к святому мужу. Она застала Аверкия учащим народ и, припав к ногам его, просила святого, чтобы он отверз ее потерявшие зрение очи. Заботясь прежде всего о просвещении душевных очей Фриеллы, святой спросил ее, верует ли она во Христа, Который отверз очи слепорожденному? Когда Фриелла дала обет уверовать и проливала обильные слезы на ноги Аверкия, святой, помолясь Богу, прикоснулся к ее очам и сказал:

— Свете истинный, Иисусе Христе, прииди и отверзи очи рабы Твоей!

Тотчас Фриелле возвратилось зрение, и она восприняла крещение от святого.

Крестившись, она вручила святому половину своего имения, чтобы он роздал нищим, и, получив наставление от него, возвратилась к себе. Сын ее, проконсул Евксениан Поплион, видя мать прозревшей и узнав, что ей отверз очи своими молитвами святой Аверкий, захотел видеть его и воздать ему благодарность за исцеление своей матери. Святой же научил Евксениана вере и обратил его ко Христу.

После этого три других женщины, также пораженные слепотой, приступили к святому и, поклонившись ему, сказали:

— И мы веруем в Иисуса Христа, Которого ты проповедуешь; поэтому мы молим тебя, отверзи и нам очи, подобно тому, как отверз ты их Фриелле.

Святой же отвечал на это:

— Если вы действительно веруете в истинного Бога, как утверждаете, то увидите свет Его.

Сказав это, святой возвел очи свои к небу и стал молиться. Во время молитвы святого с небес снисшел луч неизреченного света, превосходивший сияние солнца, и озарил то место, где стоял на молитве святой Аверкий. Все, бывшие там, не могли перенести этот неизреченный свет, пали на землю, и только три слепые женщины стояли неподвижно. Когда луч коснулся очей слепых женщин, они прозрели и блистание небесного света прекратилось.

Святой спросил прозревших:

— Что увидели вы прежде всего, когда вернулось вам зрение?

Тогда первая сказала:

— Я видела Ветхого деньми[1], Который прикоснулся к очам моим.

Другая сказала:

— Видела я прекраснейшего Юношу, Который дотронулся до моих очей.

— А я видела, — воскликнула третья, — что очей моих коснулся пресветлый Отрок.

Услышав это, святой и все, бывшие с ним, прославили Бога, Единого в Троице, творящего дивные и преславные чудеса.

Затем Аверкий, узнав, что и в соседних городах и селениях находится много страдающих различными недугами, отправился туда с своими учениками и, подражая Господу своему, обходил города и селения, уча людей о Царствии Божием и исцеляя больных. Придя в одну местность, расположенную при реке, называемую Селище, он преклонил колена и так стал молиться:

— Господи щедрый, услыши меня, раба Твоего, ниспошли благодать этому месту, да истечет здесь источник теплых вод, чтобы обмывающиеся в нем получали исцеление от всякого недуга и язвы.

Когда он окончил свою молитву, вдруг, при ясном небе, загремел гром; все находящиеся там ужаснулись, когда после громового удара забил источник теплых вод на том самом месте, где возносил молитву коленопреклоненный Аверкий. Тогда святой повелел людям, бывшим с ним, копать глубокие рвы, где могли бы собираться теплые воды, в которых он всем больным приказал омыться, — и всякий, погружавшийся в те воды, получал исцеление по молитвам святого.

Однажды диавол, желая искусить Аверкия, принял на себя вид женщины и приступил к святому, прося у него благословения. Взглянув на лицо беса, святой хотел отвернуться от него, но в это время задел правой ногой за камень и повредил ее так, что на голени образовалась язва. Перенося сильную боль, святой стоял, не издавая ни одного стона, и лишь держался рукой за то место, где была язва. Диавол рассмеялся и, приняв свой обычный вид, сказал святому:

---

[1] *Ветхий деньми* — Бог, потому что бытия Его нет начала и конца. Наименование это употреблено пророком Даниилом при описании одного из таинственных его видений в Вавилоне: *Видел я, наконец,* — говорит святой пророк, — *что поставлены были престолы и воссел Ветхий днями* (Дан. 7, 9).

— Не считай меня одним из тех ничтожных и незначительных бесов, которых ты изгонял, я — старейшина их; и вот ты принял от меня язву: исцеляя других от болезни, ты сам ныне болен.

Сказав это, диавол вошел в одного юношу, который стоял около святого, и начал мучить его. Святой же Аверкий, помолившись Богу, запретил бесу и изгнал его из юноши. Выйдя из юноши, бес возопил:

— Много зла творишь ты мне, Аверкий, и не даешь мне здесь мирно жить; постараюсь отомстить тебе и заставлю тебя под старость идти в Рим.

Возвратившись в дом свой, святой семь дней не вкушал пищи и пития, но пребывал в посте и всенощных молитвах, Аверкий молил Бога, чтобы Он не попустил врагу заставить его идти, куда только захочет бес. В седьмую ночь Господь явился святому в видении и сказал:

— Моим промышлением, Аверкий, ты будешь в Риме, чтобы и там познали имя Мое. Итак, не бойся, ибо благодать Моя с тобой будет.

Это видение укрепило Аверкия, и он рассказал братии, что слышал от явившегося ему Господа. Вскоре после этого бес, который хвалился заставить Аверкия прийти в Рим, начал хитро приводить в исполнение свое намерение.

В то время властитель Римский Марк Аврелий сделал своим соправителем Луция Вера и обручил с ним дочь свою Лукиллу. Но еще не успело состояться брачное торжество, как бес вошел в девицу и стал ее мучить. Опечаленные болезнью девицы, отец ее и жених собрали со всей своей земли опытных врачей, волхвов и жрецов, всячески стараясь излечить Лукиллу. Старания их не только не увенчались успехом, но девице с каждым днем становилось все хуже и хуже. А бес начал кричать в ней:

— Никто не может изгнать меня отсюда, кроме Аверкия, епископа Иерапольского.

Лишь только услышал об этом отец девицы, император Марк Аврелий тотчас послал в Евксениану Поплиону, восточному своему проконсулу[1], послание следующего содержания:

---

[1] *Проконсулы* — лица, управлявшие провинциями Римского государства.

— Нашему владычеству стало известно, что в подвластной тебе области находится некто Аверкий, епископ Иерапольский; муж столь сильный в христианской вере, что может и бесов изгонять, и исцелять разные болезни. Так как он нужен нам, то мы посылаем двух сановников наших, Валерия и Вассиана, чтобы они с подобающей честью привели его к нам; тебе же мы повелеваем склонить его прийти к нам, за что немалая награда будет тебе от нас.

Получив такое послание от царя, проконсул отправился к Аверкию и стал уговаривать его идти в Рим с царскими посланниками. Аверкий, вспомнив, что бес хвалился заставить его предпринять на старости трудное путешествие в Рим, подумал про себя:

— Хотя ты, противник людей, и постарался привести в исполнение то, что ты в гордости своей обещался сделать мне, однако ты не возвеселишься; я твердо уповаю на Бога и надеюсь, что не напрасно придется трудиться мне в старости, но там уничтожу я твою гордость силой Христа моего, Который в видении обещал мне Свою благодать.

Приготовив все, что было нужно для путешествия, святой отправился в путь, призывая на помощь Всесильного Бога. А приготовление его к путешествию состояло в следующем. Он взял немного хлеба и в один кожаный мех влил вино, масло, уксус и воду и сделал так, чтобы эти жидкости не смешались между собой. Когда во время дороги ему нужно было вино, то текло из меха одно только вино; когда ему требовался уксус, лился один уксус, нужна ли ему вода, текла она одна; так каждая жидкость вытекала в отдельности, несмотря на то, что все они были вместе в одном и том же мехе. Однажды ученик святого без благословения его хотел нацедить себе чашу вина, и вот потекли сразу все жидкости: и вино, и масло, и уксус, и вода, так что невозможно было вкусить ему этой смеси; в ужасе он исповедал свой грех святому, просил у него прощения, и тогда, по благословению блаженного, каждая жидкость стала истекать снова отдельно.

Когда святой Аверкий прибыл в Рим, император вместе с женой своей Фаустиной принял его с честью и отвел к дочери своей, которую мучил бес. Последний, увидев, что пришел святой Аверкий, засмеялся и сказал:

— Разве не говорил я тебе, Аверкий, что отомщу тебе за мое поругание и на старости заставлю тебя прийти в Рим?

— Да, это действительно так, — сказал святой, — но не на радость тебе будет это, проклятый диавол.

И велел святой вывести девицу из палаты наружу. Когда ее вели, бес препятствовал, не желая идти, но девицу все-таки повели силой; тогда диавол стал бросать ее на землю и бить, святой же Аверкий, устремив взор свой к небу, усердно молился Господу об исцелении страждущей отроковицы. Тогда бес начал кричать:

— Заклинаю тебя Христом твоим, не посылай меня ни в бездну, ни в какое другое место, но дай мне возвратиться туда, где был я до этого времени.

Святой отвечал ему:

— К отцу твоему, сатане, пойдешь ты, дух злобы, но так как ты потревожил меня, старца, и заставил прийти сюда, то и ты не избегнешь труда и не вернешься отсюда пустым; вот лежит камень (перед дворцом был камень таких громадных размеров, что множество народа лишь с большим трудом могло бы сдвинуть его на небольшое расстояние; на этот-то камень и указал святой), повелеваю тебе именем Господа моего Иисуса Христа, отнеси этот камень на мою родину, в Иераполь, и положи его около южных врат.

И вот диавол, как раб и пленник, связанный клятвой вышел из царской дочери, взял тот камень и с тяжким стоном понес его по воздуху чрез ипподром[1]. Все, бывшие там, люди с удивлением видели камень, двигавшийся по воздуху, и слышали великий стон диавола, но самого его видеть они не могли. Отнеся камень в Иераполь, диавол положил его на том месте, где ему приказал святой Аверкий; жители же Иераполя, видя громадный камень, внезапно упавший с воздуха, были весьма поражены и поняли эту тайну лишь тогда, когда к ним возвратился святой Аверкий.

Освободившись от злого мучителя, царская дочь, однако, не могла подняться с земли и лежала, не издавая ни одного звука, у ног Аверкия. Видя это, мать ее, царица Фавстина, подумала, что дочь ее скончалась, и начала плакать, но святой простер свою руку и воздвиг девицу живой, здоровой и в полном разуме. Тогда родители девицы пре-

[1] *Ипподром* — место конских скачек и состязаний в езде на колесницах.

дались великой радости и ликовал дом царский по поводу исцеления царевны. Родители ее послали радостное известие и к зятю своему Луцию Веру, который был в то время в походе против парфян[1], сообщая ему о выздоровлении невесты. Святому же они предложили богатые подарки и обещали дать ему все, чего бы он ни попросил. Но Аверкий не взял ни золота, ни серебра, ни какого-либо имения, говоря:

— Не нужно богатство тому, для кого хлеб и вода то же, что царский обед и пир великий.

Просил он только двух вещей: во-первых, чтобы в Иераполе бедным раздавалось ежегодно из податей, взимаемых для царя, по три тысячи мер пшеницы, а во-вторых, чтобы царь приказал построить на средства своей казны бани при источнике теплых вод, который святой извел молитвой из недр земли на исцеление больным. Царь с радостью обещался исполнить эти просьбы святого и дал ему для этого письменное свидетельство.

Когда святой оставался после этого в Риме еще некоторое время, утверждая в вере Церковь Христову, ему в видении явился Христос и сказал:

— Подобает тебе, Аверкий, быть в Сирии и там проповедовать имя Мое, утвердить Мои Церкви и исцелить множество болящих.

После этого видения Аверкий просил царя, чтобы он отпустил его; тот же не соглашался на его просьбу, боясь, как бы бес в отсутствие святого снова не вошел в его дочь. Святой увещал его оставить свой страх, уверяя, что бес не может возвратиться; только тогда, и то с неохотой, отпустил царь святого.

Сев на корабль, Аверкий отплыл в Сирийскую область; сперва посетил он Антиохию, затем отправился в Апамею[2] и в другие окружные города, восстановляя мир в Церквах, потрясенных ересью маркионитов[3]. Переправившись чрез Евфрат, святой посетил Церкви в

---

[1] *Парфяне* занимали области Азии, лежавшие между Евфратом и горными странами на Инде. Парфяне были кочевниками и в позднейшее время не утратили этого характера, отличаясь во всех войнах, как превосходные и храбрые всадники, в совершенстве владевшие стрелой и копьем. Война с парфянами была счастливо окончена в 165 году Луцием Вером.

[2] *Апамея* — один из городов Сирии.

[3] *Маркиониты* — еретики II века, признававшие два начала: благого Бога и материю, находящуюся под владычеством диавола, или лукавого существа, вечного и злого.

Низибии[1] и во всей Месопотамии, оттуда он отправился в Киликию[2] и Писидию[3], посетил также Синад[4], митрополию Фригийскую. Во всех тех областях и городах он принес Церкви великую пользу, многих неверных обратил в веру Христову, посрамил и заставил удалиться еретиков, верных утвердил в вере, заблудших наставил на путь истины, изгнал из многих людей нечистых духов, исцелил весьма многих, страдавших различными болезнями. Все стали называть его равноапостольным, ибо никто, кроме апостолов, не обошел так много стран и городов. Так святитель распространил славу Христа Бога и много послужил людям на их спасение и просвещение. После этого он возвратился в Иераполь.

Жители Иераполя, услышав, что святитель их возвращается к ним и находится уже недалеко от города, все, от мала до велика, с женами и детьми, устремились навстречу ему, и с величайшею радостью, припадая к нему, как дети к отцу, принимали у него благословение, получить которое уже давно желали.

Войдя в город, Аверкий отправился в церковь и, воссев на свой престол, преподал всем мир и стал поучать народ.

И все радовались возвращению святого мужа, особенно же были утешены убогие и бедные, так как Аверкий принес с собой царский указ, повелевающий выдавать им каждый год по три тысячи мер пшеницы из царских податей. И выдавалась эта пшеница до времени Юлиана Отступника, который отменил указ и отобрал назад грамоту. По заботам святого, царским повелением, выстроены были также и бани при источнике теплых вод.

Остальные годы жизни своей святой Аверкий провел в преподобии и правде, разумно управляя своей паствой. О своей кончине он был извещен заранее: в видении ему явился Господь и сказал:

— Аверкий, уже приблизилось время почить тебе от трудов твоих.

---

[1] *Низибия*, или *Низибида*, — большой и многолюдный город провинции Мигдонии, в Месопотамии.

[2] *Киликия* — юго-восточная береговая страна Малой Азии.

[3] *Писидия* — область Малой Азии.

[4] *Синад*, или *Синнады*, город на севере Фригии, близ горной цепи, где находились знаменитые синнадские мраморные ломки. Ныне развалины близ Ескикари — Гассаф.

После этого Аверкий собрал всю свою паству и, возвестив, что скоро окончится жизнь его, стал, по обычаю, поучать всех, умоляя слушателей своих, чтобы они всегда были непоколебимы в вере, не отчаивались в надежде и нелицемерно любили друг друга. Затем, приготовив себе гроб и подав всем в последний раз свое пастырское благословение, он предал Господу святую свою душу. Так окончил свое земное поприще святой равноапостольный Аверкий на семьдесят третьем году жизни[1]. Оплакав его, жители Иераполя благоговейно погребли его честное тело и возложили с большим трудом на могилу святого тот камень, который некогда повелением святого принесен был из Рима. И по молитвам святого много подавалось исцелений, как от его гроба, так и от источника теплых вод, изведенного его молитвами, которыми и нам Господь да подаст Свою милость вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АЛЕКСАНДРА ЕПИСКОПА, ИРАКЛИЯ ВОИНА
и четырех жен:
АННЫ, ЕЛИСАВЕТЫ, ФЕОДОТИИ и ГЛИКЕРИИ

Святой Александр многих обратил и крестил в веру Христову. Он был взят игемоном и, понуждаемый принести жертву идолам, претерпел много мучений, но не повиновался. Видя его терпение, воин Ираклий уверовал во Христа и, после жестоких мучений, был усечен мечом. Святой же Александр, благодатью Божией, был внезапно исцелен от ран. После того он обратил ко Христу четырех женщин: Анну, Елисавету, Феодотию и Гликерию, которые также предстали пред игемоном и за обличение суетности идолов были усечены мечом. После всех скончался от усечения же мечом и святой Александр и предал свою святую и блаженную душу Господу[2].

---

[1] Скончался около 167 года.

[2] Святые пострадали в Адрианополе в III веке.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХ
ФЕОДОРА и ПАВЛА РОСТОВСКИХ[1],
основателей Борисоглебского монастыря

В княжение великого князя Димитрия Донского, при князе Ростовском Константине Васильевиче[2], из Новгородской области пришел в пределы древнего города Ростова Великого инок Феодор, неизвестно где родившийся и где принявший пострижение.

По дороге, ведущей из Каргополя и с Бела-озера в Ростов и Москву, он остановился в темном лесу при реке Устье, верстах в восемнадцати от Ростова. Поставив себе в лесу шалаш из древесных ветвей, он остался здесь на жительство. У проезжей дороги на дереве он повесил сделанный из древесной коры кузов, и прохожие и проезжие, догадываясь, что тут живет пустынник, стали класть в него то хлеб, то овощи и другую милостыню. Пустынник, невидимый никем, тайно вынимал милостыню и делил ее с нищей братией; проведав об этом, из многих селений стали приходить к пустыннику за милостыней, и он делился всем, что находил в повешенном кузове.

Через некоторое время пришел к нему брат по иночеству, именем Павел, и, с радостью принятый Феодором, поселился с ним вместе в пустыне.

В первое время княжения великого князя Димитрия Иоанновича, при митрополите всея Руси Алексии[3], при том же Ростовском

---

[1] В основу изложения положена здесь «Повесть о Борисоглебском монастыре от коликих лет и како бысть его начало, еже исперва от древних старец слышахом и мало писания обретохом», написанная в XVI веке в самом Борисоглебском монастыре и сохранившаяся в рукописи XVI века в библиотеке Троице-Сергиевой лавры, в сборнике за № 782. Борисоглебский второклассный монастырь существует и теперь и находится в Ярославской губернии в Ростовском уезде в восемнадцати верстах от Ростова по дороге (теперь шоссейной) из Ростова в Углич, на реке Устье, которая, соединившись в девяти верстах от Ростова с вытекающей из Ростовского озера рекой Версой, образует реку Котросль, впадающую в Волгу в городе Ярославле.

[2] *Димитрий Иоаннович Донской* княжил с 1363-го по 1389 год. Ростовский князь *Константин III Васильевич* княжил в Ростове по смерти брата своего Феодора Васильевича с 1331-го по 1365 год.

[3] *Святой Алексий* занимал митрополичью кафедру с 1354-го по 1378 год.

Преподобный Феодор Ростовский

князе Константине и при Ростовском епископе Игнатии[1], преподобный Сергий Радонежский приходил в Ростов на поклонение Пресвятой Богородице в соборной церкви и Ростовским чудотворцам[2]. Узнав об этом, пустынники Феодор и Павел отправились в Ростов, просили у князя и епископа разрешения воздвигнуть в своей пустыне церковь и устроить монастырь, а преподобного Сергия умоляли, чтобы он присмотрел место, где поставить им церковь, и благословил его.

Преподобный Сергий исполнил их просьбу и отправился с ними в их пустыню. Долго ходили они по пустыне. Феодор и Павел указывали то на одно место, то на другое; преподобный Сергий все осмотрел тщательно, наконец остановился на том месте, где теперь находится монастырь, и благословил поставить здесь церковь во имя великих страстотерпцев Бориса и Глеба и сказал пустынникам:

— Призрит Господь Бог и Пречистая Богородица на место это, и великие страстотерпцы Христовы в помощь вам будут. И это место весьма обстроится и в будущие времена превозносимо будет наряду с большими лаврами.

Преподав пустынникам мир и благословение, преподобный Сергий отправился в обратный путь.

Преподобные отшельники принялись вырубать лес и очищать то место, которое благословил преподобный Сергий для построения храма. Однажды, во время отдохновения от трудов, в тонком сне, явились Феодору и Павлу два светлые воина, вооруженные и украшенные царскими багряницами, и сказали:

— Трудитесь на этом месте: Бог и Пречистая Богородица не оставят места этого, и мы неотступно будем на этом месте на помощь

[1] *Епископ Игнатий II* занимал Ростовскую кафедру с 1356-го по 1364 год.

[2] Это было в 1363 году. — Из города Ростова происходили родители преподобного Сергия.

вам и тем, кто после вас будет устраивать место это.

Преподобные припали к ногам их и сказали:

— Кто вы, господа наши?

Но воины вдруг стали невидимы, только слышен был голос, назвавший одного Романом, а другого Давидом[1].

Придя в себя от великого страха и ужаса, оба пустынника стали ободрять друг друга и в одних и тех же словах рассказывать, что они видели и слышали во сне.

После того они с новым рвением стали трудиться и подвизаться над устроением места.

И начали собираться к ним братия и мирские люди — плотники на помощь делу.

В скором времени братия умножилась, и все стали умолять Феодора, чтобы он был их игуменом. Так и совершилось.

Преподобный Павел Ростовский

С Божией помощью, обитель продолжала строиться, и многие христолюбцы, оставляя все мирские блага, искали здесь иноческого жития. Преподобный Феодор принимал их с радостью и причислял к братии.

Многие вельможи из Ростовской области стали завещать, чтобы их погребли в Борисоглебской обители, и дарствовать ей на поминовение души вотчины свои, села, деревни и пожни (покосы).

Благодаря этому усилились средства монастыря, и преподобный Феодор еще более стал трудиться над его устройством и собиранием братии. Он воздвиг для общей соборной молитвы теплую церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Много лет, милостью Божией, заступлением Пресвятой Богородицы и помощью Христовых страстотерпцев Бориса и Глеба, подвизался преподобный Феодор в устроении обители: он воздвиг церкви, поставил кельи, все устроив по монастырскому чину, приобрел мо-

[1] *Роман* и *Давид* — имена *Бориса* и *Глеба*, данные им при святом крещении.

настырю нивы и пашни, устроил на службу обители много людей и приобрел довольно скота.

Невзирая на свою старость, он продолжал трудиться и заботиться о благе монастыря: не давая себе покоя, он задумал отправиться на поиски удобного для рыбной ловли места на нужды монастыря.

Вручив обитель Господу Богу и Пречистой Богородице, имея заступников, великих Христовых страстотерпцев Бориса и Глеба, и поручив управление обителью и братией своему спостнику и брату о Христе Павлу, отправился Феодор в Вологодские места, взяв двух иноков из своих учеников.

Там нашел он место, называемое Святая Лука. Обойдя это место и убедившись, что оно удобно для монастырского строения, он хотел занять себе займище и поставил одну небольшую церковь.

Узнали об этом окрестные жители, еще непросвещенные тогда инородцы Чудского племени, и изгнали оттуда преподобного труженика.

Изгнанный подвижник пошел далее, молясь за творящих ему зло и утешая своих учеников: «Не скорбите, братие: *Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах* (Пс. 45, 2): Господь сказал Своим ученикам: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой»* (Мф. 10, 23).

Пройдя многие пустынные места, как искусный охотник, желающий найти, что ему нужно, преподобный Феодор отправился в белозерские края и, обойдя по пустыням вокруг всего Белого озера, нашел прекрасное место, удобное для монастырского строения, по ту сторону Белого озера: новопашенные места, починки при устье реки Ковжи[1]. Белое озеро принадлежало тогда удельному князю Андрею Димитриевичу, сыну Димитрия Иоанновича Донского. Присмотрев такое удобное место, преподобный Феодор, возложив надежду на Всесильного Бога и имея помощницей Пречистую Богородицу, отправился в царствующий город Москву, бил челом и молил удельного князя Андрея Димитриевича Можайского и Белозерского, чтобы пожаловал, дал ему облюбованное место для построения церкви во имя Николая чудотворца и монастыря. И, по милости Божией, просьба его исполнилась: князь Андрей Димитри-

---

[1] Устье *реки Ковжи* находится в сорока верстах от Белоозерска.

евич дал преподобному грамоту на починки (новые пашни в лесу), и на пожни, и на рыбные ловли.

Получив жалованные грамоты, преподобный Феодор возвратился в свой Борисоглебский монастырь.

Здесь он возложил обязанности игуменства на своего спостника Павла. Вручив покровительству Пресвятой Богородицы и заступничеству страстотерпцев Бориса и Глеба монастырь и игумена с братией, преподобный Феодор отправился снова на Бело-озеро, чтобы созидать здесь новый монастырь.

Придя на избранное прежде место, преподобный неутомимо трудился сначала над постройкой храма во имя святителя Николая чудотворца, а потом возводил и монастырские постройки.

Узнав о трудах преподобного, окрестные православные жители стали стекаться к старцу за благословением, а иные и для того, чтобы принять иноческое пострижение. Старец Феодор принимал всех с радостью.

Преподобный прожил здесь немало лет, воздвиг храм, устроил монастырь, собрал братию, поставил ей игумена и, находясь уже в глубокой старости, прозрев приближение своей кончины, отправился в свой первый монастырь — Борисоглебский.

Здесь старец Феодор с великой радостью был встречен игуменом Павлом и братией, и все духовно и телесно веселились и благодарили Бога и Пресвятую Богородицу за успех трудов старца.

Преподобный Феодор распорядился, чтобы Никольский монастырь был присоединен к Борисоглебскому и чтобы возлюбленный брат его, Борисоглебский игумен Павел, руководил игуменом, братией и строением новосозданного монастыря[1].

После всех этих подвигов и распоряжений, через недолгое время, преподобный основатель Борисоглебского монастыря почил с миром 22 октября 1409 года. Преподобный игумен Павел с братиею оплакали усопшего и с честью погребли тело его.

После кончины Феодора оставшийся в живых сотрудник его Павел еще более стал трудиться и пещись об обоих монастырях и, до-

---

[1] *Ковженский Никольский монастырь*, приписной к Борисоглебскому, имел деревянные строения; по ветхости и бедности он был упразднен до введения монастырских штатов 1764 года.

жив также до глубокой старости, в добром исповедании отошел к Господу.

Пророческие слова преподобного Сергия, благословившего основание Борисоглебского монастыря и предрекшего его расширение, сбылись в точности. После смерти основателей, преподобных Феодора и Павла, преемники их, Борисоглебские игумены, продолжали усердно заботиться о благе монастыря, который постепенно стал приобретать широкую известность. При третьем преемнике преподобного Павла, игумене Ионе, и четвертом — Питириме, особенное усердие к обители показал благоверный и христолюбивый великий князь Василий Васильевич Темный[1] и благочестивая мать его, княгиня София; издано было ими в пользу монастыря несколько жалованных грамот[2], и великий князь Василий Васильевич стал монастырь этот звать своим монастырем. Этот игумен Питирим крестил у великого князя Василия Васильевича сына его Ивана[3].

Особенно прославился своими подвигами и трудами на благо монастыря десятый преемник Павла, игумен Феофил, управлявший монастырем, как игумен и строитель, тридцать лет.

По повелению великого князя Василия Ивановича[4] и по благословению Ростовского архиепископа Иоанна[5], вместо деревянных храмов и прочих монастырских строений, он стал возводить каменные. 1522 года, 18 июня, заложена была каменная церковь святых Бориса и Глеба и освящена 22 сентября 1524 года тем же архиепископом Иоанном, который в том же году, 30 июня, благословил закладку теплой церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Эта церковь освящена была архиепископом Ростовским и Ярославским Кириллом[6] в 1527 году, 7 октября.

---

[1] *Василий Васильевич Темный* был великим князем с 1425-го по 1462 год с промежутками.

[2] По вкладным и кормовым монастырским книгам видно, что Василий Васильевич пожаловал монастырю село Шулец (в шести верстах от монастыря), с деревнями, на поминовение своих родителей и прародителей, великих князей.

[3] Знаменитого впоследствии великого князя Ивана Васильевича III.

[4] Правил с 1505-го по 1533 год.

[5] Занимал кафедру с 1520-го по 1526 год.

[6] *Кирилл III* занимал кафедру с 1526-го по 1529 год.

При этих дорогих и трудных постройках ревностный строитель Феофил испытывал немало затруднений, но, при помощи Божией и заступничестве Пресвятой Богородицы и покровителей обители, святых страстотерпцев Бориса и Глеба, все эти препятствия он благополучно преодолевал. Древний повествователь об основании и дальнейшей судьбе Борисоглебского монастыря рассказывает следующее чудо.

Возводя каменные постройки, игумен Феофил стал ощущать крайний недостаток в извести: ее приходилось привозить издалека и трудным путем, именно приходилось отправлять за известью суда по Устью, Которости и Волге в Плесо (около города Костромы), откуда подъем вверх по этим рекам очень труден и не близок. Находясь в такой нужде, Феофил бьет челом великому князю Василию Ивановичу о разрешении свободно, без пошлин, искать игумену месторождения извести на ближайших землях, как монастырских, так и княжеских и боярских. Великий князь выдал жалованную грамоту на свободное добывание извести повсеместно в уездах Ростовском и Переяславском. Игумен Феофил всюду посылает разведчиков, но успеха не достигает. Опечаленный, он возносит усердные молитвы Господу Богу, и заступнице Пресвятой Богородице, и святым помощникам Борису и Глебу.

И вот однажды, когда Феофил стоял в своей келье и обычном вечернем правиле и несколько забылся и задремал, предстали ему два светлые Христовы воина, страстотерпцы Борис и Глеб, и сказали:

— Не скорби об извести: Пречистая даст тебе известь в домовой нашей вотчине, близ монастыря, и постройка каменных зданий в обители Пречистой Богородицы и нашей не прекратится ни при тебе, ни после тебя, и мы в помощь к монастырскому строению будем.

И с этими словами они стали невидимы.

Чрез три дня приносит игумену крестьянин из монастырской деревни Кочарки зобенку камней[1] и рассказывает, что он нашел их на

---

[1] Место, где стояла эта деревня, и поныне зовется Кочарка, в семи верстах от монастыря; и доселе видны ямы, где рыли известь. — *Зобенка* — старинная мера сыпучих тел. Существует предание, что известь теряла свою силу, если кто брал ее украдкой для своих потреб. Когда при преемниках Феофила закончены были каменные монастырские постройки, запас извести истощился.

поле поверх земли. Игумен отсылает камни в печь в хлебню. Когда камни обожгли и принесли показать игумену, то оказалась известь, белая как снег.

Игумен послал разведчиков, и на указанном месте нашлось достаточное количество извести, как для тогдашних построек, так и для последующих, согласно предсказанию[1].

Кроме этих храмов, при Феофиле и его ближайших преемниках были воздвигнуты кругом монастыря прочные каменные высокие стены со многими башнями и с двумя воротами со сторон Ростова и Углича, над которыми устроены каменные же церкви во имя преподобного Сергия и Сретения Господня. Все эти величественные и красивые строения существуют и в настоящее время.

В соборном храме во имя благоверных князей Бориса и Глеба, в северо-западном углу, почивают под спудом мощи основателей монастыря, преподобных Феодора и Павла.

По примеру своего отца, великого князя Василия Иоанновича, показывал великое усердие к этому монастырю и сын его, царь Иоанн Васильевич, сам посещал его и делал богатые вклады селами, деревнями, деньгами и дорогими вещами на поминовение[2].

В конце XVI и начале XVII столетия прославился и прославил этот монастырь своими подвигами преподобный Иринарх, особенно в годину смуты, когда этому монастырю, как и другим окружным, грозила опасность разорения от польско-литовских хищных отрядов. Мощи этого угодника почивают под спудом в юго-западном приделе соборного храма[3].

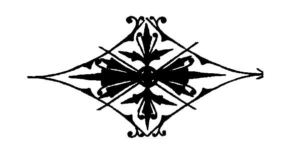
---

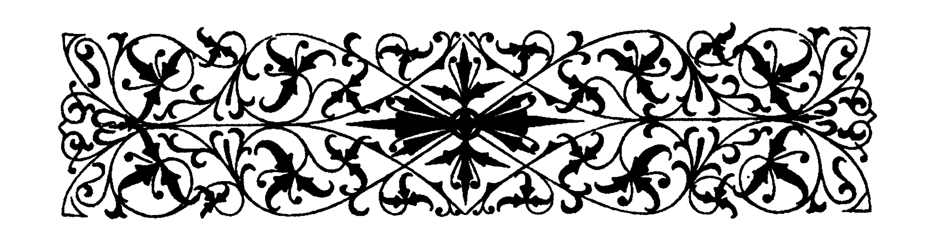
[1] Чудо об обретении извести поведал составителю древней повести о Борисоглебском монастыре зодчий Борисоглебских храмов, «Ростовец, мастер церковный, каменный здатель» Григорий Борисов, которому рассказал о видении святых Бориса и Глеба сам игумен Феофил, заповедавший не открывать этого никому до его смерти. — Этот знаменитый ростовский зодчий Григорий Борисов закончил в 1543 году построение Успенской церкви в Спасокаменном монастыре (на Кубенском озере Вологодской губернии), заложенной ростовцем же, зодчим Пахомием Горяиновым.

[2] О вкладах царя Ивана Васильевича подробно говорится в древних вкладных и кормовых книгах Борисоглебского монастыря.

[3] Память преподобного Иринарха празднуется 13 января.

В тот же день **память святых семи отроков Ефесских: Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Дионисия, Антонина, Константина (Ексакустодиана) и Иоанна**. Память их совершается еще 4 августа. В греческой Минее 1870 года сказано, что святые отроки скончались 4 августа, а пробудились при царе Феодосии Младшем 22 октября.





День двадцать третий

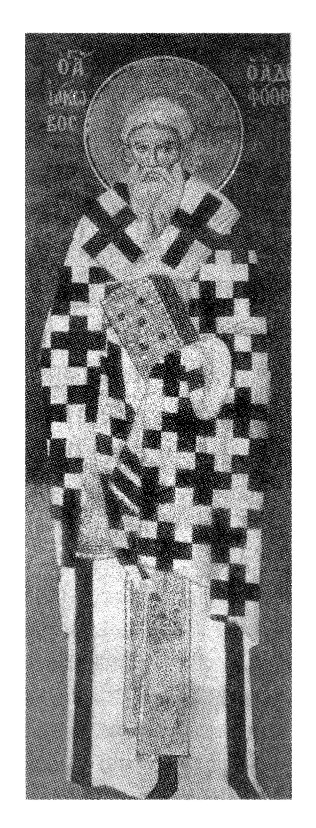
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ИАКОВА,
брата Господня по плоти

Святой Иаков был сыном праведного Иосифа, которому была обручена Пречистая Дева[1]. От юности своей возлюбил он строгое житие: никогда не вкушал он различных брашен, не употреблял масла, но один только хлеб служил ему пищей; также никогда он не пил ни вина, ни другого какого-либо хмельного напитка, но утолял жажду водой; не посещал он и бани, — словом, отвергал все, что доставляло телу удовольствие; на теле своем он постоянно носил грубую власяницу; все ночи посвящал он молитве, забываясь сном лишь на короткое время; от частых земных поклонов кожа на коленах у него загрубела наподобие верблюжьей. Чистоту девства своего Иаков соблюдал до конца своей жизни[2].

---

[1] Память святого праведного Иосифа, обручника Пресвятой Девы Марии, совершается 26 декабря. Согласно с ясными свидетельствами Писания (см.: Мф. 13, 55; Мк. 6, 3; Гал. 1, 17), Церковь, вопреки мнению некоторых толкователей, явно отличает святого апостола Иакова, брата Господня по плоти, от принадлежащих к лику двенадцати апостолов Иакова Зеведеева, память которого празднуется 30 апреля, и Иакова Алфеева, память которого совершается 9 октября. Иаков, брат Господень по плоти, именуется так, как сын Иосифа от первой жены. Он был родным братом апостола Иуды из лика двенадцати, отчего этот, по его имени, получил наименование Иаковлева, и Иосии из лика семидесяти апостолов, и известен также под именем Иакова «малого» или «меньшего» (см.: Мк. 15, 40).

[2] Святой апостол Иаков от самого рождения был назореем, то есть лицом, посвященным Богу, давшим Ему добровольно обеты строгого воздержания от



О том, почему он называется братом Божиим, дошло до нас такое предание. Когда отец его Иосиф разделял землю между своими детьми от первой жены, он захотел дать также некоторую часть и Господу Иисусу Христу, родившемуся от Пречистой Девы, обрученной Иосифу; все сыновья Иосифа воспротивились этому желанию их отца; один лишь Иаков принял Иисуса Христа (тогда еще малого отрока) в совместное владение своей частью, почему и стал называться братом Господним. Название это было дано Иакову также и по следующему случаю. Когда Господь наш Иисус Христос воплотился и Пречистая Дева Богородица бежала с Ним в Египет, тогда и Иаков бежал вместе с ними, сопутствуя Пречистой Богородице и святому Иосифу, отцу своему.

Когда Иисус Христос достиг совершеннолетнего возраста и учил народ о Царствии Божием, являя себя истинным Мессией, святой Иаков уверовал в Него и, внимая Его Божественному учению, еще сильнее воспламенился любовью к Богу и стал вести жизнь еще более строгую и благочестивую. И Господь особенно возлюбил святого Иакова. Так, после добровольного Своего страдания и воскресения из мертвых Христос явился особо от других апостолов Иакову, брату Своему по плоти, как об этом упоминает апостол Павел, говоря:

— *Потом явился Иакову, также всем апостолам* (1 Кор. 15, 7)[1].

всякого вина и вообще крепких напитков, от стрижения волос и прочее. Обеты назорейства служили выражением чистоты и святости жизни, какая должна принадлежать всему народу Израильскому, как народу богоизбранному и потому священному.

[1] Предание к этому прибавляет, что в продолжение страстей Христовых святой апостол Иаков скрывался в одной пещере, в долине Иосафатовой, дав обет не вкушать пищи, до тех пор пока Господь не воскреснет из мертвых, и что Господь, по воскресении Своем, удостоил его Своего особенного явления в этой самой пещере. Поэтому, впоследствии, в первые века христианства, пещера эта была обращена в храм, и теперь еще ее показывают благочестивым поклонникам.

Видя праведное и Богоугодное житие Иакова, все нарекли Иакова праведным, — и он причтен был к числу семидесяти апостолов. Ему была вверена новопросвещенная Церковь Иерусалимская[1]. Руководимый Святым Духом, Иаков первый составил и написал чин Божественной литургии, который затем сократили, ради немощи человеческой, сначала — Василий Великий, а затем — Иоанн Златоуст[2]. Пася в Иерусалиме стадо Христово, святой многих иудеев и еллинов своим учением обратил к Богу и наставил на правый путь. От него осталось также соборное послание к двенадцати коленам Израилевым — источник воистину богодухновенного и душеполезного учения, которым украшается вся Церковь Христова, поучаясь вере и добрым делам[3]. Все, не только верующие[4], но даже и неверные, от-

---

[1] По словам древних писателей, ближайших ко времени апостольскому (Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского и др.), по вознесении Спасителя, апостолы Петр, Иаков Зеведеев и Иоанн, хотя и предпочтенные от Господа, не стали спорить о чести, но избрали святого Иакова епископом и предстоятелем Иерусалимской Церкви — матери христианских Церквей, когда ему было тридцать четыре года от рождения, согласно предызбранию его и назначению к этому служению Самим Христом.

[2] Божественная литургия, составленная святым апостолом Иаковом, братом Господним, доселе совершается в Иерусалиме, в день памяти этого апостола.

[3] Соборное послание написано святым Иаковом около 59 года по Рождестве Христовом к христианам из иудеев, живших в рассеянии, во время гонения на христиан, заставившего их удалиться из Иерусалима. Послание это исполнено высокого учения и евангельского духа. Оно состоит из различного рода нравственных наставлений и, по общему содержанию своему, может быть названо увещанием к терпеливому перенесению страданий. За богослужением Православной Церкви Соборное послание апостола Иакова прочитывается все, не только в качестве рядового апостольского чтения за литургией, а и за другими молитвословиями (например, во время елеосвящения, на молебне во время бездождия и даже за всенощным бдением, в качестве паремии).

[4] Всеобщее благоговейное уважение к апостолу Иакову верующих, во главе с самими апостолами, особенно сильно выразилось на апостольском соборе, бывшем в Иерусалиме около 50 года по Рождестве Христовом для решения вопроса: должно ли обращающихся к Церкви из язычников принуждать к обрезанию и соблюдению ветхозаветного закона обрядового. Апостол Иаков председательствовал на этом соборе и, после долгих споров и рассуждений, после речи апостола Петра и рассказа апостолов Павла и Варнавы об успехах их проповеди среди язычников, заключил соборные рассуждения своей речью, в которой в определенных чертах предложил свое суждение поднятому вопросу, полагая «не затруднять об-

носились к святому Иакову с великим уважением и почтением за его добродетельную жизнь: первосвященники, которые сами только раз в год входили во Святое Святых[1] для совершения службы, не препятствовали праведнику входить туда и молиться. Видя чистоту его непорочной жизни, они даже и имя ему изменили, а именно стали именовать его Обли, или Офли, что значит: «ограда, утверждение людям», или же называли его праведнейшим из всех. Часто, не только днем, но даже и ночью, Иаков входил во Святое Святых и здесь, падая ниц, со слезами приносил Господу молитвы за весь мир. Весь народ любил Иакова, ради его святости; многие из старейшин иудейских уверовали в учение, которое он проповедовал, и все наслаждались, слушая его; много народа собиралось к нему: одни — желая услышать его поучение, другие — коснуться края его одежды. В это время архиереем Иудейским сделался Анания[2]. Видя, что весь

ращающихся к Богу язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (см.: Деян. 15, 13–20). Это суждение всеми уважаемого праведного Иакова принято было всем собором и утверждено явным для всех изволением Святого Духа (28 ст.). Около того же времени апостол Павел, желая проверить чистоту своего учения, обратился к апостолам: Петру, Иоанну и Иакову, которых почитал столпами Церкви Христовой, поставляя первым из них Иакова (см.: Гал. 2, 10), — и те признали в нем великое достоинство учителя языков. С таким глубоким уважением относился апостол Павел к святому Иакову и впоследствии. Когда перед первыми узами своими он прибыл в Иерусалим, то первым долгом счел отправиться к святому Иакову и рассказал ему, как столпу Церкви Христовой и предстоятелю старейшей Церкви Иерусалимской, о том, что сотворил Бог у язычников его служением (см.: Деян. 21, 18–19).

[1] *Святое Святых* представляет собой внутреннюю, самую священнейшую часть храма Иерусалимского, куда входил один лишь первосвященник, и притом только раз в год, в день очищения, поставлял свою кадильницу с фимиамом и кропил жертвенной кровью над очистилищем для очищения грехов народа. Но ковчега завета с его святынями (жезлом Аарона прозябшим, златым сосудом с манной, скрижалями закона, данными Богом чрез Моисея) в храме в это время уже не было. Здесь находился только один камень от первого храма Соломонова, а завеса, отделявшая Святое Святых от следующего отделения храма — святилища, во время крестной смерти Иисуса Христа разодралась надвое, сверху донизу.

[2] *Анания* — первосвященник еврейский, сын Неведея, получивший первосвященническое достоинство от Ирода Агриппы II; был упорным врагом христиан и вообще человеком дерзким, жестоким и несправедливым и принадлежал к сек-

народ внимательно слушает учение Иакова и многие обращаются ко Христу, Анания с книжниками и фарисеями, из зависти к святому, гневались на него и, затаив в сердце своем злобу, стали помышлять, как бы убить его. И сговорились они просить святого, чтобы он своим поучением отвратил людей от Христа; при этом они решили, если он не согласится сделать это, убить его.

Между тем приближался праздник Пасхи, и множество народа стекалось отовсюду в Иерусалим, чтобы там встретить этот праздник.

Фест, проконсул, избавивший апостола Павла от рук евреев[1] и пославший его в Рим, тогда уже умер, а преемника ему еще не прислали из Рима. Воспользовавшись этим, книжники и фарисеи обратились в храме с такой просьбой к Иакову:

— Умоляем тебя, праведный человек, чтобы ты в день праздника Пасхи, на который собралось отовсюду множество народа, произнес ему поучение; убеди их, что они заблуждаются, считая Иисуса Сыном Божиим, и уговори их отказаться от ложного своего мнения. Мы все почитаем тебя, внимаем тебе, как и весь народ; все мы твердо убеждены в том, что ты говоришь одну только истину и не взираешь на лица; так уговори же народ, чтобы он не прельщался Распятым Иисусом; молим тебя — стань на высокой кровле храма, чтобы всем можно было видеть и слышать тебя, ибо на праздник собралось — ты сам видишь — много людей, как из евреев, так и из других народов.

После этих слов они возвели его на крышу храма и громко закричали:

те саддукеев, отвергавших предания, промысл Божий, духовность и бессмертие души, бытие Ангелов, — и утопавших в чувственных наслаждениях и пороках и земных интересах. Будучи виновником смерти апостола Иакова, Анания впоследствии несправедливо судил также апостола Павла и желал погубить его (см.: Деян. 23, 2, 14–15; 24, 1–9), но за свои неправды сам испытал самую горькую участь: тем же царем Агриппой лишен первосвященства и, наконец, был убит во время восстания иудеев против римлян.

[1] *Фест*, по прозванию *Порций*, — римский правитель Иудеи, управлявший ею не более трех лет и скончавшийся около 62 года по Рождестве Христовом; он заботился о восстановлении порядка в Палестине, употребляя для этого и строгость, и правосудие.

— О праведник! Тебе все мы должны верить. Народ этот заблуждается, последуя Распятому Иисусу; поэтому скажи нам поистине, что думаешь сам ты о Христе?

На это святой ответил громким голосом:

— Что спрашиваете вы меня о Сыне Человеческом, Который добровольно потерпел страдание, был распят, погребен и на третий день воскрес из мертвых? Он ныне сидит на небесах одесную Вышняго и снова приидет на облаках небесных судить живых и мертвых.

Слыша такое свидетельство Иакова об Иисусе Христе, народ весьма возрадовался, и все в один голос воскликнули:

— Слава Богу! Осанна Сыну Давидову!

Фарисеи же и книжники сказали:

— Неосмотрительно поступили мы, позволив Иакову говорить об Иисусе, ибо народ пришел еще в большее смущение.

И вот, в злобе и ярости, они свергли с кровли храма Иакова на страх всем, чтобы не верил народ словам святого.

— И праведник прельстился, — кричали они.

Упав с крыши храма, Иаков сильно разбился; еле живой, праведник стал на колени и, подняв свои руки к небу, так молился:

— Господи! Отпусти им грех этот, ибо они не ведают, что творят.

Фарисеи же стали бросать камни в святого, которые причиняли ему раны. Один человек из рода Рихавова воскликнул:

— Остановитесь, что вы делаете? Праведник молится за вас, а вы побиваете его камнями.

В это время один человек с белильным вальком в руках бросился на святого и с такой силой ударил его по голове, что весь мозг вытек на землю, и в этом мучении Иаков предал дух свой Господу.

Святое тело его погребено было там же около храма, причем верующие горько оплакивали праведника. В течение тридцати лет святой был епископом Иерусалимской церкви и на шестьдесят шестом году жизни пострадал за Христа, Которому со Отцом и Святым Духом — честь и слава во веки веков[1]. Аминь.

---

[1] Мученическая кончина апостола Иакова последовала около 63 года по Рождестве Христовом. Он скончался в престарелом возрасте. На месте кончины его и погребли; над его могилой подле храма и доселе стоит памятник. По свидетель-

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИАКОВА БОРОВИЦКОГО

Нам совершенно неизвестны ни место рождения этого блаженного и праведного Иакова, ни имена его родителей[1], — все это скрыто от нас Божиим изволением, чтобы мы знали, что Божии святые ищут не земного, но небесного отечества, не земным своим родом хвалятся, но возвышаются своим сопребыванием с небесными ликами, — не телесным, но духовным своим Отцом, Вездесущим Богом, величаются. Мы знаем, что этот досточудный чудотворец, хотя и имел плотское рождение, но жизнь вел духовную, пламенея сердцем своим к Богу и усердно работая Господу; хотя и он был в вещественном теле, однако своим невещественным умом беседовал и вместе жил со святыми Ангелами; телом он обитал на земле, но умом своим, просвещенным Боговедением, он предстоял Богу, живущему на небесах; во всем постоянно он являл себя верным рабом Божиим, показывая пример терпения, смиренно перенося нужды, труды, непрестанно подвизаясь в бдении и посте. Когда окончилось странствование блаженного в этой временной, исполненной скорбей, жизни, его праведная душа, украшенная, как невеста, добродетелями, введена была Ангелами Божиими в чертог Спасов, а честное тело его, по христианскому обряду, было положено в раку.

ству Оригена, церковного писателя III века, смерть Иакова праведного, случившаяся незадолго до войны иудейской, произвела такое впечатление на иудеев, что следовавшие за ней бедствия, войны и разрушение Иерусалима почитались ими наказанием Божиим за убиение этого праведника. В XI веке святой Феофан песнопевец, архиепископ Никейский, блаженный Георгий Никомидийский и впоследствии Византий написали многие песнопения в честь святого апостола Иакова, ныне поемые в день его памяти. Мощи святого апостола Иакова были в Константинополе при русском паломнике Антонии в 1200 году в приделе Халкопратийского храма, а глава — в храме святых апостолов. В настоящее время мощи его, по свидетельству некоторых, находятся в Риме в церкви двенадцати апостолов. В Москве, на Старо-Иерусалимском подворье, сохраняется часть мощей его, присланная Александрийским патриархом Иерофеем в 1853 году.

[1] Есть известия только о том, что блаженный Иаков был простой, но усердный к делу, судовщик и принял на себя суровое юродство; скончался же, убитый громом, около 1540 года.

В области Великого Новгорода протекает река Мста[1], на которой находилось тогда селение Боровичи[2]. Когда настало время прославиться святому, рака, в которой почивали мощи этого угодника, плывя, повелением Божиим, на льдине против течения вышеназванной реки — это было во вторник светлой недели, — пристала около бурного и шумного порога Боровицкого[3] к берегу недалеко от селения Боровичей. Жители этого селения, усомнившись, не приняли святых мощей великого угодника Божия, и крючьями, прикрепленными к веревкам, оттащили на середину реки. Но чудотворные мощи не оставили людей, оставивших их: снова они возвращаются к ним и снова пристают к тому самому месту, откуда их оттолкнули; но и тогда живущие там люди не могли заметить дивного чуда, что рака с мощами плыла против течения: они вторично ее отгоняют и снова лишают себя Богоданного сокровища, отведя мощи обратно; не по злобе они то делали, но по невежеству, так как были грубы и непросвещены учением, поэтому и поступок этот был им прощен. Святые мощи в третий раз приплыли к берегу в том же самом месте. Тогда сам блаженный чудотворец явился во сне честны́м и благоговейным мужам и сказал:

— Зачем вы, верные служители Христовы, не принимаете меня? Ведь я такой же христианин, как и вы; подобно вам, и я благочестно веровал во Христа во время моей земной жизни. Если вы это делаете

---

[1] *Мста* — река, вытекает из озера Мстина, в Тверской губернии; впадает в озеро Ильмень, в Новгородской губернии; длина ее 412 верст.

[2] В 1770 году село Боровичи переименовано в город.

[3] Порогами называется группа скал, преграждающих течение реки и образующих ряд невысоких водопадов или водоворотов.

лишь потому, что не знаете моего имени, то я открою его вам: я — Иаков, получивший имя это в честь Иакова, брата Господня.

Мужи эти, пробудившись от сна, почувствовали в сердце своем необычайную радость от слов святого и рассказали всем о видении. И вот все жители того селения поспешно отправились на то место, откуда они дерзновенно оттолкнули святые мощи праведного Иакова и старались увидеть их; найдя их, они возвеселились, благоговейно вынесли их из воды, с честью положили на берегу в той же самой раке, а кругом обнесли деревянным срубом.

Преблагой Бог, прославляя Своего угодника, даровал святым мощам его силу творить дивные чудеса и исцелять различные недуги; видя это, люди воздавали великое благодарение Всемилостивому Богу, Который ниспослал им такого безмездного врача; прославляли и преподобного чудотворца, исцеляющего всякую болезнь. Желая положить мощи его на более лучшем месте, они отправились к архиепископу Великого Новгорода, преосвященному Феодосию, и с умилением рассказали ему о всех чудесах, бывших от раки преподобного; Феодосий в послании к первопрестольному архиерею всей России, митрополиту Макарию, описал все чудеса, о которых он слышал; получив от него в скором времени доброе наставление, Феодосий со тщанием стал расспрашивать о чудесах святого у лиц, которые получили исцеления от своих недугов. Убедившись, что все, сообщенное ему, было действительно истинно и неложно, архиепископ Феодосий послал Константина, игумена монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы, вместе с священниками и диаконами в Боровицкое селение. Отсюда честны́е и чудотворные мощи святого праведного Иакова были с честью перенесены в новую церковь Сошествия Святого и Животворящего Духа; здесь они и были положены у южных врат церковных 23 октября 1545 года. В этот день и положено было праздновать ежегодно память этого блаженного чудотворца, во славу во Святых прославляемому Христу Богу вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
ИГНАТИЯ,
патриарха Константинопольского

Святой Игнатий был сын императора Михаила Рангава[1] и императрицы Прокопии, брат Феофила[2] и внук императора Никифора. Пятнадцатилетним отроком он был заключен в монастырь[3] и впоследствии сделался игуменом монастыря Архангела, называвшегося сначала восточным, а потом — Сатира. Затем он был поставлен патриархом Константинопольским[4] и оставался на патриаршем престоле одиннадцать лет, пять месяцев, пока не был изгнан императором Михаилом[5]. Вместо него был поставлен Фотий[6], протоспафарий и протосинкрит[7] Константинопольской церкви, ранее бывший простым монахом. После изгнания Фотия императором Василием[8] Игнатий вновь патриаршествовал — на этот раз десять лет и опять был изгнан императором Никифором[9], убитым впоследствии болгарами. Его место занял святой Стефан[10], сын императора Василия, а святой Игнатий удалился в монастырь Сатира, где с миром скончался восьмидесяти девяти лет от роду.

---

[1] *Михаил Рангав* царствовал с 811 по 813 год.

[2] *Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

[3] Это было сделано по приказанию императора Льва Армянина (813–820 гг.), который свергнул отца Игнатия — Михаила с престола.

[4] Это было в 846 году.

[5] Игнатий в 857 году был свержен с престола за то, что отказался выполнить желание Варды, который управлял империей за малолетством Михаила, постричь в монашество Феодору, мать Михаила, которая во многом стесняла действия Варды. Игнатий не только отказался выполнить это, но даже самого Варду отлучил от святого причащения.

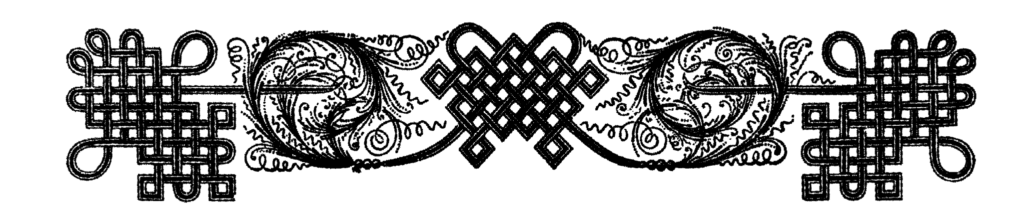
[6] Память его — 6 февраля.

[7] *Протоспафарий* — знатный и великий чин, бывший при дворе Греческого царя. *Протосинкрит* — начальник придворных, который имел право входить в ложницу царскую.

[8] Изгнание Фотия было в 867 году.

[9] Вторичное низложение Игнатия относится к 877 году; в этом году последовала и смерть Игнатия.

[10] Память его — 17 мая.



День двадцать четвертый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АРЕФЫ

Когда в греческой земле царствовал Юстин[1], а в Эфиопии[2] — Елезвой, цари правоверные и благочестивые, тогда в земле Омиритской[3] вступил на престол беззаконный царь, по имени Дунаан, иудей по рождению и по вере, хулитель Христова имени и великий гонитель христиан. Все советники его, слуги и воины были или евреи, или язычники, поклонявшиеся солнцу, луне и идолам. Он старался изгнать всех христиан из своей области и искоренить в стране Омиритской самую память о великом Христовом имени.

---

[1] *Юстин* — дядя Юстиниана, царствовал с 518 по 537 год.

[2] *Эфиопия* — в Африке, соответствует нынешней Абиссинии. Она находилась в верховьях реки Нила и граничила с Фиваидской областью Египта на севере, с Ливией — на западе, с Южной Эфиопией — на юге и с Аравийским заливом и Чермным морем — на востоке. Столичный город ее — Авксумы. В первые века христианства Эфиопия была могущественной империей; ей принадлежала и часть Аравии. Христианской верой она была просвещена в VI веке Едесием и Фрументием. В VII веке эфиопляне были покорены арабами. С 727 года здесь начинается Коптская иерархия.

[3] *Омириты* — жители Южной Аравии, обитавшие близ Аравийского залива. В первые века христианства Аравию населяли одиннадцать племен. Из них только омириты и савеи были христианами; остальные племена, находясь в частых сношениях с иудеями, держались большей частью иудейской религии. Омириты были просвещены христианством Феофилом Индийским, вторым епископом эфиопской столицы Авксумы. В VI веке у них были три знаменитые епископа: Павел, убитый Дунааном царем, Иоанн, поставленный при Юстиниане, и святой Григорий, ревнитель Православия.

Ревностно преследуя Церковь Божию, он мучил и убивал верных, не покорявшихся его велениям и не хотевших жить по иудейскому закону.

Услышав о том, что Дунаан воздвиг в своей стране гонение на христиан, царь Эфиопии Елезвой сильно огорчился и, собрав свои войска, пошел на него войной[1]; после многих битв Елезвой победил его и, сделав его своим данником, возвратился в свою землю. Спустя немного времени Дунаан опять восстал против Елезвоя, нарушил договор с ним и, собрав свои войска, уничтожил все отряды Елезвоя, оставленные им для охраны городов, после чего еще сильнее вооружился против христиан. Он повсеместно повелел, чтобы христиане — или принимали иудейскую веру, или были избиваемы без милосердия. В царстве его уже не оставалось никого, кто дерзнул бы исповедовать Христа, и только в одном обширном и многолюдном городе Награне[2] было прославляемо имя Христово. Святая вера воссияла в нем еще с того времени, когда Констанций, сын Константина Великого, посылал послов своих к савеям, называемым ныне омиритами[3] и ведущим свой род от Хеттуры, рабыни Авраамовой. Прибыв туда, богомудрые и благо-

---

[1] Царь Эфиопский потому выступил на защиту христиан — омиритов, что самое христианство они получили из Эфиопии и, по всей вероятности, находились в церковной зависимости от Авксумской митрополии.

[2] *Награн*, или *Анагран*, город у Аравийского залива, смежный с владениями Дунаана. Этот город, покоренный Элием Галлом, военачальником императора Августа, в 25 году по Рождестве Христовом находился под покровительством Римских императоров. Потому-то, может быть, он был более независим в религиозном отношении, чем города омиритов.

[3] *Савеи* и *омириты*, жившие в близком соседстве по Аравийскому побережью и родственные между собой по происхождению, языку и религии, в VI веке сливаются в одно племя и нередко называются безразлично то тем, то другим именем.

честивые послы расположили царя этой страны к Констанцию, научили жителей ее вере в Иисуса Христа и построили церкви. С этого времени в Награне процветало благочестие, возрастало христианское учение, увеличилось число иночествующих, устроялись монастыри, во всех сословиях сохранялось целомудрие, а верные преуспевали и совершенствовались в добродетелях. Они не дозволяли жить среди себя ни одному иноверцу: ни эллину[1], ни иудею, ни еретику[2], а сами они, как дети единой матери, Соборной Апостольской Церкви, пребывали во всяком благочестии и чистоте.

Завидуя столь великому благочестию этого города, диавол вооружил против него иудействующего Дунаана. Услышав, что жители города Награна не повинуются его повелению и не хотят жить по иудейскому закону, Дунаан пошел на них со всеми своими войсками, замыслив истребить христиан в своей области и этим истреблением досадить Елезвою, царю Эфиопскому. Подступив к городу, он обложил его множеством войска, окружил его окопами и похвалялся, что скоро возьмет его, а жителей его истребит беспощадно. Он говорил гражданам:

— Если хотите получить у меня милость и остаться в живых, то свергните проклятые знамения (так он, окаянный, называл святые кресты), которые вы вознесли на верхи высоких храмов, а равно откажитесь от Распятого[3], изображенного на этих знамениях.

В то же время царские оруженосцы ходили вокруг города и восклицали:

— Окажите повиновение царю: тогда останетесь в живых и получите от него дары, а если нет — погибнете от огня и меча.

Сам Дунаан так злословил богохульным языком Христа и христиан:

— Сколько я погубил христиан! Сколько священников их и иноков убил я мечом! Сколько огнем сжег! И ни одного из них не изба-

---

[1] *Эллинами* до Христа назывались греки, а в Священном Писании этим именем называются язычники вообще, как греки, так и другие народы, потому что многие из них говорили по-гречески (ср.: Деян. 11, 20; 16, 1–3).

[2] *Еретик* — заблуждающийся в догматах Церкви, произвольно искажающий христианскую истину (см.: 2 Пет. 2, 1; Тит. 3, 10).

[3] Так гонители христиан называли Господа Иисуса Христа — с целью уничижения, тем более, что крестная смерть считалась у римлян самой позорной казнью.

вил Христос от рук моих. Да и Сам Он не мог спастись от руки распинавших Его[1]. И вот, я пришел к вам, жители Награна, или отлучить вас от Христа, или окончательно истребить.

Граждане отвечали ему:

— Царь! Ты слишком дерзко говоришь о всесильном Боге. Ты уподобился Рапсаку, военачальнику Сеннахирима, который с гордостью говорил Езекии: «Да не превознесет тебя Господь Бог твой, на Которого ты надеешься!» Но не осталась такая хула без наказания. Ты знаешь, сколько тысяч войска погибло в один час за такую хулу[2]? Смотри же, как бы не случилось этого и с тобой, хулителем Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, всесильного и всемогущего, страшного и отнимающего мужество у князей! Господь и тебя может сокрушить и обратить в ничтожество твою высокомерную и богохульную гордыню. Ты хвастаешься, что или отвратишь нас от Христа, или окончательно истребишь. Истинно, что ты скорее можешь истребить нас, чем отвратить от Христа, Спасителя нашего, за Которого мы все готовы умереть.

Не вынося таких речей, царь распалялся еще большим гневом и всеми своими силами теснил город, намереваясь, в случае если не возьмет города приступом, изнурить его голодом чрез продолжительную осаду. В окрестностях города, по деревням и пустыням, нашел он немало христиан и, захватив их, погубил разными способами, а иных продал в рабство. Попытки его взять приступом город были безуспешны: граждане мужественно защищались со стен и побеждали нечестивых. Царь немало потрудился с своими войсками, но не мог ни взять города, ни изнурить его голодом, так как граждане запаслись продовольствием на много лет. Отчаявшись в своих надеждах, беззаконный царь замыслил тонкую, подобно острой бритве, хитрость и отправил в город послов с такими, подкрепленными клятвой, речами:

---

[1] Дунаан повторяет хуления на Господа, произнесенные иудейскими архиереями, книжниками, фарисеями и старцами, а равно одним из разбойников, повешенных на кресте (см.: Мф. 27, 41–43; Лк. 23, 39).

[2] *Рапсак*, военачальник Сеннахирима, царя Ассирийского, был послан с многочисленным войском для покорения Иудеи при царе Езекии. Но войска Ассирийские в одну ночь были поражены Ангелом (185 тысяч), а остатки их со стыдом должны были возвратиться в свою землю (см.: 4 Цар. 18, 13–37; Ис. 36, 37).

— Я не хочу ни обижать вас, ни отвращать вас от вашей веры; ищу я только обычной дани, которую вы должны платить мне, как своему царю. Отворите же мне ворота города, чтобы мне войти в него и осмотреть. Я возьму у вас обычную дань и клянусь Богом и законом, что не сделаю вам ни великого, ни малого зла, но оставлю вас жить мирно — при вашей вере.

Граждане ответили ему:

— Мы, христиане, научились из Священного Писания повиноваться царю и покоряться властям (см.: Рим. 13, 1–2). Если ты сделаешь так, как обещаешь нам с клятвой — не отвращать нас от Господа нашего Иисуса Христа, мы отворим тебе ворота города. Войди в него, как царь, и возьми у нас обычную дань. Если же ты причинишь нам какое-либо зло, то Бог, слышащий твои клятвы, накажет тебя вскоре. А мы не отступим от Христа Спасителя нашего, если не только лишимся имущества, но даже самой жизни.

Царь снова настойчиво поклялся, что не причинит им ни малейшего вреда. Они же, поверив ему, отворили город и поклонились нечестивому, поднося ему дары. Царь вошел со всем своим войском в город, как волк в овечьей шкуре в стадо, захватил стены и ворота городские и занял их своими отрядами. Видя красоту города и множество людей в нем, он обращался с ними ласково, ибо до времени таил яд, скрытый в сердце своем. Отдохнув немного в городе, он снова стал во главе своих отрядов и, желая начать безбожное дело, которое замыслил, повелел явиться к нему почтенным мужам и городским воеводам. По его повелению, вышли к нему все, находившиеся в городе, почтенные старцы и начальники, мужи уважаемые и богатые. Среди них находился блаженный Арефа, старший возрастом и разумом, званием и почетом. Имея девяносто пять лет от роду, он был князем и воеводой, которому поручено было все городское благоустройство. Благодаря его мудрым советам и разумному управлению, граждане долго храбро противились своим врагам. Явившись с Арефой во главе к беззаконному царю, граждане воздали ему должное поклонение и благодарили его за его намерения, так как он клялся, что не причинит им никакого вреда. Они еще не знали его хитрости. Он же не мог долго скрывать в себе яд и тотчас обнаружил злобу, которую коварно таил в себе: клятву, данную им гражданам, он назвал детской потехой и повелел всех граждан, вме-

сте со святым Арефой, оковать цепями и заключить под стражу. После этого он послал в дома их и разграбил имущество их. Еще он спрашивал, где Павел, епископ их?[1] Узнав же, что два года тому назад епископ преставился, повелел откопать его гроб и, извлекая тело умершего, сжег огнем и рассеял пепел по воздуху. Затем, зажигая громадный костер, он собрал множество священников, клириков[2], иноков, инокинь и дев, посвященных Богу, числом четыреста двадцать семь, и, бросив их в огонь, сжег их, говоря:

— Они — виновники гибели других, так как советовали почитать Распятого, как Бога.

Кроме того, он повелел глашатаям ходить по городу и возвещать, чтобы все отверглись Христа и жили по иудейскому закону подобно царю.

Призвав после этого первых граждан города, содержавшихся в темнице, он стал говорить им и особенно Арефе:

— Какое безумие ваше — веровать в Распятого, как в Бога! Разве может страдать Бог, не имеющий тела? Или — может ли умереть бессмертный? Ведь есть же между вами такие, которые по примеру Нестория[3] почитают Христа не как Бога, а как пророка? Я вас не побуждаю к тому, чтобы вы кланялись солнцу, или луне, или какой-либо твари; я принуждаю вас приносить жертвы не языческим богам, а только Богу, Создателю всякой твари.

На эти слова святой Арефа, от лица всех, отвечал:

— Мы знаем, что Божество не может страдать, а пострадало за нас человечество, воспринятое Иисусом Христом от Пречистой Девы, как об этом свидетельствуют пророки, о которых и ты знаешь; Божество же Свое Христос Господь проявил чудесами неизреченными. Но какая надобность в долгих словопрениях? Мы испове-

---

[1] По мнению некоторых, епископ Павел был убит по приказанию Дунаана. Спрашивая о нем, царь обнаруживает неуверенность: подлинно ли исполнено его приказание?

[2] *Клирики* — члены причта церковного.

[3] *Несторий* — с 429 года епископ Цареградский. Следуя учению Феодора, епископа Мопсуестского, он утверждал, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный, за святость жизни, особенной благодати Божией и спасающий нас не искупительной смертью, а наставлениями и примером жизни. За эту ересь Несторий отлучен от Церкви на III Вселенском соборе и умер в Фиваиде в 436 году.

дуем, что Он — Бог и Сын Божий, и от имени всех граждан города говорим, что нет той муки, какую мы не были бы готовы понести ради Иисуса Христа, Бога нашего. До Нестория, осужденного святыми отцами, нам нет дела: мы не разделяем во Христе лиц[1], но веруем, что человечество Его соединено с Божеством в одно Божественное Лицо. Тебя же, говорящего хульные речи на Господа нашего, за эту хулу и за преступление клятвы скоро постигнет наказание Божие.

Мучитель выслушал эти слова снисходительно (ибо он стыдился мудрости Арефы и благородства прочих граждан) и стал ласковыми речами располагать к себе сердца их, обещая им дары и почести; этим путем желал он склонить их благочестие и ревность по Христе к своему беззаконию. Но они, возводя очи свои к небу, взывали, как бы едиными устами:

— Мы не отвергаемся Тебя, Едине Слове Божий, Иисусе Христе, — не соблазняемся о пресвятом рождении Твоем от Пречистой Девы и не насмехаемся над честным крестом Твоим.

Видя непоколебимость святых мужей в вере, царь отложил на некоторое время мучение их и устремился против народа, избивая многих беспощадно. Он повелел привести жен и детей тех святых мучеников, которые были содержимы вместе с Арефой в оковах. С этими честны́ми женами пришло многое множество иных жен, вдовиц, дев и инокинь. Всех их царь сначала прельщал ласками, а затем угрожал им муками, убеждая отречься от Христа. Они же не только не соглашались на это, но отвечали досадительными для царя речами. Особенно иночествующие девы обличали царя, укоряя его в безбожии. Не вынося досаждения, царь повелел воинам всех их казнить мечом. Они пошли на смерть, как на торжество. При этом возникло между ними пререкание: иночествующие девы, желая умереть первыми, говорили прочим женам:

— Вы знаете, что в Церкви Христовой мы поставлены выше других. Вспомните, что мы всюду занимали первое место: мы первые входили в храм Господень, первые приступали к Пречистым Тайнам, на первом месте мы стояли и восседали во храме. Поэтому, подобает нам и здесь первым принять честь мученичества; мы первые желаем

[1] По определению IV Вселенского собора (451 год), в Иисусе Христе два естества соединены «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

умереть и пойти ранее вас и мужей ваших к Жениху нашему, Иисусу Христу.

Прочие жены опережали одна другую, склоняя под меч свои головы. Точно так же и малые дети теснились среди своих матерей, торопясь умереть, и каждый ребенок громко кричал:

— Мне отсеките голову, меня казните!

Усердие их умереть за Христа было так велико, что привело в изумление нечестивого иудея Дунаана и всех его вельмож. И говорил беззаконный царь:

— О, как мог Галилеянин[1] настолько обольстить людей, что они ни во что ставят смерть и ради Него губят свои души и тела!

В том же городе Награне жила одна вдова, именем Синклитикия, благородная и добродетельная, красивая лицом, но еще более прекрасная душой, богатая имениями, но еще более богатая добродетелями. Оставшись в молодых летах после своего мужа вдовой, она со своими двумя дочерьми проводила время дома в посте и молитве. Не пожелала она снова выйти замуж, но, уневестившись Христу, служила Ему день и ночь. Будучи молода годами, была она стара разумом — более старцев разумна, ибо заповедей Господних взыскала (см.: Пс. 118, 100). Услышав о ней, нечестивый иудей Дунаан повелел привести Синклитикию и дочерей ее к себе с почетом. Когда она пришла, царь посмотрел на нее ласково и вкрадчивым голосом стал говорить ей:

— Мы слышали о тебе, досточтимая жена, что ты благородна, целомудренна и разумна. Твое лицо и весь облик твой свидетельствуют, что справедливо все, сказанное о тебе. Не старайся же подражать тем безумным женщинам, которых я погубил за безумие их; не называй Богом Того, Кто был распят на кресте, ибо Он был чревоугодник, друг мытарей и грешников (см.: Мф. 11, 19), противник отеческих законов. Поступи же так, как прилично твоему благород-

---

[1] Господь проповедовал Евангелие в Галилее чаще, нежели в других областях Палестины. Из Галилеи он предпринимал путешествия в Иерусалим, из галилеян избрал Своих апостолов, в Галилее явился Он и по Своем воскресении из мертвых. Прочие иудеи не любили галилеян, и само название «Галилеянин» было презрительным (см.: Мф. 13, 54–57; Ин. 7, 41–52). Дунаан в данном случае следует примеру иудеев и Юлиана Отступника, называвшего Господа Иисуса Христа — Галилеянином.

ному происхождению, отвергнись Назарянина[1] и будь единомысленной с нами. И будешь ты вместе с царицей в царских палатах, почитаемая всеми, и проживешь в довольстве, свободная от всех, связанных с вдовством, бедствий. До нас дошла добрая слава о тебе и самое дело подтверждаешь это. Действительно, ты имеешь великие богатства, много всякого имущества, рабов и рабынь, почитаема всеми, молода и красива, но, при всем благополучии, не пожелала вторично выйти замуж. Еще говорят о тебе, что ты добродетельна и благоразумна. Поступи и теперь, как следует: будь благоразумна до конца, послушайся моего здравого совета и не вздумай такую красоту и молодость свою, а равно девство детей твоих, отдать в руки мучителей, которые доставят более стыда и бесчестия, нежели мучений. Перестань славить Распятого и, подчинившись законам нашим, избери полезное для себя и для детей своих.

Блаженная и досточтимая женщина ответила царю такими словами:

— Следовало бы тебе, царь, почитать Того, Кто дал тебе власть, и эту порфиру, и эту диадему[2], — даже более того: дал тебе самое бытие и жизнь. Это — Сын Божий и Бог. Ты же обнаружил неблагодарность за столь великое благодеяние Его, и дерзким языком злословил Благодетеля своего. Разве ты не боишься, что гром с высоты поразит тебя? Ты хочешь удостоить меня великих почестей, но я считаю ваши почести бесчестием для себя и не хочу, чтобы меня хвалил тот язык, который хулит Бога моего. Не буду я и безумна настолько, чтобы жить с врагами Божиими в домах грешников.

Услышав это, царь исполнился гнева и, обратившись к своим вельможам, сказал:

— Вы видите, как бесстыдно эта скверная женщина злословит нас!

Затем он велел снять покрывало с головы Синклитикии и дочерей ее и с непокрытой головой и распущенными волосами водить ее по городу, подвергая издевательству и насмешкам. Когда ее водили с

---

[1] Так называли иудеи Господа Иисуса Христа, потому что Он большую часть Своей земной жизни провел в этом небольшом и бедном городке (см.: Мф. 2, 23).

[2] *Порфира* — пурпуровая дорогая одежда, в виде длинной мантии, которую носят государи в торжественных случаях. *Диадема* — царский венец.

бесчестием по городским улицам, она увидела, что многие женщины плачут по поводу причиняемого ей издевательства и позора. Обратившись к ним, она сказала:

— Я знаю, подруги мои, как вы скорбите обо мне, что позорят меня и моих дочерей! Но не скорбите, когда я радуюсь, и не плачьте, когда я веселюсь. Этот день радостнее для меня, чем день брачный, ибо я страдаю ради Жениха[1] моего, для Которого я беспорочно сохранила свое вдовство. Для Него я сохранила и непорочное девство моих возлюбленных дочерей. Я радуюсь ныне, что Господь мой видит поругание мое, слышит мое исповедание и знает мое усердие; я не пожелала ни почестей, ни богатств и даже не хочу этой временной жизни. Единственное мое желание — обрести Христа, явиться к Нему в сонме святых мучениц и привести к Нему плод чрева моего — этих моих дочерей. Поэтому прошу вас, сестры мои, не плачьте обо мне, но лучше радуйтесь со мной, что я иду соединиться с нетленным моим Женихом небесным.

После этого ее опять привели к царю. Царь сказал ей:

— Откажись от исповедания Христа и останешься жива.

Святая отвечала:

— Если я отвергнусь Христа ради этой временной жизни, то кто избавит меня от вечной смерти и огня неугасающего?

Затем, подняв очи к небу, она сказала:

— Да не будет со мной, о бессмертный Царь, чтобы я отверглась Тебя, Единородного Сына Божия, и послушалась хулителя и клятвопреступника, который хитростью взял город и преследует Твою святую Церковь.

Царь исполнился сильной ярости и вскричал:

— О скверная женщина! Сейчас же раздроблю твое тело, растерзаю чрево твое, брошу тебя на съедение псам и увижу: избавит ли тебя от моих рук Назарянин, на Которого ты надеешься?

Не вынося этих слов мучителя, старшая дочь Синклитикии, которой был двенадцатый год, плюнула ему в лицо. Тотчас стоявшие здесь слуги отсекли ей голову, а вместе с ней умертвили мечом и младшую ее сестру.

---

[1] Под этим словом разумеется Господь Иисус Христос, Жених Церкви Своей и всякой души христианской (Песн. 4, 9; Ин. 3, 29; Мф. 25, 1–13).

Так пали мертвыми обе дочери пред очами достохвальной матери своей. Тогда царь повелел собрать кровь их и поднести к устам матери, чтобы она пила. Отведав крови, она сказала:

— Прославляю Тебя, Господи Боже мой, за то, что сподобил меня вкусить чистой жертвы бедных дочерей моих. Тебе, Господи Христе, я приношу эту мою жертву. Тебе я представляю этих мучениц, чистых дев, исшедших из утробы моей. Соединив и меня с ними, введи в Свой чертог, и, как говорит святой Давид: яви *матерью, радующеюся о детях* (Пс. 112, 9).

Затем мучитель повелел отсечь ей голову мечом. Так переселилась мать с своими дочерьми в обители вечного блаженства. Мучитель же с клятвой утверждал:

— Я не видел в своей жизни столь красивой женщины и таких прекрасных девиц, как эти, не пощадившие ни красоты, ни жизни своей.

На другой день, воссев на возвышенном месте, царь призвал Арефу с его сподвижниками, числом триста сорок мужей. Когда они предстали, царь, обратившись к Арефе, как старейшему, сказал:

— Ты, мерзкий человек, восстал против нашей власти, возбудил весь город против нас и повелел сопротивляться нам. Ты заставил граждан повиноваться твоим словам, как закону, а наши законы и повеления ты отвергаешь. Ты научил народ чтить Распятого, как Бога, и считать помощником Того, Кто Сам Себе не помог, когда был распинаем. Почему ты не последовал отцу твоему, который, управляя Награном, повиновался царям, бывшим раньше нас? Поистине, достоин ты и все последователи твои — мучений, подобно мужам и женам, уже преданным нами смерти, которым Сын Марии и плотника[1] не мог оказать никакой помощи.

Старец в это время стоял в раздумье, сильно страдая от горделивых речей богомерзкого царя. Затем он вздохнул от глубины сердца и сказал:

— Не ты, царь, виноват во всем том, что произошло, а виноваты наши граждане, которые не послушались совета моего. Я советовал им не отворять городских ворот тебе — человеку хитрому и лукавому, но мужественно бороться с тобой. Они же не вняли моим сло-

[1] Дунаан считал Господа Иисуса Христа простым человеком, сыном Марии и Иосифа.

вам. Я хотел выйти с небольшим отрядом против всех твоих войск, как некогда Гедеон против мадианитян[1], ибо я надеялся на Христа моего, ныне хулимого тобой. Он помог бы мне одолеть, победить и уничижить тебя, безбожного клятвопреступника, забывшего установленный нами договор, по которому ты клятвенно обещал сохранить город и граждан.

Один из сидящих вместе с царем сказал святому:

— Так ли научает вас закон Моисеев? Он заповедует: *начальника в народе твоем не поноси* (Исх. 22, 28). Да притом, и ваше Писание учит чтить царя, не только доброго и кроткого, но и строптивого (см.: 1 Пет. 2, 17–18).

Святой отвечал ему:

— Разве ты не слышал о сказанном Ахаву пророком Илией. Когда Ахав обратился к Илии с словами: «Не ты ли развращаешь Израиля?» — Илия сказал ему тогда: «Не я развращаю Израиля, а скорее — ты и дом отца твоего» (см.: 3 Цар. 18, 17–18)[2]. Смотри: он не только одного Ахава, но и весь дом его укорил и обличил, однако закона не нарушил. Да и всякий, благоговейно чтущий Бога, не нарушает закона, когда обличает нечестивого царя за его нечестие, царя, который не побоялся хулить Бога и злословить Создателя. Однако я вижу, что вы пренебрегаете долготерпением Божиим и стремитесь к тому, чтобы и мы поступили подобно вам. О царь неправедный, безбожный и бесчеловечный! Так ли ты поступил с нами, как обещал? Такая ли правда прилична царю? Таковы ли были цари, правившие раньше тебя? Поистине — не таковы, но добрые и кроткие, милосердные и правдивые, хранившие сказанное ими слово и оказывавшие милость своему народу. А ты, клятвопреступник, не можешь насытиться человеческой кровью! Знай же, что всеведущий Бог скоро низложит тебя с царского престола и даст его человеку верующему и

---

[1] *Гедеон* — судия израильский (1245 год до Рождества Христова). Призванный Богом к избавлению Израиля от мадианитян, он с тремястами безоружных воинов окружил ночью неприятельский лагерь и привел их в такое смятение, что они, поражая друг друга, обратились в бегство и затем были истреблены (см.: Суд. 7). Мадианитяне жили в Аравии. Происходя от Мадиама, сына Авраама от Хеттуры, они были родственны омиритам. Потому о них и упоминает святой Арефа.

[2] *Ахав*, сын Амврия, царь Израильский (924–903 годы до Рождества Христова). Он ввел в Израиле поклонение Ваалу и Астарте. Пророк Илия Фесвитянин грозно обличал нечестивого царя.

доброму, а равно утвердит и возвысит христианский род и созиждет церковь, которую ты сжег огнем и сровнял с землей. Что касается меня, то я считаю себя блаженным, так как в глубокой старости, имея девяносто пять лет и видев сыновей сынов моих и дочерей моих, принимаю мученическую кончину и родной город привожу с собой в жертву Богу.

Обратившись затем к народу и к своим товарищам по мучению, он начал говорить так:

— Граждане, друзья и близкие мне! Мы обманулись, поверив клятве и лукавым речам этого безбожного царя, ныне же мы видим его неправду и слышим его богохульные слова. Хорошо бы сделали мы, если бы сопротивлялись ему на войне и крепко стояли до конца! Нам помог бы Бог победить его. Но так как случилось иначе и нам предстоит теперь: или, повиновавшись врагу, бедственно жить в этой временной жизни, или же, не оказывая повиновения, принять блаженную кончину, — то постараемся наследовать чрез страдание бессмертную славу. Что может быть славнее мученичества и что почетнее страданий за Христа? Давно уже я имел мысль и желание претерпеть муки за Христа. Ныне, получив желаемое и найдя искомое, я радуюсь и готов сейчас же умереть. А вы, братие, не страшитесь и не будьте малодушны; не обнаруживайте привязанности к временной жизни, чтобы ради нее не лишиться жизни вечной. Также и мучитель наш будет похваляться, если, устрашив угрозами, отторгнет кого-либо из нас от святой веры; будет он превозноситься в своей гордости, как будто он победил всех, и еще более увеличит свои хуления на Сына Божия. Если же найдется кто-либо среди нас, кто боится смерти и помышляет отречься от Христа — Вечной Жизни, тот пусть немедленно выйдет из нашей среды, пусть отделится от единодушного и единомысленного сонма нашего и не носит напрасно имени христианина. Всякий, кто отречется Тебя, Христе, Слове Божий, ради временной жизни, пусть лишится ее! Если же кто-либо из моих сродников или ближних, одолеваемый желанием временных благ, оставит Тебя, Создатель, и пойдет вослед скверного царя, то не дай ему, о Царю Христе, наслаждаться тем, что представляется ему благом и утешением, но пусть постигнут его всякие бедствия и невзгоды!

Когда святой сказал это, все без исключения христиане, проливая теплые слезы, заговорили:

— Не бойся, наш вождь и учитель! Никто тебя не оставит, никто не отделится из нашего сонма. Все мы готовы раньше тебя умереть за Христа и принять блаженную кончину.

Святой ответил на это:

— Я пойду впереди вас; я умру первый и буду вашим предводителем. Как в городе вы мне дали предводительство, так дайте мне и здесь первому явиться ко Христу.

Затем святой присовокупил:

— Если кто из сыновей моих останется живым в святой вере, тот пусть будет наследником моих имений. Из них три селения я отдаю святой Церкви, которая скоро будет восстановлена. Ибо этот беззаконный мучитель скоро погибнет, а Церковь Христова в этом граде утвердится и процветет, как цвет багряный, омытый кровью стольких рабов Христовых.

Сказав это, святой благословил народ и, воздев руки и возведя очи к небу, воскликнул:

— Слава Тебе, Господи, за все случившееся!

Обратившись к царю, он сказал:

— Благодарю тебя, царь, за то, что ты имел терпение и не прерывал моих речей, но дал мне время побеседовать с друзьями моими. Теперь уже не медли больше, но делай что хочешь, ибо ты видишь нашу решимость; ты узнал наш образ мыслей и видишь, что не может быть того, чтобы мы отверглись Христа и последовали твоему безбожию.

Видя их непреклонность, царь всех их осудил на смерть, святых отвели к одному потоку, называвшемуся Одиасом, чтобы там казнить их усечением. Когда пришли к указанному месту, святые предались усердной молитве. Они молились:

— *Господи, Господи, сила спасения нашего! Ты покрыл главы* наши *в день брани* (Пс. 139, 8). Теперь изведи нас в жизнь вечную, потому что мы ничего не возлюбили более Тебя: ни отечества, ни сродников, ни богатств, но все это оставили ради Тебя. Даже самую жизнь нашу мы презрели и уподобились овцам, ведомым на заклание. Молим Тебя смиренно: отомсти за кровь рабов Твоих, простри руку на гордыню

нечестивого царя, приими под Свою защиту детей умерших за Тебя людей, утверди город, похваляющийся Твоей честной Кровью, Крестом и страданием. Ты видишь, что с ним сделали враги Твои: они разорили благолепие его, осквернили Твою святыню, сожгли Твой святой храм. Воздвигни же его опять и дай скипетр[1] царям христианским!

Во время этой молитвы святых воины начали казнить их. Первому отсекли голову святому и великому Арефе, как предводителю христиан, а затем и всем прочим святым мученикам. Таким образом триста сорок мужей приняли блаженную кончину.

Тут же находилась одна верующая женщина, гражданка этого города. При ней был сын, малое дитя, не более пяти лет от роду. Видя усечение мечом святых мучеников, она подбежала к ним и, взяв немного крови их, помазала ей себя и своего сына. Затем, исполнившись ревности, она проклинала царя и громко возглашала:

— Будет этому иудею то же, что и фараону[2].

Воины схватили ее и, приведя к царю, пересказали слова ее. Не дав ей ничего сказать и ни о чем не спрашивая, царь велел немедленно сжечь ее на костре.

Когда разведен был большой огонь и мучители стали вязать эту блаженную женщину, чтобы бросить ее на костер, малолетний сын ее стал плакать. Увидев же сидящего царя, мальчик подбежал к нему, обнял его ноги и, с очами, полными слез, умолял, как умел, о матери.

Царь взял к себе на колени этого красивого и речистого мальчика и спросил:

— Кого ты больше любишь: меня или мать?

Мальчик отвечал:

— Я люблю мать, почему и подошел к тебе. Умоляю тебя, прикажи развязать ее: пусть она и меня возьмет с собой на мучение, о котором часто меня поучала.

---

[1] *Скипетр* — короткий посох, знак верховной власти. При венчании на царство государи держали его в правой руке.

[2] *Фараон* — общее название древних царей Египетских. В Священном Писании имя фараон встречается большей частью одно, без собственного имени. Здесь разумеется фараон по имени Тутмозис, или Аменофис, царствовавший во время исхода евреев из Египта (см.: Исх. 5–14). Он погиб со всем своим войском в Чермном море (см.: Исх. 14, 15; 1–21).

Царь спросил его:

— Что это за мучение, о котором ты говоришь?

Мальчик, исполненный благодати Божией, действовавшей в нем, отвечал:

— Мучение состоит в том, чтобы умереть за Христа с целью опять жить с Ним.

Царь спросил:

— А кто этот Христос?

Мальчик ответил:

— Иди со мной в церковь, и я покажу тебе Его.

Затем, опять посмотрев на мать, ребенок с плачем сказал:

— Отпусти меня, я пойду к матери.

— Зачем же ты пришел ко мне, оставив мать? — возразил царь. — Не ходи к ней, а оставайся с нами. Я дам тебе яблок, орехов и всяких красивых плодов.

Так царь беседовал с ним, как с простым ребенком, предполагая в нем детский разум. Но ребенок превосходил свой возраст разумом и ответил ему серьезно:

— Я не останусь с вами, а хочу идти к матери. Я думал, что ты — христианин и пришел умолять тебя о матери своей. А ты — иудей; поэтому я не хочу у тебя оставаться, да и не возьму ничего из твоих рук. Я хочу только, чтобы ты отпустил меня к матери.

Царь удивился такому разуму малого ребенка. Ребенок же, увидев, что мать его брошена в огонь, сильно укусил царя. Почувствовав боль, царь оттолкнул его от себя, а затем повелел одному из стоявших тут вельмож взять его и воспитать по иудейскому закону, в ненависти к христианству. Вельможа взял ребенка и, удивляясь его разуму, повел его в свой шатер. На пути он встретился с своим другом, остановился и начал рассказывать об этом ребенке. Они стояли недалеко от костра, на который была брошена святая мать младенца. Когда они беседовали, мальчик вырвался из рук ведущего его, быстро побежал и вскочил в огонь; там, обняв свою мать, он сгорел вместе с ней. Так мать с сыном стали благоухающей жертвой всесожжения пред Богом.

Слава Богу, так умудрившему малого младенца, что над ним исполнились слова пророческие: *Из уст младенцев и грудных детей Ты*

устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя (Пс. 8, 3)[1].

Когда все это происходило, князья и воеводы беззаконного царя сожалели о столь значительном пролитии крови христиан. Они обратились к царю и просили, чтобы он прекратил кровопролитие и не губил города, из которого ежегодно доставлялось много дани. Беззаконник поступил согласно их просьбе и перестал проливать кровь неповинную. Однако он избрал много тысяч младенцев и девиц, как из этого города, так и из всей Награнской области, и одних взял в рабство себе, а других роздал, по своему усмотрению, вельможам и воинам. Весь город, который ранее свободно поклонялся Пресвятой Троице, подчинил он тяжкому рабству, после чего отправился в свою столицу.

Когда этот богоненавистный иудей возвращался домой, на небе явился огонь и всю ночь освещал воздух. Вследствие явления этого огня, Дунаан и все войска его были в большом страхе. И стал огонь падать на землю в виде дождя и причинил много вреда. Это было знамением гнева Божия и началом отмщения за пролитую кровь. Однако новый фараон не захотел исправиться и не смирился пред крепкой рукой Божией. Он воспылал такой бешеной яростью против христиан, что задумал истребить их не только в своей стране, но и в других областях и царствах. Именно, он послал послов к царю персидскому[2], убеждая его сделать подобное же и избить всех христиан в своей области, если он желает, «чтобы к нему было милостиво солнце и отец солнца, Бог еврейский». Персы почитали солнце, как бога. Поэтому и Дунаан, желая вооружить персидского царя против христиан, называл еврейского Бога «отцом солнца». Писал он и к сарацинскому[3] царю Аламундару, обещая ему много золота, если он истребит подвластных ему христиан.

---

[1] Псалом прообразует хвалу из уст младенцев при входе Господнем в Иерусалим (см.: Мф. 21, 16).

[2] Персия граничит с Аравией на северо-востоке. Под царем здесь разумеется Хозрой Нугиирван, современник Иустина Греческого.

[3] *Сарацины* — Аравийское племя, обитавшее южнее Каспийского моря и Кавказа и простиравшееся до Сирии и Палестины. Самое название их производят или от Сарры, жены Авраама, или от тюркского слова Шаракюн, то есть восточный.

Услышав обо всем этом, благочестивый Греческий царь Иустин сильно опечалился и, скорбя сердцем по поводу гонения на христиан, послал письмо к Александрийскому архиепископу Астерию, прося его побудить эфиопского царя Елезвоя к войне против нечестивого иудея для отмщения за кровь христиан. Кроме того, и сам он написал к царю Елезвою обо всем, что сделал Дунаан с христианами в Омиритской стране, особенно в городе Награне, а равно и о том, что он посылал послов к царю персидскому и к князю сарацинскому, просьбами и подкупом вооружая их против христиан. При этом Иустин просил Елезвоя, как имеющего смежные пределы с Дунааном, пойти войной против этого богохульника, жаждущего христианской крови. Архиепископ Астерий возбуждал Елезвоя к войне, а сам усердно молился Богу о помощи христианам и о рассеянии врагов их. Он послал также и ко всем инокам, находившимся в Нитрии и в скитах[1], прося их молиться. Эфиопский царь Елезвой узнал обо всем, происшедшем в Омиритской стране, не только от царя Иустина и архиепископа Астерия, — он сам знал и раньше, так как его войска, оставленные стеречь смежные города, были перебиты. Пламенея ревностью по Боге и болея сердцем за христиан, он хотел немедленно пойти войной на Дунаана, но не мог, так как была зима; и ждал он лета, готовя все необходимое для войны. Когда прошла зима, он собрал из собственных войск и из воинов других народов, пришедших к нему на помощь, войско в сто двадцать тысяч человек. Зимой же он вооружил семьдесят индийских кораблей, а равно взял шестьдесят кораблей у купцов персидских и эфиопских, прибывших для торговли, многие же ветхие корабли исправил. С наступлением весны Елезвой пошел с своими отрядами на войну. Из нижней Эфиопии[2] он послал часть войска сушей в омиритские области, а сам с

---

[1] К югу от Александрии находилась Нитрийская пустыня, где проводили подвижническую жизнь аскеты Египта — ферапевты. Начало монашеству здесь было положено святым Аммоном, современником святого Антония (III в.). В самой Нитрии святой Аммон основал монастырь, а святой Антоний положил начало устройству скитов. В конце IV века тут было до пятидесяти монастырей, устроенных по уставу святого Пахомия. К югу от Нитрии была Скитская пустыня, где обитало много иноков.

[2] Под нижней Эфиопией разумеется северная низменная. Сухопутные войска были направлены Елезвоем чрез Фиваиду и Египет на север Синайского и Ара-

прочими войсками сел на корабли и отправился морем. Он хотел вступить в Омиритскую страну с суши и с моря, чтобы отовсюду окружить иудейского царя. Но Бог, все устрояющий премудро и творящий не по человеческой воле, а по Своим неисповедимым судьбам, — зная, что может служить на пользу, разрушил намерения блаженного царя Елезвоя. Войска его, посланные к омиритам сушей, заблудились в пустынях и горах, в непроходимых и безводных местностях и не могли ни дойти до Омиритской области, ни вернуться назад. Блуждая много дней, они изнемогли от жажды и падали мертвыми. Только немногие остались в живых и, возвращаясь в свое отечество, приносили неутешительные вести. Равным образом, и царю, плывшему по морю на кораблях, не было удачи. Пристав к одному городу, по имени Дакелу[1], царь вышел с корабля и пошел к церкви, стоявшей на берегу моря. Тут он снял с себя венец и порфиру, царскую одежду и знаки своего достоинства и, оставив их у дверей церкви, вошел в нее в одежде нищего и долго молился с умилением пред алтарем.

Вспомнив в молитве чудеса, которые Бог сотворил в Египте и в пустыне неблагодарным евреям, царь говорил:

— Неблагодарны были иудеи к Тебе, Благодетелю своему, — не только те, которых ты извел из Египта, но и дети их, и все племя, даже доныне. Ты знаешь, Господи, какое зло они причинили Твоему городу Награду, в котором они захватили хитростью людей твоих. Они сотворили беззаконный совет против святых твоих и стремятся истребить с лица земли оставшихся еще христиан. Если все это совершается за грехи наши, то молим Твою благость: не предай нас в руки их, но Сам казни нас, как Тебе угодно, ибо Тебе свойственно как величие, так и милость! Врагам же нашим не предавай нас, чтобы они не сказали: «Где их Христос, на Которого они надеются, и где их Крест, которым они похваляются?»

Так помолившись со слезами, царь вышел из церкви и оставил город. Тут он услышал, что некий святой инок, по имени Зинон, недалеко от города безвыходно пребывает в уединенной келии сорок

вийского полуостровов. В северной части того, или другого (с точностью неизвестно), войска заблудились в пустынях и горах и в большинстве погибли.

[1] Здесь разумеется город Окилис при входе в Аравийский залив, служивший портом для торговли с Индией.

пять лет, и за свою добродетельную жизнь получил от Бога дар пророчества и знание будущего. К этому иноку царь пошел в виде простого воина; он взял с собой сосуд с ладаном[1], а под ним скрыл золото, в надежде, что старец, по неведению, вместе с фимиамом примет и золото. Войдя к старцу, царь поклонился ему и, передавая принесенный дар, просил помолиться о нем, причем спросил: поможет ли им Бог в войне против иудея Дунаана, на которого они идут, чтобы отомстить за кровь христиан?

Будучи прозорливым, старец узнал в нем царя, а равно и то, что под благовониями скрыто золото. Дара он не принял и сказал:

— Разве ты не слышал, что говорит Господь: *Мне отмщение, Я воздам* (Рим. 12, 19)[2]? На погибель свою предпринял ты войну. У тебя будет отнято царство, и многие вместе с тобой лишатся жизни.

Услышав это, царь сильно испугался и с плачем и сетованием ушел от святого. Находясь в великом горе и печали, он размышлял в течение всей ночи, недоумевая, что ему делать. Наконец он решил бежать. Однако, когда наступило утро, он опять пришел к иноку. Тот сказал ему:

— Нет на земле такого города, где бы ты мог избежать смерти. Но если ты хочешь остаться живым и победить нечестивого царя, то обещай потом перейти в иноческое житие.

Елезвой обещал с клятвой, говоря:

— Если мне Бог даст победу над Дунааном, я тотчас оставлю царство и стану иноком.

Слыша эти слова царя и видя его слезы, старец помолился о нем Богу и благословил его, как некогда Саул — Давида против Голиафа (см.: 1 Цар. 17, 37), и сказал:

— Да будет Бог с тобой! Иди, вспомоществуемый жертвами мучеников, молитвами архиепископа Астерия и святых отцов-пустынников, молящихся о тебе, а равно слезами блаженного царя Иустина. Ты победишь Дунаана и отомстишь за кровь неповинных.

Царь утешился в своей печали, принял благословение и пошел к своим войскам, радуясь и прославляя Бога.

---

[1] Ладан был естественным произведением прибрежной Эфиопии, которым вместе с смирной и корицей жители страны вели обширную торговлю.

[2] Смысл текста: одному Господу принадлежит право наказывать людей за дела их.

В это время Омиритский царь Дунаан, услышав, что Елезвой, царь эфиопский, идет против него морем и сушей, также собрал множество войск и, сильно вооруженный, стал на границах своей земли, ожидая нашествия Елезвоя. Когда же он услышал, что войска Елезвоя, шедшие сушей, погибли в пустынях, то обрадовался и уже не опасался с суши, а только остерегался со стороны моря. Но и тут опасности не было. Между Эфиопией и страной Омиритской есть морская мель и узкое место, шириной менее двух стадий[1]. На ней было рассеяно множество больших и острых камней, едва прикрытых водой. Потому место это было весьма затруднительно для прохождения кораблей. К этому Дунаан еще присоединил большое препятствие. Он протянул толстую и огромную железную цепь и загородил ей морскую мель, чтобы не только частые камни, но и железная цепь преградили путь Елезвою и не допустили кораблей его по ту сторону.

Но Бог, *разум* Которого *неизмерим* (Пс. 146, 5), погубил премудрость хитрого иудея. Своей чудесной силой Он устроил на этом непроходимом месте удобный путь для христиан.

Когда Елезвой отплыл от города Дакела с доброй надеждой, поднялся попутный ветер. Поставив паруса, они плыли очень быстро и через несколько дней достигли пределов Омиритской страны. Когда же подошли к узкой морской мели и еще ничего не знали, царь повелел прежде всего переплыть десяти кораблям, а после них назначил к переправе и еще двадцать кораблей, на которых находился сам, наблюдая с высоты за переправой. Остальное же множество кораблей оставалось далеко позади, в ожидании, пока переплывут передние. Но, лишь только отправились первые десять кораблей, тотчас Господь Бог, Которому принадлежат пути морские, приспел на помощь Своим верным, и, где должна была совершиться гибель кораблей, там сверх ожидания Господь устроил спасение. Неожиданно поднялась на море великая буря, и волны вздымались высоко, как горы. Подхватывая корабли, они переносили их чрез то опасное место. Только один корабль остановился на железной преграде и казался стоящим на камне, — но силой

[1] Стадия равняется восьмидесяти семи с половиной саженям. Узкий проход, о котором идет речь, таким образом гораздо меньше половины версты.

Божией вода поднялась высоко и перенесла его. Так исполнилось сказанное пророком Давидом: ***Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине*** (Пс. 106, 23–24)[1].

Такое чудо сотворила крепкая рука Божия. Она не только передние корабли перенесла волнами чрез неудобное, прегражденное камнями и железной цепью, место, но и самую железную преграду расторгла бурей и морским волнением, и устроила для прочих кораблей удобный проход.

Перенеся чрез опасное место десять первых кораблей, волны поставили их у берега, на расстоянии двухсот стадий от того места, где стоял царь Дунаан со всеми омиритскими войсками. Другие же двадцать кораблей, на которых находился и царь Елезвой, хотя и переплыли морскую теснину, однако, отгоняемые ветром, не настигли передних, но были разбросаны волнами по морю. Узнав о приставших к берегу кораблях, Дунаан тотчас послал на конях тридцать тысяч вооруженных воинов, чтобы они препятствовали христианам сойти с кораблей на сушу. Разбросанные же по морю корабли подплыли к десяти передним кораблям лишь по прекращении бури; но они остановились, и люди не могли выйти на землю, потому что их сильно побивали с берега воины Дунаана. Остальные многочисленные корабли только на третий день переплыли опасное место и остановились неподалеку от берега. Но с передними кораблями соединиться они не могли и, далеко отстоя друг от друга, ничего не знали одни о других.

Думая, что царь эфиопский находится там, где стояло множество разбросанных кораблей, Дунаан пошел туда с своими войсками и расположился вблизи берега, препятствуя неприятелю высаживаться из кораблей на сушу. Так стояли они долгое время, и обе стороны начали терпеть великую нужду. Эфиоплянам, находившимся на кораблях, недоставало хлеба и воды, а омиритов, стоявших на берегу, одолевал солнечный зной. Тогда Дунаан послал одного князя из своих сродников с двадцатью тысячами конных воинов на помощь тем тридцати тысячам воинов, которые стерегли передние корабли,

---

[1] Эти слова имеют и переносный смысл: Бог во всех обстоятельствах жизни руководит судьбами людей и направляет их пути, устраняя препятствия и опасности.

не позволяя христианам выходить на землю. С тем князем пошел и один царский евнух, носивший пять золотых копий[1]. Много дней сражались они с христианами, которые по частям высаживались на сушу и располагались на берегу лагерем. Однажды посланный Дунааном князь, взяв с собой евнуха, носившего золотые копья, и несколько слуг, вышел из своего стана на охоту и заночевал там. В ту же ночь некоторые из воинов Елезвоя, бывшие на берегу, страдая от голода, условились бежать. Похитив лошадей, они сели на них и скрылись из лагеря. По случаю, а скорее — по Божию устроению, они натолкнулись на омиритского князя и на царского евнуха, сидевших в засаде на зверей, и вступили в борьбу с ними. Одолев их, они захватили князя, родственника царя, и евнуха с копьями, а прочих изрубили мечами и затем возвратились к своим кораблям, ведя живых пленников к своему царю и неся золотые копья. Царь сильно обрадовался и возблагодарил Бога, начавшего предавать в его руки врагов святого креста, а золотые копья обещал отдать храму Божию на благоукрашение алтаря. Ранним утром, приготовив воинов к сражению, царь посадил их на небольшие суда. Выйдя на сушу, они призвали на помощь Господа и начали жестокую битву с омиритами. Последние, лишившись своего предводителя, стали приходить в смятение и, показав тыл, обратились в бегство. Христиане преследовали и посекали их, как стебли. Бог помогал им, и ни один из противников не убежал, но все пали от христианского меча, так что не осталось, кто бы мог уведомить иудействующего царя о гибели его войск. По поводу дарованной им победы христиане вознесли благодарственные молитвы Богу.

Но еще не пришло время для полного торжества христиан. Бо́льшая часть войска Елезвоя, находившаяся на задних кораблях, испытывала великое стеснение по двум причинам: у них оскудевали запасы пищи и питья; кроме того, они не знали, где находится их царь с передними кораблями. Елезвой же, имея у себя в плену родственника царя и евнуха, пошел к стольному городу Омиритской страны, называвшемуся Фаром, где был дворец царя Дунаана. Не найдя у города стражи, Елезвой взял его без труда. Затем он вошел в царские палаты и сел на престоле Дунаана; все богатства его захватил, а ца-

[1] Золотые копья были знаком достоинства первого оруженосца царя.

рицу с ее двором взял в плен. Некоторые же, бежавшие из города, пришли к царю своему Дунаану, продолжавшему войну против кораблей Елезвоя, и рассказали ему все, как Елезвой победил войска и захватил стольный город и царицу.

Услышав это, Дунаан сильно испугался. Под влиянием страха мужество оставило его, и он не знал, что ему делать. Господь отнял у него разум и начал отмщение за неповинную кровь христиан. Беззаконный Дунаан стал бояться не только Елезвоя, но и собственных вельмож и сродников. Не доверяя им и опасаясь, чтобы они не изменили ему и не передались Елезвою, он сковал их всех и самого себя золотыми цепями и засел в своем лагере, ожидая последней казни. Так обезумел окаянный царь, потому что на него напал страх, как некогда на властителей едомских, моавитских и ханаанских, о которых говорится в Священном Писании: *тогда смутились князья Едомовы, трепет объял вождей Моавитских, уныли все жители Ханаана* (Исх. 15, 15)[1].

В это время христиане, оставшиеся на многочисленных кораблях, стоявших позади, ничего не знали и, находясь в большом смущении и скорби, вдали от своего царя, обратились к усердной молитве. Совершив на кораблях Божественную литургию и причастившись Божественных Таин, они возопили единогласно к Богу, прося помощи. И тотчас послышался с неба голос, призывавший:

— Гавриил, Гавриил, Гавриил!

Услышав этот голос, верующие укрепились духом и, вооружившись для битвы, пустились на малых судах к берегу. И вот среди них явился некий воин, имевший в руках железный жезл, на верху которого был крест; другой же конец жезла был остр, как копье. С этим оружием воин прежде всех устремился на берег, тотчас сразился с вооруженным ратником, сидевшим на коне, и пронзил его вместе с конем. Когда конь и всадник пали, тотчас все враги устрашились и побежали от берега. Христиане же, взяв берег, пошли стройными рядами против нечестивых. Произошло великое побоище. Господь смутил иудеев и язычников, и они не могли противиться христиа-

---

[1] Переход евреев чрез Черное море и гибель фараона с его войсками вызвали страх у всех Хананейских народов, увидевших в этом событии помощь и покровительство Божие народу избранному.

нам. И пало тогда все войско богомерзкого царя Дунаана, как трава, скошенная косо.

Когда затем христиане достигли царской палатки, то нашли там царя, скованного золотыми цепями, с князьями и сродниками, сидевшего в состоянии безумия. И удивлялись все они этому странному явлению. Ничего не предпринимая по отношению к ним, христианские воины стерегли пленных их до тех пор, пока не узнали, что царь их, блаженный Елезвой, взял неприятельскую столицу. Тогда они послали ему известие о дарованной Богом победе над мерзким иудеем. Оставив в городе часть войска для охраны, царь Елезвой сам поспешил к своим христианам. Найдя Дунаана с его свитой сидящими в золотых цепях, Елезвой своей рукой казнил его и всех, бывших с ним. Велико было торжество христиан и неизреченна радость по слову: ***Возрадуется праведник, когда увидит отмщение*** (Пс. 57, 11).

Возвратившись в город, Елезвой казнил всех неверных, бывших в царских палатах с царицей, и совершенно истребил всех врагов Христовых. Затем он послал известие к царю Иустину и к архиепископу Александрийскому, сообщая, что Господь возвеличил над ними Свою милость, положил под ноги их врагов их и отомстил за кровь христианскую. Все возблагодарили Бога. Архиепископ тотчас прислал к омиритам епископов и священников, чтобы научить вере и крестить оставшихся людей. Елезвой же начал созидать по городам церкви и распространять славу имени Иисуса Христа. Придя в мученический город Награн, он восстановил церковь, которую сжег нечестивый Дунаан, гробы святых мучеников благолепно украсил, а всех христиан ободрил и объявил свободными. Оставшегося в живых сына святого Арефы он поставил воеводой в городе, а всю Омиритскую землю в непродолжительное время очистил от безбожного нечестия и просветил святой верой. Затем он поставил царем благочестивого и добродетельного человека, по имени Авраамия, установил христианские законы церковные и гражданские и, упрочив благоустройство, возвратился с своими войсками в свою страну, прославляя Бога. Возвратился он с великими богатствами, так как войска его захватили много добычи.

Прибыв в свою страну, Елезвой воздал за все благодарение Богу и послал свой царский венец в Иерусалим, а сам, спустя несколько

дней, предав воле Божией Эфиопское царство и себя самого, оставил все. Ночью он вышел тайно из царских палат и из города, в скромной одежде, не как царь, а как какой-либо нищий, и заключился близ находившегося там монастыря, в келии, из которой не выходил до самой кончины своей, трудясь для Бога день и ночь. Пищей его была одна лепешка на три дня, иногда же вкушал он смоквы и финики. В келии своей он не имел ничего другого, кроме войлока, деревянного водоноса и корзинки. Вина и масла он никогда не вкушал. Так он отрекся от всего мира и славы его, все помышление свое обратил к Богу и Ему Единому служил, прожив пятнадцать лет в иночестве. Он удостоился блаженной кончины и преставился с миром. За все это Богу нашему слава всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
АРЕФЫ ПЕЧЕРСКОГО

Поистине достойно и праведно — всегда благодарить Бога не только за ниспосылаемые блага, но и за злоключения; ибо последние не для одних лишь праведников умножают благодать, как это было с Иовом (см.: Иов. 1–2, 42)[1], но и великого грешника преобразуют в совершенного святого. Примером этого является преподобный Арефа, о котором самовидец преподобного, блаженный епископ Симон[2], так свидетельствует.

---

[1] Память праведного Иова празднуется 6 мая.

[2] *Симон* был сначала иноком Киево-Печерского монастыря, основанного преподобным Феодосием в половине XI века, затем игуменом во Владимирском Рождественском монастыре. С 1215 года он занимал епископскую кафедру — Владимирскую и Суздальскую, скончался в 1226 году. В последние годы жизни он написал киевопечерскому иноку Поликарпу послание о жизни святых иноков монастыря Киево-Печерского. Описанием их подвигов епископ Симон желал вразумить Поликарпа, который, из гордости и строптивости, выходил из послушания игумену и несколько раз покидал Киево-Печерский монастырь. Послание епископа Симона благотворно повлияло на Поликарпа, и он в 1220-х годах написал послание игумену Печерскому Акиндину о Киево-Печерских святых, подвиги кото-

Был в Печерском монастыре некий инок, по имени Арефа, родом из города Полоцка[1]. В своей келии он хранил тайно большие богатства, но настолько был одержим скупостью, что никогда не подавал в милостыню нищему ни одной монеты, и даже на собственные нужды ничего не тратил. Однажды ночью пришли воры и украли все его богатства. Тогда он от большой скорби и печали едва не лишился жизни. Во время поисков украденного он стал нападать на неповинных и многих притеснял несправедливо. Вся братия молила его — прекратить такие розыски и утешала словами:

— Брат, *возве́рзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (слав. Пс. 54, 23).

Но он не послушал их и резкими словами досаждал всем.

Спустя несколько дней впал он в тяжкую болезнь; но и тогда не прекратил ропот и хулу. Человеколюбивый Господь, *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4), явил на нем чудную милость Свою. Раз, лежа в постели как мертвый, Арефа после многих дней молчания неожиданно для всех начал громко восклицать:

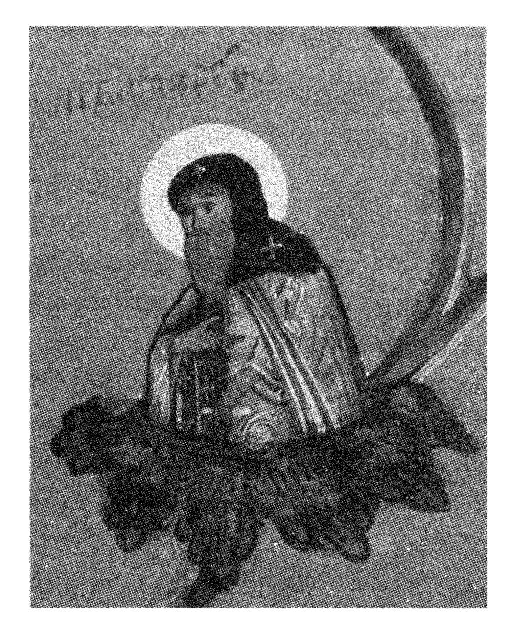
— Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, я согрешил! Все — Твое, — и я не жалею о потерянном.

Затем, тотчас встав с одра болезни, он объяснил братии причину своих восклицаний и рассказал о таком явлении.

— Я видел, — говорил он, — что пришли ко мне Ангелы, а равно и сонмище бесовское, и начали состязаться по поводу украденного у меня богатства. Бесы говорили: «Он не прославил Бога за это, но хулил: поэтому — он наш и нам должен быть предан». Ангелы же сказали мне: «О несчастный человек, если бы ты благодарил Бога за похищенное у тебя имущество, это вменилось бы тебе в милостыню, как Иову, ибо, кто творит милостыню, тот великую заслугу имеет пред Богом, так как творит по своему доброму произволению. Если

рых ему и самому были известны, частью же были ему рассказаны епископом Симоном. Послания Симона к Поликарпу и Поликарпа к Акиндину дали начало собранию сказаний о святых, называемому Патериком Печерским, который в 1661 году был напечатан в Киеве. Память преподобного Симона — 10 мая.

[1] *Полоцк* — ныне уездный город Витебской губернии, был стольным городом Полоцкого княжества.



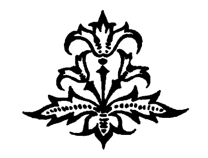
же кто переносит насильственное похищение с благодарением, тот вместо благого произволения имеет искушение от диавола. Ибо диавол причиняет человеку лишение, желая возбудить в нем хулу. Но человек благодарный все предаст на волю Божию, и потеря в таком случае — равносильна милостыни. Когда Ангелы сказали мне это, я возопил: «Господи, прости! Господи, я согрешил! Все — Твое, и я не жалею о похищенном». Тогда бесы неожиданно исчезли. Ангелы же возрадовались и, вменив мне пропавшее серебро в милостыню, отошли.

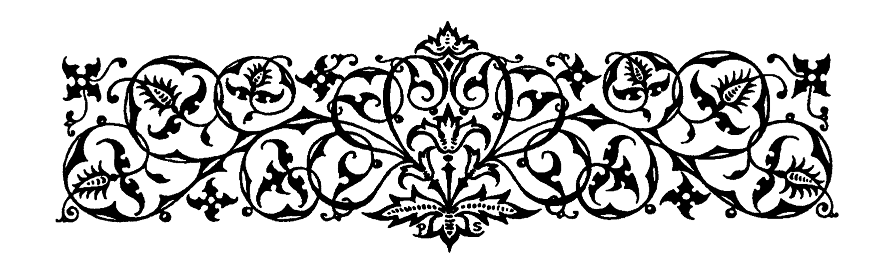
Услышав это, братия прославили Бога, наставляющего грешников на путь покаяния и возвестившего им о великой силе благодарения. Блаженный же Арефа, вразумленный Богом, с этого времени совершенно изменился к лучшему, как умом, так и нравом, так что все дивились и говорили о нем словами апостола: *когда умножился грех, стала преизобиловать благодать* (Рим. 5, 20).

Кого прежде никто не мог отвратить от хулы, тот потом сам не переставал хвалить, во все дни прославляя и благодаря Бога словами Иова: *Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1, 21). Также и в прочих прегрешениях своих он усердно каялся, обнаруживая ревность в нелицемерной нищете, в послушании — не пред очами только людскими, в чистоте внешней и внутренней. Он подвизался в постоянной молитве, в строгом посте и во многих других добродетелях, телесных и душевных, к которым побудила его добродетель благодарения. Богатея добродетелями и преданностью Богу более, нежели прежде золотом и серебром, он после многих трудов преставился в вечный покой[1]. Он положен с почетом в пещере, и чудотворным нетлением своих мощей свидетельствует о

[1] Святой Арефа скончался не позднее 1190 года.

своем блаженстве, равном блаженству милостивых, которые, по слову Господа, помилованы (см.: Мф. 5, 7). По его святым молитвам да будем помилованы и мы, живущие с благодарением, и да удостоимся вместе с ним в Царстве небесном благодарить Бога во Святой Троице, в бесконечные веки. Аминь.





День двадцать пятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАРКИАНА и МАРТИРИЯ

Когда нечестивая ересь Ария, распространяясь, произвела великие раздоры в Христовой Церкви, тогда начались на верующих христиан жестокие гонения как со стороны ариан, так и со стороны идолопоклонников. В это время были преследуемы, мучимы, изгоняемы и убиваемы все, кто признавал Христа Творцом, а не тварью, — вочеловечившимся Богом, а не простым человеком. Особенно ариане усилились с того времени, когда и сам царь Констанций, сын Константина Великого, впал в ту же ересь и приблизил ко двору своему двух великих сановников, Евсевия и Филиппа — ариан, которые ревностно преследовали православных и причиняли зло Христовой Церкви. Так, они были виновниками изгнания и смерти святого отца нашего Павла Исповедника, патриарха Константинопольского[1]. Отослав его в Армению[2], они научили своих единомысленников удавить его, что те и исполнили. Вместо него они возвели на патриарший престол Македония[3]. И многих других исповедников и учите-

---

[1] *Павел Исповедник* был Константинопольским патриархом с 340 по 350 год. Память его совершается 6 ноября.

[2] *Армения* — область, находящаяся к западу от Малоазийского полуострова, к югу от Иверии, или Кавказа, к северу — от Тигра и Евфрата.

[3] *Македоний* был основателем новой ереси. Духа Святого он не признавал Богом, а считал Его тварным существом, не имеющим участия в Божестве и славе Отца и Сына. Ересь Македония была осуждена на II Вселенском соборе при Феодосии Великом, в 381 году.

лей благочестия они также погубили различными способами. Среди этих ревнителей Христовой веры были двое, Маркиан и Мартирий, которые своим учением и писаниями украшали Церковь Божию и, «яко два церковная сосца, учения млеко источающая, духовная чада напаяху»[1].

Ранее они состояли при упомянутом святом исповеднике Павле: Маркиан — чтецом, а Мартирий — иподиаконом. Были же они нотариями[2], писавшими учения патриарха и излагавшими деяния, которыми утверждалось благочестие. Вместе с тем, они и сами были великими проповедниками слова Божия и поборниками Церкви, которую они, подобно двум щитам, защищали от еретических стрел. Господь дал им, как верным ученикам Своим, уста и премудрость, которой не могли ни противоречить, ни противустоять все, противившиеся им (ср.: Лк. 21, 15), — ариане. По изгнании и смерти святого Павла ересеначальники обратили свой яд на учеников его,

[1] Минея служебная, 25 октября, песнь 4.

[2] *Нотарий* — собственно значит скорописец. В первые века по Рождестве Христовом так назывались императорские секретари, скреплявшие акты. При Константине Великом была учреждена тайная канцелярия нотариев, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний. В это же время и секретари Константинопольского патриарха также назывались нотариями.

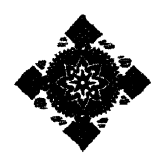
Маркиана и Мартирия. Прежде всего, скрыв свою злобу в лукавстве, как искру огня в пепле, они пытались хитрой лестью обратить их от Православия к своему нечестию. Они предлагали угодникам Божиим много золота, обещали исходатайствовать им у царя великие милости, возвести их на архиерейские кафедры и сделать их обладателями больших имений, если только они согласятся со вводимой ими ересью. Но угодники Божии презрели все это: золота не приняли, обещанные им почести отвергли и над лукавством нечестивых посмеялись, предпочитая принять, ради благочестия, поношение, бесчестие, муки и даже смерть, нежели, живя в ереси, пользоваться богатством, славой и почетом. Тогда еретики, видя, что ничем не могут склонить святых исповедников к своему зловерию, осудили их на смерть, которой святые желали, ради Христа, больше самой жизни. Когда они были схвачены и приведены на место казни, то попросили себе немного времени для молитвы. Возведя очи к небу и воздев руки, они молились:

— Господи Боже, создавший невидимо сердца наши, устрояющий все дела наши, приими с миром души рабов Твоих, ибо мы умерщвляемся за Тебя и вменились, как овцы заколения (см.: Пс. 32, 15; 43, 23). Мы радуемся, что такой смертью исходим из этой жизни ради Твоего имени. Сподоби нас быть причастниками вечной жизни у Тебя, источника жизни.

Так помолившись, они преклонили под меч свои святые главы и были казнены злочестивыми арианами за исповедание Божества Иисуса Христа. Некоторые из верующих взяли их честны́е мощи и погребли у ворот Меландийских, в том же городе Константинополе. Впоследствии святой отец наш Иоанн Златоуст построил в память их церковь, в которой подавались болящим различные исцеления, по молитвам святых мучеников, во славу Бога, прославляемого в Троице вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
АНАСТАСИЯ

Святой Анастасий[1] добровольно явился к мучителям и смело исповедовал Христа истинным Богом и Творцом всего. За такую твердость в истинной вере он был усечен мечом, и тело его было брошено в море. Одна благочестивая женщина после больших усилий постаралась достать святые мощи из моря и, умастив их благовониями и облекши погребальными одеждами, положила их в своей домашней церкви[2]. Многие исцеления были совершены при гробе святого.



[1] Святой Анастасий был валяльщик сукон. Явившись из Аквилеи (город в Северной Италии) в Салону, приморский город в Далмации, он исповедал Христа, за что и претерпел мученическую кончину в царствование Диоклетиана (284–305).

[2] Эта благочестивая женщина — богатая матрона *Асклепсия* — обещала награду тому, кто извлечет святые мощи. Когда святые мощи были найдены африканцами, слуги госпожи принудили отдать их только тем, что хотели донести на них начальникам. Африканцы при этом взяли часть мощей, думают, главу, и отправили ее в Африку.

День двадцать шестой

СТРАДАНИЕ И ЧУДЕСА
СВЯТОГО СЛАВНОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ДИМИТРИЯ

Святой великомученик Димитрий, сын благородных и благочестивых родителей, происходил из города Солуни, где отец его был воеводой. В то время нечестивые цари воздвигли на христиан жестокое гонение; поэтому отец Димитрия, тайно веровавший в Господа нашего Иисуса Христа и исполнявший Его заповеди, не осмеливался явно исповедовать пресвятое Его имя, боясь страшных угроз язычников. Внутри палат своих в сокровенной горнице он имел две святые иконы, украшенные золотом и каменьями; на одной из них было изображение Господа нашего Иисуса Христа, а на другой — Пресвятой Богоматери; пред этими иконами он возжигал свечи, воскурял фимиам. В этой уединенной храмине он вместе с супругой своей часто возносил молитвы истинному Богу, в вышних живущему, Единородному Сыну Его и Пренепорочной Владычице. Эти благочестивые супруги щедро оделяли нищих милостыней и никогда не отказывали людям нуждающимся. Одно лишь сильно печалило их: не было у них детей. Они усердно просили Господа, чтобы Он даровал им наследника, и спустя некоторое время желание их исполнилось.

Всевышний внял их молитвам и даровал им сына, святого Димитрия. Велико было ликование родителей, сильно они благодарили Господа. Вся Солунь разделяла радость своего воеводы, который устроил трапезу для всего города, особенно же для убогих.

Когда отрок возрос и мог уже постигать истину, родители ввели его в храмину, где были святые иконы, и, указывая на них, сказали:

— Вот изображение Единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, а это — образ Пресвятой Богородицы.

Они научили его святым заповедям Христовым, объяснили ему все, чрез что человек может познать Господа нашего Иисуса Христа, и представили ему, насколько суетна и пагубна вера в скверных богов языческих.

С этого времени Димитрий, вразумляемый как словами своих родителей, так в особенности наставляемый свыше Духом Святым, познал истину: уже Божия благодать почивала на нем; всей душой уверовал он в Господа и, поклоняясь святым иконам, с благоговением лобызал их.

Тогда родители Димитрия, призвав священника и некоторых известных им христиан, в потаенном своем храме крестили отрока во имя Отца и Сына и Святого Духа.

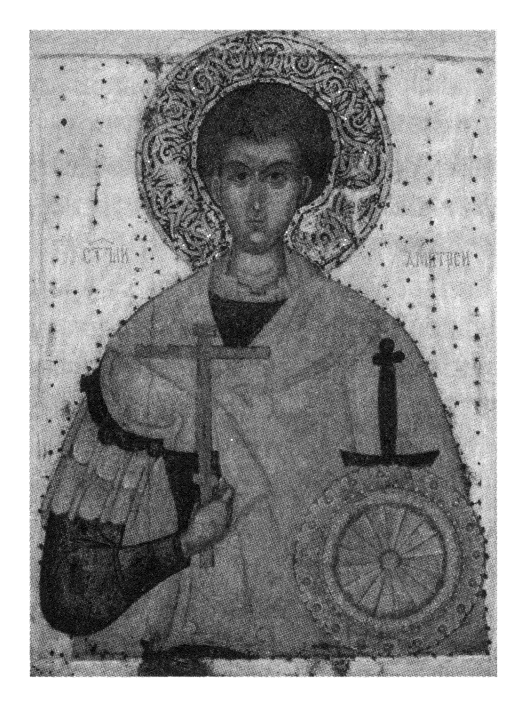
Восприняв святое крещение, Димитрий поучался истинной вере, возрастал как годами, так и разумом, поднимался и выше и выше по лествице добродетелей — и благодать Божия все более просвещала и вразумляла его.

Когда Димитрий достиг совершеннолетнего возраста, родители его переселились из этой временной жизни, преподав своему сыну пример Богоугодной жизни и оставив его наследником всего имения.

Между тем царь Максимиан, узнав о смерти воеводы Солунского, призвал к себе сына его, святого Димитрия. Заметив, что он разумен и храбр в боях, царь назначил его правителем всей Солунской области; поручая ему такую должность, сказал:

— Сохраняй родной твой город и очисти его от нечестивых христиан, предавай смерти каждого, кто только призовет имя Распятого.

Приняв царское назначение, Димитрий возвратился домой и с честью был встречен жителями города. Уже давно он желал утвердить в родном городе свет истинной веры и скорбел, когда видел, что жители Солуни поклонялись бездушным идолам. Теперь, по прибытии в город, тотчас же пред всеми он начал исповедовать и прославлять Господа нашего Иисуса Христа; он всех поучал запове-



дям Христовым, обращал язычников к святой вере и искоренял скверное многобожие; словом, он был для солунян вторым апостолом Павлом. Слух об этом скоро дошел и до самого Максимиана. Царь, узнав, что поставленный им правитель Димитрий — христианин и многих уже обратил в свою веру, сильно разгневался. Как раз в то самое время, возвращаясь с Сарматской[1] войны, царь остановился в Солуни. Еще до прибытия Максимиана в город Димитрий поручил своему верному слуге, по имени Луппу, все имущество, доставшееся ему после родителей, золото, серебро, драгоценные каменья и одежды и велел все это раздать бедным и нуждающимся.

— Раздели это богатство земное между ними, — прибавил святой, — будем искать себе богатства небесного.

А сам стал молиться и поститься, готовясь таким образом к венцу мученическому. Царь немедленно начал узнавать, правда ли то, что слышал он о Димитрии? Бестрепетно выступив пред царем, Димитрий исповедал себя христианином и стал порицать языческое многобожие. Злой мучитель тотчас же приказал заключить исповедника истинной веры в темницу. Войдя туда, святой молился словами пророка Давида: *Поспеши, Боже, избавить меня, [поспеши], Господи, на помощь мне* (Пс. 69, 2). *Ибо Ты — надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей. На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей; Тебе хвала моя не престанет. Радуются уста мои, когда я пою Тебе, и душа моя, которую Ты избавил; и язык мой всякий день будет возвещать правду Твою* (Пс. 70, 5, 6, 23, 24).

---

[1] Под именем *сарматов* известны разные племена, населявшие юг нынешней России, отчасти Германию и Австрию.

Как в светлом чертоге сидел Димитрий в темнице, хваля и прославляя Бога. Диавол, желая устрашить его, обратился в скорпиона и хотел уязвить святого в ногу. Ознаменовав себя крестным знамением, святой безбоязненно наступил на скорпиона, произнося слова Давида: *на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90, 13).

Проводя таким образом время в темнице, святой удостоился посещения Ангела Божия; в ярком свете предстал пред ним небесный посланник с прекрасным райским венцом и сказал:

— Мир тебе, страдалец Христов, мужайся и крепись!

Святой же отвечал:

— Радуюсь о Господе и веселюсь о Боге Спасе моем!

Это явление Ангела утешило и ободрило святого страдальца; еще сильнее желал он запечатлеть своей кровью исповедание истинной веры Христовой.

Между тем царь устроил игры и стал забавляться зрелищами. Был у него один выдающийся боец, родом вандал[1], по имени Лий. Приказав для него построить высокие подмостки, Максимиан с большим удовольствием смотрел на то, как Лий борется с своими противниками и, низвергая их с высоты на копья, предает их мучительной смерти. Среди зрителей находился один юноша — христианин, по имени Нестор; узы духовной дружбы соединяли его со святым Димитрием, который был его наставником в вере. Видя, что Лий многих убивает и особенно сильно губит христиан — последних насильно заставляли вступать в бой с Лием, — этот юноша, воспрянув духом, пожелал сразиться с царским борцом. Но прежде, нежели вступить в бой, он отправился в темницу к святому Димитрию. Здесь Нестор рассказал ему все, что делает Лий, сообщил, что желает вступить в борьбу с этим немилосердным губителем христиан, и просил у святого благословения и молитвы. Ознаменовав его крестным знамением, Димитрий предрек ему:

— Ты одержишь победу над Лием и претерпишь муки за Христа!

Подойдя к месту зрелища, Нестор во всеуслышание воскликнул:

— Боже Димитриев, помоги мне в борьбе с моим противником!

---

[1] *Вандалы* — народ германского происхождения, живший главным образом по берегам Балтийского моря.

Затем, вступив в бой с Лием, он одолел царского борца и сбросил его вниз с помоста на острые копья. Гибель Лия сильно опечалила царя; он тотчас же приказал предать смертной казни блаженного Нестора[1]. Но это не могло утешить Максимиана, весь день и всю ночь жалел он о смерти Лия. Узнав, что Нестор вступил в единоборство с Лием по совету и благословению Димитрия, царь повелел и святого великомученика пронзить копьями.

— Лий, — думал беззаконный мучитель, — был низринут рукой Нестора на острия копий; какую смерть претерпел он, такую же должно претерпеть и Димитрию, пусть он погибнет той же смертью, какой погубил и нашего любимого борца Лия.

Но безумный мучитель прельщался, полагая, что смерть праведника и грешника одинакова; он заблуждался в этом, ибо смерть грешников люта, а кончина святых честна пред очами Господа.

Лишь только забрезжило утро 26 октября, в темницу к Димитрию вошли воины; они застали святого мужа стоящим на молитве и тут же устремились на него и пронзили копьями. Так предал этот исповедник Христов в руки Создателя честну́ю и святую свою душу[2].

Ночью христиане тайно взяли тело святого, бесчестно поверженное в прахе, и благоговейно погребли его.

На месте блаженной кончины святого великомученика находился верный раб его, вышеупомянутый Лупп; он благоговейно взял ризу своего господина, орошенную его честно́й кровью, в которой омочил и перстень. Этой ризой и перстнем он сотворил много чудес, исцеляя всякие болезни и изгоняя лукавых духов.

Слух о таких чудесах разнесся по всей Солуни, так что все больные стали стекаться к Луппу. Узнав об этом, Максимиан приказал взять блаженного Луппа и отрубить ему голову. И так добрый раб последовал за господином своим, святым Димитрием, в обители небесные.

Когда уже прошло много времени и гонение на христиан прекратилось, над гробом святого Димитрия воздвигли небольшой храм; здесь совершалось много чудес, и много болящих получали исцеления от своих недугов. Один иллирийский знатный вельможа, по

---

[1] Память его — 27 октября.

[2] Кончина святого была около 306 года.

имени Леонтий[1], впал в тяжкий, неизлечимый недуг. Слыша о чудесах святого страстотерпца, он с верой обратился к святому великомученику Димитрию. Когда его внесли в храм и положили на том месте, где были погребены мощи святого великомученика, он тотчас получил исцеление и встал совершенно здоровым, благодаря Бога и прославляя Его угодника, святого Димитрия.

По чувству благодарности к святому Леонтий захотел выстроить в честь этого славного великомученика великую и прекрасную церковь. Прежний небольшой храм был разобран, и вот, когда стали копать ров для фундамента, были обретены мощи святого великомученика Димитрия, совершенно целые и без всякого тления; из них истекало благовонное миро, так что весь город наполнился благоуханием.

На это духовное торжество собралось много народа. С великим благоговением святые мощи были взяты из земли, причем бесчисленное множество больных получали исцеление чрез помазание истекавшим миром[2]. Леонтий радовался не столько о своем исцелении, сколько об открытии святых мощей. Скоро окончил он начатое дело и построил на том месте прекрасный храм во имя святого Димитрия. Здесь в ковчеге, окованном золотом и серебром и украшен-

---

[1] Леонтий занимал видную должность в Иллирике, к которому принадлежала тогда и Солунская область.

[2] Одним из самых дивных чудотворений, которыми Бог благоволил прославить Своего великого угодника, было истечение мира от его честных мощей. Это истечение — дивное знамение благодати Божией. Истечение мира началось с VII века. Целый ряд писателей и историков свидетельствуют об этом непостижимом явлении. Приведем свидетельство одного из писателей, именно Димитрия Хризолога, жившего во второй половине XIV века: «Оно (то есть миро) по свойству своему не вода, но гуще ее и не походит ни на одно из тел на земле, ни из жидких, ни из твердых и ни на одно из приготовленных искусственно... оно удивительнее всех благовоний, не только приготовленных искусством, но и по естеству созданных Богом». Много исцелений произошло чрез помазание этим миром; даже народы, неверующие во Христа, дорожили этим дивным током. Так, при разорении Солуни турками в 1429 году благоразумные из врагов намеревались взять с собой некоторое количество этого мира, про цельбоносную силу которого они так много слышали. Святая Церковь, именуя святого Димитрия мироточивым, так восхваляет Христова подвижника: «Мира благовонна и честна, Димитрие, отверзенный источниче. Твоего проливаются мира источницы приснотекущии» (Канон, песнь 1-я).

ном драгоценными камнями, и были положены честные мощи великомученика. Но заботы Леонтия простирались еще далее: он купил села и виноградники и отдал их на содержание служащих при этой церкви. Когда пришло ему время возвратиться на родину, он задумал взять с собой некоторую часть мощей святого, чтобы в своем городе построить церковь во имя Димитрия. Но святой, явившись, запретил ему отделять какую бы ни было часть мощей. Тогда Леонтий взял только обагренную кровью святого плащаницу и, вложив ее в золотой ковчег, отправился к себе в Иллирию. Во время путешествия от той плащаницы по молитвам святого произошло много чудес. Раз Леонтию во время своего возвращения надлежало переправляться чрез одну реку, которая сильно разлилась и грозно бушевала[1]; страх и ужас охватили его, но вдруг пред ним предстал святой Димитрий и сказал:

— Возьми ковчег с плащаницей в руки и перестань бояться.

Леонтий поступил по совету святого: и сам он и бывшие с ним все благополучно переправились. Когда он возвратился к себе на родину, то прежде всего построил прекрасный храм во имя святого великомученика Димитрия. Призывая с верой имя этого великого подвижника Христова, Леонтий по молитвам святого сотворил чудеса. Правитель Иллирии был сильно болен, так что гной и струпья покрывали все его тело от головы до ног. Но Леонтий избавил болящего от его тяжкого недуга, обратившись с молитвой к святому Димитрию; также дивно исцелил он одного кровоточивого, уврачевал другого беснующегося; много и других чудес там произошло по молитвам святого. Но особенно много было чудес в Солуни, где почивали мощи этого великомученика.

Однажды в храме, посвященном святому великомученику, произошел пожар. Особенно сильно повреждена была серебряная сень над мощами угодника Божия: от огня она расплавилась. Бывший в то время архиепископ Евсевий весьма заботился о том, чтобы вновь сделать сень. Но у него было слишком мало серебра. В этом храме находился серебряный трон, оставшийся совершенно неповрежденным во время пожара. Этот трон и задумал архиепископ перелить на сень ко гробу святого, но пока еще не сообщал никому о своем намерении. В то же самое время при этом храме был один благочести-

[1] Это была река Дунай.

вый пресвитер, по имени Димитрий. Святой великомученик явился ему и сказал:

— Иди и скажи епископу города: не дерзай переплавлять трона, который находится в моем храме.

Димитрий тотчас же отправился к Евсевию и сказал ему, чтобы он отказался от своего намерения. Архиепископ сначала сильно был поражен словами пресвитера, но потом, полагая, что Димитрий мог как-нибудь узнать его намерение, перестал дивиться этому и даже сделал выговор пресвитеру. Спустя несколько дней архиепископ уже приказал явиться к себе мастерам. В это самое время к Евсевию вторично пришел пресвитер Димитрий и сказал:

— Святой великомученик снова явился мне грешному в сонном видении и приказал сказать тебе: ради любви ко мне не переливай трона.

Архиепископ также сурово отпустил пресвитера, но, однако, пока не велел переливать трона. Чрез некоторое время он опять хотел было отдать трон, но святой Димитрий, явившись тому же пресвитеру, сказал:

— Не унывайте, я сам забочусь о моем храме и городе, предоставьте мне самому попечение о том.

Тогда архиепископ уже не мог воздержаться от слез и сказал всем окружающим:

— Подождем немного, братие, ибо нам обещал свою помощь сам угодник Христов.

Не успел архиепископ кончить своей речи, как пришел один солунский гражданин, по имени Мина, и принес с собою семьдесят пять фунтов серебра.

— Часто святой Димитрий, — говорил Мина, — избавлял меня от опасностей и даже спасал от смерти. Я уже давно хотел сделать пожертвование в храм моего милостивого покровителя и дивного заступника. Ныне с самого утра какой-то голос побуждал меня:

— Ступай и сделай то, что намеревался давно сделать.

Отдавая серебро, Мина пожелал, чтобы это серебро было истрачено на сень ко гробу великомученика. После этого явились и другие граждане солунские и также принесли серебро. Из пожертвований была сделана прекрасная сень к гробнице святого великомученика Димитрия.

В царствование императора Маврикия[1] авары[2] потребовали большой дани от жителей Византии, но Маврикий отказался исполнить их требование. Тогда они собрали громадное войско, в состав которого входили главным образом славяне, и решили взять Солунь, отличавшуюся своей обширной торговлей и великими богатствами. Хотя император Маврикий и прислал в этот город войско, но свирепствовавшая незадолго перед тем язва сильно уменьшила число солунских жителей, да и число неприятельского войска было громадно: оно простиралось до ста тысяч. Еще дней за десять до прибытия врагов святой Димитрий явился архиепископу Евсевию и сказал, что городу грозит страшная опасность. Но солуняне думали, что неприятельское войско приблизится к городу еще не скоро. Вдруг, вопреки ожиданию, неприятель показался недалеко от городских стен. Он даже мог бы беспрепятственно войти ночью в город, но могущественная десница Всевышнего, по молитвам святого Димитрия, остановила дивным образом страшных врагов недалеко от города. Враги приняли один из укрепленных монастырей, находившихся вне города, за самую Солунь и простояли под ним целую ночь; наутро они заметили свою ошибку и устремились на сам город. Неприятельские отряды прямо пошли на приступ, да тут на городской стене на глазах у всех появился святой Димитрий в виде вооруженного воина, и первого из неприятелей, который поднялся на стену, он поразил копьем и сбросил со стены. Последний, падая, увлек за собой других наступавших — ужас тогда вдруг овладел врагами, — они немедленно отступили. Но осада не окончилась, она только еще начиналась. При виде множества врагов отчаяние овладело даже самыми храбрыми. Все сначала думали, что гибель города неизбежна. Но потом, видя бегство врагов и покровительство дивного заступника, жители ободрились и стали уповать, что защитник Солуни, святой Димитрий, не оставит своего родного города и не допустит, чтобы он достался врагам. А между тем неприятели начали осаждать город, придвинули орудия и стали потрясать основания городских стен; тучи стрел и камней, пущенных из метательных орудий, застилали свет дневной — вся надежда оставалась на помощь

[1] *Маврикий* царствовал с 582 по 603 год.

[2] *Авары*, данниками которых были непросвещенные еще тогда светом Христовой веры славяне, жили на Дону, около Каспийского моря.

свыше, и толпы народа наполняли храм во имя святого Димитрия. В то время в городе был один богобоязненный и весьма добродетельный человек, по имени Иллюстрий. Придя ночью в церковь святого великомученика Димитрия, он в церковном притворе горячо молился Богу и Его славному угоднику об избавлении города от врагов, и вдруг сподобился узреть дивное видение: пред ним предстали два неких светлых юноши, которые были похожи на царских телохранителей — то были Ангелы Божии. Двери храма сами распахнулись пред ними, и они вошли внутрь церкви. Иллюстрий последовал за ними, желая посмотреть, что будет потом. Войдя, они громогласно сказали:

— Где находится господин, живущий здесь?

Тогда явился другой юноша, по виду похожий на слугу, и спросил их:

— Для чего он нужен вам?

— Господь послал нас к нему, — отвечали они, — чтобы сказать ему нечто.

Указав на гроб святого, слуга-юноша сказал:

— Вот он!

— Возвести ему о нас, — сказали они.

Тогда юноша поднял завесу, и оттуда навстречу пришедшим вышел святой Димитрий; видом он был такой, как его изображают на иконах; от него исходил яркий свет, подобный солнечному. От страха и ослепительного блеска Иллюстрий не мог смотреть на святого. Пришедшие юноши приветствовали Димитрия.

— Благодать да будет с вами, — ответствовал святой, — что побудило вас посетить меня?

Они же отвечали ему:

— Владыка послал нас, повелевая тебе оставить город и пойти к Нему, ибо Он хочет предать его в руки врагов.

Услышав это, святой преклонил голову и молчал, проливая горькие слезы. А юноша-слуга сказал пришедшим:

— Если бы я знал, что пришествие ваше не принесет радости моему господину, не сказал бы ему о вас.

Тогда и святой начал говорить:

— Так ли изволил Господь мой? Такова ли воля Владыки всяческих, чтобы город, искупленный честнóй кровью, предать в руки

врагов, которые не знают Его, не веруют в Него и не чтут Его святого имени?

На это пришедшие отвечали:

— Если бы не изволил так Владыка наш, не послал бы Он нас к тебе!

Тогда Димитрий сказал:

— Ступайте, братие, скажите Владыке моему, что раб Его Димитрий говорит так: «Знаю я щедроты Твои, человеколюбивый Владыко Господи; даже беззакония всего мира не могут превзойти милосердия Твоего; ради грешных Ты пролил Свою святую Кровь, Ты положил за нас душу Свою; прояви же ныне милость Свою на этом городе и не повелевай мне оставлять его. Ты Сам поставил меня стражем этого города; позволь мне подражать Тебе, моему Владыке: дай мне положить душу свою за жителей этого города, и если им суждено погибнуть, то погибну и я вместе с ними; не погуби же, Господи, города, где все взывают к Твоему святому имени; если люди эти и согрешили, они все-таки не отступили от Тебя: ведь Ты — Бог кающихся».

Пришедшие юноши спросили Димитрия:

— Так ли отвечать нам пославшему нас Владыке?

— Да, отвечайте так, — сказал он, — ибо я знаю, что Господь *не до конца гневается, и не вовек негодует* (Пс. 102, 9).

Сказав это, святой вошел в гробницу, и священный ковчег затворился, а беседовавшие с ним Ангелы стали невидимы. Вот что сподобился узреть Иллюстрий в чудесном и страшном видении. Наконец, придя в себя, он упал на землю, благодарил святого за попечение о городе, возносил ему хвалу за то, что он молил Владыку не предавать жителей Солуни в руки врагов. Утром Иллюстрий рассказал обо всем виденном гражданам и ободрял их мужественно бороться с неприятелями. Услышав рассказ Иллюстрия, все со слезами просили Господа, чтобы Он ниспослал им милость, и призывали на помощь святого Димитрия. Заступлением святого город остался цел: в скором времени враги отступили от стен с великим стыдом, не имея сил взять город, хранимый славным угодником Божиим. На седьмой день осады враги без всякой видимой причины обратились в беспорядочное бегство, побросав свои палатки и метательные орудия. На следующий день некоторые из врагов вернулись и рассказали следующее:

— С самого первого дня осады мы видели у вас такое множество защитников, что они далеко превосходили наше войско. Мы думали, что воинство ваше скрывается у вас за стенами. Вчера оно вдруг устремилось на нас, и мы побежали.

Тогда изумленные граждане спросили: «Кто предводительствовал войском?»

— Мы видели, — отвечали возвратившиеся враги, — огненного сияющего мужа на белом коне в белоснежной одежде.

Граждане солунские, слыша это, поняли, кто обратил врагов в бегство. Так святой Димитрий защитил свой город.

Вскоре после того, как неприятели отступили от Солуни, другое бедствие обрушилось на этот город. Враги, в великом множестве, опустошали во время осады все хлебные запасы, так что в самом городе произошел великий голод: люди в большом числе стали умирать от недостатка пищи. Видя, что его родной город гибнет от голода, святой несколько раз являлся на кораблях, плававших в море, обходил пристани и многие острова, повелевая повсюду кораблям с пшеницей плыть в Солунь, и таким образом избавил от голода свой город[1].

Когда благочестивый царь Юстиниан[2] выстроил прекрасный и великолепный храм в Царьграде во имя Премудрости Божией, он послал в Солунь честны́х мужей, чтобы они принесли оттуда некоторую часть мощей святого на украшение и освящение вновь воздвигнутого храма. Придя в Солунь, посланные приблизились к честно́му ковчегу, где почивали мощи великомученика, чтобы исполнить царское повеление; вдруг из ковчега вырвался столб пламени, осыпав всех целым снопом искр, и из огня послышался голос:

— Стойте и не осмеливайтесь.

Объятые страхом, присутствовавшие упали на землю; затем посланные, взяв только несколько земли с того места, возвратились к царю и рассказали ему обо всем, случившемся с ними. Все слушавшие их рассказ были поражены удивлением. Одну половину взятой земли посланные передали царю, а другую положили в церковную сосудохранительницу.

---

[1] Это чудо произошло в 547 году.

[2] *Юстиниан* царствовал с 527 по 565 год.

На обязанности некоторого юноши Онисифора лежало зажигать свечи и оправлять лампады в церкви святого Димитрия. Наущаемый диаволом, этот юноша стал красть свечи и тайно продавал их, а деньги, вырученные от такой продажи, присваивал себе. Святой Димитрий не потерпел такого злодеяния, совершаемого в храме, ему посвященном: он явился во сне Онисифору и с величайшим снисхождением стал обличать его:

— Брат Онисифор, мне неприятно, что ты крадешь свечи; чрез это ты причиняешь убыток тем, кто приносит их; не менее ты вредишь самому себе; вспомни, что людей, поступающих подобно тебе, ждет осуждение; оставь это злое дело и покайся.

Онисифор, проснувшись, почувствовал стыд и страх; но спустя некоторое время он забыл повеление святого и опять стал красть свечи, как делал то раньше, — наказание скоро постигло его. Однажды некий благочестивый человек, встав рано утром, пришел в церковь святого Димитрия и принес несколько больших свечей. Он зажег их, поставил у гроба великомученика и, помолившись, ушел из храма. Подойдя к свечам, Онисифор протянул руку свою, чтобы взять их, как вдруг раздался голос из гроба святого:

— Опять ты делаешь то же!

Пораженный этим голосом, как громом, Онисифор тотчас рухнул на землю и лежал, как мертвец, до тех пор, пока не вошел один из клириков. Пришедший поднял юношу, объятого ужасом. Как только Онисифор пришел в себя, он рассказал все: и свою греховную страсть, и первое явление ему во сне святого, и вторичное обличение Димитрия. Тогда все, слыша такой рассказ, пришли в великий ужас.

Много пленных было освобождено святым великомучеником Димитрием от ига неверных. Так, один епископ был взят варварами и заключен в оковы, но святой явился ему, освободил его от оков, и, хранимый святым, епископ благополучно прибыл в Солунь. В другой раз варвары, нахлынув в пределы этого города, забрали многих жителей. Между пленниками находились две прекрасные девицы; они хорошо умели вышивать на пяльцах и изображать на ткани разные цветы, деревья, птиц, зверей и человеческие лица. Варвары отвели их в свою землю и отдали в дар своему князю. Узнав об их искусстве, князь сказал им:

— Мне известно, что в вашей земле есть великий бог Димитрий, который творит дивные чудеса; вышейте на полотне его изображение, и я поклонюсь ему.

Девицы отвечали:

— Нет, князь, Димитрий не Бог, а только великий слуга Божий и помощник христианский. Твоего требования мы не исполним, ибо знаем, что ты хочешь не поклониться ему, а надругаться над его изображением.

— В моей власти, — отвечал им князь, — ваша жизнь и смерть; выбирайте, чего вы хотите: или сделайте то, чего я требую от вас, тогда будете живы; а если не исполните моего приказания, вас немедленно казнят.

Боясь погибнуть, пленницы стали вышивать изображение святого Димитрия. Пред самым днем, когда празднуется память святого, девицы окончили свою работу и ночью на 26 октября, сидя за пяльцами, они, склонившись на вышитый ими образ, начали плакать:

— Не прогневайся на нас, мученик Христов, — говорили они, — мы знаем, что беззаконный князь хочет посмеяться над твоим изображением; призываем тебя в свидетели, что мы не хотели вышивать твоего образа, нас заставили сделать это под угрозой злой смерти.

Плача таким образом над изображением святого, они заснули.

Во время их сна святой Димитрий, чудесным образом, как некогда Ангел Аввакума[1], перенес тех девиц вместе с их работой в ту же самую ночь в Солунь на свой праздник и поставил их в церкви у своих мощей во время всенощного бдения. Видя такое чудо, все удивились, а девицы, пробудившись, возгласили:

— Слава Богу! Где находимся мы?

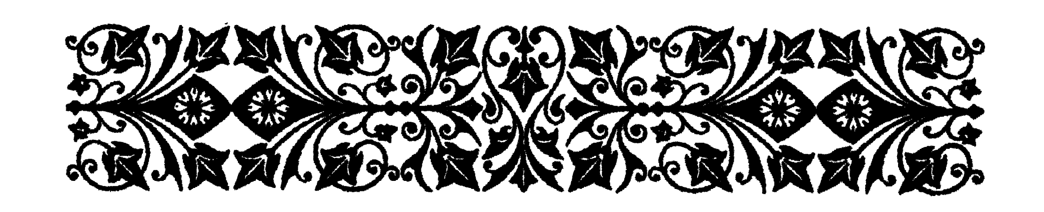
От удивления они не могли прийти в себя и думали, что все это происходит во сне.

Наконец, они убедились окончательно, что действительно находятся в Солуни, видят пред собой гробницу святого, предстоят в его храме, где находится множество молящегося народа. Тогда во всеус-

[1] Однажды Ангел явился святому пророку Аввакуму и повелел ему отнести пищу Даниилу, заключенному тогда во рву Вавилонском. Когда Аввакум сказал, что он не знает, где находится Вавилон, Ангел дивным образом перенес его в этот город. Память святого пророка Аввакума празднуется 2 декабря.

лышание они стали благодарить своего заступника, святого Димитрия, и рассказали все, случившееся с ними. Жители Солуни, обрадованные таким дивным чудом, с великим ликованием праздновали тогда день памяти святого Димитрия, а вышитый образ поставили над алтарем, и много чудес совершалось от него во славу Бога, Единого в Троице. Слава, честь и поклонение от всей твари да будет Ему вовеки, аминь.

В тот же день **память преподобного Афанасия**, в Мидикийском монастыре в Вифинии подвизавшегося; скончался около 814 года. О нем повествуется в житии преподобного Никиты Мидикийского (3 апреля).



День двадцать седьмой

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА НЕСТОРА

Нечестивый царь Максимиан, прозванный Геркулом, друг Диоклетиана, придя в город Солунь, вверг в темницу святого Димитрия[1] за исповедание Христа, а сам предался зрелищам и присутствовал на играх.

При этом он хвастался одним своим борцом, по имени Лием, происходившим из вандальского племени, говоря, что его никто не может одолеть.

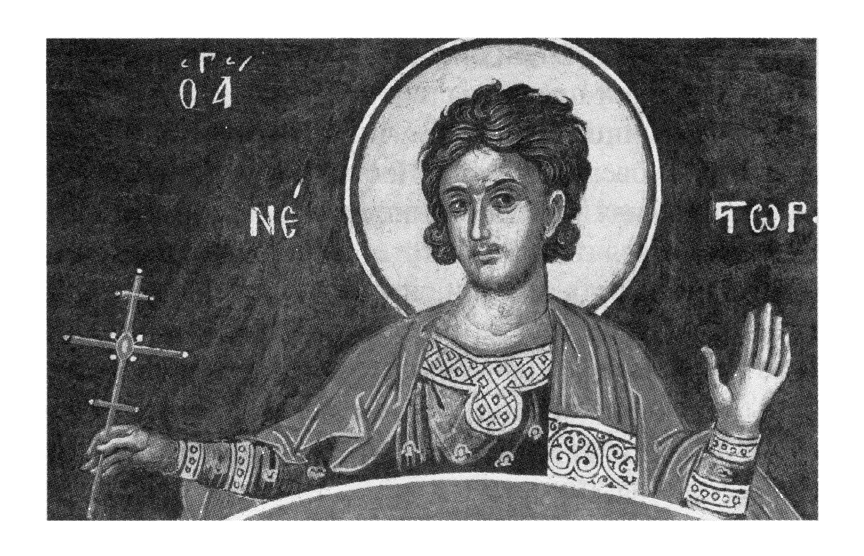
Этот Лий был вторым Голиафом[2]: ростом он превосходил всех людей, видом и характером был подобен зверю, а голос его походил на рев рыкающего льва. От самого взгляда его и голоса трепетали все, смотревшие на него; крепость его тела была удивительна, а сила непобедима, ибо духи нечистые обитали в нем, и вследствие этого никто не мог устоять пред ним. Уже он убил бесчисленное множество людей храбрых и сильных и был весьма любим царем за такую силу. Так как сам царь никак не мог насытиться человеческой кровью, то он и любил того, кто всю свою телесную силу обратил на пролитие человеческой крови.

Для этого нечестивого Лия царь устроил среди города высокий и обширный помост на столбах, где Лий мог бы производить со-

---

[1] См. житие святого Димитрия Солунского, память которого празднуется 26 октября.

[2] *Голиаф* — филистимский великан — необычайного роста, которого убил Давид пращой (см.: 1 Цар. 17).



стязания в силе, на виду у всех. Под тем помостом было натыкано множество копий и других оружий, острием вверх — для того, чтобы Лий сбрасывал побежденных им на эти острые оружия, пронзенные которыми падая умирали. И действительно, Лий, вступая в борьбу с людьми, сбрасывал их под помост на копья и предавал смерти. Царь же, со всем множеством своих воинов, смотрел на это с удовольствием и любовался своим борцом. Смотрел на это зрелище и солунский народ, среди которого было много верующих. Видя проливаемую этим бесчеловечным зверем человеческую кровь, они тяжко вздыхали: ибо Лий убил уже много христиан, которых нечестивые насильственно влекли на помост и принуждали бороться с Лием.

В том городе жил юноша, по имени Нестор, крепкий телом, красивый лицом, с едва пробивающейся бородой. Он был близок к великомученику Димитрию, у которого и научился святой вере. Видя неповинно убиваемых христиан, он воспылал ревностью и вознамерился вступить в борьбу с силачом Лием. Придя к святому Димитрию, находившемуся в темнице, он рассказал ему, как много христиан убил Лий в тот день.

— Помолись обо мне, угодник Божий, — говорил он, — чтобы по твоим святым молитвам Бог помог мне. Я пойду и поборюсь с тем супостатом, одолею его и сниму поношение с христиан.

Святой Димитрий сотворил на челе и персях его крестное знамение, благословил его и предсказал:

— Лия ты победишь и будешь мучим за Христа.

Приняв благословение, святой Нестор тотчас пошел к месту состязания, снял на виду у всех верхние одежды и громко возгласил:

— Я хочу бороться с Лием!

Видя такую смелость юноши, царь изумился и, сожалея о его красоте и молодости, сказал ему:

— Разве ты не видел, сколько победил Лий более храбрых и сильных, чем ты? А ты, невысокий ростом и юный годами, осмеливаешься идти против того, равного которому нет под солнцем.

Нестор ответил на это:

— Если я мал и немощен, то велика и непобедима сила Христа моего, на Которого я надеюсь и во имя Которого я хочу побороться с этим исполином.

Услышав Христово имя и поняв, что Нестор — христианин, царь разгневался и велел ему немедленно идти на помост, думая, что с Нестором случится то же, что и с прочими. Святой Нестор осторожно поднялся на место борьбы; Лий же, шутя и смеясь, стал наступать на святого. Видя приближение Лия, Нестор оградил себя крестным знамением и громким голосом воскликнул:

— Боже Димитрия, помоги мне!

Затем он схватился с супостатом и начал бороться. Бог, укрепивший некогда Давида в борьбе с Голиафом, укрепил и раба Своего Нестора против нечестивого Лия — на посрамление нечестивому царю, а верным своим на радость. И действительно, малый ростом Нестор оказался в своей храбрости сильнее великого Лия. Схватив его, как птицу, он сбросил великана с высокого помоста на острые копья. Упав на них, как крепкий дуб, Лий с позором изверг свою окаянную душу, и, таким образом, погибла память его с шумом, исчезла его гордая сила и прекратилось суетное хвастовство Максимиана своим борцом. Весь народ солунский — в особенности христиане, видя эту неожиданную и славную победу, воскликнули громким голосом:

— Велик Бог Димитрия!

Царь, встав со стыдом, пошел в свои палаты, скорбя и горюя о своем любимце Лие. Он сильно разгневался на святого Нестора и

повелел схватить его. Узнав же, что и Димитрий повинен в смерти Лия, так как он укрепил Нестора на подвиг, предсказав ему победу, царь повелел казнить обоих. Святой Димитрий был исколот копьями, а святой Нестор усечен мечом. Ныне оба они приемлют от Подвигоположника Христа венцы победы в Царствии небесном, которого и мы да сподобимся молитвами святых страстотерпцев.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
НЕСТОРА ЛЕТОПИСЦА

Всякое событие, если бы не было закреплено писанием, забылось бы и утратилось для знания. Так, если бы Моисей, наученный Богом, не оставил нам в своих книгах известий о самом начале и первом строении мира, а также о родоначальнике нашем Адаме, то все это продолжительность времени покрыла бы как тьмой, и привела бы в забвение. Но Бог, сохраняющий в людях память о своих чудесах, в какое захочет время, воздвигает описателей, чтобы последующие поколения, прочитав начертанное ими, могли этим воспользоваться. Подобным образом Господь явил и в нашей, Русской земле, в святом Киево-Печерском монастыре, приснопамятного писателя, преподобного отца нашего Нестора, который просветил очи наши, изложив полезное для нас, и тем вызвал у нас благодарение Богу[1]. Он написал нам о начале и первом устроении нашего русского мира, не только внешнего, но и особенно внутреннего, духовного, — то есть об основании и благоустройстве на Руси иноческого жития, насажденного, как в раю, в святом Печерском монастыре, а равно о духовном родоначальнике нашем, преподобном Антонии[2], и о других последовавших ему и порожденных его духом Печерских

---

[1] Преподобный Нестор в семнадцатилетнем возрасте постригся в Киево-Печерском монастыре, в 1091 году участвовал при открытии мощей преподобного Феодосия Печерского, трудился в составлении Русской летописи, жизнеописании Киевских и Печерских угодников. Из его творений, кроме летописи, дошли до нас: житие преподобного Феодосия Печерского и житие святых Бориса и Глеба. Преставился около 1114 года, 27 октября.

[2] Память преподобного Антония Печерского празднуется 10 июля.

святых. Одним из них был достохвальный этот писатель, который совершеннейшие жития их записал не только тростью на хартии, но и подобными же подвижническими деяниями на непорочной душе своей. Этим трудом он и самого себя вписал в книги живота вечного, так что и сам он достоин слышать о себе: *радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20).

В то время, когда преподобный Антоний посвятил себя безмолвию в пещере, а блаженный Феодосий строил монастырь, пришел к ним, желая принять святой иноческий образ, этот блаженный отец наш Нестор, имевший тогда только семнадцать лет от рождения. Еще не будучи иноком, он обнаружил навык во всех иноческих добродетелях, как то: в заботливости о чистоте телесной и душевной, в добровольной нищете, глубоком смирении, беспрекословном послушании, строгом постничестве, непрестанной молитве, неусыпном бодрствовании и в других равноангельских подвигах, в которых он был усердным подражателем жизни первых святых Печерских — Антония и Феодосия. От этой святой двоицы он принимал в своей цветущей красотой юности всякую заповедь с такой же любовью, как младенец — молоко от сосцов и как жаждущий олень — воду из двух источников, текущих среди гор, в пещерах. И действительно, своими писаниями он обнаруживает, какую великую любовь питал он к этим преподобным основателям монастыря — любовь, являемую *не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18). Видя сияющие добрые дела этих двух великих светил российского неба, он усердно прославлял Бога в теле своем и в душе своей (ср.: 1 Кор. 6, 20). После честной пред Господом смерти преподобных отцов, Антония и Феодосия, блаженный отец наш Нестор и сам умер для мира не только мирскими делами, — что он сделал еще раньше, не пребывая в искусе, — но и мирским образом, приняв святой ангельский образ инока от преподобного Стефана, игумена Печерского. Потом им же был он возведен и в сан диакона. Тогда, видя на себе двоякий ангельский сан, иноческий и диаконский, он со дня на день увеличивал свои добродетели, умерщвляя все плотские страсти и соблюдая всякую истину, чтобы совершенно освободиться от власти плоти и стать вполне духовным, а равно истинным рабом и поклонником Бога. Ибо он хорошо знал, что сказал Сам Господь: *Бог есть дух, и поклоняющиеся*

Ему должны поклоняться в духе и истине (Ин. 4, 24). И подлинно: чем побеждал духа лукавого, чуждого всякой истины, Нестор достаточно ясно показывает в своем писании: он обнаруживает везде величайшее смирение и постоянно унижает себя, называя себя «недостойным, грубым, невеждой и исполненным множества грехов».

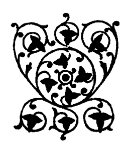
Когда же, по внушению Божию, братия решили на совете — выкопать честны́е мощи преподобного Феодосия и перенести их из пещеры в святую, Богом созданную, Печерскую церковь, первый принял на себя это послушание блаженный Нестор. Копая землю с великой верой и молитвой, он трудился всю ночь и ископал для святого Печерского монастыря многоценный бисер (жемчуг) — мощи преподобного Феодосия. Он вынес их из пещеры и был очевидцем великих, совершавшихся при этом, чудес, о чем сам свидетельствовал.

И прожил он много лет, трудясь над составлением летописания. Памятуя о летах вечности, он благоугождал Творцу лет, к Которому перешел в вечность после своей временной жизни. Он положен в пещере, где и доныне почивает его нетленное честно́е тело, источая чудотворения и тем свидетельствуя, что преподобный этот составитель житий святых и летописи приобрел для себя нетленное жилище на небе и удостоился нетленного венца в Царстве Божием. По молитвам преподобного этого писателя, да сподобимся и мы быть вписанными в книгах живота Агнца Божия, лета Которого не оскудеют. Ему с Богом Отцом и Животворящим Духом подобает от нас всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
КАПЕТОЛИНЫ и ЕРОТИИДЫ

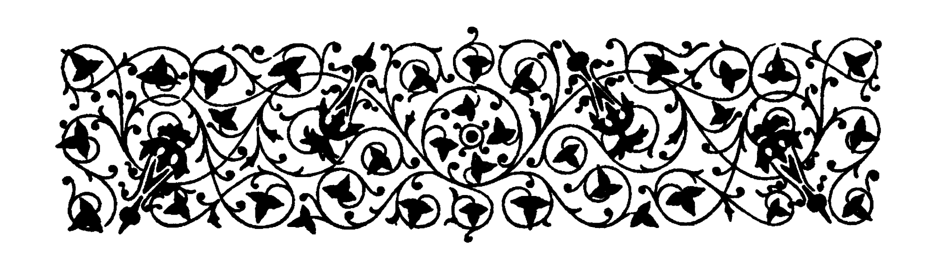
Эти святые жили при императоре Диоклетиане и правителе Каппадокии[1] Зеликинтии. Святая Капетолина, происходившая из богатого и знатного рода[2], все имущество свое раздала нищим, а рабов отпустила на свободу. Как христианка, она была схвачена и заключена в темницу, а затем, не согласившись принести жертву идолам, усечена мечом. Служанка ее, Еротиида, была подвержена истязанию палками за то, что бросила, заступаясь за госпожу, в правителя камнем. Оставшись после истязания невредимой, она также была усечена мечом.

В тот же день **память мученика Марка и иже с ним убитых** после различных мук за проповедь о Христе в Азии.



[1] *Каппадокия* — восточная часть Малой Азии.

[2] При допросах о роде святая Капетолина производила себя от одного рода с Фирмилианом, архиепископом Каппадокийским (жившим в половине III века). По другим сказаниям, она считала себя только его духовной дочерью. Блаженная кончина ее относится к 304 году.



День двадцать восьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ПАРАСКЕВЫ

В то время как нечестивый царь Диоклетиан воздвиг гонение на христиан, в городе Иконии проживала одна благородная и красивая девица, по имени Параскева. Родители ее — христиане, воспитав и научив дочь свою хранению святой веры и заповедей Господних, отошли ко Господу. Они оставили свою блаженную дочь наследницей большого имущества.

Достигнув совершеннолетнего возраста, девица Параскева стала подражать вере и делам своих родителей. Она начала тратить свое имущество не на украшение своей юной красоты и молодости и не на роскошную жизнь, но на одеяние нагих, пропитание голодающих, угощение странников. Параскева не обращала никакого внимания на своих женихов, домогавшихся сожительства с ней: она скоро соделалась невестой Единого бессмертного Жениха, Единородного Сына Божия, для Которого и жила в святости и праведности. Пресвятое имя Его она исповедовала пред людьми непрестанно, всякий день, приводя их тем к познанию истины.

Некоторые из людей уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, а другие, неверующие, злословили святую. Параскева же смело проповедовала пред ними слово Божие и изобличала суету бездушных идолов. Не желая слушать от нее таковых обличений, неверующие граждане схватили ее и предали побоям, а потом ввергли в темницу.

В то время в Иконию пришел некий военачальник, присланный в эту страну императором Диоклетианом с целью истребить там всех христиан. Граждане, приступив к нему, сказали:

— Светлейший военачальник, в этом городе есть девица, которая верует в Распятого Христа и проповедует Его; она занимается волшебством и немало уже людей отвратила своим чародейством от принесения жертв нашим богам. Она не перестает произносить хуления на изображения наших богов и на самодержца. Услышав царское приказание о том, что должны быть казнены все не поклоняющиеся богам, мы схватили эту девицу и держим ее в темнице.

Выслушав это, военачальник приказал представить святую девицу к себе на суд; когда святая мученица шла на судилище, ее осенил Святой Дух, и лицо ее сделалось светлым, так что все взирающие на нее удивлялись и говорили:

— Посмотри! Она нисколько не удручена печалью, лицо ее даже как будто сияет.

Когда она стала пред судьями, военачальник посмотрел на нее и, удивившись красоте и благородству ее лица, сказал предстоявшим:

— Вы напрасно оклеветали эту прекраснейшую девицу: ведь невозможно погубить такую солнцеобразную красоту.

И он сказал ей:

— Девица, скажи нам твое имя!

Святая Параскева отвечала:

— Я христианка, раба Христова.

Военачальник сказал:

— Созерцание красоты твоего лица склоняет меня к кротости, а исходящие из твоих уст слова возмущают до глубины души: я не желаю слышать таких речей!

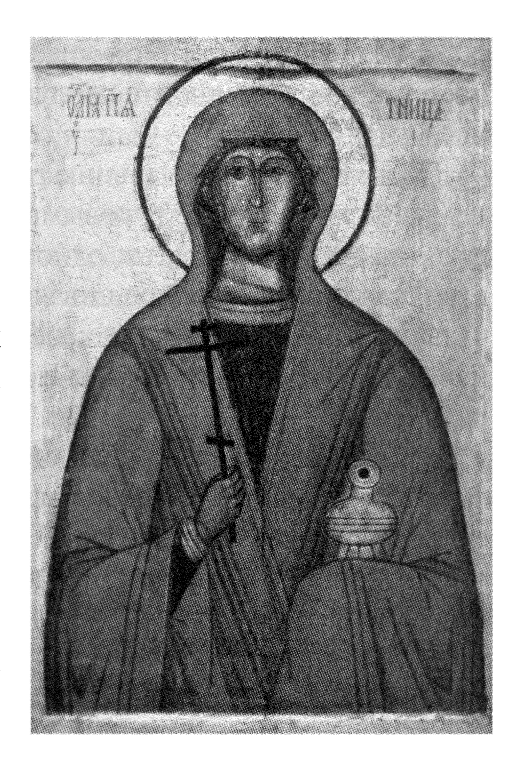
Святая отвечала:

— Всякий правитель, производящий справедливый суд, слыша правду, радуется, а ты, выслушав сказанную мной истину, прогневался.

Мучитель на это сказал:

— Я потому гневаюсь, что не получил от тебя ответа; ведь я спросил тебя о твоем имени, а ты мне его не сказала.

Святая отвечала:



— Прежде всего мне надлежало сказать мое имя по вечной жизни, а потом уже объявить имя по жизни временной. Итак, я сказала свое имя по жизни вечной, что я христианка, Христова раба, а по временной жизни я родителями наречена Параскевой, так как родилась в день Параскевы (Параскева по-гречески значит — пятница).

— Родители мои, — продолжала святая, — шестой день, который есть день вольных и животворящих страстей Господа нашего Иисуса Христа, всегда почитали постом, молитвами и милостынями. Так они делали в честь Христа, веруя, что из-за любви к роду человеческому в этот день Он излил Свою кровь и положил за нас на кресте Свою жизнь. Бог и даровал им плод честно́го их супружества — меня, недостойную Свою рабу, в тот именно день, который они добродетельно почитали, воспоминая страсти своего Владыки. Им заблагорассудилось дать мне то имя, которым называется этот день, и вот от дня Параскевы и я именуюсь Параскевой, я — общница страстям Христовым.

Военачальник сказал:

— Перестань говорить эти безумные слова и принеси жертву нашим богам; тогда я возьму тебя в жены, и ты сделаешься обладательницей большого богатства, и многие тебя будут величать на земле.

На это святая Параскева ответила:

— Я имею Жениха на небе, Иисуса Христа, и в ином муже не нуждаюсь.

Тогда военачальник сказал:

— Я помилую твою красоту и пощажу юность твою.

— Не щади временной красоты, — сказала святая, — ныне она цветет, а наутро увянет; помилуй лучше себя, ибо тебя ожидает вечное мучение.

После этого военачальник разгневался и приказал разодрать на ней одежды и бить ее суровыми жилами. В то время как били святую, она не испустила ни одного звука, но, молча́ устами, сердцем взывала ко Христу, испрашивая у Него помощи в мучениях. Военачальник же, все еще щадя красоту ее (ибо он поражался и соблазнялся ее красотой), приказал перестать бить ее и стал кротко говорить ей:

— Девица! Пощади свою юность, не губи своей прекраснейшей молодости! Принеси жертву богам, и ты будешь жива и удостоишься еще большего от нас почета.

Она ничего не отвечала ему на это. Тогда военачальник, разгневавшись, сказал:

— Мне ли ты, злое христианское отродье, не отвечаешь?

Святая в ответ на это плюнула ему в лицо. После того мучитель, страшно рассвирепев, приказал повесить ее на дереве и нещадно драть ее ребра железными когтями и растирать власяницей ее раны; ее плоть таким образом была изодрана до костей. Правитель, думая, что мученица скоро умрет, так как она едва уже дышала, снял ее с дерева и ввергнул в темницу. Когда она лежала здесь еле живая и уже безгласная от жестоких ран, в полночь явился ей Ангел; плечи и грудь его были перепоясаны крестообразно золотым поясом, а в руках своих он держал орудия Христовых страданий: крест, терновый венец, копие, трость и губу. Ангел сказал ей:

— Девица, общница Христовым страстям, восстань! Я прислан посетить тебя; в утешение же твое в страданиях, я принес орудия страстей Господа нашего. Взгляни на честные орудия: крест и терновый венец нетленного Жениха; посмотри на копие, прободшее животворящие ребра, на трость, написавшую прощение грехов всего мира, и на губку, которая стерла Адамов грех. Итак, восстань! Христос Господь исцеляет тебя!

И вот мученица восстала как бы от сна, а явившийся Ангел, приступив, отер губой все раны святой мученицы, и все тело ее стало крепким и здоровым, а красота ее лица стала еще более поразитель-

ной. Она с благоговением облобызала орудия Христовых страстей и прославила Бога. Небожитель после этого стал невидим.

С наступлением утра пришли темничные стражи и нашли Параскеву здоровой и стоявшей на молитве; на ее теле не было ни одной раны. Испугавшись, они возвестили о том военачальнику. Последний приказал привести ее к себе и, увидев ее здоровой, удивился: он не ожидал, чтобы она осталась живой от ужасных ран. Снова удивляясь необыкновенной ее красоте, он сказал ей:

— Параскева, ты видишь, как наши боги пощадили твою красоту и сохранили тебя, даровав тебе жизнь.

Святая на это сказала:

— О военачальник, покажи мне даровавших мне жизнь!

Военачальник послал ее в храм своих богов, чтобы она посмотрела на их идолов. С ней пошли также идольские жрецы и множество народа; они все думали, что Параскева желает поклониться их богам. Когда они вошли в храм, в котором было множество идолов, Параскева мысленно помолилась Единому истинному, пребывающему в вышних, Богу и, схватив за ногу идола Аполлона, сказала:

— Я тебе, бездушному, и всем вместе с тобой находящимся тленным идолам говорю: так приказывает вам Господь мой Иисус Христос — падите все вы на землю и превратитесь в прах.

И вот, по слову святой, пали и рассыпались все идолы. Тогда все выбежали из идольского храма и стали взывать:

— Велик Бог христианский!

Нечестивые жрецы, увидев разрушение и гибель своих идолов, пришли к военачальнику и, плача, сказали ему:

— Военачальник! Мы говорили тебе — умертви эту волшебницу, так как она обольщает наш город, а ты не послушал нас, и вот она ныне своим волхвованием сокрушила всех наших богов.

Исполнившись ярости, военачальник с гневом стал так допрашивать святую Параскеву:

— Какими волхвованиями ты сделала это?

Святая отвечала:

— С именем Господа нашего Иисуса Христа на устах я вошла в храм богов ваших и так помолилась моему Господу: явись мне, Спа-

ситель мой, — Ты, Который даровал мне жизнь. И вот Сам Господь мой и Бог мой явился мне, а твои боги, лишь только увидели Его, от страха затрепетали и, упав на землю, разбились, показывая тем, что если они не могут помочь себе, то как помогут другим!

Тогда военачальник приказал вновь повесить Параскеву на дереве и палить ее ребра свечами. Повешенная и палимая огнем, святая воздохнула к Богу и сказала:

— Господь и Бог мой, Создатель и Промыслитель всей твари! Ты прохладил горящую печь трем отрокам, Ты избавил от огня первомученицу Феклу[1], спаси же и меня, недостойную, от рук этих мучителей.

И внезапно явился Ангел, прикоснулся к свечам и запылал весьма сильный огонь, истребив множество беззаконников. А народ взывал:

— Велик Бог христианский!

И уверовало во Христа тогда множество народа; военачальник же, заметив волнение в народе, боялся, как бы на него не восстал народ, и поспешно приказал усекнуть святую мечом. В то время как отсечена была ее голова, некоторые слышали голос на небе, произносящий:

— Радуйтесь, праведники, так как венчается мученица Параскева!

Христиане с благоговением похоронили тело святой в ее доме. Так, окончив подвиг мучения, прекраснейшая девица отошла к своему Жениху, неся вместо елея кровь: она ныне вселилась с мудрыми девами в чертоге Христовом.

На другой день утром беззаконный военачальник выехал на охоту, но конь его внезапно рассвирепел и сбросил его в овраг: упав, военачальник разбился и так злосчастно испустил свою окаянную душу.

Святая же и чистая душа великомученицы Параскевы отошла к Господу, и от честны́х ее мощей подавались многие исцеления болящим, во славу Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Духом Святым да будет честь и поклонение вовеки, аминь.

---

[1] Память ее — 24 сентября

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **КИРИАКА**, патриарха Иерусалимского

Святой Кириак, уверовавший во Христа и крестившийся после обретения честно́го и животворящего Креста, был епископом Иерусалимским. Он прожил до царствования Юлиана Отступника. Последний, во время похода на персов, прибыл в Иерусалим и здесь потребовал святого Кириака на суд, и принуждал его принести жертву идолам; но святой решительно отказался сделать это. Тогда император приказал отрубить ему правую руку.

— Много посланий написал ты этой рукой, — сказал он, — и многих отклонил от почитания богов.

Потом он велел лить святому в рот расплавленное олово и положить его на раскаленное медное ложе. Мать святого, Анна, пришедшая на место мучений, была схвачена, повешена за волосы и строгана железом. После ее мученической кончины скончался и святой Кириак, брошенный в кипящий котел и пронзенный копьем[1].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ТЕРЕНТИЯ и НЕОНИЛЛЫ**

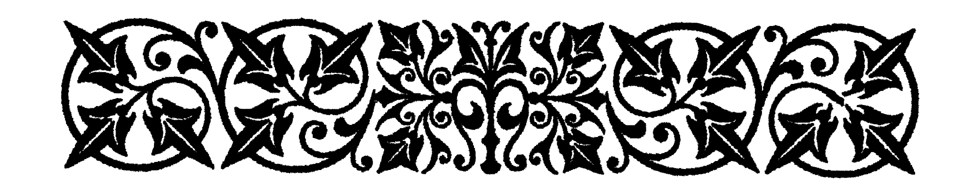
Блаженный Терентий, благочестивый христианин, сочетался законным браком с единоверной Неониллой, и от этого брака родились у них семь детей: Савил, Фот, Феодул, Иеракс, Нит, Вил и

[1] *Святой Кириак*, до крещения Иуда, указал святой царице Елене место, где находился честной Крест. Святая царица Елена, желая найти святой и животворящий крест, призвала иудеев и упрашивала их, чтобы они показали ей то место, где скрыт ими святой Крест. Они только после угроз указали на одного старого еврея, по имени Иуда, который мог указать место святого креста, но и Иуда отказывался исполнить желание царицы, за что и был ввержен в ров. Пробыв в нем некоторое время, он обещал сказать. Тогда, по указанию Иуды, отправились на то место, где Адриан, царь Римский, задумал построить храм богини Венере; здесь и был обретен честной Крест. (Подробнее смотри 14 сентября.)

Мчч. Терентий и Неонилла

Евникия, которых они воспитали в благочестии. Когда дети вместе с родителями были схвачены нечестивыми и представлены на беззаконное судилище, то ясно исповедовали Христа и хулили идолов. За то они были повешены и мучимы строганием, причем раны их поливали крепким уксусом и прижигали огнем. Святые же с усердием молились и утешали друг друга. Бог не презрел их моления и послал святых Своих Ангелов, которые освободили их от оков и подали исцеление их язвам. Видя святых внезапно освобожденными от оков и исцелившимися от ран, нечестивые ужасались. После этого святые были брошены на съедение зверям, но не испытали никакого зла, ибо звери, по Божию повелению, были кротки как овцы. Тогда они были брошены в котел с кипящей смолой, но тотчас огонь угас и котел охладился, а смола стала похожа на холодную воду. Видя, что муки вовсе не наносят вреда святым, злочестивые мучители мечом отсекли им головы[1].

[1] Святые приняли мученическую кончину в царствование Декия (249–251 гг.).



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
АНАСТАСИИ РИМЛЯНЫНИ

Во дни царя Декия и соправителя его Валериана при военачальнике Прове, недалеко от города Рима, в уединенном и малоизвестном месте, находился один небольшой женский монастырь. В нем подвизалось несколько добродетельных постниц, в числе которых находилась, престарелая летами и совершенная в добродетелях игумения София. В монастыре том проживала блаженная дева Анастасия, родом из Рима, оставшаяся трех лет по смерти своих родителей. София воспитала ее в своем монастыре и научила всем добродетелям, так что в посте, подвигах и во всяких трудах она превосходила всех прочих. Достигнув двадцатилетнего возраста, Анастасия стала чрезвычайно красивой, так что некоторые из знатных римских граждан, прослышав о ее красоте, страстно желали взять ее в жены. Но святая дева, вменив все в ничто, соделалась Христовой невестой и, для Него соблюдая свое девство, день и ночь проводила в молитвах. Диавол не один раз покушался отвести Христову невесту от ее равноангельской жизни и склонить ее к жизни в миру, желая смутить ее нечестивыми мыслями, соблазнами лукавых уст и различными иными своими ухищрениями. Но он нисколько не успевал в своей брани против той, в немощном естестве которой вселилась сила Христова, попирающая проклятую главу змия девическими ногами. Не имея возможности этим способом одержать победу над непобедимой Христовой невестой, диавол явно восстал на нее, воздвигнув лютых мучителей. В то время было сильное гоне-

ние на христиан, и диавол научил некоторых из неверующих, враждующих против христиан, чтобы они оклеветали Анастасию пред военачальником Провом. Придя к нечестивому этому человеку, язычники стали говорить ему, что в одном уединенном месте между бедными и живущими без мужей женщинами проживает некая девица Анастасия, подобно которой по красоте нет во всем Риме.

— Эта девица, — говорили они, — не только не хочет иметь мужа, но над образом жизни нашей надругается, насмехается над богами нашими и верует в Распятого.

Услышав о красоте Анастасии, военачальник немедленно послал своих слуг привести ее. Придя, слуги долго не могли отворить ворот монастыря, так что принуждены были взять топоры и выломать двери. Постницы, увидев это, сильно убоялись, и, отворив другие двери с противоположной стороны, убежали из монастыря. Игумения же София не выпустила Анастасии, говоря:

— Дитя мое, Анастасия! Не страшись, потому что наступило время подвига, за который Жених твой Иисус Христос хочет увенчать тебя. Я не желаю, чтобы ты убегала из монастыря, не желаю лишить мученического венца тебя, мою жемчужину, которую я, взяв трех лет, воспитала и до настоящего времени охраняла как зеницу ока.

Когда воины ворвались в монастырь, к ним вышла София со словами:

— Кого вы ищете и чего требуете?

Они ответили:

— Старица! Выдай нам девицу Анастасию, которую ты держишь при себе, так как военачальник Пров требует ее.

— Да, я с радостью отдам вам ее, — отвечала София, — только умоляю вас, господа, подождите часа два, пока я ее наряжу, чтобы она сделалась угодной глазам господина вашего.

Слуги, предполагая, что София желает украсить ее обычными мирскими одеждами и украшениями, согласились подождать. Мать же духовная, София, желая украсить свою дочь душевными красотами, чтобы она соделалась угодной Жениху небесному, взяла и ввела ее в церковь. Поставив ее пред алтарем, София с плачем стала говорить ей:

— Дитя мое, Анастасия, теперь предстоит самим делом показать тебе усердную любовь к Господу. В настоящее время тебе надлежит стоять за своего возлюбленного Жениха — Христа до крови и доказать, что ты истинная Его невеста. Возлюбленная моя дочь! Я умоляю тебя: не допусти обольстить тебя языку, изощренному наподобие бритвы, не обольщайся славой и подарками суетного мира и не страшись временных мук, которые исходатайствуют тебе вечную жизнь. Вот открыт пред тобой чертог Жениха; вот уготованный тебе одр покоя вечного; вот и сплетенный для тебя венец; вот уже тебя призывают на брак Жениха: иди же к Нему с веселием, иди обагренная кровью, как бы одетая в брачную одежду. Умоляю тебя, дитя мое, внимай словам моим и припомни мои труды и хлопоты о тебе, как я воспитала тебя, взяв тебя с детства, и все старания прилагала к тому, чтобы представить тебя чистой невестой Царю славы. Об этом я заботилась, об этом молилась, этому обучала тебя день и ночь, именно, чтобы ты навсегда соединилась с Господом всем сердцем и душой. Итак, дочь моя, не посрами меня — твою мать — ныне пред Господом и не сведи преждевременно во гроб моей старости. Если я услышу что-либо о тебе такое, что противно Христовой любви, то я внезапно умру. А если услышу, что ты за любовь ко Христу стоишь крепко и за Него не щадишь своей жизни, тогда я буду матерью, веселящейся о своей дочери[1]; тогда *вознесется, яко единорога, рог мой, и старость моя в елеи масти́те* (слав. Пс. 91, 11). Итак, дочь моя, не пощади твоей телесной красоты и не полюби временной жизни. Когда же тебя будут обольщать коварными словами, ты *не дай уклониться сердцу* твоему *к словам лукавым* (Пс. 140, 4); когда же станут устрашать мучениями, ты говори: *страха вашего не убоюся, ниже возмятуся, яко со мною Бог мой* (ср.: Ис. 8, 12); когда станут немилосердно бить тебя, ты *не бойся убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28). Станут ли терзать и строгать твою плоть, ты, в твоих

[1] Выражение заимствовано из 112-го псалма, стих 9.

страданиях, радуйся, потому что в своей плоти восполняешь лишение скорбей Христовых (см.: Кол. 1, 24). Станут ли рассекать тебя на части, ты вспомни, что и волосы на голове твоей сочтены от Господа (см.: Мф. 10, 30), Который сохранит все твои кости и ни одна из них не погибнет (см.: Пс. 33, 21). Захотят ли отсечь тебе голову, ты смотри на главу всей Церкви — Христа, Который есть слава твоя и возносит голову твою (см.: Пс. 3, 4). Не бойся, дитя мое, жестокого страдания. Жених твой невидимо предстанет пред тобой, облегчит твои болезни и избавит тебя от тяжких мучений. И когда ты застонешь, Он даст тебе отраду; когда изнеможешь, Он укрепит тебя; когда падешь от ран, Он поднимет; когда наполнишься горестей по причине лютых язв, Он усладит твое сердце, прохладит твою душу и не отступит от тебя до тех пор, пока, исторгнув тебя из рук мучителей, не введет тебя в небесный Свой чертог и, созвав все силы ангельские и лики всех святых, дарует тебе блаженство и увенчает тебя, как Свою невесту, нетленным венцом и ты станешь соцарствовать с Ним в вечной славе.

Анастасия отвечала:

— Готово сердце мое пострадать за Христа, готова душа моя умереть за сладчайшего для меня Иисуса, так как все желания мои и воздыхания направлялись к тому, чтобы иметь возможность во свидетельство любви моей к дорогому для меня Господу положить за него мою душу. Теперь же, так как наступило время исполнения моего желания, то я с радостью предстану перед моим мучителем и стану исповедовать всесвятое имя Бога моего. Ты, мать и госпожа моя, не бойся за меня, не сомневайся о моей юности: я верую Господу моему Иисусу Христу, и Он укрепит меня, Свою рабу. Возлюбленная моя мать, моли и ты Его, чтобы Он не оставил меня и не отступил от меня до тех пор, пока я не окончу за имя Его подвиг мучения и не посрамлю восстающего на нас врага.

Беседа их продолжалась дольше двух часов, так что посланные военачальником слуги, не дождавшись их, сами отправились за ними в церковь. Здесь они застали святых жен, которые занимались не телесным украшением, но умиленно беседовали и взаимно утешали и утверждали себя в Господе. Разгневавшись, они схватили Анастасию, как волки овцу, наложили железные цепи на ее шею и потащили в город, где и привели ее к военачальнику. Она же, стоя

перед ним, свои духовные очи обратила к своему Жениху, Христу. Все, видевшие Анастасию, удивлялись ее красоте, смиренному взору и кроткому лицу ее. Военачальник обратился к ней со словами:

— Какого ты рода, какой веры и как тебя зовут?

Потупив взор, святая тихим голосом отвечала:

— Я дочь одного из граждан города Рима, воспитана я в христианском благочестии, а имя мое — Анастасия.

Военачальник сказал:

— Это имя у римлян необычное, и я не знаю, что значит Анастасия?

— Анастасия, — отвечала святая, — значит *«восстание»*, так как Бог восстановил меня говорить против тебя до тех пор, пока я не одолею отца твоего — сатану.

Военачальник продолжал:

— Девица, отвечай мне кротко, чтобы не возбудить во мне гнева: ведь я щажу твою молодость и не хочу погубить твоей красоты; послушай же меня как отца, желающего разумно тебе посоветовать. Зачем ты прельстилась вредным учением христианским и понапрасну губишь свои годы, лишаясь хорошей жизни и наслаждений, которые боги дали людям для веселья? Что за утешение избегать общества людей и проводить жизнь в уединении? Что за прибыль самовольно отдавать себя на мучение и смерть за Распятого? Не лучше ли поклониться нашим бессмертным богам, взять честного, благородного мужа, веселиться среди наслаждений, радоваться детьми, жить посреди добрых людей в славе и почете, владеть многим имением, золотом и серебром и не губить в крайней бедности и нищете своей жизни, дарованной богами для благополучного существования. Итак, я советую тебе, подойди и поклонись богам и немедленно будешь иметь мужа высокородного, почетного, славного и богатого, близкого к царскому престолу и имеющего большую силу. Вместе с ним и ты будешь пользоваться большим почетом и во все дни твоей жизни будешь наслаждаться всеми благами.

Святая Анастасия, подняв опущенные вниз свои глаза и взглянув на военачальника, на эти слова отвечала:

— Мой муж, мое богатство, жизнь и мое веселие — есть Господь мой Иисус Христос, от Которого ты не отвратишь меня твоими соблазнительными словами, не обольстишь меня, как Еву змий, не

усладишь для меня горькой вашей погибели и страхом мучений не отлучишь меня от моего Господа, за Которого, если бы было возможно, я готова претерпеть мучение сто раз.

Военачальник приказал предстоявшим бить ее в лицо, приговаривая: так ли ты должна отвечать светлейшему властелину? Затем, желая посрамить ее, он приказал разодрать на ней одежду и нагой выставить ее пред всеми и спросил ее:

— Приятно ли тебе, девица, обнаженной стоять перед глазами всех?

— Безумный, бесстыдный и исполненный всяческой нечистоты, — отвечала святая. — Это не мой стыд, но твой, так как Господь мой знает, что солнце никогда не видело моей наготы, а ты меня выставил нагой на глаза столь многих людей; знай, что ты посрамил себя больше, нежели меня. Ведь меня, ради этого стыда, Жених мой покроет одеждой славы, а тебя навеки покроет стыд лица твоего, и всякий разумный человек теперь скажет: если бы военачальник не был бесстыжим и исполненным нечистой похоти, он не обнажал бы для зрелища всех девического тела.

И, обратившись к обнажившим ее, она произнесла:

— Если вы обнажили мое тело, если приготовили для меня и орудия различных мучений, то зачем же вы медлите? Бейте, рубите, терзайте, покрывайте ранами обнаженное тело, покрывайте кровью открытый стыд; вот, вы видите меня, приготовленную к мукам, и не надейтесь что-либо другое услышать от меня, как только то, что я желаю умереть за моего Христа.

Тогда, по повелению военачальника, она была растянута и привязана к четырем столбам вниз лицом; под нее подложили огонь с серой и смолой и мучили ее снизу огнем и зловонным дымом, а по спине, без милости, били палками. Святая же Анастасия, страдая от ударов, задыхаясь в дыму и опаляемая огнем, терпела и, вместо стона, произносила до конца Давидов псалом: «Помилуй мя, Боже...» Она была до тех пор бита, пока не изнемогли палачи. После этого, отвязав ее от столбов и сняв с костра, привязали ее к колесам и, вращая колесо, переломали все ее кости и изорвали жилы. Она же молилась ко Господу:

— Прибежище мое и Защитник мой, не отступай от меня, так как душа моя изнемогает в болезни и кости мои сокрушены.

После этой молитвы колесо вдруг остановилось, и святая мученица, отвязанная невидимой силой, оказалась совершенно невредимой и здоровой. Все бывшие здесь были страшно изумлены при виде такового чуда. Военачальник же не только не образумился, так как злоба ослепила его, но с большей свирепостью снова стал мучить святую иными муками: он приказал, повесив, строгать ребра и терзать тело ее. Она же претерпевала все это мужественно и к одному только Богу возводила свои очи, говоря:

— Жених мой, взгляни на мою болезнь, которую я переношу ради Тебя, и благоволи ко мне, непотребной Твоей рабе, да принято будет Тобой пролитие моей крови и да не буду отвержена от лика святых мучениц.

После этого она была снята с дерева, и военачальник спросил ее:

— Анастасия! Хорошо ли тебе ныне?

— Весьма хорошо, — отвечала святая, — потому что, какое мучение за того, кого я люблю больше всей жизни моей, не стало бы для меня хорошим и приятным?

Военачальник продолжал:

— Если тебе мучения за Распятого доставляют удовольствие, то я увеличу их.

Он приказал бритвой отрезать сосцы ее. Истекая кровью, святая стала сильно изнемогать и попросила напиться воды. Один из стоящих там близко, по имени Кирилл, принес и подал ей воду. Она же, выпив немного, сказала подавшему:

— Да не лишишься ты воздаяния от Господа, потому что Он сказал: *кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей* (Мк. 9, 41).

Военачальник сказал ей:

— Довольно ли для тебя мучений или желаешь еще подвергнуться мучениям?

— Делай что хочешь, — отвечала святая, — мой Бог силен и укрепит мою изнемогающую силу на большие мучения, и низложит твою гордыню.

Мучитель приказал вырвать у нее с пальцев ногти, потом отсечь ее руки и ноги, а также выбить все ее зубы.

Святая стала снова изнемогать и попросила воды, а из уст ее изливалась река крови. Кирилл снова немного напоил ее. Мучитель,

заметив Кирилла, напоившего водой мученицу, и подумав, что он христианин (что и было в действительности), приказал немедленно убить его мечом. Будучи усечен, блаженный Кирилл отошел ко Господу получить свою награду за чашу холодной воды, которую он, во имя Христа, напоил Христову мученицу. Освежившись водой, святая немного отдохнула и молилась, говоря:

— Боже, Спасителю мой, не оставь меня!

Когда же военачальник приказал отрезать ей язык, святая говорила:

— Беззаконный кровопийца! Если ты отрежешь мне и язык, то сердце мое не перестанет взывать к Господу. Господь же послушает молящихся Ему и в молчании.

Слуга, взяв клещи, вложил их в уста святой, сильно вытянул ими язык ее и отрезал. Народ стал возмущаться, укоряя и ругая военачальника за таковое лютое и бесчеловечное мучение. Военачальник же, разгневавшись на народ, приказал вывести святую за город и отсечь мечом честну́ю ее голову. Таким образом, святая и достохвальная великомученица Христова Анастасия совершила подвиг мучения. Святое тело ее было брошено без погребения на съедение птицам и зверям, но, по Божественному покровительству, оно сохранилось неприкосновенным. С наступлением ночи блаженной старице Софии явился Ангел и повелел ей взять лежавшее за городом на поле тело святой Анастасии. София, взяв чистое полотно, вышла из монастыря и не знала, куда идти. Усердно помолившись Богу, она пошла и, руководимая Самим Богом, дошла до места, где находилось святое тело духовной ее дочери, которое она стала лобызать и омывать, как бы водой, обильными слезами, с такими словами:

— Дочь моя возлюбленная, которую я воспитала в трудах и безмолвии, в посте и молитвах, сохраняла в девстве и целомудрии, поучала страху Божию и Его святой любви, сладчайшая дочь моя, о которой я всегда соболезновала, до тех пор, пока до конца не пребыла ты верной Христу! Благодарю тебя, что ты послушала меня, убогую свою матерь, и исполнила мое желание. Не понапрасну я трудилась для тебя, потому что ты предстала пред своим Женихом в брачном одеянии твоего непорочного девства, украсившись твоей кровью. Итак, умоляю тебя теперь не как дочь, но как мать и госпожу мою, будь твоими к Богу молитвами утверждением в моей ста-

рости и, блаженствуя с Господом, поминай меня. Когда же Он повелит мне отойти от моего бренного тела, умоли благость Его, чтобы Он был милостив к моим грехам.

Плача так, она помышляла о том, что станет делать: она была одна, и притом весьма слаба: едва-едва ходила она с палкой и не имела возможности ни взять и понести то святое тело, ни там на месте похоронить его, и потому скорбела, недоумевая, что будет делать. И вот, по Божию усмотрению, какие-то два неизвестных ей мужа, почтенные на взгляд, добрые по словам, по вере христиане, застав старицу плачущей над телом, помогли ей и, собрав отсеченные части тела, руки и ноги (так как они туда же были выброшены из города) и святую главу, все это приложили к телу, каждый член к своему месту, и, обвив полотном, понесли в некое почетное место, где, при пении надгробных песнопений, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, похоронили это многоценное сокровище.

ЖИТИЕ

АВРАМИЯ ЗАТВОРНИКА и БЛАЖЕННОЙ МАРИИ

Блаженный Аврамий был сыном благочестивых родителей; уже с ранней юности он любил посещать святые храмы, слушать там с умилением слово Божие и поучаться в нем.

Горячо любя своего сына, родители понуждали его вступить в брак. Он сначала отказывался, но потом, после многих и усиленных просьб, вопреки своему желанию, повиновался родителям.

На седьмой день после брака, когда Аврамий сидел однажды в опочивальне с своей женой, в его сердце внезапно воссияла, подобно свету, благодать Божия, и, никому ничего не сказав, он тайно удалился из дому. По Божественному внушению, он вышел из города[1] и, на расстоянии двух тысяч шагов от него, нашел необита-

[1] *Тении*, близ Лампсака, значительного города Мизии (северо-западной области Малой Азии).

емую хижину; в ней он и поселился с радостным сердцем, прославляя Бога. Родители с родственниками, скорбя о его исчезновении, повсюду стали искать блаженного. По прошествии семидесяти дней они нашли его в келии молящимся Богу и весьма удивились. Блаженный же сказал им:

— Не удивляйтесь, но прославьте Человеколюбца Бога, избавившего меня от суетного мира, и молите за меня Господа, чтобы Он даровал мне до конца донести благое иго, которого Он сподобил меня, и оставьте меня жить здесь ради любви к Богу в безмолвии, чтобы мне исполнить святую волю Его.

Родители блаженного, увидев его непреклонное решение, произнесли: «аминь».

Святой Аврамий стал умолять их, чтобы они не беспокоили его своими посещениями, и, затворив двери, оставил только небольшое оконце, чрез которое и принимал пищу. После этого мысль блаженного еще более просветилась благодатью, и он преуспевал в добродетельной жизни, в великом воздержании, в смирении, любви и целомудрии. Слава о нем прошла повсюду, и все слышавшие приходили повидать и послушать его, потому что ему даровано было слово премудрости, разума и утешения. По истечении десяти лет, после удаления блаженного из родительского дома, родители его умерли и оставили ему большое богатство. Аврамий, не желая оставить своей молитвы и безмолвия, упросил одного близкого друга, чтобы тот роздал нищим все доставшееся ему имущество; поступив так, он оставался беспечальным; ибо главное попечение блаженного заключалось в том, чтобы ум его не прилеплялся к земным предметам, и поэтому он ничего не имел на земле, кроме одной верхней одежды, власяницы, сосуда, из которого он ел и пил, и рогожи, на которой спал. Во все годы своего иночества он не изменил своего правила, а в иночестве, с великой любовью и усердием к Богу, он пробыл пятьдесят лет.

Среди окружавших город селений находилась одна весьма большая деревня[1], в которой все, от малого до великого, были язычники, и никого не находилось, кто бы мог обратить их к Богу. Многие пресвитеры и диаконы, будучи посылаемы туда епископом той страны, не отвратили их от идольского обольщения, потому что они не могли

[1] Это селение находилось на берегу Геллеспонта (Дарданелльский пролив между Мраморным морем и Архипелагом).

Прп. Аврамий Затворник

переносить всех, постигавших их, трудностей и оскорблений. Многие и монахи неоднократно пытались обратить язычников, но, ничего не успевая, оставляли их. Один раз епископ, беседуя с клириками своими, вспомнил блаженного Аврамия и сказал:

— Я в своей жизни не видел такого человека, как Аврамий, — этого мужа, достигшего совершенства во всяком благом и Богоугодном деле.

Клирики отвечали ему:

— Да, Владыко, он Божий раб и инок совершеннейший.

Епископ на это сказал им:

— Я желаю сделать его священником для этой деревни: он своим терпением и любовью в состоянии будет расположить к себе сердца их и обратить к Богу.

И немедленно вместе с клиром он отправился к блаженному. Когда они пришли и поздоровались, епископ стал говорить Аврамию о той деревне и стал упрашивать его, чтобы он отправился туда. Услышав это, Аврамий сильно опечалился и сказал епископу:

— Отче святой! Прости меня: предоставь мне лишь плакать о грехах моих; я слаб и непригоден для этого дела.

— Силой благодати Божией, — сказал на это епископ, — ты возможешь совершить это: не ленись же на доброе послушание.

Тогда блаженный сказал:

— Умоляю твою святыню, оставь мое ничтожество, чтобы оплакивать мне мои беззакония.

Епископ на это ответил ему:

— Вот ты оставил мир и все, что в мире, возненавидел, сораспялся Христу и исполнил все Его повеления, но послушания не имеешь.

Услышав это, Аврамий прослезился горько и сказал:

— Кто такой я? Пес смрадный, и что моя жизнь, если ты так помыслил обо мне?

— Находясь здесь, — отвечал епископ, — ты спасешь одного лишь себя, а там, при помощи Божией благодати, спасешь и обратишь ко Господу многих.

Тогда блаженный, плача, сказал:

— Да будет воля Божия! Пойду ради послушания.

Епископ, выведя его из келии, ввел в город и, рукоположив его, с великой радостью отправил вместе с клиром в то селение.

На пути блаженный так молился Богу:

— Благий Человеколюбче! Ты видишь мою немощь. Пошли на помощь мне благодать Твою, чтобы прославилось пресвятое имя Твое.

Придя в селение и увидев людей, одержимых бесовскими обольщениями, служащих идолам, Аврамий горько заплакал. Устремив очи свои к небу, он сказал:

— Боже, Едине Безгрешне! Не презри дел рук Твоих.

После этого он послал в город к тому близкому своему другу, которому поручил раздать нищим оставшееся после родителей имущество, чтобы он прислал ему часть его денег для устроения церкви. Друг не замедлил прислать ему, сколько нужно было для его потребы. Тогда блаженный начал созидать храм Божий и в короткое время выстроил благолепную церковь и изукрасил ее, как прекраснейшую невесту. В то время, как устроялась церковь, блаженный приходил и молился Богу посреди идолов, ни с кем не говоря ни слова. По устроении церкви он принес там с горячими слезами такую молитву Господу:

— Господи! Собери рассеянных людей этих и введи их в эту церковь, просвети их умственные очи, чтобы они познали Тебя, Единого Благого и Человеколюбивого Бога.

Окончив молитву, он вышел из церкви и, сокрушив языческий жертвенник, ниспроверг всех идолов. Увидев случившееся, язычники устремились на святого, подобно диким зверям, и с побоями выгнали его вон из селения. Ночью он возвратился, вошел опять в селение и, зайдя в церковь, стал с воплем и плачем молиться Богу, чтобы Он спас погибающих людей. С наступлением утра язычники застали его молящимся в церкви и пришли в страх. (Они приходили всякий день в церковь — не для молитвы, а для того, чтобы видеть благолепие и красоту здания.) Блаженный же стал умолять их, чтобы они познали Бога, но они били его, как бы неодушевленный камень, кольями и, повалив на землю, накинули на шею петлю и поволокли из селения. Думая, что он уже умер, они положили на него камни и, оставив его, ушли. Он же, будучи едва живым, в полночь пришел в сознание и, встав, стал горько плакать и так молиться Господу:

— Владыко! Зачем Ты презрел слезы мои и смирение мое? Зачем отвратил лицо Твое от меня и презрел дело рук моих? Призри теперь, Владыко, на раба Твоего, услыши мою молитву, укрепи меня и освободи рабов Твоих от уз диавольских и даруй им познать Тебя, Единого истинного Бога, ибо нет другого Господа, кроме Тебя.

Затем Аврамий пришел в селение и, войдя в церковь, стоял, воспевая и творя молитву. Вторично, с наступлением утра, пришли язычники и, увидев его живым, сначала изумились, но потом снова стали мучить блаженного: повалив его на землю, они накинули ему веревку на шею и волочили его по селению. Так страдал блаженный до трех лет, претерпевая все муки, как твердый камень веры, будучи и побиваем, и гоним. За все эти мучения он не гневался на них, не роптал, не был малодушен и, терпя, не унывал, но еще сильнее возгорался любовью к Богу и сожалением к заблуждающимся; он умолял и поучал — старцев, как отцов, юных — как братий, детей же, как собственных чад, подвергаясь сам обидам и поруганиям.

Однажды все живущие в том селении, от малого до великого, собрались все вместе и, удивленные жизнью Аврамия, стали так говорить между собой:

— Видите ли великое терпение этого мужа? Видите ли неизглаголанную его любовь к нам? Он, терпя от нас многие бедствия, не отошел отсюда и никому не сказал обидного слова и даже не отвернулся от нас, но претерпевает все это с большой радостью. Поистине он послан к нам для жизни нашей от Бога, о Котором он всегда говорит; он говорит, что наступит небесное Царство, рай, вечная жизнь, и слова его истинны; потому что если бы не было так, как он говорит, он не претерпевал бы столь много зла от нас. Им обнаружено бессилие и наших богов, так как они не могли его наказать, когда он сокрушал их. Поистине он — раб Бога Живого, и все им сказанное суть истина. И так приступите, чтобы уверовать в проповедуемого им Бога.

Таким образом, все, устремившись, единодушно пришли в церковь, взывая:

— Слава Богу небесному, пославшему Своего раба, который спас нас от диавольского обольщения!

Увидев пришедших язычников, блаженный возрадовался великой радостью, и лицо его было подобно утреннему свету. Отверз уста свои, он сказал им:

— Отцы мои, братия и чада! Приидите и воздадим славу Богу, просветившему ваши сердечные очи, чтобы познать Его и очиститься от нечистоты идольской. Итак, от всей души веруйте в Живого Бога, так как Он — Творец неба и земли и всего, что в них, — безначальный, несказанный, непостижимый, светоподатель, человеколюбец, грозный и правосудный Господь. Веруйте же и в Единородного Его Сына, Который есть Его премудрость, сила и воля, и в Пресвятого Его Духа, все оживляющего, — и, уверовав, получите жизнь небесную.

Все на это ответили:

— Отец наш и наставник нашей жизни! Мы веруем так, как ты говоришь и учишь нас, и готовы делать то, что ты нам повелишь.

После этого блаженный, собрав всех, крестил их от мала до велика, около тысячи душ, во имя Отца и Сына и Святого Духа, — и каждый день читал им Божественное Писание, поучая их и сообщая им то, что касается Царствия небесного, рая, геенны огненной, правды, веры и любви. Они становились как бы плодородной землей, приемлющей хорошие семена и приносящей плод — иногда во

сто крат, иногда в шестьдесят, иногда в тридцать (см.: Мф. 13, 23). Таким образом они с великим усердием, прилежанием и с наслаждением слушали его учение и повиновались его словам. Имея пред своими глазами блаженного как бы Ангела Божия и привязавшись к нему союзом любви, они внимали его святому учению.

Блаженный после того, как они уверовали, прожил среди них один год, день и ночь обучая их слову Божию. А потом, уверившись в их любви к Богу и твердой вере, он пожелал оставить их, так как видел, что они его горячо полюбили и весьма почитали, и боялся, как бы его помысл не привязался к каким-либо земным пристрастиям и как бы не поколебалось иночество его. Итак, встав однажды ночью, он так помолился Богу:

— Едине Безгрешный, Едине Святой, во святых почиваяй, Едине Человеколюбче и милосердый Владыко, просветивший очи этих людей и освободивший их от идольского обольщения, даровавший им разуметь Тебя, соблюди и сохрани их, Владыко, до конца и защити это доброе Твое стадо, которое Ты приобрел по многому Твоему человеколюбию, огради их оплотом Твоей благодати, постоянно просвещай их сердца, чтобы они, благоугодив Тебе, сподобились небесного Твоего Царствия. Защити и меня, слабого и недостойного, и не поставь мне этого во грех, потому что Ты, Всеведущий, знаешь, что я Тебя люблю и к Тебе стремлюсь.

По окончании молитвы святой осенил себя крестным знамением и тайно ушел оттуда в иное место и скрылся от них. С наступлением утра новопросвещенные, по обыкновению, пришли в церковь и, ища святого, не нашли его, и, удивляясь, ходили, как потерянные овцы, и, со слезами призывая своего пастыря по имени, искали его. После того, как они, повсюду разыскивая, не нашли его, они сильно опечалились и немедленно пошли к епископу и рассказали ему о случившемся. Последний, услышав это, опечалился и с поспешностью разослал многих слуг на поиски блаженного, особенно ввиду слез и просьб его стада, и его искали посланные, как драгоценный камень, но не находили. Епископ, придя с клиром в селение и увидев всех, утвержденных в вере и любви Христовой, избрал из среды их достойных, поставил их пресвитерами и диаконами и, благословив их, удалился.

Услышав все это, блаженный возрадовался от всего своего сердца, прославил Бога и сказал:

— Что я Тебе воздам, о благий мой Владыко, за все, что Ты воздал мне? Поклоняюсь и прославляю Твое промышление!

Помолившись так, он удалился в свою келию, в которой находился и раньше. Он устроил себе другую небольшую келию отдельно от первой и, *радуяся о Бозе Спасе своем*, затворился внутри ее. Диавол же, взирая на все эти подвиги Аврамия, еще более возгорелся ненавистью и всячески старался низложить доброго воина Христова. Пытаясь внушить ему помысл гордости, он пришел к нему однажды с хвалебными словами. Раз, когда блаженный стоял в полночь на молитве, внезапно в келии его воссиял свет и послышались как бы от Бога эти слова:

— Аврамий! Блажен ты, блажен, так как никто среди людей не исполнил Моей воли так, как ты.

Но блаженный тотчас же уразумел неприязненное обольщение и, возвысив свой голос, сказал:

— Исполненный лести и погибели! Да будет твоя злоба вместе с тобой в погибель! Я — человек грешный, но имею упование на благодать и помощь Бога моего и не боюсь тебя, равно как не устрашают меня и твои появления. Для меня непобедимая стена — имя Спасителя моего Иисуса Христа, Которого я возлюбил и именем Которого запрещаю тебе, пес нечистый, это делать.

И внезапно диавол исчез как дым.

В другой раз, по прошествии немногих дней, когда блаженный молился ночью, сатана пришел, держа в руках топор, и, рассекая им все, стал разорять и его келию. И когда уже готовилось разрушение келии, бес закричал другим бесам громким голосом:

— Друзья мои, поспешите, поспешите поскорее, чтобы нам войти и удавить его.

Блаженный же сказал:

— *Все народы окружили меня, но именем Господним я низложил их* (Пс. 117, 10).

И сатана немедленно исчез, и келия осталась невредима. И еще после нескольких дней, молясь в полночь, он увидел, что подстилка, на которой он стоит, горит жарким пламенем. Наступив на пламень, он сказал:

— *На аспида и василиска наступлю и поперу льва и дракона* (Пс. 90, 13) и всю силу вражию, ради имени Господа моего, Иисуса Христа, помогающего мне.

Сатана убежал и закричал громким голосом:

— Я одолею тебя, злообразный, потому что я изобрел против тебя новую хитрость.

Однажды, когда блаженный вкушал пищу, диавол опять вошел в его келию в образе юноши и, приблизившись, хотел опрокинуть на землю сосуд, из которого он ел. Заметив это, блаженный продолжал держать сосуд и вкушать, нисколько не боясь, а диавол стоял пред ним. Затем диавол поставил светильник и на нем свечу и громким голосом стал петь:

— *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1), — и он до конца пропел тот псалом.

Святой не отвечал ему, пока не окончил своей трапезы. После этого он перекрестился и сказал, обращаясь к диаволу:

— Пес нечистый, треокаянный, бессильный и трусливый! Если ты знаешь, что непорочные есть блаженны, то зачем ты беспокоишь их? Ибо все надеющиеся на Бога и любящие Его от всего сердца суть блаженны и треблаженны.

Диавол отвечал:

— Я досаждаю им, чтобы победить их: я буду соблазнять их и отвращать их от всякого доброго дела.

Блаженный же сказал ему:

— Проклятый! Пусть не будет для тебя никакого успеха, чтобы ты не мог никого из боящихся Бога одолеть или соблазнить. Ты одерживаешь победу над подобными тебе, отступившими от Бога по своей воле, тех ты прельщаешь и побеждаешь, так как в них нет Бога, а от любящих Бога ты исчезаешь, подобно тому, как дым от ветра: одна молитва их тебя прогоняет, как ветер прогоняет прах. Жив Господь мой, благословенный вовеки, слава и похвала моя, и я не боюсь тебя, если даже будешь стоять здесь целый год или даже больше, и ничего не сделаю, нечестивый пес, по твоей воле. Я пренебрегаю тобой, как пренебрегают какой-нибудь околелой собакой.

Когда блаженный произнес это, диавол немедленно исчез. По прошествии пяти дней, когда блаженный оканчивал пение на полунощнице, враг вновь пришел к нему, в сопровождении кажущейся

большой толпы; накинув канат на его келию и повлекши ее, они закричали друг ко другу:

— Сбросим ее в ров.

Блаженный, увидев их, сказал:

— *Обыдóша мя, яко пчелы сот, и разгорéшася, яко огнь в тернии, и именем Господним противля́хся им* (слав. Пс. 117, 12).

Сатана же на это возопил:

— Я не знаю, наконец, что мне сделать. Вот ты уже всячески победил меня и, пренебрегая мной, низложил мою силу, но я не оставлю тебя до тех пор, пока не одолею и не смирю тебя.

Блаженный ответил ему:

— Будь проклят ты, нечестивый, и все дела твои! Владыке же нашему, Единому Святому Богу, соделывающему то, что ты попираем и поруган нами, любящими Его, — слава и поклонение. Окаянный и бесстыдный! Узнай ныне, что мы не боимся ни тебя, ни твоих козней.

Довольно продолжительное время, таким образом, диавол вел борьбу со святым, желая устрашить его различными призраками, но не мог победить этого твердого угодника, и еще более был побеждаем святым. Блаженный же преуспевал в подвигах и любви к Богу, так как от всей души полюбил Бога и проводил такой образ жизни, что сподобился Божией благодати, и потому диавол не мог победить его. Во все годы его иночества без слез не прошло ни одного дня, и он не отверзал уст своих для смеха, елей не касался его рта, и он ни разу не умыл лица своего, но жил так, как будто умирал каждый день.

Этот блаженный имел родного брата, у которого была единственная дочь. Когда умер ее отец, отроковица осталась осиротевшей. Знакомые ее, взяв эту сироту, привели ее к дяде, когда ей было семь лет. Блаженный приказал ей находиться во внешней келии, а сам проживал затворенным во внутренней. Между обеими келиями были небольшие дверцы, чрез которые он обучал племянницу Псалтири и прочим книгам. Отроковица, подобно ему, подвизалась в посте и молитвах и во всех иноческих добродетелях. Блаженный много раз со слезами молил Бога о ней, чтобы она возлюбила Господа и не привязывала сердца своего к суете мирской. Отец ее оставил ей достаточное состояние, которое в тот же самый час, когда она приве-

дена была к нему, святой приказал раздать нищим. Девица же так умоляла дядю своего:

— Отче, молись за меня Богу, чтобы я избавилась от всех многоразличных диавольских сетей.

В иноческой жизни она во всем уподоблялась своему дяде, и старец, видя ее добрые подвиги, слезы и смиренномудрие, безмолвие, кротость и любовь к Богу радовался этому. В течение двадцати лет она иночествовала с ним, как чистая агница, как нескверная голубица. Но в конце двадцатого года, диавол, чтобы уловить ее и таким путем оскорбить блаженного Аврамия и отвратить от Бога ум его, расставил сети на пути ее спасения.

В то время проживал один инок, который имя только имел иноческое, а не подвиги. Он приходил к святому, под предлогом получать от него наставления. Видя блаженную Марию чрез двери, он воспламенился к ней нечистой страстью, и сердце его распалилось, как пламень, от безумной страсти к ней. Так он был разжигаем любострастием около целого года, пока, наконец, при помощи сатаны, однажды не отворил дверей ее келии и, войдя к ней, прельстил и осквернил ее. По совершении греха девица ужаснулась и, разорвав свои одежды, стала бить себя по лицу и от печали намеревалась даже лишить себя жизни. Она рассуждала сама с собой так:

— Согрешила я и умерла душой и погубила жизнь свою; иноческий подвиг, и воздержание мое, и слезы мои не послужили ни к чему, так как я прогневала Бога, сама себя погубила и ввергла в горькую печаль преподобного дядю моего. Я поругана диаволом, зачем же дольше мне и жить, окаянной? Горе мне! Что я сделала? Горе мне! До чего я дошла? Я и не заметила, как омрачился мой рассудок и как я погибла! Какой-то темный мрак покрыл мое сердце, и я не знаю, что я буду делать и куда скроюсь? Куда пойду, в какой ров кинусь! Где учение преподобного дяди моего и где наставление друга его Ефрема[1]? Они говорили мне: «Внимай себе и соблюдай неоскверненной свою душу для бессмертного Жениха, ибо Он — Свят и поборает по правде». Отныне я уже не дерзну воззреть на небо, ибо для Бога и людей я умерла. Оставаться здесь я тоже не могу, ибо каким образом я, исполненная нечистоты греш-

---

[1] Наверное, один из учеников преподобного.

ница, опять начну разговаривать с тем святым отцом? Если же осмелюсь, то исшедший из тех дверей огонь сожжет меня. Лучше удалюсь в другую страну, где не будет никого, кто бы знал меня, потому что раз я умерла, то после этого для меня уже не осталось надежды на спасение.

Немедленно собравшись, она удалилась в другой город и, изменив свой внешний вид, стала жить в гостинице. Когда с ней происходило это, блаженному Аврамию было видение. Он видел страшного и ужасно огромного змея, омерзительного по виду, дышащего яростью, который подполз к его келье, и найдя голубку, проглотил ее и опять возвратился на свое место. Пробудившись от сна, блаженный сильно опечалился и горько плакал, так сам себе говоря:

— Неужели сатана воздвигнет гонение на святую Церковь и многих отклонит от веры и неужели настанет в Церкви раздор?

Помолившись Господу, он сказал:

— Человеколюбче и Всеведче, Господи! Ты один разумеешь это видение.

По прошествии двух дней ему во второй раз представился в видении тот же змей; преподобный видел, как он вышел из своего логовища, прополз в его келию и, подложив свою голову под ноги его, лопнул; когда голубица та была найдена во чреве змея, блаженный протянул свою руку и взял ее живой и неповрежденной. Вновь проснувшись, блаженный несколько раз позвал из своей кельи чрез дверцы соиночествующую с ним девицу, говоря:

— Почему ты второй уже день ленишься и не воздаешь славословие Господу?

Но ответа не последовало. Отворив дверцы кельи, он не нашел своей племянницы и, уразумев, что видение, которое ему было, касается ее, заплакал и сказал:

— Горе мне: так как волк похитил мою агницу и дитя мое пленено.

И со слезами на глазах воскликнул:

— Спаситель всего мира! Возврати в ограду Твоего стада Свою агницу Марию, чтобы старость моя не снизошла с печалью во ад. Господи! Не презри моления моего, но пошли благодать Твою, чтобы она исхитила ее из уст змея.

Прошло два дня после ухода блаженной, в продолжение которых Аврамий видел означенное видение. Мария же прожила без своего дяди в течение двух лет, а он день и ночь молился о ней Богу. По прошествии двух лет[1] кто-то рассказал ему, где она находится и как она живет. Святой упросил одного своего знакомого отправиться в то место, чтобы узнать о ней подробнее. Посланный отправился и, узнав о Марии, возвратился и рассказал все блаженному. Услышав рассказанное, блаженный переоделся воином, надел на свою голову большую и очень высокую шапку, чтобы она прикрывала лицо его, взял с собой одну золотую монету и, сев на коня, поехал. Он пришел в ту гостиницу, где проживала Мария, и усмехнувшись, сказал гостиннику:

— Друг, я слышал, что у тебя живет красивая девица, покажи мне ее, чтобы мне в сладость на нее насмотреться.

Гостинник, видя его старческие седины, посмеялся над ними в сердце своем, потому что понял, что он расспрашивает о ней с целью блуда, и ответил:

— Действительно, у меня проживает такая девушка, и она очень красива.

Блаженная действительно была весьма красива. После этого старец с веселым взором сказал ему:

— Пригласи ее ко мне, чтобы сегодня мне повеселиться.

И когда Марию пригласили, она пришла к старцу. Лишь только святой увидел ее в блудническом украшении, ему захотелось зарыдать. Но, чтобы не быть узнанным ей и чтобы, узнав его, она не убежала от него, он, хотя с трудом, удержался от слез. Когда они сидели и пили, этот дивный муж стал сам заигрывать с ней, а она, встав, обняла его и стала целовать его шею. В то время как она целовала его, ощутила исходящее от чистого и многими подвигами умерщвленного тела его благоухание. Тогда, припомнив первые дни своего воздержания, она вздохнула, прослезилась и сказала:

— О горе мне!

Гостинник же спросил ее:

— Мария, ты уже проживаешь здесь с нами второй год, и я от тебя никогда не слышал такого слова и вздоха. Что такое сейчас с тобой случилось?

---

[1] Она удалилась в город Асс, близ Лампсака.

Она отвечала:

— Если бы я умерла раньше, то я была бы счастлива.

Блаженный Аврамий, чтобы Мария его не узнала, грубым голосом сказал ей:

— Ты только теперь, когда ко мне пришла, вспомнила про свои грехи.

Вынув монету, он передал ее гостиннику и сказал:

— Друг, устрой нам хорошую пирушку, чтобы мы повеселились с этой девицей. Я издалека пришел ради нее.

О, сколько в нем было премудрости и сколько духовного разума!

Человек, который в течение пятидесяти лет своего иночества до сытости не вкушал хлеба и не пил вдоволь воды, ныне, чтобы спасти погибшую душу, ест мясо и пьет вино. На небесах чины святых Ангелов удивлялись такому подвигу блаженного отца, его великодушию и разумному замыслу. Он ел мясо и пил вино, чтобы спасти от греховной скверны погибшую душу.

О премудрость премудрых! О разум разумных!

По окончании пирушки девица сказала ему:

— Господин, встанем и пойдем спать.

Он отвечал:

— Пойдем.

Когда они вошли в опочивальню, Аврамий увидел большую кровать, высоко постланную, сел на нее и сказал Марии:

— Затвори двери, подойди и разуй меня.

Она, затворив двери, подошла к нему, и он сказал ей:

— Девица Мария, приблизься сюда ко мне.

Когда она приблизилась, он схватил ее, крепко сжал, чтобы она не убежала, и опять целовал ее. Затем, сняв с своей головы воинскую шапку, он расплакался и сказал ей:

— Дитя мое, Мария, разве ты меня не узнаешь? Не я ли воспитал тебя? Что с тобой случилось, дитя мое? Кто тебя загубил? Где ангельский твой образ, который имела ты, дитя мое? Где твое воздержание и слезный плач твой? Где твое постоянное бдение и молитвенное возлежание на земле? Ты как будто спустилась с небесной высоты в ров, дитя мое! Когда ты согрешила, зачем ты мне не рассказала, чтобы я принял на себя подвиг покаяния с возлюбленным моим Ефремом? Зачем ты это соделала и зачем меня оскорбила и

ввергла меня в столь ужасную печаль? Кто без греха, кроме Бога одного?

Слушая это, Мария была в его руках как бы бездушным камнем, боясь и стыдясь вместе с тем. А блаженный продолжал:

— Ты не отвечаешь, дитя мое, Мария? Мне ли, жизнь моя, ты не отвечаешь? Не ради ли тебя я пришел сюда? Я за тебя буду отвечать Богу в день суда. Я на себя возьму покаяние за твои грехи.

Так он до полночи умолял и наставлял ее, плача. Она же, немного успокоившись, со слезами сказала ему:

— Мне совестно, и я не могу смотреть на тебя, — и как могу я молиться Богу, когда осквернена нечистыми делами?

Он на это сказал ей:

— Дитя, твой грех да будет на мне, пусть Бог взыщет твой грех от моих рук, только ты меня послушай, поди, и затворись снова в своей келии. За тебя молит Бога и Ефрем. Дитя мое, пощади старость мою, умоляю тебя, жизнь моя, пойдем со мной.

— Если ты уверен, — отвечала она, — что я имею возможность покаяться и что Бог примет мою молитву, то я пойду и припаду к твоему преподобию и облобызаю ступни святых твоих ног, за то, что ты так милосердовал о мне, и пришел сюда с целью отвести меня от нечистой этой жизни.

И, положив свою голову на его ноги, она всю ночь плакала и говорила:

— Что воздам тебе за все это?

С наступлением утра он сказал ей:

— Дитя, встань и удались.

— Я имею здесь немного золота и одежд, — сказала Мария, — как ты распорядишься всем этим?

— Оставь все здесь, — сказал блаженный, — потому что это часть диавольская.

И, немедленно встав, они удалились. Посадив Марию на коня, Аврамий повел его, а сам шел перед ней. Он шел радуясь; как пастырь, когда найдет заблудшую овцу и с радостью возьмет ее на плечо свое (см.: Лк. 15, 4–5), так и блаженный шел с радостью на сердце. Когда пришел он на свое место, там вновь затворил Марию во внутренней келии, где прежде сам подвизался, а сам остался в келии внешней. Мария, во власяном вретище, с кротостью призы-

вая Бога на помощь, каялась с великим усердием. Покаяние ее и молитва были таковы, что наше покаяние и наша молитва, в сравнении с ними, являются как бы тенью и не значат ничего. И милосердый Бог, не хотящий никому погибнуть, но — всем прийти в покаяние, помиловал Свою истинно покаявшуюся рабу и простил ей ее грехи. В знак же прощения ее Он даровал ей благодать исцелять болезни приходящих. Блаженный Аврамий прожил еще десять лет; видя великое раскаяние Марии, ее слезы, посты, труды и прилежные молитвы к Богу, он утешался и славил Бога. После этого он скончался о Господе. Он умер семидесяти лет от роду[1]. Едва ли не весь город собрался в час его преставления, и к честно́му телу его каждый приближался с усердием, а болящие получали исцеление. Христова же агница Мария, после преставления дяди своего, прожила в большом воздержании, день и ночь умоляя Бога, еще пять лет; живущие там, проходя мимо ночью, много раз слышали плач и безмерное рыдание и, останавливаясь, удивлялись и прославляли Бога. Таким образом, истинно покаявшись и благоугодив Богу, блаженная Мария с миром преставилась, и ныне, после умиленного плача, радостно веселится со святыми о Господе, Ему же слава вовеки. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМИЯ РОСТОВСКОГО

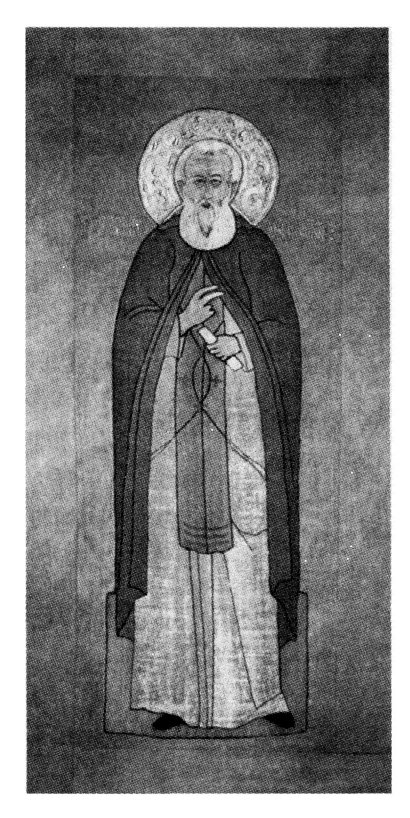
Преподобный отец Аврамий был сын благочестивых родителей[2]. С молодых лет он оставил родительский дом и мирскую суету, принял иночество и посвятил себя Богу[3]. Покорив плоть духу, он из-

---

[1] Это было около 360 года.

[2] Жизнь преподобного Аврамия Ростовского излагается здесь по древнейшему житию, которое с сокращениями пересказано в Прологе и с некоторыми позднейшими добавлениями в Великих Минеях-Четьих митрополита Макария. Древнее житие преподобного Аврамия впоследствии дважды дополнялось главным образом в начальной части, где рассказывается о жизни Аврамия до пришествия его в Ростов.

[3] В первичном дополнении сообщается, что Аврамий родился в пределах Галицких, в городе Чухломе (ныне Костромской губернии), отправился в новгород-



нурял себя подвигами, очищал душу свою слезами и сподобился благодати чудотворения.

В его время в Ростове[1] не все еще приняли святое крещение и многие оставались язычниками: чудский конец города поклонялся каменному идолу Велесу[2]. Обитавший в идоле нечистый дух наводил страх на всех, и христиане боялись проходить вблизи идола. Преподобный Аврамий пылал ревностью искоренить в Ростове остатки язычества. Он молил Господа Бога о даровании ему силы и благодати Святого Духа сокрушить идола, но молитва его долго не была услышана.

Однажды преподобный Аврамий, в скорби и недоумении, сидел вблизи идола. И вот он видит идущего к нему благолепного старца. Аврамий встает и спешит к нему навстречу. После взаимного приветствия и благословения преподобный спрашивает:

ские пределы для ознакомления с иноческим подвижничеством в тамошних обителях и принял пострижение в Валаамском монастыре на Ладожском озере. Во вторичном дополнении говорится, что родители Аврамия, в Чухломе, были еще язычники. Аврамий назывался сначала Иверик и до семнадцати лет лежал на одре болезни в расслаблении и не мог ходить. Новгородские захожие купцы сообщили ему первые начатки христианского учения. Иверик после глубокого размышления уверовал во Христа, внезапно получил исцеление от болезни, отправился в Новгородские пределы и на Валааме принял крещение с именем Аверкия, а потом и пострижение в иноки с именем Аврамия.

[1] Здесь разумеется древний Ростов, называвшийся Ростовом Великим; теперь это уездный город Ярославской губернии на шоссе и при железной дороге из Ярославля в Москву; Ростов стоит при озере, которое называется Ростовское, или Неро.

[2] Под *Чудским концом* нужно разуметь часть города по левую сторону дороги из Ярославля. Языческий бог древних русских славян Велес иначе называется Волосом, который, по летописям, считался покровителем скота.

— Откуда идешь, отче, из какой ты страны?

— Я из Царьграда, отче, родом; в земле вашей пришелец и странник. Скажи мне, отче, почему ты сидишь в печали близ этого идола Велеса?

— Я молю Господа Бога о том, чтобы мне дана была сила сокрушить идола, — отвечал Аврамий, — но Господь презрел мои молитвы, и вот я сижу в печали.

— Если хочешь, отче, получить желаемое, — сказал Аврамию старец, — то иди в Царьград, разыщи дом Иоанна Богослова, войди в него, помолись образу святого Иоанна Богослова, — и не выйдешь тщетно, но получишь желаемое.

Преподобный Аврамий опечалился по причине далекого пути, но старец сказал: «Господь Бог сократит твой путь!»

Блаженный Аврамий, исполнившись Святого Духа, взял благословение у старца и отправился в путь, забыв о его дальности.

Когда преподобный Аврамий, выйдя за город, перешел реку Ишну[1], ему встретился неизвестный человек, видом своим внушавший страх; почти совсем без волос на голове, он был с большой круглой бородой, на лице его выражалось благоговение; он был прекрасен. В руке у него была трость.

Блаженный Аврамий поклонился ему.

Неизвестный сказал:

— Куда идешь, старец?

— Иду отыскивать дом Иоанна Богослова, — отвечал Аврамий.

Неизвестный сказал:

— Подойди, старец, возьми эту трость мою и возвратись назад, приступи к идолу Велесу, ударь его тростью во имя Иоанна Богослова, — и окаянный обратится в прах.

И с этими словами неизвестный стал невидим.

Блаженный Аврамий понял, что это был Иоанн Богослов.

Объятый страхом и радостью, Аврамий воротился назад, беспрепятственно подошел к идолу, ударил его тростью во имя Иоанна Богослова, — и идол тотчас превратился в прах.

---

[1] *Река Ишна* пересекает дорогу из Ростова в Москву при своем впадении в озеро Неро близ самого города Ростова, в четырех верстах от того места, где стоял идол Велеса.

На том месте, где встретил Аврамий святого старца, он поставил церковь во имя Иоанна Богослова[1], а там, где стоял идол Велеса, преподобный, с благословения епископа, соорудил небольшую церковь в честь Богоявления Господня, поставил при ней кельи, собрал иноков и учредил общежитие[2].

Много зла потерпел преподобный Аврамий от неверовавших во Христа язычников. Однажды они хотели даже разорить и сжечь построенную им святыню, но Бог не попустил этого ради молитв и терпения преподобного.

Однако своим учением и терпением преподобный Аврамий в непродолжительное время всех неверующих привел ко Христу: крестились все от мала до велика и начали ходить на славословие Божие и на всенощное бдение, даже женщины и дети. Преподобный Аврамий укреплял сердца их в вере почитанием книжным и поучением духовным. Многие из детей оставляли дома родителей, тайно приходили к преподобному и принимали монашество. Так умножалась братия, которую преподобный поучал слову Божию.

Тогда преподобный Аврамий построил большую церковь, украсил ее, как невесту Христову, чудными иконами и святыми книгами и завел благолепное пение.

Князья Ростовские, относясь с великим уважением к отцу Аврамию, предоставили особые преимущества основанному им монастырю: давали много имения на монастырское строение и деревни на содержание иноков.

Видя возрастание и процветание монастыря, Ростовский епископ, посоветовавшись с князьями, возвел Аврамиев монастырь на

---

[1] С тех пор до настоящего времени вблизи реки Ишны существует храм во имя Иоанна Богослова. Существующая в настоящее время церковь — деревянная, представляющая собой редкую древность: она построена в 1687 году на средства Аврамиева Богоявленского монастыря, за которым село Богословское подтверждено было грамотой царя Феодора Иоанновича в 1587 году. По учреждению монастырских штатов в XVIII веке Богословская церковь стала самостоятельной приходской, но, по малочисленности прихода, еще в 1804 году приписана к соседней Юрьевской слободе, причтом которой и совершается в ней богослужение раз в месяц.

[2] Основанный преподобным Аврамием Богоявленский монастырь существует и в настоящее время на том же месте, в одной версте от Ростовского кремля, при въезде в Ростов от Ярославля, по левую сторону дороги.

степень архимандритии, а преподобного Аврамия поставил в архимандриты.

С того времени Аврамий стал еще усерднее подвизаться и прилагал труды к трудам, предаваясь посту и молитве; он был образцом для всех, отличаясь смирением, и показывал нелицемерную любовь ко всякому приходящему, равно к великому и малому.

Исконный ненавистник добра, диавол, не оставил преподобного в покое, вооружился на него и творил ему огорчения и днем и ночью. Но огражденный Христовой благодатью и крестным знамением, Аврамий не страшился.

Однажды, когда преподобный Аврамий в своей келье перед литургией, прочитав обычные молитвы ко святому причащению, хотел умыть руки перед отходом в церковь, диавол вошел в умывальницу, желая причинить преподобному неприятность. Уразумев присутствие нечистого духа в сосуде, преподобный взял честны́й крест, положил поверх сосуда, оградил сосуд крестным знамением и так оставил, долгое время не касаясь его. Бес, палимый крестной силой, мучился и не мог выйти из сосуда.

У Ростовских князей тогда был обычай ездить за город на охоту и на обратном пути заходить в монастырь, чтобы помолиться в церкви и получить благословение от преподобного Аврамия. Так случилось и теперь. По обыкновению, князья зашли в келью преподобного, но его там не случилось, ибо у него был обычай ежедневно трудиться на братию: то он колол дрова для монастырской пекарни, то мыл власяницы на братию, то носил воду в поварню. Услышав о приходе князей, он поспешил в келью, чтобы благословить их.

Между тем князья, находясь в келье в ожидании преподобного, заметили сосуд, покрытый честным Крестом, и недоумевали, чтобы это могло значить. Один из князей дерзнул снять с сосуда крест, чтобы благословиться им, — и бес тотчас вышел из сосуда, как дым черный и злосмрадный, так что устрашил всех присутствовавших.

Когда преподобный приближался к келье, нечистый дух встретил его при входе и стал поносить Аврамия и грозить ему:

— Как ты принудил меня силой невидимого Бога мучиться и сожигаться силой крестной, так и я сотворю тебе пакость, в скором

времени одолею тебя: возведу на тебя клевету, предам тебя мукам и позору: ты будешь посажен на пегой ослице без седла и обут в женские красные башмаки. И многое другое потерпишь ты, как и я потерпел от тебя.

Преподобный оградился крестным знамением, и бес тотчас же исчез.

Когда Аврамий вошел в келью, князья стали спрашивать о происшедшем, о злосмрадном дыме, вышедшем из накрытого крестом сосуда, но преподобный ничего не сказал об этом, а только благословил князей с душеполезным наставлением и отпустил с миром.

Спустя некоторое время, желая отомстить преподобному, бес принял образ некоего воина, явился к великому князю во Владимир и стал возводить на Аврамия тяжкие обвинения.

— Государь, я хочу поведать тебе великую тайну, — говорил бес, — есть в твоей державе, в городе Ростове, некий монах Аврамий, волхв, который, однако, с виду кажется смиренным и святым и прельщает людей. Он нашел в земле великое хранилище, медный сосуд, наполненный золотом, который по праву должен принадлежать твоей державе. Золотых сосудов, найденных в этом хранилище, золотых поясов и цепей невозможно оценить и невозможно исчислить серебра и иных драгоценностей. На эти сокровища он построил великую церковь, а тебе не поведал.

Великий князь воспылал гневом на преподобного и послал за ним одного лютого воина, приказав взять Аврамия, не говоря ему ни слова, и привести в таком виде, в каком найдет его.

Все это произошло по внушению злого духа.

Когда посланный князем воин явился, преподобный, после соборной молитвы, стоял на молитве келейной в одной власянице и без обуви. Воин без всякой милости, не дав преподобному ни слова вымолвить, ни одеться, ни обуться, взял его с собой на коня и погнал к городу Владимиру.

На другой стороне Ростовского озера попался им человек, пахавший на пегой ослице и державший в руке красные женские башмаки. Воин посадил преподобного на ослицу, обул его в женские башмаки и быстро доставил его в таком позорном виде к великому князю.

Великий князь приказал поставить пред собой и воина-обвинителя.

Мнимый воин повторил те же слова против преподобного относительно хранилища драгоценностей, что и прежде.

Преподобный, услышав это, воздел руки к небу и запретил духу лукавому, говоря:

— Повелеваю тебе именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты, такими словами оклеветавший меня?

Бес затрепетал и сказал:

— Я бес, искони ненавидящий добро в человеческом роде, особенно же в иноках, боящихся Бога. Видишь, старец, что я прежде сказал тебе, то и сделал — за то, что ты меня мучил в убогом твоем сосуде.

Сказав это, бес мгновенно исчез.

Великий князь, видя диавольскую прелесть и поругание стоявшего пред ним преподобного, объят был великим страхом, равно и все окружавшие князя. И начал князь молить преподобного о прощении и говорил со слезами:

— Отче, я виновник твоего невольного прихода, я жестоко оскорбил тебя. Прости мне, отче, все то, чем я тебя прогневал. Враг, отче, помрачил мое сердце и возбудил во мне ярость против тебя и поверг меня во грех.

Старец сказал:

— Господь простит тебя, государь, ибо это дело древнего врага диавола, а потому, государь, не дивись этому: искони враждуя против людей, он особенно привык причинять препятствия боящимся Бога.

Князь, видя смирение преподобного и тихие и кроткие слова его, как будто старец не испытал никакого зла, еще более принялся ублажать его и воздал ему великую честь.

На устроение монастыря князь пожаловал много домов, сел и рабов, сделал Аврамиев монастырь своим монастырем и поставил его выше всех прочих монастырей Ростовских и все это утвердил жалованными грамотами.

После всего этого князь отпустил преподобного с великой честью.

Преподобный Аврамий жил в своем монастыре в великом смирении, прилагая труды к трудам, и с миром отошел ко Господу, Которого измлада возлюбил[1].

ПАМЯТЬ
преподобной АННЫ,
переименовавшейся ЕВФИМИАНОМ

Блаженная Анна родилась в Византии; отец ее был диаконом Влахернской церкви Пресвятой Богородицы[2]. Рано лишившись своего отца, Анна осталась юной сиротой на попечении бабки своей. Когда Анна достигла определенного возраста, бабка озаботилась отдать ее замуж, хотя девица и не желала этого. Будучи замужем, благочестивая жена ходила к дяде своему, подвизавшемуся на Олимпе[3]. Этому подвижнику, по велению Льва Иконоборца[4], был урезан язык, и, несмотря на это, он свободно и без запинки мог говорить. Увидев Анну, он пожалел, что юная раба Божия отдана в супружество.

---

[1] Преподобный Аврамий погребен был в основанном им монастыре. Святые мощи его в настоящее время почивают открыто в серебряной раке в приделе его имени при главном монастырском каменном храме во имя Богоявления Господня, построенном по повелению и на средства царя Ивана Васильевича Грозного и освященном в его присутствии 2 октября 1553 года. Царь Иван Васильевич не раз бывал в Ростове и поклонялся тамошним святыням. В одно из посещений Аврамиева монастыря, еще до взятия Казани, он взял хранившийся при гробнице Аврамия жезл, которым преподобный сокрушил идола. Медный крест, служивший рукоятью жезла, до сих пор хранится в отдельном киоте в арке при входе в придел преподобного Аврамия.

[2] *Влахерны* — местность в Константинополе на западном углу города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями.

[3] *Олимп* — гора в Малой Азии, в окрестностях которой находились славные в то время монастыри, в которых подвизались великие подвижники, например Иоанникий Великий и так далее.

[4] Имеется в виду Византийский император Лев IV Хозар, царствовавший с 775 по 780 год.

— Зачем сопрягли с мужем назначенную к Божественным подвигам и трудам? — спросил он и затем, благословив святую, отошел.

Анна же возвратилась в Византию.

По прошествии многих лет беззаконный царь Лев скончался, и на царский престол вступили благочестивые Константин и Ирина[1]. Они пожелали видеть вышеупомянутого подвижника с Олимпа, чтобы получить от него назидание и выслушать советы его[2]. Во время своего пребывания в Византии подвижник снова увиделся со своей племянницей, блаженной Анной, и сказал ей:

— Мужайся и крепись, чадо, ибо много скорбей перенесешь ты; знай и то, что скоро умрет муж твой, но уже после того, как у тебя родился дитя.

Предсказание святого мужа исполнилось: у Анны родился отрок, и, когда он был еще очень юным, муж ее захворал. Блаженная Анна в это время готовилась сделаться матерью другого младенца. И вот, по прошествии шестого месяца от зачатия, умер муж ее. Оплакав мужа и похоронив его, Анна отдала сына своего, рожденного до его смерти, на попечение одному родственнику; сама же предалась великим подвигам, молясь то в том, то в другом храме. Проводя такую жизнь, она родила другого младенца. В это время блаженная Анна снова виделась с олимпским подвижником, который пришел тогда с Олимпа в Византию. Анна поверглась пред ним на землю и, обнимая ноги его, просила благословения. Благословив ее, старец сказал:

— Где твой отрок, жено?

Анна ответила:

— Тот отрок, о котором ты предсказал мне, пребывает у твоего брата и моего благодетеля, а вот у меня другой отрок.

Сказав это, блаженная Анна стала стенать и жаловаться на тяжесть своей жизни.

— Помолись, честно́й отец, о детях моих, — говорила она с горьким плачем.

---

[1] *Константин VI Порфирородный* — Римский император с 780 по 797 год. *Царица Ирина* — мать его и супруга императора Льва VI, ревностная защитница иконопочитания, в продолжение десяти лет управляла государством вместо малолетнего тогда сына и после него царствовала по 802 год.

[2] Это было во время совещаний Вселенского собора 787 года об иконах. Подвижник и был призван, несомненно, на соборные совещания.

На это старец сказал ей:

— Не говорил ли я тебе, что много скорбей предстоит перенести праведникам? Надобно мужаться и терпеть; ибо если мы не претерпим этих скорбей, то не получим оправдания — это справедливо и угодно Богу. Детям же твоим не нужна моя молитва, так как Господь наш и Владыка возьмет их к Себе.

Тогда Анна, возблагодарив Бога, припала к ногам старца и отошла от него успокоенной. Вскоре предсказание исполнилось, ибо дети Анны отошли ко Господу. Раздав все имение свое нищим, блаженная Анна стала обходить все церкви и святыни Константинополя, усердно предаваясь молитвам. Потом встретив доброго инока-старца, который так же, как и упоминаемый выше прозорливец, подвизался на Олимпе, она в одном сокровенно месте приняла от него монашеский постриг и облеклась в монашеские мужские одежды[1], отложив свои женские. В таких одеждах, утаив свой женский пол, Анна пришла на Олимп. Достигнув одной киновии[2], она остановилась пред вратами обители и стала умолять вратаря, чтобы тот пустил ее до настоятеля. По обычаю вратарь оповестил о ней настоятеля, который и призвал пришедшую к себе. Припав к ногам его, святая Анна молила его, чтобы он принял ее в число братии. Преподав ей обычное благословение, этот божественный муж поднял ее и спросил:

— Что означает твое пришествие к нам и как твое имя?

На это Анна ответила:

— Пришел я к честнóй обители твоей ради множества прегрешений моих, чтобы провести оставшееся время жизни моей в чистоте и получить себе помилование от Господа в день судный. Имя же мое Евфимиан, я был евнухом при дворе царском.

И сказал святой старец:

---

[1] Этот поступок Анны объясняется обстоятельствами того времени. Император Константин Копроним (с 741 по 775) навел ужас лютостями против инокинь. Благочестивая Ирина старалась успокоить Церковь, но тогда мало надеялись на покой в будущем; отчего и возникали предосторожности, напоминающие собой поступок Анны.

[2] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) — называются общежительные монастыри, в которых братия не только стол, но и одежду и тому подобное получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и его плоды предоставляют обязательно на общую потребу монастыря.

— Если ты действительно имеешь такое помышление в сердце своем и желаешь спасение душе твоей, как ты говоришь, то бегай дерзновения и страстей, ибо природа евнухов склонна к страстным помыслам.

Сказав это, старец сотворил обычную молитву и сопричислил блаженную к братии. Будучи принята в число братии, святая Анна стала усердно упражняться во всяких добродетелях и особенно в смирении, являя собой высокий образец для всех подвизавшихся в киновии иноков.

Между тем, бывший служитель Анны, которому было поручено окончательное устройство ее домашних дел, по окончании их отправился отыскивать госпожу свою. Обретя инока, постригшего блаженную, он стал вопрошать его:

— Не знаешь ли, где госпожа моя, которая, оставив все земное, взыскала небесное?

Тот ответствовал:

— Что мне известно о ней, чадо, от того не буду отрекаться, ибо от меня она приняла пострижение и мной облечена в иноческий мужской образ; но где она теперь, того не могу знать наверное. Впрочем, я слышал, что она принята в число братии одного из Олимпских монастырей. Итак, пойдем вместе в тот монастырь и расспросим там о госпоже твоей.

Придя к упомянутой выше киновии, они стали расспрашивать вратаря и, разузнав от него относительно искомой, просили вызвать ее к ним. Когда святая вышла, инок сказал ей, указывая на слугу.

— Вот верный твой слуга, который много пострадал, отыскивая тебя.

Потом они стали молить ее, чтобы святая поселилась вместе с ними в Олимпской лавре[1]. Блаженная Анна склонилась на их

[1] *Лавра* — с греческого, часть города, переулок — собственно ряд келий, расположенных вокруг жилища настоятеля в виде переулков в городе, обнесенный оградой или стеной. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келии, собираясь вместе для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни сохраняя строгое безмолвие; жизнь в лаврах была много труднее, чем в других обителях. С глубокой древности название лавры применяется к многолюдным и важным по своему значению монастырям. Впервые появилось оно в Египте и затем в Палестине. В настоящее время имя лавры употребляется у нас исключительно в смысле почетного названия.

просьбы и, придя к настоятелю, приняла от него и от братии благословение и вышла оттуда. Придя вместе с иноком тем и слугой своим в Олимпскую лавру, Анна поселилась в ней и пребывала там долгое время, неустанно трудясь и подвизаясь.

Бог прославил святую подвижницу даром чудотворения. Слух о ее чудесах достиг отдаленных стран, и толпы народа приходили к иноку Евфимиану, так что обитель на могла вмещать всех приходящих. Тогда настоятель лавры известил о делах Евфимиана святейшего Тарасия[1], патриарха Константинопольского, поведав ему, что обитель по тесноте своей не может вместить всех желающих видеть подвижника. Патриарх вызвал святую Анну в столицу для бесед, а потом дал инокам лавры более просторное место, с повелением построить на ней пространную и большую лавру. Когда новая лавра была построена, блаженная Анна поселилась в ней для дальнейших подвигов на спасение многих. И распространялась слава о ней все дальше и дальше. Но и в славе своей блаженная жена не избежала скорбей. Ее ожидали новые напасти по вине одного лжеинока, оказавшегося на деле разбойником и приобщившегося злорадному клеветнику — диаволу. Совершив насилие над одной девицей, он разгласил, что этот грех сотворен Евфимианом. Но Анна не оскорбилась этим и ни во что это вменила, считая то, что на нее клеветали, за благодеяние себе. Однако за нее вступилась одна боголюбивая женщина.

Услышав мерзкую клевету бесстыдного, она сказала:

— Смотри, брат, не оказался бы евнух, опорочиваемый тобой, святой девственницей, и не пострадать бы тебе за грехи твои, ибо ты достоин огня гееннского, бесславя непорочную и будучи сам повинен в грехе.

Но нечестивый лжеинок и после того продолжал причинять святой Анне обиды и досаждения, пока, по воле Божией, не было обнаружено, что под видом инока Евфимиана подвизалась блаженная жена. Так была явлена лживость наговора нечестивого лжеинока. И уличенный в клевете и в преступном действии злодей был повешен. Святая же, не желая, чтобы тайна ее была известна многим, бежала оттуда с двумя иноками в одну пустыню. Найдя здесь заброшенную церковь и при ней источник с вертоградом, она поселилась

[1] Святой Тарасий был патриархом Константинопольским с 784 по 806 год.

там, а с ней вместе поселились и два инока из Олимпской лавры, сопровождавшие ее, из которых один назывался Евстафием, а другой — Неофитом. Оттуда блаженная Анна перешла в страны Исигматские[1], где она и подвизалась, подавая всем исцеление и творя чудеса, пока не была призвана Богом в небесные обители. Таким образом, свято пожив, она отошла к Богу[2], Коего измлада возлюбила.

В тот же день **память святых мучеников Клавдия, Астерия Неона и мученицы Феониллы**, при Диоклетиане пострадавших в 285 году, 23 августа, в Эгах Киликийских. О них повествуется в житии святого священномученика Зиновия и мученицы Зиновии (30 октября).

---

[1] *Местность Исигматская* находилась в Константинополе близ одного портика, недалеко от пристани Иулианской, имевшего форму греческой буквы сигмы (Σ), отчего и произошло название Исигматский.

[2] Кончина святой Анны последовала в 826 году.

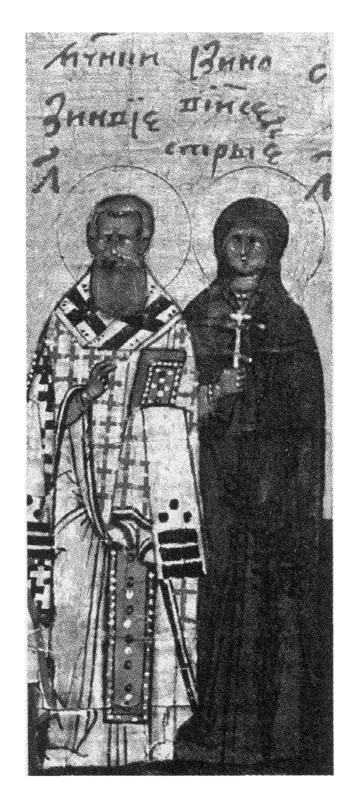
Д е н ь т р и д ц а т ы й

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЗИНОВИЯ,
епископа Эгейского, и сестры его
ЗИНОВИИ

Святые мученики — Зиновий и его родная сестра Зиновия — родились в городе Эгах, в стране Киликийской[1] от благочестивых родителей. Здесь же они были воспитаны в страхе Божием и благочестии. Еще во время их детства родители их предали Господу свои души, оставив детям большое имение. Несмотря на свою юность, Зиновий и Зиновия были умудрены разумом и тверды в добродетели; убедившись в суете мира этого, они решили оставить все и последовать Христу. Зиновия передала брату свою часть имения, доставшегося ей от родителей, чтобы он раздал ее нищим, а сама жила в добровольной нищете, безмолвствуя и соблюдая девство свое в непорочности для небесного Жениха. Зиновий, взяв обе части имения, и свою и своей сестры, стал раздавать его нищим и вскоре истратил все, так что сам стал словно один из нищих. Но Бог, заботящийся о сиротах и не оставляющий уповающих на Него, обогатил святых брата и сестру небесными Своими благами за розданное нищим богатство: Его могущественная десница защищала Зиновию во все время ее жизни от всех бед и отгоняла от нее бесов-

---

[1] *Эги* — город в Киликии (юго-восточной области Малой Азии), военный морской пункт во времена римского владычества.



ские наваждения; Зиновий же получил от Господа дар исцелять недуги прикосновением своих рук. Так, те руки, которые щедро раздавали милостыню нищим, Бог ущедрил силой чудотворения. Каким бы человек ни был одержим недугом, какой бы болезнью он ни страдал, он получал исцеление, лишь только касался его своей рукой святой Зиновий. Великую милостыню подавал этот угодник Божий в течение всей своей жизни, то раздавая убогим имение, то ниспосылая, по Божией благодати, исцеления болящим; множество нечистых духов он отгонял от людей, утешал находившихся в печали, помогал бывшим в бедах. Сияя добродетелями и прославленный чудотворениями, он был избран на епископство в родном городе. Этот добрый пастырь ревностно пас Церковь Божию, постоянно помогал и благодетельствовал людям и исцелял недужных. Однажды к святому пришла из Антиохии некая женщина, у которой на груди была неисцелимая язва. Много средств истратила эта женщина на свое лечение, стараясь найти у врачей исцеление от своей болезни, но они не оказали ей никакой помощи, наоборот, ее лютый недуг все более и более усиливался, так что ей уже грозила смерть. Увидев ее, святой Зиновий сжалился над ней: он прикоснулся своей рукой к ее язве и ознаменовал пораженное место крестным знамением. Тотчас язва пропала, и женщина, ставшая после того совершенно здоровой, с великой радостью возвратилась к себе в Антиохию.

Другая женщина, не веровавшая во Христа, супруга одного начальника Индиса, страдала той же самой болезнью; но врачевством святого Зиновия и она избавилась от своего недуга. Пораженная совершившимся чудом, она сама со своим мужем и детьми обратилась ко Христу. Все они были просвещены святым крещением. Так эта жена получила здравие не только телесное, но и душевное.

Между тем нечестивый царь Диоклетиан воздвиг на христиан страшное гонение. Тогда и в Киликийскую страну прибыл князь Лисий, чтобы предавать мукам всех исповедавших имя Христово. Прежде всех пострадали в Эгах трое христианских юношей: Клавдий, Астерий и Неон. Схватив их, Лисий подверг различным мучениям и, наконец, пригвоздил за городом на крест. Услышав о святом Зиновии, он послал своих воинов, чтобы они схватили его. Когда подвижника привели к Лисию, князь сказал ему:

— Не хочу я входить с тобой в долгую беседу, ибо знаю, что вы, христиане, любите многословие: я буду говорить с тобой кратко: предлагаю тебе жизнь или смерть, жизнь — если поклонишься нашим богам, смерть — если не поклонишься. Выбирай сам, что хочешь: или принеси жертву — тогда останешься в живых, да еще и честь получишь от нас, или можешь оставаться при своем заблуждении, но только потерпишь тогда страшные муки и погибнешь ужасной смертью.

Святой Зиновий, нисколько не устрашенный словами князя, с твердостью отвечал:

— Эта временная жизнь без Христа не есть жизнь, но смерть; нет, я лучше предпочитаю претерпеть временные мучения за моего Создателя, а потом с Ним вечно жить, нежели отказаться от Него ради этой временной жизни и потом вечно мучиться в аду.

Услышав эти слова, нечестивый князь приказал обнажить святого, повесить его на кресте и немилосердно бить.

— Посмотрим, — говорил он, — придет ли Христос спасти его!

Блаженная Зиновия, узнав, что брат ее, святой Зиновий, страдает за Христа, быстро отправилась на то место, где мучили святого. Увидев, что брат ее, окровавленный и покрытый ранами, висит на кресте, она воспылала духом и, став пред мучителем, сказала ему:

— Я — христианка, как и брат мой; я исповедую того же Единого Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому повели и меня также мучить, как мучишь ты моего любимого брата. Я хочу выпить ту же чашу страданий и венчаться тем же венцом.

Мучитель удивился такому мужеству и решимости святой Зиновии и сказал:

— Не старайся, женщина, погубить себя, не напрашивайся ты на такое позорное мучение, где ты будешь терпеть стыд и переносить страдания. Ведь ты будешь испытывать великий стыд, когда тебя заставят обнажиться; тяжкие страдания тебе придется испытать, когда тебя подвергнут мучениям. Поэтому я даю тебе такой совет: принеси жертву богам, тогда и избавишься от всех зол.

На это святая отвечала:

— Гораздо более может устыдить меня нагота душевная, чем телесная; несравненно тяжелее муки вечные, чем временные; пренебрегаю я тем, что меня обнажат, ибо я облеклась во Христа; не боюсь я рук мучителей, ибо я сораспялась Христу. Делай, мучитель, что хочешь; ничем ты не можешь заставить меня отречься от Господа моего Христа.

Тогда Лисий велел обнажить ее и бить, как били брата ее, святого Зиновия. Не довольствуясь этим, мучитель приказал приготовить раскаленный железный одр, положить на нем обоих святых и развести под ними огонь.

— Пусть, — говорил он, — явится сюда Христос и поможет вам.

Святые же отвечали:

— Христос наш с нами, ты не можешь видеть Его; Он орошает нас с неба росой своей благодати, так что мы не ощущаем этих мук.

Потом святые были брошены в кипящий котел, но и там не испытали никакого вреда: они стояли, как бы в прохладной воде, воспевая псалом Давидов: *Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас* (Пс. 43, 8). Видя это, мучитель приказал вывести их за город и там усечь им главы. С неизреченной радостью святые шли на смерть; достигнув места казни, он стал молиться так:

— Благодарим Тебя, Господи Боже наш, за то, что дал Ты нам подвигом добрым подвизаться, течение скончать, веру соблюсти (см.: 1 Тим. 4, 7). Сделай нас причастниками Твоей славы, сопричти нас к лику святых, благоугодивших Тебе. Благословен Ты вовеки.

Когда святые окончили свою молитву, с неба раздался глас, обещавший им венцы и призывавший их в вечный покой. Между тем приблизились воины и усекли им главы. После таких мучений они

оставили землю и переселились на небеса[1]. Святые телеса их целый день лежали на земле без погребения; когда же наступила ночь, пресвитер Гермоген тайно взял их и положил в одном гробе. Так эти святые славят теперь непрестанно Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, величаемого всей тварью, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕВТРОПИИ

Святая Евтропия была обвинена пред игемоном Апеллианом в том, что она посещает и укрепляет в вере христиан, заключенных в темницах. За то она была повешена, и тело ее жгли свечами, но она переносила мучение так, как будто то был не пламень, а вода. И всем окружавшим ее, в том числе и мучившим ее воинам, ясно виден был страшный муж, который остужал огонь и низводил росу на святую мученицу. Среди таких истязаний она предала дух свой Господу[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
ТЕРТИЯ, МАРКА, ИУСТА и АРТЕМЫ

Святой Тертий писал послание апостола Павла к Римлянам, в котором так говорит о себе: *приветствую вас в Господе и я, Тертий, писавший это послание* (Рим. 16, 22). Он был вторым, после Сосипатра[3], епископом в Иконии, где претерпел мученическую смерть.

---

[1] Святая кончина их последовала 30 октября 285 года.

[2] Скончалась в Александрии около 260 года.

[3] Память его — 10 ноября и 4 января.

Святой Марк, племянник апостола Варнавы[1], был епископом в Аполлониаде[2], о котором святой апостол Павел вспоминает в послании к Колоссянам: *приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною, и Марк, племянник Варнавы (о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его)* (Кол. 4, 10).

Святой Иуст был епископом в Елевферополе, святой Артема — в Листрах[3]. О последнем воспоминает святой апостол Павел в послании к Титу: *Когда пришлю к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне* (Тит. 3, 12).

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **МАРКИАНА**, епископа Сиракузского

Святой епископ Маркиан, ученик святого апостола Петра, прибыв из Антиохии в Сиракузы, город на острове Сицилии[4], молитвой разрушал идольские капища и многих людей привел ко Христу и соделал сынами света, совершая многие чудеса. Убит он был за Христа иудеями[5].

---

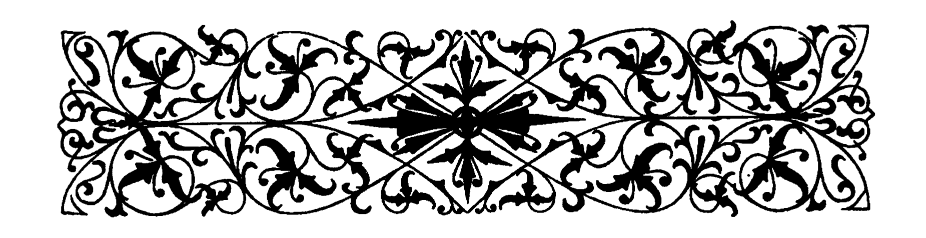
[1] Память его — 11 июня.

[2] Такое название имели в древности несколько городов: город в Сицилии, в Иллирии, жители которого назывались аполлониаты, во Фракии, на Халкидоне и другие.

[3] *Листры* — один из городов Ликаонии; здесь апостол Павел исцелил хромого, и язычники, видев это чудо, признали его и Варнаву за богов.

[4] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, около Апеннинского полуострова; Сиракузы — одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова, основанная, по преданию, коринфянами около 746 года до Рождества Христова, впоследствии самый большой и богатый город острова.

[5] Святой Маркиан, прибыв на остров Сицилию, поселился в пещере около города Сиракуз и успешно распространял веру Христову. Мощи его почивают ныне в Гаэте (гавань и крепость в Италии).



День тридцать первый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ЕПИМАХА

Святой мученик Епимах, сын благочестивых христиан, происходил из Египта; с самой ранней юности он возлюбил Бога от всей души и возымел доброе намерение послужить Ему Единому. Подражая святому Иоанну Крестителю, он отправился в пустыню и долгое время пребывал на Пелусийской горе[1].

Он не имел какого-либо руководителя из святых отцов, но наставником ему в этом суровом пустынном житии был Сам Дух Святой; любовь к Богу поддерживала и укрепляла его в этом трудном подвиге. Ибо любовь к Богу всего более может научить человека добродетели; она побудила святых апостолов оставить все и идти вслед за Господом, Который не имел земных богатств; она же воодушевила преподобных отцов, которые *скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11, 38); движимые этой любовью мученики и мученицы мужественно страдали за Христа, взывая: «Тебя, Жених мой, люблю и, Тебя ища, стражду». Эта любовь научила и святого Епимаха переносить пустынные подвиги и труды, претерпевать всякие напасти от невидимых врагов, жить свято в Боге, быть готовым на смерть за Него. Прожив в своем пустынном уединении уже много лет, святой Епимах узнал, что христиане в Александрии претерпевают сильные притеснения, причем одни из последователей Христа, боясь лютых мук, скрываются в горах и пустынях, другие же отпадают от веры. Распаляемый рев-

---

[1] В Нижнем Египте, недалеко от реки Нил.

ностью о Боге, святой отшельник оставил свою пустыню и отправился в Александрию, желая своей кровью запечатлеть исповедание Христово, пострадать за Господа и укрепить таким образом слабых. Придя в Александрию, он увидел, каким жестоким мучениям подвергают нечестивые идолопоклонники верующих; с сердечной горестью он заметил, что злочестие бесовское сильно возросло и многие из христиан колебались; язычники даже осквернили храм Господень. При виде этого святой смело вошел в идольское капище. Там, по случаю языческого праздника тогда было много народа. Блаженный Епимах, в присутствии всех, смело поверг на землю идолов и сокрушил их. Язычники тотчас же схватили его и отвели к игемону Апеллиану. Увидев, что игемон сидит на судилище и обрекает христиан на мучения, святой мужественно устремился на него, чтобы поразить безбожника, и Апеллиан не избег бы руки святого Епимаха, если бы стоявшие вокруг не удержали святого: такую ревность о Господе Боге проявил подвижник. Игемон удивился такой дерзости человека, бедно одетого в рубище. Он повелел отвести его в темницу и держать там, пока не решит, какому мучению предать его.

В темнице тогда находилось множество верных, заключенных за исповедание великого имени Христова; всех их укреплял Епимах на мученический подвиг; его увещание ободрило и одушеви-

ло верующих, так что ни один из них не устрашился, не отпал от веры, но все с радостью пролили кровь свою за истинного Бога и все они после различных жестоких мук предали Господу свои души. Наконец и святого Епимаха предали лютым мукам за то, что он не только верует во Христа, нарушает их праздник, но даже поднял руку на самого игемона, намереваясь убить его. Сначала святого повесили и стали строгать железными ногтями, затем стали метать в него камнями, раздробляя кости его, а он в муках возглашал:

— Если Господь мой Иисус Христос ради меня был распят, прободен копием и напоен оцтом, то не должен ли и я быть причастником Его страданий? Я хочу, чтобы вы подвергли меня еще большим мучениям, чем эти: заушайте меня, плюйте на меня, возложите мне на голову терновый венец, дайте мне трость в руки, напойте желчию, все тело мое покройте язвами, распните меня на кресте и пронзите меня копьем. Что претерпел Господь мой, то и я хочу претерпеть.

Много народа стояло кругом и смотрело на мучения святого Епимаха. В толпе находилась тогда одна женщина, которая могла только видеть одним глазом, ибо на другом у ней было бельмо. Видя страдания святого, она плакала. В это время капля крови святого мученика брызнула и попала ей на больной глаз. Тотчас око ее исцелело, так что она могла им видеть, как другим. При таком чудном исцелении женщина вскричала:

— Велик Бог, Которого исповедует этот страдалец.

Затем мучители усекли главу Христова мученика. Так святой Епимах предал душу Господу, за Которого пострадал столь мужественно[1].

[1] Мученическая кончина святого была около 250 года.

Свв. апп. Стахий, Амплий, Урван

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

СТАХИЯ, АМПЛИЯ, УРВАНА, НАРКИССА, АПЕЛЛИЯ и АРИСТОВУЛА

Святой Стахий был поставлен епископом в Византии святым апостолом Андреем; вместе с ним святой Стахий воздвиг в Аргирополе[1] церковь; собрав здесь много верных, он поучал их заповедям Христовым. Так трудился он целых шестнадцать лет и после таких подвигов предал Господу свою душу. Тот же апостол Андрей рукоположил в сан епископа Амплия и Урвана: Амплия — в Диосполе[2], Урвана — в Македонии.

Они ревностно проповедовали учение Христово и сокрушили много идольских капищ; этим они вооружили против себя еллинов и иудеев.

---

[1] *Аргирополь*, ныне *Фундукли*, предместье Константинополя, близ Перы и Галаты.

[2] *Диосполь* находился в Палестине к северо-западу от Иерусалима.

Эти враги веры Христовой предали мучениям святых мучеников, которые удостоились получить неувядаемые венцы.

Наркисс, Апеллий и Аристовул также проповедовали Христово Евангелие: Наркисс — в Афинах, Апеллий — в Ираклии, Аристовул — в Британии; эти святые мужи после многих трудов и подвигов предали свои души Господу.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
СПИРИДОНА и НИКОДИМА

Всякая душа, озаренная свыше благодатью, бывает проста (см.: Притч. 11, 26), в ней нет ни лукавства, ни лести, она — сосуд и жилище Самого Бога. Поэтому и апостол говорит: *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27).

К числу таких избранных принадлежал и преподобный отец наш Спиридон. Этот блаженный происходил из некоторого селения, он не был научен книжной премудрости, не был силен в слове, но был велик своим разумом духовным и богоугодными делами. Имея в своем сердце страх Господень, начало всякой премудрости, он пришел в Печерский монастырь и стал вести здесь суровую иноческую жизнь. Не зная грамоты, он начал учиться книжному искусству, хотя уже не был юн летами. Все Боговдохновенные псалмы Давидовы он твердо изучил и знал на память. Святой подвижник с неослабевающей ревностью подвизался и заботился о спасении души своей; у него был благочестивый обычай: всякий день он воспевал Псалтирь Давидову и не переставал до тех пор, пока не кончал ее всю в тот же самый день. Бывший тогда игуменом Пимен постник, видя, что святой Спиридон отличается смирением и трудолюбием, постоянно пребывает в посте и молитве и во всем непорочен, возложил на него богоприятное послушание: печь хлеб, приносимый к Божественной литургии для тайны Тела Христова, то есть просфоры. Блаженный Спиридон, поселившись в пекарне, не оставил и прежних своих духовных подвигов, стал исполнять возложенное на него послушание со всяким благогове-

нием и страхом Божиим. Зная, что труд рук его предназначался для чистой и непорочной жертвы, приносимой иереем; он исполнял его, воссылая своими устами хваление Богу: рубил ли дрова, месил ли тесто, он всегда устами своими воспевал псалмы Давидовы, чтобы ежедневно, по своему обыкновению, окончить всю Псалтирь.

Однажды, исполняя свою обычную работу, этот блаженный подвижник затопил печь для печения просфор. Вдруг огонь вырвался из устья печи и охватил крышу того здания, где был святой. Блаженный Спиридон, взяв свою мантию, закрыл ею устье печи и, перетянув рукава своей власяницы, поспешил с ней к колодцу; наполнив ее водой, он быстро вернулся, созвал братию и просил, чтобы иноки помогли ему погасить пожар. Собравшись, братия увидела дивное явление: мантия, которой блаженный закрыл устье печи, была нетронута огнем и вода из власяницы не вытекала. Иноки быстро погасили принесенной водой горящее здание и радостно прославляли Бога. У этого блаженного Спиридона был один соучастник в трудах, некий брат, по имени Никодим; он во всем был единомыслен со святым Спиридоном. Подобно этому блаженному, святой Никодим также ревностно молился и делил с ним труды телесные.

Эти подвижники свято и благоугодно трудились в течение тридцати лет, чисто и непорочно исполняя свое послушание — печение просфор. Поэтому, преставившись в добром исповедании[1], они на-

[1] Их блаженная кончина последовала около половины XII века. Мощи их почивают в Антониевой пещере.

сыщаются славой Божией, которую зрят не в виде приносимого хлеба, но лицом к лицу; их святыми молитвами да насытимся достойно и мы хлеба жизненного — благодати и славы Иисуса Христа, Ему же с Богом Отцом и со Святым Духом подобает честь, слава и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

Имена святых	дни	стр.
Аверкий* равноапостольный.	22	476
Авраам* праведный	9	205
Аврамий* затворник	29	579
Аврамий* Ростовский	29	594
Агафодор* мученик	13	305
Агафоник* мученик	13	305
Александр мученик	22	488
Алексий святитель	5	120
Аммон* преподобный	4	94
Амплий* апостол	31	616
Анания* апостол	1	15
Анастасий мученик	25	540
Анастасия* великомученица	29	571
Андрей* преподобномученик	17	390
Андрей* юродивый	2	50
Андроник мученик	12	255
Андроник* преподобный	9	196
Анна (Евфимиан) преподобная	29	601
Анна мученица	22	488
Антонин святой	22	497
Апеллий* апостол	31	616
Арефа* мученик	24	508
Арефа* преподобный	24	533
Аристовул* апостол	31	616
Артема апостол	30	611
Артемий* мученик	20	431
Артемий* праведный	20	444
Астерий мученик	29	606
Афанасий преподобный	26	555
Афанасия* преподобная	9	196
Вакх мученик	7	153
Варсонофий* епископ	4	86
Вассиан преподобный	10	236
Вевея мученица	15	364
Вениамин мученик	13	320
Гаий мученик	4	105
Гаий мученик	21	474
Гервасий* мученик	14	322
Гликерия мученица	22	488
Гурий* архиепископ	4	86
Давикт* мученик	4	105
Дамиан* бессребреник	17	397
Дамиан* преподобный	5	113
Дасий мученик	21	474
Димитрий* великомученик	26	541
Дионисий* епископ	5	122
Дионисий святой	22	497
Дионисий* священномученик	3	72
Домника мученица	12	294
Домнин мученик	1	33
Еввентий мученик	9	225
Евлампий* мученик	10	226
Евлампия* мученица	10	226
Евсевий мученик	4	105
Евтропия мученица	30	611
Евфимий* преподобный	15	346
Елисавета мученица	22	488
Епимах* мученик	31	613
Еротиида мученица	27	562
Зинаида* мученица	11	242
Зиновий* священномученик	30	607

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

Имена святых	дни	стр.	Имена святых	дни	стр.
Зиновия* мученица	30	607	**Лука*** апостол	18	401
Зотик мученик	21	474	**Лукиан*** преподобномученик	15	358
Иаков Алфеев апостол	9	195	**Максимилиан** святой	22	497
Иаков* апостол	23	498	**Максим** мученик	9	225
Иаков* Боровицкий	23	504	**Мамелхфа*** мученица	5	118
Иамвлих святой	22	497	**Марин** мученик	18	413
Игнатий патриарх	23	507	**Мария** блаженная	29	579
Иеремия* преподобный	5	115	**Марк** апостол	30	611
Иерофей священномученик	4	93	**Маркиан** епископ	30	612
Иларион Меглинский	21	473	**Маркиан*** мученик	25	537
Иларион* преподобный	21	450	**Марк** мученик	27	562
Иоанн* епископ	15	366	**Мартин*** епископ	12	273
Иоанн* преподобный	3	82	**Мартиниан** святой	22	497
Иоанн* Рыльский	19	427	**Мартирий*** мученик	25	537
Иоанн святой	22	497	**Матфей*** преподобный	5	116
Иоиль* пророк	19	414	**Михаил** Зовийский	1	34
Иона святитель	5	120			
Ираклий мученик	22	488	**Назарий*** мученик	14	322
Исихий блаженный	3	84	**Наркисс*** апостол	31	616
Иулиан мученик	7	162	**Неонилла** мученица	28	569
Иулиан преподобный	18	410	**Нестор*** мученик	27	556
Иуст апостол	30	611	**Нестор*** преподобный	27	559
Иустина* мученица	2	35	**Никита*** преподобный	13	318
			Никодим* преподобный	31	617
Каллисфения мученица	4	105	**Никола*** преподобный	14	337
Капетолина мученица	27	562			
Карп* мученик	13	305	**Осия*** пророк	17	395
Кельсий* мученик	14	322			
Кесарий мученик	7	162	**Павел*** преподобный	4	98
Киприан* священномученик	2	35	**Павел*** Ростовский	22	489
Кириак священномученик	28	569	**Папила*** мученик	13	305
Клавдий мученик	29	606	**Параскева*** великомученица	28	563
Константин святой	22	497	**Параскева*** преподобная	14	331
Косма* бессребреник	17	397	**Пелагия*** преподобная	8	178
Косма* святой	12	271	**Пелагия** святая	8	194
Лазарь* праведный	17	399	**Петр** преподобномученик	4	107
Лонгин* мученик	16	383	**Петр** преподобный	9	223

Имена святых	дни	стр.
Петр святитель	5	120
Полихроний мученик	7	163
Поплия* святая	9	224
Пров* мученик	12	255
Протасий* мученик	14	322
Роман* преподобный	1	19
Савва* Вишерский	1	23
Савин святой	15	365
Садок священномученик	19	430
Сарвил мученик	15	364
Сергий* мученик	7	153
Сергий* Нуромский	7	164
Сильван священномученик	14	345
Спиридон* преподобный	31	617
Стахий* апостол	31	616
Таисия преподобная	8	191
Тарах мученик	12	255
Терентий* мученик	28	569
Тертий апостол	30	611
Уар* мученик	19	417
Урван* апостол	31	616
Фавст мученик	4	105
Феодор* Ростовский	22	489
Феодотия мученица	22	488
Феонилла мученица	29	606
Феотекн мученик	10	235
Феофан* преподобный	11	239
Феофил* преподобный	10	231
Филипп* апостол	11	237
Филипп святитель	5	120
Филонилла* мученица	11	242
Флорентий мученик	13	317
Фома* апостол	6	137
Харитина* мученица	5	108
Херимон мученик	4	105

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Покров* Пресвятой Богородицы . . . 1 5
Воспоминание* VI Вселенского собора . . . 11 245
Воспоминание чуда, бывшего от иконы Иисуса Христа . . . 11 243
Празднование в память мальтийских святынь . . . 12 294
Празднование святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу . . . 5 120
Повесть святого Дионисия о святом Карпе . . . 3 79

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

Подписано в печать 21.04.10. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 40 п. л. Усл. печ. л. 51,6.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1658.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru